

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

BYZANTINA CHRONIKA

Том 63 (88)

Ответственный редактор
академик Г. Г. ЛИТАВРИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА
МОСКВА 2004

Редакционная коллегия:

академик Г.Г. ЛИТАВРИН (отв. редактор),
доктор исторических наук М.В. БИБИКОВ,
член-корреспондент РАН С.П. КАРПОВ,
А.М. КРЮКОВ (отв. секретарь),
член-корреспондент РАН И.П. МЕДВЕДЕВ (зам. отв. редактора),
доктор исторических наук М.А. ПОЛЯКОВСКАЯ,
кандидат искусствоведения О.С. ПОПОВА,
доктор исторических наук И.С. ЧИЧУРОВ (зам. отв. редактора)

Редакционный совет:

доктор исторических наук Р.М. БАТИКЯН (Ереван),
доктор исторических наук О.Р. БОРОДИН,
доктор исторических наук В.П. ДАРКЕВИЧ, доктор исторических наук Г.Л. КУРБАТОВ,
доктор исторических наук Н.Ю. ЛОМОУРИ (Тбилиси),
академик АН Украины П.П. ТОЛОЧКО (Киев),
доктор исторических наук К.В. ХВОСТОВА, доктор исторических наук А.А. ЧЕКАЛОВА,
профессор И.И. ШЕВЧЕНКО (Бостон), член-корреспондент РАН Я.Н. ЩАПОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук Е.А. МЕЛЬНИКОВА,
доктор исторических наук И.В. КРИВУШИН

Ежегодник основан

академиком Василием Григорьевичем ВАСИЛЬЕВСКИМ в 1894 году

Византийский временник = BYZANTINA CHRONICA. Ин-т всеобщ. истории. – Т. 63 (88) / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. – 2004. – 343 с.: ил. – М.: Наука, 1894 –. – ISBN 5-02-009811-6

В очередном томе ежегодника помещены статьи, в которых разрабатываются кардинальные проблемы социально-политической истории, история культуры и искусства, источниковедения, публикуются переводы сочинений византийских писателей, хроники работы всероссийских и международных конференций по византиноведческой проблематике, рецензии и аннотации на недавно появившиеся работы российских и зарубежных ученых. Особенностью тома является широкий географический и хронологический охват представленных в нем сюжетов – от социальных корней египетского монашества в IV в. до административного устройства венецианской колонии в Трапезундской империи и судеб христианской культурной традиции в Крыму.

Для специалистов-византиноведов и широкого круга читателей, интересующихся историей Византии и ее многовековых связей с окружающим миром.

ТП-2004-I-268

ISBN 5-02-009811-6

© Коллектив авторов, 2004

© Российская академия наук и издательство
“Наука”, серия “Византийский временник”
(разработка, оформление), 1894 (год основания), 2004

Статьи

С.П. Карпов (Москва) Административное устройство и статус венецианской фактории в Трапезунде	5
А.А. Войтенко (Москва) Социальный контекст монашеского движения в “Житии преп. Антония Египетского” свт. Афанасия Александрийского	23
В.В. Серов (Барнаул) Общественные представления о правильной финансовой политике в ранней Византии	31
П.П. Толочко (Киев) Крещение Ярополка Святославича: историческая реальность или ученая фикция?	59
J. Wortley, C. Zuckerman (Париж) The Relics of Our Lord's Passion in the Russian Primary Chronicle	67
Резюме	75
Дж. Уортли, К. Цукерман Реликвии “страстей Господних” в “Повести Временных лет”	75
А.М. Пентковский (Москва) Евергетидский монастырь и императорские монастыри в Константинополе в конце XI – начале XII века	76
Н.Д. Барабанов (Волгоград) Благочестивые заклания. Традиции публичных жертвоприношений в византийском приходском православии	89
Т.В. Пентковская (Москва) Древнейший славянский перевод Жития Василия Нового и его греческий оригинал	114
С.А. Иванов (Москва) Жития св. Анина и их историческая ценность	129
Д.А. Черноглазов (Санкт-Петербург) Хроника Иоанна Зонары и ее источники (IX–XI века)	137
В.И. Булгакова (Киев) Византийские печати из находок в Крыму (по материалам частных собраний)	155
А.И. Романчук (Екатеринбург) Находки в Херсонесе из слоев пожара XIII в.	158
Л.Г. Хрушкова (Москва) Христианские памятники Крыма (состояние изучения)	167
О.А. Барынина (Санкт-Петербург) Русско-византийская историко-словарная комиссия: историческая лексикография в отечественном византиноведении 1920-х годов	195
Ю.Я. Вин, А.Я. Гряднева (Москва) Правовое наследие Византии и новые перспективы его информационного исследова- ния: База данных “Византийское право”	206
А.Я. Каковкин (Санкт-Петербург) Роль образа святой первомученицы Феклы в росписи “часовни Исхода” в эль-Бага- вате	226
О.В. Овчарова (Москва) Образы монахов и гимнографов во фресках церкви св. Пантелеимона в Нерези (1164)	232
А.В. Захарова (Москва) Византийские иллюстрированные праздничные лекционарии (тип /sel)	242

А.В. Громова (Москва) Hamameh B. Topografia cristiana ed insediamenti rurali nel territorio dell'odierna Giordania nelle epoche bizantina ed islamica V–IX sec. Città del Vaticano, 2003. 348 p.	251
Л.Г. Хрушкова (Москва) Thierry N. La Cappadoce de l'Antiquité au Moyen Age. Turnhout: Brepols Publishers, 2002 (Bibliothèque de l'Antiquité Tardive, publiée par l'Association pour l'Antiquité tardive. 4). 316 p.	253
Н.Д. Барабанов (Волгоград) Два византийских военных трактата конца X века / Издание подготовил В.В. Кучма. СПб.: "Алетейя", 2002. 412 с.	256
Р.М. Шукуров (Москва) Карпов С.П. Средневековый Понт. [Российские исследования по мировой истории и культуре / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. Т. 15]. Lewiston; Queenston; Lampeter: "The Edwin Mellen Press", 2001. 461 с.	258
М.А. Поляковская (Екатеринбург) Demetrius Kydonos. Briefe / Übers. und erläut. von Franz Tinnefeld. IV Teil (108 Briefe, Register). Stuttgart: Anton Hiersemann, 2003. 326 S. (Bibliothek der griechischen Literatur. Bd. 60)	263
Е.Н. Мещерская, Е.К. Пиотровская (Санкт-Петербург) Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст / Основной список подготовлен О.В. Твороговым и С.А. Давыдовой. Вступ. ст., археографический обзор и критический аппарат издания подготовлены О.В. Твороговым. СПб., 1999. 511 с. Т. 2. Комментарий и исследование О.В. Творогова. СПб., 2001. 269 с.	265
Л.Г. Хрушкова (Москва) Византийская археология в Крыму: новые книги	270
Хроника	
К 70-летию Маргариты Адольфовны Поляковской	275
Л.Г. Хрушкова (Москва) Коллоквиум в Афинах об истории и перспективах изучения византийской культуры VII–XII вв.	283
Л.Г. Хрушкова (Москва) V Международная Крымская конференция по религиоведению. Херсонес, 20–24 мая 2003 г.	285
А.А. Войтенко, А.М. Крюков, М.А. Курышева, И.С. Чичуров (Москва) XVI Всероссийская научная сессия византистов	286
Публикации	
И.П. Медведев, А.К. Гаврилов (Санкт-Петербург) Речь Виссариона Никейского на Мантуанском соборе о падении Константинополя	292
А.В. Занемонец (Москва) Дело Хиония: к истории византийских "жидовствующих"	317
А. Казарян Памяти Анатолия Михайловича Высоцкого	324
Памяти Георгия Львовича Курбатова	330
С.А. Иванов Памяти Якова Николаевича Любарского	339
Список сокращений	342

С.П. Карпов

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО И СТАТУС ВЕНЕЦИАНСКОЙ ФАКТОРИИ В ТРАПЕЗУНДЕ¹

Изучение истории связей Венеции и Византии невозможно без исследования статуса и положения венецианских факторий на греческой территории. Эта тема разрабатывалась недостаточно и в основном в применении к Константинополю². Между тем венецианские поселения в Трапезундской империи имели иной статус, хотя и подчинялись общим правилам, свойственным венецианской Романии.

Венецианское землячество в Трапезунде обретает оформленное и санкционированное государством административное устройство с того момента, когда оно получает собственную территорию и закрепленные договорами с императором права и привилегии³. Первым таким договором был хрисовул 1319 г. Это вовсе не означает, что и ранее венецианцы не могли иметь на территории империи недвижимость и даже избирать те или иные магистратуры. Это подразумевает прежде всего признание экстерриториальности данной фактории как принадлежности венецианской сеньории и распространение на нее административно-юридической системы и защиты Республики. От аренды и покупки отдельных домов, торговых помещений был сделан шаг к созданию фондако (fonticum, от арабского – фундук), признанного места торговли, с лавками, складами, стойлом для вьючных животных, конторами писцов, менял, весовщиков, мытарей, пристанью, а также жилищами тех венецианцев, которые оседали в фактории на длительный срок, постоянными домами, банями, печами, тавернами. На территории фондако размещались и персидские купцы, прибывавшие с караванами в Трапезунд и нередко занимавшие место уезжавших в Тавриз венецианских купцов⁴. Постепенно складывался торгово-административный центр – лоджия, резиденция байло и магистратур, включая судебные и полицейские, воинских отрядов. Там же заключались и крупные торговые сделки. Первоначально, однако, для строительства домов для байло и его двух советников ассигновывались специальные сред-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 00-01-001080.

² См.: Diehl Ch. La colonie vénitienne à Constantinople à la fin du XIVe siècle // *Idem. Études byzantines*. P., 1905. P. 241–275; Thiriet F. La Romanie Vénitienne au moyen âge. P., 1959 (repr. 1975). P. 181–214; Maltezos Chr. Ο θεσμός του εν Κωνσταντινουπόλει Βενετού βαΐλου (1268–1453). Athenai, 1970; Concina E. San Marco a casa d'altri. Quartieri e fontaci veneziani tra Romania e Vicino Oriente // *Ricchi e Poveri nella Società dell'Oriente Grecolatino. Simposio Internazionale* / A cura di Chr.A. Maltezos. Venezia, 1998. P. 441–451.

³ О типах венецианских факторий см.: Concina E. San Marco a casa d'altri... P. 441.

⁴ Archivio di Stato di Venezia. (Далее: ASV); Senato, Misti. (Далее: SM). XV, f. 8v–9r (DS, T. II. P. 19–20) – 7/IV 1332; ASV. SM. XVI, f. 18v (DS. T. II. P. 41) – 16/VI 1332.

ства⁵. В целом же на строительство лоджии и домов в караван-сараях вводился особый налог с купцов. Впоследствии эти дома сдавались в аренду⁶. Собственная церковь была не только храмом фактории, но и местом собраний и шире – олицетворением Республики⁷. Разрешение венецианцам иметь собственный храм фактории и свой клир было дано хрисовулом 1319 г. и повторялось всеми последующими актами⁸. Венецианское поселение в Трапезунде имело разные формы. Первоначально, с 1319 по 1364 г. и с 1341 по 1367 г. это был караван-сарай обнесенный рвами и, возможно, палисадом, но лишенный серьезных фортификационных сооружений. Для его защиты из Венеции посылали арбалеты, стрелы и болты, копья, иное вооружение⁹. Этот караван-сарай дважды подвергался разрушению в 1341 и 1348/49 гг. и пустовал в годы кризиса 1347–1363 гг. В 1364 г. была сделана попытка создать его на новой территории, близ монастыря св. Феодора Гавры, вместо Леонтокастроны, но и она закончилась неудачей. Наконец, с 1367 г. венецианская фактория располагалась на мысе св. Креста и вокруг него, и на этот раз возводился уже замок, а не просто торговый квартал. Примечательно, что и слово караван-сарай уходит из источников, заменяясь термином *castrum*. Замок стал резиденцией фактории, где были сосредоточены общественные здания, лоджия, дома венецианцев, их склады и лавки, аптеки¹⁰ и даже собственная тюрьма¹¹. Правда, строительство замка шло крайне медленно: денег на это у венецианцев не хватало, а император не торопился с исполнением своих обещаний построить часть стены¹². И все же Клавихо, по-

сетивший Трапезунд в 1404 г., писал, что венецианский и генуэзский замки, окруженные хорошими стенами и крепкими башнями и построенные с согласия императора, высились на морском берегу¹³. Дом байло в Трапезунде, как кажется, был особой резиденцией, не включенной в строения лоджии, и на его ремонт, перестройку или даже наем второго здания ассигновывались особые средства. Дом байло не принадлежал ему в качестве собственности, но предоставлялся ему, а также и двум его советникам в виде безвозмездной аренды¹⁴. Постепенно, с 20-х годов XV в., жилище байло устраивается в самом замке¹⁵.

вице-байло Константинополя: Ibid., f. 117v (RS, N 458) – 14/IV 1368. Такое же предписание консулу Таны о переводе денег от фрахта трапезундскому байло было сделано и 5/VII 1369: ASV. SM. XXXIII, f. 25v. Тот же способ финансирования из фрахта галей в Тану и в Трапезунд предусматривался и 18/VII 1370: Ibid., f. 66r. Схема действовала плохо, товарооборот падал, денег не хватало и замок оставался недостроенным, так что в 1371 г., трапезундскому байло вновь поручалось взыскать 300 соммов от фрахта галей, прибегнув, если нужно, и к консулу Таны, получавшему долю фрахта, через камбий. Чтобы защитить еще недостроенный замок, патронам арсенала предписывалось послать в Трапезунд кирасы, шлемы, арбалеты и другое вооружение примерно для 20 воинов: Ibid., f. 118v–119r (RS, N 499) – 22/VI 1371. Та же схема финансирования предусматривалась и на 1372 г.: ASV. SM. XXXIV, f. 17v (RS, N 510) – 5/VII 1372. Несмотря на неэффективность, схема не менялась из-за недостатка средств у Венеции и падения поступлений от фрахта. Тем не менее работа по строительству замка медленно велась. Ассигнование 200 дукатов на починку замка, дома байло и посольские расходы в 1396 г.: ASV. SM. XLIII, f. 111v–112r (RS, N 899) – 22/II 1396. Наконец, в 1403 г. Сенат ввел небольшой 0,5% налог с товаров всех венецианцев, торгующих в Трапезунде, в надежде собрать хотя бы 200 дукатов: SM. XLVI, f. 77v – 20/IV 1403. Краткая история тяжб с трапезундским императором о строительстве обещанной им части замка изложена в постановлении Сената от 24/VI 1407: ASV. SM, f. 126v–127r (RS, N 1272). Последующие ассигнования средств на починку и ремонт замка: ASV. SM. XLVIII, f. 24v (RS, N 1313) – 22/VII 1408 – 35 дукатов; ASV. SM. XLIX, f. 25v – 18/VI 1411, f. 39v (RS, N 1430) – 18/VII 1411–100 дукатов; ASV. SM. LII, f. 187v – 25/VII 1419 – 40 дукатов на починку крепости и дома байло; ASV. SM. LVII, f. 163r (RS, N 2166; *Laurent V. L'assassinat d'Alexis IV, empereur de Trébizonde* (+ 1429). *Date et circonstances* // АП. 1955. Т. 20. P. 139–140) – 28/X 1429 – 31 дукат. В 1437 г. байло доносил Республике о том, что замок находится в плохом состоянии и разрушится, если не принять экстренных мер. Сенат разрешил ему истратить из денег коммуны на починку замка 100 дукатов, что вряд ли было достаточно: ASV. SM. LX, f. 29r (RS, N 2449) – 2/VIII 1437. Через 10 лет на новую починку замка и кремальероу Сенат вновь выделял 100 дукатов: ASV. Senato, Mar. (Далее: SMar). III, f. 29r (RS, N 2752) – 1/VIII 1447.

¹³ Клавихо Рюи Гонсалес, де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403–1406 гг. / Изд. И.И. Срезневский // СОРЯС. 1881. Т. 28. С. 119.

¹⁴ DS. T. I, XI, N 60 – VII 1328; ASV. SM. XV, f. 58r (DVL. T. I. P. 250; *Le Deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato). Serie 'Mixtorum'. Vol. 2: Libri XV–XVI / A cura di R. Cessi e M. Brunetti. Venezia, 1961. (Далее: DS. T. II), N 419) – 9/II 1333.*

¹⁵ DS. T. I. XI, N 90 – VIII/1328; ASV. SM. XLIII, f. 112v (RS, N 899; *Iorga N. Venetia in Mare Neagră // Analele Academiei Române. Ser. II. T. XXXVI: Memorie Sec. istorice. 1914. P. 1117) – 22/II 1396; ASV. SM. XLIV, f. 116r (RS, N 966) – 25/VII 1399 (упоминание дома байло в венецианском замке); ASV. SM. XLVII, f. 53r (RS, N 1221), f. 72r – 26–27/VI 1406 (выделено 40 дукатов на починку разрушенного дома байло в замке из налога на купцов, собираемого на месте); ASV. SM. XLVIII, f. 157r – 10/VII 1410 (50 дукатов на ремонт дома); ASV. SM. LII, f. 187v – 25/VII 1419 (40 дукатов на починку замка и дома байло); ASV. SM. LIV, f. 10v (RS, N 1837) – 24/III 1422 (40 дукатов на починку дома); ASV. SM. LV, f. 83v (RS, N 1966) – 25/II 1425 (70 дукатов на починку. Поскольку употреблен термин *castrum habitationis*, можно предполагать, что дом байло был в самом замке, возможно, его донжоне). В постановлении от 1/VIII 1447 прямо указано: “замок, где живет байло”, и на ремонт его крыши и стен выделяется 100 дукатов из сумм таможенных сборов, которые, впрочем, купцы уплачивали не всегда. Байло поручалось сообщить имена задолжников в Венецию для штрафных санкций: ASV. SMar. III, f. 29r (RS, N 2752).*

⁵ *Le Deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato). Serie 'Mixtorum'. Vol. 1: Libri I–XIV / A cura di R. Cessi e P. Sambin. Venezia, 1960. (Далее: DS. T. I). Lib. XI, N 90 – VIII 1328 трапезундскому байло разрешалось арендовать второй дом и вместе с купцами оценить стоимость ремонта и переоборудования его первого дома, традиционной резиденции. Поскольку это решение принималось в 1328 г., а хрисовул на право организации фактории был дан всего лишь 9 лет назад, можно предполагать, что “венецианский дом” с резиденцией главы поселения мог существовать и до 1319 г.*

⁶ DS. T. I. VI, N 20 – V 1320; ASV. Maggior Consiglio. (Далее: MC), Fronesis, f. 41r (*I Prestiti della Repubblica di Venezia, secoli XIII–XV / A cura di G. Luzzatto. Padova, 1929. N 102. P. 96–97) – 5/VI 1320 – первоначальное ассигнование 100 лир grossов для начала строительства лоджии и домов; ASV. SM. XV, f. 22r. (DS. T. II. P. 48; *Brătianu G.I. Les Vénitiens dans la Mer Noire au XIVe siècle. La politique du Sénat en 1332–33 et la notion de Latinité. București, 1939. P. 480 – 9/VII 1332; ASV. SM. XX, f. 73v (RS, N 145) – 27/VII 1342; ASV. SM. XXII, f. 64r; ASV. V Savi, 22 bis, f. 27r (Blanc, baron. Le flotte mercantili dei Veneziani. Venezia, 1896. P. 118) – 22/XII 1344; ASV. SM. XXIII, f. 21r (RS, N 179) – 2/VII 1345.**

⁷ См.: *Slessarev V. Ecclesiae Mercatorum and the Rise of Merchant Colonies // Business History Review. 1967. T. XLI. P. 177–197.*

⁸ *Zakythinos D.A. Le Chrysobulle d'Alexis III Comnène Empereur de Trébizonde en faveur des Vénitiens. P., 1932. P. 11 (1319), 35 (1364), Diplomatarium Veneto-Levanticum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia. T. 2: a. 1351–1454 / Ed. R. Predelli. Venetiis, 1899. (Далее: DVL. T. II), N 78 (1367), N 145 (1396).*

⁹ См., например: ASV. SM. XXIII, f. 21r – 2/VII 1345.

¹⁰ DVL. T. II, N 145. P. 251–1396; ASV. SM. XLVII, f. 127r – 24/VI 1407; ASV. Cancellaria Inferior. Notai. (Далее: CI). 132.6. Nicolò di San Silvestro, f. 3r – 28/IV 1412 (apotheca); *Il libro dei conti di Giacomo Badoer* (Constantinopoli, 1436–1440) / Testo a cura di U. Dorini e T. Bertelé. Roma, 1956 (Il Nuovo Ramusio, vol. III). (Далее: Badoer). P. 103, 307.

¹¹ Moretto Bon, notaio in Venezia, Trebisonda e Tana (1403–1408) / A cura di S. de'Colli. Venezia, 1963. N 12 – 17/XII 1404.

¹² Первоначально планировалось покрыть расходы на строительство замка частично через камбий консула Таны в 300 соммов, из денег от фрахта галей Рومании – Черного моря: ASV. SM. XXXII, f. 106v (*Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie. Paris; La Haye. 1958–1961. T. 1–3. (Далее: RS). T. I, № 450) – 2/III 1368. Почти сразу же это решение было скорректировано, и 100 соммов из 300 должен был отправить*

Таким образом, мы различаем термины, определяющие характер и тип поселения, его фортификацию (караван-сарай, торговый квартал, замок), его торгово-экономические функции (фондако, фактория¹⁶), его административно-юридический статус (баюльство, консулат, протекторат или прямое владение – *regnum*¹⁷ или подестат). Наконец, термином *regimen* обозначали как само поселение под венецианским контролем, независимо от его типа, так и исполнительные органы власти (например, байло или консул вместе с советниками).

Венецианская система управления владениями и заморскими поселениями отличалась однородностью, централизованностью, сходной, подражавшей метрополии, моделью для разных территорий. Повсюду создавались коллективные органы принятия решений, и высшие магистраты являлись выборными на определенный срок лицами¹⁸. Строгая субординация, к которой стремилась Республика, была, однако, затруднена территориальной разбросанностью факторий и отдаленностью многих из них от Венеции, что, само по себе, расширяло права и обязанности магистратов в часто менявшейся ситуации с многочисленными угрозами самому существованию тех или иных поселений, острой конкуренцией с торговыми соперниками, прежде всего генуэзцами, нелегкими и разными по специфике отношениями с местными властями и населением. В сложных ситуациях Венеция полагалась на опыт и знания избираемых ею магистратов, действовавших в тесном взаимодействии с венецианскими советами и командирами регулярно направляемых на Восток конвоев торговых судов. Способом контроля была строгая отчетность и юридическая ответственность чиновников Республики перед ее ассамблеями.

Главой исполнительной власти венецианского поселения в Трапезунде был байло. Термин происходит от средневекового латинского *baillivius*, *balius* и означал местоблюстителя государя или администратора определенной области, наделенного особыми полномочиями. Задолго до падения Константинополя в 1204 г. титул употреблялся в Византии, получил распространение и в Западной Европе, включая и Францию, и Венецию¹⁹. В венецианской Романии так называли главу подвластной территории (например, Негропонта или Корфу) или наиболее важной по значению фактории. В пределах Причерноморья и Верхней Романии этот титул был только у высших магистратов Республики в Константинополе и Трапезунде. Главы других факторий (Таны, Солдайи, Синопа) назывались консулами²⁰. Более высокий ранг, чем у консула, не означал наличия суверенных прав Республики на территорию. Власть байло Константинополя, хотя он и именовался *baiulus Constantinopolis ac totius imperii Romaniae*, не распространялась на Трапезунд, как, впрочем, и на другие фактории вне собствен-

но владений Византии, хотя географическое положение Константинополя делало его естественным посредником при осуществлении связей с Трапезундом и с Таной, а финансовые возможности могли иногда использоваться для поддержания этих факторий. Там же, в византийской столице, байло Трапезунда могли останавливаться (а иногда и “застрывать”, когда не было надежного морского сообщения с Понтом галей “линии”) по пути к месту назначения²¹. Империя Романии понималась все же в прямом и узком смысле. Более того, в документах, определявших статус венецианского байло в Трапезунде, прямо говорилось, что он избирается по венецианскому праву²², правит на тех же основаниях и с теми же правами, что и другие байло Романии²³ и обладает такими же полномочиями, что и байло в Константинополе²⁴. Таким образом, он был подчинен непосредственно сеньории, но никакому другому магистрату Романии.

Избрание венецианского байло в Трапезунде производилось в Венеции по венецианскому праву Большим Советом Республики четырьмя турами голосования²⁵. Претендующий на избрание должен был указать имя отца или дать другие сведения, на основании которых он четко идентифицировался²⁶. Изредка, в кризисных ситуациях, особенно когда байло должен был исполнять срочные дипломатические поручения, выборы производил Сенат двумя турами голосования²⁷. В единичных случаях для подготовки избрания наиболее подходящего кандидата и составления ему поручения Сенатверял дожу, его советникам и Главам Квартангии избирать комиссию из трех “мудрых” для представления письменных рекомендаций²⁸. Как и другие кандидаты на пост главы фактории, он должен был быть нобилем, членом Большого совета, старше 25 лет и иметь административный опыт, а также получить большинство голосов, но не менее половины от состава голосовавших²⁹. В течение дня или на следующие день-два после избрания кандидат должен был подтвердить свое согласие или отказ от должности и, в случае назначения, представиться и явиться в Сенат для получения инструкций³⁰. После принесения присяги действовать во имя блага и к чести Венецианской коммуны он, как и другие официалы Республики, получал от Сената подробную инструкцию (*commissio*), составленную на основе сложившейся практики и специфических задач, которые обсуждались, утверждались и в обобщенном виде форму-

²¹ Thiriet F. La Romanie Vénitienne... P. 187. Not. 1; Maltezos Chr. Ο θεσμός... P. 27–28, 47–48.

²² ASV. SM. XXXII, f. 39r–40r – 6/IV 1367.

²³ Zakythinos D.A. Le Chrysobulle... P. 11 (хрисовул 1319 г.); P. 36. 143–144 (хрисовул 1364 г.).

²⁴ ASV. MC. Fronesis, f. 36r (DA. T. I, N 427) – 5/XI 1320; MC. Spiritus, f. 5v (DA. T. I, N 453) – 17/VI 1326; DVL. T. II. P. 129 (хрисовул 1367 г.).

²⁵ DS. T. I. V, N 338 – V 1319; Ibid., N 415 – IX 1319; ASV. SM. XXXI, f. 140v (RS, N 434) – 9/VI 1366; ASV. MC. Novella, f. 102v (DA. T. II, N 794) – 14/VI 1366; ASV. SM. XXXII, f. 32r–v (RS, N 441) – 4/II 1367; ASV. SM. XXXII, f. 39r–40r (RS, N 442) – 6/IV 1367 (в представлении императору подчеркивается, что избрание байло происходит по венецианскому праву); ASV. SM. XXXIV, f. 98v (RS, N 535) – 15/IV 1374; ASV. SM. XXXVIII, f. 49r (RS, N 655) – 23/VI 1383; ASV. SM. XXXVIII, f. 136r – 14/VI 1384; ASV. SM. XLIV, f. 38r (RS, N 940) – 19/IV 1398; ASV. SM. XLIV, f. 143r (RS, N 975) – 9/II 1400.

²⁶ Решение Большого Совета от 19 февраля 1402 г. Детализация процедуры: ASV. Collegio. Notatorio, VIII, f. 113r – 7/VI 1450.

²⁷ ASV. SM. XLIII, f. 96r–v (RS, N 893) – 23/XII 1395; ASV. SM. XLIV, f. 145r – 27/II 1400 (решение отклонено).

²⁸ ASV. SM. XVI, f. 61r (DS. T. II, N 459) – 8/V 1334.

²⁹ ASV. SM. XXXII, f. 32r–v (RS, N 441) – 4/II 1367. Cp.: Thiriet F. La Romanie Vénitienne... P. 193.

³⁰ ASV. MC. Fronesis, f. 25v (DA. T. I, N 420) – 25/IX 1319; Ibid., f. 36r, 37r (DA. T. I. N 427, 427b) – 11/V, 25/V 1320; Ibid., f. 91r (DA. T. I, N 435) – 23/V 1322; ASV. SM. XXXVIII, f. 136r – 14/VI 1384; SM. XLIII, f. 96r–v (RS, N 893) – 23/XII 1395; SM. XLV, f. 65r (RS, N 1008) – 22/III 1401.

¹⁶ Термин “фактория” имеет, однако, и более широкое значение – поселения в целом. В этом значении мы его в основном и употребляем.

¹⁷ Было бы слишком вольной интерпретацией переводить этот термин традиционным русским словом “королевство”. К числу *regni* относили, например, Крит, во главе с дукой Кандии, или Негропонт, во главе с байло. Все это – крупные острова или территории, прямые владения Республики, в отличие от факторий с административным иммунитетом, но на земле самостоятельных иностранных правителей, как Трапезунд или Константинополь.

¹⁸ Thiriet F. La Romanie Vénitienne... P. 190–191.

¹⁹ См.: Maltezos Chr. Ο θεσμός... P. 34–37.

²⁰ Cp.: Thiriet F. La Romanie Vénitienne... P. 182–187. Изредка в венецианских документах и байло в Трапезунде именуется консулом, видимо, из-за исполнения им тех же функций, которые исполняли консулы. См.: ASV. MC. Spiritus, f. 96v [Thiriet F. *Délibérations des Assemblées Vénitiennes concernant la Romanie*. Paris; La Haye. 1966. T. I (Далее: DA. T. I)] (DA. T. I. P. 308–309) – 4/VII 1339; ASV. SM. XLIII, f. 111v–112r – 22/II 1396; ASV. SM. XLVII, f. 72r – 26/VI 1406; SMar. II, f. 94v – 28/VII 1445.

лировались и записывались в постановлениях Сената. Обычно он отправлялся к месту назначения на галейх Романии³¹. Если же они не следовали в Трапезунд, то байло доставлялся до ближайшего удобного порта, откуда он был должен проследовать на иных доступных ему кораблях или по суше³². Байло избирался, как правило, на 2 года с возможным небольшим продлением этого срока – до прибытия из Венеции его преемника³³. Если преемника не избирали или срок его вояжа откладывался надолго, байло разрешалось отбыть домой, передав полномочия выбранному на месте Советом Двенадцати или назначенным самим байло вице-байло³⁴. В случае отсутствия байло выборы замещающего его лица иногда поручали капитану галей Романии и собираемому им совету в Трапезунде или даже в Тане³⁵. С другой стороны, в том случае, если конвой галей разделялся и часть его направлялась в Трапезунд без капитана, обязанности капитана галей, командира эскадры, обычно возлагали на отправлявшегося в Трапезунд или возвращавшегося оттуда байло, что предполагало наличие у него известного мореходного опыта³⁶. В том случае, если капитану галей разрешалось остаться для торговых дел в Трапезунде, именно байло поручалось назначить его преемника³⁷. Байло мог продлевать при необходимости и сроки стоянки конвоя в Трапезунде³⁸. Вместе с тем совет супракомитов (командиров) галей при возможности начала боевых действий или эвакуации фактории признавался для байло необходимым³⁹.

В официальном титуле байло, помимо необязательных и вариативно используемых эпитетов типа *egregius*, *potens*, *honorabilis*, *nobilis*, *sapiens*⁴⁰ непременно отмечалось, что он действует по повелению или от лица Венецианской державы или ее дожа и нередко делалось прямое указание на то, что в его компетенцию входит вся территория Трапезундской империи⁴¹. В обращении ино-

странных правителей, например, хана Тавриза, он именуется главой венецианцев в Трапезунде⁴².

В принципе каждый венецианский байло считался полномочным представителем Республики и мог исполнять необходимые дипломатические функции. Как писалось в одном из постановлений Сената, он был “*la persona et essencia de la nostra Signoria*”⁴³, а любое неуважение к нему рассматривалось как бесчестие для всей коммуны⁴⁴. Байло отправлялся к месту назначения и в трудные времена, “дабы купцы... ощущали присутствие нашего правителя” (*ita quod mercatores... senciant nostrum rectorem*)⁴⁵. Гуманисты, как Джованни Бембо, определяли байло “*orator, baiulus et rector*”, подчеркивая тем самым и административные, и переговорные полномочия⁴⁶. Нередко, когда предстояло заключать новые соглашения, поздравлять императора с восшествием на престол или вести особые (в том числе – тайные) переговоры, на байло возлагались специальные посольские функции, с именованием его послом и байло⁴⁷. Байло не был подданным императора. Однако он должен был оказывать ему всяческое уважение, “*ut amat et diligit imperium meum*”, читаем в первом же известном хрисовуле 1319 г.⁴⁸ Байло отвечал за правильность внесения венецианцами коммерческих императору и должен был наказывать виновных в нарушениях или уклонениях от уплаты⁴⁹. Венецианцы требовали, чтобы байло имел свободный доступ к императору⁵⁰, а дурное обращение с высшим магистратом фактории могло рассматриваться как повод для серьезного конфликта⁵¹. Байло поручалось охранять имущество и привилегии венецианцев, вотируемые хрисовулами, заявлять протест по поводу возможного повышения коммерческих или иных злоупотреблений⁵². Байло приходилось неоднократно вступать за интересы купцов, в том числе учитывая ущерб, нанесенный им по дороге в Тавриз⁵³, или получая прокуры на взыскания у генуэзцев⁵⁴ или иных чужеземцев, заботясь об уплате долгов трапезундскими василевсами купцам Республики св. Марка⁵⁵. Байло поручалось объявлять о вводимых Республикой мерах регламентации торговли⁵⁶, о запретах на торговлю с Персией⁵⁷, на перевозку венецианских товаров иностранными судами⁵⁸ и следить за их исполнением.

³¹ ASV. MC. Fronesis, f. 36r (DA. T. I, N 427) – 11/V 1320; Ibid., f. 91r (DA. T. I, N 435) – 23/V 1322; ASV. SM. XXIII, f. 21r (*Blanc. Le flotte...* P. 125; RS, N 179) – 2/VII 1345; ASV. SM. XXXIII, f. 109r – 19/V 1371; ASV. SM. XLIII, f. 111v–112r – 22/II 1396 (практически запись полного текста *commissio* байло и послу); ASV. SM. LIII, f. 40r – 20/IV 1420; ASV. SM. LIX, f. 52r–53r (RS, N 2349) – 28/V 1434; ASV. SMar. III, f. 73v (RS, N 2781) – 23/VII 1448; ASV. SMar. VI, f. 169v–170r (RS, N 3104) – 15/V 1460 (отклоненный проект).

³² ASV. SM. LII, f. 21r–v – 7/VI 1417.

³³ ASV. MC. Fronesis, f. 36r (DA. T. I, N 427) – 11/V 1320; ASV. SM. XXXIV, f. 98v (RS, N 535) – 15/IV 1374; ASV. SM. XLIII, f. 96r–v (RS, N 893) – 23/XII 1395.

³⁴ ASV. SM. XLIV, f. 50r – 9/VII 1398; Ibid., f. 116r (RS, N 966) – 25/VII 1398; ASV. SM. XLIX, f. 129r – 22/VII 1412; ASV. SM. LII, f. 37r (RS, N 1664) – 25/VII 1417; ASV. MC. Ursa, f. 129v (DA. T. II, N 1374) – 23/VI 1441; ASV. SMar. V, f. 8v (RS, N 2954) – 15/I 1454.

³⁵ ASV. SM. XXXVIII, f. 56v – 13/VII 1383; ASV. SM. XLIV, f. 116r (RS, N 966) – 25/VII 1399.

³⁶ ASV. MC. Spiritus, f. 4v – 24/IV 1326; ASV. SM. XXXIII, f. 50r–v (RS, N 488) – 31/V 1370; SM. XXXIII, f. 109r – 19/V 1371; SM. XXXIV, f. 7r – 20/V 1372; Ibid., f. 114r–v – 8/VI 1374.

³⁷ ASV. SM. XXXIII, f. 66v (RS, N 489) – 21/VII 1370.

³⁸ ASV. SM. LVII, f. 240v – 28/VII 1430.

³⁹ ASV. SM. XXXV, f. 38v–39r (RS, N 565) – 24/VII 1375.

⁴⁰ ASV. CI. Notai. B. 132. Nicolò di S. Silvestro, doc. 1–13; ASV. Miscellanea Ducali ed Atti Diplomatici, Busta 16 (*Karpov S.P. An unknown letter of a Venetian Doge on Trade and Conflicts in Trebizond (1445) // ΠΟΛΥΠΛΕΥΡΟΣ ΝΟΥΣ. Miscellanea für Peter Schreiner zu seinem 60. Geburtstag / Hrsg. von C. Scholz und G. Makris. München; Leipzig, 2000 (Byzantinisches Archiv, Bd. 19). S. 103–105) – 20/IV 1445.*

⁴¹ ASV. CI. Notai. B. 132. Nicolò di S. Silvestro, doc. 1: “*baiulus dominationis Venetorum in Trapezonda ac totius imperii Trapezonde*” – 1/X 1411; “*de mandato nostre excellentissime dominationis baiulus Venetorum in Trapezunde et totius imperii Trapezunde*” – Ibid., doc. 11 – 12/V 1412; ASV. Miscellanea Ducali ed Atti Diplomatici, Busta 16 (*Karpov S.P. An unknown letter...*): “*de suo mandato baiulo Trapezunde*”, обращение в письме дожа Венеции; Moretto Bon... N 12 – 17/XII 1404: “*de dogal comandato de la Signoria de Venexia inclita sorascripta bailo de Veneciani in Trapezunda et in tuto l'imperio ministrando*”.

⁴² DVL. T. II, N 97. P. 163 – 1372.

⁴³ ASV. SM. XLVII, f. 127r – 24/VI 1407.

⁴⁴ ASV. SM. XXXIV, f. 24v–25r – 18/VII 1374.

⁴⁵ ASV. SM. XLIII, f. 96r – 23/XII 1395.

⁴⁶ *Mommsen Th. Autobiographie des Venezianers Giovanni Bembo // SB BAW. Bd. 1. München, 1861. S. 599.*

⁴⁷ Помимо отмеченных выше случаев см.: DS. T. I. XIII, N 139, 143 – VIII 1330; ASV. SM. XLIII, f. 96r–v (RS, N 893) – 23/XII 1395; SM. XLIII, f. 111v–112r (RS, N 899) – 22/II 1396; SM. XLVI, f. 79v (RS, N 1111) – 2/V 1403; SM. XLVII, f. 126v–127r (RS, N 1272) – 24/VII 1407; SMar. II, f. 94v (RS, N 2696) – 28/VII 1445.

⁴⁸ *Zakythinos D.A. Le Chrysobulle...* P. 11.

⁴⁹ DVL. T. II, N 136. P. 230; N 145, P. 251 (хрисовулы 1376 и 1396 гг.).

⁵⁰ ASV. SM. XXXIV, f. 124v–125r (RS, N 544) – 18/VII 1374; SMar. II, f. 94v–95r – 23/VII 1445.

⁵¹ ASV. SM. XXXIV, f. 124v–125r (RS, N 544) – 18/VII 1374; SM. XLVII, f. 127r (RS, N 1272) – 24/VI 1407.

⁵² ASV. SM. XVI, f. 68rv (DS. T. II, N 507) – 18/VI 1334; SM. XVII, f. 16v (RS, N 60) – 17/VII 1335; SM. XXXIV, f. 17v (RS, N 510) – 5/VII 1372; f. 124v–125r (RS, N 544) – 18/VII 1374; SM. XXXV, f. 38v–39v (RS, N 565) – 24/VII 1375; SM. LIII, f. 60v–61r (RS, N 1781) – 13/VII 1420.

⁵³ DS. T. I. VII, N 337 – VIII 1323; SM. XLIII, f. 142r (RS, N 915) – 20/VII 1396.

⁵⁴ DS. T. I. XII, N 100 – VII 1329.

⁵⁵ *Karpov S.P. An unknown letter...* – 20/IV 1445.

⁵⁶ ASV. SM. XXVIII, f. 56v – 14/VI 1358 – меры регламентации торговли солью и сахаром.

⁵⁷ ASV. SM. XVII, f. 115v–116r (RS, N 83) – 17/XII 1338; DVL. T. II, N 92–93 – 1370.

⁵⁸ ASV. SM. LX, f. 13r (*Sathas C. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge. T. 1–9. P., 1880–1890. T. 3. P. 433–434; RS, N 2441) – 23/IV 1437.*

Байло вверялась забота о безопасности фактории. Он командовал небольшим гарнизоном воинов-социев и комплектовал его⁵⁹. При угрозе нападения он должен был собрать всех венецианцев в караван-сарай или, позднее, замке, а в случае необходимости даже принимать меры по эвакуации всей фактории. Он же представлял Сенату предложения по укреплению поселения⁶⁰.

Проводя политику Республики и заботясь об охране фактории, байло вступал в постоянные отношения не только с высшими чинами, но и с рядовым греческим и иным населением империи. Именно он предоставлял права натурализации местным жителям, давал приданое находящимся под его опекой (возможно, бывшим служанкам) молодым гречанкам⁶¹.

Венецианский байло был высшим судебным магистратом фактории. Правовой иммунитет венецианской фактории был изначально предоставлен императорскими хрисовулами, и венецианцы были неподсудны трапезундскому василевсу, который в случае исков к ним должен был обращаться к суду байло⁶². Процесс по гражданским и уголовным делам байло вел, опираясь на советников-нобилей, но при их отсутствии или при рассмотрении исков, касавшихся небольших сумм, мог это делать и единолично⁶³. Он имел право принимать и расследовать петиции⁶⁴, производить секвестр имущества купцов⁶⁵, налагать штрафы, определять правомочность претензий и исков иноземцев (включая гегуэзских и персидских купцов) к венецианским гражданам и при необходимости возмещать им нанесенный венецианцами ущерб или задолженность по невыплаченным кредитам⁶⁶. Он вершил суд над венецианцами и в том случае, если император обвинял кого-либо из них в нарушениях. С другой стороны, байло должен был обращаться к императору за защитой при исках венецианцев к иным, проживавшим в Трапезунде лицам, в том числе итальянцам⁶⁷.

Байло собирал небольшие местные налоги: на содержание фактории и ее укреплений, на покрытие посольских расходов в Персию для обеспечения караванной торговли. Первоначально полупроцентный налог со стоимости товаров на караван-сарай, оклад байло и на посольство в Тавриз не разделялся и взимался со всех прибывающих в Трапезунд купцов. В 1367 г. он был повышен до 1% и расходовался также на строительство укреплений. К нему добавлялись и другие небольшие сборы⁶⁸. В том случае, если купцы уклонялись от уплаты нало-

гов, байло должен был записать их имена и отправить эти сведения в Венецию, где с виновных взималась вся сумма задолженности и 25-процентный штраф⁶⁹. Равным образом байло взимал и недостающие суммы фрахта с галей линии, обладая правом налагать штрафы и вчинять иски против нарушителей⁷⁰, сборы за аренду принадлежащих коммуне домов и складов⁷¹. Часть собираемых денег переводилась в Венецию по камбию⁷², частью средств он имел право распоряжаться, предоставляя затем, как и все другие высшие магистраты, отчет в Венецию.

В ряде случаев коммуна авансировала долю расходов байло, особенно при заключении новых договоров с императором или возобновлении деятельности фактории. Так, например, в 1396 г., когда фактория восстанавливалась после упадка, для байло из средств коммуны было выделено 120 дукатов на подарок василевсу и 200 – на починку дома и изготовление нового хрисовула в пользу венецианцев⁷³. Видимо, этот расход император пожелал произвести за счет Венеции из-за плохого состояния своих финансов, хотя ранее хрисовулы (императорские жалованные грамоты), по всей видимости, оформлялись за счет фиска Великих Комнинов.

На байло возлагалась обязанность руководить строительными работами в Трапезунде, включая дома, укрепления и общественные здания. Как уже отмечалось, на обустройство жилищ и лоджии в 1320 г. были выделены средства коммуны, в 1345 г. на это разрешалось истратить часть рыночных доходов, в 1367 г. байло-посол должен был участвовать в получении нового участка для фактории (обсудив вопрос о выборе наилучшей территории на заседании Большого совета в Трапезунде)⁷⁴ и в следующем году получил из Венеции 300 соммов на фортификационные работы⁷⁵. Ассигнования на починку крепостных стен, башен и жилищ байло делались и в последующие годы⁷⁶, хотя, очевидно, этих денег не хватало на поддержание фортификаций.

Получение и хранение вооружения время от времени присылаемого для обороны фактории также находилось в ведении байло⁷⁷.

Байло назначалось специальное жалованье, которое до 1434 г. не подлежало налогообложению и платилось, как правило, пополам в Венеции и на месте

⁵⁹ DVL. T. II, N 78 – хрисовул 1367 г. (упомянуты сержанты). ASV. SM. XXXII, f. 32r-v (RS, N 441) – 4/II 1367; ASV. Notai Diversi, 3, Gabriele di San Bartolomeo, f. 1r – 15/X 1371.

⁶⁰ ASV. SM. XIX, f. 25r-v (RS, N 110) – 5/VII 1340; SM. XXIII, f. 21r (RS, N 179; *Blanc. Le flotte...* P. 125) – 2/VII 1345; SM. XXXII, f. 106v (RS, N 450) – 2/III 1368; ср.: *Карпов С.П.* Венецианско-трапезундский конфликт 1374–1376 гг. и неизвестный мирный договор 1376 г. // *ВВ*. 1978. Т. 39. С. 102–109.

⁶¹ ASV. CI, 132. 6. Nicolò di San Silvestro, f. 3r – 28/IV 1412.

⁶² *Zakythinos D.A.* Le Chrysobulle... P. 11, 35; DVL. T. II. P. 230, 251 (хрисовулы 1319, 1364, 1376 и 1396 гг.); DS. T. I. XI, N 60 – VII 1328; ASV. SM. XXXII, f. 39r–40r (RS, N 442) – 6/IV 1367; *SMar.* II, f. 94v–95r – 23/VII 1445.

⁶³ DVL. T. II, N 128. P. 250 – 9/II 1334.

⁶⁴ ASV. SM. XLIII, f. 96r-v – 23/XII 1396.

⁶⁵ DS. T. I. X, N 316 – 1328; SM. XXXIV, f. 44v – 2/IV 1373 (секвестр товаров персидских купцов в Трапезунде в ответ на ограбление венецианцев в Тавризе); SM. XLIII, f. 142r – 20/VII 1396.

⁶⁶ ASV. SM. XV, f. 8v–9r (DS. T. II, N 66–67; *Brătianu G.I.* Les Vénitiens dans la Mer Noire au XIVe siècle... P. 44–45) – 7/IV 1332; SM. XVI, f. 18v (Le Deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato). Serie 'Mixturem'. Vol. 2: Libri XV–XVI / A cura di R. Cessi e M. Brunetti. Venezia, 1961. (DS. T. II), N 138) – 10/VII 1333; SM. XVII, f. 16v–17r (RS, N 60) – 17/VII 1335.

⁶⁷ См., например: *Карпов С.П.* An unknown letter...

⁶⁸ См. подробнее: *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 237–239.

⁶⁹ ASV. SMar. III, f. 29r (RS, N 2752) – 1/VIII 1447.

⁷⁰ ASV. SM. XXXI, f. 89v–90r – 23/I 1365.

⁷¹ ASV. SM. XVI, f. 18r (DS. T. II, N 134) – 8/VII 1333; DS. T. II, N 177 – 2/IX 1333.

⁷² ASV. Commemoriali, II, f. 86r (Diplomatium Veneto-Levanticum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia. T. 1: a. 1300–1350 / Ed. G.M. Thomas. Venetiis, 1880. (DVL. T. I), N 83–84; I Libri Commemoriali della Repubblica di Venezia. Regesti / A cura di R. Predelli. Venezia, 1878. T. II, N 255) – 12/VIII 1320; Merlis, de Felice prete e notaio in Venezia ed Ayas (1315–1348). Vol. I. Venezia, 1973. P. 276 – 26/II 1323; DS. T. I. IX, N 71 – VIII 1325; ASV. SM. XXXI, f. 89v–90r – 23/I 1365.

⁷³ ASV. SM. XLIII, f. 112 r (RS, N 899, частично: *Iorga N.* Veneția in Marea Neagră. P. 1117) – 22/II 1396.

⁷⁴ ASV. SM. XXXII, f. 39r–40r (RS, N 442) – 6/IV 1367.

⁷⁵ ASV. SM. XXXII, f. 106v (RS, N 450) – 2/III 1368.

⁷⁶ ASV. SM. XLVI, f. 77v (DVL. T. II, N 158; RS, N 1109) – 20/IV 1403 (200 дукатов из торговых налогов в Трапезунде); 1403–1419 гг. – см. примеч. 4. ASV. SM. LV, f. 83v (RS, N 1966) – 25/I 1425 (70 дукатов на починку замка); ASV. SM. LVII, f. 163r (RS, N 2166; *Laurent V.* L'assassinat... P. 139–140) – 28/X 1429 (31 дукат на укрепление замка в связи с переворотом); ASV. SM. LX, f. 29r (RS, N 2449) – 2/VIII 1437 (100 дукатов на починку замка); ASV. SMar. III, f. 29r (RS, N 2752) – 1/VIII 1447 (100 дукатов на починку кровли замка).

⁷⁷ DS. T. I. IX, N 62 – VIII 1325. В 1345 г. получает 20–25 баллист и другое вооружение для защиты караван-сарая: ASV. SM. XXIII, f. 21r (RS, N 179) – 2/VII 1345; SM. XXXIII, f. 119r – 22/VI 1371 (12 баллист и от 12 до 20 кирас, шлемов и другого личного вооружения из арсенала в Венеции).

службы⁷⁸. Насколько точно это выполнялось в Трапезунде, судить по дошедшим до нас источникам трудно. Во всяком случае, часть жалования авансировалась в Венеции перед отплытием, как это практиковалось и в случае с байло в Константинополе, а часть выплачивалась на месте из взимавшихся в самом Трапезунде венецианских налогов⁷⁹. Суммы, авансированные для байло Константинополя, Трапезунда, консула Таны и некоторых других официй первоначально входили в выплату 6000 лир, ежемесячно выделяемую дожу и его советникам⁸⁰. Затем, при недостатке средств у Сеньории и местных сборов, выплаты байло поручалось производить иным официям из их поступлений, например, палате продовольствия (*camera frumenti*) в 1365 г.⁸¹, Совету Десяти и байло Константинополя в 1417 г.⁸², экстраординариям из сумм таможенных сборов с галей в 1428 г.⁸³, *officium tabule*, с уплатой по 70–100 дукатов в месяц, до суммы 500 дукатов в 1431–1436 гг.⁸⁴, *regimen* Негропонта в 1438–1450 гг.⁸⁵ или, при невозможности, байло в Константинополе в 1440–1450 гг.⁸⁶ Уплаты, произведенные заморскими официалами, погашались через камбий. В случае, если байло из-за военных действий или иных обстоятельств не мог прибыть в Трапезунд, но держивался или умирал в пути, ему или его наследникам выплачивали половину оклада. Так, например, в 1418 г. Андреа Капелло не смог выехать из Константинополя из-за “*novitates*”, очевидно, конфликта Великих Комнинов с генуэзцами, и остался без средств. Сенат повелел выплатить ему половину оклада в византийской столице и предоставить выбор: либо отправиться в Трапезунд и получить там оставшуюся часть, либо вернуться в Венецию без оной⁸⁷. Капелло отправился к месту назначения, но недополучил все же из своего оклада 33 лиры и 10 сольди (335 дукатов). В 1422–1423 г. он стал байло на Кипре, и по его просьбе остаток суммы был выплачен из средств венецианской фактории на

⁷⁸ Thiriet F. *La Romanie Vénitienne*... P. 194–195. См. там же сравнительную таблицу окладов различных глав администрации Романии ок. 1400 г.

⁷⁹ DS. T. I. VII, N 97 – VI 1322; DS. T. I. VII, N 321 – VII 1323; DS. T. I. VIII, N 41 – VIII 1324; ASV. MC. Spiritus, f. 5v (DA. T. I, N 453 – неточное и неполное изложение) – 17/VI 1326 – байло в Трапезунде должен был получить перед отправлением 20 лир grossов и столько же выплачивалось ему в Трапезунде из 0,5% налога с товаров венецианцев по прибытии. Часть денег на оклад прибывающего байло выплачивал его предшественник из уже собранных средств: DS. T. I. XIII, N 117, 143 – VII–VIII 1330. Выплаты из поступлений от налогов: DS. T. I. XII, N 58 – V 1329; ASV. SM. XV, f. 13v (DA. T. II, N 101; RS, N 14) – 23/V 1332; ASV. SM. XVI, f. 72v (DS. T. II, N 532) – 10/VII 1334; ASV. MC. Spiritus, f. 85r – 5/IV 1336; ASV. SM. XVII, f. 61r – 23/VI 1336; ASV. SM. XXIII, f. 21r (RS, N 179) – 2/VII 1345; ASV. SM. XXXII, f. 41v – 10/IV 1367 (выплата Сеньорией с правом получения остатка из поступлений коммуны в Трапезунде, как это было предусмотрено и для консула Таны).

⁸⁰ ASV. SM. XXV, f. 62v–63r (*Bilanci generali della repubblica di Venezia* / Ed. F. Besta. Vol. I. Pt. 1. Venezia, 1912. P. 63; *Le regolazione delle entrate e delle spese* (secc. XIII–XIV) / Introduzione storica di R. Cessi, proemio di L. Luzzatti. Padova, 1925. P. 151–152) – 5/XI 1349.

⁸¹ ASV. SM. XXXI, f. 94v – 31/III 1365.

⁸² ASV. SM. LII, f. 37r – 22/VII 1417.

⁸³ ASV. SM. LVII, f. 15v – 30/VI 1428.

⁸⁴ ASV. SM. LVIII, f. 72v (RS, N 2254) – 7/VIII 1431; ASV. SM. LIX, f. 56v (RS, N 2354) – 16/VI 1434; ASV. SM. LIX, f. 163v (RS, N 2415) – 20/VI 1436.

⁸⁵ ASV. SM. LX, f. 93v (RS, N 2478) – 23/VI 1438; Ibid., f. 94v – 30/VI 1438; Ibid., f. 219r–v (RS, N 2526) – 30/V 1440; SMar. II, f. 19r (RS, N 2658) – 14/VII 1444; SMar. III, f. 73v (RS, N 2781) – 23/VII 1448; SMar. III, f. 202v (RS, N 2832) – 4/VIII 1450.

⁸⁶ ASV. SM. LX, f. 236r – 30/VII 1440; SMar. II, f. 19r (RS, N 2658) – 14/VII 1444; SMar. III, f. 73v (RS, N 2781) – 23/VII 1448; SMar. III, f. 202v (RS, N 2832) – 4/VIII 1450.

⁸⁷ ASV. SM. LII, f. 79v (RS, N 1687; *Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle* // *Revue de l'Orient Latin*. 1896. T. IV. P. 590–591) – 11/III 1418.

Кипре⁸⁸. Случай, когда избранным байло не могли прибыть к месту назначения происходили и в иных ситуациях: в 1399 г. из-за блокады Константинополя османами⁸⁹, в 1406 г. из-за того, что галеи “линии” не плыли в Трапезунд и байло, Микеле Суриан, “застрял” в византийской столице⁹⁰, в 1420 и 1441 гг. из-за задержки или перевыборов байло в самой Венеции⁹¹.

14 марта 1434 г. ввиду больших расходов государства Большой Совет ввел значительные налоги с окладов официалов. Байло Константинополя и Трапезунда и консул Таны должны были уплачивать 10% при окладе до 400 дукатов и 15% – при более высоком (под это подпадал тогда и байло Трапезунда). При этом первая часть вносилась на месте службы в конце первого ее года, в вторая – в течение 8 дней по возвращении в Венецию⁹². В ноябре того же года, однако, этот налог был увеличен соответственно до 30 и 40%⁹³, что значительно снижало для магистратов заинтересованность в получении должности, даже на фоне некоторого общего подъема торговой конъюнктуры.

В том случае, когда байло поручалась миссия посла, условия его содержания и сам статус значительно менялись. Так, например, в 1367 г. послу, который в случае успешного выполнения миссии автоматически становился байло, предусматривался оклад 3000 дукатов за первые 3 месяца и по 500 дукатов за каждый из последующих до окончания посольских функций. Когда же он переходил на положение обычного байло сроком на 2 года, то его оклад должен был составлять 1000 дукатов в год. Байло-послу предписывалось иметь в штате пресвитера-нотария, оруженосца (соция), 8 слуг, переводчика, говорившего, читавшего и писавшего по-гречески, которого надлежало нанять в Константинополе. Кроме того, ему разрешалось тратить на нужды посольства ежедневно по 3,5 дуката. Фрахт перевозки на галеех Романии всей *familia* и оклад переводчику брала на себя коммуна, остальные выплаты делал из своего содержания посол. После окончания посольских функций байло имел право иметь двух советников и держать конюшню из 6 лошадей, как это делал и консул Таны. Статус и посла, и консула был значительно повышен Сенатом, а предложение снизить ему оклад до 700 дукатов в год было отклонено большинством в Сенате⁹⁴. Венеция связывала с этим посольством надежды на значительное улучшение своего положения на Понте, что отчасти и оправдалось в 1367 и особенно 1376 г.

Таким образом, после определенных колебаний, в первоначальный период существования фактории в Трапезунде, с 1320-х годов до кризиса 40-х годов XIV в., типичным был оклад байло 400 дукатов в год, без обложения его налогами. После определенных колебаний и спонтанного повышения оклада до 600–1000 дукатов, связанного с исполнением байло посольских функций и необходимостью восстановления поселения в 1364–1374 гг., его оклад фиксируется на уровне 500 дукатов в год вплоть до падения империи, подвергаясь эрозии как за счет введенных в 1434 г. высоких налогов, так и за счет нерегулярности и не-

⁸⁸ ASV. SM. LIV, f. 79r – 28/I 1423.

⁸⁹ ASV. MC. Leona, f. 101r – 16/IV 1399. Байло было разрешено переизбираться на другую должность.

⁹⁰ ASV. SM. XLVII, f. 85r (RS, N 1237) – 20/XII 1406.

⁹¹ ASV. SM. LIII, f. 40v – 20/IV 1420; ASV. MC. Ursa, f. 129v (*Thiriet F. Délibérations des Assemblées Venitiennes concernant la Romanie*. T. I–II. Paris; La Haye, 1966–1971. (DA), N 1374) – 23/VII 1441.

⁹² ASV. SM. LIX, f. 40v (RS, N 2345) – 1/IV 1434.

⁹³ ASV. SM. LIX, f. 77v (RS, N 2370) – 7/XI 1434; ASV. SMar. III, f. 202v (RS, N 2832) – 4/VIII 1450.

⁹⁴ ASV. SM. XXXII, f. 32 r–v – 4/II 1367; Ibid., f. 41v – 10/IV 1367.

Таблица окладов трапезундских байло

Дата	Дукатов в год	Источник	Особые условия
1319. 05	230,8	DS, I, P. 206	
1320. 05. 01	400	MC, Fronesis, f. 36r	с правом торговли
1326. 06. 17	400	MC, Spiritus, f. 5v	
1366. 06. 09	600	SM, XXXI, f. 140v	без права торговли
1367. 02. 04	1000	SM, XXXII, f. 32r-v	при условии успешности миссии; без права торговли
1367. 04. 10	1000	SM, XXXII, f. 39r-40r	выплаты familia из оклада
1374. 04<	1000	SM, XXXIV, f. 98v	
1374. 04. 15	500	SM, XXXIV, f. 98v	с правом торговли
1383. 06. 23	500	SM, XXXVIII, f. 49r	с правом торговли
1384. 06. 14	300	SM, XXXVIII, f. 136r	
1395. 12. 23	500	SM, XLIII, f. 96r-v	выплаты familia из оклада
1398. 04. 19	500	SM, LIV, f. 38r	максимум, с правом торговли
1400. 02. 09	500	SM, LIV, f. 143r	
1417. 07. 22	500	SM, LII, f. 37r	
1431. 08. 07	500	SM, LVIII, f. 72v	
1434. 06. 16	500	SM, LIX, f. 56v	
1436. 06. 20	500	SM, LIX, f. 163v	
1438. 06. 23	500	SM, LX, f. 93v	
1440. 05. 30	500	SM, LX, f. 219r-v	
1440. 07. 30	500	SM, LX, f. 236r	

стабильности выплат, поручаемых (видимо, из-за недостаточности средств и сокращения самой фактории) разным магистратурам. Некоторым послаблением были даваемые байло на право ведения торговли мандаты. Еще одной льготой для байло было право располагать жилищем на территории фактории без арендной платы⁹⁵.

В своей повседневной деятельности, и верша суд, байло опирался на авторитет двух советников, преимущественно нобилей, которые должны были находиться при нем; учет их мнения был обязательным для принятия решений⁹⁶. Наличие советников-нобилей (*nobiles in sua societate*, архонтопулов) при байло воитировалось хрисовулами императоров⁹⁷. Их отсутствие допускалось лишь в исключительных случаях, и тогда байло становился единоличным администратором. Вместе с байло советники взимали налоги⁹⁸, регулировали размещение в караван-сараях персидских купцов и количество оправлявшихся в Тавриз венецианцев⁹⁹. За свою деятельность советники первоначально не получали особого оклада, но не могли отказываться от назначения (кроме особо оговоренных случаев, например, тяжелой болезни) под угрозой высокого штрафа. В 1367–1374 гг. по решению Сената советникам назначалось жалование ежемесячно по

⁹⁵ DS. T. I. XI, N 60 – VII 1328.

⁹⁶ DS. T. I. XI, N 59–60 – VII 1328; ASV. SM. XV, f. 57v–58r (DVL. T. I, N 128; RS, N 28 – с ошибками в дате; DS. T. II, N 418; *Blanc*. Le flotte... P. 11) – 9/II 1333.

⁹⁷ *Zakythinos D.A.* Le Chrysobulle... P. 11, 36.143.

⁹⁸ ASV. SM. XXXII, f. 39v – 6/IV 1367.

⁹⁹ ASV. SM. XV, f. 8v–9r (DS. T. II, N 66–67; *Brătianu G.I.* Les Vénitiens dans la Mer Noire au XIVe siècle... P. 44–45) – 7/IV 1332.

1 сомму (для сравнения скажем, что это сумма сравнительно невелика, столько обычно получали генуэзские стипендиарии Каффы или других факторий). В 1374 г. и эта выплата была снята по соображениям экономии. Вместе с тем и срок пребывания советников в должности был сокращен до 6 месяцев¹⁰⁰.

Выше упоминалась торжественная свита байло-посла. Тогда она была увеличена, по соображениям престижа, в сравнении с тем штатом, который обычно полагался байло и содержался частично за счет его оклада. В 1320 г. первый, избираемый в Венеции, байло мог иметь в штате одного священника-нотария, 4–5 слуг или берейтеров, конюшню из 4 лошадей¹⁰¹. Иногда количество слуг ограничивали даже тремя¹⁰². В числе официалов факторий, как кажется, вне свиты байло (на их содержание взимался небольшой отдельный налог¹⁰³) состояли и жезлоносцы-бастонарии¹⁰⁴. Их непосредственные обязанности трудно улавливаются по источникам, в хрисовулах трапезундских императоров они упоминаются вслед за сержантами, оруженосцами и командирами небольших воинских отрядов¹⁰⁵, и, кажется, они выполняли представительские и судебные-исполнительные функции. Бастонарии нанимались, и в 1399–1401 гг. их оклад составлял 6 соммов в год (сравнительно небольшую сумму)¹⁰⁶. Возможно, они были и гарольдами – глашатаями¹⁰⁷, хотя для идентификации последних мы встречаемся в наших источниках с другими терминами (*precones*¹⁰⁸, *plazarii*¹⁰⁹). При байло (видимо, в числе его слуг) состоял и кравчий-пинкерн, так и называемый (*pincerna*), калькой с греческого, в венецианских источниках¹¹⁰.

В 1320 г., учитывая важность и конфликтность случаев налогообложения, в состав администрации фактории был введен избираемый в Венеции весовщик, ибо исчисление и ставок, и сумм налога зависело от веса товара¹¹¹. Венеция просила императора и в дальнейшем даровать венецианцам право иметь собственного весовщика для правильного сбора налогов¹¹². Поскольку торговля в Трапезунде осуществлялась между разноязыким и пестрым по составу населением,

¹⁰⁰ ASV. SM. XXXIV, f. 98v (RS, N 535) – 15/IV 1374.

¹⁰¹ ASV. Fronesis, f. 36r (DA. T. I, N 427) – 11/V 1320; DS. T. I. XI, N 60 – VII/1328 (5 слуг); ASV. SM. XXXI, f. 140v (RS, N 434) – 9/VI 1366; SM. XXXIV, f. 98v (RS, N 535) – 15/IV 1374; SM. XXXVIII, f. 49r (RS, N 655) – 23/VI 1383; SM. XLIII, f. 96r-v – 23/XII 1395; SM. XLIV, f. 38r – 19/IV 1398; SM. XLIV, f. 143r (RS, N 975) – 9/II 1400 (4 слуги). Наличие слуг байло предусматривалось и хрисовулами трапезундских императоров: *Zakythinos D.A.* Le Chrysobulle... P. 11, 36.143.

¹⁰² ASV. SM. XXXVIII, f. 136r – 1/VI 1384.

¹⁰³ DS. T. I. XIV, N 149 – VII 1331; ASV. SM. XV, f. 22r (DS. T. II, N 167–168; *Brătianu G.I.* Les Vénitiens dans la Mer Noire au XIVe siècle... P. 48 – с неверной датой) – 9/VII 1332.

¹⁰⁴ ASV. Notai Diversi, 3, Gabriele di San Bartolomeo, f. 2r – 1371; Badoer. P. 15 – 1436.

¹⁰⁵ DVL. T. II. P. 47 (хрисовул 1367 г., здесь подчеркивается идентичность их статуса в Трапезунде и Константинополе); DVL. T. II. P. 251 (хрисовул 1396 г., упоминаются вслед за переводчиками-трусиманами).

¹⁰⁶ ASV. SM. XLIII, f. 112r – 22/II 1396 (нанимался, в составе свиты посла, на средства коммуны, с минимально возможным окладом); SM. XLIV, f. 119r – 29/VII 1399; SM. XLV, f. 63r – 18/III 1401 (не более 10 соммов); SM. XLV, f. 65r (RS, N1008) – 22/III 1401 (6 соммов).

¹⁰⁷ X. Мальтезу считает их глашатаями-жезлоносцами константинопольского баюльства. См.: *Maltezu Chr.* Ο θεσμός... P. 83.

¹⁰⁸ *Zakythinos D.A.* Le Chrysobulle... P. 11 (1319), P. 35. 142; 84–85 (1364); ASV. SM. XLV, f. 65r (RS, N 1008) – 22/III 1401.

¹⁰⁹ ASV. CI. Notai, 132. 6, Nicolò di S. Silvestro, f. 4r – 12/V 1412 – Costa Contareno, *plazarius* венецианской коммуны в Трапезунде.

¹¹⁰ ASV. Notai Diversi, 3, Gabriele di San Bartolomeo, f. 1r-v – 7/X, 17/X 1371.

¹¹¹ DS. T. I. VI, N 14 – V 1320; DS. T. I. XIV, N 149 – VI 1331. Ср.: Badoer. P. 15.

¹¹² ASV. SM. XXXII, f. 39r – 6/IV 1367.

для осуществления сделок и их экспертной оценки требовались посредники-маклеры – толóλοι, сансеры или misseti. Право венецианцев иметь собственных сансеров вотивалось хрисовулами, хотя своих чиновников имел и трапезундский фиск¹¹³.

При байло состояли также необходимые в иноязычной среде переводчики. При этом толмач с восточного, видимо, персидского, языка прибывал с караваном купцов из Тавриза и мог быть весьма полезен венецианцам как осведомитель¹¹⁴. Переводчик с греческого – труциман, как и глашатай, должен был состоять при курии байло¹¹⁵, а также мог находиться и в составе специальных посольств¹¹⁶. Оклад труциману, предусмотренный в 1401 г., был невелик: 10 соммов в год и выплачивался из суммы небольшого специального налога с купцов¹¹⁷.

Особую роль в деятельности фактории играл нотариий, канцлер баюлата. Он был не только официальным делопроизводителем и хранителем документации курии, но и составлял многочисленные публичные и судебные (по поручению байло или синдигов) и частные (по просьбе жителей) акты. В отличие от генуэзской практики (где в большой фактории было несколько нотариев, причем они являлись светскими лицами) венецианцы в Трапезунде и Тане предпочитали иметь нотарию-канцлера (помимо временно приезжавших корабельных нотариев) и избирали его из числа клириков¹¹⁸. Часто нотариий был капелланом байло, священником местного храма. Он должен был быть старше 25 лет¹¹⁹. Таким образом, соединяя функции, рачительные венецианцы заботились и о благочестии службы, и о сокращении расходов. Нотариий включался в свиту байло наряду с его слугами, и его кандидатура, видимо, избиралась из числа коллегии нотариев Венеции самим байло¹²⁰. В составе посольств, особенно если посол по окончании миссии принимал на себя должность байло, также предусматривалось наличие нотариия¹²¹. Нами выявлено 7 имен венецианских нотариев, работавших в Трапе-

зунде. От четырех из них дошли небольшие картулярии¹²², от двух сохранились единичные акты¹²³, один известен только по имени¹²⁴. Поиск и идентификация венецианских нотариев черноморских факторий продолжается. В своей деятельности (от которой, к сожалению, сохранилось мало документов) нотариий опирался на помощь писцов, обслуживавших также торговые операции (регистрацию товаров, их опись и т.п.¹²⁵) и записывавших судебные дела¹²⁶.

Байло имел право расходовать небольшие суммы денег на праздники, заботясь о поддержании традиций, веры и обычаев венецианцев¹²⁷.

Дипломатический этикет требовал от байло традиционного обмена дарами с императором. На эти цели обычно выделялись суммы от 100 до 200 дукатов¹²⁸. Для особых, неординарных даров нужно было решение Большого совета, и оно принималось также по рекомендации как байло, так и советников (например, в 1334 г. для отмены мессетерии)¹²⁹. Чаще всего в виде даров отправляли колокола для храмов или башенные часы¹³⁰. В ответ император презентовал вступающему в должность байло коня, уже считавшегося традиционным даром, который Сенат включал в количество лошадей конюшни байло и считал собственностью коммуны¹³¹.

Байло вели регистры своей деятельности¹³² и представляли на утверждение Сената финансовый отчет и бухгалтерские книги (*entrata e uscita*), в которые включались и суммы платежей за аренду домов и складов¹³³. В посланиях дожу и Сенату они информировали о положении дел и предлагали необходимые меры¹³⁴. После их прибытия или по получении писем Сенат нередко назначал комиссию из пяти “мудрых” для исследования дел и подготовки решений. В том

¹¹³ *Zakythinos D.A.* Le Chrysobulle... P. 10; 34. 111; DVL. II. P. 129, 251; DS. T. I. XI, N 63 – VIII 1328; XIII, N 141 – VIII 1330. См. подробнее: *Карпов С.П.* Итальянские морские республики... С. 224–235.

¹¹⁴ ASV. SM. XV, f. 18v (DS. T. II, N 133; *Brătianu G.I.* Les Vénitiens dans la Mer Noire au XIVe siècle... P. 46) – 16/VI 1332.

¹¹⁵ ASV. Notai Diversi, 3, Gabriele di San Bartolomeo, f. 1r – 7–15/X 1371; DVL. T. II. P. 251 – 1396; ASV. SM. XLV, f. 65r (RS, N 1008) – 22/III 1401.

¹¹⁶ ASV. SM. XXXII, f. 32r-v (RS, N 441) – 4/II 1367 (найм труцимана в Константинополе); SM. XLII, f. 69v (*Iorga N.* Venetia in Marea Neagră. P. 1109) – 4/VII 1392; SM. XLIII, f. 112r (ibid. P. 1117) – 22/II 1396; SM. XLV, f. 63r – 18/III 1401.

¹¹⁷ SM. XLV, f. 63r – 18/III 1401; SM. XLV, f. 65r (RS, N 1008) – 22/III 1401.

¹¹⁸ Порядок избрания нотариия из числа священников был установлен изначально, с момента принятия Большим Советом Венеции постановления об управлении факторией в Трапезунде: ASV. MC. Fronesis, f. 36r (DA, N 427) – 11/V 1320. В 1327 г. Сенат разрешил байло, при его желании, избирать в качестве нотариия не клирика, но светское лицо: DS. T. I. X, N 200 – VII 1327, однако случаи, когда нотарииями, канцлерами фактории, были светские лица, нам неизвестны.

¹¹⁹ В 1424 г. по просьбе байло Андреа Донато молодому священнику Микеле Лоренцо, капеллану байло, которому еще не исполнилось 25 лет, было разрешено подвергнуться испытанию на звание нотариия: ASV. MC. Ursa, f. 57v (DS. T. II, N 1271. P. 316–317) – 19/VI 1424.

¹²⁰ DS. T. I. XI, N 59 – VII 1328 (в составе свиты, один из 5 *famulorum* байло); ASV. SM. XXXI, f. 140v (RS, N 434) – 9/VI 1366 (расходы на содержание священника-нотариия включены в оклад байло); SM. XXXIV, f. 98v (RS, N 535) – 15/IV 1374; SM. XXXVIII, f. 49r (RS, N 655) – 23/VI 1383.

¹²¹ ASV. SM. XXXII, f. 32r-v (RS, N 441) – 4/II 1367; SM. XLII, f. 69v (*Iorga N.* Venetia in Marea Neagră. P. 1109) – 4/VII 1392; SM. XLIV, f. 143r (RS, N 975) – 9/II 1400.

¹²² ASV. Notai diversi, 3, Gabriele di S. Bartolomeo, 21/V 1371 – 8/X 1372, 11 актов; ASV. CI, Notai, 189. 5, Vettore Scaliperio, корабельный нотариий, небольшой картулярий, 2 акта в Трапезунде 16–21/X 1383; Moretto Bon... 11 актов 23/IX – 1404 – 4/III 1405; ASV. CI, Notai, 132. 6. Nicolò di S. Silvestro, 13 актов 22/IX 1411 – 23/XII 1413.

¹²³ DVL. T. I, N 83–84 – 12/VIII 1320 (Андреа Массоло, 2 акта); ASV. PSM. Commissarie de ultra, 167, 208 – 16/IX 1334 (Север, пресвитер церкви св. Марциала, 1 акт).

¹²⁴ MC. Ursa, f. 57v (DA. T. II. N 1271) – 19/VI 1424 – Микеле Лоренцо.

¹²⁵ DS. T. I. XIV, N 149 – VII 1331; ASV. SM. XV, f. 22r (DS. T. II. P. 48) – 9/VII 1332.

¹²⁶ Moretto Bon... P. 18, 22 – 17/XII 1404 – писец Джероламо Оньибене.

¹²⁷ DS. T. I. VI, N 14 – V 1320: по 40 сольди (2 дуката) на каждый из праздников. Разумеется, речь шла о больших церковных праздниках, отмечаемых и в Венеции.

¹²⁸ См. выше. Постепенно эти дары стали регулярными и связывались с прибытием караванов галей в Трапезунд. В 1372 г. в постановлении Сената сказано о выплате на подарок до 20 соммов *annuatim*, взимаемых по раскладке с купцов: SM. XXXIV, f. 17v (RS, N 510) – 5/VII 1372.

¹²⁹ ASV. SM. XVI, f. 68r-v (DS. T. II. N 507; RS, N 152) – 18/VI 1334.

¹³⁰ См. также: ASV. SM. XLV, f. 6v (RS, N 981) – 26/III 1400 – ассигнование от 70 до 80 дукатов на покупку колокола для трапезундского императора, взамен отправленного на починку и, вероятно, потерянного; SM. XLV, f. 53r-v (RS, N 1001) – 11/II 1401. Посланные на ремонт часы не были возвращены из Венеции и Сенат выделил следующему байло Бернабо Лоредану 30 дукатов на закупку новых часов: SM. XLVI, f. 77v (DVL. T. II. P. 289; RS, N 1109) – 20/IV 1403. SM. LV, f. 120r (RS, N 988) – 2/VI 1425 (пересылка на галях без фрахта колокола для трапезундского императора).

¹³¹ ASV. SM. XXXIV, f. 17v – 5/VII 1372; ASV. SMar. II, f. 94v–95r – 23/VII 1445.

¹³² К сожалению, они не сохранились, но о них есть упоминания. См.: ASV. SM. XVI, f. 73v–74r (DS. T. II. N 543) – 11/VII 1334 (регистры байло Николо Нани [1330–1332], затем консула Таны, где он и умер. На их основании был составлен отчет о его деятельности в Трапезунде).

¹³³ ASV. SM. XVI, f. 18r (DS. T. II. N 134) – 8/VII 1333; DS. T. II. N 177 – 2/IX 1333.

¹³⁴ Например: ASV. SM. XVII, f. 16v (RS, N 60) – 17/VII 1335; SM. XXXII, f. 10v (RS, N 450) – 2/III 1368; SM. LII, f. 187v – 25/VII 1419; SMar., II, f. 94v (RS, N 2696) – 28/VII 1445.

случае, если бывший или вновь назначаемый байло присутствовали в Венеции, они приглашались на заседания и принимали участие в выработке решений¹³⁵.

Превышение полномочий со стороны байло было редким, и, как правило, осуждалось. Чаще всего это касалось несанкционированных даров или платежей, когда против байло мог быть вчинен иск¹³⁶. Однако сделанное в Сенате предложение, чтобы байло вообще не имел права брать на себя обязательств от имени государства без особого позволения, было отвергнуто¹³⁷.

В случае временного отсутствия байло или перерыва в регулярных связях с факторией, когда байло не избирался, главой поселения и представителем Республики становился выбираемый на месте и обладавший административным опытом венецианец, именовавшийся вице-байло. Как только позволяли обстоятельства и связи укреплялись, Сенат стремился перейти к процедуре регулярного избрания байло "pro honore nostro"¹³⁸. Вице-байло по правилам мог быть избранным на месте Советом Двенадцати фактории¹³⁹, но в том случае, когда такой возможности не было, эту миссию Сенат возлагал на венецианских купцов в Трапезунде и капитана галей Романии¹⁴⁰, Большой совет Константинополя¹⁴¹, на байло византийской столицы, его советников, Совет Двенадцати и капитана галей Романии¹⁴² или же на консула и посла Таны вместе с капитаном и венецианскими байло и послами в Константинополе¹⁴³. Когда фактория испытывала явный упадок (в 1386, 1398, 1412 и 1454 гг.), Сенат не стал избирать нового байло, а прежнему разрешил возвратиться в Венецию, оставив для охраны замка и фактории, а также в качестве вице-байло того венецианца-купца, которого он сочтет подходящим¹⁴⁴. Это было проявлением несомненного кризиса торговли и сокращения числа жителей фактории. Иногда байло мог назначить себе преемника в лице вице-байло и на ограниченный срок, до прибытия нового байло, когда галей "линии" не могли идти в Трапезунд в установленные сроки, а действующий байло должен был возвращаться, не дожидаясь их прибытия¹⁴⁵. Вице-байло избирался Большим советом нобилей также в том случае, когда действующий байло не мог исполнять свои функции, например, для ведения суда против оскорбителя самого байло и в его лице венецианской Синьории и представления дела на окончательное решение суда в Венеции. Полномочия такого вице-байло ограничивались сроком ведения расследования и процесса¹⁴⁶.

Вице-байло осуществлял все те же полномочия, что и байло, возможно, лишь с некоторыми ограничениями в степени самостоятельности и радикальности принимаемых в сложных политических ситуациях решений. Так, например, в период

¹³⁵ ASV. SM. XVI, f. 18r (DS. T. II. N 134) – 8/VII 1333; SM. XVI, f. 52r (DS. T. II. N 389; RS, N 46) – 10/III 1334; SM. XLVII, f. 126v–127r (RS, N 1272) – 24/VII 1407; SMar. II, f. 94v (RS, N 2696) – 28/VII 1445.

¹³⁶ ASV. SM. XXXVIII, f. 109r (RS, N 670) – 29/III 1384 (вице-байло был оправдан, см. ниже).

¹³⁷ ASV. SM. XVI, f. 73v–74r (DS. T. II. P. 334–335) – 11/VII 1334.

¹³⁸ ASV. XXXI, f. 140v – 9/VI 1366.

¹³⁹ ASV. MC. Ursa, f. 129v (DA, N. II, N 1374) – 23/VII 1441.

¹⁴⁰ ASV. SM. XLIV, f. 116r (RS, N966) – 25/VII 1399.

¹⁴¹ ASV. XXXII, f. 2r (RS, N 435) – 20/VII 1366 (из нобилей, достигших 20 лет).

¹⁴² ASV. XXXI, f. 70v (RS, N 419) – 21/VII 1364.

¹⁴³ ASV. XXXVIII, f. 56v – 13/VII 1383.

¹⁴⁴ ASV. SM. XL, f. 23v – 26/III 1386; SM. XIV, f. 50r – 9/VII 1398; SM. XLIX, f. 129r (RS, N 1462) – 22/VII 1412 (право избрать только нобилей); SMar. V, f. 18v (RS, N 2954) – 15/I 1454 (решение об отъезде байло принято, несомненно, в связи с падением Константинополя).

¹⁴⁵ ASV. SM. LII, f. 37r – 25/VII 1417.

¹⁴⁶ Moretto Bon... N 13, P. 17–23 – 17/XII 1404.

Дата	Дукатов в год	Источник	Примечания
1365. 03. 31	565,5	SM, XXXI, f. 94v	87 соммов, по камбию ¹⁵¹ до 10 соммов ¹⁵² 100 – если нобиль, 50 – если пополан 200 – если нобиль, 100 – если пополан; право заниматься торговлей половина оклада байло, если нобиль
1376. 07. 24	300	SM, XXXV, f. 126r	
1383. 07. 13	200	SM, XXXVIII, f. 56v	
1386. 03. 26	32–60	SM, XL, f. 23v	
1398. 07. 09	50–100	SM, XLIV, f. 50r	
1399. 07. 25	100–200	SM, XLIV, f. 116r	
1412. 07. 22	250	SM, XLIX, f. 129r	

острого военного конфликта с Трапезундской империей в 1376 г. не ему, а командующему военным флотом, капитану-генералу Моря, поручалось принятие ответственных решений, в том числе и отдача приказов самому вице-байло¹⁴⁷. Это, впрочем, не воспрепятствовало тому, что именно вице-байло Витторе Барбариго получил от императора коронные драгоценности в залог выполнения им договорных обязательств¹⁴⁸. Тот же Барбариго пять лет спустя и в том же качестве должен был согласовывать с венецианским послом в Константинополе условия возобновления регулярных вояжей галей в Трапезунд¹⁴⁹. И ему же пришлось, не имея при себе советников и достаточного числа купцов-венецианцев, принимать единоличное решение об экстраординарном платеже в 11 соммов в качестве брачного дара сыну императора, что стало затем предметом разбирательства¹⁵⁰.

Оклад вице-байло, как правило, составлял половину суммы оклада байло, однако, особенно в годы кризисов и упадка фактории, мог опускаться и ниже. При этом подчас делалось различие: был ли вице-байло в Трапезунде патрицием или нет. Патриций, выбранный из числа остающихся в Трапезунде купцов, всегда предпочитался. Но встречались ситуации, когда подходящего администратора из нобилей было трудно найти (ввиду их немногочисленности или упорного нежелания принять на себя эти функции). При невозможности собрать Совет Двенадцати замещение должности пополаном становилось неизбежным.

¹⁴⁷ ASV. SM. XXXV, f. 100v (*Iorga N. Venetia in Marea Neagră...* P. 1060) – 12/III 1376.

¹⁴⁸ См. выше примеч. 147 – 28/VII 1376.

¹⁴⁹ ASV. SM. XXXVII, f. 21r–v (DVL. T. II. P. 183; RS, N 607) – 27/X 1381.

¹⁵⁰ ASV. XXXVIII, f. 109r (RS, N 670) – 29/III 1384. Вице-байло был оправдан Сенатом, и сумма была ему возмещена. По всей вероятности, речь шла о бракосочетании наследника престола, будущего Мануила III, и грузинской царевны Кулканхат (Евдокии), произошедшем 6 сентября 1377 г., как сообщает хроника Панарета (Μιχαήλ τοῦ Παναρέτου Περί τῶν Μεγάλων Κοινηγῶν / Ekd. O. Lampsides // АП. 1958. Т. 22. Р. 78. 27–33). Для венецианской фактории это были трудные годы, и возглавлял ее тогда именно Витторе Барбариго (вице-байло в 1376–1383 гг.).

¹⁵¹ Ближайший известный курс камбия соммов Таны и дукатов (1 сомм = 6,5 дукатам) находим у нотариуса Бенедетто Бьянко для августа 1360 г.: ASV. CI. 19, Benedetto Bianco, [N 189] – 1360.08.14.

¹⁵² Курс сомма неизвестен. В 1417 г. при камбии он составлял 3,15 дуката (См.: Прокофьева Н.Д. Акты венецианского нотариата в Танае Донато а Маю (1413–1419) // Причерноморье в средние века. Т. 4. СПб., 2000. С. 105–106. Док. № 105).

В периоды реконструкции фактории или ее нового обоснования вице-байло разрешалось получить причитающийся ему оклад вместе с ассигнованиями на дипломатические дары и иные служебные расходы через камбий в Венеции от палаты продовольствия. В 1365 г. эта сумма составляла 87 соммов (примерно 522 дуката)¹⁵³.

Штат вице-байло также состоял из меньшего, чем у ординарного байло числа лиц, обычно – до половины¹⁵⁴. Так, например, слуг в его распоряжении, содержащихся за счет его оклада, было двое¹⁵⁵ или даже один¹⁵⁶ человек, если вице-байло был пополам. Вице-байло разрешалось также нанимать одного ба-стонария, оклад которому выплачивался не из его жалованья, а из средств коммуны¹⁵⁷.

Для решения важных дел и производства значительных расходов байло с советниками был обязан ежегодно собирать Большой совет фактории¹⁵⁸. В его состав входили все венецианские нобили старше 20 лет, находившиеся в Трапезунде, включая и экипажи, и купцов галей, посещавших город транзитом¹⁵⁹. В компетенции Совета, помимо прочего, было выделение денег на дары императору, максимальная сумма которых оговаривалась Сенатом. Этому же Совету могли поручить принятие постановления о возможности отправки караванов венецианских купцов в Тавриз и о снятии запрета на торговлю с Персией¹⁶⁰, выборы капитана эскадры галей, идущих из Константинополя в Трапезунд¹⁶¹. Решения Совета принимались большинством голосов¹⁶². Большой совет мог, при необходимости, избирать вице-байло и иных магистратов¹⁶³.

Совет Двенадцати фактории избирался из числа присутствующих в Трапезунде нобилей (если там было достаточное их число, что встречалось не всегда, особенно в годы кризисов). В его компетенцию, как отмечалось, входило избрание при необходимости вице-байло, а также консультативные функции.

Таким образом, существовавшая в Трапезунде венецианская фактория, с одной стороны, опиралась на весь административный опыт Республики св. Марка и воспроизводила в миниатюрном виде модель метрополии, а с другой – учитывала местные традиции и специфику и предоставляла значительные права высшим официальным, ставя их вместе с тем под жесткий и неусыпный контроль правительства Венеции и ограничивая сроки пребывания в должности.

¹⁵³ ASV. SM. XXXI, f. 94v – 31/III 1365. Ближайший по времени зафиксированный курс относится к 1360 г. (1 сомм Таны = 6 дукатов): ASV. CI. 19, Benedetto Bianco, 1, N 189 – 28/IX 1360 Упоминание о сомме, распространенном в Золотой Орде, генуэзской Газарии и в Танае, указывает на связь возникшей ситуации с Северным Причерноморьем (где недавно преодолевали кризис Таны), а также на использование сомма в общей системе навигации галей Романии – Черного моря.

¹⁵⁴ ASV. SM. XXXV, f. 126r – 1376. 07. 24; SM. XLIX, f. 129r (RS, N 1462) – 1412. 07. 22.

¹⁵⁵ ASV. SM. XXXVIII, f. 56v – 1383. 07. 13; SM. XLIV, f. 50r – 1398. 07. 09; SM. XLIV, f. 116r (RS, N 966) – 1399. 07. 25.

¹⁵⁶ ASV. SM. XLIV, f. 50r – 1398. 07. 09; SM. XLIV, f. 116r (RS, N 966) – 1399. 07. 25.

¹⁵⁷ ASV. SM. XLIV, f. 119r – 29/VII 1399.

¹⁵⁸ DS. T. I. XI, N 62 – VIII 1328; SMar. II, f. 94v (RS, N 2696) – 28/VII 1445; Mommsen Th. Autobiographie des Venezianers Giovanni Bembo. S. 600.

¹⁵⁹ ASV. SM. XXXIII, f. 66v (RS, N 489) – 21/VII 1370; SM. XXXIV, f. 17v (RS, N 510) – 5/VII 1372.

¹⁶⁰ ASV. XVIII, f. 50v – 20/VII 1339.

¹⁶¹ ASV. SM. XXXIII, f. 66v (RS, N 489) – 21/VII 1370.

¹⁶² ASV. SM. XXXIV, f. 17v (RS, N 510) – 5/VII 1372.

¹⁶³ Moretto Bon... N 12 – 1404. 12. 17.

А.А. Войтенко

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ МОНАШЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В “ЖИТИИ ПРЕП. АНТОНИЯ ЕГИПЕТСКОГО” СВТ. АФАНАСИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Вопрос о социальном происхождении египетского монашества, равно как и вопрос о социальных контактах на ранней стадии его истории нельзя считать до конца разрешенным. Многие ученые склоняются к мнению, что основу монашества составляло малограмотное коптское крестьянство и соответственно своему кругу социальных контактов монахов был ограничен преимущественно представителями этого социального слоя¹. Статья представляет собой попытку исследования столь непростой проблемы на материале “Жития преп. Антония Египетского” – одного из самых известных литературных источников по ранней истории монашества². Естественно, что в нашем небольшом исследовании мы стремились рассмотреть сведения “Жития”, учитывая и тот широкий социальный фон, который известен ныне благодаря несомненным достижениям в папирологии и агиологии.

Интересно сразу же отметить, что “Житие” не содержит прямых указаний на то, что в числе учеников и последователей преп. Антония были коптские крестьяне. Однако утверждать, что среди отшельников в Писпире и возле Арсинои³ вовсе не было бывших крестьян, представляется нам слишком поверхностным. При работе с данными агиографии необходимо учитывать следующее: во-первых, авторы житий не стремились дать детальный социальный “срез” монашества – их интересовало совсем другое, а посему и наши знания о происхождении монахов не похожи на подробный портрет, а напоминают скорее набросок или эскиз, где в лучшем случае будут обозначены основные контуры. Во-вторых, в агиографической литературе чаще всего выделялись события экстраординарные⁴ (такие, как посещение монастыря наместником или другим “благородным” лицом, приход к монашеству бывшего военачальника и т.д.), а простые жители Египта чаще всего обезличивались и включались в состав таких

¹ О подобном мнении см., например: Farag Rofail Farag. Sociological and Moral Studies in the Field of Coptic Monasticism. Leiden, 1964. P. 76–77; Baumeister Th. Die Mentalität des frühen ägyptischen Mönchtums. Zur Frage der Ursprünge des christlichen Mönchtums // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1977. Bd. 88. S. 148; Frazee Ch. A Late Roman and Byzantine Legislation on the Monastic Life from the Fourth to the Eighth Centuries // Church History. 1982. Vol. 51. P. 263.

² Все греческие цитаты даются по изданию: Athanase d'Alexandrie. Vie d'Antoine / Introduction, texte critique, traduction, notes et index par G.J.M. Bartelink. (Sources chrétiennes. Vol. 400). P., 1994.

³ Два поселения монахов, упоминаемых в “Житии”. Писпир (совр. Дей эль-Меймун) – место подвижничества преп. Антония в Среднем Египте, где согласно “Житию” вокруг него образуется колония отшельников (Vita Antonii. Cap. 14). Точное место колонии отшельников в районе “Арсиноитского канала”, упоминаемой в 15-й главе, неизвестно. Вероятно, она находилась где-то в окрестностях главного города Фаюмского оазиса.

⁴ Необходимо уточнить, что в данном случае речь идет о экстраординарных событиях в плане социальном. В агиографических источниках есть, конечно же, немало упоминаний о простолюдях в связи со сверхъестественными исцелениями, молитвенной помощью и т.д.

социальных “групп”, как “приходящие [в монастырь]” (ἐρχόμενοι), “многие” (πολλοί) или “страждущие” (πάσχοντες), или просто-напросто обозначались артиклем οἱ. Таким образом, если строго следовать “персонифицированной” картине, могут получиться большие искажения. Следовательно, нам необходимо хотя бы попытаться представить, кто мог скрываться за таким “обезличенным” множеством, как πολλοί, οἱ и т.д.

В главе 13 говорится о неких знакомых (οἱ γνῶριμοί)⁵, приходивших к преп. Антонию на Писпир и проводивших дни и ночи за оградой его жилища. Далее (сар. 14) речь о том, что какие-то знакомые, желая подражать подвижничеству преп. Антония, взломали дверь в его уединенное жилище. Спрашивается, кто же были эти “знакомые”? Учитывая, что преп. Антоний еще в своей родной деревне вел довольно замкнутую жизнь (сар. 1–2), можно предположить, что это были либо жители его родного села либо жители сел по соседству. В главе 8 указывается, что, удалясь в гробницы, бывшие на значительном расстоянии от села, преп. Антоний поручил одному знакомому приносить ему хлеб. Выдержав очередное нападение бесов, преп. Антоний теряет сознание, после чего этот знакомый переносит его в сельскую церковь (τὸ τῆς κώμης κυριακὸν)⁶, где его окружают многочисленные родственники и жители деревни⁷. Следовательно, упоминаемые в “Житии” “знакомые” преп. Антония – это, скорее всего, жители комы (вполне возможно, той самой, где он родился).

Очень любопытное замечание содержится в главе 87: “Притом он (т.е. преп. Антоний) до такой степени был способен (проповедовать) к великой пользе (каждого), что многие из военных и имеющих большой достаток (курсив мой. – А.В.) слагали с себя житейские тяготы и становились наконец монахами”⁸. Истолковать этот фрагмент непросто. Во-первых, “люди военные” и “имеющие большой достаток” – это одни и те же персоналии или речь идет о двух разных социальных категориях⁹? Во-вторых, кто имеется в виду под “военными”: солдаты/легионеры вообще или какая-то конкретная категория населения¹⁰? Возможно, свт. Афанасий имеет в виду солдат как таковых, ибо тяготы

военной службы чем-то сродни большому материальному достатку, который обременяет и сковывает человека, а монашество может “устранить” эти тяготы. Тогда πολλοὶ στρατευόμενοι и οἱ τὰ πολλὰ κητιμένοι – это разные социальные группы. Но может быть и другая интерпретация. Στρατευόμενοι могут означать вышедших в отставку римских ветеранов, поскольку многие из них получали участки земли в Фаюме¹¹. Учитывая, что фаюмский оазис входил в Арсиноитский ном¹², до которого из Писпира было примерно сутки пути, и что преп. Антоний давал наставления арсиноитской братии, то такое предположение кажется вполне правдоподобным. При таком толковании выражение πολλοὺς στρατευομένους καὶ τῶν τὰ πολλὰ κητιμένων может означать одну социальную группу, а именно римских ветеранов, проживавших в Фаюме. Но и при первом, и при втором толковании ясно одно: причислить этих иноков к выходцам из коптских крестьян довольно трудно¹³. Эта категория египетских иноков по своему мировоззрению и, вероятно, по языку должна была явно принадлежать к греко-римскому миру. Если не считать это высказывание свт. Афанасия только риторическим приемом, то можно предположить, что социальная и этническая картина раннеегипетского монашества выглядит гораздо сложнее, чем принято считать¹⁴.

* * *

Свт. Афанасий следующим образом определяет те мотивы, которые приводили людей к преп. Антонию: “Ибо одни приходили единственно для того, чтобы видеть его, другие по причине немощи, а иные потому, что страдали от демонов” (сар. 62). Таким образом, помимо созерцания подвижника основной причиной прихода к нему, надо полагать, было желание излечиться от телесных и душевных недугов. Эта мотивация достаточно хорошо известна и из других

⁵ Греч. γνῶριμος имеет наряду со значением “знакомый” еще и значение “знатный”. Однако, исходя из контекста этого и последующих примеров, ни о какой знати речи не идет.

⁶ Возможно, речь идет не о сельской церкви, как таковой, а о комнате в доме, принадлежавшем кому-либо из родных или знакомых преп. Антония, которая служила местом религиозных собраний христиан. См.: *Свящ. Стефан Лобачевский*. Святой Антоний Великий (его жизнь, писания и нравственно-подвижническое учение). Одесса, 1906. С. 41.

⁷ Греч. πολλοὶ τε τῶν συγγενῶν, καὶ οἱ ἀπὸ τῆς κώμης.

⁸ Греч. οὕτω δὲ πάλιν πρὸς ὠφέλειαν πᾶσιν ἦν ἱκανός, ὥς πολλοὺς στρατευομένους καὶ τῶν τὰ πολλὰ κητιμένων ἀποτίθεσθαι τὰ τοῦ βίου βάρη, καὶ λοιπὸν γίνεσθαι μοναχοὺς.

⁹ Дело в том, что в рукописях есть разночтения. В трех из них (Vat. gr. 1589; Amb. gr. 51; Coisl. gr. 383) вместо στρατευομένους стоит τῶν στρατευομένων, что составляет некую синтаксическую “симметрию” с τῶν κητιμένων и позволяет говорить о некоем единстве “статуса”. Это и отражено в русском переводе (ср.: *Свт. Афанасий Александрийский*. Творения. Т. III. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1903. С. 245). Однако Ж. Бартелинк поставил в основной текст вариант στρατευομένους и перевел так: *beaucoup de soldat et de gens* (курсив мой. – А.В.) qui s'était acquis de grands biens (*Athanase d'Alexandrie*. Vie d'Antoine. P. 359). Из перевода понятно, что Бартелинк разделяет “солдат” и “имеющих значительный достаток”.

¹⁰ О том, что в IV в. в Египте были как регулярные воинские подразделения, так и вспомогательные части, см., например: *Фихман И.Ф.* Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 195. Следует отметить, что к VI в. термин στρατεία, как и militia, стал обозначать не только военную, но и гражданскую службу (см.: *Чекалова А.А.* Константинополь в VI в. Восстание Ника. СПб., С. 106. Примеч. 2; *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. II. Oxford, 1964. P. 864).

¹¹ “Ветераны получали римское гражданство, их браки легализовывались, они приобретали землю, чаще всего в Фаюме (курсив мой. – А.В.) им предоставлялись льготы...” (*Фихман И.Ф.* Указ. соч. С. 195).

¹² “Арсиноитский ном охватывал всю территорию фаюмского оазиса, расстилающегося с юго-восточной стороны Меридова озера (оз. Карун) на 50 км с северо-востока на юго-запад и на 40–25 км с северо-запада на юго-восток” (*Павловская А.И.* Египетская хора в IV в. М., 1979. С. 59).

¹³ Правда, есть сведения, что преп. Пахомий до того, как стал монахом, служил в римской армии. Но судя по характеру сообщаемых сведений, профессиональным военным Пахомий не был; он просто попал под “рекрутский” набор во время войны Константина с Максенцием. Пробыв какое-то время на “призывных пунктах” в Эсне и Антиное, он затем был отпущен домой.

¹⁴ При этом надо отметить, что этническая обстановка в египетской хоре римского и ранневизантийского времени была довольно сложна, поскольку еще с эллинистического времени население египетской комы «было неоднородным и в этническом, и в социальном плане. Помимо “царских людей” (т.е. египтян-общинников. – А.В.) в комах постоянно или временно жили военные колонисты (катеки, клерухи, махимой), граждане полисов, чиновники, откупщики, жрецы, ремесленники, торговцы, поденщики, рабы» (*Павловская А.И.* Указ. соч. С. 169). Далее А.И. Павловская отмечает, что с течением времени этнические различия сглаживались, но, к сожалению, не поясняет каким образом. В римское и византийское время, как принято полагать, возникает известная этническая обособленность, но нет никаких данных о массовом исходе грекоязычного (“эллинизированного”) населения египетской хоры в города. К тому же юридическое понятие “египтяне” могло включать в себя и греков, и эллинизированных жителей метрополий (*Фихман И.Ф.* Указ. соч. С. 196). Известно, что “греки” (понимаемые не как этническая общность, а как этнокультурное понятие) в римское время являлись главными поставщиками кадров в номовую администрацию (Там же. С. 160).

агиографических сочинений, и из данных папирусов¹⁵. Однако были и другие поводы: например, в 53-й главе свт. Афанасий вскользь замечает, что преп. Антоний плел корзины и отдавал их приходящим к нему за приносимое ими.

Как уже было сказано, в “Житии” нет прямых указаний на посещение преп. Антония коптскими крестьянами. Но по косвенным данным их присутствие возле мест подвижничества святого вполне очевидно. Помимо уже приведенных аргументов остановимся еще на двух: у кого преп. Антоний меняет сплетенные им корзины на то, что ему приносит (сар. 53)? Скорее всего, речь идет о крестьянах из близлежащих деревень¹⁶. Преп. Антоний, как уточняет агиограф (сар. 16), проповедует на коптском языке¹⁷. Естественно предположить, что проповедь была предназначена в первую очередь для жителей египетской хоры, зачастую не знающих греческий язык¹⁸.

Контакты преп. Антония с городским населением описаны в “Житии” лучше и отчетливее. Родители некой девицы из Трипольского Бусириса приносят к преподобному свою дочь. Хотя район, именуемый Триполис, до сих пор не идентифицирован, можно предполагать, что речь идет об одном из известных городов Бусирисов¹⁹, скорее всего, имеется в виду самый знаменитый из них, располагавшийся в Дельте Нила. По сообщению свт. Афанасия, на “гору” (видимо, “внешнюю”) к преп. Антонию приходят несколько языческих “философов” (сар. 72) и некие “языческие мудрецы” (сар. 74). По всей видимости, речь здесь идет о слушателях какой-то позднеантичной философской школы, находившейся, вероятно, в Александрии. Очевидно, что слушатели эти – горожане, ибо невозможно представить себе в Египте IV в. философа с сельской окраины, как невозможно вообразить, чтобы житель египетской деревни нуждался в переводчике с коптского²⁰. Сам преп. Антоний совершает два путешествия в Александрию. Первое он совершил во время гонения Максимиана (предположительно в 308 г.²¹ – сар. 46), а второе – для обличения арианской ереси (в 337 или в 338 г.²² – сар. 69–71). Во время второго путешествия, как указывает свт. Афанасий, на него вышли посморгать все горожане, что может свидетельствовать о выросшей за тридцать лет известности преп. Антония. Вообще же второе посещение описано подробнее, так сказать, “социальнее”, чем первое. На этот раз

помимо обличения арианства преп. Антоний помогает “бесноватым и повредившимся в уме”, к нему подходят язычники (ἑλληνες) и жрецы (οἱ λεγόμενοι αὐτῶν ἱερεῖς). Последнее упоминание, кстати говоря, небезынтересно: о социальном статусе и религиозном характере языческого жречества в Египте IV в. данных практически нет, хотя “жрец” нередко фигурирует в агиографической литературе как “второстепенный” герой²³.

Преп. Антония посещают также судьи (δικασταί) вместе с подсудимыми (δικαζόμενοι) в сопровождении охраны (сар. 84). С большой долей уверенности можно предполагать, что “судьи” – члены городской (номовой) администрации, а не представители сельского схода²⁴. В главе 57 упоминается некий Фронтон “из дворца” (ἀπὸ παλατίου). Наиболее вероятное значение παλάτια в этом случае – дом римского префекта Египта²⁵. Следовательно, Фронтон – чиновник высшей египетской администрации, причем довольно высокого ранга. В главе 48 упомянут военачальник Мартинаиан²⁶. Имя, безусловно, римское. Вероятнее всего, что он не копт и не грек. Но его звание (центурион? командир одного из вспомогательных подразделений?) и соответственно социальный статус вряд ли удастся восстановить.

Более определенно можно высказаться о навестившем преп. Антония комите (κόμης) Архелае, который просил у преподобного молиться за страждущую Поликратию из Лаодикии (сар. 61). Как показывает, например, материал коптского “Мартирия апы Виктора”, слово κόμης/κομῆς могло означать наместника²⁷. Согласно контексту, свт. Афанасий мог иметь в виду не высшее должностное лицо Верхнего или Нижнего Египта, а наместника одной из малоазийских провинций. Кстати говоря, что на поклон к святому приходит чиновник такого уровня, не единичен²⁸.

В “Житии” есть еще одно любопытное упоминание: в главе 85 сказано, что некий “стратилат” долго просил преп. Антония сойти с горы, имея в нем нужду.

²³ Ср., например: *Apophtegmata Patrum*. Macarius, 37–38.

²⁴ Как отмечает Г.Е. Лебедева, контингент судейских чинов в ранневизантийском обществе формировался в значительной степени из сословия куриалов (*ordo curialium*), которое находилось в более привилегированном положении, нежели городской и сельский плебс (*ordo plebeiorum*). Правда, при этом она отмечает, что сословие куриалов в Египте было достаточно слабым (Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980, С. 136).

²⁵ *Athanase d'Alexandrie*. Vie d'Antoine. P. 289. Впрочем, Ж. Бартелинк не исключает, что речь идет о названии города (*Palatium*). Однако это маловероятно, поскольку такой город не встречается в других источниках, как не встречается там и имя Фронтон.

²⁶ Греч. τῆς ἀρχῶν στρατιωτῶν. Ж. Бартелинк, например, перевел τῆς ἀρχῶν στρατιωτῶν как *un officier* и оставил его без комментария (*Athanase d'Alexandrie*. Vie d'Antoine. P. 265). Русский перевод – “военачальник” – также носит очень общий характер (см.: Свт. Афанасий Александрийский. Творения. С. 217).

²⁷ См. примечание А.И. Еланской в кн.: Еланская А.И. Изречения Египетских Отцов: Памятники литературы на коптском языке. СПб., 1993. С. 284–285. В качестве примера такого употребления термина “комит” приведем отрывок из текста “Мартирия апы Виктора”, опубликованного А.И. Еланской в 20-м номере “Палестинского сборника” (ПС. Т. 20. Л., 1969). Автор “Мартирия” приводит послание императора Диоклетиана, которое начинается так: ἀνοκ πρὸ ἀποκρίσεως ἐκείνου ἡγεμενίου π̄ κομῆς πρακоте (я, император Диоклетиан, пишу Арминию, комиту Александрии) (ПС. Т. 20. С. 38). Комит Александрии Арминий, упоминаемый в других источниках, ни кто иной, как наместник Нижнего Египта. Ср.: Еланская А.И. Указ. соч. С. 270, 284.

²⁸ В “Житии Шенуте” упоминается, что “комит”, собираясь сразиться с варварами (скорее всего, имеются в виду блеммии), опустошавшими Южный Египет, приходит в монастырь к Шенуте и просит у него благословение (*Vita Sinuthii*. 135: *Sinuthii Archimandritae vita et opera omnia* / Ed. J. Leipoldt, adiuv. W. E. Crum. CSCO, 41. Scriptores Coptici, Series 2. T. 2. Parisiis, 1906).

¹⁵ Ср., например, сведения, содержащиеся в “Лавсаике” и “Истории монахов”. Согласно известному американскому папиристу Р. Бегнэллу, письма к монахам чаще всего содержат просьбы об исцелении (*Bagnall R. Egypt in Late Antiquity*. Princeton, 1993. P. 299–300).

¹⁶ Впрочем, этот эпизод может иметь другое толкование: те, кто приходил за корзинами были горожанами, поскольку в египетских деревнях было достаточно хорошо развито “подсобное” ремесло (ср.: *Wipszycka E. Le monachisme égyptien et les villes // Wipszycka E. Études sur le Christianisme dans l'Égypte de l'Antiquité tardive*. Roma, 1996. (*Studia Ephemeridis Augustinianum*. Vol. 52). P. 324–325). Однако нам представляется, что это могли быть жители деревни, поскольку выменять корзину у монаха обходилось, вероятно, дешевле, чем сделать ее самому (учитывая затраты во времени), или выменять ее у деревенского ремесленника. К тому же приобретение у монаха вещей, им сделанных, могло носить и символический характер (ср. рассказ о Памво и Мелании: *Palladius*. *Historia Lausiaca*. 10).

¹⁷ Букв. на “египетском языке”: τῇ Αἰγυπτιακῇ φωνῇ.

¹⁸ Надо отметить при этом, что, как указано в главах 74 и 77, у преп. Антония был переводчик с коптского на греческий. Согласно Палладию, этого инока звали Кроний (*Palladius*. *Historia Lausiaca*. 21).

¹⁹ См.: *Athanase d'Alexandrie*. Vie d'Antoine. P. 289.

²⁰ См.: сар. 74, 77.

²¹ *Athanase d'Alexandrie*. Vie d'Antoine. P. 259, под Максимином имеется в виду император Максимиан Даза (Дайа).

²² *Ibid*. P. 317.

³² Срок полномочий префекта “зависел от императора (со сменой императора менялся и префект), префект правил в среднем от двух до пяти лет” (Фихман И.Ф. Указ. соч. С. 189).

⁴² В главе 67 говорится, что преп. Антоний уважал церковное правило (καὶ νόμος τῆς ἐκκλησίας) и готов был отдавать предпочтение всякому церковнослужителю. Известно, что место затворничества преп. Антония посещали дьяконы (Там же). В главе 82 упоминается некий епископ Серапион, побывавший на “внутренней” горе.

на “внутреннюю” гору преп. Антоний добирался вместе с “сарацинами” (Σαρακηνοί), впоследствии приносившими ему хлеб (сар. 49, 50)⁴³.

Таким образом, картина, которую рисует свт. Афанасий в “Житии”, не так однозначна, как может показаться на первый взгляд. Помимо коптских крестьян монахами становились и люди солидного достатка, предположительно римские ветераны. Социальные контакты преп. Антония простирались гораздо шире египетской хоры. Фактически он встречал представителей всей социальной вертикали тогдашнего Египта: от крестьян и горожан до высшего чиновничества, включая, вероятно, и самого наместника, от нищих до людей с солидным достатком, от военных до жрецов и “философов”⁴⁴. Он даже писал самому императору, поднимая тем самым уровень своего общения, пусть и заочного, до самого высокого “страта” ранневизантийского общества.

Интересно сопоставить данные “Жития преп. Антония” с другим источником, отличным от него по жанру: с письмами известного египетского подвижника преп. Исидора Пелусиота (ок. 360 г. – ок. 435/440 г.), происходившего из совершенно иной, нежели преп. Антоний, социальной среды (он, согласно дошедшим до нас сведениям, был выходцем из александрийской знати). Теперь, благодаря замечательному исследованию П. Эвьё⁴⁵, мы располагаем надежными статистическими данными адресатов его посланий, что, в свою очередь, дает объективную картину социальных контактов этого подвижника. Помимо писем к клирикам и монахам в корпусе преп. Исидора фигурируют послания к императору Феодосию II и ряду высокопоставленных чиновников, например к префекту претории востока Руфину, префекту августалу Феодору, епархам (2), евнухам дворца (2), а также ряду провинциальных чиновников и магистратов: дуксу Стратигию, комитам (13), архонтам (3), трибунам (4), навархам (2). В качестве адресатов преп. Исидора фигурируют также схоластики (33), военные (12), куриалы (13), представители городской интеллигенции – грамматики (4), софисты (3), философы (3), врачи (6)⁴⁶, поэты (2). Есть послания, адресованные, видимо, простым горожанам Пелусия (“пелусиотам”) (3). Одно из писем адресовано крестьянину Аполлонию⁴⁷. В составе корпуса есть письма как к православным христианам, так и к еретикам, а также к иудеям и язычникам⁴⁸. Таким образом, мы можем предположить, хотя и с известными оговорками⁴⁹, что в социальном плане круг общения двух выдающихся представителей египетского монашества – преп. Антония и преп. Исидора – был во многом схож и носил всесловный характер.

⁴³ Скорее всего, имеются в виду представители одного из аравийских племен, упомянутых еще Плинием Старшим (Agaseni – Plin. Nat. hist. 6, 32, 157). Впоследствии этот этноним стал обозначать арабов вообще (см.: Athanase d'Alexandrie. Vie d'Antoine. P. 269). Можно предположить, что через “внутреннюю” гору пролегал либо путь их кочевья, либо караванная тропа.

⁴⁴ Может возникнуть подозрение, что приведенные выше данные “Жития” содержат мало исторической ценности, поскольку свт. Афанасий, стремясь показать преп. Антония “врачом всего Египта”, дал искаженную информацию. Но такое подозрение представляется нам неправомерным, так как мы не усматриваем в сведениях, приводимых агиографом, никакой намеренной системы.

⁴⁵ Éviex P. Isidore de Péluse. P., 1995.

⁴⁶ Двое из врачей (Дорофей и Ниламмон) – дьяконы, один (Присихий) – схоластик.

⁴⁷ Éviex P. Op. cit. P. 22–27. Следует отметить, что послания предназначены тем, кто умеет читать по-гречески. Соответственно крестьяне или нищие, с которыми, вероятно, также общался преп. Исидор, просто могли не попасть в число адресатов его посланий.

⁴⁸ Ibid. P. 21.

⁴⁹ Вполне возможно, круг общения преп. Исидора в силу его социального происхождения был в большей степени связан с городским населением, чем с крестьянами (что показывают его послания).

В.В. Серов

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРАВИЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКЕ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Данная статья является продолжением предпринятого нами ранее исследования, объектом которого, кроме прочего, были и общественные представления о налогах и налогообложении в I–III вв.¹ За истекшее после предшествующей публикации время необходимость изучения избранной нами темы не исчезла в силу того, что и антиковеды, и византилисты по-прежнему обходят ее стороной². Справедливости ради отметим, что в некоторых специальных трудах по источниковедению отчасти затрагивался вопрос о нашедшем отражении в разных источниках отношении в обществе к налоговой политике позднеантичного правительств, однако экскурсы подобного рода в интересующую нас тематику не приобрели самостоятельного научного значения³. Встречающиеся в историографии подборки с “антиналоговыми” репликациями современных эпохе сочинений не могут претендовать на более или менее полное освещение проблемы общественных представлений о налогах в ранневизантийскую эпоху. Между тем проблема отношения к налогам в обществе позволяет в наше время применить нестандартный подход к источникам и прийти к новым выводам относительно развития позднеантичной идеологии⁴.

Как известно, работа с источниками предполагает использование заранее оговоренного метода. Создание максимально объективной картины общественных представлений о позднеантичных и ранневизантийских финансах потребовало привлечения всех тех видов литературных источников, в которых обна-

¹ Серов В.В. “Теория налогов” в Римской империи (I – первая половина III в.) // Идеология и политика в античной и средневековой истории. Барнаул, 1995. С. 56–83.

² Активные попытки обратиться к теме “морали налогоплательщиков” и проследить ее историю закончились в начале прошлого века: Vocke W. Die Idee der Steuer in der Geschichte // Finanzarchiv. 1894. Bd. 7; Hahn F. Zur Grundlegung und Geschichte der Steuermoral. Trier, 1908. К сожалению, практического значения для изучения общественных представлений в ранней Византии эти труды не имеют.

³ Например: Hahn I. Theodoretus Cyros und die frühbyzantinische Besteuerung // Acta Antiqua Hungarica. Vol. X. 1962. S. 124–126; Розенталь Н.Н. Религиозно-политическая идеология Зосима // Древний мир. М., 1962. С. 612–617; MacMullen R. Tax-Pressure in the Roman Empire // Latomus. 1987. Vol. 46. P. 742–754; Brandt H. Zeitkritik in der Spätantike. Untersuchungen zu den Reformvorschlägen des Anonimus de rebus bellicis. München, 1988. S. 61–87; Досталова Р. Напряженность социальной обстановки в Византии V–VI вв. в отражении анонимного трактата περί πολιτικῆς ἐπιστήμης // ВВ. 1990. Т. 51. С. 52–53.

⁴ Примером ввода в научный оборот нового направления и соответственно новой методики изучения источников служит вполне утвердившаяся ныне имагология – сравнительно молодая отрасль исторического и культурологического знания, исследующая образы явлений в общественном сознании. См., например: Литаврин Г.Г. Представления “варваров” о Византии и византийцах в VI–X вв. // ВВ. 1985. Т. 46. С. 100–102; но особенно: Арутюнова-Фиданян В.А. Образ Византии в армянской средневековой историографии X в. // ВВ. 1991. Т. 52. С. 113–114.

ружились попытки осмысления сущности налогов и в которых можно было разглядеть авторскую позицию по поводу финансовой политики государства. Таких источников оказалось более двадцати. Они были сгруппированы нами по жанровому принципу, в угоду которому пришлось отказаться от традиционного анализа социального происхождения авторов этих сочинений. Конечно, принадлежность автора к определенному социальному кругу позволяет очертить область распространения его представлений, однако в данном случае значимость этих соображений девальвируется тем обстоятельством, что отношение к важнейшим для любого человека предметам (к которым, без сомнения, принадлежат и налоги) принципиально не отличается у представителей удаленных друг от друга социальных слоев. Сходная психологическая установка по поводу “налоговой политики” объединяет большинство византийских авторов, а концептуальное различие обнаруживается лишь между группами произведений, объединенных принадлежностью к одному жанру. При этом актуальность сохраняется и конкретная авторская позиция, благодаря учету которой мы надеемся избежать излишнего схематизма.

Отобранные нами литературные источники (расширить их круг невозможно) отражают специфику воззрений сравнительно узкого слоя ранневизантийского общества, несмотря на то что некоторые из авторов апеллировали к мнению “большинства” народа. Документы, которые могли бы пролить свет на позицию подлинного большинства населения, не содержат главного – продуманного, теоретически оформленного, а зачастую даже личностного отношения к интересующему нас вопросу. Многочисленные папирусы в лучшем случае подтверждают очевидный факт неприятия системы имперского налогообложения, чего, однако, недостаточно для суждения о наличии или отсутствии определенной общественной теории налогов⁵.

Избранные источники были подвергнуты анализу по определенной схеме, в которой все элементы – от представления о налогах вообще до оценки современной финансовой ситуации – позволяют реконструировать взгляды того или иного автора в виде целостной концепции, тогда как в самом тексте источника положительные сведения на этот счет рассеяны и зачастую содержатся между строк. Среди основных элементов этой схемы – представления о сущности государственных расходов, о размере налогов, о соотношении государственного дохода и величины частного имущества, наконец, идея справедливой налоговой политики и правильного финансового управления. Предложенная схема анализа отнюдь не предполагает отрицания субъективного начала – особенностей мировоззрения отдельных авторов. Она позволяет сократить объем аналитической части работы до величины, обеспечивающей одновременно и внимание к деталям, и возможность обобщений. Умеренная схематизация, кроме того, допускает рассмотрение лингвистических форм, в которые облекались авторские образы и представления. С их помощью мы пытались выявить степень сходства и преемственности не только абстрактных идей ранневизантийских писателей, но и средств донесения этих идей до современников.

Выдерживая принцип последовательности при изучении общественных взглядов позднеантичной эпохи, мы расширили хронологические рамки ранневизантийского периода до начала IV в. и сочли возможным использовать выво-

⁵ См., например, описание некоторых из них: *Boak A.E.R. A Fourth Century Petition for Relief from Extortion* // JJP. 1946. Vol. 1. P. 7–12; *Зельин К.К.* Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии с конца III в. до начала VIII в. н.э. // ВДИ. 1964. № 4. С. 103–139; *Gascou J., MacCoull L. Le cadastre d'Aphroditè* // TM. 1987. T. 10. P. 103–117.

ды об общественных представлениях раннеимператорского периода как материал для сравнения с данными более позднего, ранневизантийского, времени.

В период принципата общественные взгляды на налогообложение наиболее полно и последовательно отобразил Плиний Младший в панегирике императору Траяну. Плиний понимал государственные налоги как долг частных персон государству, в котором они проживали и обладали имуществом. Государство, в свою очередь, имело обязательства перед совокупностью граждан и собственников⁶. Таким образом, сферу финансов теоретически обслуживал своеобразный общественный договор, заключенный властью и подданными. Власть в лице императора назначала налоги, руководствуясь соображением общественной необходимости или полезности запланированных расходов⁷. Только такой подход к организации финансов Плиний считал единственно правильным. От главы государства требовались практические навыки хозяйственной деятельности⁸, а также высокая сознательность и даже мудрость⁹. Результатом же выполнения этих условий являлось общественное спокойствие и благосостояние. Плиний изобразил и картину неправильной финансовой политики, когда увлечение “дурного” императора расходом общественных средств истощало казну и ставило вопрос о введении новых налогов¹⁰. Самыми общими принципами плиниевской концепции налогообложения были справедливость и умеренность, которые предполагали соблюдение законности, равенства и норм гражданской нравственности¹¹. Указанные представления, составившие своеобразную общественную теорию налогов, встречались в I–III вв. в источниках разных видов¹², что избавляет нас от необходимости ограничиваться анализом только панегириков.

* * *

Обильный материал для изучения общественных взглядов ранневизантийской эпохи содержат исторические труды IV–VI вв. Но богатство этих источников в свете данной темы имеет не только положительные свойства. Значительная хронологическая отдаленность некоторых “историй” друг от друга и отличие в способах подачи сведений требуют последовательного рассмотрения всех тех произведений исторического жанра, в которых так или иначе отражена авторская концепция “правильного” налогообложения.

Аврелий Виктор в приписываемых ему сочинениях¹³ одобрял вдумчивое отношение экономически активного субъекта к управлению вообще и к финансовому управлению в частности¹⁴. Следуя логике Аврелия, легко составить пере-

⁶ Панегирик императору Траяну // Письма Плиния Младшего. М., 1984. С. 212–271 (далее: *Plin. Paneg.*, с указанием на параграф сочинения) = *Plin. Paneg.* 29, 37, 55, 90.

⁷ *Ibid.* 41, 50.

⁸ *Ibid.* 32, 41.

⁹ *Ibid.* 43, 70, 90.

¹⁰ *Ibid.* 40.

¹¹ *Ibid.* 29, 36, 38, 42.

¹² Подробнее см.: Серов В.В. “Теория налогов” в Римской империи... С. 62–64.

¹³ Здесь и далее мы старались уклониться от споров об авторстве и времени создания известных произведений поздней античности.

¹⁴ *Aurel. Vict. De caesar.* IX. 9: “Все это... доказывает его мудрость, а не жадность”; XIII. 9: “Ведь тому, кто управляет другими, нельзя допускать даже малейшей ошибки”; XV. 2: “Города благоденствуют, если управление разумно”; XLI. 2 (о деревенской бережливости); *Aurel. Vict. Epitome.* XIV. 11: “Он разумно организовал...”.

чень тех объектов финансовой сферы, которые нуждались в рациональном подходе и в приложении “доблестей” императоров. Это прежде всего расходы: на содержание армии¹⁵; на само управление, называемое “службой” (*officium*)¹⁶; на хлебное снабжение столичного плебса¹⁷. Остальные виды затрат Аврелий, по-видимому, к числу расходов государственных – т.е. обязательных – не относил. Поэтому идеалом в сфере расходов он считал ограниченные и только необходимые обществу казенные затраты¹⁸. При незначительных расходах сохранялся запас средств в казне, и налогоплательщики чувствовали себя спокойно и уверенно¹⁹. Казна у Аврелия Виктора выступала своеобразным мерилom правильной финансовой политики. Внезапно пустевший эрарий означал неизбежное увеличение обложения, столь же неожиданное для плательщиков²⁰. Дополнительное налоговое бремя воспринималось им как неправильное не только в силу его неожиданности, но и вследствие новизны по сравнению с привычной нормой. Негативное отношение к новшествам в налогообложении характерно для мировоззрения Секста Аврелия Виктора; “новые налоги” становились в его глазах верным симптомом неспособности правительства управлять государством²¹. Налоги, таким образом, были еще одной оценочной категорией в политической концепции Секста Аврелия Виктора. Его позицию в отношении налогов отличает неприятие той точки зрения, которая признавала, что налоги суть обязанность общества перед государством. По мнению нашего автора, налоги следует платить потому, что таков тысячелетний обычай²², и лишь разумная деятельность нескольких последних поколений придала ему вид взаимовыгодного публичного договора между обществом и государством, который государство почему-то часто не выполняет. Аврелий здесь вновь обращается к категории разума, завершая описание своей концепции правильного налогообложения той же идеей, с которой начинал.

По сравнению с представлениями о налогах Аврелия Виктора концепция Евтропия кажется предельно сжатой и усеченной, что объясняется структурой его “Бревиария”. Но это не единственная отличительная черта взглядов Евтропия на налоги. У автора “Бревиария” более дифференцированная социальная позиция и потому более чуткое отношение к понятию справедливости в финансах. Он совсем не пользовался категорией разума в применении к финансовой политике, а фокусировал внимание на образе государственной казны как олицетворении общественной идиллии. По-видимому, величина эрария представлялась Евтропию определенной: плохо, когда она недостаточна²³, но и превыше-

ние некоего ее размера было²⁴. Вероятно, желаемую степень наполненности эрария определяли следующие понятия. Во-первых, справедливость (*iustum*), соблюдая которую, правительство сохраняло обычную норму обложения²⁵ и платежеспособность провинциалов²⁶, а также поддерживало относительно равное участие налогоплательщиков в выполнении налоговой нормы²⁷. Во-вторых, умеренность (*moderatio*), которая в переводе на современный язык экономической теории предполагала уменьшение государственных расходов до возможного минимума²⁸. Перечень расходов у Евтропия тоже обладает отличительными чертами, так как он причислял к обязательным государственным расходам не только военные издержки²⁹, но и общественное строительство³⁰, и императорскую щедрость (*liberalitas*)³¹, означавшую, кроме прочего, и освобождение от налогов³². В сюжетах, передавших негативную тональность автора, приведены факты “неумеренности”, которая в целом сводилась к суетливому удовлетворению тщеславия и сопровождалась ненужными расходами казенных средств³³, а вслед за тем – и несправедливостью в налогообложении.

Особенное место в представлениях о правильных налогах уделял справедливости и Аммиан Марцеллин. Однако в его изложении данная категория чаще вырисовывалась методом “от противного”, с помощью противоположных примеров. Так, к несправедливой налоговой политике он относил обложение населения такими повинностями и податями, которые самим обществом³⁴ оценивались как несправедливые. Они были дополнительными к обычной цензовой норме казенными требованиями³⁵ и причиняли провинциалам только убыток³⁶. Рост поборов ассоциировался с несправедливостью (*iniustum*) потому, что власти – как местные, так и центральные – нарушали официально зафиксированную норму, обычай, сложившийся задолго до IV в. и потому превратившийся в закон (*ius*). Марцеллин не применял специального термина для обозначения дополнительного обложения, но всегда давал понять, что такое обложение превышало какую-то известную всем меру, воспринимавшуюся как норма³⁷. Справедливость могла быть обеспечена как соблюдением нормы обложения, так и применением принципа равенства³⁸. Последнее же предполагало такое понятие, как общественная необходимость, которая способна была временно отменять обычай ради общей пользы. Поскольку практика установления дополнитель-

¹⁵ *Aurel. Vict. De caesar. XXXIX. 32; Epitome. XVI. 9.*

¹⁶ Например: *Aurel. Vict. Epitome. XIV. 11* (упоминается государственная, дворцовая и военная служба).

¹⁷ *Aurel. Vict. De caesar. XXXIX. 45.*

¹⁸ Приоритет публичных потребностей подтверждает следующая его фраза: “Впрочем, упадок нравов был таков, что большинство стало действовать не в публичных, а в собственных интересах” (*Ibid. XXXIII. 23*).

¹⁹ Налогоплательщиков следует видеть в земледельцах (*aratores, cultores*) и землевладельцах-провинциалах. См.: *Aurel. Vict. De caesar. IX. 9* (“без отягощения земледельцев”); *XXXIII. 13* (“благополучие земледельцев”); *XXXIX. 45* (“благосостояние коллаторов”); *Epitome. XLVI. 3* (“добрый покровитель посессоров”).

²⁰ *Aurel. Vict. De caesar. IX. 6*: “взыскивал подати (*novas pensiones vectigalium*) по причине истощения казны (*inopia aerarii*) и разорения городов”; *Epitome. VII–I. 7*.

²¹ Ср.: *Aurel. Vict. De caesar. XXXIX. 32; Epitome. XVI. 9.*

²² *Aurel. Vict. De Origine. VI. 6*: “Уже прежде вошло в обычай, чтобы люди платили своим царям”.

²³ *Eutrop. Brev. VIII. 7. 2*: “весьма старался в пополнении казны”; *8. 3*: “оставил после себя богатую казну”.

²⁴ *Ibid.*, VIII. 4. 1: “не допускал несправедливости при пополнении казны”; X. 1. 2: “не стремился к увеличению казны”; 16. 3: “не очень стремился к пополнению казны”.

²⁵ *Ibid.* VIII. 4. 1 (*nihil iniustum*).

²⁶ *Ibid.* VIII. 7. 2; X. 16. 3 (*in provinciales iustissimus*).

²⁷ *Ibid.* X. 1. 2; 16. 3.

²⁸ *Ibid.* VIII. 12. 2 (*benegnitae et moderatione*); IX. 11. 2 (*vir parcus, modestus*); IX. 26.

²⁹ *Ibid.* VIII. 7. 2; 8. 3.

³⁰ *Ibid.* VIII. 4. 1.

³¹ *Ibid.* VIII. 4. 1; 8. 3; X. 1. 2.

³² *Ibid.* VIII. 4. 1; X. 16. 3.

³³ Например: X. 9. 3.

³⁴ Кстати сказать, Аммиан Марцеллин был одним из немногих ранневизантийских писателей, упоминавших общественное мнение как существующий феномен. См., например: *Amm. Marc. 14. 7. 8; 21. 16. 17*.

³⁵ *Ibid.* 17. 3. 2 (*capitationis supplementa*); 17. 3. 5 (*indictionale augmentum*).

³⁶ *Ibid.* 16. 12. 69 (*damna ad provinciarum*); 17. 3. 3 (“неизлечимые раны”).

³⁷ *Ibid.* 17. 3. 5 (*praeter solita exprimere*); 18. 1. 1 (*sarcina tributum praegravaret*).

³⁸ Равенство означало участие в налогообложении всех без исключения (*Ibid.* 16. 5. 5: *ne per indulgentias tributariae rei*) и согласно имущественному положению (21. 6. 6: *omnisque ordo et professio vexabatur*).

ных налогов под влиянием необходимости была достаточно широко распространена в IV в., она тоже начинала уже в силу привычки восприниматься обществом как норма, но общественное мнение при этом настаивало на законодательном оформлении каждого случая дополнительного обложения и на приведении доводов в пользу его необходимости. Марцеллин тоже признавал нормальным превышение нормы налогообложения, но только после публичных и официальных разъяснений³⁹. Таким образом, понимание справедливости основывалось у него на представлении о законности явления. Даже высшая власть должна была опираться на закон, и если этого не происходило в налоговой политике, то с точки зрения общества допускалась возможность корректировать ее региональным администраторам при условии, чтобы они поступали по справедливости⁴⁰. Аммиан подчеркивал значимость опытности (*prudencia*) правителя в финансовых вопросах; он считал опыт лучшим свойством, нежели мудрость, так как опыт позволял принимать единственно правильное решение в конкретной ситуации. Мудрость (точнее, расчетливость – *ratiocinatio*) требовалась тогда, когда отсутствовал практический опыт. Расчетливый или опытный правитель, опирающийся на принцип справедливости, не только правильно рассчитывал норму налогообложения⁴¹, но и позволял себе проявлять щедрость⁴². Щедрость податного характера, как и вообще забота о налогоплательщике, обеспечивала его лояльность и платежеспособность. Уверенный в справедливости действий власти, подданный был готов выполнять все ее финансовые распоряжения⁴³, хотя и продолжал надеяться на уменьшение даже обоснованной ценой нормы обложения⁴⁴. Таким образом, представление Аммиана Марцеллина о правильном налогообложении предполагало наличие баланса взаимных уступок населения и власти. Необходимые обществу и государству расходы⁴⁵ покрывались в обычном порядке, т.е. или за счет законных налогов⁴⁶, или – если необходимость превышала платежеспособность – посредством победоносной войны с варварами. Справедливость должна была торжествовать в стране при любых обстоятельствах.

Зосим, как и Аммиан Марцеллин, чаще всего говорил о финансах в связи с военным делом. Однако этот автор продемонстрировал более четкое и развернутое понимание взаимной зависимости военных расходов и налогообложения⁴⁷, исподволь культивируя у читателей своей “Новой истории” убеждение в том, что затраты государства на военную сферу не могли быть лишними, и поэтому военные налоги обоснованы и необходимы. Образцом же ненужных государственных расходов Зосим считал частные расходы императора, осуществлявшиеся за казенный счет. Подобные расходы были бесполезны с точки зрения общественных интересов⁴⁸. Необходимые публичные расходы, какими бы

большими они ни были⁴⁹, не вызывали нареканий у автора, а необоснованные затраты безоговорочно признавались чрезмерными и осуждались. Не в пример Аммиану Марцеллину Зосим настойчиво развивал идею о том, что неправильная политика расходования средств истощала казну и подрывала всю финансовую систему государства⁵⁰. Пустая казна требовала пополнения до наступления сроков взимания обычных налогов, и тем самым создавалась основа для дополнительного обременения налогоплательщиков⁵¹. Обременительными считались не только дополнительные, но и вообще все те налоги, которые подпадали под общественное определение “необычных” либо из-за своей новизны, либо из-за непонятной цели⁵². Поэтому само по себе наполнение казны не являлось для Зосима абсолютной целью финансовой политики. Вместе с тем наполненная казна служила показателем благосостояния страны. Уточняя цель правильной финансовой деятельности византийского правительства, Зосим ввел категорию универсальной меры, которая уравнивала (по крайней мере теоретически) интересы частного и общественного порядка: “справедливая мера анноны и золота”⁵³ в казне оказывала влияние и на величину и количество налогов, и на качество и сумму расходов. О поддержании “меры” обязан был заботиться правитель⁵⁴, который “знает силу публичных налогов”⁵⁵. Так в концепции Зосима появлялась фигура разумного распорядителя финансов, постигшего тайну бюджетного баланса. Ярким примером такого финансового управителя в “Новой истории” стал префект претория Ауксоний, краткая, но емкая характеристика политики которого включила в себя все наиболее известные поздней античности элементы идеального налогообложения⁵⁶. Противоположный Ауксонию образ собирателей, поскольку “плохая” налоговая власть представлялась Зосиму многоликой и вездесущей. Уже светлый пример Ауксония должен был обозначить по принципу “от противного” основные черты отрицательного финансиста – пренебрегающего судьбами подданных, преследующего личные интересы, неразумного должностного лица. К этому Зосим добавлял жадность (*πλεονεξία*)⁵⁷ и жестокость⁵⁸, причем считал, что оба этих качества тесно связаны между собой. Неизбежным итогом действий дурного руководителя становились такие общественные бедствия, как разорение городов⁵⁹ и сокра-

³⁹ Например: *Ibid.* 22. 11. 6 (*ex iure debent proficere aerarii*).

⁴⁰ *Ibid.* 15. 13. 2; 17. 13. 32.

⁴¹ *Ibid.* 17. 3. 4: *scrupulose computando... capitationis calculum*.

⁴² *Ibid.* 25. 4. 15.

⁴³ *Ibid.* 17. 3. 5: *provincialis hinc inde vastatus saltem sollemnina praebeat*.

⁴⁴ *Ibid.* 19. 11. 3: *censuali professione speciosa fiducia relevatae*.

⁴⁵ *Ibid.* 22. 12. 7: *impensarum amplitudine antehac inusitata*.

⁴⁶ *Ibid.* 17. 3. 4: *non sufficere solum, verum etiam exuberare capitationis calculum ad commeatuum necessarios apparatus*.

⁴⁷ Например: *Zos.* 2. 33. 4: “Префекты претория повсюду взимали налоги с земель... и делали из них военный расход”; 4. 59. 2: “Он знал, что военная необходимость требует больших денег”.

⁴⁸ *Ibid.* 2. 38. 1 (“на недостойных и бесполезных людей”, “расточительность ради честолубия”); 4. 28. 3 (“иногда без причины, а иногда и на недостойные (дела)”).

⁴⁹ Например, “большая война” (*μεγάλου πολέμου* – *Ibid.* 4. 10. 4), сакральные цели (*οιτήσεων πλειοσύνη*). См. также: *Ibid.* 4. 59. 2 (*ἐλεγε τῇ περὶ τὰ ἱερὰ καὶ τὰς θυσίας δαπάνῃ*).

⁵⁰ Ср.: *Amm. Marc.* 14. 8. 15 (*angustia aerarii*) и *Zos.* 4. 27. 2 (*τὸ δημόσιον ἐβάρυνε*); 4. 28. 3 (*τὰ δημόσια δαπανῶν*); 4. 59. 2 (*βαρύνεσθαι τὸ δημόσιον*).

⁵¹ *Zos.* 2. 38: “обременительные для налогоплательщиков налоги” (*εἰσφέρουσι γινόμενος φορτικός*); “взимал большой вес денег” (*τιμῆς ἀργύρου σταθμὸν πολὺν*).

⁵² *Ibid.* 4. 16. 1: “Сильнее напирал на взимание налогов и взыскивал их сверх нормы” (*ταῖς ἀπαιτήσεσι τῶν εἰσφορῶν σφοδρότερον ἐπιχειρῶν καὶ ὑπὲρ τὸ σὺνηθεὶς ταῦτα εἰσπράττων*); 4. 41. 1: налоги, которые “выдумывались дополнительно каждый день” (*δοημέραι ἐπινουμένην προσθήκην*).

⁵³ *Ibid.* 5. 48. 4: *ἐδήλου χρυσίου μὲν καὶ σίτου μέτρον*.

⁵⁴ Не обязательно император (*Ibid.* 5. 48. 4 – префект претория).

⁵⁵ *Δημοσίων φόρων ἐπιστάμενον δύναμιν* – *Ibid.*

⁵⁶ *Ibid.* 4. 10. 4: “был справедлив (*δίκαιος*) во взимании налогов, не требовал ничего сверх положенного (*δφευλόμενον*)”.

⁵⁷ *Ibid.* 1. 14. 1 (о жадности императора); 4. 16. 1 (где подчеркивается, что оснований для проявляемой жадности уже не было); 4. 27. 2 (о жадности чиновников, растаскивавших государственные средства). Судя по лексике “Новой истории”, Зосим не различал жадности императорской и жадности частных лиц.

⁵⁸ *Ibid.* 1. 14. 1 (*φιότητι*); 4. 32. 2 (*ἀκριβείαν*); 4.3.2 (*ἀκριβέστατος*).

⁵⁹ *Ibid.* 2. 38. 4 (*ἐξεδαπάνησεν*); 4. 29. 1 (*ἐπιλελόλει*).

щение армии⁶⁰. Интересно, что Зосим почти ничего не сообщал о бедствиях так называемых “провинциалов”, сосредоточившись в основном на городских слоях (куриалах, сенаторах и городском плебсе), что отличает его от более ранних авторов, которые освещали тему всенародного бедствия из-за имперской налоговой политики.

Подлинным апологетом идеи публичных налогов выступал Приск Панийский. Он соглашался с общим мнением о том, что всякие налоги тяжелы⁶¹, а иногда даже мучительны⁶², но считал, что даже самая тяжелая подать имеет право на существование, если она установлена публичной властью⁶³. В сохранившихся фрагментах своего труда Приск не вникает в подробности построения финансовой политики ранневизантийских императоров, оставляя нам лишь возможность предполагать, что им одобрялась такая деятельность, которая преследовала цель сохранения государственного строя и самой византийской цивилизации. Столь важная цель оправдывала любые расходы⁶⁴. Государственная казна часто бывала пустой⁶⁵, и требовались налоги, чтобы восполнить недостаток денежных или иных фондов в распоряжении правительства. Хотя Приск и различал действительно необходимые государственные расходы и недостойные императорские растраты⁶⁶, он тем не менее полагал, что любые израсходованные средства следует восполнять, чтобы при необходимости адекватно реагировать на неожиданно (παρασρήμα) возникавшие поводы для обязательных расходов в интересах общества. Рассматривая налоги как суровую неизбежность, Приск Панийский предлагал традиционные способы ее смягчения. Первым пунктом в списке этих способов у него значится законность обоснования налогообложения, персонифицированная в грамотном правителе (в ранге от “судьи” до императора)⁶⁷. Законная власть, как правило, умела планировать налоговые поступления⁶⁸ и знала как текущую финансовую ситуацию, так и способы разрешения экономических трудностей. Именно такая власть обладала полным правом облагать налогами, тем более, что она по предназначению своему не допускала несправедливостей в налогообложении⁶⁹. Какого-то особенного философского разума от правителя в данном случае не требовалось; Приск желал видеть во главе финансов всего лишь благоразумного человека (φρονόυντων). Очевидно, что он имел перед глазами пример из жизни, и им, судя по всему, являлся Аэций, охарактеризованный Приском положительно во всех отношениях⁷⁰. Таким образом, Приск вслед за Зосимом (или вместе с ним) воссоздает забытую в IV в. традицию олицетворения правильной налоговой политики идеализированной фигурой одного из выдающихся современников.

Стремление заменять рассуждения по поводу идеальной финансовой системы ее персонификацией еще заметнее в “Истории” Малха Филадельфийского. Его характеристика императоров Льва и Зенона создала законченный образ

“плохого” финансового руководителя ранневизантийской эпохи – корыстолюбивого и жестокого расточителя, пренебрегавшего владельческими правами подданных. Правитель этого типа быстро опустошал казну, заботливо собранную его предшественниками, не заботился о финансовом балансе, преследовал в основном личные цели⁷¹. Но вместе с тем и Лев, и Зенон были в описании Приска жертвами собственного неумения управлять. Для полноты образа понадобилась еще фигура расчетливого злодея Василиска, сознававшего пагубность своих финансовых действий⁷². Однако какое бы соображение ни лежало в основе неправильного осуществления расходов, его неизменным результатом бывало оскудение государственной казны⁷³, а вслед за тем и поиск дополнительного дохода. Малх не высказался определенно на тему новых налогов, хотя очевидно, что в целом он осуждал такие способы извлечения дохода, которые нарушали обычную финансовую практику и вредили имущественному состоянию граждан⁷⁴. Отсутствие соответствующих сентенций у Малха объясняется спецификой самой финансовой политики императоров Льва I и Зенона, которые не применяли экстраординарных форм налогообложения⁷⁵. Малх же, описавший периоды правления только этих императоров, не обладал наглядным материалом для иллюстрации подходящих общественных стереотипов. В то же время он не преминул подтвердить распространенное представление об обременительности позднеантичной налоговой системы⁷⁶.

Неопределенно высказывался Малх и о таком важном элементе общественных представлений, как “мера”. самого этого термина он не употреблял, хотя при описании имперской финансовой политики имел в виду некий ориентир для определения правильности действий правительства. Это не полная казна, ибо ее наполнение могло быть сопряжено с порочными методами; это и не минимальный запас финансовых ресурсов (“остатки” – ὑπόλοιπον), пригодный на случай непредвиденных государственных расходов. По-видимому, показателем правильности политики для Малха являлось “всеобщее благо”⁷⁷, которое, будучи конечной целью, способно было частично оправдать временные отклонения правительства от верного курса. Но общественное благо не могло быть достигнуто без разумной воли тех, кто стоял у руля управления, поэтому Малх ввел в свою концепцию образ благоразумного финансового деятеля – префекта претория Эритрия. Тот был человеколюбив (φιάνθρωπος), понимал суть финансовых явлений (μῆτε τὰ κοινὰ διαχοῦντα ἑώρα), придерживался твердых моральных принципов (αἰτησάμενος παρὰ Ζήνωνος ταύτην ἀλέθετο) и осуществлял обусловленную правом (т.е. справедливую) налоговую политику (τοῦ

⁷¹ Malch., fr. 7.

⁷² Ibid., fr. 9.

⁷³ Ibid., fr. 7: “общественные (средства) были тогда в совершенной нужде (τὸ δὲ κοινὸν τότε εἰς πᾶσαν ἀπορίαν κατῆλθεν)”; fr. 15: “казна была не в состоянии давать (οὐκ ἔφρασαν ἱκανὸν τὸ δημόσιον)”.

⁷⁴ Так, безусловно осуждаются “дурные дела” (πονηρόν) – конфискация, продажа должностей и т.п. (Ibid., fr. 16). Негативна его позиция и в косвенном замечании об экстраординарном обложении: “Видя, что общественные средства недостаточны, и не будучи в состоянии усилить тяжесть прежней регулярности в выплате податей...” (Ibid., fr. 7).

⁷⁵ Об этом подробнее см.: Серов В.В. Финансовая политика ранневизантийского императора. Барнаул, 2000. С. 67–82.

⁷⁶ Например: Malch., fr. 3: “Они были уже не в состоянии вносить те налоги, которые платили прежде”; fr. 9. 3: “Налоговое взимание заставляло всех плакать”. Обременительность налогообложения была следствием не “новых” налогов, а общего тяжелого финансового состояния страны в 70-е–80-е годы V в.

⁷⁷ Ibid., fr. 7: πάντων ἀγαθῶν.

⁶⁰ Ibid. 4. 29. 1.

⁶¹ Prisc., fr. 9. 3 (τὴν βαρυτάτην).

⁶² Ibid. (ἐσπράττοντο γὰρ μετὰ ἀκισμῶν); 11. 2 (ὀδυνηρότερα).

⁶³ Ibid., fr. 9. 3 (φόρων σύνταξιν; δὲ ῥητὸν χρυσίον).

⁶⁴ Ibid.: τῶν χρημάτων αὐτοῖς καὶ τῶν βασιλικῶν θησαυρῶν ἐκδεδαπανημένων; συνεισφέρειν πάντας ἡνάγκασαν δασμὸν εἰσπραττόμενος.

⁶⁵ Ibid., fr. 9 (ἐκδεδαπανημένων; ἔξαντληθέντων).

⁶⁶ Ibid., fr. 9. 3.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Ibid., fr. 30: ἀναλογισμὸν ἐποιεῖτο τῶν ἐκ τῆς εἰσφορᾶς ἀθροισθέντων χρημάτων.

⁶⁹ Ibid., fr. 9. 3 (συνεισφέρειν πάντας... εἰσπραττόμενος).

⁷⁰ Ibid., fr. 9. 3; 30.

τῆς αὐτοῦ τοῖς συντέλεσιν)⁷⁸. Образ идеального управителя целен в противоположность рассеянному среди нескольких фигур образу плохого финансового деятеля. Такой литературный прием Малха был психологически верным: яркий положительный тип, противопоставленный рассеянному отрицательному, подчеркивал позицию автора и правоту общественного мнения. Вероятно, Малх давал понять, что достижение идеала невозможно до тех пор, пока управлять страной не начнут люди, подобные Эритрию.

Позиция Прокопия Кесарийского по отношению к налогам, финансам и императорской финансовой политике является вершиной развития ранневизантийских общественных представлений в данной области⁷⁹. Действительно, Прокопий был последним из ранневизантийских авторов, неоднократно касавшихся в своем творчестве финансовой тематики, и единственным, кто обращался к ней столь часто. Кроме того, Прокопию удалось включить в свою концепцию многие из положений предшественников, благодаря чему она приобрела черты подлинной теории налогов.

Как и Приск Панийский, Прокопий Кесарийский считал налоги сущностным проявлением государственного суверенитета. Согласно такой точке зрения, наличие верховной власти само по себе уже являлось основанием для налогообложения⁸⁰. В древности данничество считалось следствием безоговорочного подчинения силе, и Прокопий как будто разделял этот устаревший взгляд на суть публичных отношений. В приверженности этой позиции Прокопий был, однако, не вполне последователен, поскольку одновременно в его концепции нашла место и популярная в поздней античности идея взаимных обязанностей государственной власти и общества. Думается, что причиной сложившегося в данном случае концептуального противоречия было то влияние, которое оказали на Прокопия рудименты прежней римской “империалистской” идеологии, видевшей в плательщиках податей только покоренные племена, а не граждан государства⁸¹. Когда Прокопий заводил речь о ромеях, он изменял свой консервативный подход и придавал институту налогообложения значение одного из пунктов так называемого “общественного договора”, в котором император был не просто властью, но олицетворением государства в его целостности. Подданные (κατήκοοι) такого императора должны были оплачивать публичные потребности по определению, существо же потребностей определял обычай, а их величину задавала власть. Получаемые от подданных средства образовывали “общественное богатство”⁸². Публичное основание для взимания налогов предполагало расходование полученных средств лишь на общественно значимые цели. Именно потому, что налоги приносили пользу всем, они были обязательны для всех, кто обладал собственностью. Отказ от выполнения общественной обязанности исключался, и Прокопий даже считал неотъемлемой функцией власти полный сбор той части государственного дохода, которая вменялась каждому конкретному собственнику⁸³. По сути дела он поддерживал официальную теорию налогов, видевшую в налогоплательщике должника казны до мо-

мента уплаты возложенной на него налоговой суммы⁸⁴. Оправданием столь строгой позиции государства служили не только общественные интересы, но и “правильный” режим налогообложения. Для осуществления последнего, по мнению Прокопия, требовался постоянный учет обстоятельств, к которым он причислял в первую очередь наличие земельной собственности, приносящей стабильный доход⁸⁵. Взимание непосильного налога наносило землевладельцу вред и, значит, подрывало благосостояние государства⁸⁶.

Еще одним важным условием правильного обложения Прокопий считал ценз, т.е. точную оценку платежной способности собственника⁸⁷. В итоге для каждого налогоплательщика как бы виртуально существовало справедливое ежегодное налоговое задание, к которому необходимо было всеми силами приближаться при осуществлении налоговой политики. Выполнение именно такого задания составляло суть обязанности плательщика перед обществом и государством. Государство, в свою очередь, обязано было соблюдать не только справедливость при обложении налогами, но и обеспечивать возврат обществу сделанных им “взносов”. Правильно организованное движение финансовых средств от частных лиц к государству и обратно должно было происходить плавно и естественно, словно круговорот веществ в природе⁸⁸.

К расходам на благо общества Прокопий причислял военные расходы⁸⁹. Они были необходимы потому, что позволяли охранять собственность подданных императора, а также потому, что война иногда представляла собой источник дополнительного государственного дохода. Обязательный характер военных расходов служил обоснованием увеличения нормы обложения для покрытия потребностей действующей армии⁹⁰. По-видимому, именно характер военных расходов – почти всегда огромных в VI в. – отвратил Прокопия от дефиниции прочих необходимых обществу расходных статей; обеспечение армии поглощало (καταλίων) и регулярный, и прибавочный государственный доход, так что потребности общества в прочих расходах не могли уже самим обществом рассматриваться как необходимые или полезные. Однако власть осуществляла и другие расходы, кроме военных. Прокопий назвал все невоенные виды расходов бессмысленными и неразумными, намекая на то, что власть игнорировала коллективный разум большинства⁹¹. Чрезмерные расходы опустошали государственную казну⁹², которая являлась символом общественного благосостояния⁹³; ее наполнение приводило к увеличению налоговых взносов или к изобретению правительством иных видов дохода, но и то, и другое тяжело отражалось на имуществе населения империи. Здесь Прокопий обращается к понятию обычая в системе налогообложения.

⁸⁴ *Procop. Caesar.* H. a. 12. 13; 23. 11 (ἐκάστῳ).

⁸⁵ *Ibid.* 11. 30; 23. 3 (τῷ ἑωρίῳ φορᾷς); 23. 11 (μέτρον τῆς κειμένης ἐκάστῳ φορᾷς); 23. 21 (ἥπερ ἐκάστῳ ἐπέβαλλε).

⁸⁶ *Ibid.* 11. 30; 18. 9 (“сохранность богатства основывается на прочном положении подданных”).

⁸⁷ *Ibid.* 23. 11: τιμημάτων καταβαλλομένων.

⁸⁸ *Ibid.* 30. 7.

⁸⁹ *Procop. Caesar.* B. G. 3. 6. 6: “регулярное жалованье”.

⁹⁰ *Procop. Caesar.* B. V. 1. 10. 3; B. G. 3. 21. 14; H. a. 23. 11; особенно H. a. 23. 18: ἀνάγκη ἄλλοστε καὶ ὑπὸ τοὺς χρόνους.

⁹¹ *Procop. Caesar.* H. a. 8. 31 (ἀλογίστῳ φιλοτιμίᾳ, προῖεσθαι οὐδενὶ λόγῳ); 19. 6 (λόγον οὐκ ἐχούσας).

⁹² *Ibid.* 19. 5; 19. 7.

⁹³ Битком набитая казна вызывала уважение у Прокопия (*Ibid.* H. a. 19. 4; 19. 5).

⁷⁸ *Ibid.*

⁷⁹ Впрочем, способности Прокопия к теоретизированию оспариваются в специальной литературе: *Cameron Av. Procopius and the Sixth Century.* L., 1985. P. 65–66.

⁸⁰ *Procop. Caesar.* B. P. 2. 10. 23; B. G. 1. 5. 17; 3. 6. 5.

⁸¹ Об устойчивости “империалистских” воззрений в позднеантичном обществе см.: Браунд Д. Свита (cohors) наместника и идеология римского империализма // ВДИ. 1999. № 1. С. 73–84.

⁸² Πλοῦτον δημόσιον – *Procop. Caesar.* H. a. 19. 11; 20. 3; 26. 16.

⁸³ Прокопий называл это “основанием” (λόγος) для сбора налогов – *Procop. Caesar.* B. P. 2. 3. 7; H. a. 19. 11.

Правильно рассчитанная налоговая норма, обеспечивавшая военные нужды государства, называлась обычной. Прокопий относился к обычному налогообложению так же, как и большинство людей, а именно как к привычной неизбежности⁹⁴. Для простого обывателя какие-то подати и повинности представлялись существовавшими всегда⁹⁵, и потому все новые налоги⁹⁶ бывали приметны либо нестандартным характером⁹⁷, либо многократным превышением обычной нормы⁹⁸. В таких случаях, вероятно, даже законопослушные византийцы негодовали по поводу необоснованного бремени (ἄχθος) поборов. Прокопий пользовался красноречивыми эпитетами, чтобы описать состояние людей, несших тяготы дополнительного обложения⁹⁹. Недовольство населения, естественно, выливалось прежде всего на сборщиков налогов, которые и в обычное время не вызывали положительных эмоций, а во время сбора экстраординарных податей и вовсе становившихся символом неправильной налоговой политики правительства. Прокопий обвинял всех финансовых чиновников в стяжательстве¹⁰⁰ и жестокости¹⁰¹. Но сборщики являлись лишь исполнителями воли верховной власти¹⁰². Логично предположить, что командовавшая такими чиновниками власть была достойна более серьезного обвинения. Прокопий (как в свое время и Приск) не требовал от императора проявления какой-то особенной мудрости, так как считал, что сверхчеловеческий разум способен был одинаково применяться и на хорошие, и на дурные дела. Автор “Тайной истории” создал в лице императора Юстиниана антипортрет желаемого финансового руководителя, не лишённого разных человеческих недостатков, но притом умелого управителя экономикой государства¹⁰³. Негативный портрет наделен чертами не публично, а частного лица, словно бы данный император был случайным человеком на троне. Прокопий, следовательно, обвинял Юстиниана в неумении быть правителем. Противоположный ему образ собирателя, хотя основную положительную смысловую нагрузку несла в себе личность комита священных щедрот Иоанна, “очень кроткого и доброго, не знавшего несправедливых способов добывания денег и никому не причинившего вреда”¹⁰⁴. По-видимому, Прокопий не случайно вывел позитивный образ слабым и каким-то мерцающим. Задача его – показать всемогущество верховной власти, единственно способной организовать идеальное финансовое хозяйство¹⁰⁵.

Таким образом, на примере суждений ранневизантийских историков можно выявить две важнейшие черты позднеантичной общественной теории налогов.

⁹⁴ Ibid. 21. 2 (ἐυνειθισμένη ἡ φόρα).

⁹⁵ Ibid. 23. 1.

⁹⁶ *Procop. Caesar.* B. P. 2. 3. 9 (καὶνὴν τοῦ φόρου ἀπαγωγὴν); Н. а. 23. 4.

⁹⁷ *Procop. Caesar.* B. P. 2. 3. 7; Н. а. 18. 10; 18. 15.

⁹⁸ *Procop. Caesar.* Н. а. 23. 14; 11. 30.

⁹⁹ Ibid. 11. 30 (φόρον ἄδρόν); 12. 12 (φόρου πικροῦ τε καὶ βαρυτάτου); 18. 10 (φόρους πικροτάτους); 22. 18–19.

¹⁰⁰ Φιλοχρηματία. См.: *Procop. Caesar.* B. G. 3. 1. 31–32; Н. а. 15. 19; 20. 3; 21. 3; 23. 1.

¹⁰¹ Например: *Procop. Caesar.* Н. а. 12. 13; 15. 19 (τῶν φόρων ἐπιθυμία).

¹⁰² Показателен пример: *Procop. Caesar.* B. V. 1. 10. 3.

¹⁰³ Юстиниан неразумен в расходах (*Procop. Caesar.* Н. а. 8. 4; 19. 6), корыстолюбив (Ibid. 8. 32) и жесток (Ibid.), не считается с общественными потребностями (Ibid. 8. 4), презирает закон и обычай (Ibid. 18. 9; 23. 1) и использует грабительские методы (Ibid. 19. 5; 19. 10; 19. 11; 23. 8; 26. 16).

¹⁰⁴ *Procop. Caesar.* Н. а. 22. 34–35.

¹⁰⁵ Пример – Анастасий, “предусмотрительнейший и рачительнейший из всех автократоров” (Ibid. 19. 5), сумевший достичь высшей цели – наполнения казны – без грабежа подданных.

С одной стороны, это традиционализм, который выражался в настойчивом повторении основных ее положений, а с другой – уступчивость по отношению к существующей власти, готовность оправдывать императорскую финансовую политику при условии, что власть будет обеспечивать формальную поддержку общественного мнения.

* * *

Произведения публицистической литературы из-за их обилия тоже создают проблему компактного обзора. Но, в отличие от историков, публицисты гораздо последовательнее придерживались канонов своего жанра. Поэтому кажется разумным подвергнуть анализу только два источника такого рода, принадлежащих к числу самых знаменитых и цитируемых, а именно труды Либания и Синезия, первый из которых стоит в начале, а второй – в конце периода расцвета ранневизантийского светского полемического и публицистического творчества.

Либаний, как и всякий заискивающий перед императором оратор¹⁰⁶, был щепетил в подборе терминов, относящихся к области суверенитета. Слово “налог” в его речах¹⁰⁷ встречалось сравнительно редко, так что Либаний, по-видимому, выказывал свое отношение не столько к налогам как таковым¹⁰⁸, сколько к абстрактной обязанности перед государством всякого налогоплательщика. Эта обязанность не должна была ни оспариваться, ни обсуждаться. В соответствующих местах своих речей Либаний предлагал в качестве предмета обсуждения не право верховной власти облагать налогами, но поведение проводников императорской воли – областных правителей и их официалов. Тем самым он переносил отношение к имперской налоговой политике, имевшее место в его социальной среде, на местные повседневные гражданские взаимоотношения по поводу налогов. Отсюда характеристикой актуальной налоговой политики у Либания служит не что иное, как оценка деятельности местной финансовой администрации (за исключением куриалов), и поэтому же во взглядах Либания на налоговую систему так много противоречий.

Огромное место в либаниевской концепции налогов занимала собственность, точнее – размер частной собственности налогоплательщика. Обладание собственностью являлось доказательством определенной обязанности перед родиной и государством¹⁰⁹. Факт отсутствия имущества свидетельствовал о неспособности гражданина выплачивать налоги и нести публичные повинности¹¹⁰. Из двух этих логических посылок проистекало большинство выводов Либания. Например, вывод о том, что величина налоговой нормы конкретного собственника напрямую зависит от размера его дохода. Другой вывод: власть должна за-

¹⁰⁶ Об участии позднеантичных ораторов в упрочении моделей легитимности власти см.: Любе М.-К. Стратегии господства и регуляция политики в переходный период: создание образа императора в латинских панегириках // ВДИ. 1993. № 1. С. 163.

¹⁰⁷ *Libanius. Selected Works.* Vol. 1-3 / Transl. by A.F. Norman. Vol. 2: *Selected Orations.* Cambridge (Mass.), 1977. (Далее: *Lib. Or.*).

¹⁰⁸ Изредка, в пылу ораторствования, Либаний позволял себе спекуляцию “славы” непопулярного налога, но исключительно для усиления эмоциональной реакции слушателей. Например, *Lib. Or.* XLVI. 22: “Непосильная подать – хрисаргир – вот зло, превзошедшее все прочие”. Но при этом осуждается не сам налог, а действия императорских чиновников, которые неверно его налагали.

¹⁰⁹ Ibid. XXVI. 20; XXXIII. 15, 20; XXXI. 16, 17; XXXV. 4; XLIX. 23; L; LIV. 40; LVII. 51.

¹¹⁰ Ibid. XXXIII. 32; XLVI. 22; LIX. 159.

ботиться об увеличении достояния подданных, коль скоро она желает иметь казну неоскудевающей¹¹¹. Столь важные положения выданы у Либания в виде намеков, и он не пытался их четко сформулировать, уделяя больше усилий созданию ярких иллюстраций. Опиравшаяся то на размытые традиционные образы, то на сиюминутные казусы и прецеденты логика Либания производит впечатление противоречивости и порой даже абсурдности, однако таков его метод. Обладавший несомненным ораторским даром, он умело избегал определенности в изложении принципиальных идей: умному слушателю было достаточно и намеков. При всей видимой путаности своих взглядов на налогообложение Либаний оперировал принципами, которые объясняли место многих явлений реальной экономической жизни. Символом справедливости в сфере налогообложения у него являлся правящий император. Важнейший для общественности вопрос о соотношении абстрактной публичной необходимости и частных возможностей антиохийский ритор без сомнений решал в пользу императора, признавая за ним приоритет в определении суммы налогового задания¹¹². Императору при этом не требовалось уточнять действительные возможности подданных, поскольку он один был способен наиболее точно оценить общественные потребности и пути их удовлетворения¹¹³. По Либанию, достаточно было верховной власти издать *delegatio* и привести благовидное оправдание новых налогов, и налогоплательщик «плачет, но вносит»¹¹⁴. Таким образом, заметные в сфере налогообложения противоречия должны были сниматься универсальным условием, что в основе всего происходящего находится сопутствующая власти *ratio*; и правители, не знавшие точно состояния каждого плательщика налогов, все же приносили своими указами только пользу, поскольку опирались на представление о справедливости¹¹⁵. Впрочем, конструкция Либания была явно рассчитана на поверхностное восприятие и потому не выдерживает серьезной критики (о чем он, надо полагать, догадывался). Приписывая правящему императору неотъемлемый рационализм, оратор должен был признать правильной (и признавал) практику налоговых иммунитетов, которая в действительности зачастую создавала правовое неравенство формально одинаковых субъектов перед лицом публичной обязанности¹¹⁶. В этом случае император оказывался выше необходимости и нарушал общественное понятие справедливости, но при этом оставался правым в глазах Либания, хотя Либаний и заявлял, что необходимость сильнее богов¹¹⁷, а справедливость выше обстоятельств¹¹⁸ и воли правителя¹¹⁹. Недоверие к концепции Либания у слушателей его речей должно было вызывать уже отчетливое стремление оратора отделить политику верховной власти от поведения местных финансовых чиновников. Оправдывая налоговую политику в принципе¹²⁰, он в то же самое время осуждал налоговое принуждение со стороны сборщиков (многие из которых, кстати говоря, были теми куриалами,

которых Либаний защищал и оправдывал)¹²¹, поспешность при взимании¹²², наличие у некоторых посессоров налоговых льгот¹²³, а также налоговое задание, не соответствующее размеру владений плательщика¹²⁴. Либаний признавал тяжесть имперского налогообложения¹²⁵, но настаивал на общественной значимости налоговых поступлений. Позицию Либания необходимо признать интересным примером приспособляемости общественных стереотипов к жесткой налоговой политике верховной власти.

Синезий был более, нежели Либаний, последователен и категоричен в оценках современной ему имперской финансовой политики. Он осуждал расточительность верховной власти¹²⁶, считая ее причиной чрезвычайных – неправильных по сути – налогов и дополнительного обременения провинциалов¹²⁷. Вместе с тем, как и Либаний, Синезий выступал против произвольных поборов местной администрации, называя подобную практику взимания незаконной¹²⁸. Соответственно действия властей, ведущие к освобождению подданных от чрезвычайного налогообложения, считались у него справедливыми¹²⁹. Синезий полагал, что важнейшим принципом финансовой политики имперского правительства должна быть рациональность, которая соразмеряла бы, с одной стороны, налоговые потребности государства с платежными возможностями населения¹³⁰, и, с другой стороны – государственные расходы с общественной необходимостью в них¹³¹. Расходы при этом исполняли бы роль первого условия всей налоговой политики. Поэтому для Синезия важным обстоятельством являлись не мнимые, как у Либания, а настоящие личные свойства правящего императора: гарантом осуществления справедливой налоговой политики был только действительно разумный император, умевший понять и воплотить надежды общественности. Но Синезий понимал, что такой император – недостижимая мечта, оставшаяся в далеком прошлом.

Объективно оценивавший налоговую систему государства Синезий полагал, что для населения обременительны не отдельные налоги (типа хрисаргира или административных поборов), а налогообложение в целом¹³². Критический настрой ритора из Киренаики был обусловлен, по-видимому, особыми обстоятельствами: жизнью в отдаленной глухой провинции, где административный произвол был заметнее; ослаблением центрального управления при Аркадии; наконец, жизненной позицией самого Синезия. Так или иначе, но он считал финансовое управление далеко не идеальным¹³³ и рисовал в письмах и речах довольно-таки мрачную его картину. Неправильное, т.е. не соответствовавшее понятию справедливости (*dike*), налогообложение разоряло население посред-

¹²¹ Ibid. II. 32: οὗς τὸ πλεῖστον ταῖς εἰσπραξέσιν; XXXIII. 32.

¹²² Ibid. XXXIII. 18, 19.

¹²³ Ibid. XLVIII. 16; L. 9.

¹²⁴ Ibid. XXXIII. 32: “Хоть кожу сдирай с должника, но никак не добьешься, чтобы неимущий имел деньги”.

¹²⁵ Что видно, например, по тому, с каким пониманием Либаний относился к малым человеческим слабостям вроде стремления избежать ценза: Ibid. XIV. 48–50; L. 23.

¹²⁶ Συνεσίου. Περὶ βασιλείας. 16; 25 (βασιλεὺς δ’ ἐρασιχρήματος) // Synesii Cyrenensis opuscula / Rec. N. Terzaghi. Roma, 1964. (Далее: Syn. De regno.).

¹²⁷ Ibid. 14, 16, 25.

¹²⁸ Ibid. 24; PG. T. 66. Col. 1448, 1576.

¹²⁹ PG. T. 66. Col. 1364.

¹³⁰ Syn. De regno. 25 (σύμμετρα ταῖς τῶν εἰσφερόντων δυνάμεσιν).

¹³¹ Ibid. 24–25.

¹³² Ibid. 25 (ποριστὴν ἀλυπτότατον).

¹³³ Ibid. (τρύχειν εἰσφοράς τὰς πόλεις βασιλικόν).

¹¹¹ Ibid. XXX. 10; XXXIII. 35.

¹¹² Ibid. XVIII. 123; L. 6.

¹¹³ Ibid. XVIII. 282; XLVI. 23; XLVII. 29; XLVIII. 42; LII. 43.

¹¹⁴ Ibid. XXVI. 23; XLVIII. 42.

¹¹⁵ Например: Ibid. LIX. 46.

¹¹⁶ Например: Ibid. XIV. 48.

¹¹⁷ Ibid. LII. 43.

¹¹⁸ Ibid. LII. 46; LIX. 16.

¹¹⁹ Ibid. L. 19; XLII. 2.

¹²⁰ Ibid. XXXIII. 19: “Производство на полях должно приносить пользу императору, и она не должна быть менее (возможной)”; L. 6: “Если это определено законом, то это должно произойти в соответствии с требованием этого закона, хотя бы и не без обиды”.

ством недоимок (ἐλλειμμάτων) и устаревших повинностей¹³⁴. Для исправления ситуации в финансовой сфере Синезий предлагал сокращать как императорские расходы (в том числе и на военные цели), так и размер налоговой массы, и обязательно прощать недоимки и не соответствовавшие имущественному положению куриалов литургии.

Таким образом, взгляды на налоги Либания и Синезия дополняют друг друга. Вместе они воспроизводили и поддерживали традиции общественного отношения к налогам и к имперской налоговой политике.

* * *

Весьма важную информацию о проявлениях общественного мнения по поводу налоговой политики позднеантичного правительства содержат также произведения панегирического жанра, в особенности так называемые латинские панегирики IV в.¹³⁵ Интересно отношение авторов этих сочинений к самому термину “налоги”. Очевидно, что политические перипетии III–IV вв. сформировали у податного населения Поздней Римской империи неприятие самого этого слова. Доказательством тому может служить, с одной стороны, подчеркивание в этих официозных источниках необходимости и полезности платежей в пользу государства, и, с другой стороны, явное уклонение от употребления слова “налоги” в контекстах, где они явно имеются в виду¹³⁶. Сознвая устойчивость негативной составляющей социального имиджа налогов, авторы панегириков избегали произносить соответствующие термины в тех местах своих произведений, где повествовалось о финансовых мероприятиях “хороших” императоров (обычно адресатов хвалебных речей)¹³⁷ и, наоборот, охотно пользовались “налоговой” терминологией с целью усилить негативное впечатление от финансовых мероприятий “узурпаторов”¹³⁸.

Но велеречивые обращения к высшей власти не допускали выражений, в которых обнаруживались бы суетные запросы частных лиц. Поэтому панегиристы, а среди них встречались и профессиональные финансовые администраторы¹³⁹, приспособляли некоторые общественные взгляды к официальной политической теории, трактовавшей налоги как важнейший фактор государственных интересов. Неудивительно, что лояльная к высшей власти провинциальная элита признавала необходимость взывания государственных налогов. Более того, она была привержена доктрине, которая оправдывала такую необходимость.

По мнению панегиристов, налоги были необходимы для того, чтобы покрывать обязательные издержки государственной казны, к которым традиционно относили расходы на укрепление обороноспособности страны¹⁴⁰ и на благоустройство городов¹⁴¹; считалось, что власть не должна нести никаких иных расхо-

¹³⁴ Ibid. 23 (πάλαι λειτουργίαι πονοῦντας).

¹³⁵ См.: Шабана И. Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997. С. 5.

¹³⁶ Например: Lat. paneg. VIII. 5. 5: “Однако [община] не могла жаловаться [на налоги] на законном основании...”.

¹³⁷ Например: Ibid. XI. 7: “Облегчение (налогов с) дунайских городов”.

¹³⁸ Например: Ibid. XI. 9: intollerandi tributī mole depressi; XI. 10: quoddam versa vice provinciis pendī tributum, illinc ad universas fluere.

¹³⁹ Например, Клавдий Мамертин: “Me aerarium publicum curare voluisti” (Ibid. XI. 1).

¹⁴⁰ Например: Priscian. Paneg. 298–311.

¹⁴¹ Ibid. 184–185, 207.

дов, поскольку все они не обособлены общественной необходимостью и являются по существу тратами частноправового, а не публичного характера. Только общественно обусловленный характер государственных расходов способствовал желанному процветанию провинциальной общины – опоры античного миропорядка¹⁴². Таким образом, население провинций должно было думать, что, выплачивая подати, оно гарантировало собственное благополучие. Представление о прямой зависимости благосостояния народа от государственных доходов включало представление не только о цикличности, но и о “прогрессии”, ибо чем выше были обусловленные общественными интересами затраты, тем более оправданными становились регулярные налоги. Идея абсолютной взаимной обусловленности интересов и обязанностей общества и государства была настолько привлекательна в позднеантичный период, что общественность даже освоила для ее иллюстрации наглядный пример круговорота воды и веществ в природе¹⁴³. Поэтому вполне закономерно и общественно приемлемо звучало в панегириках положение о том, что, хотя налоги тяжелы и неприятны, в конечном счете они необходимы и даже полезны; если финансы государства устроены правильно и разумно, то дающий в казну возвращает себе отданное с прибавкой¹⁴⁴.

Исходя из этого положения, провинциалы должны были считать угрозой для себя и одновременно признаком порочной финансовой политики такие государственные расходы, которые не были мотивированы общественной пользой (utilitas publica)¹⁴⁵. Под такими обычно подразумевались императорские расходы для удовлетворения личных потребностей и страстей. Они требовали дополнительных ресурсов, которые, в свою очередь, вели к увеличению налогов и в конечном итоге к разорению населения. Методы неправильной налоговой политики определялись в источниках как грабеж¹⁴⁶.

Так выглядела общественная оценка налоговой политики в тех случаях, когда финансовая ситуация в империи была достаточно определенной. Если же деятельность императора не поддавалась четкой позитивной или негативной оценке, то прибегали к иному методу ее характеристики в сравнении с идеалом. Панегиристы обычно использовали при этом понятия, которые обозначали ту или иную степень обременительности налогов для плательщика. В ряде источников начала IV в. отразилось отрицательное отношение общества не к налоговой политике вообще, а к определенным изменениям в налоговой системе: главным объектом недовольства объявлялся при этом всего лишь “новый” денз, казавшийся провинциальному обывателю непонятным, ненужным и вредным¹⁴⁷. Другим общественным мерилом правильности обложения налогами служила платежеспособность населения, которая традиционно базировалась на понятии минимального прожиточного уровня, правда, различного для разных сословий¹⁴⁸.

¹⁴² Lat. paneg. XI. 9: Sed universas urbes ope imperatoris refotas enumerare perlongum est; XI. 12: Imperatoris impense studet, ut nos pro dignitate habitemus, ut commodis adfluamus; см. также: XII. 27; Priscian. Paneg. 298–311.

¹⁴³ Например: Lat. paneg. XII. 26. 2.

¹⁴⁴ Ibid. XI. 14: Sed stipendiis provinciarum et patrimonii sui fructibus tum undique frumentis coemptis... refertis; totus commodis publicis vacat.

¹⁴⁵ Ibid. XI. 10: Enim alii in cupiditatis proprias prodigebant.

¹⁴⁶ Например: Ibid. XI. 1: Exhaustae provinciae... non minus exitiabilibus quam pudendis praesidentum rapinis; XII. 26: Sed tamen latro raptis abutitur; comportabantur interim spolia provinciarum.

¹⁴⁷ Ibid. VIII. 5. 5; IX. 19. 2; IX. 16. 1.

¹⁴⁸ Например: Ibid. IX. 4. 4; 19. 2; Priscian. Paneg. 27–28; 156 (“пища жизни”).

Наконец, самый главный метод определения качества правительственной финансовой политики предполагал ее сравнение с “обычаем” и “древностью”. Например, в эпизоде с новым цензом у анонимного панегириста эталоном являлась выверенная временем и экономической практикой формула обложения эпохи принципата¹⁴⁹. Своеобразным возвратом к благословенному прошлому считалось, по-видимому, также сложение недоимок, неизменно приветствуемое в панегириках¹⁵⁰. Вообще, апелляция к старине как образцу при оценке современности была характерна для панегириков более, чем для других источников поздней античности¹⁵¹. Думается, что именно идеальный образ прошлого можно считать в них уникальной мерой определения правильности финансовой политики. Панегиристы смело предлагали верховной власти признававшиеся ею еще во II в. пункты идеальной схемы налоговой политики, известные по панегирику Плиния Младшего. При этом власти предлагалось освободиться от таких деталей и элементов, которые оказывались наиболее уязвимыми в условиях реальной финансовой политики и нуждались в постоянном обновлении. Позиция панегиристов была проста: они лишь напоминали императору об основных чертах выверенного налогообложения, а тот, если он действительно заботился о процветании страны, должен был использовать в своей практической деятельности методы, характерные для идеальной модели. Разумеется, способностью возвыситься до уровня общественных представлений обладали далеко не все правители империи, а лишь “мудрые” и “справедливые”.

* * *

Так называемые “политические трактаты”¹⁵² интересны тем, что содержат соображения по поводу какого-либо конкретного предмета; авторы при этом были предельно конкретны. Это, впрочем, не мешало им пользоваться самыми общими элементами принятой общественной концепции “правильного государственного устройства”. Сочетание в одном произведении обширной целевой установки и анализа конкретного предмета обуславливало появление кратких, но необычайно емких формулировок, содержащих претензию на теоретическое осмысление современных автору проблем. Поэтому трактаты являются своеобразными обобщениями некоей суммы разрозненных общественных представлений об отдельном политическом институте. Разумеется, в политическом содержании источников не игнорировалась и тема налогов, как одна из важнейших составляющих в сфере управления¹⁵³. Отсутствие среди политических трактатов специального труда о налогах объясняется, по-видимому, отсутствием самой необходимости в их создании, поскольку в ранневизантийскую эпоху, как

известно, и без того существовали и официальная, и общественная “теории” налогообложения¹⁵⁴.

Рассматриваемые трактаты на удивление единодушны как в оценках реально действовавшей финансовой системы, так и в предложениях ее реформирования. Базовым компонентом этой системы и одновременно важнейшим оценочным критерием финансовых мероприятий неизменно признавались государственные расходы¹⁵⁵. Среди обязательных государственных расходов всегда фигурировало обеспечение армии¹⁵⁶, хотя иногда военные расходы уступали первое место другим видам обязательных казенных затрат, таким как престиж высшей власти и церковное строительство¹⁵⁷. Все эти расходные статьи признавались общественно значимыми, поскольку служили укреплению государства¹⁵⁸ и повышению благосостояния общества. Общество соглашалось оплачивать необходимые государственные затраты при условии, что налоги будут забирать лишь часть дохода, который имел владелец земли. Поэтому авторы трактатов признавали обоснованными только регулярные поземельные налоги и повинности¹⁵⁹. Судя по всему, финансы представлялись им совокупностью равновеликих расходов и доходов, хотя столь примитивная схема бюджета не удовлетворяла самих авторов, и они стремились уточнять и величину расходов, и размеры налогов. Так, налогообложение не должно было препятствовать нормальной жизни налогоплательщика¹⁶⁰. При пра-

¹⁵⁴ Серов В.В. Теория налогов в ранней Византии (IV–VI вв.) // Византийское государство в IV–XV вв. Центр и периферия. Тез. докладов XV Всероссийской научной сессии византистов. Барнаул, 1998. С. 9–14.

¹⁵⁵ Из трех авторов лишь сочинения Иоанна Лиды, уделившего теме доходов казны значительное место среди своих “финансовых” рассуждений, позволяют предположить, что не расход, а умеренный доход должен был, по его мнению, находиться в основе теории государственных финансов. Так, при перечислении финансовой деятельности он писал в первую очередь о доходах и лишь во вторую – о расходах (*Ioann. Lyd.* III. 46: ἡμεῖς κερδαίνοντες, ἡμεῖς δαταῖς κερδαίνοντες τὰ περιγινόμενα; III. 44, 51). Однако повышенный интерес к доходной части государственного бюджета следует объяснять не особым взглядом на идеальную финансовую политику, а профессией Иоанна Лиды, бывшего финансовым служащим “доходного” ведомства при императорах, которые прославились именно умением наполнить казну. Иначе говоря, Иоанн Лид писал в первую очередь о предмете, более всего знакомом ему.

¹⁵⁶ Иоанн Лид не говорил прямо о военных расходах, но в его описании финансовой деятельности правительства часто присутствуют упоминания о войне и войнах (*Ioann. Lyd.* III. 44, 49, 75; особенно 61). Аноним *De reb. bell.* повествует почти исключительно о военных расходах (например, V. 1). Аноним *De sc. pol.* также считал снабжение армии обязательным государственным расходом (71–73).

¹⁵⁷ *De sc. pol.* 36–38 (о поддержании достоинства высшего сословия); 65–69 (об обеспечении церковников); 162–163 (о содержании бывших императоров). Иоанн Лид упоминает и церковное строительство (например, III. 76), и выкуп пленников (например, III. 75), хотя затруднительно определить его личное отношение к таким расходным статьям, поскольку в соответствующих отрывках переплетены положительные и отрицательные интонации; например, сообщение о строительстве церкви в Константинополе должно было проиллюстрировать деяния положительного героя повествования – префекта претория Фоки, но Иоанн Лид использовал при этом необычные для положительного образа выражения (“и потекла река денег”).

¹⁵⁸ *Ioann. Lyd.* III. 44: “на дела государства”.

¹⁵⁹ Например: *Ioann. Lyd.* III. 61: τοὺς δὲ κερταῖς ἀπογεοῦσθαι κατ’ ἔθος (вообще, вся глава 61 говорит о том же); *De reb. bell.* I. 1; XX. 1; *De sc. pol.* 80: τὸ ἑσθμολοῖν ἐπολτεῦετω γένος καὶ φορολογικόν.

¹⁶⁰ Например, Аноним *De sc. pol.* предлагал строить доходную часть византийского бюджета по остаточному принципу, т.е. “после вычета всех издержек” налогоплательщика (80, 81). Но такую позицию нужно признать крайней и не обычной для позднеантичных источников. Чаще ориентиром служила абстрактная платежеспособность податного населения (*De reb. bell.* I. 1; IV. 1).

¹⁴⁹ *Lat. paneg.* VIII. 5. 5.

¹⁵⁰ *Ibid.* VIII. 11. 1; X. 33. 6; XI. 7. 3; 9. 1.

¹⁵¹ Например: *Ibid.* VIII. 4. 1: “...то, что старо, то и более свято. Ведь к добрым деяниям достоинство и значимость приходит с возрастом”.

¹⁵² Мы относим к их числу следующие: *De rebus bellicis* // A Roman Reformer and Inventor / Text, Translation and Introduction by E.A. Thompson. Oxford, 1952. (Далее: *De reb. bell.*); *Menae patricii cum Thoma referendario De scientia politica dialogus* / Ed. C.R. Mazzucchi. Milano, 1982. (Далее: *De sc. pol.*); *Ioannes Lydus. De magistratibus populi Romani libri tres* / Ed. R. Wuensch. Lipsiae, 1903. (Далее: *Ioann. Lyd.*).

¹⁵³ Аноним *De sc. pol.*, например, выделил для налогового механизма второе (80: δευτέρα) по значению место в своей идеальной схеме имперского управления.

вильном управлении государством (τεταγμένη ἀρχή) получаемый доход обеспечивает не только обычные расходы, но и стратегический запас продуктов¹⁶¹. Эта идеальная модель функционирования финансового механизма империи опиралась на примеры из древней истории¹⁶².

Противоположностью идеальных представлений была реальная финансовая политика ранневизантийских императоров – современников авторов трактатов. На деле даже обязательные расходы обычно намного превышали одобряемый обществом порог “умеренности”. Так, военные расходы многократно увеличивались из-за авантюры вроде африканской экспедиции Василиска¹⁶³ или адзэрации военной анноны¹⁶⁴; ненужными считались и затраты на “покупку мира” у варваров¹⁶⁵. Увеличение необходимых расходов являлось для власти формальным основанием для повышения регулярных налогов, а также для поиска иных источников финансирования¹⁶⁶. Но общественное мнение трактовало дополнительные военные расходы как расточительность¹⁶⁷. Кроме того, ряд других видов расходов признавался необязательным и даже вредным, разрушавшим финансовый баланс государства. Иоанн Лид, например, называл роскошью (τρυφή) императорские траты на придворную жизнь и украшение столицы. Очевидно, дополнительные расходы представлялись современникам чем-то сходным с казнокрадством, так как посредством них осуществлялись не общественные, а частные интересы. Никакая казна не могла бы обслужить запросы частных лиц, составлявших целые социальные слои (чиновники, воины-ветераны и т.п.)¹⁶⁸. Не сознававшие этого императоры нарушали выверенный механизм оборота средств в стране, и итогом непродуманной финансовой политики становилась “нищета казны”¹⁶⁹, обеднение населения и общественная нестабильность¹⁷⁰.

Итак, главным показателем правильности имперской налоговой политики служило понятие “пользы” налогоплательщика. Повышение обложения вредило ей¹⁷¹, и для обозначения степени вреда источники использовали характерные образы разорения. Так, и Иоанн Лид, и анонимные авторы вводили в повествование образ алчного чиновника, грабившего подданных наподобие врага¹⁷². Корыстолюбие (avaritia, φιλοχρημοσύνη) “начальствующих” и их неразумная жестокость истощали силы налогоплательщиков¹⁷³, подтачивая самую основу на-

логообложения¹⁷⁴. Подобная деятельность вполне заслуживала в их глазах наименования “несправедливости”¹⁷⁵. Казалось бы, именно “пользу” налогоплательщика и следует считать тем критерием, с помощью которого в трактатах производилась оценка всей финансовой политики ранневизантийского правительства. Но именно представление о “мере” является наименее определенным из элементов идеальной схемы финансов у авторов трактатов. Действительно, всякий раз при рассмотрении различных составных финансовой цепочки они выбирали новый ориентир. В одном случае им служил доход землевладельца-коллатора (или платежеспособность, или “польза”), в другом – “справедливость”, в третьем – пример древности, олицетворявший некую традицию правильного обложения. В анонимном трактате *De rebus bellicis* фигурирует некий запас драгоценных металлов, который препятствует введению новых налогов¹⁷⁶, а у Анонима *De scientia politica dialogus* мерилом выступает запас зерна¹⁷⁷. Но и наполненная государственная казна могла служить универсальной “мерой” деятельности имперской администрации, потому что Иоанн Лид рассматривал “казну” (τὸ δημόσιον) в качестве вспомогательного средства обеспечения публичных потребностей: она должна была периодически исчерпываться и затем пополняться за счет обычных налогов, собиравшихся в конце года. Поэтому вопрос об универсальной оценочной категории в политических трактатах можно считать открытым, утверждая лишь, что представление о “мере” в них, безусловно, присутствует и даже определяет конечную картину правильной (“размеренной”) финансовой политики.

* * *

Религиозная ранневизантийская литература, как известно, обширна и многообразна. Однако рассматривать ее так же, как литературу светскую, подразделяя на жанры и направления, представляется нецелесообразным. Основанием для объединения различных церковных литературных источников в одну группу является их общий взгляд на интересующие гражданские институты через призму религиозного мировосприятия. Религиозные исторические источники представляют собой особый пласт общественного ранневизантийского сознания; их анализ позволяет полнее раскрыть сущность социальных феноменов, к числу которых принадлежит и представление о налогах.

В большинстве своем церковные авторы, как и клирики в целом, не подвергались налогообложению в таком объеме, как миряне. Этим объясняется слабая заинтересованность авторов наших источников в деталях финансового механизма и соответственно малое количество рассуждений на тему налогообложения¹⁷⁸. В то же время, будучи идеологически “обязанными” проявлять милосердие к ближним, апологеты христианского учения подходили к налоговой проблематике как к одному из способов демонстрации православных добродетелей. Итогом столь необычной обусловленности информации церковных ис-

¹⁶¹ De sc. pol. 81.

¹⁶² De reb. bell. I. 1 (vetustatis more); Ioann. Lyd. III. 61 (ὡς πάλαι); De sc. pol. 81, где приведен пример древнеримского налогообложения на Сицилии, которое, по-видимому, Аноним и считал идеальным. (О действительной налоговой политике римлян на острове см.: Сизов С.К. Налоговая политика Рима в провинции Сицилия в эпоху республики // Из истории античного общества. Горький, 1983. С. 27–38, где утверждается, что размер налога обеспечивал провинциалам воспроизводство сельского хозяйства и определенную прибыль.)

¹⁶³ Ioann. Lyd. III. 43–44.

¹⁶⁴ Ibid. 60–61.

¹⁶⁵ Ibid. 45; De reb. bell. I. 1.

¹⁶⁶ Ioann. Lyd. III. 44: “...казна больше не обеспечивалась, хотя и продолжала тратить на дела государства деньги, которые еще даже не ожидалось...”

¹⁶⁷ De reb. bell. Praef. 7 (extra solutam largitatem); I. 1 (profusa largitio); V. 1 (enormia).

¹⁶⁸ Ibid. IV. 1; V. 1; Ioann. Lyd. III. 49.

¹⁶⁹ Ioann. Lyd. III. 44.

¹⁷⁰ De sc. pol. 81; De reb. bell. II. 2.

¹⁷¹ De reb. bell. IV. 1 (collatorum utilitatibus inimica); Ioann. Lyd. III. 61 (συγκυρήματος τῶν χαρπῶν).

¹⁷² Например: Ioann. Lyd. III. 49 (πολεμίων ἥσσαν); De reb. bell. IV. 1 (artibus rapinarum).

¹⁷³ De reb. bell. IV. 1 (exhauriant vires collatorum); Ioann. Lyd. III. 61 (τὴν πόρθησιν, ἀδικήμασιν).

¹⁷⁴ De reb. bell. V. 1.

¹⁷⁵ Ibid. IV. 1 (iniquitas); De sc. pol. 81 (τῇ ἀδίκῃ).

¹⁷⁶ De reb. bell. I. 2.

¹⁷⁷ De sc. pol. 81.

¹⁷⁸ Примером игнорирования в церковном источнике злободневной темы налогообложения является Агапит, который чрезвычайно общо распространяется об обязанностях императора перед народом, о взаимоотношениях власти и общества и о добродетельном правителе, но налоги не упоминает: Agap. 27, 35, 36, 48.

венного мышления, но в сильно усеченном и схематизированном виде. Так, в основе их рассуждений о сущности налогов лежало общее представление о ведущей роли расходов в финансовой политике государства и вспомогательной роли доходов (налогов). Далее, по примеру многих светских авторов церковные писатели называли главной статьей расхода самую заметную из них – обеспечение императорского войска¹⁷⁹. Наконец, из всех видов государственного дохода церковники упоминали лишь о денежных или натуральных взносах населения (главным образом сельскохозяйственного – $\gamma\epsilon\sigma\omega\rho\omicron\upsilon$)¹⁸⁰ на военные нужды¹⁸¹. Столь упрощенная схема осуществления государственных финансов должна была с неизбежностью завершаться выводом о том, что объем взимаемых налогов напрямую зависел от потребностей военного дела. В анализируемых источниках такого вывода формально нет, однако смысловая тональность соответствующих фрагментов позволяет думать, что признание военных расходов необходимыми государственными расходами было для них аксиомой.

Церковники крайне редко подвергали сомнению налоговое право императора и его правительства¹⁸². Эта особенность религиозных нарративных источников проявилась в их равнодушии к существовавшему многообразию актуальных налогов и к процедуре их сбора¹⁸³. Между тем, будучи в известной мере проводниками общественных настроений, церковники изредка проникались психологическим настроением “паствы” и передавали ее отношение к конкретным финансовым явлениям, имевшим широкий социальный резонанс. Такими явлениями были прежде всего дополнительные налоги и недоимки, а также произвол сборщиков налогов. Подобные факты заставляли авторов менять равнодушные на участливые, которая, впрочем, выражалась в весьма сдержанной форме¹⁸⁴. Впрочем, социальный акцент в церковных источниках гораздо шире, чем

кой, выводив на такие проблемы, которые, казалось, не должны были волновать теоретиков веры. Например, проблема платежной возможности объектов налогообложения¹⁸⁵. Многие церковные исторические источники признают, что причиной недоимок, т.е. недостаточной платежеспособности налогоплательщиков, бывали субъективные факторы, которые нарушали бюджетный баланс. К их числу авторы относили затяжную войну¹⁸⁶, разорение землевладельцев в результате восстания¹⁸⁷, а также упоминавшееся уже “сребролюбие” финансовых чиновников. Они не называли универсальной причины обеднения “золотоплательщиков”, которая была известна светским источникам и трактовалась ими как чрезвычайные казенные расходы. Церковные источники вообще опускают множество важных черт виртуальной общественной реконструкции налоговой системы государства. Но имеющаяся в них рефлексия по поводу отмеченных явлений финансовой жизни позволяет надеяться на то, что некая абстрактная модель, объяснявшая суть налогообложения, в умах церковников все же присутствовала.

Больше всего указаний на обеднение населения имеется в церковной публицистике IV–VI вв. “Скорбь угнетенных” зачастую ассоциировалась там именно с налогообложением¹⁸⁸. Очевидно, что церковники создавали разрушительную силу увеличенного налогового бремени. Но вновь, как и в других ситуациях, они не пытаются поставить вопрос о причинно-следственных связях обнаруженного явления. Единственное, что демонстрирует их отношение к предмету, это соответствующие фразеология и терминология. Так, чрезвычайные налоги часто выражались в тексте сравнительной степенью от прилагательного “полный” (которую можно перевести как “больше” – $\pi\lambda\epsilon\omicron\nu$, $\pi\lambda\epsilon\iota\omicron\nu\alpha$), что предполагало наличие какого-то количественного эталона¹⁸⁹. Понятие эталона, или “меры”, уточнялось иногда определением “должное” и “древнее”¹⁹⁰, что было также равнозначно обычному порядку вещей. По-видимому, в сознании клириков, знакомых с практикой налогообложения и ходатайствовавших за прихожан о его облегчении, укоренилось понимание “меры” как стабильной величины регулярных налогов, установленных согласно результатам цензовой описи. Все, что налагалось сверх того, было чрезвычайным и разоряло налогоплательщика. Избегавшие точного определения “меры” в налоговой сфере церковные источники пользовались универсальной этической категорией “справедливость” ($\delta\acute{\iota}\kappa\eta$) и ее производными, вкладывая в нее и общественные представления о правильном налогообложении¹⁹¹. Понятие справедливости было главным со-

¹⁷⁹ Лишь очень немногие источники перечисляли среди государственных расходов другие статьи. См., например: Кирилл Скифопольский. Житие святого Савы Освященного. СПб., 1890 (далее: Vita Sabae и указание на страницу в издании), где среди расходов упоминается общественное строительство (Vita Sabae. 73–74).

¹⁸⁰ Ibid. 72.

¹⁸¹ Socr. Н. Е. 3. 17: “Содержание многочисленного войска обычно требует денег” ($\kappa\omicron\sigma\sigma\alpha\acute{\iota}\mu\epsilon\upsilon\omicron\varsigma \chi\rho\acute{\iota}\mu\alpha\tau\alpha$); Theodor. Kyrr. Н. Е. 5. 20: “Вынуждаемый частыми войнами, вассалевс наложил на города какой-то чрезвычайный взнос...”; Soz. Н. Е. VII. 23. 1: “Заведующие сбором требовали по случаю войны налог...”.

¹⁸² См., например: Творения Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Т. 3. СПб., 1911. С. 130–131. (Далее: Bas. Ep. и номер послания в издании). Ep. 100 (104): “Те, кто нынче производят перепись, не получили предписания от твоей власти...”; Ep. 106 (110): “Прикажи сделать подать терпимой...”. В этом безоговорочном признании сказывались, вероятно, два обстоятельства: во-первых, значительные налоговые и повинностные льготы клириков и, во-вторых, известная “христова максима” о том, что “кесарю – кесарево”, которая была в церковной среде тем более привлекательной, чем меньше платежей требовал император от церковников.

¹⁸³ Например, Феодорит Киррский попросту перечислял должности, связанные с осуществлением сбора или расходования государственных средств, никак не комментируя их методы и цели с позиции государственных интересов (Theodor. Kyrr. Н. Е. 3. 8; 4. 17); Иоанн Златоуст толковал о должном страхе перед властью и, значит, рекомендовал выполнять все ее требования, обращенные к податному населению (Ioann Chrys. Or. 6, 15). Лишь финансовая деятельность императоров-“тонителей” подвергалась моральной оценке по понятным причинам (например: Euseb. Н. Е. VIII. 14. 10; X. 8. 12).

¹⁸⁴ Так, у церковных историков V в. заметна неодобрительная тональность, передаваемая словами с негативным смыслом; например: Socr. Н. Е. 3. 14: “Начальники областей... вымогали денег больше ($\epsilon\lambda\alpha\rho\chi\iota\alpha\varsigma \acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma \dots \chi\rho\acute{\iota}\mu\alpha\tau\alpha \mu\epsilon\nu \pi\lambda\epsilon\iota\omicron\nu\alpha \eta \epsilon\rho\eta\nu\dots$)”; Soz. Н. Е. VII.

23. 1: “Заведовавшие сбором податей рассудили за благо потребовать платить больше ($\pi\lambda\epsilon\omicron\nu \tau\iota \tau\omicron\nu \epsilon\iota\omega\theta\acute{\omicron}\tau\omega\nu \phi\acute{\omicron}\rho\omega\nu \epsilon\iota\sigma\tau\rho\acute{\alpha}\xi\alpha\sigma\theta\alpha\iota \tau\omicron\upsilon\varsigma \upsilon\lambda\omicron\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\varsigma$)”. Отцы церкви проявляли недовольство жадностью сборщиков, например: Bas. Ep. 21: “Сборщики предпочитают учетверение общественных налогов”; Ioann Chrys. Ep. 64.

¹⁸⁵ Vita Sabae. 73; Bas. Ep. 84 (88).

¹⁸⁶ Theodor. Kyrr. Н. Е. 5. 20; Soz. Н. Е. 7. 23.

¹⁸⁷ Vita Sabae. 73–75.

¹⁸⁸ У Василия Великого: “жилище, ненавистное хозяевам из-за множества наложенных на него податей” (Ep. 79 (83)); “нетерпимая подать” (Ep. 106 (110)); “непереносимые беспокойства” (Ep. 32) и др.

¹⁸⁹ Socr. Н. Е. 3. 14; Soz. Н. Е. 7. 23; Bas. Ep. 21; 100 (104).

¹⁹⁰ Bas. Ep. 81 (85), 137 (142).

¹⁹¹ Например, у Василия Великого справедливое обложение налогами предполагало учет обычаев местности и представления о равенстве (в смысле римской aequitas): Bas. Ep. 291 (299); поведение налогового чиновника почиталось справедливым, если он действовал не в личных, а в общественных интересах: Ep. 295 (303).

единительным звеном во всей логической схеме их представлений о финансах государства. Справедливость должна была контролировать размер государственных расходов, она обязывала следить за соблюдением величины государственных податей, призывать к порядку чиновников налоговых ведомств. Но что питало справедливость и применяло ее в нужном направлении? На этот вопрос духовные лица отвечают вполне определенно: это власть, точнее, хороший правитель. Необычайно популярный в позднеантичной литературе тоpos способствовал созданию идеального образа “доброго” правителя, наделенного комплексом добродетелей, среди которых неизменно фигурировала “разумность”, причем ориентированная в плоскость именно финансовой деятельности¹⁹². Таким образом, единственным условием “правильной” налоговой политики в государстве, по мнению наших источников, было правление разумного и справедливо-го государя.

Итак, исторические источники религиозной направленности обнаружили сходство взглядов на явление налогообложения со светскими и даже “языческими” источниками. Отстраненность религиозной идеологии от проявлений профанной жизни была преодолена важностью объекта, каковым были налоги. Но родство церковных писателей с миром могло быть гораздо более близким, чем кажется при чтении их произведений. Особенно это заметно на примере трудов Лактанция и Евагрия Схоластика, формально принадлежащих к жанру церковной истории¹⁹³. Оба этих автора, разделенных трехсотлетним промежутком времени, занимались несвойственным церковным делом – критикой системы налогообложения, причем критикой с позиций широких слоев населения империи. Оба источника критиковали новшества в сфере налогов, которые болезненно воспринимались прежде всего в среде рядовых плательщиков. Рассмотрение взглядов Лактанция и Евагрия важно для восстановления общей картины налогов, существовавшей в сознании представителей церковной историографии и образованных церковников в целом.

Лактанций сообщает об общественной реакции на введение новой формы процедуры сбора податей. По мнению источника, власти допустили нарушение обычного, традиционного порядка. Лактанций последовательно сравнил нововведения Диоклетиана с элементами предполагаемой правильной налоговой системы, благодаря чему можно восстановить ее в деталях. Так, по мнению землевладельцев, не должно быть много участников процедуры обложения и сбора налогов¹⁹⁴. Далее, недопустимо изменение устоявшихся методов раскладки податей и применение незаконных (читай: необычных) способов их сбора¹⁹⁵, к

числу которых относилось и не обоснованное понятными обществу причинами увеличение налоговой массы¹⁹⁶. Наконец, общественность роптала на несоответствие реальной налоговой политики заявлениям властей о принципах этой политики. Последнее обстоятельство говорит о том, что позднеантичное общественное мнение продолжало внимательно следить за изменениями в официальной теории налогов и сравнивало ее с абстрактной моделью справедливого налогообложения¹⁹⁷. В итоге экспрессивного описания Лактанцием финансовой деятельности центральной и местной властей явственной проступили очертания общественного отношения к ней – отношения, в немалой степени испытываемого и церковниками. В представлении последних налоги выступали в качестве законного признака государственного суверенитета, но при этом должны были служить не столько интересам власти, сколько интересам общества, к которому принадлежали и сами клирики.

Евагрий Схоластик, позиция которого в отношении налогов была близка представлениям подавляющего большинства церковных авторов IV–VI вв., в ряде фрагментов своей “Истории” допустил отклонение от характерного для них положения “стороннего наблюдателя”. Во фрагментах о хрисотелии и виндиках Евагрий словно превратился в обыкновенного куриала и взглянул на события его глазами¹⁹⁸. В экскурсе на тему отмены хрисаргира он дал общественную оценку “этой недостойной даже варваров” пошлости¹⁹⁹. Евагрий будто раздвигал завесу церковного мировоззрения, стараясь передать иные представления о важных вещах, хотя нужно признать, что характерная подоплека церковного интереса все же проглядывает и в этих особенных фрагментах²⁰⁰. Евагрий Схоластик был носителем формирующегося общественного христианского сознания и потому замыкает список не только религиозных, но и светских позднеантичных источников. Он обнаружил признаки нового отношения к налогам – уже не отстраненно-равнодушного, хотя оно еще господствует в его произведении, – но пытливого, предполагающего непосредственное участие церкви во всех мирских экономических вопросах. Евагрий обнаружил ясное понимание связи налогообложения с основными расходными статьями государственной казны, четко определил грань между обычными налогами и “отягощением провинциалов”, сумел увидеть результаты “неправильной” налоговой политики (“расстройство доходов и благосостояния”).

¹⁹² Bas. Ep. 79 (83); 82 (86); 291 (299); 295 (303); Theodor. Kyrr. H. E. 5. 12.

¹⁹³ Главный труд Лактанция именуется в специальной литературе по-разному (см.: Тюленев В.М. Лактанций и его De mortibus persecutorum // Лактанций. О смертях преследователей. СПб., 1998. С. 5–20), однако трудно оспорить тот факт, что в нем излагается история взаимоотношений христианской церкви и Римского государства. В отношении Евагрия мы придерживаемся гипотезы И.В. Кривушина, согласно которой его “Церковная история” является таковой скорее по названию, нежели по содержанию (см.: Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998. С. 208–214).

¹⁹⁴ Lact. De mort. pers. 7. 3, 5; 23. 1, 6; 31. 3–4. Возмущенный (вместе с налогоплательщиками) Лактанций подчеркнул незаконный статус сверхштатных сборщиков тем, что называл их не так, как это делалось в официальных документах (т.е. exactores, primipilarii и т.п.), а так, словно они и были неофициальным явлением: “получающие” (accipientes – 7. 3), “участвующие (в сборе) (exhibiendos – 7. 5)” и др.

¹⁹⁵ Iniuriæ; extraordinarias opes (Lact. De mort. pers. 7. 4–5; 31. 3). Лактанций живописал неправильную методику цензуалов, сравнил ее с той, которая ранее к римским гражданам не применялась (23. 4–5).

¹⁹⁶ У Лактанция это нарушение описывается понятиями “ограбление, как в войну”, “цена за жизнь”, “плата за голову” (Lact. De mort. pers. 23. 1, 6, 7) и классическим выражением epogmitate indictionum (7. 3) (вариант: affligeret indictionibus factis – 21. 2).

¹⁹⁷ Лактанций, между прочим, заметил, что императорские доходы превысили величину общественно значимых расходов (Lact. De mort. pers. 7. 5: ea quæ recondebat (in fisco) integra atque inviolata servaret).

¹⁹⁸ Evagr. H. E. 3. 42.

¹⁹⁹ Ibid. 3. 39.

²⁰⁰ Приведенные фрагменты выглядят в тексте “Церковной истории” неестественно из-за того, что, вероятно, являются глоссами. Кроме того, в них Евагрий косвенно выражал интересы разных слоев клириков. Например, он осудил хрисотелию, которая могла беспокоить земли церкви так же, как и земли других юридических лиц; сокрушаясь о “благосостоянии городов и доходах курии”, он выразил досаду епископов, у которых виндики могли отнять контроль над городскими финансами; порицая хрисаргир, он назвал его “богоненавистным прибытком”, нарушающим нравственные устои.

Итак, изучение ранневизантийских литературных источников на предмет выявления продуманной общественной позиции по отношению к финансовой политике правительства позволило сделать ряд выводов. Главный из них – это собственно наличие системы представлений о правильной финансовой управленции. Общественная гипотеза, отмечавшая огрехи имперской политики, осталась не воплощенной на практике, хотя при близком рассмотрении она оказывается не такой уж недостижимой. Одной из причин практической неостребованности общественной модели “правильного” налогообложения было, как ни странно, само общество, точнее, носители представлений о социальной справедливости. Эти люди тратили усилия на то, чтобы тиражировать и без того широко распространенные образы пресловутой справедливости, в то время как требовалось свести их в детально оформленную и целостно воспринимаемую систему, а затем настойчиво ее пропагандировать. Государственная власть обладала возможностью выбирать из разрозненных общественных представлений такие, которые более всего ее устраивали, а то и вовсе отмахиваться от любых предложений переустройства, слабо доносившихся снизу. В течение веков вплоть до конца ранневизантийского периода общественное сознание так и не выработало теории справедливой финансовой деятельности государства, хотя все условия для этого имелись. Данные источников позволяют заключить, что идеологические построения замерли на стадии осмысления взаимосвязи давно известных теоретических положений. Тем не менее на основе имеющихся элементов допустимо хотя бы приблизительно охарактеризовать не получившую четкого оформления византийскую теорию налогов IV–V вв., и в частности представление о правильной финансовой политике.

Согласно обобщенным общественным взглядам, не переменным участником, а чаще всего инициатором экономических событий государственного масштаба являлся император. Будучи воплощением государственного суверенитета, он обладал абсолютным финансовым правом, которое предполагало производство расходов, сбор и распределение доходов, формирование финансовой администрации и определение направлений финансовой политики в целом. Чтобы верховная власть приносила пользу не только государству, но и обществу, от императора требовались всего лишь навыки в искусстве управления. Глава государства должен был сознавать, что залогом счастливого существования позднеантичной (ромейской) державы являлась воплощаемая в действительность идея всеобъемлющего баланса.

Абсолютный баланс предполагал в частности соблюдение своеобразного общественного договора, который предусматривал бы взаимные равновеликие права и обязанности общества и государства. Конкретным проявлением идеи равновесия в сфере финансов признавалась взаимная обусловленность всех этапов финансового процесса. Каждый из участников этого процесса – от императора до последнего подданного – играл предназначенную ему роль, суть которой определяли предшествующий опыт и текущие обстоятельства. Совместное участие имуществ, умов и властных функций обеспечивало устойчивость государственному зданию. Выход за пределы определенной каждому деятельности нарушал идеальную систему равновесия, угрожая обществу ущербом. Разумеется, основную долю ответственности за порядок несли при этом те, кто обладал властью.

Для каждого этапа финансовой деятельности государственной власти общество разработало примерные образцы правильного поведения, которые позво-

ляли легко выявлять отклонения от идеального варианта финансовой политики в целом. Структурообразующим для финансов этапом считался этап осуществления государственных расходов. Их нельзя было увеличивать за счет “необязательных” статей, к числу которых в обществе единодушно относили такие расходы, которые не приносили пользу всему гражданскому коллективу. Мерилом полезности тех или иных расходных статей было понятие “публичной необходимости”; самым необходимым признавался расход на государственную оборону. Все прочие расходы допускались только за счет императорских фондов, а не государственной казны. О нарушении порядка расходования общественных средств сигнализировало “истощение” казны, которое одновременно являлось и признаком грядущей большой опасности – роста налогов.

В качестве символа увеличения налоговой массы использовалось понятие “нового налога”. Назначенное в связи с недостатком средств дополнительное налоговое задание превышало некую стабильную величину обложения, которая представляла собой норму для местности или социальной группы, установленную “обычаем” или “древним” законом. Если новые налоги соответствовали понятию необходимости, то они были “терпимыми”, но лишь до некоторого предела. Даже необходимые военные налоги превращались в “ненормальные”, когда они угрожали (произвольно понимаемому) прожиточному минимуму. Идея баланса на этапе раскладки налогов питалась понятием “умеренности”, которое базировалось на образе зажиточного землевладельца, возможность существования которого определялась умеренностью налоговой политики. Античные мыслители верили в то, что земля способна при правильном подходе к ней обеспечивать стабильное благосостояние как гражданам государства, так и самой власти. На этом базировалось представление о глобальных отрицательных последствиях излишнего обременения налогами земледельцев и собственников земли (“истощение провинций”). Идеологи “правильного налогообложения” настаивали на скрупулезном высчитывании платежных возможностей каждого объекта обложения и требовали уменьшать предельно допустимую индивидуальную налоговую массу до начала распределения бремени на будущий год.

Несовершенство процедуры налоговых сборов заставило выразителей общественного мнения коснуться и темы участия в имперской финансовой деятельности местных чиновников. Их роль на этапе сбора налогов обычно описывалась терминами “грабёж” и “вымогательство”. В исторических источниках причины жадности сборщиков объяснялись попустительством со стороны верховной власти, и потому императорам советовали совершенствовать механизм сбора податей посредством исправления нравов тех, кто стоял во главе системы управления. Лишь немногие из ранневизантийских авторов предлагали просто сократить число сборщиков налогов.

В целом общественная концепция правильного устройства финансовой системы опиралась на ряд базовых (хотя и мало определенных) понятий, таких, как “разумность”, “обязанность”, “необходимость”, “умеренность”, “польза” и “благосостояние”, непременно сопровождаемых эпитетом “общественный”. Для демонстрации противоположных по смыслу примеров использовались антонимы: “бессмысленность”, “порок”, “мотовство”, “ущерб”, “опустошение”. Почти во всех рассмотренных выше ранневизантийских источниках использовались одинаковые оценочные категории в сходных контекстах. При этом несколько понятий оказались настолько общими, что не получили четкого определения в общественном сознании, однако сохранили популярность благодаря своей всеохватности, позволявшей усматривать индивидуальное в общем. Эти понятия –

“мера” и “справедливость”, которые возникали всякий раз, когда автор источника затруднялся с итоговым обобщением или не мог детализировать описываемое явление. В самом общем смысле эти понятия были синонимами “правильной финансовой деятельности”, символизируя вместе с тем недостаточную теоретическую зрелость общественной мысли.

Осуществленный нами анализ источников позволил выявить факт необычайной устойчивости общественных представлений позднеантичной эпохи²⁰¹. Как показывает сравнение, модель идеального налогообложения по Плинию Младшему (I в. н.э.) формально почти идентична модели Прокопия Кесарийского (VI в.). Удивительно то, что идейный континуитет поддерживался вопреки обстоятельствам. Во-первых, императорская власть либо стремилась исказить сущность предложенных обществом понятий и образов²⁰², либо просто игнорировала любые напоминания об идеальной модели поведения финансового руководителя²⁰³. Во-вторых, сама общественная мысль периодически “забывала” те или иные принципы “правильной” финансовой системы. Тем не менее общая картина вновь и вновь воспроизводилась в источниках и продолжала виртуально существовать как бы вне времени, что служит доказательством ее осознания и признания не только представителями интеллектуальной элиты.

²⁰¹ Ср.: *Хвостова К.В.* Античные элементы в позднеантичных аграрноправовых отношениях // ВВ. 1967. Т. 27. С. 119: “Непосредственное влияние античных традиций чрезвычайно ярко проявилось в сфере налогообложения”; *Удальцова З.В.* Историко-философские воззрения светских авторов ранней Византии // ВО. 1981. С. 9–10: “...мне кажутся несостоятельными попытки возрождать в новейшей литературе теорию континуитета античной и ранневизантийской культуры в целом... и отрицать глубокие различия между поздней античностью и ранней Византией... речь должна идти не о континуитете, а об одной из важных типологических особенностей византийской культуры, которой... было свойственно сохранение в больших, чем на Западе, масштабах античных традиций”. Континуитет, таким образом, все же признавался даже в отечественной историографии.

²⁰² *Чекалова А.А.* К вопросу о теории монархии в IV в. // ВО. 1991. С. 30; *Серов В.В.* “Теория налогов” в Римской империи... С. 75.

²⁰³ CJ. 9. 47. 12: *vanae voces non sunt audiendae: nec enim vocibus eorum credi oportet...*

П.П. Толочко

КРЕЩЕНИЕ ЯРОПОЛКА СВЯТОСЛАВИЧА: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ УЧЕНАЯ ФИКЦИЯ?

В исторической литературе вопрос о крещении Ярополка подымался неоднократно, но всякий раз для его положительного решения недоставало источников. Русские летописи об этом ничего не говорят, сведения иностранных хроник слишком тенденциозны, чтобы на их основании можно было прийти к выводу о реальности этого события. Лишь немногие исследователи решились ответить на этот вопрос утвердительно. В начале XX в. это сделал В.А. Пархоменко, полагавший, что коль скоро в хронике Иакова Мниха названа точная дата смерти Ярополка (11 июня 978 г.), а позаимствована она могла быть только из церковных документов, то отсюда автоматически вытекает его принадлежность к христианству¹. В наше время убежденными сторонниками крещения Ярополка выступили М.Ю. Брайчевский и А.В. Назаренко, правда, разошлись в том, от кого им было воспринято христианство. М.Ю. Брайчевский убежден, что от Византии, А.В. Назаренко считает источником христианского просвещения Ярополка Рим и Германию².

Аргументация первой версии оказывается до предела простой. Для этого по существу не потребовались даже источники. Ярополк, согласно М.Ю. Брайчевскому, с младых лет воспитывался Ольгой в христианской вере. Любящая бабушка, будто бы, не могла обречь детскую душу на вечный огонь, а поэтому тайно от отца и его окружения крестила своих внуков Ярополка и Олега. Ее союзницей в этом деле была мать княжичей, которая происходила из венгерского королевского рода и, разумеется, сама была крещенной³. В этом утверждении М.Ю. Брайчевский сослался на авторитет В.Н. Татищева, хотя названное им имя – Предслава – решительно отверг, как чистый вымысел историка. В качестве свидетельства, подтверждающего факт крещенности Ярополка, М.Ю. Брайчевский привел слова В.Н. Татищева о склонности князя к христианству, а также о его “кротости, благонравии и любви к христианам”. Однако если бы он процитировал другое высказывание, то оказалось бы, что В.Н. Татищев вовсе и не считал Ярополка христианином: “И аще сам не крестися народу ради, но никому не претяше”⁴.

В отличие от М.Ю. Брайчевского А.В. Назаренко свое исследование о крещении Ярополка базирует на письменных источниках, правда, соответствующим образом интерпретированных, поскольку ни в одном из них прямых свидетельств на этот счет не содержится. Это “Житие блаженного Ромуальда” Петра Дамиани, в котором рассказывается о проповедях на Руси и у печенегов мис-

¹ *Пархоменко В.А.* Христианство в Киевской Руси при Ярополке, брате Владимира Святого. Харьков, 1913.

² *Брайчевский М.Ю.* Утверждение христианства на Руси. Киев, 1989. С. 122–125; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 339–390.

³ *Брайчевский М.Ю.* Указ. соч. С. 123.

⁴ *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л. Т. 1. 1962. С. 118; Т. 2. 1963. С. 225.

сионера начала XI в. Бруно Кверфуртского, “Хроника” ангулемского монаха Адемара Шабанского, а также известия поздних летописных сводов (XVI в.) о римских послах к Ярополку.

В свое время Е.Е. Голубинский, переведший на русский язык отрывок из “Жития блаженного Ромуальда” и обнаруживший в нем явную анахроничность, пришел к выводу, что мы имеем дело здесь, скорее всего, с тенденциозным баснословием⁵. Как известно, Бруно посетил Русь в 1008 г., через двадцать лет после принятия христианства, тем не менее Петр Дамиани (как и Адемар) свидетельствует о том, что именно ему удалось склонить короля русов и всех его подданных к крещению. Брат короля, проживавший совместно с ним и отказавшийся от крещения, был убит королем, а другой брат, который жил отдельно от короля, как только к нему явился блаженный муж, приказал обезглавить святого. Узнав об этом, король намеревался убить брата и всех свидетелей этого преступления, но затем решил помолиться за них, а те, в свою очередь, просили прощения и с великим ликованием приняли таинство крещения. Над телом блаженнейшего мученика была воздвигнута церковь.

А.В. Назаренко, относящийся в целом с большим доверием к сообщению Петра Дамиани, сюжет с примирением братьев и крещением одного из них (Владимира) считает все же домыслом⁶.

У Адемара Бруно погибает мученической смертью в печенежском стане, но тело его было выкуплено за большую цену народом Руси, где построили монастырь в его честь, который прославился многими чудесами.

В.А. Пархоменко высказал мнение, что в приведенном свидетельстве переплелись реальные данные о проповеди Бруно Кверфуртского с припоминаниями о безвестных латинских миссионерах на Руси времен Ярополка⁷. Аналогичным образом объясняет содержание известий Петра Дамиани и А.В. Назаренко. Ему кажется, что свидетельство “Жития” о короле руссов и его братьях живо напоминает известия “Повести временных лет” о трех Святославичах: киевском князе Ярополке, его брате Олеге, погибшем в схватке с Ярополком, и другом брате Владимире, княжившем в Новгороде⁸.

Определенное сходство свидетельств “Жития блаженного Ромуальда” и “Повести временных лет” действительно имеется, хотя они и не вполне идентичны. Петр Дамиани сообщает, что один из братьев жил вместе с королем, тогда как оба брата Ярополка – Олег и Владимир – сидели на своих княжениях и жили отдельно от киевского князя. Но ведь кроме этого сходства картина, изображенная в “Житии” и “Хронике”, совсем не отражает реалий времен Ярополка, как, впрочем, и реалий времен Владимира Святославича тоже. Из Руси Бруно ушел живым и невредимым, а мученическую смерть принял в Пруссии. Естественно, и церкви, воздвигнутой над телом блаженного мученика Бонифация (Бруно), на Руси никогда не было.

Если бы речь шла о поздних источниках, можно было бы отнести эту путаницу на счет времени. Конечно, в каком-нибудь XII или XIII в. воспроизвести в точности события конца X – начала XI в. совершенно невозможно. Но в том-то и дело, что Петр Дамиани и Адемар были практически современниками Бруно Кверфуртского. “Житие блаженного Ромуальда”, по свидетельству самого авто-

ра, было написано через три года после смерти святого, т.е. не позднее 1030 г. Этим же временем датируется и “Хроника” Адемара⁹. В римской церкви первой трети XI в. миссионерские деяния Бруно, конечно же, были хорошо известны. И если они представлены современными ему авторами с искажениями, значит, это было кому-нибудь нужно. И вряд ли так уж неправ Е.Е. Голубинский, полагавший, что причиной этих преднамеренных измышлений явилось желание римской церкви представить дело так, будто Русь была обращена в христианство ее миссионерами¹⁰. Не случайно и позже латинские хронисты будут называть блаженного Бонифация (Бруно) “мучеником христовым на Руси”.

Названные и другие, зависимые от них, источники не содержат имен ни короля Руси, обращенного, будто бы, немецкими миссионерами в христианство, ни его братьев (убитого королем и примирившегося с ним). Не будь на этот счет известий в поздних летописях (Никоновской и Воскресенской), проблема идентификации свидетельств Петра Дамиана и Адемара была бы вообще неразрешимой. Правда, и с отечественными источниками не все так просто. Одни исследователи (В.А. Пархоменко, Б.А. Рыбаков) считают сведения о контактах Ярополка с Римом реалистичными, тогда как другие склонны видеть в них измышления летописцев XVI в. М.Н. Тихомиров полагал, что все они появились в конце XV – начале XVI в., когда московский двор придавал большое значение своим связям с папами¹¹. Аналогичное мнение высказывали также Б.М. Клосс и В.А. Водов¹².

А.В. Назаренко пришел к выводу, что среди “римских” известий есть и такие, достоверность которых не так легко подвергнуть сомнению. К их числу исследователь относит в частности сообщение Никоновской летописи 977 г. о послахе от папы к Ярополку Святославичу. “Того же лѣта приидоша послы къ Ярополку изъ Рима от папы”¹³. В этом А.В. Назаренко видит логическое продолжение немецкой политики на востоке, начало которой было положено еще при Оттоне I и княгине Ольге. Неудача миссийного епископа Адальберта не могла остановить попытки немецкой имперской церкви вовлечь Русь в круг стран, принявших христианство из Рима. Более того, немецкая церковь, будто бы, вообще могла рассматривать Русь как свою миссийную епархию¹⁴.

Для темы данного исследования более важным является не то, как воспринимала оттоновская Германия Русь, а то, как последняя в правление Ярополка относилась к этим устремлениям империи. Приведенное выше свидетельство Никоновской летописи, а также известие Ламперта Херсфельдского об участии послов Руси в работе Кведлинбургского съезда 973 г., как будто, указывают на заинтересованность Руси в тесных сношениях с Германской империей и Римом. В принципе ничего невероятного в этом не было. Весь вопрос только в том, как далеко была намерена Русь идти по пути этих союзнических обязательств. Тем более, что они, судя по всему, не сулили ей каких-либо ощутимых выгод. Индифферентное сообщение о прибытии к Ярополку послов из Рима от папы, без ка-

⁹ Там же. С. 346. Е.Е. Голубинский полагал, что хроника французского монаха Адемара известна в редакции конца XI в.

¹⁰ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 221.

¹¹ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. Вып. 1. М., 1962. С. 255.

¹² Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 188; Vodoff V. Naissance de la chretienté russe: la conversion du prince Vladimir de Kiev (988) et ses conséquences (XI–XIII siècles). P., 1988. С. 57 и сл.

¹³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 9. (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). СПб., 1862. Стб. 39.

¹⁴ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 371–372.

⁵ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1901. С. 221–222.

⁶ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 373.

⁷ Пархоменко В.А. Начало христианства на Руси: очерки из истории Руси IX–X вв. Полтава, 1913. С. 162.

⁸ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 342.

ких либо свидетельств о достигнутых ими результатах в Киеве, скорее всего указывает на то, что таковых и вовсе не было. Рассказывая двумя строчками выше о посольстве “от Греческого царя” к тому же князю, летопись отмечает: “И взяша миръ и любовь съ нимъ (императором. — П.Т.), и яшася ему по дань, якоже отцу его и дѣду его”¹⁵.

Новый взгляд на эту проблему предложил А.В. Назаренко. Основываясь на данных генеалогического предания известного швабского рода Вельфов (зафиксированного письменно в 1125–1126 гг.) о выдаче замуж дочери графа Куно за “короля Руси” (“rex Rugorum”), он пришел к выводу, что в этом анонимном рассказе следует видеть не Владимира Святославича, как полагали многие историки¹⁶, а Ярополка. В пользу этого свидетельствует обнаруженная в 60-е годы XX в. запись в помяннике швабского монастыря Райхенау, датирующаяся 70-ми годами X в., о Куно и его семействе, а также отождествление этого загадочного графа со швабским герцогом Конрадом (983–997). Последнее обстоятельство, как убежден А.В. Назаренко, дает твердые основания для датировки “русского брака” дочери Куно-Конрада 70-ми годами X в.¹⁷

Каким образом новая идентификация Куно помогает датировке “русского брака” его дочери А.В. Назаренко не объяснил. Судя по тому, что автор этой находки А. Вольф остался верен прежнему предположению, что в неизвестном “короле Руси” следует видеть Владимира, твердых оснований для датировки этого брака 70-ми годами X в. во вновь открытом источнике нет.

Дальнейшие выводы А.В. Назаренко держатся на вероятных, но не находящихся подтверждения в источниках предположениях. Среди них: утверждения о том, что военный союз киевского князя и германского императора планировалось скрепить женитьбой Ярополка на дочери графа Куно, что такой шаг предполагал крещение Ярополка, а это, в свою очередь, влекло за собой прибытие в Киев в 975–978 гг. немецких миссионеров¹⁸.

Для подтверждения вывода о крещении Ярополка А.В. Назаренко привлекает уже приводившийся в исторической литературе аргумент, согласно которому полная дата смерти князя (11 июня 978 г.) является бесспорным этому доказательством. Не станем подвергать здесь сомнению источниковую безупречность свидетельства Иакова Мниха, однако обратим внимание на то обстоятельство, что полная дата 11 июня 978 г. лишь опосредованно может относиться к Ярополку. В действительности она фиксирует время вокняжения Володимира Святославича в Киеве. “И сѣде въ Киевѣ князь Володимѣръ восьмое лѣто по смерти отца своего Святослава, мѣсяца июня в 11-й день, въ лѣто 6486”¹⁹. Оно могло совпадать с датой смерти Ярополка, как думает А.В. Назаренко, а могло и не совпадать. Ведь неизвестно, от какой даты велся отсчет княжения Владимира — от овладения им Киевом или от коварного убийства Ярополка после его возвращения из Родни. В любом случае эта полная дата не может быть бесспорным доказательством, что Ярополк был крещен²⁰.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 9. С. 39.

¹⁶ Корольков В.Д. Западные славяне и Киевская Русь X–XI вв. М., 1964. С. 227; Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 122–123.

¹⁷ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 361–362.

¹⁸ Там же. С. 371–372.

¹⁹ Цит. по: Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 245.

²⁰ А.А. Шахматов не связывал эту точную дату с днем смерти Ярополка, да к тому же и не считал, что она содержалась в готовом виде в одном из летописных источников. Ему казалось, что автор “Памяти и похвалы” ее просто вычислил. См.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 26–27.

Тем не менее именно она послужила основанием для утверждения А.В. Назаренко в том, что Ярополк крестился от немецких миссионеров. В 975 г., будто бы, состоялось помазание, а в 977–978 гг. — свершен обряд конфирмации. Для этого из Германии прибыло новое полномочное немецкое посольство.

Разумеется, ничего подобного древние источники не сообщают. Все это авторские предположения: как могло бы быть.

Характерно, что в своих посыльных тезисах А.В. Назаренко почти постоянно прибегает к оговоркам со словами “возможно”, “если”, “предположительно” и др. Если полагать, что предполагаемое нами немецкое посольство с невестой для Ярополка... еще застало Ярополка в живых, то оно прибыло на Русь зимой 977–978 гг.²¹ Казалось бы, на таких зыбких предположениях и вывод должен быть такой же условный. Но нет, дальше идет утвердительный рассказ о том, чем занималось посольство в Киеве, кто его возглавлял, когда и с кем оно ушло из него. Оказывается, случилось это уже после захвата Киева Владимиром и убийства Ярополка. Задержка была обусловлена якобы необходимостью “провести переговоры с новым киевским князем на тему, на которую должны были говорить с Ярополком”²². Из этой фразы явствует, что исследователь не убежден, что его предполагаемое посольство застало Ярополка в живых.

По мере углубления в тему А.В. Назаренко, как кажется, все больше основывался не на источниках, а на собственной их интерпретации. Это особенно наглядно видно на сюжете о главе немецкого посольства в Киев. «Было бы естественно, — пишет историк, — если бы это посольство возглавил кто-либо из родни невесты киевского князя, мать которой, согласно “Генеалогии Вельфов”, была, как мы помним, дочерью (в действительности, вероятно, более отдаленной родственницей) императора Оттона Великого, т.е. Оттона I»²³. Заметим, что речь идет о предполагаемом посольстве, а не засвидетельствованном в письменных источниках. В дальнейшем высказанное предположение превратилось по существу в доказанный факт, и А.В. Назаренко озабочился лишь тем, чтобы определить имя главы немецкого посольства. Оказалось, что и это возможно.

В сообщении так называемого “Стратегикона Кекамена” содержится известие о том, что в четвертый год правления императора Василия II в Константинополь прибыл некий Петр, “племянник императора Франгии”. Согласившись с исследователями, в частности с Г.Г. Литавриным, что перед нами, скорее всего, племянник Оттона II²⁴, А.В. Назаренко неожиданно именно его возвел в ранг главы немецкого посольства в Киев, хотя даже косвенных свидетельств на этот счет нет.

Историки уже давно обратили внимание на то, что известие “Стратегикона Кекамена” хронологически сопоставимо с отсылкой Владимиром в Константинополь варяжского отряда. Можно думать, это обстоятельство и натолкнуло А.В. Назаренко на мысль “привести” племянника Оттона II в Константинополь через Киев. “Предполагать, что родственник Оттона II оказался в составе варяжских наемников новгородского князя, конечно, трудно, — заявляет историк, — но исследовать возможность его прибытия именно из Киева (вернее, через Киев) стоит”²⁵.

Обещанное исследование, однако, не имело места, поскольку никаких материалов для него нет. Вместо этого, пришлось вновь ограничиться предположе-

²¹ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 388.

²² Там же.

²³ Там же. С. 381.

²⁴ Литаврин Г.Г. Введение и комментарии // Кекамен. Советы и рассказы византийского полководца XI в. М., 1971. С. 584–586.

²⁵ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 381.

нием, что так могло быть. Немецкое посольство якобы предпочло вернуться на родину через Константинополь под охраной отправившегося туда варяжского отряда. Петр, соблазнившись выгодами византийской службы, остался в Константинополе, а юная вдова Ярополка отправилась морем далее²⁶. Неизвестно правда, куда.

Если одной из целей этого второго немецкого посольства была конфирмация Ярополка, то, согласно А.В. Назаренко, следовало бы ожидать, что именно Петр и будет его крестным отцом, а крещальным именем князя "Петр". Так ли было, действительности историк не уверен, но вся его последующая система рассуждений призвана подтвердить именно это предположение. Уверенности в нем ему придает и тот факт, что христианское имя "Петр" носил сын Ярополка Святослава, которое он получил якобы при крещении в память о недавно погибшем отце.

Подводя итог исследованию о том, что племянник Оттона II был членом немецкого посольства на Русь и прибыл затем в Константинополь из Киева, А.В. Назаренко отмечает, что его гипотеза покоится на трех главных аргументах. Во-первых, в немецком посольстве должны были участвовать родственники невесты Ярополка, а значит и родственники Оттона II. Во-вторых, в крещении Ярополк был наречен, вероятно, Петром, а это позволяет предполагать посаженного отца с таким именем. И в-третьих, время прибытия немцев из Киева согласуется с временем прибытия Петра в столицу Византийской империи. Но ведь это никакие не аргументы, а всего лишь авторские предположения. Возможно так могло быть, но для доказательства действительно нужны аргументы.

Еще одно свидетельство в пользу высказанного мнения, как думает А.В. Назаренко, содержится в одной из редакций "Проложного жития св. Владимира". Рассказав о крещении киевлян в Почайне, автор "Жития" заметил: "И оттоле наречеса место святое идеже ныне церкви есть Петрова, и ть бысть первый ходатаи нашему спасению". В большинстве списков, церковь, построенная на месте крещения киевлян, названа храмом "святою мученику Турова". Согласно А.А. Шахматову, именно вариант "Турова" является первичным, возникшем под пером киевлянина, тогда как чтение "църкы... Петрова" – позднейшим появившемся, возможно, под пером северорусского автора, редактировавшего "Пролог"²⁷. А.В. Назаренко отдает предпочтение варианту "Петрова", что не находит подтверждения в киевской летописи. Последняя просто не знает церкви с таким названием применительно к предполагаемому месту крещения киевлян. Нечем подтвердить и компромиссное предположение А.В. Назаренко, что в действительности поблизости от исторического места крещения киевлян находилось два храма: Святых Бориса и Глеба или "Турова божница" и св. Петра. Зная, что на Подоле археологи обнаружили остатки двух каменных храмов XII в. и один из них, располагавшийся на ул. Борисоглебской № 11, отождествлен исследователями с "Туровой божницей", он приходит к выводу, что второй обнаруженный на ул. Волошской № 20, возможно, являлся церковью св. Петра, упомянутой в "Проложном житии св. Владимира"²⁸. Но ведь археологи уже давно идентифицировали и другой храм, и вовсе не с мифической церковью св. Петра, а с вполне реальной летописной церковью св. Михаила или Новгородской божницей²⁹. Таким образом, все последующие рассуждения А.В. Назаренко о

том, в честь какого Петра назван храм на месте крещения киевлян и кто был "первым ходатаем нашему спасению", лишены смысла. Храма в честь св. Петра, якобы святого покровителя Ярополка Святославича, на Подоле никогда не существовало.

Исследуя вопрос о крещении Ярополка, историки упускают из виду одно очень важное обстоятельство. Речь ведь идет не о частном лице, а о крещении государя огромной страны, которое в глазах как просветителей, так и просвещенных было равнозначно принятию христианства и всеми его подданными. Как свидетельствует тот же Петр Дамиани, именно это и случилось во время миссионерской проповеди на Руси Бонифация. Увидев, что святой прошел через бушевавшее пламя костра совершенно невредимым, "король [Руси] и все прочие, бывшие свидетелями этого зрелища, толпою бросились к ногам блаженного мужа, со слезами прося прощения и горячо моля о крещении. Потом к крещению стало стекаться такое множество язычников, что святой муж отправился к одному большому озеру и крестил народ в его обильных водах"³⁰.

Следовательно, признавая крещение немецкими миссионерами короля Руси, мы с неизбежностью должны признавать и крещение всей страны. Тем более, что об этом свидетельствует один и тот же источник. И действительно, абстрагируясь даже от меркантильности миссионерских устремлений Римской церкви, не могло быть такого положения, когда глава государства был бы христианином, а его страна оставалась языческой. В 988 г., как известно, вслед за крещением Владимира Святославича последовало и крещение всей Руси.

Со сказанным выше, как будто, не согласуется ситуация с крещением княгини Ольги: она стала христианкой, а страна по-прежнему оставалась языческой. В действительности пример этот не вполне показателен. Дело в том, что юридически Ольга не была великой княгиней Руси. Таковым считался ее сын Святослав. Формально она исполняла лишь регентские функции. В таком случае принятие ею христианства не выходило за рамки частного события.

Теперь обратимся к известию 1044 г. "Повести временных лет", которое по существу делает излишними наши рассуждения на тему: был или не был крещен Ярополк Святославич. В ней говорится: "Выгребоша дѣва князя Ярополка и Ольга, сына Святослава, и крестиша кости ею и положиша я в църкви святыя Богородица"³¹. Каких только эпитетов не удостоилась эта церковная акция от историков. Многие называли ее странной, беспрецедентной и даже скандальной, и почти все высказали сомнение в ее каноничности.

М.Ю. Брайчевский, верный своим предубеждениям, что древние летописцы-редакторы часто фальсифицировали тексты своих предшественников, высказал предположение об отсутствии в первоначальном известии слов "и крестиша кости ею". Это, будто бы, позднейшая вставка, обусловленная тем, что редакторы, не находя в хрониках ясных сообщений о крещении старших братьев Владимира, считали их язычниками. Никаких аргументов в пользу своего открытия М.Ю. Брайчевский по существу не привел. Ведь нельзя же считать таковыми утверждения, что грамматически фраза без означенных выше слов читается лучше или что о крещенности братьев свидетельствует факт их захоронения по обряду

²⁶ Там же. С. 388.

²⁷ Шахматов А.А. Как назывался первый русский святой мученик? // Изв. АН. 6 серия. 1907. Май. С. 261–264.

²⁸ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 384.

²⁹ Толочко П.П. Исторична топографія древнього Києва. Киев, 1970. С. 135–136.

³⁰ Цит. по: Назаренко А.В. Указ. соч. С. 341. Читая этот отрывок, трудно отрешиться от мысли, что Петр Дамиани описывает крещение киевлян в реке Почайне, хотя и приурочивает это событие к миссионерской деятельности на Руси Бонифация (Бруно). Это еще одно свидетельство того, что латинские авторы сочиняли легенду о крещении "короля Руси" и его народа иерархами римской церкви.

³¹ Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 104.

трупоположения³². Автору этих строк уже приходилось писать, что, несмотря на беспрецедентность события, нет совершенно никаких оснований считать его плодом фантазии позднейших редакторов летописи. Будучи лицами духовными, они конечно же не внесли бы в текст слов о крещении княжеских останков, если бы этот факт не имел места³³. Придумать такое действо, учитывая сомнительную его каноничность, люди церковные, естественно, не могли.

Историки неоднократно обращались к этому событию, давая ему свое объяснение. Одни видели в нем попытку Ярослава загладить вину отца, на чьей совести была смерть брата. Другие считали главным мотивом посмертного крещения Ярополка память о его приверженности христианству³⁴. А. Поппэ предполагает, что акция занимала важное место в идеологической программе Ярослава Мудрого наряду с началом церковного прославления св. Бориса и Глеба, хотя и не имела сколько-нибудь выраженной церковно-религиозной подоплеки³⁵.

В совершеннейшем затруднении оказался А.В. Назаренко. Считая Ярополка христианином при жизни, он в то же время не нашел возможным подвергнуть сомнению и летописное известие о крещении останков князей при их перезахоронении в Десятинной церкви. Согласовать эти два противоречия, как ему кажется, можно, если признать, что к 1044 г. воспоминания о христианстве Ярополка были уже смутны, а перезахоронение в храме требовало полной уверенности в том, что погребаемый был крещен. Не будучи убежден в таком предположении, А.В. Назаренко, на всякий случай, высказал и второе, согласно которому крещению были подвергнуты только останки Олега Святославича. Эта деталь, будто бы, не совсем ясная для современников, была и вовсе утрачена в позднейших припоминаниях³⁶.

Конечно, к подобным исследовательским исхищрениям приходится прибегать тогда, когда факты не согласуются с идеей. Спрашивается, отчего это церковные круги Руси страдали такой забывчивостью по отношению к Ярополку, если он был крещен всего за десять лет до крещения Владимира и всей Руси? Ольга крестилась более чем двадцатью годами раньше Ярополка, однако при перенесении ее останков в Десятинную церковь факт этот помнили, и обряда их крещения не совершали.

Из сказанного видно, что достоверность известия 1044 г. "Повести временных лет" никому из исследователей подвергнуть обоснованному сомнению не удалось. Переносимые останки Ярополка и Олега под своды десятинной церкви были крещены, а это является бесспорным доказательством того, что умерли князья язычниками. Ярополк, наверное, сочувствовал христианской вере, но, как об этом писал еще В.Н. Татищев, находясь во главе языческой страны, остался верен старым традициям.

А.В. Назаренко, приступая к исследованию данной темы, посетовал, что обилие письменных источников "лежит мертвым грузом для историка", поскольку до сих пор не проведен их анализ и не оценена степень их достоверности. Приходится, однако, констатировать, что ситуация не стала принципиально иной и после выполненной им большой источниковедческой работы. Ни по отдельности, ни все вместе источники не свидетельствуют о крещении Ярополка Святославича.

³² Брайчевский М.Ю. Указ. соч. С. 125–126.

³³ Толочко Петро. Київська Русь. Киев, 1996. С. 269.

³⁴ Макарий (Булаков). История Русской церкви. Кн. 2. М., 1995. С. 59.

³⁵ Поппэ А. О зарождении культа св. Бориса и Глеба и посвященных им произведениях // Russia Mediaevalis. T. VIII. 1. München, 1995. С. 60–61.

³⁶ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 389.

J. Wortley, C. Zuckerman

THE RELICS OF OUR LORD'S PASSION IN THE RUSSIAN PRIMARY CHRONICLE*

The *Povest' Vremennyh Let*, known in English as the *Russian Primary Chronicle* [=RPC] inserts, under the year of creation 6420, the text of a treaty concluded by fifteen envoys of the Russian prince Oleg with the Emperors Leo, Alexander and Constantine on 2 September of the 15th indiction 6420, i.e. AD 911. According to the *Chronicle*, after the Russian delegation had completed its official business, its members were given a tour of the Byzantine capital:

The emperor (Leo VI) honoured the Russian envoys with gifts of gold and silk and precious garments, and placed his men at their disposal to show them the beauties of the churches, the golden palace and the riches contained therein: much gold and silk and jewels, and the Passion of (our) Lord – the crown, the nails and the purple robe, as well as the relics of the saints, teaching them his faith and showing them the true faith¹.

This description is surprising on two counts. There were probably better ways to impress and to instruct the heathen Scandinavians (which is what Russians were at the time) than by showing them a selection of relics associated with Christ's passion and execution. Rather more to the point from our point of view is the fact that this alleged sighting of at least two of the relics in question, the Crown (of Thorns) and the Purple Robe, at Constantinople in 911, has no endorsement in any other source before or anywhere close to the date of the treaty, whose historicity is not in doubt. Thus, if the information about the relics contained in the RPC can be shown to be equally reliable as the text of the treaty, we have to accept a much earlier dating for the appearance of these significant relics at Constantinople than other data would allow. However, the *RPC* is an early-twelfth-century compilation, and it could well be that, when he speaks of this relic-sighting, the chronicler is not retailing a genuine tradition originating from the delegation of 911, but relying on the experiences of more recent visitors to the Queen of Cities. As we hope to show in this short study, there are in fact strong indications to that effect. Once it is set in its proper chronological context, however, the testimony of the *RPC* finds some illuminating parallels in the twelfth-century pilgrims' reports. These also provide some valuable insights into the chronicler's methods of editing and amplifying the historical material at his disposal.

* The authors are grateful to Marie-Helene Congourdeau and to Bernard Flusin for their valuable advice.

¹ Ипатьевская летопись / Под ред. А.А. Шахматова. СПб., 1908. Стб. 28; the Hypatian Chronicle often provides a superior version of the *RPC*. D.S. Lihačev edits this text: *Повесть временных лет*. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 29; 2-е изд. СПб., 1996. С. 20 – on the basis of Laurentius' Chronicle that separates the words "the Lord's Passion" from the following substantives by the conjunction "и" (and), but Lihačev's translation (p. 226/156) takes no account of the conjunction and thus does not differ from ours. By way of contrast, S.H. Cross and O.P. Sherbowitz Wetzor (trans.), *The Russian Primary Chronicle* (2nd edition, Cambridge, Mass., 1953), p. 68–69, maintain the conjunction in their translation and thus transform "the Lord's Passion" into a distinct set of relics, which makes no sense.

By the twelfth century it was common knowledge that one could then see the Crown of Thorns, the Nails and the Purple Robe in the "Golden" (i.e. Sacred) Palace at Constantinople: they were housed in the Palatine Chapel of Our Lady at the Lighthouse (*Theotokos tou Pharou*) to be precise². The existence of these relics was well known to the Franks; they are mentioned in the so-called "Letter of Alexios to Robert of Flanders" convincingly shown by Einar Joranson (after Carl Erdmann) to have been forged in Bohemond's retinue in the first decade of the twelfth century³. Other foreign visitors down to 1204 frequently note the same relics. (After the City of Constantine was captured by the Latins its treasury of relics was largely dispersed to the west.) Among the foreigners who saw and reported on the relics was Archbishop Anthony of Novgorod at the end of the twelfth century⁴, but it is not necessary to suppose that his Book of the Pilgrim was the first intimation of the relic-holdings of Tsargrad to Slavdom. The question of how much earlier the Slavs (or anybody else for that matter) could have known that the Crown and the Robe lay at Constantinople is, however, not easy to answer.

The survival of the Crown of Thorns as a relic is first mentioned in the early fifth century. In the sixth century Cassiodorus refers to it as one of the glories of the Holy City. It still lay at Jerusalem in 870 according to Bernard the Monk⁵, and there are some reasons to believe that, as late as 944, the Abbot Fulcher of Dijon could have obtained a thorn of it while on pilgrimage to the Holy Land⁶. Other thorns are known to have circulated separately in the East and in the West. Unless the relic in question was a similar fragment, the Crown's presence at Constantinople is first intimated by the inclusion of a small portion of it in the Staurothek of Limburg though not as originally created for the Emperor Constantine VII Porphyrogenitus and Romanus II (946–959), but as subsequently reshaped and re-dedicated by the powerful eunuch Basil Lecapenus⁷. It is highly significant in this context that the Crown is not mentioned among the relics of the Lord's Passion in the speech addressed by Constantine VII in 958 to the commanders of the Eastern front.

² See R. Janin *La Géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin* 1/3, Les Églises et monastères (2nd edition, Paris, 1969), P. 232–236.

³ E. Joranson, "The Problem of the Spurious Letter of Emperor Alexios to the Count of Flanders," *American Historical Review* 55 (1949–1950), 811–832. Text in Riant, *Exuviae Sacrae Constantinopolitanae* (Geneva, 1878) 2: 203–210, see p. 208: *clamys coccinea qua fuit [Christus] indutus; corona spinea qua fuit coronatus; [...] clavi quibus affixus fuit*. Studies that integrate Joranson's analysis are listed by M. De Waha, "La lettre d'Alexis I Comnène à Robert le Frison. Une révision," *Byzantion* 4 (1977), 113–125, who argues, for his part, for the Letter's authenticity. De Waha replaces the traditional addressee of the Letter, Robert I of Flanders, with his son, Robert II, thus solving, at a cost, a minor chronological difficulty, but he does not deal with the main problem of the text, which is that it basically appeals to the Latins to come and conquer the Byzantine Empire. Most recently, M.-P. Laffitte, in *Le trésor de la Sainte-Chapelle*, Paris, 2001, p. 36, maintains the view that the Letter as it stands is a forgery, probably based on a request for troops addressed by Alexios I to his good ally Robert I.

⁴ Антоний, архиеп. Новгородский. Книга паломник / Под ред. Х.М. Лопарева // Православный Палестинский сборник. 1899. Т. XVII/3. С. 18–19; cf.: M. Ehrhard (trans.), "Le Livre du Pèlerin d'Antoine de Novgorod," *Romania* 58 (1932), 44–65, p. 57.

⁵ PL 121: 572C, cf.: ODCC sv "Crown of Thorns" with references.

⁶ F. de Mély, *Exuviae Sacrae Constantinopolitanae* (Paris, 1904) 3: 190–192.

⁷ See most recently N.P. Ševčenko, *The Limburg Staurothek and its Relics*, in *Thumiana: stē mnēmētēs Laskarinas Mpoura*, Athens, 1994, p. 289–294.

⁸ Ed. R. Vari, "Zum historischen Exzerptenwerke des Konstantinos Porphyrogenetos," *BZ* 17 (1908), 75–85, p. 83; commented by B. Flusin, "Les reliques de la Sainte-Chapelle et leur passé impérial à Constantinople," in *Les reliques de la Sainte-Chapelle* (Paris, 2001), 20–33, p. 27. Cf. de Mély (cited n. 6), p. 174–181, who cites many pertinent sources, but does not take into account the Staurothek of Limburg and argues, following Riant, for a date of transfer possibly as late as 1063.

When Constantine VII assembled the relics of the Passion preserved in the Palace in order to sanctify by their touch the holy water that he then sent to the front, the omission of a major relic like the Crown, if it were available, would be difficult to explain. This would suggest that the transfer of the Crown to Constantinople took place between the time of Constantine's speech and the remaking of the Staurothek.

The *terminus post quem* for the remaking of the Staurothek by Basil Lecapenus is established by the inclusion of a hitherto unknown relic: the hair of the head of John the Baptist. The circumstances of the discovery of this treasure are described in John I Tzimisces' famous Letter to Ashot III, King of Ani. According to this testimony, the emperor obtained the hair, together with the Holy Sandals of Christ and a miraculous picture of the Saviour (which shed blood and water when pierced by a Jew), in the coastal Syrian city of Gabala (Jeble, south of Laodicea-Latakia) during his great eastern campaign in the summer 975⁹. Writing about twenty years after the event, Leo the Deacon relates the discovery of Christ's sandals and of the Baptist's hair during the same campaign of John I Tzimisces, but says they were found in Hierapolis-Manbidj¹⁰. Finally, John Scylitzes links the discovery of the Baptist's hair to that of another miraculous image of Christ, to wit the Holy Tile (*keramos* or *keramidion*) on which Christ's features had been impressed by contact with the Mandylin. According to Scylitzes though both objects were procured in Hierapolis by the Emperor Nicephorus II Phocas¹¹. The recovery of the Holy Tile by Nicephorus is described by Leo the Deacon, who locates the event at Edessa, on the eve of that emperor's march on Hierapolis, in 968¹². According to Yahya of Antioch, more reliable on this point, the Holy Tile was surrendered to Nicephorus by the people of Hierapolis in 966 and this location is confirmed in a recently published source, possibly contemporary with the event, which also credits Nicephorus with providing the Capital with a crystal phial of the effluent of a miraculous icon of Christ that was revered as the Holy Blood¹³. None of these last three witnesses mentions the Baptist's hair. By far the latest of our sources, Scylitzes is manifestly confused regarding the latter relic. Apparently aware that the hair was discovered together with a miraculous image of Christ, he links it to the best known image obtained during the eastern campaigns of 960–970s, Nicephorus' Holy Tile. The two earlier witnesses make it clear, however, that the Baptist's hair, whether it originated in Gabala (which is probable) or in Hierapolis, belonged to the spoils of John I Tzimisces; hence it could not have reached Constantinople before 975.

After the death of John Tzimisces in January 976, Basil Lecapenus became the most powerful man in the Empire and remained so until he fell out of favour with the young Emperor Basil II in the early 980s¹⁴. This was, no doubt, the only period in his amazing career when he could have appropriated a staurothek created by the Emperors Constantine VII and Romanus II, avail himself freely of the most precious relics kept in the Palace and combine them, for whatever purpose, in a new reliquary: the present Staurothek of Limburg. None of our sources credits either Nicephorus II or John I with

⁹ Matthew of Edessa, *Chronicle* I 20, trans. A.E. Dostourian, *Armenia and the Crusades, Tenth to Twelfth Centuries* (Lanham – New York – London, 1993), p. 32.

¹⁰ Leo Diaconus, *Historia* X 4, Bonn, 1928, p. 166.

¹¹ Ioannes Scylitzes, *Synopsis Historiarum*, ed. J. Thurn (CFHB 5, Berlin, 1973), p. 271.

¹² Leo Diaconus, *Historia* IV 10, Bonn, 1928, p. 70–71.

¹³ *Histoire de Yahya-ibn-Sa'id d'Antioche continuateur de Sa'id ibn Bitriq*, ed. trans. I Kratchkovsky and A. Vasiliev (PO 18/5), Paris, 1924, p. 107; F. Halkin, *Inédits byzantins d'Ochrida, Candie et Moscou*, (Subsidia Hagiographica 38, Brussels, 1963), p. 253–260.

¹⁴ W.G. Brokkaar, "Basil Lecapenus," in W.F. Bakker, A.F. van Gemert, W.J. Aerts eds., *Studia Byzantina et Neohellenica Neerlandica* (Byzantina Neerlandica 3), Leiden, 1972, p. 199–234, see p. 224.

obtaining the Crown. It could, however, have been procured by Basil Lecapenus in the late 970s, when Byzantine power extended over northern Palestine, thus giving the regent a strong influence over its Christian authorities. The silence of the Greek sources on so illustrious an acquisition might be due less to their unanimous hatred of the eunuch than to the fact that after Leo's *History* ends with Emperor John's death, these sources are late and poor.

The case of the Purple Robe is something of a mystery. Not only does the *RPC* supposedly give the first hint of its presence at Constantinople; it also appears to provide the first indication of that relic's very existence. Like the Crown, the Robe is first securely attested in Constantinople by the Staurothek of Limburg, but there is no previous mention of it at Jerusalem or in any other location. The Robe is, in fact, unique amongst the Constantinopolitan Passion-relics in having made its first known appearance at the Capital. How could this have come about? Falsification is a possibility, but it is not the only one. There could be here a case of an honest and understandable mistake.

Relics, it appears, were usually swathed in a textile covering. Already in the fourth century Jerome speaks of wrapping relics in fabric, maybe in silk¹⁵. Illustrious relics were sometimes accorded the prestige of the imperial purple. For instance, when Theodosius I went out to meet the Head of John the Baptist at Cosilaos, "he wrapped the box in which it was encased in a purple robe (*halourgidi*)" says Sozomen¹⁶. And when the soros of the Robe of the Holy Mother was first opened, possibly in 860, inside was found imperial purple fabric wrapped around the sacred *maphorion*¹⁷. There are other examples, but this one is particularly significant because the *soros* in question was believed to have come from the Holy Land, whence presumably came also the Crown. Considering how closely the Crown of Thorns and the Purple Robe are associated in the Gospel-story (Mc 15, 17, Mt 27, 28, *tacet* Lc), it is possible that an impressionable age jumped to the conclusion that the wrapping in which the Crown arrived was that very Purple Robe which the Saviour was obliged to wear when the Crown was placed on his head. It is the kind of mistake which it would be easy to make but which, once made, it would be difficult (even impolitic) to rectify. Now if this hypothesis is true, by linking the Robe inseparably to the Crown it means that all the indications concerning the date of the arrival of the one attach also to the other relic too.

THE HOLY NAILS

The history of the Holy Nails is by far the best documented, but also the most complex. The early tradition has it that Helen, the mother of Constantine the Great, found the Nails together with the Wood of the True Cross and sent them to Constantinople. According to both the Latin (Ambrosius, Rufinus of Aquileia) and the Greek (Socrates, Sozomen, Theodoret) branches of the tradition, the Nails were then transformed into a

diadem (*diadema*: Ambrosius) or a helmet for Constantine and into a bit for his horse¹⁸. Thus it appears to be fairly certain that the imperial palace would be where the Nails were conserved. In 550 Pope Vigilius was made to swear his rejection of the "Three Chapters" by the Nails and by the Four Gospels: *per virtutem sanctam clavorum, ex quibus crucifixus est dominus deus noster Iesus Christus, et per sancta quattuor euangelia ita per istam virtutem sancti freni et per ista sancta quattuor euangelia*¹⁹. The tau-tological formulation used by our source makes it clear that the Nails on which the Pope had to swear existed in no other form but that of the Holy Bit (*sanctum frenum*). Then this object disappears – as the helmet must have disappeared before – and is never mentioned in the later tradition.

By the late tenth century the Nails had regained their original shape. The *Patria of Constantinople* states that the Nails were actually inserted by Constantine in the head of the famous statue that stood a-top the great porphyry column in the Forum. (This statue of Apollo-Helios, brought from Asia Minor, was re-dedicated to Constantine.)²⁰ The logic behind this new development is obvious. The head-dress or the crown on the statue was surrounded by seven radiating spikes which, presumably, had the appearance of nails²¹. As already noted, the column on which the statue stood was said to enshrine the fragment of the True Cross which was received at the same time as the Nails. The consonance of *Helios* and *hèloi* (nails) is clearly present in the mind of the *Patria*-writer. Furthermore, the word used by Socrates and Sozomen to designate a helmet (*perikephalaia*, *perikephalaia*) could just as well apply to a crown with radiating spikes.

The insertion of the Nails in the crown of "Constantine's" statue in the Forum was no figment of the *Patria*-writer's imagination. The roughly contemporary Synaxarium of Constantinople retails the same tradition²². In the *Life of St Andrew the Fool*, the Nails built by Constantine into the statue become "a protection and a talisman for the imperial city." When, at the end of the days, the whole city sinks into the sea, "only the column of the Forum will remain, because it contains the precious nails, (...) so that the ships will come and tie up their ropes to it and weep and wait for this Babylon"²³. A brave attempt to reconcile the old tradition with the new is undertaken in one of the late versions of the *Life of Constantine*. There the author claims that when Helen discovered the four nails that had pierced the hands and the feet of the Saviour, she made one of them into a bit, fixed another on the top of her son's helmet and put the remaining two in the column that the people of Rome had originally dedicated to Constantine after his victory over Maximinus (i.e. Maxentius) and that Helen later brought to Constantinople and set up in the Forum²⁴.

¹⁵ In *Adversus Vigilantium* Jerome speaks of a relic in *modico vasculo pretioso linteamine circumdatum* (PG 23: 358A) saying a little later: *dolet martyrum reliquias pretioso operiri velamine* (358B) and that Arcadius and the bishops translated the bones of the Blessed Samuel in *serico et vase aureo* (ibid.).

¹⁶ Sozomenus, *Kirchengeschichte*, VII, 21,5, ed. J. Bidez, revised by G.Chr. Hansen (Berlin, 1995), p. 334.

¹⁷ *Graecolat. Patrum Bibliothecae Novum Auctarium*, ed. F. Combefis (2 vols., Paris, 1648) 2: 774B–778A. See also J. Wortley, "The Oration of Theodore Syncellus (BHG 1058) and the Siege of 860," *Byzantine Studies/Etudes Byzantines* 4 (1977), 111–126.

¹⁸ Ambrosius, *De obitu Theodosii* 47, in Sant'Ambrogio, *Le orazioni funebri*, ed. O. Fallar (Milano–Rome, 1985), p. 244; Rufinus, *Historia ecclesiastica* I, 8, PL 21, col. 477; Theodoret, *Kirchengeschichte*, I, 18,5, ed. L. Parmentier, revised by G.Chr. Hansen (Berlin, 1998), p. 64–65; Socrates, *Kirchengeschichte*, I, 17,9, ed. G.Chr. Hansen (Berlin, 1995), p. 57; Sozomen, *Kirchengeschichte*, II, 1,9, ed. Bidez and Hansen, p. 49.

¹⁹ *Acta conciliorum oecumenicorum* IV, 1, ed. J. Straub, Berlin, 1971, p. 198–199.

²⁰ *Patria* 2–45, ed. Th. Preger, *Scriptores Originum Constantinopolitanarum* (Leipzig, 1901, 1907), p. 174. On the statue, see, e.g., G. Dagron, *Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451*, Paris, 1974, p. 37–38; Av. Cameron and J. Herrin, *Constantinople in the Early Eighth Century: The Parastaseis Syntomoi Chronikai* (Leiden, 1984), p. 263–264.

²¹ Georgius Monachus, *Chronicon*, ed. C. De Boor (2 vols., Leipzig, 1904), p. 500, indicates the number of spikes, but seems to know nothing of their identification as the Holy Nails.

²² *Synaxarium ecclesiae constantinopolitanae*, ed. H. Delehayé (Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris), Brussels, 1902, col. 673.

²³ *The Life of St Andrew the Fool*, ed. trans. L. Rydén (2 vol., Uppsala, 1995), p. 242–243, 276–279; cf.: L. Rydén, "The Andreas Salos Apocalypse," *DOP* 28, 1974, p. 197–261, see p. 254.

²⁴ Ed. F. Halkin, "Une nouvelle Vie de Constantin dans un légendier de Patmos," *An. Boll.* 77, 1959, p. 63–107, see p. 93–94.

Now, on 5 April 1106, in a severe gale, the Apollo-Helios statue was blown to the ground. A description of this event is interpolated, obviously by a contemporary, in the *Patria*; it is also described by Anna Comnena and later by Zonaras, who notes that "some" of the Holy Nails were attached to the statue²⁵. In all likelihood, the precious Nails were then salvaged from the wreckage. This would explain the sudden proliferation of Nails in twelfth-century Constantinople. Two twelfth-century monasteries, both dedicated to the Saviour, the Christos Philanthropos, founded by the Empress Irene very shortly before 1107, and the Anastasis, both possessed a Nail²⁶. The newly recovered Nails might have been initially deposited in the Lighthouse Chapel. The so-called *Anonymous Mercati* attests, like the *RPC*, to the presence of multiple Nails (*clavi*) in the Chapel²⁷. Later sources, however, mention only one Nail. A document of ca 1150 speaks of a single nail in the Palatine Chapel, *clavus quo crucifixus est in cruce Dominus*; and so does the anonymous pilgrim's report dated between 1137 and 1185 (*clavum Domini*)²⁸. Another anonymous description of Constantinople, preserved in the *Tarragonensis* 55 and which should perhaps be dated not in the late eleventh century, as suggested by the editor, but a few decades later, also mentions *unus scilicet clavus unde fuit Dominus crucifixus*²⁹. Finally, Descriptio, tentatively dated ca 1190, lists one whole nail and a fragment, *clavi, al minus duo, abscisa transcupide unius*³⁰. It can easily be imagined that this fragmented Nail, difficult to relate to either helmet or bit, was a spike from the head of the Apollo-Helios statue, badly damaged in the fall. With this fragment included, the churches of Constantinople appear to have possessed in the twelfth century – not before – the complete set of four nails.

A more detailed study of the tradition is needed in order to establish the exact relationship between "old" and "new" Nails. What is important for our purpose is to emphasize the fluctuation between plural and singular in the description of the Nails conserved in the Lighthouse Chapel. The testimony of the *RPC*, using the plural, fits well with the early-twelfth-century evidence, before the Nails were dispersed.

²⁵ *Patria* 1–45a, ed. Preger, p. 138–139; Anna Comnena, *Alexiad* XII, 4,5, ed. trans. B. Leib, vol. 2 (Paris, 1945), p. 66 (with Du Cange's extensive note *ad loc.* in the Paris edition, better accessible in PG: 131, col. 895–898); Zonaras, *Epitome* 13.3.26. Zonaras' cautious reference to "some" of the Nails is no doubt due to the fact that he announces, by anticipation, the fall of the statue while describing the *inventio* of the Holy Cross and the Nails by Helen almost 800 years earlier. His source on the *inventio* probably mentioned the transformation of the Nails into a diadem and a bit, which Zonaras does not mention.

²⁶ See: Антоний. Книга Паломник. С. 25, 29; cf.: Janin, *Eglises*, p. 20–22, 525–527. One of *Kniga Palomnik's* manuscripts lists only one nail (гвоздь) amongst the treasures of the Chapel ca. 1200 (p. 18, n. 50), and this reading might well be original.

²⁷ K.N. Ciggaar, "Une description de Constantinople traduite par un pèlerin anglais," *REB* 34, 1976, p. 211–267, see p. 245. The editor opts for a late-eleventh-century date for the text – or rather for its Greek original – but admits that there is no compelling reason for dating it earlier than ca 1120.

²⁸ Riant, *Exuviae* 2:2 11; K.N. Ciggaar, "Une description anonyme de Constantinople du XIIe siècle," *REB* 31, 1973, p. 335–354, see p. 340, cf. p. 337–338 for the date.

²⁹ K.N. Ciggaar, "Une description de Constantinople dans le *Tarragonensis* 55," *REB* 53, 1995, p. 117–140, see p. 120, cf. p. 128–131. We should note in passing that the description of Justinian's statue in front of Saint Sophia as *tenens manum suam elevatam superbissime contra Iherusalem*, rather than announcing a forthcoming crusade, originates in the tradition of Justinian the builder of Saint Sophia as a rival to Solomon and his Temple.

³⁰ Riant, *Exuviae* 2: 217.

TOURING THE LIGHTHOUSE CHAPEL

The Lighthouse Chapel was closed to the public probably until ca 1100. Thus a Canterbury Monk at the end of the eleventh century was only able to gain access to it by his personal acquaintance with the Anglo-Saxon "Varangians" (*quosdam ibi viros de patria sua suosque amicos repperit qui erant ex familia imperatoris*)³¹. On the other hand, as the twelfth century progressed, the contents of the Chapel became known and references to them in the literary record abound. This, of course, was no coincidence. The installation of the imperial throne at the Blachernai palace by Alexios I Comnenos towards 1092 marks the first step in the transformation of that location into the main residence of the new dynasty. The old palatial complex and its churches, though never abandoned by the emperors³², then become more accessible to tourists and feature prominently in the pilgrims' reports.

The score of witnesses who describe the relics of the Passion at the Lighthouse Chapel in the twelfth century list, in all, about twenty-four items, ranging from the Wood of the True Cross and the sacred Mandylion to the jar which held the vinegar³³. An analysis of the extant records shows that it was not those relics mentioned in the *RPC* which chiefly appealed to the twelfth-century writers. Hence one may legitimately wonder why the chronicler failed to take notice of some of the most popular and anciently revered items while mentioning the more obscure Purple Robe.

The selection of relics in the *RPC* entry has never been commented. A comparison with an anonymous twelfth century pilgrim's report is, therefore, revealing. The report, produced in the middle of the twelfth century in Latin, is preserved both in the original language and in a Greek translation that often reflects a better Latin text than the one that came down to us. It describes the experience of a group of pilgrims who toured the Byzantine capital, including the Lighthouse Chapel. There they saw (*vidimus ibi*), in the Latin version, a Nail, the Crown of Thorns, the Chain (*ferream catenam*) which attached Christ to the Column of Flagellation, the Purple Robe and many other relics of which seven more are named. The Greek list differs in a few details: it starts with the Nail, the Crown and the Robe (omitting the Chain)³⁴.

The congruence between the first items named and those mentioned in the *RPC* is so precise that there can be no coincidence. The chronicler's informant and the western pilgrims might not have had the same guide, but they surely took the same tour. The choice and the sequence of relics in the Chronicle thus find an explanation. They were the first – or among the first – items shown to the tourists visiting the Lighthouse Chapel.

The *Povest' Vremennyh Let*, rather improperly dubbed in English the *Russian Primary Chronicle*, was composed in the middle of the second decade of the twelfth century. In the part up to the mid-1070s, it is based on an earlier chronicle that can be reconstructed with help of a parallel source, the *Novgorodskaja Pervaja Letopis'*, and that, in fact, has a better claim to the name "Primary Chronicle"³⁵. The early chronicler knew

³¹ See C.H. Haskins, A Canterbury Monk at Constantinople, c. 1090, *English Historical Review* 25 (1910), 293–295.

³² P. Magdalino, "Manuel Komnenos and the Great Palace," *Byzantine and Modern Greek Studies* 4 (1978), 101–114, reprinted in Idem, *Tradition and Transformation in Medieval Byzantium* (Aldershot 1991), n° V, see p. 109–111.

³³ There is a very useful table of these relics showing who reported what in A. Frolov, *La relique de la vraie Croix: recherches sur le développement d'un culte* (Archives de l'Orient 7, Paris, 1961), pièces justificatives No. 283, to which should be added the texts published by Ciggaar (*supra*).

³⁴ Ed. Ciggaar (cited n. 18), p. 340–341.

³⁵ The basic background data can be found in: Творогов О.В. Повесть временных лет // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Т. 1: XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С. 337–343.

Дж. Уортли, К. Цукерман

РЕЛИКВИИ “СТРАСТЕЙ ГОСПОДНИХ”
В “ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ”

Исследователи русско-византийских отношений давно подозревали, что описание приема Олеговых послов, содержащееся в летописной статье под 6420/911 г., отражает дипломатический опыт отнюдь не начала X в., а времени гораздо более близкого к составлению “Повести Временных лет”. В статье комментируются (кажется, впервые) перечисленные летописцем “страсти Господни”: три реликвии страстей Христовых (терновый венец, гвозди и багряница), якобы показанные императором Львом VI послам Олега. В самом деле летописец называет лишь три из двадцати с лишним реликвий “страстей”, известных в Константинополе, объединяя столь древлепочитаемые, как гвозди и венец, с малоизвестной багрянницей. Оказывается, что наличие венца и багряницы в Константинополе в начале X в. не только не засвидетельствовано, но и весьма маловероятно. Присутствие среди реликвий гвоздей (во множественном числе), возможно, связано с падением в 1106 г. статуи Константина-Гелиоса, в корону которой, согласно константинопольской традиции, были вделаны драгоценные гвозди. Что еще более важно, летописная подборка реликвий в точности соответствует началу анонимного описания посещения Фаросской церкви группой паломников в середине XII в.

nothing of the treaty between Oleg and Leo VI nor of the subsequent treaties concluded by the Princes Igor and Svjatoslav. As a matter of fact, the text of the three treaties inserted in *RPC* was not preserved in the Russian princely archive, as was long believed, but was, as Jana Malingoudi has convincingly shown, translated from the copies kept together with copies of other treaties, in the Byzantine diplomatic registry³⁶. It has been recently suggested that these texts only arrived in Kiev as late as 1104, brought by the newly appointed Metropolitan Nicephorus I³⁷. But even before recent scholarship produced new insights concerning the treaties, it had been admitted that an early-twelfth-century chronicler could hardly possess any real information on the stay of the Russian envoys at Constantinople two centuries before and must have based the story of their “guided tour” of the capital on the common experience of Russian ambassadors and pilgrims³⁸. The striking parallelism in the enumeration of relics in the *RPC* and in the twelfth-century pilgrim’s report shows that the tours of the Lighthouse Chapel followed a pretty standard itinerary. If the Nails on display were those recovered from the Apollo-Helios statue, the chronicler’s informant would have visited Constantinople after 1106, barely ten years before the composition of the *RPC*.

³⁶ J. Malingoudi, *Die Russisch-Byzantinischen Verträge des 10. Jhts. aus diplomatischer Sicht* (Thessaloniki, 1994), p. 79–87, 107.

³⁷ Капитанов С.М. К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров X в. в составе Повести временных лет // Политическая структура древнерусского государства. VIII чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1996. С. 39–42.

³⁸ Айдалов Д. Примечания к тексту книги “Паломник” Антония Новгородского // ЖМНП. 1906. Новая серия. Т. 3, Вып. 6. С. 233–276, see p. 235; cf.: Lihacev’s commentary to the *Povesi Vremennyh Let*, 2, p. 280 (p. 425 of the reprint), citing the description of Vladimir’s embassy in 988 as the chronicler’s possible model.

ЕВЕРГЕТИДСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ИМПЕРАТОРСКИЕ МОНАСТЫРИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В КОНЦЕ XI – НАЧАЛЕ XII ВЕКА

В 1887 г. Н.Ф. Красносельцев обнаружил в Афинской национальной библиотеке греческую рукопись, содержащую богослужебный *синаксарь* (далее: Еввергетидский *синаксарь*, ЕС)¹ и *ктиторский типикон* (далее: Еввергетидский *типикон*, ЕТ)², происходившие из монастыря Пресвятой Богородицы Благодетельницы около Константинополя³. Судя по всему, Н.Ф. Красносельцев сведения об этой рукописи сообщил своему ученику и последователю А.А. Дмитриевскому⁴, который уже в августе 1888 г. посетил библиотеку в Афинах, где и ознакомился с рукописью⁵. В 1892 г. краткое описание кодекса Atheniensis graecus 788, содержавшего ЕС и ЕТ, было опубликовано в каталоге рукописей Афинской национальной библиотеки⁶. Вскоре, в конце 1895 г., были изданы и тексты, содержащиеся в этой рукописи⁷. В Предисловии к публикации А.А. Дмитриевский привел краткие сведения об истории Еввергетидского монастыря, перечислил некоторые литургические источники, использованные составителем ЕС, а также указал на первичность ЕТ по отношению к типикону константинопольского монастыря Богородицы Благодатной, основанного императрицей Ириной, и типикону константинопольского монастыря св. Маманта 1158 г.

На основании данных ЕТ и упоминания о ЕС в типиконе монастыря св. Маманта А.А. Дмитриевский пришел к выводу, что ЕС и ЕТ были созданы во второй половине XI в. вторым ктитором Тимофеем, однако текст афинской рукописи представляет собой более позднюю переработку, сделанную уже при преемнике игумена Тимофея, и относится к первой половине XII

столетия. Обратив внимание на наличие двух упоминаний о богослужебной практике Великой церкви в конце “Глав о праздновании Благовещения” и сопоставив литургические нормы, содержащиеся в ЕС, с литургическими нормами Патмосского списка Типикона Великой церкви (далее: ТВЦ), А.А. Дмитриевский сделал вывод о зависимости ЕС от ТВЦ. Что же касается литургического термина “агриппия”, который неоднократно встречается в ЕС, то исследователь отметил, что эта “агриппия” не имеет ничего общего с палестинской “агриппией”, но представляет собой особый элемент праздничного богослужения⁸.

В рецензии на издание 1895 г. Н.Ф. Красносельцев отметил недостатки эдичионной техники А.А. Дмитриевского, в том числе и допущенные им сокращения гимнографических текстов, однако не сделал каких-либо замечаний по поводу высказываний А.А. Дмитриевского об использовании кафедрального ТВЦ в качестве основы при создании монастырских богослужебных *синаксарей*, в том числе и ЕС⁹. В начале XX столетия В.П. Виноградов тщательно исследовал и систематизировал все указания о литургических чтениях, имеющиеся в ЕС, который рассматривался как памятник константинопольского происхождения, но испытывавший некоторое палестинское влияние. Как показал В.П. Виноградов, система чтений ЕС зависела от системы чтений, зафиксированной в *Синаксаре патриарха Алексия Студита* (далее: САС) и воспроизводившей практику Студийского монастыря, однако он отметил и новые элементы, свидетельствующие о развитии системы уставных чтений¹⁰.

Новый этап в изучении текстов, содержащихся в афинской рукописи, наступил после публикации комментированного издания ЕТ, подготовленного П. Готье, которое сопровождалось французским переводом и словоуказателем. Во вступительной статье П. Готье привел краткое палеографическое описание рукописи, а также отождествил монаха Антония (он упоминается в дополнительной части ЕТ) с пансевастом севастом Иоанном Дукой, который принял монашество после 1097 года¹¹. Путем тщательного палеографического анализа Б. Кростини показала, что две части афинской рукописи (*синаксарь* и *типикон*) принадлежат одному кодексу, и высказала предположение, что создание этого кодекса было непосредственно связано с деятельностью монаха Антония (т.е. пансеваста севаста Иоанна Дуки) в Еввергетидском монастыре¹². Изучение ЕТ и других ктиторских типиконов, связанных с ЕТ, привело Дж. Томаса к гипотезе о существовании “еввергетидского реформационного движения”¹³. Взаимоотно-

¹ Богослужебный *синаксарь* представляет собой собрание рубрик, регламентировавших богослужение в течение богослужебного года.

² О ктиторских типиконах см.: Galatariotou K. Byzantine Ktitorika Typika: a Comparative Study // Revue des études byzantines. 1987. Т. 45. S. 77–79.

³ Красносельцев Н.Ф. Типик церкви Св. Софии в Константинополе // Летопись историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. Т. II. 1892. С. 174.

⁴ В воспоминаниях А.А. Дмитриевский писал, что Н.Ф. Красносельцев “щедро и великодушно отдавал в руки <своих учеников> неизданные материалы, почерпнутые им из рукописей” (Дмитриевский А.А. Незабвенной памяти профессоров А.С. Павлова и Н.Ф. Красносельцева // Труды Киевской Духовной академии. 1889. № 1. С. 99).

⁵ Дмитриевский А.А. Путешествие по Востоку и его научные результаты // Труды Киевской Духовной академии. 1889. № 5. С. 133; № 6. С. 269–270.

⁶ Σαχκελίωτος 'Ι., Σαχκελίωτος 'Α. Κατάλογος τῶν χειρογράφων τῆς Ἐθνικῆς Βιβλιοθήκης τῆς Ἑλλάδος. Ἀθήνησιν, 1892. Σ. 141–142.

⁷ Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Киев, 1895. Т. I. Түлүк. Ч. I. Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские типиконы. С. 256–655.

⁸ Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей... Т. I. С. XXXIII–LIII; Он же. ТүПІКА (Addenda et corrigenda) // Труды Киевской Духовной академии. 1896. № 12. С. 544–545.

⁹ Красносельцев Н.Ф. [Рец.] Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Киев, 1895, Т. I. Түлүк. Ч. I. Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские типиконы // ВВ. 1897. Т. 4. С. 595–598.

¹⁰ Виноградов В.П. Уставные чтения (проповедь книги). Историко-гомилетическое исследование. Сергиев Посад, 1914. Вып. I. Уставная регламентация чтений в Греческой Церкви. С. 80–136.

¹¹ Gautier P. Le Typikon de la Théotokos Évergétis // Revue des études byzantines. 1982. Т. 40. P. 5–101.

¹² Crostini Lappin B. Structure and Dating of Codex Atheniensis, Graecus 788, Typicon of the Monastery of the Theotokos Evergetis // Scriptorium. 1988. Т. 52. P. 330–349.

¹³ Thomas J. Documentary Evidence from the Byzantine Monastic Typica for the History of the Evergetine Reform Movement // The Theotokos Evergetis and Eleven-Century Monasticism / Ed. by M. Mullett, A. Kirby. Belfast, 1994. P. 246–273 (= Belfast Byzantine Texts and Translations, 6.1).

шение текстов этих типиконов стало предметом диссертации Р. Джордана¹⁴, который вскоре начал подготовку нового издания ЕС, сопровождаемого английским переводом¹⁵. Попытка анализа литургической традиции, регламентировавшейся ЕС, была предпринята в диссертации Дж. Клентоса¹⁶.

Введение в научный оборот текста Студийско-Алексиевского устава представляющего собой перевод богослужебного синаксаря (САС), и ктиторского типикона (Типикон патриарха Алексия Студита, далее: ТАС), которые были составлены патриархом Алексием Студитом в 1034–1043 гг. на основании текстов несомненного студийского происхождения¹⁷, существенно изменило ситуацию, сложившуюся в изучении византийского монашества и монашеского богослужения. Сопоставление ЕС с САС и другими византийскими богослужебными синаксарями показало, что Евергетидский синаксарь принадлежит к студийской традиции¹⁸ и в его основе лежала I редакция Студийского синаксаря¹⁹.

Наличие в составе ЕС особой “Ерминии о праздновании Благовещения”, созданной в монастырях Олимпа в Вифинии, указывает на связь богослужения в Евергетидском монастыре с литургической традицией Малой Азии. Однако особый характер евергетидскому богослужению придавали элементы палестинского происхождения. Например, в этом тексте неоднократно упоминаются праздничные блаженны на литургии, появление которых связано с Палестиной²⁰. В воскресные и праздничные дни на утрене после рядовых кафизм в Евергетидском монастыре Псалтири пелся *Полиелей*²¹. Другой особенностью воскресной утрени было пение XVII кафизмы (*Непорочны*) с особыми воскресными тропарями²². Происхождение этих элементов воскресного богослужения также связано с палестинской традицией, но отсутствие “палестинских агрипний”, в состав которых входила “великая вечерня” с литией и благословением

хлебов, свидетельствует об отсутствии прямой зависимости ЕС от “Иерусалимского типикона”²³.

Отмеченные особенности литургической практики показывают, что ЕС отражает литургическую традицию одного из монашеских центров Малой Азии, отличительной чертой которого было сильное палестинское влияние. Локализовать этот центр позволяют две особые памяти и связанные с ними службы, отмеченные в ЕС. Во-первых, 7 ноября, в день кончины преподобного Лазаря Галесийского (+ 1053), ЕС предписывал совершение особой службы, которая называется τὰ μνημόσυνα²⁴. Во-вторых, 17 июля в ЕС отмечено воспоминание перенесения мощей преподобного Лазаря Галесийского²⁵, т.е. память перенесения мощей с места первоначального погребения на то место, которое должен был определить новый игумен монастыря Воскресения Христова на горе Галесий около Ефеса²⁶. Наличие двух этих памятей, а также использование терминов τὰ μνημόσυνα по отношению к службе, совершавшейся в день кончины преподобного Лазаря Галесийского, приводит к выводу, что литургическая традиция, зафиксированная в ЕС, восходит к литургической традиции монастыря Воскресения на горе Галесий в Малой Азии²⁷. Сопоставление особенностей богослужения и устройства монашеской жизни в Евергетидском монастыре, зафиксированных в ЕС и ЕТ, с одной стороны, и особенностей богослужения и устройства монашеской жизни в монастыре Лазаря Галесийского, отмеченных в его житии, с другой стороны, подтверждает сделанный вывод.

Устройство и жизнь монастырей, основанных на горе Галесий, регламентировал Диатипосис, который был составлен подвижником незадолго до кончины. Из жития Лазаря Галесийского известно, что Диатипосис содержал описание жизненного пути и сведения о постройке монастырей на горе Галесий, о земельных владениях, о числе монахов, правила избрания игумена и назначения эконома, правила о распределении пищи в праздники и посты, предписание о неукоснительном соблюдении норм, установленных в Диатипосисе, и богослужебных обычаев²⁸. В состав этого текста входили и специальные разделы, регламентировавшие управление монастырским имуществом и распределение доходов между монастырями²⁹. Утверждение текста императором (Константином IX Мономахом) и патриархом (Михаилом Кируларием) указывает, что Диатипосис Лазаря Галесийского являлся юридическим документом³⁰. К сожалению

¹⁴ Jordan R. The Hypotyposis of the Theotokos Evergetis and the Making of a Monastic Typikon. Doctoral Thesis (Ph. D.). Queen's University Belfast, 1997; *Idem*. The Monastery of the Theotokos Evergetis, Its Children and Grandchildren // The Theotokos Evergetis and Eleven-Century Monasticism / Ed. by M. Mullett, A. Kirby. Belfast, 1994. P. 215–245 (= Belfast Byzantine Texts and Translations, 6.1); *Idem*. The Hypotyposis of Evergetis: a Unitary Text? // Work and Worship at the Theotokos Evergetis. 1050–1200 / Ed. by M. Mullett, A. Kirby, Belfast, 1997. P. 230–249 (= Belfast Byzantine Texts and Translations, 6.2); *Idem*. Evergetis: Typikon of Timothy for the Monastery of the Mother of God Evergetis // Byzantine Monastic Foundation Documents / A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments / Ed. by J. Thomas, A. Hero. Washington, 2000. Vol. 2. P. 454–506 (= Dumbarton Oaks Studies, 35).

¹⁵ Jordan R. The Synaxarion of the Monastery of the Theotokos Evergetis. September–February. Belfast, 2000 (= Belfast Byzantine Texts and Translations, 6.5).

¹⁶ Klentos J. Byzantine Liturgy in Twelfth-Century Constantinople: an Analysis of the Synaxarion of the Monastery of the Theotokos Evergetis (Codex Athens Ethnike Bibliothek 788). Doctoral Thesis (Ph. D.). University of Notre Dame, Indiana, 1995; *Idem*. The Typology of the Typikon as Liturgical Document // The Theotokos Evergetis... P. 294–305; *Idem*. The Synaxarion of the Theotokos Evergetis: Algebra, Geology and Byzantine Monasticism // Work and Worship... P. 329–355.

¹⁷ Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.

¹⁸ Там же. С. 109–115, 125–142.

¹⁹ Пентковский А.М. Студийский устав и уставы студийской традиции // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 5. С. 78.

²⁰ Пентковский А., Йовчева М. Праздничные и воскресные блаженны в византийском и славянском богослужении VIII–XIII вв. // Palaeobulgarica. 2001. Т. 25. С. 42–44, 49.

²¹ См., например: Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей... Т. I. С. 264, 265, 272, 309, 321, 339, 344, 359, 361, 364, 376, 382, 406, 427, 480, 487, 489, 502, 505, 521, 524, 527, 531, 534, 566, 573, 578, 582, 589, 608.

²² Там же. С. 339, 344, 359, 361, 498, 500, 502, 608.

²³ Подробнее об этих особенностях “Иерусалимского типикона” см.: Пентковский А.М. Иерусалимский типикон в Константинополе в Палеологовский период // Журнал Московской Патриархии. 2003. № 5. С. 78.

²⁴ Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей... Т. I. С. 308.

²⁵ Там же. С. 472.

²⁶ Janin R. Les Églises et les monastères des grands centres byzantins (Bithynie, Hellespont, Latros, Galèsios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique). P., 1975. P. 246–247.

²⁷ На наличие двух памятей Лазаря Галесийского в ЕС обратила внимание Нэнси Шевченко в статье “Observations on the Calendar at the Evergetis Synaxarion”, входящей в состав очередного сборника статей, посвященного ЕС и ЕТ, который готовится к изданию в серии Belfast Byzantine Texts and Translations.

²⁸ Vita sancti Lazari auctore Gregorio monacho // Acta Sanctorum Novembus. Bruxelles, 1910. Т. III. P. 585B–E.

²⁹ Ibid. P. 585C–B, 586A; Greenfeld R. The Life of Lazaros of Mt. Galesion: An Eleventh-Century Pillar Saint. Washington, 2000 (= Byzantine Saints' Lives in Translation, 3). P. 350–351, 353–354. Об экономических связях между монастырями Лазаря Галесийского см.: Kaplan M. Les hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècle. Propriété et exploitation du sol. P., 1992. P. 306 (= Byzantina Sorbonensia, 10).

³⁰ Vita sancti Lazari... P. 576B–C; Greenfeld R. The Life of Lazaros... P. 46–47, 316–317.

нию, Диатипосис не сохранился, и поэтому невозможно указать формальный статус и характер администрирования монастырей, основанных преподобным Лазарем Галесийским.

Общее содержание и структура Диатипосиса Лазаря Галесийского во многом совпадали с содержанием и структурой ЕТ, составленного игуменом Тимофеем. Входила в состав ЕТ и специальная глава, определявшая особый статус монастыря (освобождение от налогов и независимость от церковных и светских властей). Однако независимость Евергетидского монастыря обеспечивалась не предписаниями ЕТ, а была дарована и гарантирована хрисовулами "почивших императоров", на которые дважды ссылался игумен Тимофей³¹. Наличие императорских хрисовулов, определявших особый статус Евергетидского монастыря, который постоянно привлекает внимание исследователей, позволяет объяснить и происхождение тех значительных средств, благодаря которым на месте небольшого монастырька игумен Тимофей смог построить "великолепный монастырь и сделать его знаменитым"³².

Как известно, экономическая стабильность и вообще существование византийских монастырей традиционно обеспечивалось не только наличием достаточных монастырских владений, но и их юридическим статусом³³. Поэтому получение наиболее выгодного статуса было главной заботой основателей монастырей, хрисовулы византийских императоров представляли собой те самые юридические документы, которые свидетельствовали о получении различного рода привилегий. Эти документы не только определяли статус монастырей и монастырских владений, но и содержали указания на освобождение от различных налогов³⁴, на виды их материального обеспечения и другие предписания экономического характера. Например, в 1075 г. император Михаил VII Дука утвердил право на различного рода недвижимость за монастырем Всемилошного Спаса, основанным в Константинополе патриkiem и анфипатом Михаилом Атталиатом, и освободил эти монастырские владения от государственных налогов и повинностей. На это хрисовул Михаил Атталиат ссылается в ктиторском типиконе 1077 г., а в 1079 г. сохранение за монастырем всех его привилегий подтвердил своим хрисовулом император Никифор III Вотаниат. Копии указанных хрисовулов были также включены в состав кодекса, содержащего типикон Михаила Атталиата³⁵.

В 1085 г. хрисовулом императора Алексея I Комнина освобождение от налогов и независимость были дарованы монастырю Богородицы Милостивой, который построил в начале 80-х годов XI в. епископ Струмицкий Мануил. Ссылка на этот хрисовул имела в тексте диатаксиса, составленного епископом Мануилом, а сам хрисовул прилагался к оригиналу диатаксиса³⁶. В 1088 г. хрисовулом этого же императора был дарован игумену Христулу "в неотъемлемое и вечное владение и господство" остров Патмос, освобожденный от

всех казенных податей и налогов, чтобы монахи владели этим островом "без податей, без налогов, как господа и владыки, неотъемлемо и вечно", а монастырь, его монахи и самый остров были самостоятельными и независимыми³⁷. На основании полученного хрисовула игумен Христул в 1091 г. смог записать в своем диатаксисе, что основанный им монастырь является освобожденным (от налогов) и независимым³⁸. Ссылки на указанный хрисовул императора Алексея Комнина, которые имеются в грамотах патриарха Иоанна IX Агапита (1133) и Луки Хрисоверга (1158), связанных с установлением ставропигии в монастыре, основанном игуменом Христулом³⁹, указывают, что именно императорский хрисовул, а не ктиторский диатаксис определял статус монастыря на острове Патмос, т.е. его освобождение (от налогов) и независимость.

Существенно отличался механизм освобождения от налогов и получения независимости у тех монастырей, которые были основаны императорами и имели типиконы, подписанные ими. В данном случае хрисовул был излишним, так как особый статус монастыря изначально определялся императорами в учредительных документах, т.е. ктиторских типиконах. Например, уже в первой главе Типикона монастыря Богородицы Благодатной, основанного императрицей Ириной Дукевой в начале XII в., указано, что монастырь является освобожденным (*ἐκ πάντων ἀπλῶς ἐλευθέρων*), а после кончины основательницы становится и самоуправляемым (*αὐτοδέσλοτον*)⁴⁰. Сходное предписание о независимости монастыря от церковных и светских властей, а также об освобождении (от налогов) находится и в заключительной части Типикона монастыря Христа Вседержителя (Пантократорского), подписанного императором Иоанном II Комнином в 1136 г.⁴¹

Таким образом, формулировки "освобожденный" и "независимый", встречающиеся в учредительных документах тех монастырей, которые не были основаны императорами, в том числе и в ЕТ, являются вторичными по отношению к соответствующим формулировкам императорских хрисовулов, которыми и определялся этот статус. Поэтому для всех основателей монастырей, за исключением императоров, существовал единственный способ для закрепления недвижимости в неотъемлемое владение, для полного или частичного освобождения от налогов и получения независимости, и этим способом был императорский хрисовул. Именно таким образом статус "освобожденного" и "независимого" получил для Евергетидского монастыря игумен Тимофей, о чем свидетельствуют два отмеченных выше упоминания об императорских хрисовулах, имеющиеся в ЕТ.

Начало строительных работ в Евергетидском монастыре при игумене Тимофее и именование его "вторым ктитором" указывают, что императорские хрисовулы, упомянутые в ЕТ, были получены после кончины игумена Павла ("первого ктитора") в апреле 1054 г. Они могли быть выданы и подтверждены последней представительницей Македонской династии императрицей Феодорой (1055–1056), императорами Михаилом VI Стратиотиком (1056–1057), Исааком I Комнином (1057–1059), Константином X Дукой (1059–1067) и Романом IV Диогеном (1068–1071)⁴². Михаил VII Дука (1071–1078), принявший монашеский по-

³¹ Gautier P. Le Typikon de la Théotokos Évergétis. P. 45: 544–547, 47: 563–564.

³² Ibid. P. 17: 47–52.

³³ Morris R. Monks and Laymen in Byzantium, 843–1118. Cambridge, 1995. P. 145.

³⁴ Подробнее о налогах и способах освобождения от них в Византии в X–XII вв. см., например: Kaplan M. Les hommes et la terre... P. 554–561.

³⁵ Gautier P. Le Diataxis de Michel Attaliat // Revue des études byzantines. 1981. Т. 39. P. 51: 564–568, 101–123. Подробное описание экономического механизма, разработанного Михаилом Атталиатом для обеспечения существования и монастыря, и своих наследников, было выполнено П. Лемерлем (Lemerle P. Cinq études sur le XIe siècle byzantin. P., 1977. P. 99–112).

³⁶ Petit L. Le monastère de Notre Dame de Pitié en Macédonie // ИРАИК. 1900. Т. VI. Вып. I. С. 25–27, 90: 30–33.

³⁷ Miklosich Ph., Müller I. Acta et Diplomata graecā medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1890. Vol. 6. P. 46–47; русский перевод: Соколов И.И. Состояние монашества в Византийской Церкви с половины IX до начала XIII века (842–1204). Казань, 1894. С. 164–168.

³⁸ Miklosich Ph., Müller I. Acta et Diplomata graeca... P. 66–67, 69.

³⁹ Ibid. P. 102–103, 114–117.

⁴⁰ Gautier P. Le Typikon de la Théotokos Kécharitômené // RĖB. 1985. Т. 43. P. 29, 31.

⁴¹ Idem. Le Typikon du Christ Sauveur Pantocrator // RĖB. 1974. Т. 32. P. 127: 1613–1620.

⁴² Соколов И.И. Состояние монашества в Византийской Церкви... С. 142–148.

стриг после отречения от престола в 1078 г., скончался около 1090 г.⁴³ и не мог принадлежать к числу "почивших императоров", упомянутых в ЕТ. Ориентация императрицы Ирины Дукены на литургическую традицию Евергетидского монастыря и на его типикон при создании монастырей Христа Человеколюбца Богородицы Благодатной (см. ниже), а также пострижение пансеваста севаста Иоанна Дуки в самом конце XI в. свидетельствуют, что Евергетидский монастырь был тесно связан с семьей Дук и, следовательно, основы его благословения были заложены хрисовулами Константина Х Дуки (1059–1067). Показательно, что именно в шестидесятые годы в скриптории Евергетидского монастыря началось активное копирование патристической литературы⁴⁴.

Судя по всему, к первой половине шестидесятых годов XI в. следует отнести и принятие галесийской литургической традиции в Евергетидском монастыре, что положило начало формированию собственной традиции. В основу евергетидского богослужебного синаксаря был положен синаксарь из монастыря Воскресения на горе Галесий, содержащий памяти кончины и перенесения мощей преподобного Лазаря. Однако этот текст был существенно переработан в Константинополе. Например, редактированию подверглась система уставных чтений⁴⁵, в синаксарь были внесены дополнения, связанные с празднованием христового праздника и упоминания о совершении памяти ктитора Павла. Окончательный текст Евергетидского синаксаря был составлен после построения главной церкви, так как ЕС содержит подробное описание ежегодно совершаемого воспоминания ее освящения (29 декабря), а также после построения храма Спасителя, храма Святых апостолов, монастырской трапезы и келлий, которые упоминаются в ЕС⁴⁶, т.е. фактически после завершения строительства нового монастыря на месте старого, основанного игуменом Павлом.

Тогда же игумен Тимофей составил и ктиторийский типикон, потому что в ЕС упоминается о постройке нового главного храма и келлий⁴⁷, а также имеются ссылки на богослужебный синаксарь, причем в качестве модели игумен Тимофей мог использовать диатаксис Лазаря Галесийского, на что указывает отмеченное совпадение содержания и структуры. Таким образом, первоначальный комплекс текстов, содержащих Типикон и Синаксарь Евергетидского монастыря, был составлен игуменом Тимофеем после завершения строительства монастыря, т.е. в последней трети XI в. Составление и оформление комплекта ктиторийских документов после постройки монастыря и устройства в нем монашеской жизни отражало существовавшую в Византии практику. Например, Лазарь Галесийский составил свой диатаксис в конце жизни, патриарх Алексий Студит составил САС и ТАС после создания монастыря, и поэтому в САС имеется полная дата освящения главного храма и описание совершения храмового праздника, упоминаемого в ТАС⁴⁸.

В конце XI – начале XII в. Евергетидский монастырь стал образцом для других константинопольских монастырей – мужского монастыря Христа Человеколюбца и смежного с ним женского монастыря Богородицы Благодатной, основан

ванных императрицей Ириной Дукеной при непосредственном участии и содействии императора Алексея I Комнина. Монастырь Христа Человеколюбца был создан не позднее 1107 г.⁴⁹ Вскоре императрица Ирина основала рядом с ним женский монастырь Богородицы Благодатной⁵⁰. Как и типикон монастыря Христа Человеколюбца, типикон этого монастыря был составлен от имени императрицы⁵¹. Ирина Дукена и ее супруг император Алексей I Комнин имели равную власть над монастырем⁵², и, как было отмечено выше, в силу особого дара, отмеченного в типиконе, а не по причине следования евергетидской традиции, монастырь Богородицы Благодатной был освобожденным (от налогов) и объявлен независимым. Сопоставление типикона монастыря Богородицы Благодатной с текстами типикона монастыря Маманта и ЕТ показало, что этот текст зависит как от несохранившегося типикона монастыря Христа Человеколюбца, так и непосредственно от типикона Евергетидского монастыря⁵³.

Богослужение в императорских монастырях Христа Человеколюбца и Богородицы Благодатной определялось литургической традицией Евергетидского монастыря, что подтверждается результатами изучения нового литургического источника, который был обнаружен нами при ознакомлении с микрофильмами греческих рукописей Патриаршей библиотеки в Константинополе⁵⁴, в которой находится пергаменная рукопись XII в. из собрания монастыря Пресвятой Богородицы Камариотиссы⁵⁵, содержащая неизвестный ранее богослужебный синаксарь. Название монастыря в заглавии не указано (как в случае ЕС), но рубрика в праздник Благовещения свидетельствует, что этот синаксарь происходит из константинопольского монастыря Христа Человеколюбца⁵⁶.

Сопоставление синаксаря монастыря Христа Человеколюбца (далее – СХЧ) и ЕС показывает, что в основном они совпадают между собой, а имеющиеся различия обусловлены главным образом индивидуальными особенностями каждого из монастырей (например, названия храмов)⁵⁷. Находящееся в основном тексте СХЧ упоминание ктиторииссы, т.е. императрицы Ирины, и ктитора, т.е. императора Алексея Комнина, свидетельствует, что СХЧ был составлен не ранее 1081 г., когда Алексей Комнин стал императором при поддержке семьи

⁴⁹ Janin R. La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin. Première partie. Le siège de Constantinople et le patriarcat œcuménique. T. III. Les églises et les monastères. P., 1969. P. 525–529.

⁵⁰ Ibid. P. 188–191.

⁵¹ Gautier P. Le Typikon de la Théotokos Kécharitóménè. P. 13, 137: 2087.

⁵² Ibid. P. 29: 191–194.

⁵³ Jordan R. Kecharitomene: Typikon of Empress Irene Doukaina Komnene for the Convent of the Mother of God Kecharitomene in Constantinople // Byzantine Monastic Foundation Documents. A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments / Ed. by J. Thomas, A. Hero. Washington, 2000. Vol. II. P. 650–652 (= Dumbarton Oaks Studies, 35).

⁵⁴ Микрофильмы рукописей этого собрания были изготовлены в 1962 г. экспедицией, которая была организована Научной библиотекой Dumbarton Oaks (Вашингтон), где эти микрофильмы и хранятся.

⁵⁵ Istanbul, Patriarchate Library, Panagia Kamariotissa, Cod. 29. Описание: Τσακόπουλος Α. Περιγραφικός κατάλογος τῶν χειρογράφων τῆς Βιβλιοθήκης τοῦ Οἰκουµενικοῦ Πατριαρχείου. Σταυρούλ, 1953. Т. Α'. Τμήμα χειρογράφων Παναγίας Καµαριωτίσσης. Σ. 56–57. Рукопись содержит месяцесловную (f. 1–115) и триодную (f. 116–178) части богослужебного синаксаря.

⁵⁶ Μηνὶ τῇ αὐτῇ κε'. 'Ο Εὐαγγελισµὸς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου καὶ μνήμη τῶν ἐγκαινίων τοῦ κυρίου ἡµῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ Φιλανθρώπου μονῆς τῆς δεσποίνης κυρᾶς Εἰρήνης τοῦ (!) Δουκαίνης (Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 81v).

⁵⁷ Подробнее см.: Пентковский А.М. Ктиторийские типиконы и богослужебные синаксари Евергетидской группы // Богословские труды. М., 2004. Вып. 38. С. 339–343.

⁴³ Polemis D. The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. L., 1968. P. 44.

⁴⁴ Irigoin J. La production d'un scriptorium de Constantinople peu après le milieu du XIe siècle // Miscellanea codicologica F. Masai dicata MCMLXXIX / Ed. P. Cockshaw, M.-C. Garand, P. Jodogne. Gand, 1979. P. 175–183.

⁴⁵ Виноградов В.П. Уставные чтения... С. 135.

⁴⁶ Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей... Т. I. С. 364–367, 553, 481, 355, 549, 559, 567.

⁴⁷ Gautier P. Le Typikon de la Théotokos Évergétis. P. 17: 53–55.

⁴⁸ Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексия Студита... С. 46.

Дук (Ирина была дочерью Андроника Дуки), и не позднее 15 августа 1118 г., когда этот василевс скончался. Уже в 1106–1107 гг. богослужение в монастыре Христа Человеколюбца воспроизводило богослужение Евергетидского монастыря, так как в этом году был изготовлен список Катехизиса Павла Евергетидского, предназначенный для регулярного чтения на богослужении в монастыре Христа Человеколюбца⁵⁸ в соответствии с рубриками СХЧ⁵⁹. Следовательно, адаптация евергетидской практики в монастыре Христа Человеколюбца произошла в конце XI – начале XII в., и именно в это время и был создан СХЧ.

Уникальной особенностью рукописи, содержащей СХЧ, являются многочисленные приписки на полях, в которых отмечены дни кончины членов двух наиболее известных византийских аристократических семей – Комнинов и Дуков. В эти дни в монастыре Христа Человеколюбца совершались особые поминования:

1. 8 сентября, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἐκοιμήθη Εἰρήνη ἡ μάμμα τῆς ἁγίας δεσποίνης, позднее добавлено – ὁ καισαρίσσης, – Ирина Пигонитисса, супруга кесаря Иоанна Дуки D-13, дочь стратига Никиты Пигонита⁶⁰.

2. 9 сентября, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἐκοιμήθη Ἀλέξιος υἱὸς τῆς πορφυρογεννήτου κυρᾶς Θεοδώρας – Алексей Ангел Комнин K-92, сын Феодоры K-38⁶¹.

3. 10 сентября, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Κωνσταντίνου σεβαστοῦ καὶ ἀδελφιδού τῆς ἁγίας δεσποίνης – Константин Дука D-30⁶².

4. 17 сентября, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἐκοιμήθη κυρία Ζωή, ἡ πορφυρογεννήτου καὶ θυγάτηρ τοῦ βασιλέως – Зоя Комнина K-40⁶³.

5. 21 сентября, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἐκοιμήθη Ἀνδρόνικος ὁ υἱὸς τῆς πορφυρογεννήτου καὶ καισαρίσσης Ἀννης – один из сыновей Анны K-32, умерших в детском возрасте, имя которого было неизвестно⁶⁴.

6. 14 октября, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Ἀντωνίου μοναχοῦ τοῦ πατρὸς τῆς ἁγίας δεσποίνης – Андроник Дука D-21⁶⁵.

7. 20 октября, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Στεφάνου σεβαστοῦ καὶ αὐταδέλφου τῆς ἁγίας δεσποίνης – Вероятно, это D-29, сын Андроника Дуки D-21, имя которого неизвестно⁶⁶.

8. 30 октября, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Κωνσταντίνου υἱοῦ τῆς πορφυρογεννήτου κυρᾶς Ἀννας τῆς καισαρίσσης – один из сыновей Анны K-32 и Никифора, умерших в детском возрасте, имя которого неизвестно⁶⁷.

⁵⁸ Athos, Esphigmenos 45, f. 202. Ср.: Lambros S. Catalogue of Greek Manuscripts on Mount Athos. Cambridge, 1895. Vol. I. P. 176.

⁵⁹ См., например, 18 сентября: Ἡ πρώτη ὥρα μετὰ ἀναγνώσεως τῆς Κατηχήσεως (Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 13v). Ср. предписания типикона монастыря Богородицы Благодатной и предписания ET: Gautier P. Le Typikon de la Théotokos Kécharitômenê. P. 81: 1106; Idem. Le Typikon de la Théotokos Evergétis. P. 21: 97, 102, 103. Ср. также: Crostini Lappin B. The Katechetikon of Paul, Founder of the Monastery of the Theotokos Evergetis, in Relation to the Foundational Documents // Orientalia Christiana Periodica. 1998. T. 64. P. 125–131.

⁶⁰ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 4v; Polemis D. Op. cit. P. 41. Здесь и далее нумерация следует нумерации Д. Полемиса.

⁶¹ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 6; Βαρζός Κ. Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Т. I. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 654–655 (= Βυζαντινὰ Κείμενα καὶ Μελέται Κέντρου Βυζαντινῶν Ἑρευνῶν, 20α). Здесь и далее нумерация следует нумерации К. Варзоса.

⁶² Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 7; Polemis D. Op. cit. P. 76.

⁶³ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 12v; Βαρζός Κ. Op. cit. Σ. 265.

⁶⁴ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 14. Βαρζός Κ. Op. cit. Σ. 197.

⁶⁵ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 20v; Polemis D. Op. cit. P. 55–59.

⁶⁶ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 21v; Polemis D. Op. cit. P. 75–76.

⁶⁷ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 24; Βαρζός Κ. Op. cit. Σ. 197.

9. 1 ноября, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Ἀννας μοναχῆς τῆς μητρὸς τοῦ βασιλέως – Анна Даласина, супруга Иоанна Комнина K-6⁶⁸.

10. 8 ноября, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Εὐδοκίας τῆς αὐταδέλφης τοῦ βασιλέως καὶ καισαρίσσης – Евдокия Комнина K-13, супруга кесаря Никифора Мелисина⁶⁹.

11. 21 ноября, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Ξένης μοναχῆς, μητρὸς τῆς ἁγίας δεσποίνης τῆς πρωτοβεστιάριος – Мария Болгарская, супруга кесаря Андроника Дуки D-21⁷⁰.

12. 10 декабря, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἐκοιμήθη Ἰωάννης, ὁ υἱὸς τῆς πορφυρογεννήτου κυρᾶς Μαρίας – третий сын Марии K-33, о котором не упоминает К. Варзос⁷¹.

13. 9 января, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Μιχ(αήλ) μοναχοῦ καὶ ἀδελφοῦ τῆς ἁγίας δεσποίνης, позднее добавлено – τοῦ πρωτοσεβαστοῦ καὶ πρωτοστράτορος – Михаил Дука D-24⁷².

14. 19 февраля, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Ἰωάννου μονάχου τοῦ σεβαστοκράτορος καὶ ἀδελφοῦ τοῦ βασιλέως – Исаак Комнин K-12⁷³.

15. 21 февраля, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Εἰρήνης μοναχῆς τῆς παντίμου καὶ αὐταδέλφης τῆς ἁγίας δεσποίνης – Феодора D-28⁷⁴. Однако согласно типикону монастыря Богородицы Благодатной, память монахини Ирины совершалась 20, а не 21 февраля⁷⁵.

16. 15 марта, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Ἀθανᾶ Ἀθανασίου μοναχοῦ τοῦ Ἰασίτου καὶ γαμβροῦ βασιλέως – вероятно, здесь речь идет о Михаиле Иасите, супруге Евдокии K-37⁷⁶.

17. 17 марта, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Ἀλεξίου υἱοῦ τῆς πορφυρογεννήτου κυρᾶς Εὐδοκίας – Алексей K-88/89, один из двух детей Евдокии K-37 и Михаила Иасита, имена которых неизвестны⁷⁷.

18. 30 марта, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Ἀλεξίου υἱοῦ τῆς πορφυρογεννήτου κυρᾶς Ἀννης – Алексей Комнин K-65, сын Анны K-32⁷⁸.

19. 17 апреля, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Μανουήλ σεβαστοῦ καὶ ἀδελφοῦ τοῦ βασιλέως – Мануил Комнин K-10, старший брат Алексея Комнина⁷⁹.

20. 18 апреля, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Μαρίας τῆς θυγατρὸς τῆς καισαρίσσης Ἀννας πορφυρογεννήτου – Мария Комнина K-68, дочь Анны K-32⁸⁰.

21. 19 апреля, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Ἰωάννου μοναχοῦ καὶ μεγάλου δομεστίκου, τοῦ ἀδελφοῦ τοῦ βασιλέως – Адриан Комнин K-16⁸¹.

22. 5 мая, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ Εἰρήνης σεβαστοκρατορίσσης καὶ συζύγου τοῦ αὐταδέλφου τοῦ βασιλέως – Ирина, супруга Исаака Комнина K-12⁸².

⁶⁸ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 25; Βαρζός Κ. Op. cit. Σ. 51–56.

⁶⁹ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 27; Βαρζός Κ. Op. cit. Σ. 80–84.

⁷⁰ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 32; Polemis D. Op. cit. P. 58.

⁷¹ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 39; Βαρζός Κ. Op. cit. Σ. 202.

⁷² Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 63v; Polemis D. Op. cit. P. 63–66.

⁷³ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 77; Βαρζός Κ. Op. cit. Σ. 67–79.

⁷⁴ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 77v; Polemis D. Op. cit. P. 75.

⁷⁵ Gautier P. Le Typikon de la Théotokos Kécharitômenê. P. 125: 1862–1865.

⁷⁶ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 81; Βαρζός Κ. Op. cit. Σ. 255–258.

⁷⁷ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 81; Βαρζός Κ. Op. cit. Σ. 639, 640.

⁷⁸ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 91v; Βαρζός Κ. Op. cit. Σ. 308–317.

⁷⁹ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 92; Βαρζός Κ. Op. cit. Σ. 61–64.

⁸⁰ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 92; Βαρζός Κ. Op. cit. Σ. 331.

⁸¹ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 92; Βαρζός Κ. Op. cit. Σ. 114–117.

⁸² Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 93v; Βαρζός Κ. Op. cit. Σ. 79.

23. 12 мая, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ Ἰγνατίου μοναχοῦ καὶ αἰσάρως καὶ πάππου τῆς ἀγίας δεσποίνης – кесарь Иоанн Дука D-1383.

24. 15 мая, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Μανουήλ, ὁ υἱὸς (!) τοῦ βασιλέως – Мануил Комнин K-3984.

25. 19 мая, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Θεοδώρας τῆς ἀγίας δεσποίνης – отец Марии Болгарской, супруги Андроника Дуки D-2185.

26. 12 июля, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Ἰωάννου μοναχοῦ καὶ πατρὸς τοῦ βασιλέως – Иоанн Комнин K-686.

27. 18 июля, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Νικηφόρου σεβαστοῦ καὶ ἀδελφοῦ τοῦ βασιλέως – Никифор Комнин K-1787.

28. 22 июля, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Ἀννας τῆς θυγατρὸς τοῦ σεβαστοκράτορος порφυρογεννήτου – Анна K-86, дочь Исаака Коминана K-3688.

29. 12 августа, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Κωνσταντίνου порφυρογεννήτου καὶ γαμβροῦ τοῦ βασιλέως – Константин Дука D-23, который был обручен с Анной Комниной K-32 вскоре после ее рождения⁸⁹.

30. 15 августа, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) τοῦ εὐσεβε(στάτου) βασιλέως τοῦ κυροῦ Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ καὶ κτήτορος τῆς αὐτῆς μονῆς – император Алексей I Комнин K-1590.

31. 18 августа, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) κυρᾶς Μαρίας τῆς αὐταδέλφης τοῦ βασιλέως – Мария Комнина K-1191.

32. 29 августа, тῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνημ(όσυνα) Θεοδώρας τῆς θυγατρὸς τοῦ βασιλέως τῆς порφυρογεννήτου – Феодора Комнина K-3892.

Приписки были внесены на поля рукописи, содержащей СХЧ, различными почерками в течении XII столетия, и их группировка и определение хронологии являются предметом специального исследования⁹³. Но уже предварительный анализ приписок показывает, что в ряде случаев они содержат неизвестные ранее сведения, и, таким образом, рукопись Panagia Kamariotissa, Cod. 29 представляет собой не только уникальный источник для изучения литургической жизни императорских монастырей XII столетия, но и важный источник для византийской просопографии.

Причину появления приписок на полях богослужебного синаксаря во многом проясняет 71-я глава типикона монастыря Богородицы Благодатной, содержащая список родственников императрицы Ирины, поминовения которых предписывалось совершать ежегодно, но даты совершения этих поминовений в большинстве случаев не были указаны, так как типикон составлялся еще при жизни этих лиц⁹⁴. Сходная глава должна была содержаться и в типиконе монастыря Христа Человеколюбца, а упоминания о поминальных службах, совершение которых предписывала эта глава, постепенно вносились на поля богослужебного синаксаря.

⁸³ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 94v; Polemis D. Op. cit. P. 34–41.

⁸⁴ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 95; Βαρζός K. Op. cit. Σ. 265.

⁸⁵ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 95; Polemis D. Op. cit. P. 58.

⁸⁶ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 102; Βαρζός K. Op. cit. Σ. 49–52.

⁸⁷ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 102v; Βαρζός K. Op. cit. Σ. 118–120.

⁸⁸ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 103v; Βαρζός K. Op. cit. Σ. 489–492.

⁸⁹ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 108v; Polemis. Op. cit. P. 62; Βαρζός K. Op. cit. Σ. 176.

⁹⁰ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 109v; Βαρζός K. Op. cit. Σ. 87–113.

⁹¹ Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 111; Βαρζός K. Op. cit. Σ. 64–67.

⁹² Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 113v; Βαρζός K. Op. cit. Σ. 259–264.

⁹³ Так, не удалось прочитать три поздних приписки: 5 января, 3 февраля, 12 марта (Panagia Kamariotissa, Cod. 29, f. 56v, 72v, 81).

⁹⁴ Gautier P. Le Typikon de la Théotokos Kécharitôménè. P. 119: 1759–125: 1877.

жебного синаксаря. Следовательно, императорские монастыри Христа Человеколюбца и Богородицы Благодатной основывались как усыпальницы основателей и членов их семьи и предназначались для обеспечения их регулярного поминовения⁹⁵.

Сопоставление ЕТ, типикона монастыря Богородицы Благодатной, Пантократорского типикона и ТАС позволяет охарактеризовать участие ктитора в составлении текстов, регламентировавших устройство монашеской жизни в константинопольских ктиторских монастырях в XI–XII вв. Основное внимание ктитора было направлено на составление ктиторского типикона, который представлял собой юридический документ и определял статус, организацию, функционирование и материальное обеспечение монастыря. Тексты, содержащие описание монашеской трапезы, богослужения, поставления игумена и других должностных лиц, обычно заимствовались из устава монастыря, избранного в качестве образца. Например, при составлении типиконов монастырей Христа Человеколюбца и Богородицы Благодатной использовался текст Евергетидского типикона⁹⁶, а при составлении Пантократорского типикона и ТАС использовались тексты студийского происхождения⁹⁷. Однако главы, характеризующие организацию, статус и материальное положение монастыря, были самостоятельными, потому что они должны были учитывать особенности новой обители.

Принципы составления богослужебного синаксаря существенно не отличались от принципов составления ктиторского типикона. Прежде всего ктитор избирал тип синаксаря, который должен был регламентировать богослужение в создаваемом или возобновляемом монастыре, и этот тип в большинстве случаев определялся богослужебной традицией монастыря, избранного в качестве образца. Затем в существующий текст синаксаря вносились изменения, обусловленные главным образом новой топографией и храмовыми праздниками в новом монастыре. Тем не менее жесткая связь между типом и текстом ктиторского типикона, с одной стороны, и типом и текстом богослужебного синаксаря, с другой стороны, отсутствовала, т.е. изменения во внутреннем устройстве монастырей не оказывали прямого влияния на богослужение и наоборот. Кроме того, ктиторский типикон с различными приложениями, в число которых входила и опись имущества (вревийон), являлся юридическим документом, а богослужебный синаксарь таким документом не был. Именно поэтому богослужебный синаксарь и не входил в комплекты учредительных документов монастырей Христа Человеколюбца и Богородицы Благодатной, состоявшие из типикона и вревийона, которые императрица Ирина Дукена передала на вечное хранение в скевофилакию святой Софии Константинопольской, как об этом свидетельствует 77-я глава типикона монастыря Богородицы Благодатной⁹⁸.

Рассмотренный материал показывает, что при игумене Тимофее в начале шестидесятых годов XI в. в Евергетидском монастыре около Константинополя была принята традиция монастыря Воскресения, основанного преподобным Лазарем на горе Галесий около Ефеса. Вероятно, в восьмидесятых годах XI в. игумен Тимофей составил ктиторский типикон и богослужебный

⁹⁵ Ср.: Galatariotou K. Byzantine Ktitorika Typika... P. 93–94.

⁹⁶ Gautier P. Le Typikon de la Théotokos Kécharitôménè. P. 51–55, 65, 71–73, 79–99, 107, 133–137. Ср.: Jordan R. The Monastery of the Theotokos Evergetis ... P. 226–231; Idem. Kécharitomenè: Typikon of Empress Irene ... P. 651–652, 672, 675–677, 681, 683, 686–693, 705–706.

⁹⁷ Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексия Студийского... С. 87, 89–103.

⁹⁸ Gautier P. Le Typikon de la Théotokos Kécharitôménè. P. 133: 2009–2016.

сионаксарь Евергетидского монастыря, в которых были зафиксированы результаты адаптации галесийской традиции. Начиная с шестидесятых годов X столетия Евергетидский монастырь находился под особым покровительством семьи Дук, и поэтому евергетидская традиция была избрана в качестве образца для монастырей Христа Человеколюбца и Богородицы Благодатной, созданных в конце XI – начале XII в. императрицей Ириной Дукеной при участии императора Алексея I Комнина (1081–1118). Однако евергетидская традиция не была единственной, и в XII в. она существовала в императорских монастырях Константинополя параллельно с основной константинопольской традицией – студийской, которой следовал, например, основанный императором Иоанном II Комнином (1118–1143) монастырь Христа Вседержителя (Пантократорский).

Н.Д. Барабанов

БЛАГОЧЕСТИВЫЕ ЗАКЛАНΙΑ. ТРАДИЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ В ВИЗАНТИЙСКОМ ПРИХОДСКОМ ПРАВОСЛАВИИ*

Византийское православие, как и средневековое христианство в целом, представляло собой сложный ансамбль доктринальных формул, культов, верований и ритуалов, в структуре которого высокое богословие, доступное пониманию небольшой группы интеллектуалов, сочеталось с религиозными представлениями и традициями огромной массы рядовых сельских и городских жителей. К сожалению, до сих пор религиозный мир большей части византийского населения в незначительной, несравнимо меньшей, нежели изыски богословской мысли, степени привлекает внимание исследователей. В данной статье, не вдаваясь в дискуссию по поводу понятия “народная религиозность”¹, предполагается рассмотреть конкретный и неотъемлемый компонент жизни византийских приходов, являвшихся не только ячейками церковной организации, но и в своем роде заповедниками, в которых сохранялась, формировалась и выражалась в зримых формах вера простых ромеев.

Понятие “жертвоприношение” охватывает широкий круг явлений, роль которых в религиозной жизни различных народов остается неизменно важной на протяжении многих веков. В ритуальной сфере жертвоприношение, отличаясь видовым и функциональным разнообразием, выступает в качестве одного из стержневых элементов, сложность которого состоит в том, что он совмещает черты универсальности с проявлениями специфики религиозных систем. Со времен глубокой архаики и вплоть до самых последних дней жертвы могут приноситься любым объектам поклонения, различным персонажам, божествам. Перечень того, что приносится в жертву, остается практически безграничным – от специально изготовленных предметов до живых существ, включая самого человека. Чрезвычайно разнообразны формы жертвоприношений, часто связанные с целями совершаемого ритуала.

Полагаю, не стоит специально и в деталях останавливаться на том, что было сказано этнологами, фольклористами и археологами о функциях жертвоприношения. Научная литература по этому вопросу огромна. Отмечу, учитывая дальнейшую перспективу, одно из самых распространенных мнений, касающееся жертвы как дара божествам или другим сверхъестественным существам с целью снисkania их благосклонности, получения помощи, отвращения гнева. На передний план эту функцию выдвигали такие исследователи как Э.Б. Тайлор и М. Мосс². Под ка-

* Статья написана при поддержке гранта Минобразования Г00-1.2–301.

¹ Сложность понятия и трудности, связанные с его анализом раскрыты Ж.-К. Шмиттом: *Schmitt J.-C. “Religion populaire” et culture folklorique // Annales: Economies, sociétés, civilisations. 1976. N 31. P. 941–953.*

² Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 466; Мосс М. Социальные функции священного. СПб., 2000. С. 102. Марсель Мосс также выделяет в жертвоприношении аспекты должноствоания и сделки. Краткий обзор феноменологии жертвоприношения см.: Дмитриева Т.Н. Жертвоприношение: поиски истоков // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М., 2000. С. 12–13.

тегорию дара или обмена подпадает обширный репертуар жертв: благодарственные, искупительные, умиловительные, благочестивые и многие другие. Вне пределов этой категории жертвы строительные, инициальные, жертвы – посланники. В классификации жертвоприношений также следует выделить публичные, совершавшиеся в интересах той или иной общности людей, а также частные, относящиеся к потребностям личности или малой группы.

Психологические основы жертвоприношений всех видов чрезвычайно сложны. Можно говорить о комплексе, в котором соседствуют элементы индивидуального и коллективного мировосприятия, чувство сопричастности природным циклам и естественному жизненному потоку, стремление соблюсти традиции и исполнить ритуалы, обеспечивающие гармонию в отношениях человека с окружающим миром и небесными силами.

Поскольку феномен жертвоприношения является элементом как архаических религиозных систем, так и современных мировых религий, представляется исключительно важным изучение его роли в христианстве, и не только на уровне доктринальном, подразумевающим осмысление искупительной жертвы Иисуса Христа и того, что с ней связано в литургическом контексте, но и на уровне народной религиозности или приходского православия. Разумеется, в понятие “роль” входит множество компонентов, включая исторический – тот, который относится к генезису явления и способу его функционирования на конкретном отрезке времени. В данном случае объектом исследования станет один из видов жертвоприношения в том его виде и значении, какие он имел в византийском обществе.

Данный сюжет является важным аспектом в изучении темы приходского православия в Византии – специфического ансамбля верований и ритуалов, составлявших основу религиозных воззрений подавляющего большинства населения империи. Как и многие другие компоненты народных верований, византийские жертвоприношения чрезвычайно скупо отражены в источниках. Религиозная жизнь деревни, да и городских приходов интересовала интеллектуалов, трудами которых приходится пользоваться, в редких случаях. По существу речь идет о нескольких случайных упоминаниях в текстах различного происхождения, что серьезно ограничивает возможности анализа. По этой причине неизбежны, с одной стороны, определенные ограничения в рамках темы, с другой – расширение спектра применяемых методов исследования. Во-первых, состояние источников позволяет исследовать ритуалы публичного характера, связанные с принесением в жертву животных. Во-вторых, в силу того, что основной материал о жертвоприношениях этого типа собран и систематизирован этнографами и фольклористами XIX–XX вв., необходимо применение ретроспективного метода, позволяющего расшифровать герметичную информацию средневекового времени. Консерватизм религиозных аспектов картины мира бытовавшей в сознании сельских прихожан, отсутствие или медленное внедрение перемен в образ жизни дают для этого основание.

Изначально следует предполагать, что изучаемый ритуал, как византийский, так и современный, принадлежит определенной традиции, имеющей в греческом мире древние и глубокие корни. Признавая это, вместе с тем не будем, как на свет фонаря впотмах, двигаться к банальному мнению, утверждающему, что жертвоприношения в христианстве являются пережитком языческой архаики, адаптировавшемся к новым условиям³. Взаимодействие язычества и

христианства – гораздо более сложный процесс, в котором каждый отдельный компонент заслуживает самостоятельного пристального рассмотрения. По этой причине изучение сюжета необходимо начать с выявления роли, структуры и семантики ритуала в античное время.

Феномен кровавых жертвоприношений периода классической греческой древности хорошо известен по разным источникам. Достаточно напомнить поэмы Гомера, в которых герои обещают богам принести в жертву быков, не бывших под ярмом⁴, а также многочисленные упоминания гекатомб в нарративных памятниках и текстах трагедий. Генетически жертвоприношения такого рода возводят к традициям и ритуалам архаической Месопотамии. Таково, к примеру, мнение греческого исследователя Г.С. Корреса, изучавшего жертвоприношения быков и их отражение в культуре и искусстве Ближнего Востока, цивилизации Крита и Микен, в гомеровской и классической Греции, а также в римское время⁵.

С точки зрения структуры ритуала, совершавшегося в честь олимпийских богов, заслуживает внимания основанная на большом количестве источников реконструкция, произведенная В. Буркертом⁶. Учитывая перспективу дальнейших сопоставлений, уместно воспроизвести картину священного действия в максимально полном виде. Прелюдией ритуала можно считать выбор и подготовку животного, которое часто специально выращивалось для соответствующей цели, и не должно было использоваться в качестве рабочей силы. Что касается самих участников, то их приготовление включало омовение и облачение в чистые одежды, надевание украшений и венков, нередко требовалось половое воздержание. Начало церемонии составляла процессия, в которой участники, отрешаясь от обыденного мира, двигались в едином ритме и с пением. Жертвенное животное вели тут же, украшенное и преображенное подобно им самим – в перевязи лент, с позолотой на рогах. Греки надеялись, что животное последует за процессией спокойно или даже по собственной воле; легенды повествовали о животных, которые сами предлагали себя в качестве жертв. Это служило бесспорным доказательством высшей воли, внушающей такое согласие. Конечный пункт шествия – древний жертвенный камень, алтарь, долженствующий быть окропленным кровью. Обычно на его вершине уже был зажжен огонь. Зачастую процессия сопровождалась каждением, наполнявшем воздух необычными ароматами, а также музыкой в исполнении флейтистов. Во главе процессии шествовала непорочная девушка, несущая корзину, и некто, кому поручали кувшин с водой.

По прибытии на священное место, участники прежде всего очерчивали круг, обнося вокруг собравшихся кувшин с водой. Тем самым область священного отделялась от мирского. Первым коллективным действием являлось омовение рук как начало того, что последует далее. Животное тоже окропляли и

M. Detienne, J.-P. Vernant. P., 1979. P. 271–307. В отечественной историографии такой взгляд представлен в статьях: Иванова Ю.В. Греки // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 268–281; Она же. Греки // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в. Весенние праздники. М., 1977. С. 322–336.

⁴ Ил. 10. 292; Од. 3. 382.

⁵ Коррес Δ.Γ. Ελθιβόρες εκ των θυσιών ταυρών // Αθήνα. 1972–1973. Т. 73–74. Σ. 879–913.

⁶ Burkert W. Homo necans. Interpretationen altgriechischer Opferriten und Mythen. В., 1997. Имеется перевод первой главы на русский язык: Буркерт В. Homo necans. Жертвоприношение в древнегреческом ритуале и мифе // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М., 2000. С. 405–478. См. особ. С. 407–408.

³ Обзор подобных суждений содержится в статье С. Георгуди: Georgoudi S. L'égorgement sanctifié en Grèce moderne: les “Kourbania” des saints // La cuisine du sacrifice en pays grec / Ed.

поили водой. Затем после короткой торжественной паузы и последующей молитвы участники брали из корзины зерна ячменя и бросали их на животное, на алтарь, на землю. В. Буркерт воспринимает этот акт как жест агрессии, вроде сигнала к началу схватки, что, необходимо отметить, отнюдь не бесспорно – традиционный жест сеятеля подразумевает дальнейшее возрождение, а не гибель. На дне корзины обнажался спрятанный нож, вскоре оказывающийся в руках главного действующего лица начинающейся драмы – жреца, который первым делом срезал со лба быка клочок шерсти и бросал его в огонь, нарушая тем самым неприкосновенность священного животного. Затем следовал смертельный удар, сопровождаемый пронзительным криком женщин. Этот обычай знаменовал эмоциональный пик события. Вытекающая из животного кровь не должна была пролиться на землю, ей следовало попасть на алтарь, в огонь или жертвенную яму. Поскольку крупное животное было невозможно поднять на алтарем, кровь собирали в специальный сосуд, из которого затем окропляли алтарный камень.

После завершения этой части ритуала тушу животного разделявали и потрошили. При этом обычай четко определял, что следует сделать с каждой частью. Сердце клали на алтарь, по протокам печени производили гадание, внутренние органы, поджарив, быстро съедали. Мясо готовили для пира, а кости, расположив на алтаре в соответствии со строением жертвы при жизни, снабдив кусочками, отрезанными от каждого органа, что символизировало цельность убитого животного, сжигали. Черепа и рога сохранялись на священном месте. Шкура обычно продавалась, а выручка шла в пользу святилища, для покупки новых посвященных даров и новых жертв.

Постижение смысла церемонии и ее роли в отношениях людей с небожителями, со всем тем, что входит в категорию “священного”, является исключительно важной задачей, решение которой должно учитывать потенциальные изменения как производимых действий, так и их интерпретаций. Сами греки объясняли необходимость совершения ритуала в большей мере практическими потребностями. Так, по Теофрасту, жертвы приносятся богам “ἢ γὰρ διὰ τιμῆν ἢ διὰ χάριν, ἢ διὰ χρεῖαν” – по причине почитания, в благодарность и вследствие нужды⁷. За этими простыми и прозаическими мотивами стоит сложный комплекс представлений, порождающий в рамках символического поведения определенные действия или, напротив, порождаемый ими. В случае с кровавым жертвоприношением связь ритуала со “священным” приобретала особый характер, что уже не раз было отмечено исследователями. В.Н. Топоров подчеркнул парадоксальную связь жертвы с насилием и преступлением, благодаря которому жертва и становится священной⁸. По его мнению, именно насилие образует подлинную сердцевину и тайную душу священного. В кровавом жертвоприношении соединяются две крайности. С одной стороны, отличающаяся невинностью, беззащитностью и чистотой жертва, с другой – грубая сила, направленная на умерщвление. Очевидна абсурдность их соединения, и, как следствие, способом выхода из создавшегося положения оказывается вольная жертва, самопожертвование, с которым, в свою очередь, связаны представления о святости и искуплении. Сходные мысли по изучаемому сюжету высказал В. Буркерт: «Почитатель сильнее всего ощущает бога не в благочестии образа жизни, и не посредством молитв, песнопений и танцев, а через смертельный удар топора

поток хлещущей крови и сожжение бедер животных. Царство богов священо, но “священный” акт, совершаемый на “священном месте в “священное” время “посвященным” исполнителем, состоит в убиении жертвенных животных... Убиение жертвы – это основа переживания “священного”»⁹. М. Нильссон, в отличие от приведенных суждений, объяснял жертвоприношения животных, исходя из святости трапезы. По его мнению, жертвоприношение – это общая трапеза бога и верующих, соединяющая их воедино. Молитвенным обращением бога призывают прийти на трапезу. Он получает свою долю, а люди, которых больше, устраивают пиршество из оставшегося¹⁰. Иной аспект ритуальной трапезы отметил П. Вейн, по мнению которого греки приглашали богов к пиршественному столу не с целью накормить небожителей в надежде на ответные дары. Жертвы такого рода являлись почестями, на которые боги имели право, но при этом исследователь смысл почитания, как одной из форм магического поведения, видит в подкупе богов, приравнивает подношения к обычному “бакшишу”¹¹. Следует отметить, что убийство, как и трапеза, являются элементами единого ритуального комплекса. По этой причине обособление и преувеличение их роли не только неправомерно, но и неперспективно в исследовательском плане. В данном случае наиболее плодотворен синтез перечисленных точек зрения, раскрывающих семантику различных этапов жертвоприношения. Теперь следует подчеркнуть, что все затронутые концепции прежде всего имеют отношение к жертвенному кровопролитию в архаических цивилизациях и античной Элладе. Определить роль, содержание и структуру ритуала в современной православной Греции – следующая задача.

Фольклорно-этнографический материал, описывающий греческий праздник под названием “курбани”, сопровождаемый кровавыми жертвоприношениями, содержится в многочисленных публикациях. Среди них особого внимания заслуживают две: уже упомянутая статья С. Георгуди, обобщающая результаты большого числа трудов греческих ученых, а также исследование Г.А. Мегаса, относящееся к числу классических по данной теме¹². Именно они использованы в качестве основы для выявления структуры ритуала, его функций и связанных с ними представлений.

Название “курбани” могло быть заимствовано греками от тюркского *kurban* “жертва”, которое, в свою очередь, восходит к еврейскому *qorban*, понятие, обозначающему в широком смысле дары, приносимые богу. Однако эллинский мир давно был знаком с этим словом через Септуагинту, в которой оно встречается часто и переведено как *δῶρον* “дар”. Встречается слово и в Новом Завете, в Евангелии от Марка, где поясняется, что “корван” означает “дар” (Мк. 7, 11). Если все же предположить, что заимствование могло иметь место в более поздний период, когда греки познакомились с религиозной практикой тюркских народов, следует иметь в виду, что речь идет только о наименовании, а не о самом ритуале, широко распространенном в греческом мире. Сейчас словом “курбани” обозначается как жертва, так и сам акт жертвоприношения, совершаемого в честь местного святого – покровителя деревни, в честь Святой Троицы или Богородицы. В качестве жертв выступают домашние животные, при этом одни жертвы более престижны, чем другие. Полный сил бык стоит дорого и состав

⁹ Буркерт В. Homo necans... С. 406–407.

¹⁰ Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 102.

¹¹ Veyne P. Inviter les dieux, sacrifier, banqueter. Quelques nuances de la religiosité gréco-romaine // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2000. N 1. P. 15.

¹² Μέγας Γ.Α. Θυσία ταύρων και κριών εν τη ΒΑ Θράκη // Λαογραφία. 1911. Т. 3. Σ. 148–171.

⁷ Κόρρες Δ.Γ. Ετιμώσεως ... Σ. 879.

⁸ Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 38.

ляет честь тому, кто дает за него цену – индивиду или общине. Как обетное животное, он не может быть заменен, поскольку это ведет к срыву договора с небесными силами и ставит под угрозу существование деревни¹³. Критерии выбора жертвы варьируются в разных местах. Как правило, предпочитают жирных животных – телят или баранов, преимущественно мужского пола, объясняя тем, что женское начало имеет дьявольское происхождение. Часто используют ягнят и отвергают коз, поскольку верят, что овца – творение Христа, а коза – дьявола. Количество жертв зависит от числа участников праздника, среди которых иногда проводится сбор средств для приобретения животного и организации общей трапезы. Вместе с тем жертва может быть предоставлена по обету индивидуальным донатором или всей общиной. Иногда животное покупается заранее и выращивается до нужного состояния, не используя в хозяйстве.

Роль священного, жертвенного пространства играет площадь перед деревенской церковью или часовней. Часто здесь бьет чудотворный источник, и почти всегда место покрыто тенью деревьев, которые участвуют в ритуале – к их стволам привязывают жертву, а к ветвям – тушу, когда ее обдирают. Акт умерщвления, как правило, происходит на открытом воздухе, но это не означает, что интерьер церкви не причастен к церемонии. Более того, известно, что в изолированных греческих общинах в Каппадокии, к примеру, в деревне Фарасса, вплоть до XX в. сохранялся обычай заклания животных на жертвенном камне, находящемся внутри храма напротив обычного алтаря¹⁴. В настоящее время участие церковного пространства в ритуале проявляется в разных вариантах. Время совершения литургии и время жертвоприношения могут совпадать или следовать одно за другим¹⁵. Кроме того, жертву иногда вводят в церковь, чтобы представить перед иконой святого, которому она посвящена. Белый баран, приносимый каждый год св. Георгию в деревнях Фракии, проводит перед образом святого всю ночь. Жертву также могут заставить перепрыгнуть порог храма, чтобы она “слышала” молитву, читаемую священником в нартексе. Сюда же затем приносят первый кусок сваренного мяса для благословения.

Исключительно важен вопрос о том, кому из святых приносят жертвы и по какой причине. При ответе на него возникает соблазн увидеть в почитаемых таким образом персонах покровителей животных, стад и пастухов. Однако это мнение не находит достаточного подтверждения. В самом деле, имеется немало святых, считающихся защитниками скота. Среди них, к примеру, свв. Модест, Мамант, Власий, Тарасий¹⁶. В современной Греции особой популярностью пользуются первые двое, однако традиция их почитания прихожанами не требует кровавых жертвоприношений. Среди тех, кому такие жертвы приносятся, прежде всего следует выделить св. Георгия, победоносного воина-защитника, культ которого приобрел многогранный характер¹⁷. Его почитают пастухи и скотоводы как покровителя животных, причем представления о данной функции святого основаны не только на эпизодах из жития, но и положением его праздника в календаре: 23 апреля начинается важный период в годовом цикле скотоводства – выгон скота на пастбища. Вместе с тем на греческих островах св. Георгий воспринимается как покровитель виноделия, и день его смерти

3 ноября, отмечаемый в виде винного фестиваля¹⁸. В среде греческой диаспоры культ святого не менее популярен и имеет некоторые особенности. На Кубани греки-“ромеос” приносят в жертву святому бычка, барана или петуха ради избавления от недуга или в благодарность за исцеление¹⁹. Жертвоприношения св. Георгию имеют место у греков Аджарии и Цалкинского района Грузии²⁰, а в Краснодарском крае с именем святого, спасшего, по местной легенде, Богородицу от змея, связывают появление чудотворного источника “Святая рука”, возле которого режут баранов или петухов в день Успения Богородицы²¹.

Св. Илия, как в библейской традиции, так и в народных верованиях, предстает в качестве повелителя атмосферных явлений. В его часовнях, стоящих, как правило, на вершинах гор, жертвы приносятся не только в обычный день памяти святого, 20 июля по старому стилю, но и в экстренных случаях, особенно в виду угрозы засухи. Курбании могут быть совершены в честь других святых, к примеру, св. Параскевы, прославившейся чудесами исцелений от глазных болезней. В связи с этим особенно следует подчеркнуть, что господствующей причиной принесения жертв является ожидание от святых двух видов благодеяний – избавления от природных бедствий и от недугов²².

Церемония, совершаемая в день жертвоприношения, в настоящее время отмечена множеством местных особенностей, проявляющихся в разнообразии действий, сопровождающих ее этапы. Однако все они нанизываются на общую основу достаточно жесткой структуры ритуала. Так, приготовление жертвы может быть ограничено привязыванием к рогам зажженных свечей, подобно тому, как их устанавливают в изголовье покойника. Во время больших праздников жертву омывают, украшают цветами, лентами или многоцветным бисером, а рога декорируют. Белый баран может расписываться красной краской, символизирующей грядущее кровопролитие. Иногда жертву водят по улицам в процессии, сопровождаемой музыкой. На Лесбосе в день св. Параскевы женщины набрасывают на быка шелковые ткани и скатерти, чтобы животное отнесло эти дары в церковь.

Участие священника на этом этапе сводится к благословению жертвы путем совершения молитв, каждения и окропления святой водой. Прочее: убийство, приготовление и распределение мяса осуществляют разные люди, вызвавшиеся добровольно или специально назначенные. Сам акт умерщвления не содержит той торжественности, которая известна в древнегреческих жертвоприношениях. По мнению С. Георгуди, действие прозаически напоминает обычный забой скота²³. К числу ритуальных аспектов относится не всегда исполняемый поворот головы жертвы на восток, подобно ориентации алтаря церкви. Кроме того, тщательно следят за тем, чтобы кровь стекла в специальную яму, в которой позже зароят все несъедобные части тела. Возможно также сожжение костей или забрасывание их на крыши – все это делается с целью недопущения осквернения жертвы собаками.

¹⁸ Hamilton M.M.A. Greek Saints and Their Festivals. Edinburg; London, 1910. P. 51.

¹⁹ Раевская И.Г. Календарные праздники греков Кубани // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1996. Вып. 10. С. 124.

²⁰ Зайковская Т.В. Традиционные верования и представления греков Аджарии (античные истоки образов св. Илии и св. Георгия) // СЭ. 1989. № 2. С. 105–115; Колесов В.И. Материалы по истории и этнографии греков-урумов // Понтийские греки (Studia Pontocaucaica. III). Краснодар, 1997. С. 105.

²¹ Попов А.П. Легенда понтийских греков о происхождении источника “Святая рука” (семантический анализ) // Понтийские греки... С. 107.

²² Georgoudi S. L'égorgement... P. 279.

²³ Ibid. P. 284.

¹³ Georgoudi S. L'égorgement... P. 280.

¹⁴ Буркерт В. Homo pecans... С. 409. С. Георгуди считает обычай жителей Фарассы редким проявлением местных особенностей: Georgoudi S. L'égorgement... P. 275 (примеч. 4).

¹⁵ О возможной связи литургии и жертвоприношения речь пойдет дальше.

¹⁶ Алмазов А.И. Святые – покровители сельскохозяйственных занятий (Из истории относящихся к ним греческих последований). Одесса, 1904. С. 40, 47.

¹⁷ Megas G.A. Greek Calendar Customs. Athenes, 1958. P. 113–116.

Кровь жертвенного животного играет особую роль²⁴. Контакт с нею благодетелен для участников действия. Каждый окунает в нее палец, чтобы нанести на лоб знак креста или простой отпечаток перста, что должно служить залогом здоровья на весь год до следующих курбаний. Крови как средоточию и символу жизни приписываются важные ритуально-магические функции, прежде всего репродуктивная. По этой причине ею изображают знак креста на животных, чтобы увеличить приплод. Кровь обладает также апотропеическими свойствами, и в некоторых местах на праздник св. Георгия ею помазывают четыре угла церкви для защиты здания.

Все перечисленные ритуальные действия являлись подготовлением к тому, что составляет, по мнению С. Георгуди, сердцевину и сущность праздника – распределению еды и общей трапезе²⁵. Эта финальная фаза делится на две части: приготовление и пир. Мясо варят поблизости от церкви, священник которого благословляет еду, читая над котлами молитву и иногда окропляя их святой водой. После начинается пир, сопровождаемый произнесением тостов с пожеланиями здоровья и благополучия всем присутствующим.

В греческой диаспоре ритуал при сохранении той же структуры обладает некоторыми специфическими чертами. У греков Аджарии жертвоприношение – “то гурпан” – могло совершаться не только во время праздника или в честь святого, но и в качестве поминок по усопшим. Животное закалывали на пороге церкви и здесь же раздавали куски мяса, которое затем съедали на общей трапезе²⁶. В Цалкинском районе Грузии в весенний день св. Георгия чаще всего закалывали быка, которому предварительно делали надрез на ухе в виде креста. Мясо было принято раздавать семи соседям. В ходе церемонии жертвоприношения шею животного обвязывали красным лоскутом, а на рога привязывали свечи. Священник освящал жертву и трижды вместе с присутствующим обходил с нею церковь. Кровью жертвы изображали крест на темени у себя и детей, а также мазали порог и двери церкви²⁷.

Приведенный новогреческий материал демонстрирует кажущуюся идентичность основных компонентов структуры ритуала с тем его видом, который он имел в античное время. Речь идет о таких элементах как выбор и подготовка жертвы, процессия к храму, ритуальное убийство животного, разделка туши и приготовление пищи, общая трапеза. Долгое время внешняя схожесть совершаемых действий и их последовательность служили дополнительным аргументом для теории “пережитков”. Эта система взглядов утверждает, что языческая религия с ее культами и обрядами, слегка преобразившись, сохранилась в греческом христианстве²⁸. Разумеется, такое объяснение изучаемого явления нельзя признать удовлетворительным, поскольку оно основано на преувеличении роли генетической связи между ритуалами и не учитывает различий между формой и содержанием, которые неизбежно возникли в процессе христианизации общества. Византийские источники, несмотря на их герметичный характер, дают возможность изучить развитие традиции христианского жертвоприношения.

В ранневизантийский период, когда противостояние язычества и христианства имело не только латентные формы, но все еще проявлялось открыто, видную роль в деле искоренения эллинистического религиозного наследия играло государство. Поскольку в языческом мире жертвоприношения, особенно публичные, имели значение не только культовое, но также политическое и социальное, служа при этом главным способом выражения благочестия и набожности, понятно стремление властей искоренить их в первую очередь²⁹. Император Феодосий I (379–395) в эдиктах 391–392 гг. приравнял совершение кровавых жертвоприношений к акту государственной измены, караемому смертной казнью и конфискацией имущества. Его преемники на константинопольском престоле регулярно обновляли запреты. Однако ни законодательные, ни насильственные меры, размах которых был особенно широк в период правления Юстиниана I, не дали желаемого результата³⁰.

Византийская церковь, со своей стороны, формируя отношение к практике жертвоприношений, стремилась опереться на авторитет Священного Писания и каноническое право. Однако уже на этом, основополагающем для христианского сознания уровне, появлялись важные нюансы. Дело в том, что Новый Завет не содержит формулировок, принципиально отвергающих кровавые жертвы. Их осуждения нет ни в словах Христа, ни в посланиях апостола Павла, которого живо интересовала эта тема. Иначе вряд ли могло быть в религиозной ситуации того времени: ритуальное заклание животных являлось важным элементом не только языческих культов, но также иудаизма, радикальный разрыв с которым был пока невозможен. Ветхий Завет, особенно книга Левит, содержит описание выработанной при Моисее подробной обрядовой регламентации жертвоприношений различных типов. Вместе с тем ветхозаветная монотеистическая традиция глубоко отличалась от культового плюрализма греко-римского мира в вопросе о дестинаторах жертвоприношений. Именно этот аспект нашел отражение в поведении апостола Павла, выступившего не против кровавых церемоний как таковых, но против их посвящения идолам. “Итак, возлюбленные мои, убегайте идолослужения”, – писал он в первом послании к коринфянам (I Кор. 10. 14), отмечая далее, что “...язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу, но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами. Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской” (I Кор. 10. 20–21). Апостол считал невозможным, чтобы “кровь тельцов и козлов уничтожала грехи” (Евр. 10.4), подчеркивая, что истинная жертва, принесенная за грехи многих – это жертва Иисуса Христа (Евр. 9. 14, 28).

На рубеже II–III вв. христиане воспринимали слова апостола как руководство к действию. Климент Александрийский напоминал своей пастве о необходимости избегать участия в пиршествах, сопровождавших жертвоприношения в честь мертвых³¹. Вскоре негативное отношение к обрядам языческого происхождения обрело каноническую форму. Речь идет о памятнике известном как “Каноны святых апостолов”. Время его возникновения остается неясным. Имеются мнения о появлении этого свода правил в конце II – начале III в.³² или на

²⁴ Греческие представления о крови отчасти соответствуют славянским. См.: Белова О.В. Кровь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999. С. 677–681.

²⁵ Georgoudi S. L'égorgement... С. 285.

²⁶ Зайковская Т.В. Традиционные верования... С. 107–108.

²⁷ Колесов В.И. Материалы по истории... С. 105.

²⁸ На основе этой теории построены многие исследования начала минувшего столетия. См.: Hamilton M.M.A. Greek Saints...; Lawson J.C. Modern Greek Folklore and Ancient Greek Religion. A Study in Survivals. Cambridge, 1910; Hyde W.W. Greek Religion and Its Survivals. N.Y., 1923.

²⁹ О борьбе государства с практикой жертвоприношений в рассматриваемый период см.: Harl K.W. Sacrifice and Pagan Belief in Fifth- and Sixth-Century Byzantium // Past and Present. 1990. N 128. P. 7–27.

³⁰ Ibid. P. 26.

³¹ Педагог. Творение учителя церкви Климента Александрийского / Пер. Н.Н. Корсунского и свящ. Г. Чистякова, М., 1996. С. 118–119.

³² Правила святых апостол, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отец с толкованиями. М., 1876. Вып. I. С. 11 (введение).

рубеже III–IV вв.³³ Важно то, что данные установления пользовались большим авторитетом в византийской церкви и стали неотъемлемой частью канонического права. Жертвоприношениям посвящено третье правило, которое гласит: “Если кто-либо, епископ или пресвитер, вопреки учреждению Господа о жертве, принесет к алтарю другие некоторые вещи, или мед, или молоко, или вино, или винограда, или овощей, вопреки учреждению, кроме новых колосьев, или винограда в надлежащее время: да будет извержен из священного чина. Да не будет же позволено приносить к алтарю что-либо иное, разве елей для лампады и фимиам, во время святого приношения”³⁴. Под “учреждением Господа” здесь подразумевается заповеданная Иисусом Христом бескровная жертва: принесение хлеба и вина (Матф. 26. 26–28, Лук. 22. 17–20). Другие виды жертв исключались из религиозного обихода христиан. Трудно сказать, с какого времени такой смысл стали вкладывать в это правило, но в XII в. византийские канонисты Зонара, Аристин и Вальсамон вложили в свои комментарии именно такое понимание³⁵. Последний из них особо отметил апостольский запрет жертвы, совершаемой по ветхому закону в храме с кровью и закланием животных. Обратим на это внимание: речь в каноне идет о пространстве храма, об алтаре и о действиях, совершаемых епископом или священником, которые не должны были уподобляться языческим жрецам и иудейским священникам. Правило вводит жертвоприношения из разряда литургических последований, но значит ли это, что оно запрещает их совсем? Ведь оставалось пространство возле храма, являвшееся традиционным местом для проявления религиозного рвения паствы, рядовых прихожан, сохранявших в отличие от клира большую свободу в выражении своего благочестия. Византийские источники показывают, что эта сцена в полной мере использовалась для разного рода представлений, включая церемонии жертвоприношений.

В VI в. наиболее известный случай принесения кровавых жертв связан с историей освящения храма Святой Софии в Константинополе 22 декабря 537 г. Рассказ о событии сохранился в повествовании (Διήγησις), возникновение которого Ж. Дагрон относит к 867–886 гг., полагая при этом, что в тексте нашли отражение значительно более ранние источники³⁷. Информация сводится к описанию нескольких действий Юстиниана I, предпринятых в указанный день. Император участвовал в процессии, прошедшей от дворца до врат Августейона, административного центра, расположенного неподалеку от возведенного храма. После этого возле церкви состоялось заклание огромного количества животных: 1000 волов, 6000 овец, 600 оленей, 1000 свиней, кур и петухов по десять тысяч, а также раздача бедным 30000 мер зерна³⁸. Праздник продолжался вместе с жертвоприношениями до дня Богоявления – 6 января. Правдоподобность и даже правдивость сведений источника недавно обосновал В.М. Лурье, нашедший важную параллель в коптском тексте, описывающем египетскую обрядность XII–XIV вв.

³³ Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. Т. I. СПб., 1911 (репринт 1994). С. 12.

³⁴ Правила святых апостол... С. 3–4 (текст).

³⁵ Там же. С. 4–5.

³⁶ Там же. С. 5.

³⁷ Dagron G. Constantinople imaginaire. Etudes sur le recueil des Patria. P., 1984. P. 192, 265–269.

³⁸ Ibid. P. 207–208. См. также: Лурье В.М. Из Иерусалима в Аксум через храм Соломона: арабские предания о Сионе и Ковчеге Завета в составе Кебра Негест и их трансляция через Константинополь // Христианский Восток. 2000. Т. II (VIII). С. 156.

³⁹ Лурье В.М. Из Иерусалима в Аксум... С. 163, 160–161 (цитата).

В рассказе о деятельности 67-го патриарха Александрии Шенуте (начало XII в.) говорится: “Также [он распорядился], чтобы в освящении церквей там придерживались того же обычая, что и во всех церквах Египта. Он приказал митрополиту наказать им, чтобы, когда будет завершена постройка церкви, были закланы двенадцать голов скота: четыре быка, четыре овцы, четыре козы, по трое животных для каждой из сторон церкви, и чтобы все [их мясо] было роздано в виде милостыни в день окончания строительства церкви, как жертва Богу...”. Трудно не согласиться с исследователем, увидевшим ценность сведений этого источника в том, что речь идет не о частном случае освящения храма, а о традиции, которая могла быть унаследована от более древних времен⁴⁰.

Вместе с тем вызывает сомнение стремление В.М. Лурье поставить кровавые жертвоприношения в ряд литургических последований, составлявших, по его мнению, “вполне законный компонент ранневизантийской богослужбной жизни, продолжавший традиции отнюдь не языческие, а ветхозаветные”⁴¹. Кроме того, он полагает, что на пространствах от Рима до Ирана и от Эфиопии до Грузии великие церковные праздники было принято совершать с жертвоприношениями животных, которые представляли собой специальные религиозные церемонии, с молитвами от священника или от епископа и с раздачей присутствующим жертвенного мяса. Тем не менее уже приведенный новогреческий материал показывает, что жертвоприношение может предшествовать, совпадать по времени или следовать сразу за литургией. Но становится ли оно в связи с этим частью богослужения? Существующие ныне запреты и официальное осуждение церемонии курбани, отразившееся, к примеру, в “Пидалионе”⁴², не оставляет на этот счет сомнений. Ритуал был и остается одной из форм проявления народной религиозности со свойственными ей представлениями о благочестии. Участие священника или епископа, как и чтение специальных молитв “на освящение брашна мяс”, усиливая христианский колорит действия, в данном случае сути дела не меняло. Уместно вспомнить о третьем апостольском правиле, которое грозит им извержением из сана за совершение в храме жертвоприношений, которые были выведены из литургического контекста. Что касается вполне легальных последований с участием животных, то следует напомнить о существовании в Византии “Чина над стадами овец, быков и всяких животных”. В ходе его исполнения активно использовалось внутреннее пространство храма, где совершались литургия, водосвятие, молитвы, а также прилегающая территория, на которой расставляли освящаемый в апотропеических целях скот⁴³.

Заклание животных, сопровождающее освящение храма, является разновидностью строительной жертвы, приносимой чаще всего в момент закладки фундамента здания, но также вполне допустимой после завершения строительства. В таком случае жертва воплощает одновременно благодарность небесным силам за помощь при возведении церкви и стремление предохранить постройку от возможного разрушения или иного вредоносного воздействия. В связи с этим в ритуале чрезвычайно важен магический аспект, сохраняющий свое значение независимо от христианизации смысла действия. Жертвоприношение могло сопровождаться, как это делается в некоторых новогреческих церемониях, помазанием кровью углов и порога церкви, что означало передачу ей продуцирующей и

⁴⁰ Там же. С. 161.

⁴¹ Там же. С. 158. См. также специальный экскурс о жертвоприношениях в конце статьи (С. 202–206).

⁴² Πηδάλιον. Ἀθήναι, 1990. Σ. 4–5, 309.

⁴³ Алмазов А.И. Святые – покровители... С. 32–33, 44–45.

апотропеической силы крови. Напомню, что в описании египетского обычая речь идет о стенах освящаемого храма – требуется заклание трех животных на каждую. Несомненно, подразумевается магическая защита постройки, вошедшая в ритуал благодаря народной традиции. Следует отметить, что в ранневизантийский период кровавые жертвы не везде рассматривались как обязательный атрибут церемонии освящения церкви. Во всяком случае, с точки зрения высшего духовенства. Трактат армянского католикоса Иоанна Мандакуни (480/1502/3) “Основание и освящение церкви” не упоминает жертвоприношений⁴⁴.

От времени правления императора Юстиниана I (527–565) сохранились другие сведения о традиции заклания животных. Интереснейший материал нашло отражение в житии св. Николая Сионского. Создание текста его публикатор относится к ближайшим годам, последовавшим за смертью святого, пришедшейся, с большой долей вероятности, на 564 г.⁴⁵ Жизнь св. Николая протекала в Ликий – юго-западном уголке Малой Азии, там же, где прославился своими подвижническими трудами св. Николай Мирликийский. Здесь герой жития стал известен как игумен монастыря Святого Сиона, расположенного неподалеку от Миры, а затем как епископ города Панара. В бытность в качестве настоятеля обители, святой был однажды несправедливо заподозрен в злонамеренных действиях в отношении горожан Миры. В то время на всю область напал мор (θνησις), вследствие чего окрестные крестьяне стали бояться ходить в город, перестали поставлять туда зерно, муку, вино, дрова, что вызвало нужду в городе. Распространился слух, что именно игумен монастыря Святого Сиона не позволяет крестьянам ходить в Миру. Власти по наущению архиепископа Филиппа хотели схватить Николая и предать суду. Однако святой, несмотря на просьбу сылку для его ареста двух клириков, не явился в город (Р. 84. 53.1–26). После рассказа об этих событиях автор жития отмечает, что тогда “Богу стало угодно прославить раба своего Николая”, который отправился в часовню (εὐκτήριον) чтимого архангела в Трагалассосе, где он заклал двух быков (ἐθύεν ζυγὴν βοῶδων) и, создав народ, устроил празднество (Р. 84. 54.1–5). Тем самым игумен Святого Сиона положил начало серии жертвоприношений, совершение которых явно было вызвано эпидемией чумы, точнее, необходимостью возблагодарить Бога за избавление от нее. Первые жертвы неспроста принесены возле часовни архангела, в данном случае, скорее всего, Михаила. Незадолго перед тем именно архангел Михаил явился к святому и предупредил о грозящем Ликии бедствии (Р. 80. 50.1–19). Следующее путешествие Николай совершил в монастырь святого Иоанна и преподобных отцов Савватия, Николая Льва, бывших архимандритов, в Акалессе. Здесь “он заклал пять быков, и съел весь народ, и ели, и насытились, и был восславлен Бог через раба его Николая” (Р. 86. 54.7–12). Затем, воодушевляемый Святым Духом, игумен посетил все близлежащие церкви и, возблагодарив Бога, принес в жертву шестнадцать быков (Р. 86. 54.13–16). В этом месте жития агиограф сопоставляет деяния святого с одним из псалмов царя Давида, в котором сказано: “Войду в дом Твой с веселыми песнями, воздам Тебе обеты мои, которые произнесли уста мои и изре-

зык мой в скорби моей” (Пс. 65. 13–14). Тем самым, с одной стороны, подчеркивается обетный характер приносимых жертв, с другой – проводится аналогия с иудейской традицией жертвоприношений, что в данном контексте является санкцией для кровавого ритуала.

В те же дни Николай отправился в часовню св. Георгия в местечке Пленитон. Здесь устроили процессию от поселения до часовни. Участники – местные клирики с их паствой, – распевая молитвы, несли кресты и вели с собой семь быков. Когда пришли к часовне, святой принес животных в жертву, после чего состоялось пиршество с участием двухсот человек, для которого Николай предоставил сто мер вина и четыреста модиев хлеба (Р. 86. 55.1–12).

Следующие жертвоприношения были совершены через два года. В качестве их причины агиограф указывает явление Николаю Святого Духа, который посоветовал ему посетить близлежащие часовни и в каждой принести в жертву пару быков и восславить Бога (ποῖῃσιν καθ’ ἑκάστον ἀγίασμα θυσίας ἀπὸ ζυγῆς βοῶδων καὶ δοῦναι τὸν Θεόν. Р. 88. 56.4–5). Первой в новом путешествии стала часовня св. архангела Гавриила в Каркабо, в которую святой отправился, взяв из монастыря некоторое количество номисм, семьдесят мер вина и тридцать модиев хлеба. Заклав здесь трех быков и устроив пиршество для народа, Николай отправился к часовне св. Феодора в Кавсасе, где сценарий повторился с той лишь разницей, что были закланы два быка (Р. 88. 56.19–22). Затем такое же количество было принесено в жертву у часовни св. архангела в Неа Коми (Р. 88. 56.24–26). Автор жития неоднократно подчеркивает, что обильная еда, от которой многое остается несъеденным, воспринимается участниками как дар Бога, совершенный через его слугу. Очевидно, что в глазах агиографа кульминационное значение имела именно ритуальная трапеза.

Дальнейший рассказ о жертвоприношениях становится схематизированным и скудным на детали. Святой перемещается от часовни к часовне, приносит жертвы и устраивает трапезы. Так он посетил часовню св. Алфиана в Партаиссе, где была заклана пара быков (Р. 88. 57.4–5). Затем последовала часовня архангела и св. Димитрия в Символе с тем же количеством жертв (Р. 90. 57.10–11). По два быка принесены в жертву в селениях Навтин и Серини, где находились часовни Богоматери и св. Ирины (Р. 90. 57.14–20). Парные жертвоприношения с последующим пиршеством святой устраивает в часовнях архангела в Тревендасе, св. Николая в Кастеллоне, св. Мелиссы в Ималисси (Р. 90. 57.25–35), после чего воля Святого Духа была сочтена выполненной, и Николай вместе с сопровождавшей его братией вернулся в монастырь Святого Сиона. Его путешествие заняло двадцать пять дней. С учетом первого этапа жертвоприношений святой посетил тринадцать часовен и заклал в общей сложности пятьдесят девять быков.

Жертвоприношения св. Николая Сионского, несомненно, принадлежат к традиции, воплотившейся в современных греческих курбаниях. Важность сведений его жития видится в том, что они отразили ту стадию существования ритуала и связанных с ним представлений, на которой видны пути христианизации античного наследия и ее первоначальные результаты. Жизнеописание святого свидетельствует о том, что в VI в. кровавые публичные жертвоприношения являлись делом обычным. Следует отметить, что привычка к действию такого рода видна и в других памятниках. Так Прокопий Кесарийский, повествуя о подвигах воина Андрея, говорит о том, что тот заколол своего противника “как жертвенное животное”⁴⁶. Агиограф не видит ничего необычного в том, что ор-

⁴⁴ Содержание трактата доступно мне в изложении П.М. Мурадяна. См.: *Мурадян П.М.* Строительство и освящение культовых сооружений по армянским источникам // II Республика Армения научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тез. докладов и сообщений секции древнего и средневекового искусства (Институт искусств АН Армянской ССР. Государственный музей искусства народов Востока. Научные сообщения. Вып. X). М., 1978. С. 127–137.

⁴⁵ *The Life of Saint Nicolas of Sion* / Ed. by I. Ševčenko, N.P. Ševčenko. Brookline, 1984. P. 11. В дальнейшем сноски на источник будут даны в тексте статьи.

⁴⁶ *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А. Чекаловой. М., 1993. С. 40.

ганизатором церемоний стал игумен монастыря, принесший жертвы двух типов. Во-первых, жертву по обету, который был дан во время эпидемии чумы, явно с целью избавления от смертельной опасности. Здесь важно подчеркнуть, что уже в ранневизантийское время действие оказывается связанным с обеспечением здоровья его участников. Во-вторых, жертву благочестивую, порожденную желанием восславить Бога, выполнив его волю, явленную через Святого Духа. В данном случае можно подозревать наличие некоторых других мотивов, таких как стремление поднять авторитет монастыря Святого Сиона и его настоятеля, намерение поддержать и укрепить христианскую веру в среде сельского населения, что вполне могло сочетаться с проявлением благотворительности.

Автор жития чрезвычайно скупо и схематично изобразил ритуал жертвоприношения, ограничившись почти во всех случаях сухой констатацией заклания быков и последующего устройства трапезы. Однако с помощью сопоставления с античными и новогреческими материалами, что подразумевает в частности метод ретроспекции, можно реконструировать недостающие элементы церемонии. Сначала необходимо отметить, что выбор быков как жертвенных животных явно не случаен. Такой вид жертвы наиболее ценился на протяжении всей истории традиции, считаясь самым престижным и угодным небесным силам. Взгляды язычников, иудеев и христиан в этом вопросе сходны. К качеству и подготовке жертвы относились внимательно и трепетно, чтобы закланием не достойного животного не оскорбить дестинатора. Наверняка св. Николай прошел мимо этой проблемы, выбирая молодых, упитанных бычков, которые еще не знали ярма. Скорее всего, во время своих путешествий по селам он приобретал их у местных жителей, и с этого момента можно говорить о начале подготовки к жертвоприношению.

Местом действия всех церемоний выступал храм, естественный сакральный центр селения даже в том случае, если располагался, как это часто бывало, в близлежащей возвышенности. Разумеется, сакральной считалась и территория возле него, являвшаяся главной сценой для исполнения ритуала. Прямых оснований для утверждения об использовании внутреннего пространства часовен не имеется, хотя, конечно, возникает соблазн понять слова агнографа о том, что святой приходил в ту или иную церковь и там приносил жертву, в том смысле, что само заклание происходило внутри храмов. Автор жития также не упоминает совершение богослужений. Возможно, это связано с тем, что св. Николай мог сам служить литургию, не имея подобающего сана. Однако литургический контекст можно предполагать с большой долей вероятности, поскольку проведение религиозных церемоний такого характера вряд ли было возможно без согласия и участия, засвидетельствованного один раз, местного духовенства.

Процессия, шедшая к храму с молитвами и крестами, сопровождая семерых жертвенных быков, упоминается в единственном эпизоде. Тем не менее элементы торжественности, которые должны были отличать жертвенное действие от простого забоя быков, наверняка наличествовали во всех случаях. В частности, должны были, как это видно во всей традиции, тщательно подготавливать, украшать и освящать жертвенное животное. Христианская символика в шествии несомненно, имела тогда особое значение, отличая его от чисто языческих церемоний, которые могли иметь место в малоазийской глубинке.

Момент заклания жертвы агнограф представляет таким образом, что возникает мысль о собственноручном умерщвлении св. Николаем быков. Однако его слова можно понять иначе, "он заклал" в том смысле, что выступил в качестве инициатора и организатора действия. В этом значении ту же форму глагола использует автор описания освящения храма Святой Софии, говоря о Юстиниане

не I. Вместе с тем исключать личное участие святого в этой стадии ритуала нельзя. Он выполнял обет и был при этом в известном смысле более свободен в своих действиях, нежели священники, связанные каноническим запретом. Правда, степень законопослушности сельского духовенства представляет собой большую проблему. Значительно позже, при возросшем количестве церковных прещений, клирики позволяли себе, как то засвидетельствовано новогреческой этнографией, лично осуществлять заклание.

Как уже было отмечено, житие представляет общую трапезу в качестве кульминации церемонии. В ряде случаев упоминается обилие хлеба и вина, доставленных св. Николаем и сопровождавшими его монахами. Подчеркивается насыщение и довольство присутствующих, воспринимавших трапезу как дар свыше, а потому охотно восхвалявших Бога и раба его Николая. Акцент, сделанный агнографом, понятен: следовало показать отличие данных пиршеств от тех, в ходе которых поедали идоложертвенное. Вместе с тем рассматриваемый элемент ритуала важен еще в том отношении, что показывает отсутствие в VI в. традиции, предполагающей посвящение жертвенных животных тем или иным святым. Игумен Святого Сиона посещал селения, храмы в которых были возведены в честь архангелов, Богоматери, свв. Георгия, Димитрия и многих других, но жертвы в них приносились не им, а Богу. Можно лишь предполагать, что на уровне рядовой паствы смысл церемонии воспринимался не так, как хотелось бы автору жития.

Влияние на греческую традицию ветхозаветных представлений и норм в данном конкретном случае прослеживается чрезвычайно слабо. Кроме прочего, по причине герметичного характера информации источника. Некоторые черты в структуре ритуала, описанного, к примеру, в книге Левит⁴⁷, можно считать схожими скорее в силу их универсальности, нежели преемственности или влияния. Однако в огне, на котором готовилось мясо для трапезы, устраиваемой св. Николаем, вряд ли следует усматривать отблеск пламени всеожженных. Вместе с тем вплетенная в начало рассказа о жертвоприношениях цитата из псалма, напоминающая о необходимости выполнять обеты, данные Богу в лихую годину, и служащая оправданием последовавших закланий быков, показывает наличие у автора жития и его современников определенных ассоциаций, обретавших силу прецедентов. Так, в текстах Ветхого Завета в тот период еще могло находить поддержку мнение об угодности Богу кровавых жертвоприношений, а также о возможности участия в них клириков. Кроме того, в некоторых действиях св. Николая можно предположить стремление выполнить предписание книги Числа (28. 11, 19) относительно количества приносимого в жертву крупного скота. Речь идет о неоднократном заклании пары быков. Парная жертва имеет сложную символику⁴⁸. Во времена достаточно близкие к периоду жизни св. Николая Сионского над ее смыслом задумывался св. Кирилл Александрийский (375/380–444 гг.), искавший в Ветхом Завете предвозвестия событий и явлений Завета Нового. Касаясь заклания двух тельцов, он отметил, что здесь подразумеваются два народа – народ Израиля и обращенные из язычников, объединение которых происходит в овне – Христе⁴⁹. Тем самым толкова-

⁴⁷ Систематизированное описание жертвоприношений различных типов см.: Экзегетический комментарий к книге Левит // Новая толковая Библия. Т. 2. СПб., 1993. С. 194–202.

⁴⁸ О символике парной жертвы в связи с развитием культов святых см.: Топоров В.Н. Святость и святыне в русской духовной культуре. Т. I. Первый век христианства на Руси. М., 1995. С. 495–496.

⁴⁹ Творения святителя Кирилла, епископа Александрийского. Кн. I. О поклонении и служении в духе и истине. М., 2000. С. 709.

ние св. Кирилла, авторитет которого на христианском Востоке был исключительно высок, давало кровавой жертве, хотя бы и в духовном переосмыслении возможность интеграции в богословскую мысль⁵⁰.

Последний импульс ветхозаветного влияния в деяниях и житии св. Николая можно усмотреть в избыточном количестве хлеба, доставляемого им для трапез, устраиваемых в конце церемоний. Казалось бы, присутствие хлеба и вина – естественное для пиршества, следует поставить в контекст новозаветного установления о жертве или сопоставить с известнейшим чудесным накормлением алчущих самим Христом. Однако кровавый характер жертвоприношений заставляет искать другие аллюзии, а именно то, что в Ветхом Завете неоднократно отмечается необходимость принесения пресного и квасного хлеба в дополнение к закланию животных (Числ. 28. 5–14; Лев. 7. 12–13).

Иудейское влияние могло прийти к византийским христианам Малой Азии не только через Священное Писание. Не будет лишено оснований предположение о воздействии традиций армянской церкви. В самом деле, деяния св. Николая Сионского напоминают ритуал, широко распространенный в армянском религиозном обиходе с глубокой древности до наших дней⁵¹. Речь идет о заклании животных, совершаемом по разным поводам, к примеру, в дни праздников, случае болезни или в честь умерших. Структура церемонии схожа с новогреческими курбаниями. Имели место украшение животного, процессия к храму, после заклания распределение мяса между клириками и беднотой. Устраивалась и общая трапеза, именовавшаяся “агапой”. Активно использовалась кровь жертвы, которой мазали углы церкви, стены и притолоки домов. Однако заметен ряд особенностей действия, к которым следует отнести активные действия священников, не только читающих псалмы и молитвы и благословляющих соль, помещаемую в рот животного, но также лично участвующих в заклании.

Утверждение популярного ритуала, имевшего в армянской церкви своих критиков и сторонников, возводили, как это явствует из сочинения епископа Нерсеса Шнорали, созданного около 1165 г., к временам крестителя Армении св. Григория Просветителя, перенявшего на рубеже III–IV вв. обычай жертвовать пасхального агнца у римской церкви⁵². Правда, католикос Саак Партемик снимал ответственность со святого, возлагая вину на потомков бывших жрецов, вступивших в христианский клир и стремившихся сохранить традицию, которая кормила⁵³. Аргументация сторонников кровавых жертвоприношений основывалась на практике, утвержденной в Ветхом Завете. В этом отношении вряд ли стоит говорить о прямом влиянии армянских обычаев на религиозный обиход греческого населения. Иудейская традиция в армянском варианте способствовала легализации ритуала в тот период, когда оставалось актуальным противопоставление христианских жертвоприношений языческому.

В самом деле, VI столетие отмечено решительными попытками Юстиниана I путем насильственных мер искоренить язычество в восточных областях Византии. Деяния св. Николая Сионского могут быть рассмотрены в контексте

⁵⁰ Полагаю, что в данном контексте не имеет смысла затрагивать христианское богословие жертвы в аспекте толкования распятия Христа.

⁵¹ Sharf A. Animal Sacrifice in the Armenian Church // *Revue des études arméniennes*. 1982. Т. 16. P. 417–449.

⁵² Conybeare F.C. Les sacrifices d'animaux dans les anciennes églises chrétiennes // *Revue de l'histoire des religions*. 1901. Т. 44. № 1. P. 111–112.

⁵³ Tixeront J. Le rite du matal // Tixeront J. *Mélanges de patrologie et d'histoire des dogmes*. P., 1921. P. 267.

⁵⁴ Ibid. P. 262.

иного способа воздействия на нехристианское население. Привлечение к совершению жертвоприношений христианскому Богу большого числа местных жителей является одной из форм миссионерской работы. О том, что крестьяне, обитавшие в окрестностях монастыря Святого Сиона, не расстались с языческим прошлым, говорит текст жития. Люди из деревни Плакома поклонялись священному дереву, из которого святому Николаю удалось изгнать нечистого духа (Р. 34. 15.1–11). Что касается заклания животных, то этому феномену отыскивается важная параллель в близкой по времени миссионерской практике католической церкви. Римский папа Григорий в письме аббату Меллиту от 18 июля 601 г., касаясь способов христианизации народа англов, предписывал, кроме прочего, следующее: “Не давайте им приносить животных в жертву дьяволу (подразумеваются языческие божества. – Н.Б.), но пускай они сами употребляют их в пищу, благодаря Творца всех созданий за Его щедрые дары”⁵⁵. Сохранение древнего ритуала при условии перемены дестинатора являлось временной уступкой, можно даже сказать уловкой, учитывающей консерватизм патриархального сознания. Вряд ли инициаторы подобных мер предвидели, что они будут способствовать вживлению элементов архаического религиозного фонда в ритуальную структуру христианства.

Византийская церковная иерархия прекрасно осознавала наличие в рассматриваемой традиции жертвоприношений иудейского влияния и на исходе VII столетия предприняла попытку дистанцирования от него. Епископы – участники Пято-шестого (Трулльского) собора 691–692 гг. – приняли несколько канонов, касающихся темы. Правило 99 запрещает, называя иудейским обычаем, принесение сваренного мяса к святому жертвеннику с последующей отдачей его священнику⁵⁶. Формально ссылка сделана на ритуал, распространенный в “армянской стране”, что, как уже было отмечено, вполне соответствовало действительности. Однако вряд ли он привлек бы внимание епископата, если бы не имел отношения к жизни византийских приходов. Свидетельства жития св. Николая Сионского не оставляют в этом сомнений. Канон в данном отношении служит существенным дополнением к картине кровавых церемоний, совершавшихся в Ликий. Отмеченный архиереями факт дает основание предполагать, что на финальном этапе ритуала уже готовое к употреблению мясо приносили в алтарь для освящения, а также то, что местные клирики получали свою долю. В связи с этим исключительно важны заключительные строки канона, разрешающие священникам принимать мясные приношения вне церкви, в чем можно усмотреть завуалированное согласие с установившейся жертвенной практикой, которой хотели придать допустимые формы.

К теме жертвоприношений имеет отношение канон 88, запрещающий вводить внутрь храма животных⁵⁷. Правило оставляет такую возможность только находящимся в крайней нужде путешественникам. Канонисты XII в., имея в виду церкви, расположенные вдали от селений, но вблизи от дорог, в своих толкованиях акцентировали внимание на заботе о том, чтобы люди и скот в зимнее время не стали жертвами холода⁵⁸. Тем самым запретительная часть канона, по сути, была оставлена без объяснения. Лишь Феодор Вальсамон усмотрел здесь

⁵⁵ Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. и примеч. В.В. Эрлихмана. СПб., 2001. С. 40; *Bede. Ecclesiastical History of the English People*. L., 1990. P. 92.

⁵⁶ The Canons of the Council in Trullo // *The Council in Trullo revisited* / Ed. by G. Nedungatt, M. Featherstone (Kanonika, 6). Roma, 1995. P. 179–180.

⁵⁷ Ibid. P. 168.

⁵⁸ Правила святых апостол... С. 724–725.

стремление не допустить использование храма как обычной постройки или осквернения его беспечными людьми. Однако уже приведенные материалы новогреческой этнографии, показывающие, что введение в церковь животных часто предшествует их закланию, заставляют думать о религиозном характере запрета, избавляющего внутреннее пространство храма от участия в курбаниях, также в действиях по освящению скота в целях, не связанных с жертвоприношениями. К примеру, перед выгоном стад на пастбища после зимы. Епископы не верняка усматривали в подобных явлениях осквернение храма.

В близком к изучаемому сюжету семантическом поле находятся еще два правила собора (74, 76), которые запрещают еду внутри храмов и устройство братских трапез – агап⁵⁹, а также наличие харчевен в пределах церковных оград⁶⁰. Каноны защищают священное пространство не только от проявления мирской обыденности, но и от возможных ритуальных действий, связанных с употреблением пищи.

Каноны Трулльского собора следует признать особенно актуальными, если учесть, что в конце VII столетия в Византии значительная часть населения продолжала сохранять верность языческим верованиям⁶¹. Соответствующая обрядность в явной или скрытой форме бытовала параллельно с христианскими ритуалами, как в частной жизни, так и на публичном уровне. В качестве примера достаточно напомнить о славянизированных районах Балкан. Длительное сосуществование различных проявлений религиозности способствовало их взаимовлиянию.

Следующие по хронологии свидетельства о византийских жертвоприношениях относятся к периоду IX–XI вв. и касаются верований и ритуалов, бытовавших на окраинах империи. В Таврике, как явствует из широко известного жития св. Константина, жители окрестностей города Фуллы поклонялись священическому дубу⁶². Разумеется, если затронуть аспект генезиса культа, то он приведет к образу мирового дерева (arbor mundi), игравшего заметную роль в мифопоэтическом сознании разных эпох⁶³. В нашем случае важен один из элементов ритуального комплекса, сопровождавшего поклонение дереву. Речь идет о принесении фулльскими жителями жертв, служивших цели исполнения просьб участников действия и вызыванию дождя. Характер жертвоприношений не раскрывается, но, с большой долей вероятности, можно предположить, что они были кровавыми. Именно такая жертва должна была вызвать живительный и жизнедающий дождь, сопоставимый с этими свойствами крови⁶⁴. Кроме того, в греческой мифологии, не чуждой крымскому населению, издревле дуб считался деревом Зевса и был связан с его культом. Достаточно напомнить о знаменитом Додонском дубе, вещавшем людям волю божества. Лишь изредка дерево оказывалось причастно к почитанию других небожителей, к примеру, Геры и Деметры⁶⁵. Функции Зевса были разнообразны, но в интересующем нас ракурсе

⁵⁹ The Canons... P. 156.

⁶⁰ Ibid. P. 157–158.

⁶¹ Haldon J.F. Byzantium in the Seventh Century. The Transformation of a Culture. Cambridge, 1990. P. 331.

⁶² Сказания о начале славянской письменности / Пер. и коммент. Б.Н. Флори. М., 1981. С. 85–86.

⁶³ Топоров В.Н. По окраинам Греческого мира. К образу мирового дерева // ГЕНΝΑΔΙΟΣ. К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1999. С. 183–213.

⁶⁴ Там же. С. 204.

⁶⁵ Кагаров Е. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913. С. 104–106.

важно то, что владыка Олимп являлся повелителем атмосферных явлений, собирателем туч, громовержцем, подателем дождя⁶⁶. В его святилищах, располагавшихся чаще всего на вершинах гор, совершались церемонии и священные действия, сопровождавшиеся жертвоприношениями. В период жесточайших засух жертвы могли быть даже человеческими⁶⁷. Однако связь фулльского дуба с культом Зевса стоит рассматривать, учитывая консерватизм греческой диаспоры (если, разумеется, источник подразумевает греков), лишь в аспекте древних истоков верования. К IX в. оно подверглось трансформации, следы которой видны в том, что дерево обрело новую религиозную персонификацию, получив наименование “Александр”⁶⁸ и усвоив черты “андроцентризма”. Теперь круг людей, допущенных к ритуалам поклонения, ограничивался только мужской частью населения. Вполне возможно, что дуб рассматривали как обиталище какой-то духовной силы, к помощи которой и стремились прибегнуть. Магическое мировоззрение признавало за ритуальными действиями, такими, как совершение возле дуба жертвоприношений, способность вызывать дождь, что в местных климатических условиях имело огромное значение, как для земледелия, так и для скотоводства⁶⁹. Для понимания причин сохранения культа дерева важна мотивация, изложенная агиографом в словах почитателей дуба, которые отметили, что обычай пришел к ним от отцов и дерзновенное нарушение его повлечет немедленные кары⁷⁰. Даже в том случае, если речи фулльских жителей домыслены автором жития, в них отразились современные ему представления о консервативном сознании сельского населения, боявшегося разорвать веками устоявшийся цикл ритуалов, от которых, по общему мнению, зависела стабильность и благополучие общества.

Близки по времени к только что рассмотренному явлению сведения о жертвоприношениях, совершавшихся в болгарских землях, входивших в балканскую периферию византийского мира. Источник, сохранивший эти данные, датируется X в. Он известен под названиями “Сказание инок Христодула” и “Сказание о железном кресте” и повествует о чудесах великомученика Георгия Победоносца⁷¹. Происхождение памятника, ставшего образцом византийско-болгарского культурного симбиоза, давно является предметом дискуссии. Новейшая и весьма убедительная точка зрения признает, что первоначально текст был составлен на греческом языке⁷².

⁶⁶ Нильссон М. Греческая народная религия. С. 9.

⁶⁷ Там же. С. 10–12.

⁶⁸ Нельзя исключить, следуя предположению И. Дуйчева, что автором жития допущена ошибка. Возможно, в греческом тексте, которым он пользовался, было указано не имя собственное, а название, означавшее “защитник мужчин”. См.: Сказания о начале... С. 122–123. Этой же точки зрения придерживается В.Н. Топоров, уделивший сюжету большое внимание (по окраинам... С. 202–203).

⁶⁹ О видах архаических ритуалов вызывания дождя см.: Шедровицкий Д.В. “Дождь ранний и поздний” (ритуал вызывания дождя в Библии и его аллегорическое осмысление на рубеже античности и средневековья) // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 201–220.

⁷⁰ Сказание о начале... С. 86.

⁷¹ Ангелов Б.С. Из старата българска, руска и сръбска литература. Кн. 3. София, 1978. Кн. 3. (текст источника). Имеется частичный перевод памятника на русский язык: Родник злато-струйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков / Пер. И. Калиганова и Д. Польшанного. М., 1990. С. 319–322.

⁷² Турилов А.А. Византийский и славянский пласты в “Сказании инок Христодула” (к вопросу о происхождении памятника) // Славяне и их соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. М., 1996. С. 92.

Структура повествования сплетена из рассказов о чудесах, совершенных св. Георгием. В нескольких случаях речь заходит о принесении святому жертв. В первом сюжете болгарин по имени Георгий, спасенный святым от смерти во время сражения с венграми, перед новым походом на войну, призвав священника, совершил святую службу, а затем заклал лучшего вола и по десятку овец свиней и раздал мясо нищим⁷³. Затем пастух, укушенный змеею, исцелившись, принес по обету в жертву св. Георгию овец⁷⁴. Наконец, некий Климент, желавший сохранить жизнь во время нашествия венгров, обещал заклать по десятку коров, волов, овец и свиней⁷⁵.

Специфика жанра описания чудес в данном случае не препятствует выявлению очевидной реальности, состоящей в том, что кровавые жертвоприношения в среде болгарского населения представляли собой обычный феномен. Приведенные примеры говорят о жертвах, приносимых по обету, данному, как правило, в экстремальной ситуации, когда человек находился на грани жизни и смерти. Вместе с тем были возможны заклания, совершаемые заранее, с целью снисkania благосклонности и помощи святого. Этот вариант близок к способам магического воздействия на сверхъестественные силы. В одном из случаев видна связь жертвоприношения с литургией. Однако это, скорее всего, отношения во времени и пространстве, т.е. после богослужения и возле церкви. На это указывает контекст традиции, существовавшей у болгар в более поздний период. Приношение жертвы животных было у них широко распространено вплоть до самого недавнего времени и называлось "курбан". Этим словом обозначали праздник, ритуал, саму жертву. Основной смысловой акцент был смещен на пиршество, сопровождавшееся песнями, танцами и играми⁷⁶. Приношение жертв св. Георгию стало неотъемлемой частью его культа⁷⁷. Кроме того, жертвоприношения были обычными в Ильин день и в праздник Успения Богородицы⁷⁸. Что касается места, на котором совершался обряд, то в разных местах Болгарии выбирали различные сакральные локусы. Так во Фракии заклание производили под фруктовым деревом в северо-западных областях – возле очага или у восточной стены дома, а в Западной Болгарии – на особом месте церковного двора⁷⁹. Болгарские обряды, как средневековые, так и более поздние, сохранили отчетливые следы влияния греческих жертвенных ритуалов, которые наверняка стали известны славянам задолго до официального принятия христианства. Процесс христианизации в его византийском варианте способствовал усвоению традиции.

Источники изучаемого периода, а речь по-прежнему идет о X–XI вв., свидетельствуют, что репертуар причин, побуждавших совершать жертвоприношения, не ограничивался необходимостью защиты посевов от засухи, а жизни человека – от опасности. О том, ради чего совершались кровавые церемонии, говорят молитвы евхологионов, опубликованных А.А. Дмитриевским и датированных по палеографическим признакам X–XI вв.⁸⁰ Разумеется, тексты могут быть

⁷³ Ангелов Б.С. Из старата... С. 86.

⁷⁴ Там же. С. 90.

⁷⁵ Там же. С. 93.

⁷⁶ Маринов Д. Народна вера и религиозни народни обичаи. София, 1914. С. 248–251, 535–536, 542.

⁷⁷ Там же. С. 257–258.

⁷⁸ Маркова Л.В. Болгары // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 234, 236.

⁷⁹ Колева Т.А. Болгары // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в. Весенние праздники. М., 1977. С. 288.

⁸⁰ Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Еύχολόγια. Киев, 1901. Т. 2. С. 1, 6, 39, 46, 113–114, 1014.

значительно более древними, но в данном случае важен факт их присутствия в сборниках, предполагавших практическое употребление священниками, для которых они в первую очередь предназначались. Молитвы содержат ветхозаветные мотивы, используемые в качестве прецедентов. К примеру, напоминали о жертве Авраама при дубе Мамврийском, о дарах Авеля и жертвоприношениях Ноя⁸¹. Подобно тому, как в библейские времена Богом были приняты упомянутые жертвы, Всевышнего просили принять и те, которые иерей благословлял в настоящий момент. При этом пастырь испрашивал для участников прощения грехов⁸² и материальных благ⁸³. Среди последних перечислены приумножение и тучность стад, достаток, изобильная еда. Молитва священника, не заменяя прошений, возносимых самими жертвователями, играла в ритуале особую роль. Именно она включала действие в церемониальный континуум, восходящий к нормам Ветхого Завета, а не к языческой древности. Именно произнесенные иереем слова легализовали жертвоприношение как богоугодное дело.

В XII столетии тема нашла отражение в двух источниках из фонда канонического права. Феодор Вальсамон в комментарии к третьему апостольскому правилу подчеркнул запрет в отношении ветхозаветных жертв, совершаемых в храме с кровью и закланием животных. Однако в этом же рассуждении канонист привел пример, свидетельствующий, что его современники оставались верны традиции кровавых ритуалов. Некий настоятель монастыря был извержен и лишен игуменства за то, что внес в алтарь сыр и мясо, полагая, что от этого бывает исцеление многих болезней⁸⁴. Речь, несомненно, о мясе жертвенного животного, которое перед ритуальной трапезой следовало освятить. По словам Вальсамона, игумен был обманут, поскольку его поступок стал следствием дурного совета какого-то человека. Канонист, таким образом, ввел в повествование оправдательный элемент, используя, возможно, объяснение, выдвинутое самим настоятелем монастыря. В его словах, однако, можно увидеть другой смысл. Не исключено, что устроители жертвоприношения стремились вовлечь в церемонию игумена, поскольку его молитвы и участие считались более действенными, чем благословения рядового духовенства. Это вполне соответствует авторитету монашества в народной среде. Не лишней в данной связи будет аналогия с жертвоприношениями Николая Сионского в бытность его настоятелем обители. Важен раскрытый Вальсамоном побудительный мотив совершения ритуала, который оказывается тем же самым, что и в современных греческих курбаниях – стремлением обрести здоровье. Вполне возможно, что к XII в. данные представления уже стали смысловой доминантой действия.

Второй раз канонист коснулся темы жертвоприношений в комментарии к 99 канону Трулльского собора⁸⁵. Напомнив о ветхозаветной традиции и ритуалах, принятых у армян, Вальсамон основу установления усмотрел в том, "чтобы ни внутри алтаря не были варимы части мяс, ни вне его не были приносимы священникам эти определенные части по обычаю, имевшему силу в древности, но чтобы приношение подобного рода было упразднено и священники принимали от мирян в тех видах и вещах, в каких пожелают сии последние"⁸⁶. Причину того, почему отцы собора запретили принесение мяса в церковь, но не осудили са-

⁸¹ Там же. С. 46.

⁸² Там же. С. 6.

⁸³ Там же. С. 46.

⁸⁴ Правила святых апостол... С. 5.

⁸⁵ Там же. С. 764–765.

⁸⁶ Там же. С. 765.

ми жертвоприношения, толкователь видел в прекращении к тому времени заклания животных. Поскольку ни в конце VII в., ни при жизни канониста это суждение не соответствовало действительности, следует полагать, что речь шла о жертвоприношении как об официально принятом церковном последовании. Что же касается обычая, соблюдаемого паствой и явно выгодного духовенству, получавшему части туш жертвенных животных, то проблема его существования упрощалась, будучи сведена к вопросу о форме подношения священникам. Прихожанам позволялось дарить своим пастырям что угодно, включая мясо, но только не внося его в алтарь или в храм.

Более подробно и откровенно отношение высшего клира к традиции кровавых жертвоприношений высказал современник Вальсамона, архиепископ Фессалоники Никита, автор канонических вопросов-ответов⁸⁷. Архиепископ спросил, какой епитимьи подлежит священник, благословляющий соль, совершающий молитвы над овцами и быками и грудинку и шкуры получающий или голубя на могилах умерших в память о них приносящий в жертву⁸⁸. Ответ Никиты показывает, что архиепископ смотрел на факт ритуального заклания животных вполне трезво, с одной стороны, понимая невозможность искоренения обычая с другой, желая придать действию, учитывая его практическую пользу, допустимые формы. Прежде всего, отдавая должное каноническим запретам, пастыр отметил, что приведение в церковь животных и принесение их в жертву священниками, как и получение последними грудинки и шкур, является наследием иудейским и языческим (Ἰουδαϊκὸν ἄντικρυς ἐστὶ καὶ Ἑλληνικόν), заслуживающим осуждения и исправления⁸⁹. Однако архиепископ не видел ничего предосудительного в благословении соли, овец и быков, что делалось, по его мнению, к пользе и для здоровья участников, а также их животных. Вполне благочестивым делом он объявил принесение иереем, из уважения и долга, животных, живых или закланных. Лишь бы дарение происходило не в алтаре или внутри церкви. При соблюдении этого условия священник может взять и шкуру, и грудинку. Глава Фессалоникийской церкви понимал, что в этом позволении можно было усмотреть следование Моисееву закону, однако возражал предполагаемому оппоненту: "...ведь не совсем закон отвергнут, но к лучшему и высшему изменен"⁹⁰. Более того, Никита рекомендовал пастве дарить священникам лучшие части мяса, животных и птиц, даже голубей, в зависимости от уровня благосостояния и возможностей. "Должно ведь иерею, — утверждал он, — от священства кормиться и быть почитаемым мирянами".

Позиция архиепископа Фессалоникийского по отношению к жертвоприношениям определена желанием привести к общему знаменателю, во-первых, официальное мнение церкви, основанное на известных канонах, во-вторых, интересы духовенства, связанные с проблемами материального обеспечения и поддержания авторитета среди прихожан, в-третьих, стремление паствы к соблюдению важных для нее традиций. Установление гармонии не потребовало особых усилий. Никита подтвердил запрет использовать алтарь и внутреннее

⁸⁷ Ράλλης Γ.Α., Ποτλῆς Μ. Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων. Ἀθήνησιν, 1855. Т.Е' Σ. 382–383. Авторство сочинения, вопреки мнению его издателей, остается неясным по той причине, что в XI–XII вв. архиепископскую кафедру Фессалоники занимали несколько иерархов с именем Никита. См., к примеру: Павлов А.С. Канонические ответы Никиты, митрополита Солунского (XII века?) // ВВ. 1895. Т. 2. С. 378–387; Barmine A. Une source méconnue des Dialogues de Nicéas de Maronée // REB. 2000. Т. 58. Р. 231–243.

⁸⁸ Ράλλης Γ.Α., Ποτλῆς Μ. Σύνταγμα... Σ. 387.

⁸⁹ Ibid.

⁹⁰ Ibid.

пространство храма для совершения ритуала, а также исключил личное участие духовенства в заклании. Однако изгнанное из церкви жертвоприношение архиепископ признал делом вполне благочестивым и эффективным, подразумевая его полезность для здоровья участников. При этом польза оказывается двойной. Жертва Богу или святому частично является формой подношения священнику, что не только благочестиво, но и законно. Амбивалентность жертвы как дара в сочетании с очевидной утилитарностью способствовали легализации действия в обход осужденной канонами ветхозаветной традиции. Упомянутые в вопросе компоненты ритуала — благословение соли и жертвенных животных, дарение священнику грудинки и шкуры — входят в структуру современных греческих курбаний, что свидетельствует о слабой подвижности действия с точки зрения формы. Совпадает и цель совершения закланий — сохранение здоровья, достигаемое путем помазания кровью жертвенного животного. Ею, как уже было отмечено ранее, наносят знак креста или просто отпечаток пальца на лоб. Изображают крест и на скоте для увеличения приплода⁹¹. Архиепископ Фессалоникийский, говоря о пользе принесения жертв для здоровья людей и их животных, наверняка имел в виду именно этот аспект ритуала. На основе сказанного с большой долей вероятности можно утверждать, что византийцы поступали точно также, совершая, по сути, магическое действие, использующее животворную и апотропеическую силу крови.

Мнение Никиты о жертвоприношениях вряд ли стоит считать общепринятым в среде византийского епископата. Наверняка имелись ревнители ритуальной чистоты, смотревшие на проблему строго через призму канонов. Достаточно напомнить о судьбе игумена, о котором рассказал Феодор Вальсамон. Однако взгляд архипастыря, при очевидной концептуальной сомнительности, оказался выгоден всем участникам кровавых церемоний, что послужило основой его популярности и включения суждения в сборник канонического права. Благодаря этому запретительная реакция церкви значительно смягчилась, что могло только способствовать передаче ритуала из поколения в поколение.

Источники XIV в. показывают сохранение традиции, как в самой империи, так и в балканской периферии. В житии преподобного Феодосия Тырновского сохранился рассказ об ученом монахе — варлаамите по имени Феодорит, приехавшем в Тырново из Константинополя. Явно с целью компрометации противника исихастов агиограф сообщает следующее. Промышляя врачеванием, этот инок выбрал в овраге около города дуб, которому учил местных жителей поклоняться, чтобы получить исцеление от разных болезней. Под деревом были совершены заклания множества овец и баранов⁹². П. Сырку полагал, ссылаясь, в частности, на этнографические материалы XVIII в., что культ дуба, место для жертвоприношений возле которого называлось "церковь", связан у болгар с наследием популярной ереси павликиан⁹³. Не исключено, что маргинальные группы внесли свою лепту в историю кровавых ритуалов, но в данном случае более важна попытка автора жития подчеркнуть греческие истоки явления, которое рассматривается как однозначно негативное, вводящее народ в соблазн и требующее исправления. Такой вариант жертвоприношений не устраивал духовенство ни в Византии, ни в Болгарии ввиду очевидного преобладания дохристианских истоков.

⁹¹ Georgoudi S. L'égorgement... Р. 284.

⁹² Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Т. I. Вып. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1898. С. 255–257.

⁹³ Там же. С. 255–256. Примеч. 1.

Умерщвление животных с целями религиозного характера в XIV в. не ограничивалось теми ритуалами, которые благословил архиепископ Никита. В Фессалонике св. Григорий Палама наблюдал заклания, совершаемые жителями города, что нашло отражение в его шестой гомилии. Рассуждая о преимуществе наступившего поста и противопоставляя ему веселое и разгульное времяпровождение горожан накануне этого, святитель риторически вопрошал: "Теперь заклания бессловесных животных и дым сожжений" (Ποῦ νῦν αἱ τῶν ἄλόγων ζώων σφαγαὶ καὶ ἰσσοαί)⁹⁴? Поскольку Палама вел речь об обжорстве и неумеренности, на протяжении двух недель владевших городом, можно предположить, что он подразумевал забой скота для обрядовых пиршеств, сопровождавших праздники. Вероятней всего, имелась в виду масленица. Это празднество прекрасно известно по многочисленным материалам новогреческой этнографии. Масленица (ἡ 'Αλόκληρα, ἡ 'Αλόκληρος) занимала важное место в весеннем цикле календарных обрядов и предшествовала Великому посту. Характерными чертами праздника являлись обильная еда и развлечения с театрализованными действиями – карнавал. На протяжении второй из трех недель масленицы съедали специально заколотых по этому случаю свиней, в честь чего седмица именовалась "мясоед" (ὁ Κρεωφάγος). Следует добавить, что любовь византийцев, как и современных греков, к мясной пище хорошо известна и в полной мере проявлялась именно в такие периоды⁹⁶.

Вместе с тем в словах св. Григория Паламы, противопоставляющих две модели поведения горожан, свойственные масленице и посту, проглядывает текст, который может иметь отношение к жертвенным ритуалам наподобие курбаний. Говоря о заклании животных, он употребляет слово ἡ κῆψα, означавшее в древности воскурения и запах от сжигаемого мяса жертв⁹⁷. Трудно запознать византийцев в том, что они продолжали следовать этой традиции. В лучшем случае можно предположить, что огню предавались неиспользуемые части туш. Кроме того, семантическое поле слова менялось. Возможно, в рассматриваемый период оно в первую очередь означало запах жареного мяса. Однако и в этом случае, как архаизм, слово содержало намек на языческие жертвоприношения, что в устах Паламы усиливало негативную характеристику поведения горожан Фессалоники и косвенно осуждало ритуалы закланий.

Рассмотренные в статье источники, пониманию которых способствовал метод ретроспекции, позволяют прийти к нескольким выводам. Во-первых, в Византии устойчиво прослеживается традиция совершения кровавых публичных жертвоприношений, по крайней мере трех типов. Среди них, как в случае с храмом Св. Софии, те, которые сопровождали освящение церкви. Следует предполагать, что в дальнейшем они прочно связались с храмовым праздником. Затем церемонии обетного характера, совершавшиеся, к примеру, за избавление от опасности, от эпидемии и в схожих ситуациях. Наконец, жертвоприношения, которые можно назвать благочестивыми. Представляя собой одну из форм почитания Бога, они являлись одновременно восхвалением и выражением благодар

ности. Подобные ритуалы, имея свое место в календаре, должны были совершаться с известной периодичностью и без видимых причин, именно как свидетельство христианского благочестия, от проявления которого в существенной мере зависела стабильность положения как индивида, так и общества. Не случайно жертвоприношения такого рода автор жития св. Николая Сионского связал с внушением Св. Духа. По крайней мере, к XII в. в качестве элемента мотивации кровавых церемоний утверждается мнение об их полезности для здоровья участников.

Во-вторых, в ранневизантийское время инициатива принесения в жертву животных могла принадлежать не только самим прихожанам, но также светским и духовным властям. Мы видели, что церемонии устраивались императором и настоятелем монастыря. Не думаю, что речь идет о единичных случаях. К примеру, в Севастии традицию заклания олененка возводили к св. Афиногену, хорепископу и мученику времен Диоклетиана, который сам установил такую жертву в память о своей смерти и о попытке его спасения, предпринятой со стороны оленехи, предупредившей святого о грозящей опасности⁹⁸. В позиции церкви по отношению к жертвоприношениям на раннем этапе видна инерция периода христианизации, когда христианские жертвы противопоставлялись языческим. Кроме того, очевидна двусмысленность и непоследовательность запретительных решений, принимавшихся епископами. С одной стороны, каноны выводили жертвенные церемонии из разряда официально признанных последований, изгоняли их из храма. С другой стороны, учитывая материальные интересы духовенства, высший клир сохранял возможность для паствы проявлять свое религиозное рвение вне церквей, что переводило ритуалы на уровень дозволенной нелегальности, облегчало признание их благочестивым делом. В итоге церковь сама в значительной степени способствовала укоренению практики кровавых жертвоприношений в византийском приходском православии.

Наконец, в третьих, структура ритуала представляет собой упрощенный вариант древнегреческой церемонии, элементы которой переосмыслены с помощью ветхозаветных прецедентов, способствовавших адаптации действия к специфике христианского сознания.

Укоренившись на уровне приходской жизни уже в ранневизантийское время, публичный ритуал заклания животных, имея практическую направленность на обеспечение здоровья и благополучия участников действия, стал важным компонентом ансамбля народных верований, что позволило ему дожить до наших дней в виде греческих курбаний.

⁹⁴ Migne // PG. T. 151. Col. 84 C. Святитель Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский. Беседы. Т. I. М., 1994. С. 71.

⁹⁵ Λουκάτος Δ. Ε. Εισαγωγή στην ελληνική λαογραφία. Αθήνα, 1978. Σ. 261–263; Иванова Ю. В. Греки (весенние праздники). С. 322–327.

⁹⁶ О роли различных видов мясной пищи в рационе византийцев см.: Πάσχος Α. Ι. Η κρεατοφαγία εις το Βυζάντιον // Βυζαντινά Μελέται. 1993. Т. 5. Σ. 285–291. Автор прослеживает сохранение византийских традиций мясоедения в современной Греции.

⁹⁷ Liddel H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996. P. 965. Известный Лексикон Суди выделяет именно это значение слова.

⁹⁸ Cumont F. L'Archevêché de Pédachtoé et le sacrifice du faon // Byzantion. 1931. Т. 6. P. 521–533.

ДРЕВНЕЙШИЙ СЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД ЖИТИЯ ВАСИЛИЯ НОВОГО И ЕГО ГРЕЧЕСКИЙ ОРИГИНАЛ

Житие Василия Нового (ВНГ 263, далее: ЖВН) представляет собой один из наиболее пространных памятников византийской агиографической литературы, отличительной особенностью которого являются детальные описания эсхатологических видений. Это житие было создано во второй половине X в. в Константинополе, и его составление приписывается некоему Григорию, ученику Василия Нового, от лица которого и ведется повествование.

Данный текст входит в комплекс апокалиптической литературы, созданной в Византии во второй половине X – начале XI в., к которому также принадлежат Житие Андрея Юродивого (ВНГ 115, далее: ЖАЮ)¹, Житие Нифонта Константинопольского (ВНГ 1371 z)², Видение монаха Козьмы (ВНГ 2084, 2085)³, Видение монахини Анастасии (ВНГ 1870)⁴. Причиной особого усиления интереса к данной тематике, постоянно привлекавшей внимание византийцев, послужило напряженное ожидание конца света, который, по различным расчетам, должен был наступить в середине седьмого тысячелетия от Сотворения мира, т.е. в конце X в.⁵

ЖВН известно в византийской традиции в различных редакциях. Это житие дважды было переведено на церковнославянский язык, а в конце XVII в. появился арабский перевод одной из кратких редакций этого текста. История изучения ЖВН насчитывает три с половиной столетия. Впервые фраг-

¹ Сопоставление содержания ЖВН и ЖАЮ было проведено Л. Риденом, который отнес создание ЖАЮ к середине – второй половине X в.: *Rydén L. The Life of St. Basil the Younger and the Date of the Life of St. Andreas Salos // Harvard Ukrainian Studies. 1983. Vol. VII. P. 568–586.* Существует также мнение о том, что ЖАЮ было создано в конце VII в.: *Mango C. The Life of St. Andrew the Fool Reconsidered // Byzantium and its Image. L., 1984. N VIII. P. 310.*

² Л. Риден, который обратил внимание на структурно-содержательное сходство этого текста с ЖВН и ЖАЮ, полагал, что Житие Нифонта было создано около 1000 г.: *Rydén L. The Date of the Life of St. Niphon, ВНГ 1371z // Greek and Latin Studies in Memory of Cajus Fabricius. Göteborg, 1990. P. 33–40.* Более широкий интервал создания Жития Нифонта – между 965 и 1037 гг. – предлагает С.А. Иванов: *Иванов С.А. К датировке Жития св. Нифонта // ВВ. 1999. Т. LVIII. С. 72–75.*

³ Об общих элементах в содержании ЖВН и Видения Козьмы см.: *Ἀγγελίδι Χ.Γ. Ὁ βίος τοῦ Βασίλειου τοῦ Νέου. Ἰωάννινα, 1980. Σ. 107–108; Magdalino P. 'What We Heard in the Lives of the Saints we Have Seen with Our Own Eyes': the Holy Man as Literary Text in Tenth-Century Constantinople // The Cult of Saints in Late Antiquity and the Middle Ages. Oxford, 1999. P. 99–100.*

⁴ На зависимость этого текста от ЖВН указал М.Н. Сперанский: *Сперанский М.Н. Мало известное византийское "Видение" и его славянские тексты // Byzantinoslavica. 1931. Roč. III. S. 121.*

⁵ *Ševčenko I. Unpublished Byzantine Texts on the End of the World About the Year 1000 AD // Mélanges Gilbert Dagron. P., 2002. P. 561–578 (= Travaux et mémoires, 14); Magdalino P. The Year 1000 in Byzantium // Byzantium in the Year 1000. Ed. by P. Magdalino. Leiden; Boston, 2003. P. 233–270 (= The Medieval Mediterranean Peoples, Economies and Cultures, 400–1500. Vol. 45).*

менты греческого текста ЖВН по рукописи 1286 г. Par. gr. 1547 (f. 1r–34v; 124v–129r)⁶ были изданы в 1668 г. в составе третьего, мартовского тома *Acta Sanctorum*⁷. Основное внимание болландиста Ф. Комбефиса было сосредоточено на сведениях о жизни подвижника, содержащихся в ЖВН, и поэтому в издании 1668 г. были пропущены мытарства Феодоры, видение Григория о Страшном Суде и рассказы о чудесах святого Василия (f. 34v–124v рукописи. Par. gr. 1547).

В 1889 г. А.Н. Веселовский в исследовании “Разыскания в области русского духовного стиха” представил результаты сравнительного изучения текста, опубликованного в *Acta Sanctorum*, и еще двух греческих текстов ЖВН из собрания Московской Синодальной библиотеки (ГИМ, Син. греч. 249 XVI в. и ГИМ, Син. греч. 250 XVI в.)⁸. По мнению А.Н. Веселовского, древнейший текст содержался в рукописи Син. греч. 249, в результате сокращения и стилистической переработки текста данного типа возникла редакция, представленная в Син. греч. 250, а другим результатом “механического сокращения” древнейшего текста стала версия болландистов⁹. Таким образом, А.Н. Веселовский рассматривал пространный текст, известный по позднему списку Син. греч. 249, как текст архетипа ЖВН, от которого зависели все другие версии. В приложении к первому выпуску “Разысканий” было опубликовано описание мытарств Феодоры по рукописи Син. греч. 249¹⁰, а через несколько лет вышел в свет новый выпуск “Разысканий”, в котором по этой же рукописи было опубликовано видение Григория о Страшном Суде¹¹.

В 1911 г. С.Г. Вилинский, на протяжении многих лет занимавшийся изучением литературной истории ЖВН, издал фрагменты рукописи Син. греч. 249, не опубликованные А.Н. Веселовским¹². Одновременно им были изданы две другие редакции ЖВН: редакция, содержащаяся в рукописи Афонского Иверского монастыря № 478 XIII в.¹³, с разночтениями по рукописи Син. греч. 250¹⁴, а также новогреческая редакция по рукописи Афонского Пантелеймонова монастыря № 202 XVIII в.¹⁵ Два года спустя появилось монографическое исследование “Житие св. Василия Нового в русской литературе”, важное место в котором занимало изучение греческой рукописной традиции этого памятника. К греческим спискам, использованным А.Н. Веселовским, С.Г. Вилинский добавил три новых списка и разделил все рукописи ЖВН на четыре редакции:

⁶ Описание рукописи см.: *Astruc Ch., Astruc-Morize G., Géhin P. et al. Les manuscrits grecs datés des XIIIe et XIVe siècles conservés dans les bibliothèques publiques de France. Vol. I. P. 1989. P. 53–56.*

⁷ *Acta Sanctorum. Martii tomus tertius. Bruxelles, 1668. P. 24*–39* (= Acta Sanctorum. Martii tomus tertius. Parisiis et Romae, 1865. P. 20*–32*).*

⁸ *Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха // СОРЯС. Т. XLVI. № 6. СПб., 1889. Приложение. С. 3–10, 80–82.*

⁹ *Веселовский А.Н. Разыскания... 1889. С. 121–122. Сопоставление фрагментов двух редакций см.: Там же. Приложение. С. 82–87.*

¹⁰ Там же. Приложение. С. 10–76.

¹¹ *Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха // СОРЯС. Т. LIII. № 6. 1891. Приложение. С. 185–213.*

¹² *Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 1–2. Одесса, 1911. Ч. 2. Тексты. С. 283–346.*

¹³ Описание рукописи см.: *Lambros S. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos. Vol. I–II. Cambridge, 1895. Vol. II. P. 152 (№ 4598).*

¹⁴ *Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового... Ч. 2. С. 5–142.*

¹⁵ Там же. С. 143–282. Описание рукописи см.: *Lambros S. Catalogue of the Greek Manuscripts... II. P. 322 (№ 5709).*

1. Редакция α, содержащаяся в рукописи XVI в. Син. греч. 249.
2. Редакция β, представленная в рукописи XIII в. Афонского Иверского монастыря № 478 (далее: Ivron 478) и в рукописи XVI в. Син. греч. 250.
3. Редакция γ, представленная в рукописи XVIII в. Афонского Пантелеимонова монастыря № 202 (далее: Pant. 202) и ее копии Pant. № 573¹⁶.
4. Редакция δ, т.е. текст, опубликованный в *Acta Sanctorum*¹⁷.

На основании анализа исторических сведений, а также топографических данных, имеющихся в редакции α, С.Г. Вилинский сделал вывод о том, что этот текст был создан во второй половине X в., а другие редакции появились в результате его сокращения и стилистической переработки¹⁸. Таким образом, схема, предложенная С.Г. Вилинским, во многом зависела от схемы А.Н. Веселовского, и именно эта схема в дальнейшем была воспринята всеми исследователями ЖВН, изучавшими этот источник по публикациям текста Син. греч. 249, причем все особенности этой поздней рукописи возводились к X в.

Исследование греческой традиции ЖВН было предпринято С.Г. Вилинским для выявления таких редакций текста, которые имеют значение для изучения двух славянских переводов ЖВН¹⁹. Он установил, что греческий оригинал второго славянского перевода принадлежал редакции β²⁰, а древнейший славянский перевод связан с редакцией α. Однако сопоставление древнейшего перевода с редакцией α показало, что прямая текстологическая зависимость славянского перевода от этой редакции отсутствует. Различия же в содержании между славянским текстом и греческим текстом редакции α не являются, по мнению С.Г. Вилинского, результатом свободного обращения переводчика с греческим оригиналом, а обусловлены особенностями того греческого текста, который был в распоряжении переводчика, так как в некоторых случаях древнейший славянский перевод содержит важную историческую информацию и топонимы, которые не упоминаются в Син. греч. 249. Кроме того, некоторые чтения славянского перевода имеют поддержку в других греческих редакциях²¹. Эти наблюдения позволили С.Г. Вилинскому высказать предположение о существовании особой версии редакции α, от которой зависит, с одной стороны, древнейший славянский перевод, а с другой стороны, вторая и третья греческие редакции²².

В дальнейшем многоплановое содержание памятника неоднократно привлекало внимание исследователей²³, однако попытка комплексного изучения различных греческих текстов ЖВН была предпринята лишь в конце 70-х годов

¹⁶ Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового... Ч. 1. С. 103.

¹⁷ Список *Pat. gr. 1547*, из которого были взяты фрагменты, напечатанные в *Acta Sanctorum*, не был доступен С.Г. Вилинскому. Он имел в своем распоряжении лишь краткое описание данного списка и несколько выписок, сделанных А.В. Рыстенко. Основываясь на тексте, опубликованном в *Acta Sanctorum*, и на дополнительных материалах, С.Г. Вилинский предположил, что список *Pat. gr. 1547* близок к первой редакции ЖВН: Там же. Ч. 1. С. 1–2, 30–31. Примечание.

¹⁸ Там же. С. 77; 99–103; 126–127.

¹⁹ Там же. С. 127.

²⁰ Там же. С. 232.

²¹ Там же. С. 151–165.

²² Там же. С. 174–175.

²³ См., например: *Da Costa-Louillet G. Saints de Constantinople aux VIII, IX, X siècles // Byzantion*. 1954. XXIV. P. 492–511; *Grégoire H., Orgels P. L'invasion hongroise dans la "Vie de Saint Basile le Jeune" // Byzantion*. 1954. XXIV. P. 146–154; *Половой Н.Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии (сравнительный анализ русских и византийских источников) // ВВ*. 1961. Т. XVIII. С. 92.

XX в. В результате большой археографической работы Х. Ангелиди выявила 35 греческих рукописей ЖВН, из которых большая часть (22 рукописи) содержат текст ЖВН, написанный на литературном греческом языке, а 13 рукописей – текст на димотике.

В основу дальнейшей классификации списков, предложенной Х. Ангелиди, были положены не текстологические критерии, а содержание самого пространного текста, находящегося в рукописи Син. греч. 249 и опубликованного в работах С.Г. Вилинского и А.Н. Веселовского. Этот текст был разделен 10 частей: вступление, восемь больших структурных единиц (ἐνότητες) и эпилог, а каждая структурная единица была разделена на эпизоды (διηγήσεις) исторического, агиологического и биографического содержания. Кроме того, в состав четвертой, пятой и восьмой структурной единицы вошли три видения Григория (видение во время болезни, мытарства Феодоры и видение о Страшном Суде). Затем, в зависимости от количества содержащихся в тексте структурных единиц и от количества эпизодов, входящих в каждую единицу, все рукописи, написанные на литературном языке, были разделены на пять семей (οἰκογένεια), а рукописи, написанные на димотике, – на три семьи. При этом все семьи были расположены в порядке убывания содержания по отношению к содержанию самой пространной версии Син. греч. 249.

Так как изменение содержания является, с текстологической точки зрения, одним из результатов редакторской деятельности, то рукописи каждой семьи обладают в большинстве случаев не только содержательным, но и текстологическим единством. Например, рукописи *Pat. gr. 1547* (1286 г.) и *Marc. gr. VII 35 Coll. 1019* (XIV в.), входящие во вторую семью, являются одновременно представителями одной и той же редакции. В свою очередь, рукописи третьей семьи *Ivron 478* (XIII в.) и Син. греч. 250 (XVI в.)²⁴ также объединяются в отдельную редакцию, которую С.Г. Вилинский называл редакцией β²⁵. Текст этой редакции имеет особое начало, отличающееся от общего начала текстов первой и второй семьи: *Τῆς ἀκατάληπτου Θεοῦ περὶ τὸ βρότειον γένος ὑπεραγαθὸν φιλανθρωπίας καὶ ἀγαθότητος σοφῶς καὶ βαθέως οἰκονομούσης...*²⁶ К четвертой семье принадлежит лишь один текст (*Genova, Bibliotheca Franzoniana, Missio urbana 31*, XIV в.), который представляет собой, по мнению Х. Ангелиди, сокращение текста третьей семьи²⁷. Тем не менее его начало (ὁ θεϊότατος καὶ προφητικώτατος Δαβὶδ ἔλεξε φάσκειν) соответствует началу текстов первой и второй семей²⁸, причем наибольшую текстологическую близость вступительная часть текста в генуэзской рукописи обнаруживает со вступлением в рукописи *Dionisiou 187* (1328 г.), входящей в первую семью²⁹. Пятая же семья не является единой ни с текстологической, ни с содержательной точки зрения, так как к ней были отнесены различные сокращенные версии ЖВН, содержащие жож-

²⁴ Эта рукопись так же, как и *Ivron 478*, происходит из Афонского Иверского монастыря и входит в число рукописей, вывезенных Арсением Сухановым с Афона в середине XVII в.: *Архим. Владимир. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной библиотеки*. М., 1894. Ч. 1. С. 603 (№ 403); *Фонкич Б.Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.: греческие рукописи в России*. М., 1977. С. 90.

²⁵ К этой редакции относится также рукопись *Marc. gr. II. 125* (XV в.), которая не была учтена в исследовании Х. Ангелиди, см.: *Halkin F. Bulletin des publications hagiographiques // Analecta Bollandiana*. 1981. 99. P. 438.

²⁶ Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового... Ч. 2. С. 5.

²⁷ *Ἀγγελίδι Χ.Γ. 'Ο βίος τοῦ Βασίλειου τοῦ Νέου*. Σ. 42.

²⁸ *Ibid.* Σ. 6, 28.

²⁹ Ср.: *Dionisiou 187*, f. 1 r.

дение Феодоры по мытарствам³⁰, а также видение Григория о Страшном Суде как в случае Sin. gr. 532, ff. 70–87 (XV–XVI вв.).

Значительно более сложная ситуация складывается внутри первой семьи, которая по текстологическим признакам разделяется на две группы. В первую группу (обозначим ее IA) входят две рукописи XVI в., происходящие из Лавры св. Афанасия на Афоне (Син. греч. 249 и Laura 1145)³¹, а также рукопись 1826 г. Xenofontos 17, которая представляет собой копию рукописи Laura 1145³². Именно эти рукописи содержат самый пространственный греческий текст ЖВН, который С.Г. Вилинский отнес к редакции α.

Ко второй группе первой семьи (обозначим ее IB) принадлежит рукопись Dionisiou 187³³, содержание которой совпадает с содержанием текста первой группы, однако изложение этого содержания существенно отличается от IA. Таким образом, с текстологической точки зрения первая семья объединяет две версии ЖВН, имеющие одинаковое количество структурных единиц и одинаковое число эпизодов внутри каждой структурной единицы. Однако вопрос о взаимоотношении текстов Син. греч. 249 и Dionisiou 187 не рассматривался в работе Х. Ангелиди, поскольку при использовании только “содержательного” критерия не учитываются изменения структуры текста и языка. Кроме того, в классификации Х. Ангелиди не были учтены данные славянских переводов, так как при избранной ею методике локальные версии текста не имели значения, потому что их содержание совпадало с содержанием греческих версий. Однако славянские переводы во многих случаях являются единственными свидетелями таких версий оригинального текста, которые не сохранились в греческих рукописях, и именно поэтому данные славянских переводов используются при текстологическом изучении византийских памятников³⁵.

³⁰ Вероятно, с этой же семьей связан и арабский перевод, который выполнил в Дамаске в 1693 г. Yuwāsāf al-Musawwer ibn Suwāidān al-'Umrānī, насколько это можно судить по названию текста в переводе “Житие святого Василия Нового и описание видения, которое видел Феодора, его служанка, при разлучении ее души от тела”. К сожалению, рукопись этого перевода Patr. Orth. Damas 227 (по другой нумерации – 1639), написанная в 1790 г., нам недоступна. Краткие сведения о переводе находятся в кн.: Nasrallah J. Histoire du mouvement littéraire dans l'église melchite du Ve au XXe siècle. Louvain, 1979. P. 211, а также в недавно опубликованной работе: Samir Kh. La version arabe melkite du roman d'Alexandre du Pseudo-Callisthène // Byzantinische Forschungen. 1999. 25. P. 61.

³¹ Син. греч. 249 принадлежит к числу рукописей, вывезенных Арсением Сухановым с Афона: Архим. Владимир. Систематическое описание... С. 602–603 (№ 402); Фонкич Б.Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. ... С. 95.

³² Ангелиди Х.Г. 'Ο βίος τοῦ Βασιλείου τοῦ Νέου. Σ. 12.

³³ Описание рукописи см.: Lambros S. Catalogue of the Greek manuscripts... I. P. 356 (№ 3721); Καδάς Σ.Ν. Τα σημειώματα των χειρογράφων της μονῆς Διονυσίου Ἀγίου Ὁρους. Ἐκδοσις ἱεράς μονῆς Διονυσίου Ἀγίου Ὁρους. 1996. Σ. 50–51.

³⁴ Ангелиди Х.Г. 'Ο βίος τοῦ Βασιλείου τοῦ Νέου. Σ. 24.

³⁵ Например, при изучении текстологической традиции ЖАЮ Л. Риден специально отметил, что текст древнейшего славянского перевода ЖАЮ связан с греческой версией E (Mon. gr. 552), см.: Rydén L. The Life of St. Andrew the Fool. Vol. 1. Uppsala, 1995. P. 97; ср.: Молдован А.М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 12–15. Предпринятое в недавнее время изучение церковнославянского перевода Жития Никиты Мидикийского показало, что этот перевод отражает несохранившийся полный греческий оригинал данного текста: Афиногенов Д.Е. Церковнославянский перевод “Жития св. Никиты Мидикийского” Феостирикта и его текстологическое значение // Житие преподобного отца нашего Константина, что из иудеев. Житие св. исповедника Никиты, игумена Мидикийского / Перевод, составление, статья Д.Е. Афиногенова. М., 2001. С. 147–159.

Как было отмечено выше, текстологические характеристики греческих оригиналов славянских переводов ЖВН определил еще С.Г. Вилинский. Он показал, что второй славянский перевод зависит от редакции β, т.е. от третьей семьи по классификации Х. Ангелиди. Этот перевод возник, по всей вероятности, у южных славян в XIV в.³⁶ Поскольку старейший греческий список данной редакции (Iviron 478) относится к XIII в., второй славянский перевод не имеет существенного значения для датировки греческой редакции β. Греческий оригинал первого славянского перевода С.Г. Вилинский определил как особую версию редакции α, и эта версия, по методике Х. Ангелиди, должна была принадлежать к первой семье, так как ее содержание совпадает с содержанием рукописей первой семьи. Однако сопоставление текста первого славянского перевода с текстами рукописей Син. греч. 249 (группа IA) и Dionisiou 187 (группа IB), показывает, что в случаях, когда греческие тексты не совпадают между собой, славянский текст следует греческому тексту IB, а не IA.

Так, если некоторый фрагмент текста имеется в IB, но отсутствует в IA, то славянский перевод поддерживает IB: никто же во его на се поучаше (Егор. 162³⁷, л. 7 в) – οὐ γάρ τις αὐτὸν εἰς τοῦτο παρεδίδασκειν (Dionisiou 187, f. 7 r), в Син. греч. 249 фраза отсутствует (f. 13 v)³⁸; или же по коемѹ ꙗко извѣстѹ вы того рекше не послышате. ко- ен виню к немѹ не прилѣпите. како во-нь не вѣрѹете. но пришедше иноплеменици и азыци и вѣрѹаша во-нь. и вѣаша вашѹ ч(ѣ)ть, и вѣаша вашѹ славу и хвалѹ. и вѣаша ваше вѣнчанство. и ѿаша ваше цр(ѣ)тво. и быте неканцими (Егор. 162, л. 166 в–г) – Κατὰ ποῖαν οὖν πρόφασιν ὑμεῖς δι' αὐτοῦ λέξαντος οὐκ ἀκηκόατε; δι' ἣν αἰτίαν αὐτῷ οὐκ ἐπιστεύσατε; πῶς αὐτῷ οὐκ ἐκολλήθητε; ἀλλ' ἦλθον τὰ ἀλλόφυλα ἔθνη καὶ πεπίστευκαν εἰς αὐτόν· καὶ ἦρεν ὑμῶν τὴν τιμὴν, καὶ ἦρεν ὑμῶν τὴν δόξαν, καὶ ἦρεν ὑμῶν τὸ καύχημα, καὶ ἦρεν ὑμῶν τὴν υἰοθεσίαν, καὶ ἀφείλατο ὑμῶν τὴν βασιλείαν, καὶ ὑμεῖς ἐχρηματίσατε δυστυχέστατοι (f. 148 v–149 r), в Син. греч. 249 фраза отсутствует (Dionisiou 187, f. 308 v)³⁹.

Более того, при описании событий, связанных с мятежом Константина Дуки, IB содержит топонимы, имеющиеся и в древнейшем славянском переводе, но отсутствующие в IA: дрѣгыхъ вѣкѣ града на ѿсладѣхъ ѿмерышихъ. дрѣгыхъ въ испи҃гахъ. а нынѣхъ въ кастелѣхъ. нинѣхъ же въ сѣго маманта. и въ армянѣнѣхъ. и въ хр҃исополин. и в дамалин. протнѣу акрополи. и сѣго фоки. въ гѣнцими҃сахъ кличн. въ халкидонѣ. и въ перн. и по вѣлѣнѣ вратомъ гра(д)нымъ (Егор. 162, л. 12 а) – τῶν δὲ πόρρω τοῦ ἁστεος ἐν ταῖς φουρκέλλαις τεθνηξάντων· οἷων ἐν ταῖς Πηγαῖς καὶ ἐν τῷ Καστελλίῳ καὶ ἐν τῷ ἁγίῳ Μαμάντι καὶ ἐν Ἀρμενιαναῖς καὶ ἐν τῇ Χρυσοπόλῃ καὶ ἐν τῷ Δαμαλίῳ ἄντικρυς Ἀκροπόλεως καὶ ἐν τῷ ἁγίῳ Φωκῇ καὶ ἐν τῷ λεγομένῳ Κλειδίῳ καὶ ἐν τῇ Καλχηδώνῃ (!) καὶ ἐν τῇ Ἐρίᾳ (!) καὶ κατ' ἐκάστην πύλιν τῆς πόλεως (Dionisiou 187 f. 11 v), ср. δσους δὲ πόρρω τοῦ ἁστεος ἐν φούρκαῖς ἐκρέμασαν (Син. греч. 249 f. 19 v)⁴⁰. На это важное расхождение между редакцией IA и древнейшим славянским переводом Жития указал еще С.Г. Вилинский⁴¹. Несомненно, эти константинопольские топонимы содержались в архетипе ЖВН.

³⁶ Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового... Ч. 1. С. 232.

³⁷ Здесь и далее текст древнейшего славянского перевода цитируется по рукописи XV в. РГБ, ф. 98 (собрание Е.Е. Егорова), № 162. Описание рукописи см.: Михайльчева Т.В. Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе. Дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук. М., 1998. С. 33–41.

³⁸ Ср.: Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового... Ч. 2. С. 291.

³⁹ Ср.: Веселовский А.Н. Разыскания... 1891. Приложение. С. 139.

⁴⁰ Ср.: Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового... Ч. 2. С. 294.

⁴¹ Там же. Ч. 1. С. 154.

при разнице в порядке слов в текстах IA и IB славянского перевода отражает порядок слов, свойственный IB, например: *ѡ ѡнъ ѡтѣ* (Егор. 162, л. 165 в) – *εις ἐτέρων* (Dionisiou 187, f. 147 v), ср. Син. греч. 249 – *εις λίотιν ἐτέρων* (f. 307 г)⁴².

В тех случаях, когда между IA и IB имеется существенная разница в изложении какого-либо эпизода, чтение славянского перевода совпадает с чтением IB. Так, последняя молитва св. Василия, которую Григорий спрашивает у подвижника перед его кончиной, имеется как в Син. греч. 249, так и в Dionisiou 187. Сопоставление начальной части молитвы показывает, что тексты Dionisiou 187 и Егор. 162 практически совпадают и, вместе с тем, они отличаются от текста Син. греч. 249.

Егор. 162 (л. 199 в)	Dionisiou 187 (f. 180 v)	Син. греч. 249 (f. 365 г) ⁴⁴
ѡ ѣъ, ѣъ херувимскѣ. ѣъ сѣрафимскѣ. ѣъ прѣстоломѣ. ѣъ гоппо(а)гтѣіамѣ. ѣъ началом(м). ѣъ власте(м). ѣъ слава(м).	ὁ θεός, ὁ θεός τῶν χερουβίμ, ὁ θεός τῶν σѣрафіμ. ὁ θεός τῶν θρόνων, ὁ θεός τῶν κυριοτήτων, ὁ θεός τῶν ἀρχῶν, ὁ θεός τῶν ἐξουσιῶν, ὁ θεός τῶν δυνάμεων.	ὁ θεός ὁ τῶν χερουβίμ καὶ τῶν σѣрафіμ καὶ πάσης τῆς ἄνω ταξιαρχίας, ὁ θεός ὁ φοβερός, ὁ μέγας καὶ ἔνδοξος, ὁ βασιλεὺς τῶν βασιλευόντων, καὶ ὁ κύριος τῶν κυριευόντων, καὶ ὁ θεός τῶν δυνάμεων.

Более того, значительный фрагмент этой молитвы не находит соответствия в Син. греч. 249⁴⁵.

Егор. 162 (л. 200 а–в)	Dionisiou 187 (f. 180 v–181 г)
ѣъ апка сѣхъ и прѣхваломѣхъ ап(ѣ)ла.	ὁ θεός τοῦ χοροῦ τῶν ἁγίων καὶ πανευφύμων ἀποστόλων·
ѣъ прѣкомѣ. ѣъ проповѣдникъ и сѣа(ѣ)лнцѣ.	ὁ θεός τῶν προφητῶν, ὁ θεός τῶν κηρύκων καὶ εὐαγγελιστῶν·
ѣъ прѣ(ѣ)тмѣхъ и чѣтмѣхъ мѣнѣ, ниже за амаковѣ и мѣшоа.	ὁ θεός τῶν σεβασμίων καὶ τιμίων μαρτύρων, τῶν ὑπὲρ τῆς ἀγάπης σου τελειωθέντων·
ѣъ исповѣдник(к)ъ и вѣз(а)ержанникъ. ѣъ сѣхъ сѣла. ѣъ прѣ(а)бнѣхъ вѣсѣхъ.	ὁ θεός τῶν ὁμολογητῶν καὶ ἐγκρατευτῶν· ὁ θεός τῶν ἁγίων ἱεράρχων, ὁ θεός τῶν δόσιων σου·
ѣъ праведнѣхъ вѣсѣхъ. ниже во всемѣ мнѣ, и ꙗгодивнѣхъ текѣ. ѣъ ниже в горахъ и в пещерахъ, и во пропастихъ земныхъ, ниже вѣ теплѣнѣи мнозѣ сконцаше свои сѣнѣи воли.	ὁ θεός τῶν δικαίων πάντων, τῶν ἐν ὅλῳ τῷ κόσμῳ εὐαρεστησάντων σοι· ὁ θεός τῶν ἐν ὄρεσι καὶ σπηλαίοις καὶ ταῖς ὁπαῖς τῆς γῆς ἐν ὑπομονῇ πολλῇ εὐθέτως τετελεκότων σου τὸ ἅγιον θέλημα·

⁴² Ср.: Веселовский А.Н. Разыскания... 1891. Приложение. С. 138.

⁴³ Эта молитва отсутствует в тексте Iviron 478 (т.е. в редакции β, по С.Г. Вилинскому, или в третьей семье, согласно Х. Ангелиди), а также в Pat. gr. 1547 (особым представителем редакции α, по С.Г. Вилинскому, или во второй семье, согласно Х. Ангелиди) и новогреческой версии Pant. 202 (т.е. в третьей редакции, по С.Г. Вилинскому, или первой новогреческой семье, согласно Х. Ангелиди).

⁴⁴ Вилинский С.Г. Жизнь св. Василия Нового... Ч. 2. С. 336.

⁴⁵ В Син. греч. 249 имеется только: ὁ Ποιητὴς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς καὶ θαλάσσης καὶ πάντων τῶν ἐν αὐτοῖς, ὁ τῷ λόγῳ Σου ἀπὸ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι τὰ πάντα παραγαγών, ὁ τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν εὐτρεπίσας τοῖς ἀγαπῶσι Σε, ὁ Δημιουργὸς ἡμῶν καὶ Πλάστης καὶ Ποιητὴς, ὁ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ παραγαγών ἡμᾶς, καὶ αὐθις ἐκ τοῦ εὐ εἶναι πεσόντας τούτου διὰ τῆς Σῆς ἐνανθρωπήσεως ἡμᾶς ἐπαναγαγών (f. 365 v). Ср.: Вилинский С.Г. Жизнь св. Василия Нового... Ч. 2. С. 336–337.

Егор. 162 (л. 200 а–в)	Dionisiou 187 (f. 180 v–181 г)
ѣъ сѣ(а)цѣвѣдѣм. и разнѣмомѣ немзѣ(ѣ)ннѣмѣ.	ὁ θεός ὁ καρδιογνώστης καὶ συνέσει ἀπόρρητος, ὁ σπαραγανωθεῖς· ὁ ποιητὴς [τῆς] γῆς καὶ θαλάσσης. ⁴⁶ ὁ τῷ λόγῳ τῆς ἀπροσίτου σου καὶ φρικτῆς δυνάμεως παμπληθεὶς ἰχθύας ὡς ἐν ῥιπῇ ὁφθαλμοῦ ἀπὸ τῶν λαγόνων αὐτῆς ἐξανатеῖλας καὶ ἐξαποστεῖλας αὐτὰ ἀγγελῶν εἰς τὰ πλάτη αὐτῆς εἰσπορεύεσθαι, ἅπερ οὔτε σπεῖρει οὔτε θερίζει, ἅλλ’ οὔτε συνάγει εἰς τὰς ἀποθήκας αὐτῶν ⁴⁷ , καὶ Σὺ, ὁ Πατὴρ ἡμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς, ἐτοιμάζεις τὸ καθ’ ἐκάστην τὴν τροφὴν αὐτοῖς· ὁ ἐκ τῆς ἀλμυρᾶς φύσεως τῶν ὑδάτων αὐτῆς ἐν στιγμῇ καιροῦ δυνάμει σου τῇ ἀπροσίτῳ τὰ πλήθη τῶν πετεινῶν τοῦ οὐρανοῦ δημιουργεῖς καὶ νεῖμεις αὐτοῖς τὰ πλάτη τοῦ αἰθέρος τῆς ὑπ’ οὐρανῶν ἀμιλλᾶσθαι καὶ περιχορεύειν καὶ κατευφραίνεσθαι.
иже словомъ неприяконовеннымъ своеа славы страшныи и бж(ѣ)твенныа славы. множенство много рыбе. яко во мгновѣніи ока. изъ боки твоѣи испишѣ.	ὁ θεός ὁ ὑψιστος ὁ ἐπὶ τῶν χερουβίμ καθήμενος, δν φρίττει ὁ οὐρανός τε καὶ ἡ γῆ καὶ ἡ θαλάσσα καὶ ἡ ὄβυσσος καὶ τὰ καταχθόνια, καὶ σὺν τοῖς ὁρατοῖς καὶ τὰ ἀόρατα· ὁ τέτρασι καιροῖς τὸν κύκλον τοῦ ἐνιαυτοῦ στεφανώσας, ὁ τῇ χέρσῳ προστάξας ἐξαγαγεῖν ἀπὸ τῶν λαγόνων αὐτῆς ἐρπετὰ ψυχῶν ζωσῶν καὶ κτήνη τετράποδα πολυγενῆ· ὁ μυριοπλάσια φυτὰ καὶ μυριανθεῖς βοτάνας ἐξανатеῖλας εἰς τὸ πρόσωπον αὐτῆς· καὶ ἀπειροπλάσιον ὄψον ἀπὸ τε γῆς καὶ θαλάσσης τῷ τῇ χειρὶ σου πλασθέντι ἀνθρώπῳ κατακληροδοτήσας.
и пославы а на стада своа. на пространство емѣ холмѣи. иже не сѣитѣ ни жнѣтѣ ни сѣкнѣнтѣ в житници свои. и ты ѡче нашъ иже на нѣси приготоваа еши всегда пищѣи намѣ.	ῥέον си γὰρ δαδὲν χῖμα. по насѣдоу дарованіа ⁴⁹ .
иже ѡ славному ⁴⁸ естество водѣ живѣхъ. в чѣртозѣ временныа славы своеа неприяконовенныа. множенство птиць не(ѣ)ннѣхъ створиа. и раз(а)члѣна на пространство въздухъ. прѣлковаѣи и бесѣнтѣа.	
ѣъ вышнѣи, и на хѣровимѣхъ сѣла. егоже трепещеть нѣо и земля. и море и без(а)ны, и прѣсподнаа. и с вѣднѣмѣи и с невѣднѣмѣи.	
иже чѣтырѣи времени крѣгъ лѣтѣнѣи вѣнцѣа еси.	
иже нѣши повелѣбѣи извести изъ боки твоѣи гады живодѣшныа. и скоты чѣтѣроногыя многородныа.	
тѣмѣ тѣмѣи садовѣ. и тѣмѣи цѣтѣхъ зеленнѣхъ. вѣнцѣа еси на лицѣ земли. и много множенство брашенѣ. ѡ земля же и море.	
рѣкон си γὰρ δαδѣν χῖμα. по насѣдоу дарованіа ⁴⁹ .	

Здесь следует отметить, что обширная начальная часть этой молитвы в IB обнаруживает значительное сходство с византийскими апокрифическими молитвами⁵⁰, которые были широко распространены в Византии в X в.⁵¹

Соотношение текстов Син. греч. 249 и Dionisiou 187 показывает, что груп-

⁴⁶ Ср. Син. греч. 249 ὁ Ποιητὴς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς (f. 365 v). Ср.: Вилинский С.Г. Жизнь св. Василия Нового... Ч. 2. С. 336. По всей вероятности, в данном случае в Dionisiou 187 представлено комбинированное чтение.

⁴⁷ Ср. Мф. 6: 26.

⁴⁸ Ошибочное чтение вместо *славному*, ср. ἐκ τῆς ἀλμυρᾶς.

⁴⁹ Славянский переводчик, очевидно, прочитал κατὰ κληροδοτήσας, интерпретировав эту последовательность, под влиянием ее графического оформления в греческой рукописи как предлог с существительным.

⁵⁰ Алмазов А.И. Чин над бесноватым (памятник греческой письменности XVII в.) // Летопись историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете IX. Византийско-славянское отделение VI. Одесса, 1901. Раздел 2. Исследования. С. 44–46, 60, 63, 65–67, 70, 79–80, 87; Delatte L. Un office byzantin d'exorcisme (Ms. de la Lavra du Mont Athos, Θ 20). Bruxelles, 1957. P. 41, 53, 58, 60, 66–68.

⁵¹ Алмазов А.И. Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры (К истории византийской отреченной письменности) // Летопись историко-филологического общества... С. 242–243.

пы IA и IB, образующие первую семью рукописей, в действительности являются двумя разными редакциями ЖВН. Поскольку оригинал древнейшего славянского перевода относится к той же редакции IB, к которой принадлежит и текст Dionisiou 187⁵², то определение времени создания этой редакции во многом зависит от датировки древнейшего славянского перевода. Лингвистический анализ показывает, что этот перевод был сделан в конце XI – начале XII в., предположительно, на Руси⁵³. Ранняя датировка древнейшего славянского перевода поддерживается и экстралингвистическими свидетельствами. Как известно, этот перевод послужил одним из источников статьи 6449 (941) года в Повести временных лет, в которой сообщается о нападении русских на Константинополь⁵⁴, и данное заимствование появилось в ПВЛ не позднее начала XII в.⁵⁵ Следовательно, редакция IB возникла в промежутке между концом X в., не позднее которого был создан архетип Жития, и началом XII в., когда заимствования из древнейшего перевода ЖВН были включены в ПВЛ. Иными словами, редакция IB была создана вскоре после создания архетипа Жития.

Взаимоотношение редакций IA и IB значительно сложнее, чем взаимоотношение текстов Dionisiou 187 и греческого оригинала славянского перевода. Как уже отмечалось, при сопоставлении текстов IA и IB обнаруживаются фрагменты, в которых Син. греч. 249 значительно короче Dionisiou 187. Например, в IB имеется развернутое обращение Моисея к иудеям, которому в IA соответствует краткое чтение Λέγει ὁ Μωϋσῆς πρὸς αὐτοὺς: ὁ τυφλοὶ καὶ ἀνόητοι (f. 307 r)⁵⁶.

Егор. 162 (165 в-г)	Dionisiou 187 (f. 148 r)
гѣть к нимъ моисѣи. ѡ сѣбѣ, ѡ ѡстрашеніи, ѡ неразуміи ѡ медленіи срѣди. ѡ расчлѣніи внѣтрянни. ѡ жестокосердіи. ѡ жестоковѣи. ѡ непокоиницѣ мѣдрости правдивѣи. ѡ беззаконници. ѡ беззаконни. ѡ непослабшени. ѡ прелюбви ѡ ѡттоу, ѡ [ѡ]чиждени ѡ чрева. ѡ живѣи. ѡ летѣи. ѡ сѣмѣи. ѡ скорпи. ѡ ницадіа ехиднова ѡ змие высицеа ⁵⁷ . ѡ волци арабѣи. ѡ лисици летнѣи. ѡ зѣворазумни. ѡ сквернени. ѡ роде нечѣи, ѡ лукави. ѡ прелюбѣи. ѡ жесточени, ѡ крашна зѣвѣи з(е)м(н)ыѣ. ѡ птици не(ѣ)ныѣ. ѡ сѣбе беззаконіа. ѡ ницадіа змѣи. ѡ аспидѣи. ѡ беззаконни. ѡ проклатѣи, ѡ ижнѣи. ѡ скотини. ѡ сквернени. ѡ ѡмерѣи телеи, ѡ въ ѡзвѣи впадше	Λέγει πρὸς αὐτοὺς ὁ Μωϋσῆς: ὁ τυφλοὶ, ὁ πεπρωμένοι, ὁ ἀνόητοι, ὁ βραδεῖς τῇ καρδίᾳ, ὁ διεφθαρμένοι τὰ ἐντὸς, ὁ σκληροκάρδιοι, ὁ ἀπειροίτητοι, ὁ σκληροτράχηλοι, ὁ βαρυκαρδιοὶ, ὁ ἀπειθείς, ὁ ἄφρονες, ὁ ἀνήκοοι, ὁ πεπλανημένοι ἀπὸ γαστροῦ, ὁ ἀπληροτρωμένοι ἀπὸ μήτρας, ὁ ψευδεῖς, ὁ δόλιοι, ὁ ματαιόφρονες, ὁ σκορπιοὶ, ὁ γεννήματα ἐχιδνῶν, ὁ ὄφεις τετυφλωμένοι, ὁ λύκοι τῆς Ἀραβίας, ὁ ἀλώπεκες τῆς ἀπάτης, ὁ θηριογνώμονες, ὁ βέβηλοι, ὁ γενοὶ πονηρὰ καὶ μοιχαλῆς, ὁ οἱ παραπικραίνοντες, ὁ καταβρώματα τῶν θηρίων τῆς γῆς καὶ τῶν πετεινῶν τοῦ οὐρανοῦ, ὁ υἱοὶ τῆς ἀνομίας, ὁ λοιμοὶ, ὁ ἐπάρατοι, ὁ σεσαθρωμένοι, ὁ κτηνώδεις, ὁ βεβρορωμένοι, ὁ θνησιμαῖοι βρωμῶδεις, καὶ τραυματεῖα συμπλετωκότες.

⁵² Тем не менее отождествлять оригинал славянского перевода и текст Dionisiou 187 не представляется возможным, поскольку в Dionisiou 187 в отдельных случаях имеются незначительные сокращения текста архетипа этой редакции, ср.: Егор. 162 *нже аще хоташе нѣхъ кто ѡтвѣститѣ, то ѡнъ ꙗко разумѣаше* (л. 7 в, 19–22) – в Dionisiou 187 отсутствует (ср. f. 7 v); кроме того, в Dionisiou 187 отсутствует фрагмент, соответствующий л. 199 в, 25–200 а, 18 рукописи Егор. 162 (ср.: Dionisiou 187, f. 180v–181r).

⁵³ Истрин В.М. Где было переведено Житие Василия Нового? // ИОРЯС за 1917 год. Т. 22. Кн. 2. Пг., 1918. С. 320–325; Михайлычева Т.В. Житие Василия Нового... С. 85–124.

⁵⁴ Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового... Ч. 1. С. 304–318.

⁵⁵ Шахматов А.А. Повесть временных лет и ее источники // Труды отдела древнерусской литературы. IV. 1940. С. 69–72; Творогов О.В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // Труды отдела древнерусской литературы. XXVIII. 1974. С. 108–113.

⁵⁶ Веселовский А.Н. Разыскания... 1891. Приложение. С. 138.

⁵⁷ Возможно, переводчик читал *тетифωμένοι*.

Во многих случаях редакция IB аккуратнее, чем редакция IA, передает различного рода историческую информацию. Так, в IB указан точный промежуток времени между кончиной императора Льва VI и кончиной его брата и соправителя Александра: *παρελθόντος δὲ Λέοντος τοῦ βασιλέως μετὰ ἑῷ καὶ μῆνας ἐτελεύτησεν καὶ Ἀλέξανδρος* (Dionisiou 187, f. 7v). Из различных источников известно, что император Лев VI умер 11 мая 912 г., а император Александр умер 6 июня 913 г., т.е. спустя год и 29 дней после смерти Льва⁵⁸. Однако в Син. греч. 249 сказано только *μετ' ἐνιαυτὸν καὶ μικρόν τι* (f. 14 r)⁵⁹. Такое же чтение имеет и список Par. gr. 1547 (f. 6b), тогда как Pant. 202 указывает, что смерть Александра последовала *μετὰ χρόνον ἕνα* после кончины Льва VI⁶⁰, а в третьей семье весь эпизод, посвященный востанию Константина Дуки после смерти императора Александра, отсутствует⁶¹.

Кроме того, текст IB содержит больше информации, чем текст IA, при описании воинских доблестей Константина Дуки.

Dionisiou 187 (f. 8 r)	Син. греч. 249 (15 r) ⁶²
καὶ γὰρ ἔπελεν ἀληθῶς ὁ ἀνὴρ εὐστοχώτατος πάνυ ἐν τοῖς πολέμοις καὶ ποσαχῶς φωσσάτα ἀγαρηνῶν εἴτ' οὖν παρατάξεις ἐτρέφετο καὶ ἠφάνισε καὶ κατηδάφισε μόνος· ὡς πλειστάκις μεμαρτυρημένοι αὐτὸν καὶ τοὺς βαρβάρους παρὰ τινῶν τῶν ἐν τῇ Συρίᾳ αἰχμαλώτων ἐπερωτῶμενων τὸ ὅπως εἰς ἄνθρωπος φησὶ ἡμᾶς τρέπει καὶ ἀποδιδράσκειται ἀπὸ προσώπου ἡμῶν.	ἦν γὰρ ὡς ἀληθῶς ὁ ἀνὴρ εὐστοχώτατος πάνυ καὶ φοβερός ἐν τοῖς πολέμοις ὡς πλειστάκις καὶ τοὺς βαρβάρους ἐρωτῶμενους παρὰ τινῶν αἰχμαλώτων, πῶς εἰς ἄνθρωπος αὐτοὺς τρέπει.

Упоминание о Сирии, имеющееся в Dionisiou 187, не является случайностью и должно быть возведено к архетипу Жития, так как известно, что в 904–906 гг. отец Константина Дуки, Андроник, вел на территории Сирии успешные военные действия против арабов⁶³, и в этих действиях, как это следует из текста IB, принимал участие Константин. Годом позже, в результате интриг Самоны, спровоцировавшего удачливого военачальника на неподчинение императору, Андроник Дука поднял мятеж и был вынужден со своими сторонниками искать убежища в Сирии. Вместе с ним в Сирии оказался и его сын Константин, которому, однако, удалось вернуться на родину⁶⁴.

Во многом различаются сведения IA и IB при описании небесных обителей праведников.

⁵⁸ Karlin-Hayter P. The Emperor Alexander's Bad Name // Speculum. 1969. XLIV. N 4. P. 578.

⁵⁹ Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового... Ч. 2. С. 291.

⁶⁰ Там же. С. 150.

⁶¹ Ср.: Там же. С. 8–10.

⁶² Текст Par. gr. 1547 в основном сходен с IA, ср.: *καὶ γὰρ ἦν ἀληθῶς ὁ ἀνὴρ εὐστοχώτατος πάνυ καὶ τροπαιοῦχος, καὶ θαῦμα ἦν καὶ αὐτοῖς τοῖς ὑπεναντίοις οἷς καὶ ἐρωτῶμενους πολλὰκις πῶς εἰς ἀνὴρ αὐτοὺς τρέπει* (f. 6 d). То же относится и к Pant. 202, ср.: Там же. С. 151.

⁶³ Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время македонской династии. СПб., 1902. С. 154–155.

⁶⁴ Polemis D.I. The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. Glasgow, 1968. P. 18–22.

καὶ ἰδοὺ ἐν τοῖς θεοῖς παλατίοις ἐκείνοις, ἔνδον ἐν τοῖς περιπάτοις καὶ ἐν τοῖς ἀκκουβίτοις αὐτῶν· καὶ ἐν ταῖς τροπικαῖς αὐτῶν· καὶ ἐν ταῖς κοιτῶσιν αὐτῶν κλίνει θεῖαι καὶ στρωμαὶ καὶ δίφροι καὶ ἀναλαυστήρια καὶ θρόνοι· καὶ ἕτερα τινὰ κατασκευάσματα.

καὶ ἰδοὺ ἐν αὐταῖς ταῖς μοναῖς καὶ κατοικίαις τῶν ἁγίων κλίνει καὶ στρωμαὶ διάφοροι⁶⁶ καὶ θρόνοι καὶ τὰ λοιπὰ χρεωδέστατα εἶδη πλούσια καὶ φρικτοκατασκευάστα ὑπάρχοντα ἡμῖν κατεφαίνοντο.

Византийцы часто “помещали” на небеса блеск и роскошь императорского двора⁶⁷, и обе версии ЖВН не составляют исключения в этом отношении, однако в тексте IB, в отличие от текста IA, в описании небесных дворцов используется специальная архитектурная терминология. Внутреннее устройство небесных обителей праведников в редакции IB во многом напоминало устройство императорского дворцового комплекса в Константинополе, различные части которого были соединены мраморными галереями (περίπατος) с колоннами⁶⁸, а перед входами в некоторые залы находились портики (τροπική), представлявшие собой арку, поддерживаемую двумя колоннами⁶⁹. Одна из таких арок украшала подход к Магнавре, или Манавре (Μαγναύρα, Μαναύρα), самой большой тронной и приемной палате Большого Дворца⁷⁰. Лестница с портиком (τροπική) вела от фонтана (φιάλη) к Сигме (Σίγμα), балкону полукруглой формы, который соединялся с Триконхом (Τρίκογχος), т.е. тронной залой с тремя большими апсидами (конхами)⁷¹. Арка, поддерживаемая двумя колоннами (τροπική), была расположена также у выхода из Лавзиака (ὁ Λαυσιακός), т.е. зала, в котором придворные ожидали начала церемонии⁷². Еще при Константине Великом был построен Триклин девятнадцати аккувитов (ὁ τρίκλινος τῶν δεκαεννέα ἀκκουβίτων, или τὰ ἀκκούβιτα), который использовался для торжественных приемов и обедов. Этот триклин получил свое название от находившихся в нем девятнадцати столов с ложами, предназначенных для угощения гостей, приглашенных императором⁷³.

Характерно, что в тексте Син. греч. 249 в двух последних случаях (характеристика Константина Дуки и описание небесных дворцов) отсутствуют латинизмы φωσσάτον и ἀκκούβιτον. Их отсутствие не было случайным, что показывает и описание грешников, отвергшихся Христа, в видении Страшного Суда. Ес-

⁶⁵ Веселовский А.Н. Разыскания... 1891. Приложение. С. 160. Ср. также: Par. gr. 1547 f. 116 c; Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового... Ч. 2. С. 126 (Ivion 478); С. 267 (Pant. 202).

⁶⁶ Ср.: δίφροι Par. gr. 1547 f. 116 c; Ivion 478 см.: Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового... Ч. 2. С. 126.

⁶⁷ Maguire H. The Heavenly Court // Byzantine Court Culture from 829 to 1024. Washington, 1997. P. 247; Mango C. Byzantium: The Empire of New Rome. L., 1980. P. 151.

⁶⁸ Ebersolt J. Le Grand Palais de Constantinople et le Livre des Cérémonies. P., 1910. P. 111, 113, 134, 140.

⁶⁹ Labarte J. Le Palais impérial de Constantinople et ses abords, Sainte-Sophie, le Forum Augustéon et l'Hippodrome, tels qu'ils existaient au dixième siècle. P., 1861. P. 58.

⁷⁰ Ebersolt J. Le Grand Palais... P. 72.

⁷¹ Беляев Д.Ф. Byzantina. Обзор главных частей Большого Дворца византийских царей // Записки Императорского русского археологического общества. Т. V. Новая серия. СПб., 1892. С. 90–91; Ebersolt J. Le Grand Palais... P. 112.

⁷² Беляев Д.Ф. Byzantina. Обзор главных частей... С. 21; Ebersolt J. Le Grand Palais... P. 94–95.

⁷³ Подробнее об устройстве и предназначении Триклина девятнадцати аккувитов см.: Беляев Д.Ф. Byzantina. Обзор главных частей... С. 108–113.

ли в редакции IB грешники держат в правой руке табличку (ταῦλα) с надписью “отрицание”⁷⁴: καὶ ἰδοὺ ἡ δεξιὰ αὐτῶν ἐκάστου χεῖρ, ταῦλα ἔχουσαν ἐπιγεγραμμένην· ἡ ἄρνησις· (Dionisiou 187, f. 153 r)⁷⁵, то в редакции IA латинизм ταῦλα отсутствует: καὶ ἐν τῇ δεξιᾷ χειρὶ δηλοῦσα ἦν ἐπιγραφὴ· ἄρνησις (Син. греч. 249, f. 313 r)⁷⁶. Такое описание грешников связывает ЖВН с древними апокрифическими текстами. Например, в апокрифических Деяниях апостолов Андрея и Матфия содержится рассказ о том, что тюремщики привязывали к правой руке пленников табличку (τάβλα), в которой была обозначена дата их заключения в темницу⁷⁷.

Во всех рассмотренных случаях в редакции IA представлен более краткий и менее информативный текст, чем в редакции IB. Напротив, в других случаях именно в редакции IA представлен пространный текст, тогда как в редакции IB – более короткий. Такое соотношение редакций особенно характерно для той части текста, в которой находится видение Григория о Страшном Суде. Например, текст Син. греч. 249, который начинается со слов δεῦτε, λέγων, οἱ εὐλογούμενοι τοῦ Πατρός μου⁷⁸ и заканчивается словами διότι ἐγὼ καὶ ὁ Πατήρ ἐν ἑσμεν (f. 213v–214r)⁷⁹, представляет собой пространный перифраз Евангелия и содержит повтор, отсутствующий во всех остальных редакциях: ἐγὼ γάρ εἰμι ἡ θύρα, οὐδεὶς δύναται εἰσελθεῖν ἐν ταύτῃ εἰ μὴ δι’ ἐμοῦ· [...] οὐδεὶς γὰρ δύναται εἰσελθεῖν πρὸς τὸν Πατέρα εἰ μὴ δι’ ἐμοῦ, διότι ἐγὼ καὶ ὁ Πατήρ ἐν ἑσμεν. В этом и других подобных случаях можно предполагать, что текст редакции IA является распространением первоначального текста.

Тексты редакций IA и IB различаются и при описании церемонии предложения наград, которые Христос, подобно византийскому императору, дарует святым в своем небесном граде⁸⁰. В редакции IA к сидящему на престоле Христу первой подходит Богородица, затем Иоанн Предтеча, за которым следует группа двенадцати апостолов⁸¹. Однако в редакции IB какое-либо упоминание об Иоанне Предтече отсутствует⁸². Не содержат этого упоминания и другие грече-

⁷⁴ Ср. изображение грешника на Страшном Суде в церкви Панагия в селении Мутуллас на Кипре, которое сопровождает надпись ὁ ἀρνησάμενος τὸν Χριστόν, см.: Nicolaidès A. Le Jugement Dernier de l'église de la Panagia de Moutoulas à Chypre // Δελτίον της χριστιανικῆς αρχαιολογικῆς εταιρείας. Περίοδος Δ'. Τομος ΙΗ'. Αθήνα, 1995. P. 74.

⁷⁵ Данное чтение содержится и в других редакциях ЖВН: Ivion 478 καὶ ἐν τῇ δεξιᾷ αὐτῶν χειρὶ ταῦλα, ἔχουσα ἐπιγραφὴν· ἡ ἄρνησις, см.: Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового... Ч. 2. С. 114; Par. gr. 1547 καὶ ἐν τῇ δεξιᾷ αὐτῶν χειρὶ ταῦλα ἔχουσα ἐπιγραφὴν· ἡ ἄρνησις (f. 104 c–d); Pant. 202 καὶ εἰς τὸ δεξιὸν χεῖρ ἐκράτουσαν τάβλα, ἡ ὁποία εἶχεν ἐπιγραφὴ τὴν ἄρνησιν, см.: Там же. С. 254. В древнейшем славянском переводе читается: и се десница кождо и(х) рѣка чертъ и мѣще написанъ ѿметаніе (Егор. 162, л. 171 а). Ср. второй славянский перевод (РНБ, собрание М.П. Погодина 61, XV век): въ десницѣ же рѣкахъ десници на нѣхъже еѣ написано ѿ отречение, см.: Там же. С. 718.

⁷⁶ Ср.: Веселовский А.Н. Разыскания... 1891. Приложение. С. 143.

⁷⁷ MacDonald D.R. The Acts of Andrew and The Acts of Andrew and Matthias in the City of the Cannibals. Atlanta, 1990. P. 76: καὶ ἐλθόντες οἱ δήμοι πρὸς αὐτὸν ἀνέγνωσαν τὴν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ τάβλαν, καὶ εἶπαν ἐν αὐτοῖς· ἔτι τρεῖς ἡμέρας καὶ ἐξάξομεν καὶ τοῦτον ἐκ τῆς φυλακῆς καὶ σφάξομεν αὐτόν. ἐπειδὴ πάντα ἀνθρώπων δν κατεῖχον ἐσημειοῦντο τὴν ἡμέραν ἐκείνην ἐν ᾗ κατεῖχον αὐτόν. καὶ προσέδωσαν τῇ χειρὶ αὐτοῦ τῇ δεξιᾷ τάβλαν, ἵνα γνῶσι τὴν πλήρωσιν τῶν τριάκοντα ἡμερῶν.

⁷⁸ Ср.: Мф. 25: 34. Этот текст играет важную роль в монументальных композициях Страшного Суда, см.: Millet G. La Dalmatique du Vatican. Les élus images et croyances. P., 1945. P. 22, 29; Nicolaidès A. Le Jugement Dernier... P. 73.

⁷⁹ Ср.: Веселовский А.Н. Разыскания... 1891. Приложение. С. 59–60.

⁸⁰ Mango C. Byzantium... P. 216.

⁸¹ Веселовский А.Н. Разыскания... 1891. Приложение. С. 149.

⁸² См.: Dionisiou 187, f. 157 r.

ские редакции, а также оба славянских перевода⁸³. Следовательно, в архетипе ЖВН упоминание об Иоанне Предтече в данном эпизоде отсутствовало. Появление Иоанна Предтечи, который следует за Богородицей, в редакции IA обусловлено, по всей вероятности, влиянием иконографии Страшного Суда на текст ЖВН. Как известно, в композиции Страшного Суда Богородица изображается стоящей слева от Христа, сидящего на престоле, а Иоанн Предтеча — справа, как и в случае Деисиса⁸⁴.

Одним из наиболее показательных различий между редакциями IA и IB является описание небесного храма, имеющееся в видении Григория о Страшном Суде. В редакции IB и соответственно в древнейшем славянском переводе это описание не содержит каких-либо подробностей, которые позволили бы судить о структуре и архитектурных особенностях этого храма, в отличие от рассмотренного выше подробного описания небесных обителей праведников. Основное внимание здесь уделяется описанию алтаря (θυσιαστήριον), где находился престол (θρόνος) Господа и двенадцать престолов апостолов, шесть из них справа и шесть слева от престола Господа⁸⁵. Одним из источников данного описания послужило, по всей вероятности, содержащееся в Апокалипсисе Павла описание алтаря (θυσιαστήριον), который был приготовлен для Господа в Небесном Иерусалиме⁸⁶.

Однако в редакции IA после первого упоминания об алтаре (θυσιαστήριον), который готовили чудесные юноши, приводится подробное описание небесного храма, который имел три (!) параллельные вимы (τρία βήματα παράλληλα), каждой из которых соответствовал свой протесис (καὶ προθέσεις ὡσαύτως ἱσαριθμούς). Затем следует подробное описание алтаря (θυσιαστήριον), который, судя по всему, должен быть отождествлен с одной из трех вим (вероятно, центральной). Внутри этого алтаря, в отличие от редакции IB, находились не только престол (θρόνος) Господа и престолы (θρόνοι) апостолов, но и трапеза (τράπεζα). Таким образом, пространное описание, имеющееся в IA, отражает типичное устройство византийских храмов послеиконоборческого периода, за исключением утроения вимы⁸⁷. Но слово βήμα используется в редакции IA в качестве термина для обозначения алтаря только в данном случае, тогда как во всех остальных случаях для этого используется слово θυσιαστήριον. Наличие двух терминов, обозначающих в единственном описании храма один и тот же алтарь, а также наличие протесиса и трапезы в том небесном храме, где находился престол, на котором сидел Господь, а по бокам от него сидели апостолы, свидетельствует, что подробное описание храма в IA является вторичным по отношению к краткому описанию храма в IB.

⁸³ Ivron 478, см.: Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового... Ч. 2. С. 117–119; Par. gr. 1547 (f. 109 c–d); Pant. 202, см.: Там же. С. 259–260; Sin. gr. 532 (f. 85 r); Egor. 162 (л. 174 б–176 б); второй славянский перевод см.: Там же. С. 720–721.

⁸⁴ Mouriki D. An Unusual Representation of the Last Judgment in a 13th Century Fresco at St. George Near Kouvaras in Attica // Δελτίον της χριστιανικής αρχαιολογικής εταιρείας. Περίοδος Δ'. Τόμος Η'. Αθήνα, 1976. P. 147; Nicolaidēs A. Le Jugement Dernier... P. 72; Mango C. Byzantium... P. 155; Velmans T. L'image de la Déisis dans les églises de Géorgie et dans le reste du monde byzantin // Cahiers archeologiques. 1983. 31. P. 147–158.

⁸⁵ См.: Dionisiou 187, f. 160 r; Egor. 162, л. 177 в.

⁸⁶ Tischendorf C. Apocalypses apocryphae Mosis, Esdrae, Pauli, Ioannis, item Mariae dormitio. Lipsiae, 1866. P. 55: καὶ ἴδον μέσον τῆς πόλεως θυσιαστήριον μέγα καὶ ὑψηλὸν σφόδρα; P. 63: καὶ ἴδον τὸ θυσιαστήριον καὶ τὸν θρόνον καὶ τὸ καταπέτασμα. На этот источник указала Х. Ангелиди: Ἀγγελίδι Χ.Γ. Ὁ βίος τοῦ Βασιλείου τοῦ Νέου. Σ. 110.

⁸⁷ Ousterhout R. Master Builders of Byzantium. Princeton; New Jersey, 1999. P. 12–16.

Сопоставление редакций IA и IB показывает, что, во-первых, в редакции IA отсутствуют некоторые тексты, имеющиеся в редакции IB, во-вторых, редакция IA содержит менее точную информацию по сравнению с редакцией IB и, в-третьих, в редакции IA имеются распространения текста и повторы. В свою очередь, сопоставление редакции IA с другими редакциями (т.е. со второй и третьей семьей рукописей, написанных на литературном языке и первой семьей рукописей, написанных на димотике) позволяет сделать вывод о том, что не все сокращения и распространения текста, находящиеся в редакции IA, были сделаны ее составителем. Все эти редакции имеют сходное краткое описание небесных обителей праведников и одинаковое пространное описание небесного храма⁸⁸. Следовательно, все они, в том числе и редакция IA, восходят к общему архетипу, в котором, во-первых, были удалены какие-то исторические подробности, потерявшие свою актуальность (как в случае рассказа о событиях, связанных с восстанием Константина Дуки), и, во-вторых, были сделаны распространения отдельных фрагментов текста (именно в этом архетипе появилось подробное описание небесного храма), но эти редакторские вмешательства существенным образом не повлияли на общее содержание и композицию первоначального текста.

Итак, все рассмотренные греческие редакции ЖВН разделяются на две группы: первую группу образует редакция IB (к которой принадлежит и оригинал древнейшего славянского перевода), а ко второй группе относятся все остальные редакции, т.е. редакция IA, вторая семья, третья семья и первая семья рукописей, написанных на димотике.

Характерной особенностью описания небесного храма, которое содержит вторая группа редакций и которое принадлежит архетипу этой группы, является использование термина σταυροειδής для обозначения архитектурного типа небесного храма. Этот сравнительно редкий архитектурный термин встречается и в Житии св. Афанасия Афонского (Vita B)⁸⁹, где он используется для характеристики главного храма Великой Лавры: ὁ σταυροειδὴς κατὰ σχῆμα θεοῦ ναὸς ἐπ' ὀνόματι τῆς θεοτοῦνης ἡμῶν παναγίας τοῦ Κυρίου μητρὸς⁹⁰. Отличительная особенность данного храма — наличие двух боковых апсид с северной и южной стороны, которые были пристроены в начале XI в., в результате чего храм и приобрел “крестообразный” вид⁹¹. Под влиянием кафоликона Великой Лавры боковые апсиды появляются в кафоликоне других святогорских монастырей, и в течение XI в. данный тип кафоликона (так называемый ἀγιορειτικὸς τύπος) становится характерным признаком афонской архитектуры⁹². Использование типичного афонского кафоликона в качестве модели небесного храма указывает на то, что общий архетип всех редакций, содержащих это описание, мог быть создан на Афоне. Косвенным подтверждением афонской локализации архетипа второй группы редакций ЖВН служит происхождение большинства рукописей данной группы из различных святогорских монастырей, причем самый древний

⁸⁸ См.: Par. gr. 1547 f. 111 b–d; Ivron 478 см.: Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового... Ч. 2. С. 120–121; Pant. 202 см.: Там же. С. 261–262.

⁸⁹ Vita B была составлена, по всей вероятности, в начале XII в.: Noret J. Vitae duae antiquae Sancti Athanasii Athonitae. Leuven, 1982. P. CXXVII–CXXVIII.

⁹⁰ Ibid. P. 151.

⁹¹ Mylonas P.M. Le plan initial du catholicon de la Grande Lavra au Mont Athos et la genèse du type du catholicon athonite // Cahiers archeologiques. 1984. 32. P. 98.

⁹² Idem. L'architecture du Mont Athos // Le Millénaire du Mont Athos 963–1963. Études et Mélanges. Chevetogne, 1964. II. P. 235; Idem. Le plan initial... P. 100–103; 108–109; Ousterhout R. Master Builders of Byzantium. P. 92.

список третьей семьи, Ivipon 478, датируется XIII столетием. Следовательно уже в XI–XIII вв. возникает несколько редакций текста ЖВН⁹³.

Вероятно, на Афоне была создана и редакция IA, два списка которой происходят из Великой Лавры. Но в отличие от других (кратких) редакций второй группы ЖВН редакция IA представляет собой не сокращение, а распространение общего архетипа второй группы. Основной переработке в данном случае подверглось видение Григория о Страшном Суде, которое представляло наибольшую важность для редактора. Переработка значительно осложнила первоначальную композицию видения, результатом чего стало существенное увеличение объема этой части Жития и потеря динамизма повествования.

Преимущественное внимание редактора IA к теме Страшного Суда свидетельствует о появлении этой редакции в период нового усиления интереса к эсхатологической тематике в Византии. Повышенное внимание к эсхатологии характерно для XIV столетия, и оно было связано с ожиданием исполнения седьмой тысячи лет от Сотворения мира, которое должно было совершиться в 1492 г. Как видимые свидетельства приближавшегося конца света воспринимались лунные и солнечные затмения в 1337 и 1342 гг., а также падение купола Св. Софии в Константинополе, случившееся в 1346 г. в результате землетрясения⁹⁴.

В византийском искусстве выражением этого напряженного ожидания стали сложные композиции Страшного Суда, появившиеся в XIV в.⁹⁵: развернутое изображение Страшного Суда в монастыре Хора (Карие Джамии) в Константинополе, созданное в первой четверти XIV в.⁹⁶, фрески Грачаниц 1321 г., а также фрески Маркова монастыря второй половины XIV в. в Сербии, в иконографии которых отмечено влияние ЖВН⁹⁷. И если источником иконографических особенностей фресок Маркова монастыря был, по всей вероятности, текст второго славянского перевода ЖВН, то усложнение описания Страшного Суда в редакции IA, в том числе и отмеченное выше появление Иоанна Предтечи, во многом было обусловлено влиянием широко распространившихся изображений Страшного Суда.

⁹³ Такое же быстрое развитие текста характерно и для ЖАЮ, с которым ЖВН связано не только содержательно, но и кодикологически: в рукописях Dionisiou 187 и Par. gr. 1547 находятся и ЖВН, и ЖАЮ (*Rydén L. The Life of St. Andrew the Fool. P. 161*). Несколько редакций ЖАЮ, как кратких, так и пространных, существовало уже в XI в. К этому времени относится и возникновение особой версии ЖАЮ, к которой восходит распространенная версия Е и связанный с ней славянский перевод, а также сокращенная версия Р (*Idid. P. 102–104*).

⁹⁴ *Congourdeau M.-H. Byzance et la fin du monde // Les traditions apocalyptiques au tournant de la chute de Constantinople. Actes de la Table Ronde d'Istanbul (13–14 avril 1996) édités par B. Lellouch et St. Yerasimos (= Varia Turcica, XXXIII). Paris; Montreal; Istanbul, 1999. P. 55–73.*

⁹⁵ *Christe Y. Jugements derniers. Saint-Leger-Vauban: Zodiaque, 1999. P. 47–52.*

⁹⁶ Описание композиции Страшного Суда в Карие Джамии: *Underwood P.A. The Kariye Djami. Vol. 1. Historical Introduction and Description of the Mosaics and Frescoes. N.Y., 1966. P. 199–212; Der Nersessian S. Program and Iconography of the Parecclesion // The Kariye Djami. Vol. 4. Studies in the Art of the Kariye Djami and Its Intellectual Background. Princeton, 1975. P. 325–332.*

⁹⁷ *Тодић Б. Новооткривете представе грешника на Страшном Суду у Грачаници // Зборник за ликовне уметности. 14. Нови Сад, 1978. С. 199, 201; Радојчић С. Фрески Маркова манастира и житие св. Василија Нового // Зборник радова Српске академије наук. Кн. 49. Нови Сад, 1956. С. 215–225.*

рис. 1

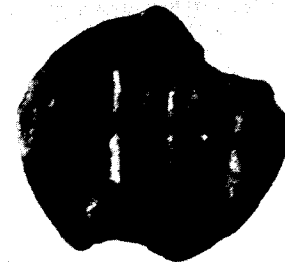

рис. 2

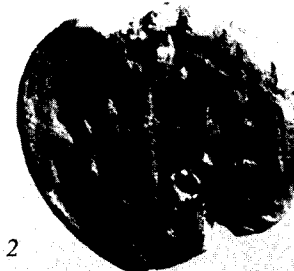

рис. 3

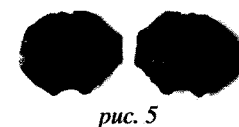

рис. 5

рис. 6

Рис. 1. Анонимная печать (вторая половина VI–VII в.)
Рис. 2. Печать неизвестного лица (вторая половина VI–VII в.)
Рис. 3. Печать с личным именем Кирилла (VI–VII вв.)
Рис. 4. Печать с личным именем Иоанна (VII в.)
Рис. 5. Печать с личным именем Феодора (XI – начало XII в.)
Рис. 6. Печать неизвестного лица (XI–XIII вв.)

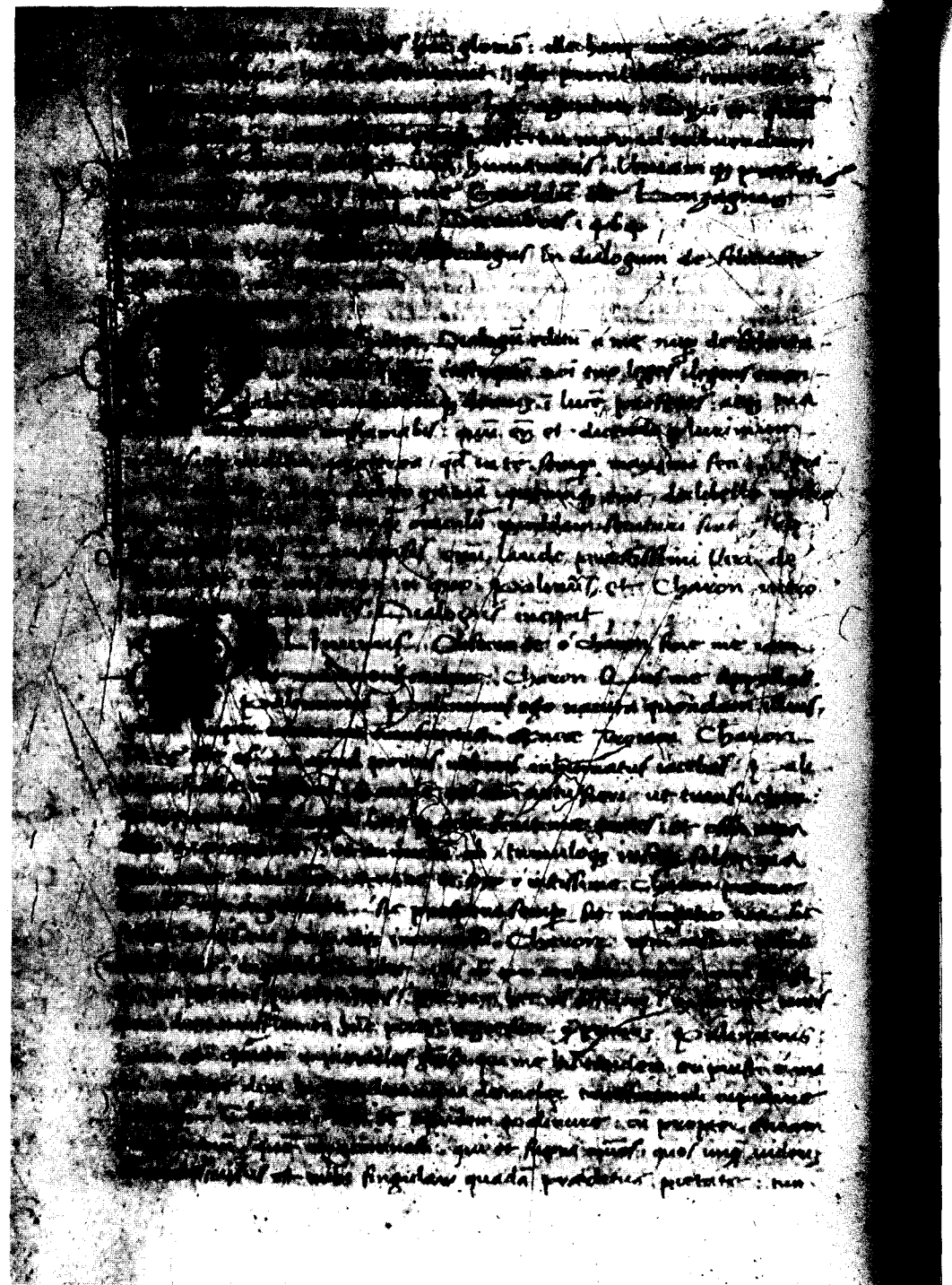

Рис. 4. Cod. Torino. Biblioteca ex-Reale, Varia 269, f. 35 v (вверху: окончание речи Виссариона и запись писца)

С.А. Иванов

ЖИТИЯ СВ. АНИНЫ И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ¹

До сих пор обстоятельства жизни святого Анины (Anipas, Hannina – память празднуется 16 марта) реконструировались на основании двух агиографических текстов: грекоязычного жития, вставленного в Константинопольский Синаксарь (ВНГ 129z) во второй половине XII в.², и панегирика, принадлежащего перу ритора XIV в. Феодора Иртакина³. Оба текста, хоть и сильно различаются по стилю, одинаково малоинформативны. Именно это дало А. Каждану основание утверждать, что “биография Анины не содержит хронологических данных”⁴. В статье об Адине в ватиканской “Библиотеке святых” говорится то же самое: время его жизни неизвестно, а данные его житий легендарны⁵. Интересно, что слова о недатируемости жизни святого повторены и в недавно вышедшем томе “Православной энциклопедии”⁶, хотя в ней правильно указано вслед за архиепископом Сергием⁷, что существует еще и третий вариант жития, сохранившийся в славянском переводе. Видимо, авторы энциклопедической статьи не заглянули в этот перевод – иначе они вряд ли продолжали бы настаивать, что никаких датирующих признаков житие не предоставляет.

В действительности текстов об Адине довольно много: на византийской почве имеется еще посвященный ему канон Иосифа Песнописца⁸, который пока не опубликован. Однако гораздо важнее, что сохранилось сирийское жизнеописание Анины, принадлежащее перу Якова Саругского – однако и оно, к сожалению, остается неопубликованным⁹. Судя по пересказу Ф. Но и небольшому отрывку, опубликованному в итальянском переводе¹⁰, произведение Якова относится к той же традиции, к которой принадлежат греческие и славянские жития Анины, но уступает славянским как полнотой, так и исторической конкретностью.

¹ Выражаю глубочайшую признательность Xavier LEQUEUX за ценные замечания.

² Delehaye H. Synaxarium Constantinopolitanum. Bruxelles, 1902. Col. 539–544, sub linea. (Далее: С.).

³ Θεοδώρου τοῦ Ὑρτακηνοῦ Ἐγκώμιαστὶκὸς εἰς τὸν ἐν ἁγίοις πατέρα ἡμῶν Ἀνὶνᾶν τὸν θαυματουργόν // Anecdota Graeca / Ed. F. Boissonade. Vol. II. P., 1830. P. 399–453. (Д: Ф.).

⁴ Kazhdan A. The List of Saints (Manuscript. Dumbarton Oaks). N 137.

⁵ Biblioteca Sanctorum. Vol. I. Roma, 1961. Col. 1266–1267. Cf.: Acta Sanctorum Martii. Vol. II. P., 1865. P. 427–428.

⁶ Бузаевский В.А., Лосева О.В. Анин // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 440.

⁷ Сергий, архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т. 3 М., 1997. С. 111.

⁸ Ms. Athos, Lavra D 37, f. 31–33v; cf.: Μέγας Συναξαριστής τῆς Ὁρθοδόξου Ἐκκλησίας. Τ. 4. Ἐν Ἀθήναις, 1973. Σ. 320, σημ. 2; Τομαδάκης Ε. Ἰωσήφ ὁ ὑμνογράφος. Ἐν Ἀθήναις, 1971. Σ. 150. Наше поверхностное ознакомление с рукописью показало, что Иосиф опирался на какую-то традицию, которая родственна, но не совершенно тождественна остальным. Однако никаких исторических деталей в каноне не содержится.

⁹ Nau F. Hagiographie syriaque // Revue de l'Orient Chrétien. 1915. Vol. 10. P. 62–64; cf.: Vööbus A. Handschriftliche Überlieferung der Memre-Dichtung des Ja'qob von Serug (= Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 344; Subsidia 39). Louvain, 1973. P. 29–30.

¹⁰ Bais M. Il Topos del leone sanato in P'awstos Buzand // Revue des études arméniennes. 1996–1997. Vol. 26. P. 223.

На славянский язык было переведено несколько вариантов жития: два полных и два кратких. Из полных имеется древнеболгарский текст, сохранный (с пропуском в середине и в конце) в Супрасльской рукописи¹¹, и второй, выполненный, явно с того же оригинала, на Руси для Великих Минея Четий и опубликованный сравнительно недавно¹². Второй текст восполняет лакуны первого, том числе, как мы убедимся, и в некоторых весьма важных местах. В тех же Великих Минеях имеются и еще целых два жития Анины: одно, под 16 марта, является точным, хотя и сокращенным переводом из Константинопольского Синаксаря¹³, с единственным добавлением в начале в виде перевода двустипхи чести святого, видимо, созданного Христофором Митиленским. Гораздо интереснее второе краткое житие, содержащееся в Великих Минеях под 18 марта и явно восходящее к иной традиции о святом, нежели все остальные имеющиеся у нас тексты о нем. В отличие от остальных житий это единственное сообщенное, где родился Анина – в сирийском городе Халкида (М., л. 426а42), совр. Кипр, в 53 км от Антиохии¹⁵. Кроме того, лишь этот текст утверждает, что святой покинул отчий дом не в 15 (ср. С., 540.49–50)¹⁶, а в 18 лет (М., л. 426b.8–10). Только там есть важнейшее сведение о герое: тот не сразу стал жить в пустыне, а сначала постригся в монастыре и лишь позднее “не изволи ту жития устави, но отиде в дальнюю пустыню идеже бе Ефрат река разделяющися о Персь” (М., л. 426b.13–18).

Если Синаксарь утверждает (С., 541.40), будто Анина подвизался около города Кесария (что и сбилось с толку А.П. Каждана), то славянские тексты именуют этот город Неокесария (М., л. 414d.21–24, ср.: Р., 551.1–3). Данное название замечательно укладывается в общую топографию жития: это совр. Дибси Фарадж на Верхнем Евфрате в Северной Сирии, что, в свою очередь, позволяет идентифицировать епископа города, Патрикия, не раз упоминаемого в житии Епископ Патрикий Неокесарийский был активным участником II Халкидонского собора в 451 г.¹⁷ Археологи выявили следы интенсивной строительной деятельности в Дибси Фарадж, пик которой приходится как раз на середину V в., так что Анина для своей пустынноческой жизни выбрал довольно “модное” место.

Однако вернемся к противоречиям в наших источниках. Даже когда все они рассказывают об одних и тех же событиях, акценты в них расставлены по-разному. Например, все варианты жития сообщают, что святой начал свое пустынночество, подселившись к другому анахорету, который через некоторое время

решил уйти из этого места. При этом в М. утверждается, что старец “оубояся отиде в монастырь иже бе на Ефрате и поведи о Анине... и удевен же быс от братия в монастыри и приходяху к нему мниси мнози, имущи недужния” (М., л. 426с.5–8, 10–14). Ни в одном другом варианте жития ничего не говорится о соседнем монастыре, и вообще картина расставания пустынников представлена несколько по-другому: в Р. сказано, что старец Кайума, видя, как Анина начинает превосходить его в подвижничестве, решил, что невозможно долее принимать услужение от такого светоча и “отити помысли, единого его оставити мужающтася” (Р., 548.12–13). Куда ушел старец, не говорится, и лишь ниже упомянуто, что “въ днехъ же техъ начаша страннии приходить къ обители его: славно бо бысть имя его чръноризьцемъ всемъ ближнимъ” (Р., 548.24–26). Что же касается синаксарного варианта С., то в нем ощущается напряженность между двумя пустынниками, от благостной картины тут не остается и следа: «Через какое-то время его (Анины) учитель захотел уйти оттуда, что и сделал. А этот блаженный (Анина) сказал ему: “Прости, честной отче, что не по душе мне удаляться отсюда, (ведь) руководил моим приходом Бог”. И он остался» (С., 539–540.54–57).

У Иртакина мотив разлада между пустынниками доведен до высокого драматизма: “Долго царило между ними святое и единоедушное сожителство, но потом, не знаю почему и как, произошло нечто неожиданное. А случилось вот что. Майума, словно преисполнившись ненависти к (этому) месту, попытался переселиться (оттуда), полагая, что то же самое (сделает) и Анина, ведь иначе он не мыслил своей жизни. Но хотя первый пытался (уйти), второй со своей стороны убеждал остаться. И оба они пребывали в какой-то нерешительности” (Ф., 421).

Сравнение всех текстов показывает, что автор С. использовал греческий оригинал Р., но очень сильно его сократил. Что же касается Ф., то он свободно фантазировал, опираясь на С. и, возможно, еще на какой-то не дошедший текст об Анине. Характерно, например, что выражение “внутренняя пустыня” (Р., 547.12–13) повторяется у Иртакина в совершенно другом контексте (Ф., 422). Славянский текст подчас аккуратнее сохранил особенности своего греческого оригинала, чем последующие греческие же переработки. Например, старец, с которым поселился Анина, в славянском тексте назван Кайума, а в греческих – Майума. Никто раньше не сомневался, что правильная форма – вторая (Р., 547 арр. сrit., Северьянов), однако она явно появилась по аналогии с топонимом Майума, местом смерти Космы Гимнографа – в сирийском же варианте жития приведена как раз форма Кайума¹⁹; вообще, это имя хорошо засвидетельствовано в актах церковных соборов²⁰.

Феодор Иртакин был интеллектуалом XIV в.²¹ В его панегирике Анине цитируются самые изысканные античные авторы: Платон, Аристофан (Ф., 432), Гомер, Филострат (441), Геродот, Еврипид (432), Пиндар, Эпихарм, а также византийские: Григорий Назианзин, Михаил Пселл (441). У Феодора пустынный обращается ко льву с цитатой из Феокрита (424). Столпник описывается словами Гомера (438), и гомеровскими же цитатами цветет переписка между пустын-

¹¹ Супрасълски или Ретков сборник / Изд. Й. Займов, М. Капальдо. Т. 2. София, 1982. С. 543–570. (Далее: Р.).

¹² Die Grossen Lesemenaen des Metropolitens Makarij. Uspenskij Spisok / Hrsg. E. Weiher. Bd. I. Weimar, Freiburg, 1998. (Далее: М.). Это издание не упомянуто в статье об Анине из “Православной энциклопедии”.

¹³ Там же. Л. 392в. 4–393а.30.

¹⁴ Там же. Л. 426а.39–426с.34.

¹⁵ “Chalkis” // RE. Bd. III. 1899. Col. 2090–2091. Разумеется, речь не идет о малоазийском Халкидоне, с которым отождествляет родину святого комментатор Димитрия Ростовского: Жития святых, изданные по Четым Минеям св. Димитрия Ростовского. М., 1904. С. 368. Прим. 1.

¹⁶ Тот же возраст указан и в сирийском житии, см.: Nau F. Hagiographie syriaque. P. 63.

¹⁷ Acta Conciliorum Oecumenicorum / Ed. E. Schwartz. Vol. II. Pt. 1. Fasc. 2. B., 1933. P. 4, 31, 37, 71, 86, 132, 143. Cf.: Devreesse P. Le Patriarcat d’Antioche depuis la paix de l’église jusqu’à la conquête arabe. P., 1945. P. 286–287.

¹⁸ Harper R.P. Excavations at Dibsi Faraj, Northern Syria, 1972–1974: A Preliminary Note on the Site and Its Monuments // DOP. 1975. Vol. 29. P. 322–334.

¹⁹ Nau F. Hagiographie syriaque. P. 63.

²⁰ Acta Conciliorum Oecumenicorum / Ed. E. Schwartz. Vol. II. Pt. 1. Fasc. 1. B., 1933. P. 59.19; Ibid. Vol. II. Pt. 1. Fasc. 2. P. 153.16; Ibid. Vol. IV. Pt. 3. B., 1940. P. 34.7; 110.3.

²¹ Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit, N 29507; Oxford Dictionary of Byzantium. P. 966–967.

ником и столпником (440). В том месте, где в житии упоминается, что святой вырыл яму для сбора дождевой воды, Иртакин пускается в сложное, с использованием эвклидовой лексики, геометрическое описание этой ямы, явно выдуманное им самим (424–425). Он сообщает фантастические псевдонаучные сведения о том, что алмаз можно растопить козлиной кровью (431–432). Там, где автор первого жития походя сообщает, что некто “оубог... тогда пришед в монастырь плача и рыдая глаголаше лодника имети близ не мощи же ся емчимъ испкупити, умилосердив же ся праведник” (Р., 551.26–29), а Синаксарь повторяет эти краткие слова (С., 5412.41–43), Иртакин разворачивает целую сцену: “Некий муж, имея недостаток богатства, а вернее изобильную нужду, и потому работавший ремесленником, дабы доставлять необходимое жене, детям и самому себе, неизвестно как попался недостойному ростовщику, жестокому нравом, и еще более жестокому разумом и вообще человеку, в котором не было ничего здорового. Зачем длить (это описание)? Это было воплощение злого настоящего зверь, волк, скрывающийся под овечьей шкурой. Попад к нему, какого только горя не испытал (ремесленник), чего только не вынес из того, что мучает несчастного бедняка? Чего тот только ни делал – этого было бы достаточно, чтобы сломать камень адамантовой крепости или смягчить железную Харибду... (Ростовщик) заткнул уши для речей бедняка, этот стонал и плакал, а тот напоминал Эриннию из трагедии... Уже бедняк готовил петлю, а ростовщик копал яму. Он беззаботно перелистывал свои записи, где читал размеры ссуды и убийственные проценты, это чудовищнейшее порождение ужасно ехидны. О, если бы проценты не порождали процентов, природа не изблеывала бы из себя свою суть... О, сколь велика разница между богатством и бедностью... Насколько богатый для бедного кажется жадным волком, разрывающим бессильного агнца до костей и сухожилий!” И т.д., все описание занимает пять полных страниц (Ф., 431–435).

Точно так же меняется и облик тех варваров, которые фигурируют в житии. В первоначальном варианте это арабы, кочующие возле Евфрата, “разбойники поганые сарацины” (Р., 559.17–18). Но для Иртакина арабы более не актуальны, и их место занимают другие: “...повстречался варвар, страшный видом, мыслями, обликом, поступью и всем остальным, что характеризует дикого варвара. (Все) мы познали тавров и скифов, самых жестоких из кочевых варваров, которые (жестоки) настолько, что вместо кубков пользуют человеческими черепами и убивают встречаемых, словно жертвенных животных” (Ф., 442). Видно, Иртакин намекает на татар!

Сама идеология некоторых эпизодов абсолютно меняется от версии к версии. Так, в Р. повествуется о том, как в некоем апамейском монастыре был монах-столпник, чью обитель решили ограбить разбойники; не найдя ничего ценного, один из них в раздражении “хотя съспешшии своихъ оугасити бешенье, въсхвотивъ съ земли камък върже на главу преподобного” (Р., 557.28–558.1). В С. этот эпизод описан чуть по-иному: “Некий столпник, знаменитый в той стране, по дьявольскому наущению вступил с кем-то в перепалку, так что в него был даже брошен камень” (С., 541.48–49). У Иртакина же все это приобретает уже отчетливо “бесовский” вид: “Столпник... был поражен камнем, неясно, чьим, а вернее, ясно, что дьявольским. Впрочем, некоторые утверждали, что (он пострадал) от некоего человека, с которым издавна имел ссору” (Ф., 438). Кстати, представления о размерах столпа, на котором стоял столпник, тоже поменялись с течением веков: это следует из описания в разных версиях доставки письма Анины к столпнику. Согласно Р., Анина призвал своего ручного льва и досыта накормил его для дальней дороги (Р.,

558.5–7), потом привязал свое послание ему на шею (13–14) и велел бежать, никому не причиняя по дороге зла. Когда зверь добежал до монастыря, он принялся “ногътymi своими двѣри деруштоу, и исхъдъ некий от живущих тоу виде и текъ поведѣа оучителю своему глаголя яко зверь превеликъ стоит пред дѣрѣми. Он же рече сотворив молитву: брате, отверзи ему да влезет. Утръ же бывъ зверь и ногама преднима оперся о столп, выю же къ преподобноуму горе возведе подающе книжица преподобноуму” (23–30). У Иртакина история выглядит несколько иначе: “Когда ему было вручено послание, он закусил его (зубами) и побежал... Прибыв же, он не мог вскарабкаться на столп, ведь тот вообще не был доступен для подъема, но бегал вокруг основания. Повстречав одного ученика (святого столпника), он, подобно охотничьей собаке, которая скребется и прыгает вокруг хозяина, выплюнул письмо. Затем, вытянув вверх голову и грозно подняв брови, он стал знаками показывать, чтобы тот быстро залез и передал учителю письмо” (Ф., 441)²².

Разница в том, что автор первого жития знал, как реально выглядят столпы, на которых стояли столпники, а именно, что они не очень велики. В XIV же веке столпничество было уже далеким воспоминанием, и в воображении Иртакина столп превращается в нечто гигантское.

Теперь мы сосредоточимся на тех исторических сведениях, которые содержатся исключительно в славянской версии жития и никогда не использовались историками. Оригинал (видимо, греческий, хотя нельзя полностью исключать и возможность того, что сам греческий прототип являлся переводом с какого-то изначального сирийского оригинала, родственного сочинению Якова Саругского) был составлен в монастыре, основанном Аниной. Инициатором написания текста был, скорее всего, преемник святого, Вероникиан (кстати, этот персонаж, фигурирующий в Минейном варианте, см.: М., л. 424е.26–28, упоминается и в сирийском житии как Bar-Niqine²³). Многие детали ранневизантийской святости в последующие века стали казаться скандальными и потому не попали в синаксарную версию: например, рассказ о том, как Анина заставлял приходивших к нему паломников ложиться на землю и топтал их ногами (Р., 556.4–557.19; ср.: М., л. 416с.1–27), донесен лишь славянской версией. Кроме того, ряд историй первоначального жития выпал в позднейших греческих переработках, потому что в них упоминались лица и обстоятельства, важные лишь для современников и близких потомков.

Так, автор древнейшей версии рассказывает про некоего примикирия Сергия Секунда²⁴. Он аттестован как важный начальник из Эмеса, который в ослабленном виде был привезен к святому, бился, кричал, оскорблял Анину и плевался. Его безуспешно пытались одолеть бывший протопоп Неокесарии Юлиан и иподиакон Иоанн, сын Феодора, но лишь Анина достиг успеха. Одновременно святой предусмотрел, чтобы люди, приехавшие посетить больного, не видели его в столь ужасном виде. По излечении Сергей вновь занял свой пост и часто приезжал навестить Анину (Р., 552.18–556.3, ср.: М., л. 415а.35–416b.21).

²² Этот колоритный эпизод отсутствует в сирийском варианте жития, хотя ручной лев в нем и упоминается, см.: *Bais S. II Topos...* Р. 223. Зато Иосифу Песнописцу эпизод хорошо известен (Ms. Athos. Laura, D 37, f. 32r).

²³ *Nau F. Hagiographie syriaque*. Р. 64.

²⁴ Это лицо не поддается отождествлению ни с одним из известных нам Сергиев ранневизантийской эпохи; единственный хоть сколько-то подходящий кандидат – тот Сергей, который служил губернатором провинции Сирия Секунда в 513–518 гг., ср.: *Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. II. Cambridge, 1980. Р. 994.

Важную роль рассказывает первый агиограф про “воеводу” Трокондия или Трокунда. Это Флавий Аппалий Илл Трокунд, исавр, в 476–477 гг. посланный императором Зином для взятия Антиохии, консул и *magister militum* 482 г. Он назван в житии стратилатом великого Антиохийского града. Захворав, Трокунд отправился за помощью к святому, но доехал только до Халкиды и послал своих “жупанов и сановитых” просить Анину самого прибыть туда. О том же умолял нашего героя и епископ Патрикий, но все они получили отказ. И вот важному сановнику пришлось смирить свою гордость и самому отправиться в пустыню²⁵. По прибытии к святому Трокунд сначала не мог ходить, но, излеченный Аниной, стал предпринимать пешие прогулки, “якоже видети новую Кесарию и Евфрат реку”, (Р., 560.28–562.6; ср.: М., 418a.5–418b.27)²⁶. *Terminus ante quem* для появления Трокунда в житии – 484 г., поскольку именно в этом году его брат Илл организовал мятеж, а Трокунд принял в нем участие, бежал, был пойман и казнен²⁷. Может быть, агиограф, осуждая вельможу за чрезмерную кичливость, как раз и намекает на его последующую печальную судьбу?

Позднее к Аине прибыл некий “Полатий от царствующего града”, заболевший в Апаме; святой и ему помог (Р., 562.6–563.14; ср.: М., 418b.30–418d.10). Затем был исцелен Тарина (Траян), “воевода исаврийскому языку” (Р., 563.14–564.19; ср.: М., 418d.20–419a.41). Потом в монастырь принесли страдавшего от болезни ног “Ириней Каллиоппия”, который “старейшинствовал в Антиохийском граде”, и прожил после исцеления еще 9 лет (Р., 564.20–30, ср.: М., л. 419b.9–35). Может быть, здесь мы имеем дело с Иринеем, сыном Каллиоппия²⁸, патрикием и викарием Востока?

Анина лечил не только людей, но и животных. Однажды стратиг Ириней привел к святому и коней с антиохийского ипподрома, на которых насылали порчу (Р., 564.30–565.12; ср.: М., л. 419b.28–419c.7). Волхование с целью вывести из строя лошадей соперников было весьма распространено среди ранневизантийских цирковых партий²⁹, однако способ, каким Анина снял сглаз, весьма оригинален: он впряг бесценных коней в жернова. Однажды к святому привели обезумевшего быка, который, порвав путы, стал бегать по монастырю, “и устремился во внутренний двор, и влез в ятхульницу на братья ту делающих... якоже принуждены им быти самим въврести в пещь хлебную и изволити паче в огне сгореть нежели от того събодену быти... прочии же все от ужасения на превышняя хлевины влезоса”. Праведник утихомирил буяна (Р., 565.12–566.18; ср.: М., л. 419c.9–419d.40).

²⁵ Как можно понять из пересказа Ф. Но, это единственный “исторический” эпизод, попавший в сирийское житие Анины; там тоже упоминается, что начальник не желал ехать дальше Кенесрина (т.е. той же Халкиды), однако само имя чиновника не указано, он назван “одним из начальников в Ливане”, см.: *Nau F. Hagiographie syriaque*. Р. 63.

²⁶ Эта деталь доказывает, что отождествление монастыря, основанного Аниной, с обителью Анании, предложенное Ф. Но (*Ibid.* Р. 63. N. 1) и принятое впоследствии (*Vöðbus A. Handschriftliche Überlieferung...* Р. 30. N. 19) должно быть отвергнуто: монастырь Анании располагался возле Каллиника, довольно далеко от Неокесарии; какие бы успехи в деле выздоровления ни показал Трокунд, вряд ли он обрел способность преодолеть пешком десятки километров по пустыне, чтобы, как сказано в славянском житии, “видети Новую Кесарию”.

²⁷ *Martindale J.R. The Prosopography...* Р. 1127–1128; *Stein E. Histoire du Bas-Empire*. Vol. II. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949. Р. 30.

²⁸ *Martindale J.R. The Prosopography...* Р. 252.

²⁹ *Liebeschuetz J.H.G. Antioch. City and Imperial Administration*. Oxford, 1972. Р. 147; *Jordan D.A. Curse on Charioteers and Horses at Rome// Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2002. Bd. 141. S. 141–147.

Все действие жития происходит недалеко от Евфрата, за которым маячил вековой враг – Иран, и из-за которого приходили иногда враждебные, а иногда дружественные арабские племена. Наш герой показан за частым общением с сарацинами: иногда он провидит их нападения и предупреждает заранее всех местных жителей (Р., 569.15–20; ср.: М., л. 421c.33–36), а иногда крестит отдельных кочевников (М., л. 421a.11–22 – этот эпизод сохранен лишь в Великих Минеях). Однако наиболее важен с исторической точки зрения следующий эпизод жития: “Веде яко и прежде моих словес весте все и слышали есте Сергия исаврийского племени князя поставлена велика родом в Озроене и Междуречии область держава от предел сарацинских... победу сотвори на вся лета на пагубныя персы и на помогающие им сарацины, и толико им одоле, якоже не точию заключити им вход в греческую землю вне пределов своих, но и ту им стяжати и из своея земли прогнати я иже побеждени от него многочисне и не могше противитися... Единому только образу остане ся им на умышление к спасению... волшебная хитрость. И абие волшебством своим чтомага от них беса в образе кумирсте призвавше послаша на мужа дух в образе змеине иже влезе в лоно мужа мучаще болезни непрестанни ему творя”. Но Анина изгнал змия (Р., 566.18–567.23; ср.: М., л. 420a.2–420b.27).

Ни о Сергии, ни о его успешных действиях против союзных персам арабов мы не узнаем из других источников. У Феофана можно найти расплывчатую фразу, что в начале правления Зинона (правил с 474 г.) арабы нападали на Месопотамию³⁰. И. Шахид предполагает, что “нападение, возможно, было инспирировано персами”³¹. Быть может, агиограф имеет в виду именно этот эпизод? Это не исключено, однако Исаак Антиохийский, рассказывающий, по всей видимости, о том же самом рейде, локализует его значительно восточнее Неокесарии³². Есть больше оснований вспомнить о другом событии: в 484 г. произошел еще один рейд, известный из письма нисибийского епископа Бар Шавмы патриарху Мар Акакию. Сирийский автор рассказывает следующее: “В начале августа мы, во имя мира и в знак великой дружбы, позволили дуксу приехать в Нисибис, к марзбану (т.е. персидскому наместнику Кардагу Накорагану. – С.И.), и он был принят им с большим почетом. Пока они пили, ели и наслаждались общением, четыре сотни арабских кавалеристов нагло вторглись и напали на небольшие селения римлян. Когда об этом стало известно, это вызвало большое замешательство с обеих сторон, среди как римлян, так и персов. Генерал и сопровождавшие его вельможи разгневались на нас, поскольку решили, что все это случилось во имя унижения римлян; они считали, что мы пригласили их в Нисибис в обманных целях”³³. Бар Шавма не знает имени командующего. И. Шахид предполагает, что набег совершило племя, союзное персам³⁴. Поскольку в период правления Зинона никаких других событий в византийско-арабско-персидских отношениях не произошло, вполне возможно допустить, что житие Анины пересказывает, хоть и под другим углом зрения, тот же са-

³⁰ *Theophanis Chronographia*. Vol. I. Leipzig, 1883. Р. 120. Источником Феофана здесь был отчасти Евагрий, который в похожих выражениях сообщает о нападениях “варваров-скенитов (т.е. обитателей шатров)” (*Evagrii Historia Ecclesiastica*. III. 2. The Ecclesiastical History of Evagrius. L., 1898. Р. 100.6–9), однако у того нет упоминаний о Месопотамии.

³¹ *Shahid I. Byzantium and the Arabs in the Fifth Century*. Washington, 1989. Р. 114–115.

³² *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars*. Pt. II. AD 363–630. A Narrative Sourcebook / Ed. G. Greatrex, S.N.C. Lieu. L.; N.Y., 2002. Р. 47.

³³ *Ibid.* Р. 115–117. Cf.: *Shahid I. Byzantium...* Р. 115–117; *Dillemann L. Haute Mesopotamie orientale et pays adjacente*. P., 1962. Р. 223.

³⁴ *Shahid I. Byzantium...* Р. 117–119.

мый эпизод 484 г. В этом случае безымянный командующий из письма Бар Шавмы окажется Сергием Исаврийским из жития: видимо, он заболел во время своего визита в Нисибис и решил, что персы во время лицемерных переговоров как-то отравили или “испортили” его. Из-за этого страха brave вояка и отправился к Анине. Наш славянский текст, переведенный в X в. в Болгарии, весьма далеко от Евфрата, позволяет, однако, точнее реконструировать события, происходившие на берегах этой реки полутысячелетием раньше. Житие Анины опровергает пессимистический вывод И. Шахида: “It is possible that the sources are silent on these or, if they did record them, they are not extant”³⁵.

Многие события, упоминавшиеся выше, позволяют предположить, что Анина жил в V в. Более того, большинство из них относится к 70-м – началу 80-х годов V в. Когда же скончался наш святой, проживший, если верить агнографам, 110 лет³⁶? Две сирийские рукописи, в которых содержится рассказ Якова Саругского о жизни Анины, по-разному датируют его смерть: согласно ms. Paris. Syr. 235, он умер в марте 490 г., а если верить ms. Brit. Libr., Add. 12,174, то в 500 г.³⁷ Эта последняя дата повторена и в одном восточном менологии³⁸. В Великих Минеях про нашего святого говорится, что он умер “в II днь мца марта лета единого AI” (М., л. 425а.15–17). Что это за “лето единое”, остается совершенно непонятным. Зато фраза тотчас обретает смысл, если допустить, что слово “единого” есть искажение слова “индикта”. Подобные случаи нередки: например, в надписи 1255 г. из Бояны индикт называется “едикто”³⁹. Если эта гипотеза верна, то получится, что речь идет о 18 марта одиннадцатого индикта. Разумеется, такая хронологическая привязка могла бы соответствовать многим различным датам, но все вышеизложенное позволяет значительно сузить наш выбор: если в 484 г. Анина еще был жив (см. выше), это дает нам *terminus post quem*. С другой стороны, вся атмосфера жития несомненно отсылает нас к периоду до начала византийско-персидской войны 502 г., и это составляет твердый *terminus ante quem*. А в этом хронологическом промежутке (484–502 гг.) остается всего один год, падающий на одиннадцатый индикт. Это 488 г. н. э. Таким образом, мы полагаем, что год смерти Анины можно считать установленным.

Д.А. Черноглазов

ХРОНИКА ИОАННА ЗОНАРЫ И ЕЕ ИСТОЧНИКИ (IX–XI века)

Об источниках Хроники Зонары существует обширная литература¹. Однако среди работ, написанных на эту тему, нет ни одного специального исследования, посвященного методу работы хрониста с сочинениями предшественников. Такая лакуна вполне объяснима: “Сокращенную историю” долгое время считали примитивной монашеской хроникой – заурядным компилятивным сочинением². Хроника Зонары интересовала исследователей исключительно как источник исторических сведений, которые писатель заимствовал из не дошедших до нас сочинений³.

В последние десятилетия появились работы, заставляющие пересмотреть традиционную оценку⁴. Было показано, что Зонара – не компилятор, а самостоятельный автор, не скрывающий собственных взглядов, что “Сокращенная история” – своеобразное сочинение, ценный памятник комниновской эпохи. Автор первой монографии о хронике Зонары И. Григориадис указал на ряд художественных достоинств этого произведения и не без оснований назвал нашего хрониста одним из самых “златоустых” писателей двенадцатого столетия⁵.

В контексте этих выводов вопрос о методе работы Зонары-историографа приобретает особую актуальность. Сопоставление текста “Сокращенной истории” с ее источниками позволило бы нам получить представление о том, как писалась Хроника, помогло бы глубже понять художественную природу этого произведения.

Целесообразность подобного рода исследований не нуждается в обосновании. Ученые уже анализировали методы компиляции других византийских хронистов: Феофана Исповедника⁶ и Георгия Синкелла⁷. Изучение хроник именно с этой точки зрения позволило сделать ряд важных выводов об идейных позициях компиляторов и о художественной природе их сочинений.

¹ Наиболее полный перечень работ о хронике Зонары приводит Моравчик. См.: *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Vol. I. Aufl. B., 1958. S. 347–348.* Последующие работы перечисляет Г. Хунгер: *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1. München, 1978. S. 418.*

² *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897. S. 374; Hunger H. Op. cit.*

³ *Schmidt W.A. Über die Quellen des Zonaras // Zeitschrift für die Altertumswissenschaft. 1839. S. 285.*

⁴ *Magdalino P. Aspects of Twelfth Century Byzantine Kaiserkritik // Speculum. 1983. 58. P. 326–346; Afinogenov D.E. Some Observations on Genres of Byzantine Historiography // Byzantion. 1992. 72. P. 13–33; Grigoriadis I. Linguistic and Literary Studies in the Epitome Historion of John Zonaras. Θεσσαλονίκη, 1998.*

⁵ *Grigoriadis I. Linguistic and Literary Studies... P. IX.*

⁶ *Чичуров И.С. Феофан – компилятор Феофилакта Симокатты // АДСВ. 1973. Т. 10; Он же. Феофан Исповедник – компилятор Прокопия // ВВ. 1976. Т. 37; Он же. Место “Хронографии” Феофана в ранневизантийской исторической традиции // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981 год. М., 1983. С. 41 и сл.; Любарский Я.Н. Феофан Исповедник и источники его “Хронографии” // Византийские историки и писатели. СПб., 1999.*

⁷ *Adler W. Time Immemorial: Archaic History and its Sources in Christian Chronography from Julius Africanus to George Syncellos. Washington, D.C., 1990. P. 132–158.*

³⁵ *Ibid. P. 119.*

³⁶ М., л. 422d.33–38; *Nau F. Hagiographie syriaque. P. 64; Ms. Athos, Lavra D 37, f. 33r.*

³⁷ *Nau F. Hagiographie syriaque. P. 64.*

³⁸ *Analecta Bollandiana. 1908. Vol. 27. P. 178.*

³⁹ *Стојановић Л. Стари српски записи и натписи. Београд, 1902. Кн. 1. № 18.*

Цель настоящей работы – дать предварительную характеристику метода Иоанна Зонары. Для этого мы сопоставим хронику со следующими ее источниками.

1. “Обозрение истории” Иоанна Скилицы и сочинение Продолжателя Скилицы.
2. “Хронография” и “Краткая история” Михаила Пселла.

* * *

Исследователи уже не раз отмечали прямую зависимость разных разделов Хроники Зонары от “Обозрения истории” Иоанна Скилицы (Scyl.) и сочинения Продолжателя Скилицы (Scyl. Cont.). Так, немецкий византист Ф. Гирш показывает, что труд Скилицы послужил основным источником для рассказа Зонары о событиях с 811 по 946 г.⁸ П.Д. Карышковский отмечает, что к Скилице восходит рассказ Зонары об истории второй половины X столетия⁹. О Продолжателе Скилицы как источнике Хроники Зонары упоминает Я.Н. Любарский¹⁰.

Один раз Зонара сам называет труд Скилицы своим источником (Zon. 673.4). Впрочем, он именует этого автора Фракисием (Θρακῆσιος), но точно так же Скилицу называет Георгий Кедрин¹¹. Принадлежность этих двух имен одному и тому же писателю не вызывает сомнений.

Многочисленные смысловые параллели и лексические совпадения между сочинениями Скилицы и Продолжателя Скилицы, с одной стороны, и Хроникой Зонары, с другой стороны, позволяют утверждать следующее: “Обозрение истории” Иоанна Скилицы является основным источником Зонары для истории 811–1057 гг.¹² Рассказ нашего хрониста о последующих событиях (1057–1079) восходит преимущественно к Продолжателю Скилицы.

Тексты “Обозрения истории” Иоанна Скилицы и труда Продолжателя Скилицы опубликованы в критических изданиях, и у нас поэтому есть возможность, сопоставив их с Хроникой Зонары, выяснить, как писатель работал над двумя из своих основных источников.

Перед тем, как приступить к пересказу “Обозрения истории” Скилицы, Зонара внимательно изучает текст его сочинения. К такому заключению приводит одна любопытная закономерность: заимствуя у Скилицы характеристики и суждения о героях, наш хронист переносит их на персонажей более раннего пе-

риода. К примеру, рассуждения Романа I Лакапина (920–946), и в частности о том, что василевс выплатил из казны долги всех константинопольцев, Зонара выносит следующее суждение: 1. τοὺς μὲν οὖν ὀφειλέτας ὠφέλουν ταῦτα, τῷ δὲ γε Ῥωμανῷ μικρὸν ἢ οὐδὲν οἶμαι λυσιτελεῖν, διὰ τε ἀλλότρια ἐτύγχανον τὰ διδόμενα (δημόσια γάρ) καὶ διὰ τὴν βασιλείαν ἀρπάσας καὶ ταύτην κατέχων καὶ ἀπολαύων αὐτῆς καὶ τὸν ᾧ προσῆκε ταύτης ἀποστερῶν ἑαυτῷ μὲν ἀπεκλήρου τῆς βασιλικῆς εὐκληρίας τὰ ξύμπαντα, ταῖς δ' εὐποίαις βράνιδα μικρὰν ἀπεμέριξε¹³ (Zon. 478.13–19).

Подобное рассуждение обнаруживается и в тексте “Обозрения истории”, но относится оно не к Роману I, а к Михаилу IV Пафлагону, правившему значительно позже – с 1034 по 1042 г. Ситуация аналогична: император приходит к власти незаконно (Михаил убивает своего предшественника Романа III Аргира) и пытается искупить тяжкий грех многочисленными благодеяниями. Скилица осуждает царя: τῆς βασιλείας ὀλοσχερῶς ἀντεχόμενος, καὶ τῶν δημοσίων καὶ κοινῶν τὰς δοκούσας εὐποίας ἀποπληρῶν, εἰθ' ὑπολαμβάνων συγχωρήσεως τυχεῖν, ἀνόητον ἐλογίζετο τὸ θεῖον καὶ ἄδικον, ἀλλοτρίοις χρήμασιν ὠνούμενον τὴν μετάνοιαν¹⁴ (Scyl. 398.71–74).

Сходство двух приведенных пассажей¹⁵ показывает, что текст Зонары непосредственно восходит к тексту Скилицы. Следовательно, повествуя о событиях середины X в., Зонара уже прочитал и изучил последующие разделы своего источника, посвященные истории XI столетия.

Наше предположение подтвердит еще один пример. Намереваясь рассказать о походе болгарского царя Симеона (893–927) против хорватов, Зонара отмечает: Ὁ μὲντοι τῶν Βουλγάρων ἀρχὼν ὁ Συμεὼν, ἀνὴρ ὢν αἰμάτων, ἡσυχίαν ἄγειν οὐποτε ὅλως προήρητο¹⁶ (Zon. 473.3–4).

О Симеоне Скилица ничего подобного не пишет. В сходных выражениях он характеризует другого болгарского царя – Самуила, правившего значительно позже (997–1014): οὗτος πολεμικὸς ἄνθρωπος ὢν καὶ μηδέποτε εἰδῶς ἡρεμεῖν¹⁷ (Scyl. 330.92–93).

Таким образом, Зонара снова черпает материал из дальнейшего текста “Обозрения истории”¹⁸.

Итак, хронист приступает к пересказу своего источника, заранее изучив его. Зонара не копирует текст “Обозрения истории”, а подвергает его значительной переработке. В чем эта переработка заключается? Обратимся сперва к тем случаям, когда Зонара не отступает далеко от источника, пересказывает его “близко к тексту”. Сопоставим три пары соответствующих отрывков Скилицы и Зонары.

I. Scyl. 328.57–63:

τῶν δὲ Βουλγάρων ἅμα τῇ τελευτῇ τοῦ βασιλέως Ἰωάννου ἀποστατησάντων, ἀρχεῖν αὐτῶν προχειρίζονται τέσσαρες ἀδελφοί, Δαβὶδ Μωυσῆς Ἀαρὼν καὶ

⁸ Hirsch F. Byzantinische Studien. Leipzig, 1876. S. 378–390.

⁹ Карышковский П.Д. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // ВВ. 1953. Т. 6.

¹⁰ Любарский Я.Н. Об источниках “Алексиады” Анны Комниной // Византийские историки... С. 241.

¹¹ Georgius Cedrenus Joannis Scylitzae ope ab Imm. Beccero suppletus et emendatus. Vol. I. Bonnæ, 1838. P. 1.

¹² Исключение составляет рассказ Зонары о правлении императора Никифора Фоки (963–969) (Zon. 497.4–519.10). Фрагменты указанного отрывка Хроники, восходящие будто бы к Скилице, содержат множество подробностей, отсутствующих в этом источнике, а в ряде случаев и противоречат “Обозрению истории” (Zon. 510.15 sq.). М.Я. Сюзюмов предполагает, что Зонара дополняет здесь свой основной источник сведениями, заимствованными из утраченного текста А. (Сюзюмов М.Я. Об источниках Льва Диакона и Скилицы // ВО. 1916. Т. 2). Не исключено, что источником Зонары послужило здесь светское жизнеописание Никифора Фоки, существование которого предположил Я.Н. Любарский (см.: Ljubarskij Ja. Nikephoros Phokas in Byzantine Historical Writings. Trace of the Secular Biography in Byzantium // Byzantinoslavica. 1993. 54. P. 245–653).

¹³ “Должникам это помогло, но Роману, я считаю, никакой пользы не принесло. Ведь отдавал он чужое (он черпал из казны). Захватив власть, удерживая ее и наслаждаясь ею, он лишал ее того, кому она принадлежала по праву, себя утомлял всего царского благосостояния, а благодеянием уделял лишь каплю”.

¹⁴ “Он всеми силами держался за власть, будто бы творил благодеяния, черпая из общих, государственных богатств, и так намеревался снискать прощения. Он считал Бога неразумным и несправедливым, надеясь подкупить его чужими деньгами”.

¹⁵ Лексические совпадения здесь и далее выделяются курсивом.

¹⁶ «А Симеон был “мужем крови” и успокоиться никак не желал».

¹⁷ “Он был воинственным мужем и не знал покоя”.

¹⁸ См. также характеристику, данную Зонарой Константиному V Копрониму (74–770) (Zon. 265.3–5). У Скилицы та же характеристика относится к Михаилу II (820–829) (Scyl. 25.12–14).

Σαμουήλ, ἐνὸς τῶν παρὰ Βουλγάροις μέγα δυνθέντων κόμητος ὄντες παῖδες καὶ διὰ τοῦτο κομητόπωλοι κατονομαζόμενοι¹⁹.

Zon. 547.5–9:

τὰ δὲ Βουλγάρων αὐθις κεκίνητο· ὥς γὰρ ἡ τοῦ Τξιμισκῆ κατήγγελλο τελευτῇ, τέσσαρσιν ἀδελφοῖς ἀνατιθέασαι τὴν σφετέραν ἀρχὴν, Δαβίδ, Μωυσῆ, Ἀαρὼν τε καὶ Σαμουήλ, οἱ κομητόπωλοι ὠνομάζοντο, ὅτι υἱοὶ γεγόνασιν ἐνὸς τῶν παρ' αὐτοῖς ἐπισήμων καὶ λεγομένων κομήτων²⁰.

II. Scyl. 333.86–88:

πρὸς τοῦτον ὁ Χοσρόης πολλάκις καὶ διὰ τῶν οἰκείων στρατηγῶν καὶ αὐτὸς δι' ἑαυτοῦ ἀντιπαραταξάμενος ἐν πάσαις ταῖς μάχαῖς ἠττήθη²¹.

Zon. 550.13–15:

πολλάκις μὲν οὖν ὁ Χοσρόης τοῖς Πέρσαις ἀντηγωνίσαστο τοσαυτάκις δ' ἠττήθη δσάκις σφίσι προσέμιξε²².

III. Scyl. 403. 32–404.37:

στρατηγοῦντος ἐν αὐτῇ τοῦ πρωτοσπαθαρίου Βαρασβατζῆ τοῦ Ἰβηρος, ἄρχοντες τῶν ἀράβων δώδεκα, ἱππεῖς ἔχοντες πεντακοσίους καὶ καμήλους πεντακοσίας, κιβώτια φερούσας χίλια ἔνδοθεν ἔχοντα χιλίους ὀπλίτας, τὴν Ἐδέσσαν κατελήφασαι, φάσκοντες ὥς βασιλέα ἀπιέναι δῶρα κομίζοντες²³.

Zon. 591.13–16:

δώδεκα γὰρ αὐτῶν ἄρχοντες ἐπαγόμενοι καμήλους πεντακοσίας, ὧν ἐκάστη κιβώτια δύο ἐλήχιστο, ἦκον εἰς Ἐδέσσαν· ἕκαστον δὲ τῶν κιβωτίων ὀπλίτην εἶχε ἐντός· δὲ ἀπιέναι πρὸς βασιλέα δῶρα κομίζοντες²⁴.

В греческом тексте мы подчеркнули личные глагольные формы. Сличение отрывков показывает, что у Зонары личных форм заметно больше, нежели у Скилицы. Наш хронист регулярно вносит изменения в синтаксический строй источника. Для Скилицы свойственны бесконечно длинные предложения, содержащие одну-единственную личную форму и целый ряд причастных оборотов participium conjunctum и genetivus absolutus. К такой манере повествования Скилица стремится сознательно. Исследования показали, что хронист систематически преобразует в причастия личные формы источника – сочинения Продолжателя Феофана²⁵. Подобный способ построения характерен не только для “Обозрения истории”, но и для хронистики в целом. Таким стилем написаны исторические сочинения Иоанна Малалы и Феофана Исповед-

¹⁹ “Когда после кончины императора Иоанна восстали болгары, править над ними были избраны четыре брата: Давид, Моисей, Аарон и Самуил, сыновья комита, одного из весьма могущественных среди болгар людей, и поэтому называемые комитопулами”.

²⁰ “Снова началось волнение среди болгар. Ведь когда стало известно о смерти Цимисхия, болгары возложили власть на четырех братьев: Давида, Моисея, Аарона и Самуила, поскольку они происходили от одного из местных знатных людей, называемых комитами”.

²¹ “Хосров, многократно сражавшийся с ним и сам, и через своих полководцев, потерпел поражение во всех битвах”.

²² “Много раз Хосров ополчался против персов, но сколько бы раз он ни сражался с ними, он каждый раз терпел поражение”.

²³ “Когда ее (Эдессы. – Д.Ч.) стратигом был протоспафарий Варавватце Ивир, двенадцать арабских архонтов с пятьюстами всадниками и пятьюстами верблюдами, нагруженными тысячами сундуков с тысячами вооруженных воинов внутри них, пришли в Эдессу, говоря, что направляются к императору с дарами”.

²⁴ “В Эдессу пришли двенадцать их (арабов. – Д.Ч.) архонтов с пятьюстами верблюдами, каждый из которых нес на себе по два сундука. В каждом из сундуков было по одному вооруженному воину. Архонты говорили, что направляются к царю с дарами”.

²⁵ Наблюдение К. Холмс в неопубликованной диссертации.

ника²⁶. Г. Хоррокс называет подобную манеру изложения “стилем административных записей, который считался подходящим и для перечисления событий в хрониках”²⁷.

Зонара коренным образом меняет эту схему. Причастные обороты он преобразует в отдельные предложения – главные или придаточные, а причастия – в личные формы. Для какой цели хронист так поступает? Нагромождение в “Обозрении истории” усложненных конструкций приводит к тяжеловесности и запутанности стиля. Зонара избавляется от причастных оборотов, затрудняющих понимание текста и таким образом достигает большей ясности повествования. Может быть, именно желание оживить свой рассказ, придать ему ясность и выразительность заставляет писателя отказаться от “канцелярского” стиля хронистики?

Переработка, которой хронист подвергает текст оригинала, не всегда сводится лишь к изменению синтаксического строя. Нередко писатель производит и более существенные преобразования. Сопоставим отрывки “Обозрения истории” Скилицы и Хроники Зонары, в которых говорится об одном и том же событии – о битве при Хрисовуле (883).

Scyl. 144.49–145.66:

ὅς αὐτίκα παραλαβὼν τὰς δυνάμεις ἦγε κατὰ Ταρσοῦ, μηδὲν στρατηγικὸν ἐννοήσας μηδὲ εὐβουλίας ἐπάξιον. πλησίον δὲ γενόμενος τῆς Ταρσοῦ αὐλίζεται κατὰ τινα τόπον ὃς Χρυσόβουλλον λέγεται, μήτε τάφρον ἀξιόλογον μήτε στρατοπεδείαν ὄχυράν προστησάμενος. ὃν κατανοήσαντες οἱ Ταρσεῖς ἀμελῶς διακείμενον ἐπιτίθενται τούτῳ νυκτὸς στρατηγήματι χρῆσάμενοι τοιοῦτῳ. ὀλιγανδρῶντες γὰρ ἐκ τῆς πρὸς Ἀνδρέαν ἥττης καὶ μὴ ὄντες ἀξιόμαχοι πρὸς παράταξιν, ἱπποὺς συναγαγόντες συχνοὺς καὶ βύρσας ξηρὰς ἐξάψαντες ἀπὸ τῶν ἱππειῶν οὐρῶν, ὑφ' ἐν παράγγελμα κατὰ πολλὰ τοῦ Ῥωμαϊκοῦ στρατοπέδου ἐπαφίδια μέρη, ὅπισθεν δὲ αὐτοὶ ταῖς σάλπιγξι καὶ τοῖς τυμπάνοις ἐπιδουπήσαντες μέσον τοῦ χάρακος γυμνοῖς τοῖς ἰξίφεσι εἰσεπήδησαν. ταραχῆς οὖν συμπεσοῦσης τῷ τῶν Ῥωμαίων στρατεύματι καὶ δειλίας, συνταραχθέντων ὁμοῦ καὶ τῶν ἀνδρῶν καὶ τῶν ἱππῶν καὶ ἀλλήλοις περιπιπτόντων, συνέβη τοὺς βαρβάρους κρατῆσαι καὶ φόνον ἀπειρον ἀπεργάσασθαι τῶν Ῥωμαίων, τῶν πλείστων δυσκλεῶς συμπατουμένων καὶ συμπτνιγομένων ὑφ' ἑαυτῶν. οὕτω δὲ παραδόξως κρατήσαντες οἱ Ταρσεῖς καὶ Ῥωμαϊκὴν ἰσχὴν κατακόψαντες βαρβαρικοῖς ἀλαλαγμοῖς ἐπαιάνιζον²⁸.

Zon. 424.8–13:

ὅς οὐ μόνον ὧν ἦρχε οὐδὲν κατωρθώκει, ἀλλὰ καὶ δυστυχίματι περιπέπτωκεν ἐξ ἀμελείας καὶ ἀπερισκέπτου σκηνώσεως. γνόντες γὰρ οἱ βάρβαροι τὸ ἐκείνου στρατόπεδον ἀφυλάκτως ἔχον, νυκτὸς αὐτῷ ἐπιτίθενται καὶ ἀναιροῦσι πολλοὺς, οἱ

²⁶ Horrocks G. Greek: A History of the Language and its Speakers. L., 1997. P. 179–185.

²⁷ Ibid. P. 180: note-like style of administration, deemed appropriate also for the listing of events in chronography.

²⁸ “Возглавив войско, Стиппиот тут же двинулся на Тарс, и в мыслях не имея никакого благоразумного плана. Оказавшись поблизости от Тарса, он разбил лагерь в местности под названием Хрисовул, но не защитил его ни достаточно глубокоим рвом, ни надежными укреплениями. Узнав о его беспечном поведении, тарсийцы напали на лагерь ночью. Вот какую они применили хитрость: поскольку после поражения у них не хватало воинов и в открытую они сражаться не могли, они собрали много коней, привязали к их хвостам сухие кожи и по одному знаку пустили коней в разные части ромейского лагеря. А вслед за ними и сами тарсийцы, протрубив в трубы и ударив в тимпаны, ворвались в лагерь с обнаженными мечами. Тут в лагере началась сумятица, охваченные испугом люди и кони принялись в беспорядке метаться, наталкиваясь друг на друга, и варварам удалось одержать верх. Они убили несметное множество ромеев, хотя большинство их сами бесславно истоптали и подавили друг друга. Одержав, таким образом, неожиданную победу и сломив мощь ромейского войска, тарсийцы принялись ликовать и издавать варварские вопли”.

πλείους δ' ὑπ' ἀλλήλων συμπλατούμενοι διεφθείροτο· καὶ οὕτως ὑπερέσχον οἱ τῆς Ἀγῶρ²⁹.

Зонара значительно сокращает свой источник. Он не указывает название местности, где происходила битва, и опускает рассказ о тактическом приеме арабов. Писатель ограничивается тем, что передает общий смысл текста Скилицы своими словами. Зонара изменяет не только лексический состав (отметим, что словесных совпадений со Скилицей в тексте Зонары немного), но и композицию эпизода. Скилица ведет повествование в хронологическом порядке: его рассказ начинается с назначения Стиппиота, а завершается поражением ромеев. Зонара поступает иначе: он сразу сообщает о неудачном исходе всей кампании, а потом уже поясняет, как именно сарацины одержали верх.

Иоанн Зонара – образованный и начитанный автор. Вкратце, своими словами изложить содержание прочитанного текста не составляет для него труда³⁰. Интересно, что для большинства хронистов характерен иной метод. Из текста оригинала извлекаются отдельные “текстовые блоки” – фразы или обрывки фраз, которые затем искусственно монтируются один с другим³¹. В результате повествование нередко утрачивает прежний смысл. Зонаре такой прием совершенно чужд.

Пересказывая труд Скилицы, Зонара не всегда сокращает его текст. Иногда он его распространяет. Обратимся к одному из примеров. Повествуя о смерти Исаака Комнина, хронист приводит сказочный рассказ Продолжателя Скилицы (Scyl. Cont. 108.2–11). Его содержание сводится к следующему: как-то раз во время охоты самодержец погнался за кабаном. Но кабан, добежав до берега моря, погрузился в воду и исчез, а императора внезапно поразила молния, и он без чувств упал с коня. Зонара включает в эту историю две детали.

1. По словам писателя, кабан был “страшен на вид” (Zon. 673.6);
2. Погнавшись за зверем, император “отпустил поводья” (Zon. 673.7).

С какой целью Зонара вставляет эти подробности? По-видимому, рассказ Продолжателя Скилицы кажется нашему автору слишком кратким и сухим. Стремясь сделать его более ярким и выразительным, он домисливает ряд деталей. Приведенный пример – не единственный случай подобной обработки источника. Об интересе хрониста к образным деталям свидетельствуют и другие пассажи его труда.

В рассказе Скилицы о заговоре против Льва V Армянина (812–820) есть такой эпизод: Лев решает казнить главу заговорщиков будущего императора Михаила II Аморийского (820–829) в канун Рождества Христова. Но императрица

²⁹ “Стиппиот не только не исполнил ничего из того, чем хвастал, но и попал в бедственное положение из-за собственной беспечности и неосмотрительности. Ведь, узнав, что лагерь не защищен, тарсийцы ночью напали на него и многих убили. Большинство же ромеев были задавлены насмерть своими же соотечественниками. Вот как агаряне одержали верх”.

³⁰ Подобным образом Зонара сокращает и другие источники. В своей монографии о “Римской истории” Диона Кассия Ф. Миллар сопоставляет краткое изложение “Римской истории” Иоанна Ксифилина и соответствующие разделы Хроники Зонары (см.: Millar F. A Study of Cassius Dio. Oxford, 1964. P. 2–3; 195–203). Сравнение показывает, что, пересказывая труд античного историка, Ксифилин и Зонара действуют совершенно по-разному. Ксифилин сокращает оригинал за счет того, что опускает целые эпизоды. В результате причинно-следственные связи исчезают, и текст эпитоматора становится труден для понимания. Пересказ нашего хрониста производит иное впечатление. Писателю удается кратко передать смысл источника своими словами. Повествование Зонары последовательно и внятно.

³¹ О методе “текстовых блоков” см.: Любарский Я.Н. Феофан Исповедник...

препятствует этому: она называет Льва безбожником и святоотачем; решившимся в канун праздника совершить нечестивое дело (Scyl. 20.49–51).

Зонара передает этот эпизод следующим образом: узнав о решении Льва казнить Михаила, императрица стала этому препятствовать. Она то умоляла супруга отложить казнь осужденного из-за праздника, то отваживалась на дерзость и называла царя безбожником (Zon. 330.1–5). Таким образом, согласно Зонаре, царица не только гневно порицала, но и умоляла Льва V отменить казнь. Ни в “Обозрении истории” Скилицы, ни в его источнике – сочинении Продолжателя Феофана (Theoph. Cont. 35.9–11) – об этом не говорится. Видимо, эту образную деталь домисливает сам Зонара, стремясь к выразительности и правдоподобности рассказа.

Еще один подобный пример относится к истории правления Романа III Аргира. Рассказывая о победе византийцев над арабским флотом, Зонара пишет, что ромеи “сожгли и испепелили” (ἐνέληψε καὶ κατέκαυσεν) корабли сарацин (Zon. 579.17). Скилица в соответствующем эпизоде употребляет нейтральный глагол καταλοεμῆντων (“потерпели поражение”) (Scyl. 386.61). По-видимому, Зонара и здесь стремится “оживить” рассказ источника.

Той же цели служат также сравнения и метафоры, которыми Зонара дополняет текст источника. К примеру, говоря о мятеже Стефана Воислава в 1042 г., хронист дополняет рассказ Скилицы (Scyl. 424.62–425. 97) следующими словами: Воислав скрывался в иллирийских горах, “как дикий зверь таящийся в пещере” (Zon. 617.16–17). Образное сравнение грозного мятежника с диким зверем заметно оживляет повествование хрониста.

До сих пор речь шла о дополнительных образных деталях, сравнениях и метафорах. Иные добавления Зонары к тексту источника носят оценочный характер. Например, рассказ Зонары о низложении св. патриарха Никифора и возведении на патриарший престол еретика-иконоборца Феофота Мелиссина Касситеры завершается следующей ремаркой: “Непостижима бездна судов Господних! Кто следует за кем?” (Zon. 327.7–8). Ни у Скилицы, ни у Продолжателя Феофана подобные слова не обнаруживаются. По-видимому, наш хронист не остается в стороне от описываемых событий и, пересказывая содержание источника, выражает собственную оценку происходящего.

Приведем еще один характерный пример. Вслед за Скилицей Зонара подробно рассказывает о бесчинствах императора Михаила III (842–867). Повествует он и о том, как Михаил запрещает докладывать ему о нападениях врагов во время конских состязаний. Этот эпизод Зонара заключает следующими словами: “Вот как прекрасен был этот василевс! Вот как заботился он о делах государства!” (Zon. 399.3–4). У Скилицы и Продолжателя Феофана подобной рецензии нет. Вероятно, как и в предшествующем примере, эти слова выражают оценку самого Зонары. Характерно, что здесь – как и во многих других случаях – повествование нашего хрониста окрашено легкой иронией. Как уже было отмечено, ирония составляет одну из отличительных черт творческой манеры писателя³².

Эмоциональное отношение Зонары к историческим героям и событиям далекого прошлого отражается также в эпитетах. Например, ловкого заговорщика евнуха Самону хронист величает то “коварным” (δόλιος – Zon. 450.2), то “ненавистным” (μισσρός – Zon. 453.3). Скилица, повествуя о тех же похождениях Самоны (Scyl. 184.87 sq), подобными определениями его не награждает.

³² Другой пример иронии в тексте хроники см. ниже в нашей работе. Подробнее об иронии у Зонары см.: Grigoriadis I. Linguistic and Literary Studies... P. 133–147.

Проявление авторской позиции в тексте Хроники Зонары следует искать не только в оценочных комментариях или эпитетах. Два добавления писателя к рассказу о корабле императрицы Феодоры заслуживают особого рассмотрения. Согласно Продолжателю Феофана (Theoph. Cont. 88.4–89.14) и Скилице (Scyl. 51.46–66), содержание этой истории заключается в следующем: вблизи Константинополя император Феофил замечает богатое купеческое судно и узнает, что оно принадлежит императрице Феодоре. Император приходит в ярость и приказывает сжечь корабль вместе со всем товаром. Обращаясь к своему окружению, Феофил восклицает: “Знаете ли вы, что меня, Божьею волей императора, августа и собственная супруга превратила в судовладельца? Кто когда-либо видел, чтобы император Ромейский или его супруга стали купцами?” Таким образом, торговля расценивается как занятие, недостойное царственной особы.

Зонара, заимствуя этот эпизод у Скилицы, вкладывает в уста Феофила несколько иные слова: “Меня, императора, – обращается он к Феодоре, – ты хочешь сделать купцом! Знай же, что это простым людям предписано торговать, дабы они таким путем добывали себе средства к существованию. А если мы – со всем нашим двором – будем присваивать себе выгоды от торговли, как тогда добывать себе на жизнь простому человеку?” Таким образом, запрещая императрице заниматься торговлей, Феофил проявляет заботу о подданных, а такого смысла в тексте Скилицы нет. Новый смысл эпизода подтверждается и другим добавлением Зонары. Так, согласно Скилице, император, прежде чем сжечь корабль, приказывает выйти оттуда всем людям. Зонара добавляет еще одну подробность: Феофил разрешает вынести с корабля все, что принадлежит команде, т.е. имущество простых людей.

С какой целью Зонара вносит эти детали и вкладывает в эпизод принципиально иное значение? Не приписывает ли хронист императору Феофилу свои собственные взгляды? Для сравнения можно привести суждение самого Зонары о его современнике императоре Алексее I Комнине (1081–1118): “Делами он распоряжался не как общими и государственными, а себя считал не правителем, а владетелем. Царский дворец он считал именовал собственным домом” (Zon. 766.4–16). Как уже отмечалось исследователями, Зонара не раз формулирует свою собственную позицию как в самостоятельной, так и в компилятивной части Хроники³³. Писатель четко разделяет имущество императора и достояние государства. Историк считает, что царю не подобает считать своей собственностью то, что принадлежит подданным (τὰ δημόσια). Подобную же мысль хронист вкладывает в уста Феофила, запрещающего Феодоре присваивать себе доходы простых людей. Таким образом, можно предположить, что Зонара намеренно изменяет смысл эпизода, чтобы вложить в него актуальное содержание.

Вообще для Зонары-историографа характерно стремление “актуализировать” рассказ о событиях давно минувших лет. Ограничимся одним примером из истории IV в. Повествуя об основании Константинополя (330), Зонара приводит рассказ о пророчестве, что город будто бы простоят всего 696 лет. Комментируя этот эпизод, хронист пишет: “Срок этот уже давно истек. Поэтому либо предсказание Валента (астролога. – Д. Ч.) следует считать ложным, а всю эту науку – греховной, либо нужно полагать, что он назвал тот срок, в течение которого устои государства сохранялись, к сенаторам относились с почтением, граждане процветали, управление было законным, власть была царской, а не тиранической, когда государи считают общее своим и черпают из казны на соб-

ственные удовольствия” (Zon. 15.3–12). Таким образом, Зонара и здесь не упускает возможности выразить свои политические воззрения.

Перелагая текст “Обозрения” Скилицы, Зонара не ограничивается небольшими вставками. Нередко он вносит и более значительные изменения. Эпизоды, взятые из этого сочинения, писатель располагает в ином порядке. В качестве примера сопоставим часть раздела “Обозрения истории” Скилицы, посвященного правлению Михаила IV (Scyl. 392.10–409. 86) и соответствующий отрывок хроники Зонары (Zon. 587.13–596. 1). Если разделить текст Зонары на эпизоды и пронумеровать их так, как они следуют в тексте “Обозрения”, то получится следующий результат: 2, 4, 1, 3, 5, 6, 10, 7, 9, 11, 13, 8, 15, 17, 16, 20, 21, 22, 18, 23, 19, 12.

Обратимся к другому примеру. Если таким же образом проанализировать рассказ Зонары (Zon. 444.14–449.15, cfr. Scyl. 180.7–185.40) о событиях царствования Льва VI Философа, исследование приведет к сходному результату: 2, 3, 7, 12, 1, 12а, 4, 6, 10, 13, 14.

Безусловно, столь значительное изменение порядка изложения материала приводит к преобразованию структуры источника.

Как можно охарактеризовать композицию труда Скилицы? Многие разделы “Обозрения истории” построены как типичная средневековая хроника: они представляют собой череду отдельных эпизодов, свободно примыкающих один к другому. Скилица фиксирует события в их хронологической последовательности, не заботясь о тематическом единстве рассказа. Поэтому сообщения, связанные между собой по смыслу, нередко оказываются в разных частях сочинения историка.

Например, в разделе, посвященном правлению Михаила IV Пафлагона, Скилица сообщает о следующем событии: архонт Сицилии просит у императора помощи против собственного брата, поднявшего на острове мятеж. Самодержец отправляет в Лонгивардию войско под командованием Георгия Маниака (Scyl. 398.88–399. 6). Здесь Скилица прерывает рассказ о сицилийских событиях и обращается к другим сюжетам: землетрясениям, наводнениям, военным походам, интригам Иоанна Орфанотрофа и др. Лишь значительно позже – как того требует анналистический принцип – повествование Скилицы возвращается на Сицилию, и мы узнаем о приходе Маниака и о блистательных победах этого полководца (Scyl. 403.22–30).

Как эти же события изложены в хронике Зонары? Рассказав о том, что на Сицилию был послан Георгий Маниак с войском, писатель не прерывает рассказа о сицилийских событиях, а сразу же повествует о прибытии полководца на остров и о его подвигах (Zon. 590.16–591. 14).

Точно так же Зонара обходится и с другими эпизодами того же раздела “Обозрения”. К примеру, текст Скилицы содержит несколько эпизодов, в которых говорится про Иоанна Орфанотрофа, брата императора Михаила, имевшего огромное влияние на управление государством. Вот эти эпизоды:

1. Рассказ о притязаниях Иоанна на патриарший престол (Scyl. 401.67–80).
2. Рассказ о неудачной попытке императрицы Зои отравить Орфанотрофа (Scyl. 403.12–21).
3. Сообщение о непомерно высоких налогах, установленных Иоанном (Scyl. 408.55–59).
4. Рассказ о том, как сестра Иоанна Мария напрасно просит брата эти налоги отменить (Scyl. 408.63–70).

В тексте “Обозрения” эти эпизоды самостоятельны, некоторые из них точно датированы. Что особенно важно, они рассредоточены по всему тексту раздела. Зонара заимствует у Скилицы все эти эпизоды и собирает их вместе – по той причине, что все они имеют отношение к одному историческому лицу,

³³ Magdalino P. Aspects...

Иоанну. Перед нами уже не четыре эпизода, а единый рассказ, негативно характеризующий Орфанотрофа. Тематическое единство этого отрывка Хроники Зонары подтверждается итоговой ремаркой писателя: “вот как Иоанн управлял государством” (Zon. 594.7–597.1).

Сходным образом Зонара перерабатывает и другие разделы своего источника. К примеру, все сообщения, относящиеся к третьему и четвертому браку императора Льва VI Философа, т.е. о Евдокии (Scyl. 180.9–13), о Зое Карбонопсине (Scyl. 182.46–47), о рождении сына Константина и о венчании Зои (Scyl. 184.16–185.25) и о ссоре Льва с патриархом Николаем Мистиком (Scyl. 185.28–40), в “Обзрении” Скилицы перемежаются другими эпизодами, а у Зонары следуют непосредственно одно за другим (Zon. 445.9–446.10). К ним же примыкает и упоминание о восшествии на патриарший престол Николая Мистика, которое у Скилицы помещено значительно раньше и имеет вид отдельного сообщения (Scyl. 180.7–8).

Таким образом, наш автор выстраивает повествование, руководствуясь уже не временной, а логической связью. Эта тенденция вступает в явное противоречие с жанровыми канонами хроники. Ведь главная задача хрониста – зафиксировать события в их временной последовательности. Зонара же строит причинно-следственную цепочку и группирует эпизоды по тематическому принципу, смешивая хронологический порядок. Показательно, что в тексте Зонары почти вовсе нет точных дат, которыми изобилует “Обзрение истории” Скилицы.

Стремление Зонары к единству рассказа выражается не только в композиционных перестановках. Группируя эпизоды по-новому, хронист соединяет их также и синтаксически. К примеру, вот три уже упомянутых выше сообщения Скилицы. Речь идет о браке Льва Философа с Зоей Карбонопсиной.

Scyl. 182.46–47:

Ἦγάγετο δὲ καὶ τετάρτην γυναῖκα Λέων ὁ βασιλεύς, Ζωὴ τὴν Καρβωνοψίναν, ἣτις ἐβίω χρόνον συχνόν μετ’ αὐτοῦ ἀστεφής³⁴.

Scyl. 184.16–185.17:

Ἐτέχθη δὲ τῷ βασιλεῖ ἀπὸ Ζωῆς τῆς τετάρτης αὐτοῦ γαμετῆς παιδίον ἄρρεν³⁵.

Scyl. 185.18–19: ἐβάπτισε δὲ τὸ παιδίον ἐν τῇ ἀγίᾳ Σοφίᾳ Νικόλαος ὁ πατριάρχης³⁶.

Три приведенные фразы источника Зонара собирает вместе и создает из них одно предложение (Zon. 446.1–5): καὶ τετάρτην ἄγεται γαμετὴν τὴν Καρβωνοψίναν Ζωήν. οὐκ εὐθὺς μέντοι αὐτῇ τοῦ τῆς βασιλείας μετέδωκεν ἀξιώματος, ἀλλ’ ἐφ’ ἱκανὸν αὐτῷ συμβιοῦσα ἦν ἀταινώτος, μέχρις οὗ παιδίον ἐξ αὐτῆς ἐτέχθη τῷ βασιλεῖ, ὃ παρὰ τοῦ πατριάρχου Νικολάου τοῦ θείου κατηξιώθη βαπτίσματος³⁷.

Первая фраза Скилицы становится в тексте Зонары главным предложением, а вторая и третья – придаточными. Второе предложение присоединяется к первому союзом “пока” (μέχρις οὗ), а третье – ко второму при помощи местоимения δ. Таким образом, независимые в тексте источника сообщения теряют самостоятельность и обособленность. Между ними возникает как смысловая, так и формальная, синтаксическая связь.

³⁴ “Женился император Лев и в четвертый раз, на Зое Карбонопсине, которая долгое время жила с ним невенчанной”.

³⁵ “У Зои, четвертой супруги императора, родился мальчик”.

³⁶ “Дитя крестил в храме Святой Софии патриарх Николай”.

³⁷ “Император женится и в четвертый раз, на Зое Карбонопсине. Но не сразу он нарек ее царицей: долгое время она жила с ним невенчанной, до тех пор, пока у нее не родилось дитя, которое патриарх Николай удостоил святого крещения”.

Стремясь к непрерывности повествования, Зонара достигает ее различными путями. Если переход от одной темы к другой не может быть обусловлен логически, хронист не всегда довольствуется простым примыканием: иногда он устанавливает ассоциативное сцепление. Вот один из таких случаев. В рассказе Зонары о правлении Константина Мономаха мы находим следующую фразу (Zon. 644.11–15): καὶ οὕτως ὁ τῶν Πατρίνακων ἔληξε πόλεμος. Ὁ δὲ σουλτάν οὐκ ἔληγεν ἐπὶ τὰς ὑπὸ Ῥωμαίους χώρας καὶ πόλεις καὶ τὰς μὲν ληϊζόμενος, τὰς δ’ ἐκπορθῶν τε καὶ οἰκείουμενος³⁸.

Таким образом, связь между эпизодами основана на двукратном употреблении одного и того же слова “прекращать” (ἔληξε – οὐκ ἔληγεν). Перед нами словесно-ассоциативное сцепление – прием, характерный для повествовательной манеры Пселла, Анны Комнины или Никиты Хониата, но совершенно не свойственный хронистам.

Заканчивая рассказ о севасте Склирене и переходя к мятежу Георгия Маниака, Зонара пишет следующее: καὶ ἡ μὲν ἀπῆλθε, τῷ δὲ βασιλεῖ ἐπῆλθεν ἐμφύλιος (Zon. 621.4–5)³⁹.

Связь между эпизодами здесь тоже базируется на словесной ассоциации. Дважды употреблен один и тот же глагол с разными приставками (ἀπῆλθε – ἐπῆλθεν). Пример очень показателен. Зонара настолько увлекается словесной игрой, что допускает ошибку. Согласно его версии, мятеж начался уже после смерти севасты. В действительности Склирена умерла два года спустя после мятежа.

Однако подобных примеров в Хронике немного. Гораздо чаще писатель пользуется другим приемом. Единство повествования достигается путем прямого авторского вмешательства. Поясним это на примере: завершив рассказ о мятеже Льва Торника и переходя к изложению истории русской войны 1043 г., Зонара отмечает: “До сих пор речь шла о войнах междоусобных, теперь же перейдет к войнам варварским. А прежде всего пусть будет рассказано о походе Руси” (Zon. 631.6–8). Вводя в текст авторскую ремарку (метатекстовое высказывание), хронист эксплицитно уведомляет читателя о перемене темы.

* * *

Повествуя о событиях конца X–XI в., Зонара весьма часто обращается к “Хронографии” Михаила Пселла⁴⁰. Знает хронист и второе историческое сочинение Пселла – “Краткую историю”, лишь недавно ставшую достоянием исследователей (Н.С.). Целый ряд пассажей Хроники, относящихся к истории второй половины X столетия, восходят непосредственно к этому сочинению⁴¹. Из про-

³⁸ “Вот так прекратилась война с печенегам. Султан же не прекращал совершать набеги на ромейские владения, то разоряя, то опустошая и присваивая их себе”.

³⁹ “И вот она ушла, а пришла к царю междоусобная война”.

⁴⁰ О “Хронографии” как источнике хроники Зонары см.: Λαμπιδης Ὁ. Ὁ Μιχαὴλ Ψελλὸς ὡς πηγὴ τῆς Ἐπιτομῆς τοῦ Ἰωάννου Ζωνάρᾳ // ΕΕΒΣ. 23. 1949. Σ. 170–188. Греческий исследователь отмечает и частично цитирует все соответствующие отрывки Пселла и Зонары. Вместе с тем Лампсидис воздерживается от конкретных выводов о соотношениях этих текстов, предоставляя об этом судить читателю.

⁴¹ О соотношениях “Краткой истории” Пселла и хроники Зонары см.: Ljubarskij Ja. Nikephoros Phokas...; Любарский Я.Н. Еще один источник хроники Иоанна Зонары / Византийские историки... С. 279–282. В своих статьях Я.Н. Любарский показывает, что шесть пассажей хроники Зонары, которые ранее считались вставками самого хрониста или результатом использования устной традиции (Wartenberg G. Berichtigung einer Angabe des Skylitzes ueber Nikephoros II Phokas // BZ. 1895. Bd. 4. S. 478), обнаруживают прямую зависимость от “Краткой истории”.

изведений Пселла Зонара заимствует как отдельные детали, так и целые законченные эпизоды. "Хронография" иногда становится даже основным источником нашего хрониста. К примеру, рассказ Зонары о царствовании Михаила V Калафата или о самостоятельном правлении императрицы Феодоры восходит почти исключительно к пселловскому труду.

Из "Хронографии" Зонара заимствует ряд эпизодов, по своей теме и стилю изложения не свойственных хроникам. Так, он нередко помещает в текст своего сочинения развернутые и цельные характеристики нрава императоров и других героев. Вслед за Пселлом Зонара повествует о придворных интригах и о частной жизни царственных особ. Иными словами, хронист привлекает из "Хронографии" все то, что характерно для творческой манеры Пселла, но совершенно не вписывается в каноны хроники⁴² — того жанра, который избирает для себя Зонара.

Пересказывая "Хронографию" и "Краткую историю" Пселла, Зонара нередко применяет те же методы, что и в работе над "Обозрением истории" Скилицы. Так, писатель обогащает повествование образными деталями. Например, в разделе "Хронографии", посвященном Михаилу IV, есть такой эпизод: под давлением Иоанна Орфанотрофа императрица Зоя соглашается усыновить его племянника Михаила (будущего императора Михаила V Калафата). Перед алтарем Влахернской церкви Зоя провозглашает Михаила своим сыном, а император воздает ему почести и возводит в достоинство кесаря (Chron. IV. 23). Зонара "дорисовывает" выразительную деталь: во время церемонии царица перед алтарем "обнимает Михаила как сына" (Zon. 598.3).

Перелагая труды Пселла, Зонара не избегает случая добавить собственный комментарий, имеющий характерный иронический оттенок. К примеру, хронист передает рассказ Пселла о любовной связи императрицы Зои с будущим царем Михаилом IV Пафлагоном (Chron. III. 17–23, cfr. Zon. 582.3–584.10). В этой истории есть такой эпизод: император Роман, несмотря на всевозможные намеки, не замечает преступной связи своей жены и приказывает Михаилу прислуживать в царской опочивальне. Пересказывая этот сюжет, Зонара с иронией заключает, что самодержец стал для возлюбленных сводником (Zon. 583.10–11).

* * *

До сих пор мы говорили о соотношениях Хроники Зонары с тем или иным из ее источников — сначала с "Обозрением истории" Скилицы и с трудом Продолжателя Скилицы, а затем с "Хронографией" Михаила Пселла. Однако Зонара не принадлежит к числу тех хронистов, которые ограничиваются сокращенным изложением одного источника, а перейдя к другому, уже не возвращаются к первому. По ходу рассказа писатель нередко чередует сообщения, заимствованные у разных авторов. В таком контексте закономерна постановка вопроса: каким образом Зонара комбинирует сведения, взятые им из разных текстов — сочинений Пселла и Скилицы? Какими средствами Зонара строит из них свое повествование?

Иногда метод Зонары прост: эпизоды и характеристики, взятые у разных авторов, просто примыкают один к другому. Однако такой способ построения чаще применяется Зонарой в других разделах его труда. К примеру, хронист не

пытается ни тематически, ни синтаксически связать между собой те эпизоды, которые он заимствует из "Римской истории" Диона Кассия и из "Церковной истории" Евсевия Кесарийского.

Для рассматриваемой нами части его Хроники характерна иная тенденция. Из сведений разных источников Зонара стремится различными способами построить единый связный рассказ. Заимствуя у Пселла развернутые характеристики, писатель пытается связать их по смыслу с теми эпизодами, которые он находит у Скилицы. Как он это делает, покажет пример. Вот фрагмент рассказа Зонары о Василии II: "Возвратившись в Константинополь, Василий предписал, чтобы налоги разорившихся бедняков уплачивали динаты. Назывался этот порядок аллиленгием. Хотя многие и среди них сам патриарх Сергий умоляли царя упразднить это несправедливое и безрассудное постановление, василевс оставался непреклонен. Ведь, возгордившись от побед, он стал относиться ко всем высокомерно и пожелал, чтобы подданные не любили его, а боялись. Он хотел управлять военным и гражданским сословием не по существующему обычаю, который законодатели именуют законом, а по собственной воле" (Zon. 561.1–11).

Приведенный отрывок составлен из двух источников. Первая часть его почти дословно повторяет сообщение Скилицы о законе 1001 г. (Scyl. 347.76–80). Вторая часть, в которой говорится о высокомерии и властолюбии Василия — переложение текста пселловской "Хронографии" (Chron. I. 29.3–6). Сообщения двух источников Зонара соединяет не механически: он устанавливает между ними новую причинно-следственную связь, выраженную словесно союзом "ведь" (ὅρ). Непреклонность Василия к просьбам патриарха и отказ упразднить аллиленгий предстает как следствие высокомерного нрава императора.

Стремление Зонары построить связный рассказ из сообщений разных авторов находит полное отражение в тех случаях, когда Скилица и Пселл повествуют об одном и том же событии. Как правило, Зонара не ограничивается пересказом одной версии. По ходу рассказа он обращается то к одному, то к другому сочинению. Как он это делает, постараемся пояснить на примере.

Рассмотрим рассказ Зонары о мятеже Петра Деляна 1040 г. Его содержание вкратце заключается в следующем: некий Долиан (так вслед за Михаилом Пселлом хронист именуется Делян) выдает себя за побочного сына одного из братьев болгарского царя Самуила, поднимает в Болгарии мятеж и провозглашает себя царем. Император Михаил IV отправляет стратига с войском. Среди воинов тоже вспыхивает восстание, стратиг едва спасается бегством, солдаты избирают своим предводителем болгарина Тихомира и тоже нарекают его царем. Однако Деляну все же удается одержать верх над Тихомиром. Взав в свои руки всю власть над мятежной Болгарией, Делян отправляется в Македонию, берет город Диррахий, опустошает фему Эллада. На сторону мятежников переходят жители фемы Никополь. Узнав об этом, император тут же устремляется в поход. Он уже тяжело болен, и приближенные пытаются удержать его, но безуспешно. Михаил сам возглавляет войско и подходит к пределам Болгарии. Тем временем там объявляется настоящий потомок болгарского царя Алузиан. Победив хитростью Деляна, он сам становится во главе мятежа. Алузиан избегает боя с ромейским войском, заключает с императором договор и получает титул патрикия. Так мятеж завершается (Zon. 598.9–603.16).

О мятеже Деляна говорится и в "Обозрении истории" Скилицы (Scyl. 409.87–414.47), и в "Хронографии" Пселла (Chron. IV. 40–49). Зонара не пересказывает одну из этих версий, а комбинирует сведения, взятые у обоих авторов. Так, повествуя о походе Михаила и об Алузиане, хронист пересказывает

⁴² Hunger H. Op. cit. S. 275.

сочинение Пселла. Рассказ Зонары о борьбе Деляна с Тихомиром, о походах мятежника на Диррахий и Никополь восходит к "Обозрению истории". Однако при сличении текстов Зонары и Скилицы обнаруживается, что при пересказе наш хронист умалчивает об одном важном событии. Согласно Скилице, одержав верх над Тихомиром, Делян тотчас же двинулся на Фессалонику. Находившийся вблизи этого города самодержец, как только узнал о приближении мятежного воинства, тут же в беспорядке бежал в Константинополь. При этом он бросил лагерь, в котором было много золота, серебра и драгоценных тканей (Scyl. 411.39–45).

Почему Зонара не упоминает об этом событии? Можно предположить, что писатель намеренно опускает этот эпизод, поскольку сообщение о бегстве Михаила вступает в противоречие с дальнейшим его рассказом, заимствованным у Пселла. Ведь согласно Пселлу (а вслед за ним и нашему хронисту), император рвется в бой с мятежником, а по Скилице он, напротив, уклоняется от боя и позорно бежит.

Таким образом, метод Зонары в данном случае представляется следующим: хронист берет за основу версию Пселла. Из "Хронографии" он заимствует подробный рассказ о походе Михаила и захватывающую историю о бегстве Алузиана. Однако сведений о причинах военной экспедиции императора хронист у Пселла не находит. О набегах болгар, заставивших самодержца отправиться в поход, в "Хронографии" только упоминается – все повествование сосредоточено на личности царя. Тогда Зонара обращается к Скилице и заимствует из "Обозрения истории" все необходимые ему сведения: рассказ о мятеже в войске, о походах Деляна и о его борьбе с Тихомиром. Но версия Скилицы содержит сведения, опровергающие пселловскую версию. Зонара не отмечает этих разногласий, а просто "правит" текст "Обозрения", чтобы он не противоречил рассказу Пселла.

В чем же причина такой небрежности компилятора? По-видимому, Зонара стремится создать увлекательную историю о болгарском мятеже и для этой цели собирает из доступных ему источников те сведения и детали, которые показались ему интересными. Соблюсти историческую достоверность писатель при этом не пытается.

Объединяя различные версии, Зонара не всегда остается верен хотя бы одной из них. Контаминация двух текстов нередко приводит к формированию в Хронике Зонары новой версии, не соответствующей ни тому, ни другому источнику. Обратимся к одному из таких сюжетов.

О поражении русского флота под стенами Константинополя в 1043 г. рассказывают оба автора: и Пселл, и Скилица. Только рассказывают они по-разному. Исследователи уже отмечали многочисленные противоречия между их сообщениями⁴³. Мы не будем перечислять их все, а остановимся лишь на самых важных.

1. Скилица и Пселл называют разные причины войны. Скилица утверждает (Scyl. 430.36–41), что поводом послужило убийство в Константинополе знатного русского. Согласно Пселлу, никакой разумной причины вообще не было (Chron. VI. 91).

2. Согласно Скилице, император, пытаясь избежать столкновения, дважды отправлял посольство к русским: в первый раз еще задолго до того, как русский флот достиг Босфора, а во второй – когда ромейские и русские суда уже построились друг против друга (Scyl. 430.48–54; 431.66–71). Пселл же сообщает лишь

об одном посольстве, но не императора к русским, а русских к императору (Chron. VI. 92).

Как поступает Зонара? Во-первых, он не отмечает противоречия между сообщениями двух авторов. В случаях принципиальных расхождений, которые были приведены выше, наш автор остается верен Скилице. Вместе с тем, пересказывая его "Обозрение", Зонара последовательно вставляет в повествование целый ряд "элементов" версии Пселла. Перечислим их.

1. Внезапное появление русского флота в Пропонтиде (Zon. 632.3–4).
2. Малочисленность византийского флота (Zon. 632.12–15).
3. Буря, постигшая русские корабли (Zon. 633.10–18).

Вторая и третья вставки лишь дополняют рассказ Скилицы. Образное описание бури, бросившей русские челны на скалы, – не более чем выразительная концовка, придающая эпизоду законченность. Первая вставка, в отличие от второй и третьей, не дополняет версию Скилицы, а изменяет ее смысл: согласно Скилице, император осведомлен о походе русских заранее и отправляет к ним послов еще до того, как их флот достиг Босфора. Согласно Зонаре, Константин Мономах отправляет к русским первое посольство, когда флот противника уже стоит в Пропонтиде. Создается новая версия, противоречащая и тому, и другому источнику.

С какой целью Зонара конструирует новую версию? Возможных причин немало: использование утраченного исторического труда или устной традиции, невнимательность хрониста, не заметившего разногласий между источниками. Однако существует и другое объяснение: заставляя скифов внезапно явиться под стены Царьграда, Зонара "ускоряет" ход событий. В результате возрастает напряженность его повествования. Драматизм усугубляется сообщением о малочисленности ромейского флота, которое писатель тоже заимствует у Пселла и которое тоже вступает в противоречие с рассказом Скилицы (Скилица говорит, что император собирает для защиты столицы много быстроходных триер). Думается, что хронист подбирает эти детали из разных источников с определенной целью. Может быть, Зонара сознательно ускоряет ход событий и "сгущает краски", пренебрегая исторической достоверностью?

Рассмотрим еще один пример. В рассказах Пселла и Скилицы о восточном походе императора Романа Аргира 1030 года трудно найти что-то общее.

Версия Пселла сводится к следующему: продвигаясь из Антиохии вглубь Сирии, ромейское войско попадает в засаду и подвергается нападению небольшого арабского отряда. Внезапность появления варваров и их устрашающие крики обращают ромеев в паническое бегство (Chron. III. 8–11).

Согласно Скилице, восточная кампания Романа продолжалась значительно дольше. Роман успевает разбить лагерь, арабы осаждают его. Все попытки снять осаду ни к чему не приводят. В лагере начинается голод и мор. Император принимает решение отступить в Антиохию, но как только войско выходит из лагеря и трогается в обратный путь, арабы атакуют его и без труда обращают в беспорядочное бегство (Scyl. 379.75–381.37).

Как и в предшествующем примере, Зонара (Zon. 575.8–578.3) умалчивает о разногласиях между его источниками. Он опять берет за основу текст Скилицы, но не забывает и о пселловской "Хронографии". Оттуда он привлекает, во-первых, характеристику арабов (Zon. 576.19–577.2), а во-вторых, сцену нападения арабов и бегства византийского войска (Zon. 577.7–578.2). Включая эту сцену в контекст версии Скилицы, Зонара заставляет арабов атаковать не идущее войско, а лагерь ромеев. Таким образом, выстраивая свой рассказ из фрагментов двух различных версий, Зонара создает третью, свою собственную версию: оба

⁴³ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. СПб., 2000. С. 234 и сл.

источника сходятся на том, что арабы напали на войско, а не на лагерь византийцев, с тем только отличием, что у Пселла войско продвигалось вглубь Сирии, а по Скилице отступало в Антиохию.

Какие причины побуждают хрониста так поступить, неизвестно. Однако, сравнивая этот пример с предыдущим, можно по аналогии предположить следующее: включая в рассказ Скилицы выразительный эпизод из “Хронографии”, писатель намеренно ускоряет ход событий, приближает драматическую развязку – сокрушительное поражение Романа. Ведь по его версии самодержец уже не успевает предпринять последнюю и неудачную попытку прорвать кольцо арабской осады, а затем выйти из лагеря и начать отступление. Катастрофа наступает быстрее. Арабы первыми атакуют его лагерь и берут его приступом.

Наше предположение, что Зонара сознательно ускоряет развитие событий и упрощает фабулу, подтвердит еще один пример. Обратимся к рассказу о первом мятеже Варды Склира. Согласно Скилице, Варда Фока, только что возглавивший войско императора, вступает в сражение с мятежником вблизи Амория и терпит от него одно за другим два поражения. Затем он отправляется в Ивирию и Давид собирает для него новое большое войско. Тогда Фока снова отваживается вступить в бой со Склиром. Бой завязывается в Панкалии у реки Галиса и заканчивается поединком Фоки и Склира (Scyl. 324.32–327.29).

Как эти события отражает Зонара? Он сообщает о поражении Фоки вблизи Амория и о последнем сражении и поединке, выпуская сообщение о походе Варды Фоки в Ивирию. Но вот что в его рассказе странно. По словам Зонары, решающая битва и поединок происходят... на следующий день после битвы у Амория (Zon. 545.2 sq). Может быть, хронист допускает ошибку? Но подобные неточности для Зонары не характерны. Не исключено, что Зонара сознательно сокращает временной промежуток между двумя битвами и приближает развязку, заботясь о занимательности и напряженности своего рассказа. Вспомним, что подобный прием уже был отмечен в византийской историографии XII столетия – в “Алексиаде” Анны Комнины. Как предполагает Р. Лили, события, длившиеся целых полгода, византийская принцесса сознательно вмещает в двухнедельный срок, чтобы достичь драматической напряженности повествования⁴⁴.

До сих пор речь шла о тех случаях, когда Зонара преобразует две версии в одну. Однако, сталкиваясь с противоречивыми свидетельствами источников, наш хронист поступает так далеко не всегда. Зачастую он параллельно приводит обе версии: к примеру, два разных рассказа о смерти Исаака Комнина (там он называет свои источники по именам) (Zon. 672.11–674.6) и о приходе к власти Михаила Пафлагона (Zon. 585.11–586.8).

Нередко хронист скрупулезно отмечает различия даже в мелочах. Обратимся к тому же мятежу Варды Склира. Вот отрывок из описания самого поединка Фоки со Склиром: “Первым Склир поразил Фоку. Как одни говорят, он нанес ему удар палицей по голове. Другие же – что он замахнулся на Фоку мечом, но тот успел уклониться от удара, и меч лишь отсек ухо его коня” (Zon. 545.5–10). Еще один пример. Рассказывая о втором мятеже Варды Склира, Зонара пишет: “Склир шел к царскому шатру пешком, и поддерживали его с обеих сторон – то ли из-за старости, то ли из-за тяжести его тела, ведь он был огромного роста. А другие говорят, что Склир был поражен слепотой, и поэто-му его вели под руки” (Zon. 556.5–10).

Почему же Зонара обходит порой даже самые существенные разногласия, но при этом отмечает различия между версиями в мелочах? Быть может, таким образом сказывается стремление хрониста к пусть даже мнимой достоверности? Не исключено, что здесь можно усмотреть попытку писателя создать иллюзию критического подхода к источникам.

Таким образом, характеризуя работу Зонары над источниками, можно отметить следующие тенденции.

1. С целью сократить источник Зонара не выписывает из него “текстовые блоки”, а кратко передает его основное содержание своими словами.
2. При пересказе отдельных эпизодов источника Зонара упрощает синтаксический строй, заменяя причастные обороты главными и придаточными предложениями.
3. Из разрозненных эпизодов Зонара стремится построить единый связный рассказ. Для этой цели он изменяет порядок изложения, сознательно нарушает временную последовательность, вставляет авторские ремарки и создает новые причинно-следственные связи.
4. Перерабатывая текст источника, Зонара распространяет его за счет образных деталей, сравнений и оценочных комментариев и эпитетов.
5. Писатель не остается в стороне от описываемых событий. Иногда он, по-видимому, вкладывает в повествование новый, актуальный для него смысл.
6. Заботясь о драматической напряженности и занимательности повествования, Зонара нередко контаминирует противоречивые свидетельства источников и создает новые версии. При этом хронист зачастую пренебрегает исторической достоверностью.

Эти тенденции – пусть даже они выражены порой слабо – все же весьма примечательны. От автора всемирной Хроники можно было бы ожидать совсем иного подхода. Так, например, Феофан Исповедник продельывает над источниками обратную работу. Связный рассказ своего оригинала он членит на отдельные сообщения, разрушает логические связи и строит рассказ во временной последовательности⁴⁵. Пересказывая источник, Феофан систематически опускает образные детали и сравнения⁴⁶. Скилица тоже обнаруживает тенденцию, противоположную методу Зонары: пересказывая труд Продолжателя Феофана, этот автор сокращает свое повествование именно за счет образных деталей и сравнений. Наконец, в сочинениях многих византийских летописцев бесполезно искать следы авторской позиции. Хронисты настолько безучастны к тому, что они пишут, что нередко в пределах одного сочинения они заимствуют из разных источников противоположные оценки одного и того же события и, таким образом, противоречат сами себе⁴⁷.

Стремление Зонары к образности, драматической напряженности и композиционной законченности рассказа отдаляет его исторический труд от традиций хронистики и сближает его с произведениями, посвященными современной автору истории – с “Историей” Льва Диакона, с “Хронографией” Михаила Пселла, с “Алексиадой” Анны Комнины.

“Сокращенная история” Зонары – не единственная хроника XI–XII вв., в которой находят отражение отмеченные тенденции. В конце XI столетия появляется “Краткая история” Михаила Пселла. По жанру это сочинение можно отне-

⁴⁴ Lilie R.J. Der erste Kreuzzug in der Darstellung Annas Komnenas // Poikila Byzantina. 1987. 6. S. 49–188.

⁴⁵ Любарский Я.Н. Феофан Исповедник... С. 32–33.

⁴⁶ Чичуров И.С. Феофан – компилятор Феофилакты Симокатты. С. 204.

⁴⁷ Сюзюмов М.Я. Об источниках...

сти к “императорским хроникам”. Однако, пересказывая источники, писатель нередко отходит от канонов хронистики. Из разрозненных сообщений источников Пселл создает занимательные и композиционно завершенные рассказы с легким оттенком назидания. Некоторые главки “Краткой истории” больше напоминают не статьи средневековой хроники, а ренессансные новеллы⁴⁸. Позднее, уже в середине XII в., создается стихотворное “Обозрение истории” Константина Манасси. Автор этой всемирной хроники пересказывает общие места византийской Trivalliteratur, но при этом, как и Зонара, расцветивает свое повествование образными деталями, яркими сравнениями и метафорами⁴⁹.

С IX по XI век византийская историография продлевает долгий и сложный путь от хроники до истории биографического типа, от “Хронографии” Феофана Исповедника до “Хронографии” Михаила Пселла⁵⁰. Этот процесс не ведет к исчезновению всемирной хроники: произведения этого жанра продолжают создаваться и в XI, и в XII в. Однако сочинения византийских летописцев этого периода совсем не похожи на труды их предшественников. В хронистике века Пселла и Анны Комнины появляются черты высокой византийской историографии. “Сокращенная история” Иоанна Зонары – хроника эпохи расцвета византийской словесности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Chron. – *Psello Michele*. Imperatori di Bizanzio (Cronographia). Introduzione di D. Del Corno, testo critico a cura di S. Impellizzeri, commento di U. Criscuolo, traduzione di S. Ronchey. Vol. I – II. Fondazione Lorenzo Valla, 1984.

Georg. Cont. – Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus ex rec. Imm. Bekkeri. Bonnae, 1838. P. 763–924.

H.S. – Michaelis Pselli Historia Syntomos / Ed. W. Aerts. Berolini et Novi Eboraci, 1990.

Scyl. – *Ioannes Scylitzes*. Synopsis historiarum / Ed. H. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1973.

Scyl. Cont. – Εὐδ. Θ. Τσολάκη. Ἡ Συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλλίου. Θεσσαλονίκη, 1968.

Theoph. Cont. – Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus ex rec. Imm. Bekkeri. Bonnae, 1838. P. 3–481.

Zon. – Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XIII–XVIII / Ed. Th. Buettner-Wobst. Bonnae, 1897.

Zon. Ed. Dindorf – Ioannis Zonarae Epitome historiarum / Ed. L. Dindorf. Vol. 1–6. Lipsiae, 1868–1875.

⁴⁸ О композиции и художественных особенностях “Краткой истории” см.: *Ljubarskij Ja*. Some Notes on the Newly Discovered Historical Work by Psellos. TO EΛΛHNIKON. Studies in Honor of Speros Vryonis. Vol. 1. Hellenic Antiquity and Byzantium. N.Y., 1993. P. 213–228; *Любарский Я.Н.* Сюжетное повествование в византийской хронистике // Византийские истории... С. 290–291.

⁴⁹ *Scott R.* The Byzantine Chronicle after Malalas // Studies in John Malalas / Ed. E. Jeffreys, B. Croke, R. Scott. Sydney, 1990. P. 48.

⁵⁰ О развитии византийской историографии см.: *Любарский Я.Н.* Проблемы эволюции византийской историографии // Литература и искусство в системе культуры. М., 1998; *Scott R.* The Byzantine Chronicle...

В.И. Булгакова

ВИЗАНТИЙСКИЕ ПЕЧАТИ ИЗ НАХОДОК В КРЫМУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЧАСТНЫХ СОБРАНИЙ)

Немалое число византийских печатей из Крыма, рассеянных по многочисленным частным собраниям России и Украины, продолжает оставаться недоступным вниманию исследователей. В такой ситуации публикация даже незначительного количества находок становится информативно значимой. В настоящей статье, благодаря дружескому содействию владельцев печатей, рассматриваются византийские моливдовулы из двух российских коллекций.

В силу особенностей составления частных сфрагистических собраний большинство печатей не располагает точными данными о месте и обстоятельстве их обнаружения. В случае же, когда речь идет о византийских печатях, выявленных на территории Восточной Европы, отсутствие паспортных данных иногда может послужить основанием для отнесения их к числу древнерусских находок. При описании публикуемых печатей автор стремился скрупулезно передать информацию о происхождении печатей, полученную от их настоящих и бывших владельцев. Так, лишь два экземпляра (№ 1 и 4) маркированы как совершенно определенно происходящие из византийского Херсона. Крымское происхождение еще двух печатей (№ 5, 6) отмечено как предположительное. Для двух печатей (№ 2, 3) сведения о месте находки отсутствуют, однако, несмотря на это, происхождение экземпляров № 2 и 3 вполне надежно определяется как крымское по их датировке. Обнаружение печатей № 5, 6 на территории Крыма может подкрепляться обстоятельствами их приобретения. Помимо печатей № 1 и 4 специфика собирательства в Крыму дает основания видеть также в четырех других рассматриваемых здесь образцах с наибольшей вероятностью находки с территории Херсонесского городища.

1. АНОНИМ (?) (вторая половина VI – VII в.)

Av.: Погрудное изображение Христа в крещатом нимбе (сегменты – клиновидной формы). По сторонам два крестика. Остатки точечного ободка.

Rv.: Крестообразная инвокационная(?) монограмма. Вверху – Υ, под ней – Ρ; внизу – Ο (?); слева – Κ; справа – Β = ΚΥΡΙ(Ε) ΒΟ(ΗΘΕ)Ι (Κύριε, βοήθει)?

Диаметр – 18,3–17,8; диаметр матриц – ?; толщина – 4 мм; вес – 5,3 г.

Реставрирована. Поверхности заматы. Выщерблена у устьев канала для продевания шнура.

Крым – византийский Херсон; случайная находка до 1991 г.¹

Частная коллекция.

Аналогии монограмме неизвестны. Типологическую аналогию представляет печать из коллекции Г. Закоса с погрудным изображением Христа в крещатом нимбе и монограммой с именем владельца, датируемая второй половиной VI в.²

¹ Сведениями о месте и обстоятельствах находки печатей № 1 и 4 я глубоко признательна украинскому собирателю К.Д. Смычкову (Беловодск).

² *Zacos G., Vegler A.* Byzantine Lead Seals. I. Basel, 1972. N 1100. P. 711. Pl. 92.

2. НЕИЗВЕСТНЫЙ (вторая половина VI – VII в.)

Av.: Поясное высокорельефное изображение Богоматери Никопеи с младенцем (нимб крещатый) перед грудью без медальона. По сторонам два четырехконечных крестика с расширяющимися концами. Следы ободка.

Rv.: Крестообразная монограмма (имени?). Вверху – лигатура ОУ, под ней – Т; внизу – Э-А?; слева – N-Г?; справа – Є.

Диаметр – 21,2–19,5, диаметр матриц – ?; толщина – 3,3 мм; вес – 5,310 г. Патинирована (темно-коричневая патина). Выщерблена у устьев канала. На реверсе процарапан х-образный знак.

Место находки неизвестно.

Частная коллекция (приобретена в 1998 г. на вернисаже в Москве).

Аналогии монограмме неизвестны.

3. КИРИЛЛ (?) (VI–VII вв.)

Av.: Ростовое профильное изображение фигуры с крыльями в движении; в правой руке крест(?) на длинном древке. Круговая нечитаемая надпись без внутреннего ободка. Точечный ободок?

Rv.: Крестообразная монограмма имени Кирилл (?)³. Вверху – Υ; внизу – Λ; слева – Ρ в зеркальном изображении; справа – Κ = “Κυρίλλου” (?). Круговая надпись без внутреннего ободка:ΡΙΕCWCΟ... Точечный ободок?

Диаметр – 15–17; диаметр матриц – ?; толщина – 4,5 мм; вес – 7,250 г.

Положение матриц аверса и реверса не совпадает (?) – матрица реверса перевернута на 180° (возможно, это указывает на использование буллотирия с вкладными матрицами). Реставрирована. Поверхности заматы.

Крым; случайная находка в 1990-е годы.

Частная коллекция (приобретена на вернисаже в Москве).

Близкую и единственную аналогию лицевой стороне печати представляет изображение на анонимной печати VI–VII вв. из частной немецкой коллекции⁴. Представленная на этой печати ростовая фигура с крыльями удерживает, однако, в правой руке крест на сфере, по длине равный половине туловища. Круговая надпись предположительно реконструируется как “ὁ ἀρχάγγελος Μιχαήλ”⁵.

4. ИОАНН (VII в.)

Av.: Высокореельефное погрудное изображение Богоматери Одигитрии с младенцем на левой руке. По сторонам два крестика. Лиственный ободок.

Rv.: Крестообразная монограмма имени Иоанн. Вверху – лигатура ОΥ; внизу – W; слева – Α; справа – Ν = “Ιωάννου”. Лиственный ободок.

Диаметр – 21,5–21,1; диаметр матриц – Av.: 19–?, Rv.: 19; толщина – 3,9 мм; вес – 6,1 г.

Реставрирована. Поверхности заматы. Канал расположен горизонтально.

Крым – византийский Херсон; случайная находка до 1992 г.

Частная коллекция (приобретена на вернисаже в Москве).

³ Подобное прочтение допустимо лишь при рассмотрении реверса перевернутым на 180° по часовой стрелке по отношению к лицевой стороне печати.
⁴ Speck P. Byzantinische Bleisiegel in Berlin (West) // *POIKILA BYZANTINA* 5. Bonn, 1986. N 60.
⁵ Ibid. S. 94.

Монограмма соответствует типу № 249 по Закосу-Веглеру⁶. Типологические аналогии представляют печати из коллекции Г. Закоса, отмеченные погрудным изображением Богоматери Одигитрии и монограммой с именем, а также с именем и титулом владельца, датируемые VII в.⁷ Известна также аналогично оформленная печать VII в. из Херсонеса (собрание ГИМ, Археологический отдел⁸). Стилистика исполнения последней, однако, несколько иная, чем у публикуемой здесь печати.

5. ФЕОДОР (XI – начало XII в.)

Av.: Погрудное изображение Богоматери Оранты (типа “Влахернитисса”?). По сторонам следы богородичных титул. Точечный ободок.

Rv.: Надпись в четыре строки: +ΚΕΡΘ ΘΕΟΔΟΡ ΟΝ..Ν.. Κ...ΛΕ = “+ Κ (ὄρι) ε β(οή)θ(ει) Θεοδόρ(ω)...”. Точечный ободок.

Диаметр – 15,3–13, диаметр матриц – Av.: ?, Rv.: 12–?; толщина – 2,9 мм; вес – 3,0 г.

Реставрирована. Корродирована.

Место находки неизвестно (Крым?); случайная находка в 1990-е годы.

Частная коллекция (приобретена на вернисаже в Москве).

6. НЕИЗВЕСТНЫЙ (XI–XII вв.)

Av.: Ростовое изображение Богоматери Агисоритиссы повернутой влево. По сторонам следы богородичных титул: . . || Θ. = “[Μή(τη)ρ] Θ(εο)[ύ]”. Точечный ободок.

Rv.: Нечитаемая надпись в четыре строки.

Диаметр – 17,2–16,4; диаметр матриц – ?; толщина – 3,9 мм; вес – 6,300 г.

Патинирована. Поверхности заматы.

Место находки неизвестно (Крым?); случайная находка в 1990-е годы.

Частная коллекция (приобретена на вернисаже в Москве).

⁶ Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. I. Pl. 236.

⁷ Ibid. I. № 1203, 1208, 1215.

⁸ Автор признателен хранителю византийской коллекции ГИМа Денису Журавлеву за помощь при работе с печатью.

⁹ Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 207. № 22 (без воспроизведения).

А.И. Романчук

НАХОДКИ В ХЕРСОНЕСЕ ИЗ СЛОЕВ ПОЖАРА XIII в.

Письменные источники, которые позволяли бы уяснить особенности экономического развития провинциальных центров поздневизантийского периода, малочисленны. Это обстоятельство обуславливает особую значимость данных археологических раскопок, прежде всего для прояснения таких сторон жизнедеятельности горожан, как региональная и межрегиональная торговля. Анализ находок из двукратных слоев пожара, выявленных на территории Херсонесского городища, позволяет представить некоторые направления торговых связей, а также “насыщенность” местного рынка платежными средствами.

В последние годы нумизматический материал все шире привлекается исследователями для освещения экономической истории города. Одним из методов, используемых для оценки состояния денежного обращения, насыщенности городского рынка платежными средствами, является их статистическая обработка, составление статистико-хронологических таблиц. При этом в большинстве случаев в подобных таблицах распределение монет по векам производится на основании времени их выпуска¹. Однако время выпуска и период обращения, как показывает анализ материалов из кладов, существенно отличаются. Об этом свидетельствует один из кладов, обнаруженный в окрестностях Херсонеса, опубликованный А.М. Гилевич². Нет необходимости подробно останавливаться на доказательствах исследовательницы. Напомню только, что, несмотря на значительный хронологический разброс монет³, “отложение” клада, по ее мнению, относятся ко времени Корсунского похода князя Владимира.

В качестве примера клада, не вызывающего сомнения в подлинности происхождения, правда, с меньшим количеством монет, можно привести находку из портового района Херсонеса. Во время раскопок улицы, разделявшей два портовых квартала (1970 г., 15-я поперечная), обнаружено 9 монет. В древности они были завернуты в тряпочку или находились в кошельке, поэтому оказались плотно прижатыми друг к другу. Состав находок не имеет существенных отличий

¹ Наиболее полные данные о находках монет из раскопок византийских городов по состоянию на 1960 г. привел А.П. Каждан (см.: *Каждан А.П. Город и деревня Византии, IX–X вв. М., 1960. С. 264–269; ср.: Brandes W. Die Städte Kleinasien im 7. und 8. Jahrhundert. B., 1989. S. 146–147).*

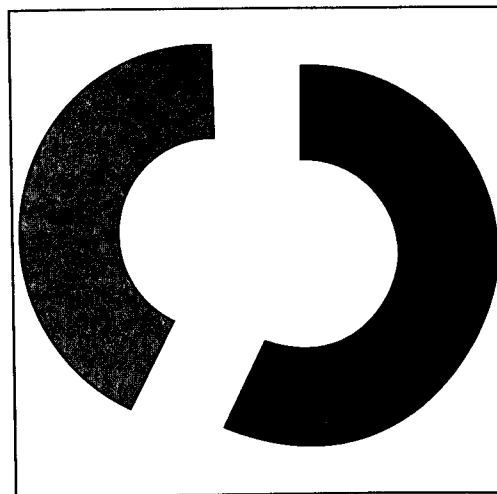
² Гилевич А.М. Новый клад херсоно-византийских монет // ВВ. 1964. Т. 24. С. 150–158; Она же. Клад херсоно-византийских монет IX–X вв. из округа Херсонеса: К вопросу о денежном обращении Херсонеса в IX–X вв. // Материалы сессии, посвященной итогам археол. и этногр. исследований 1964 г. в СССР. Тез. докладов. Баку, 1965. С. 159–160. Чрезвычайно интересный клад был обнаружен в одном из кварталов (XXV) северного района во время раскопок Г.Д. Белова. В разбившемся глазурованном кувшине “лежало” 197 монет. Л.Н. Белова, публикуя находку, отметила, что все они принадлежат литым херсоно-византийским монетам IX–X вв. (Белова Л.Н. Монеты раскопок кварталов Херсонеса // Труды ГЭ. 1981. Вып. 21. С. 42). Однако в описи под № 710–711 приведены монеты типа: Орешников, IX, 34–35, которые, по мнению некоторых исследователей, относятся к более позднему времени.

³ Это обстоятельство вызвало сомнения у некоторых нумизматов в том, что обнаруженный в окрестностях Херсонеса клад относится к концу X в. Они полагали, что это подборка монет коллекционера.

Диаграмма 1. Соотношение монет в кладе на 15-й поперечной улице (в %): 1 – монеты IX в., 2 – монеты X – начала XI в.

Василий I (867–886) – 1 экз. (Ор., т. 9, 22)
Роман I (920–944) – 2 экз. (Ор., т. 10, 51)
Константин VII и Роман I (920–944) – 1 экз. (Ор., т. 10, 48)
Никифор II Фока (963–969) – 1 экз. (Ор., т. 10, 57)
Василий II (976–1025) – 3 экз. (Ор., т. 10, 60)

Определение монет зав. фондами Национального заповедника “Херсонес Таврический” Т.И. Костромичевой

чий от известных кладов X в. Ранняя из монет относится ко времени правления Василия I (867–886), поздняя – монета Василия II (976–1025). В отличие от известных кладов, спрятанных их владельцами, возможно, накапливаемых в течение длительного времени, рассматриваемый был, скорее всего, “утрачен” жителем Херсона. В данном случае его состав может являться несомненным свидетельством совместного обращения монет, относящихся к 150-летнему периоду.

Распределение находок из “кошелька” по векам приведет к искажению информации, которая могла бы быть использована для оценки денежного обращения Херсона времени правления Василия II (см. диаграмму 1). Если учитывать период обращения монет (иначе они не “лежали” бы в кошельке горожанина, жившего скорее всего в период правления Василия II), то все 8 экземпляров должны быть отнесены к графе X – началу XI в.

В данном случае соотношение монет, выпуск которых отделен значительным хронологическим периодом, можно объяснить случайностью. Правда, с таким утверждением не согласуется характер находки. Но это единичный пример. Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть заключение о длительном использовании ранних монет в обращении, обратимся к материалам слоев разрушения комплексов из портового района Херсонеса. При этом следует напомнить, что во время раскопок на различных участках городища были выявлены слои разрушения поздневизантийского периода, в отношении времени образования которых мнения исследователей различаются.

В частности, А.Л. Якобсон полагал, что в 1299 г. на Херсон обрушилось войско Ногай. В начале XIV в. от набегов неприятеля пострадали такие города Таврики, как Судак, Каффа, но дошел ли неприятель до Херсона, в источниках не сохранилось свидетельств⁴. (Отметим, что арабские историки XIV в. называли Херсон Сары-Керменом.⁵) Закрепление татар в юго-западной части Крымского полуострова, по мнению исследователя, существенно изменило обстановку. Опустошение смежных с городом земель отразилось на его экономическом благополучии. В скором времени Херсон попал в сферу интересов итальянских купцов⁶.

⁴ Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес, XII–XIV вв. // МИА. 1950. № 17. С. 37.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 38.

Последний удар был нанесен в конце XIV в. сторонником Тимура Едигеем. Правда, исследователь отмечал, что прямые указания на то, что в это время был разрушен (или существенно пострадал) и Херсон, отсутствуют, но ставил вопрос, “не эти ли татарские погромы самого конца XIV в. явились причиной того всеобщего пожарища, в котором, как показывают раскопки, окончательно погиб город?”⁷. Итак, согласно мнению А.Л. Якобсона, два слоя пожарища, обнаруженные во время раскопок Херсонеса, могли “отложиться” в результате событий конца XIII в. и конца XIV в.

Анализ общекрымской внешнеполитической ситуации склонил В.Л. Мыца к выводу, что возникновение двукратных слоев пожара в портовом районе, связано с событиями второй половины XIII в. По его мнению, в 1278 г. поход Ногай привел к разрушительным последствиям, после этого некоторые кварталы были покинуты жителями, а территория города сократилась до размеров портового района с элементами “точечной застройки” на других участках. Образование второго – верхнего (более позднего) – слоя пожара относится, как полагает В.Л. Мыц, к 1299 г. (результат карательной экспедиции Ногай)⁸.

Однако для того, чтобы представить соотношение нумизматических находок из слоев разрушения, заключения исследователей относительно времени образования слоев разрушения и особенностей планировки Херсона в XIV в. существенного значения не имеют⁹. Важно, что все находки, обнаруженные под упавшей на пол здания кровлей, перекрытой мощным завалом из камня из разрушившихся стен, можно считать “своеобразным горизонтальным срезом”, характеризующим последние дни жизнедеятельности живших здесь горожан. (Следует отметить: для дальнейших подсчетов использованы только те монеты, которые были собраны непосредственно с пола сгоревших помещений.)

На полу одного из помещений в портовом квартале 2 были обнаружены монеты различных вариантов с монограммой “Ро”, которые в зависимости от размеров, изображений на аверсе и реверсе Н.А. Алексеенко¹⁰ распределил следующим образом: XIII в. – 3 экз.¹¹, XII в. – 6 экз., XI в. – 9 экз.¹² Кроме того, здесь же находились следующие монеты: начала XI в. – 1 экз. (Василия II и Константина VIII, 1016–1025), середины X в. (948–959)¹³, конца IX – начала X в. – 1 экз. (Лев VI, 886–912), возможно, IX–X вв. – 2 экз. Наконец, в числе монет XIII в. необходимо также отметить монету сульджуков Рума (Султана Кай Кауса I, 1210–1219)¹⁴. В целом соотношение монет по векам показывает диаграмма 2.

Если разделить все находки только на два периода – XIII в. и IX–XII вв. (т.е. другие), то это соотношение покажет преобладание более ранних монет, которые сохранили свое значение в денежном обращении Херсона (см. диаграмму 2а).

⁷ Там же. С. 42.

⁸ Мыц В.Л. О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. // Международная конференция “Византия и Крым”, Севастополь, 1997 г. Тез. докладов Симферополь, 1997. С. 67.

⁹ Следует отметить, что золотоордынские монеты были найдены не только в портовом районе, но и на других участках городища во время раскопок К.К. Косцюшки-Валюжинича. Правда, уточнить, где именно, по данным отчетов первого заведующего городищем не представляется возможным.

¹⁰ Определение монет из раскопок Херсонесского городища в последние годы производилось Н.А. Алексеенко и Л.В. Головаченко.

¹¹ Алексеенко Н.А. Из истории денежного обращения Херсона в XIII в. // Тез. конференции молодых ученых. Севастополь, 1987.

¹² См. типы найденных монет в монографии: Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса, IV в. до н.э. – XII в. н.э. Киев, 1977. Табл. 31, 461, 462.

¹³ Там же. № 430.

¹⁴ Inventaire des monnaies des Khalifes Orientaux, CLX–XXV. СПб., 1881. P. 176, № 24.

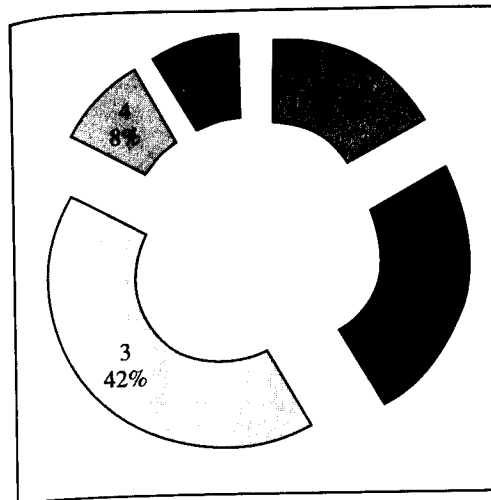

Диаграмма 2. Соотношение монет из слоев разрушения XIII в.

1. Монеты XIII в. – 4 экз.
2. Монеты XII в. – 6 экз.
3. Монеты XI в. – 10 экз.
4. Монеты X в. – 2 экз.

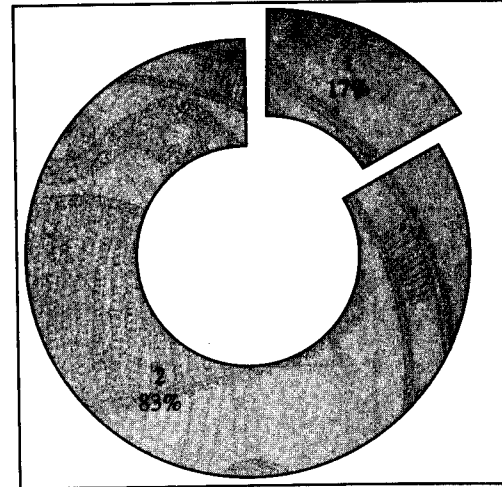

Диаграмма 2а. Соотношение монет из слоя разрушения XIII в. по двум периодам

1. Монеты XIII в. – 4 экз.
2. Монеты IX–X вв. – 20 экз.

Раскопки поздневизантийских комплексов позволяют привести многочисленные примеры, отражающие соотношение монет различных периодов. Существенные отличия от комплекса, приведенного выше (диаграмма 2а) за небольшим исключением не обнаружены. В среднем соотношение монет двух выделенных выше периодов по раскопкам усадеб портового района составляет 20–25% к 75–80%.

Приведенные выше примеры свидетельствуют, насколько могла измениться соответствующая графа в статистико-хронологических таблицах при учете археологического контекста. Во второй половине XIII в. (времени “отложения” слоев разрушения) в обращении находилось значительное количество монет, и если считать это показателем городской торговли, то вряд ли правомерным является вывод, что Херсон, начиная с этого времени, “переживал явный упадок”¹⁵.

Не позволяет согласиться с такой точкой зрения и массовый керамический материал. В слоях пожара XIII в., изученных в портовом районе Херсонеса, обнаружены многочисленные керамические находки (амфоры, столовая глазурованная посуда), свидетельствующие о поступлении на местный рынок изделий гончарных мастерских Эгеиды. Прежде всего это сосуды типа “Zeuxippos Ware”, табл. I–II), производство которых, согласно новым исследованиям, относится к XIII в.¹⁶ Другой вид столовых импортных изделий представлен толстостенными блюдами с изображениями животных, выполненными в выемчатой технике (табл. III). Авторы каталога находок на территории Греции датируют их производство первой половиной XIII в.¹⁷ Следует отме-

¹⁵ Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес... С. 35.

¹⁶ Megow A.H.S. “Zeuxippos Ware” // ABSA. 1968. Vol. 63. P. 87.

¹⁷ Byzantine Glazed Ceramics: The Art of Sgraffito. Athens, 1999 / Ed. D. Papanikola-Bakirtzi. P. 64.

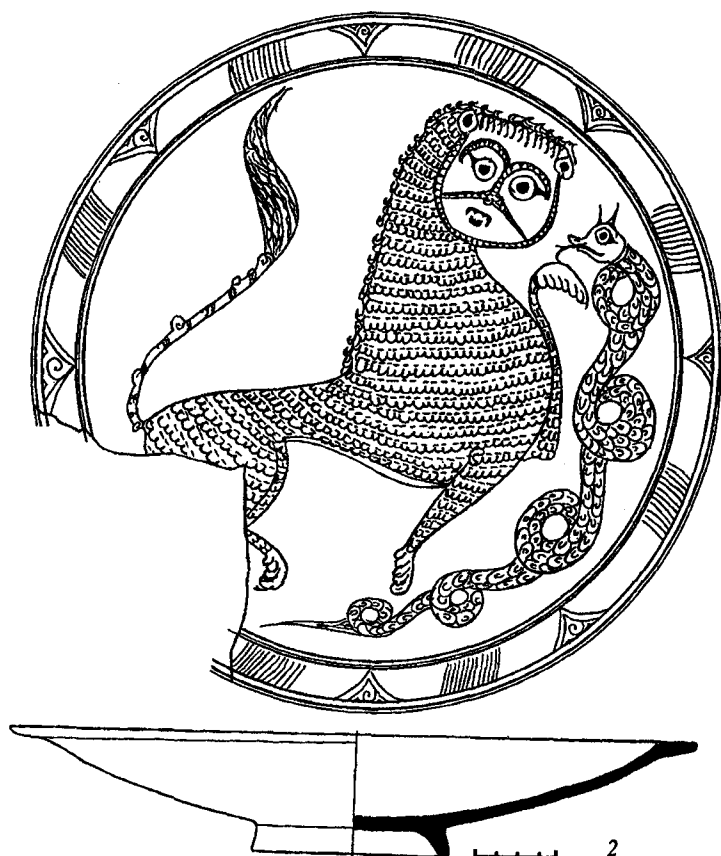
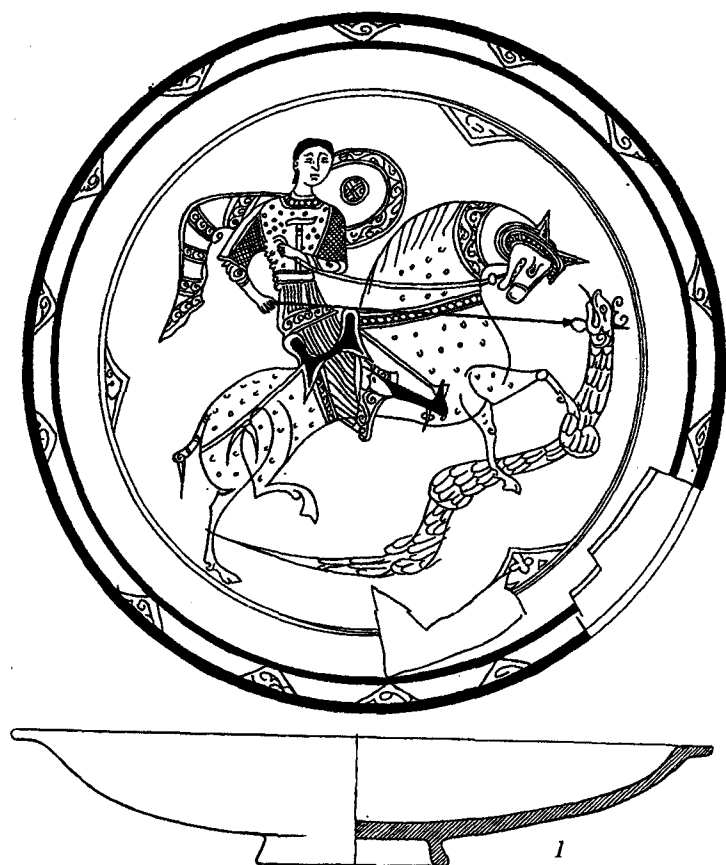

Таблица I. Сосуды типа "Zeuxippos Ware", XIII в.

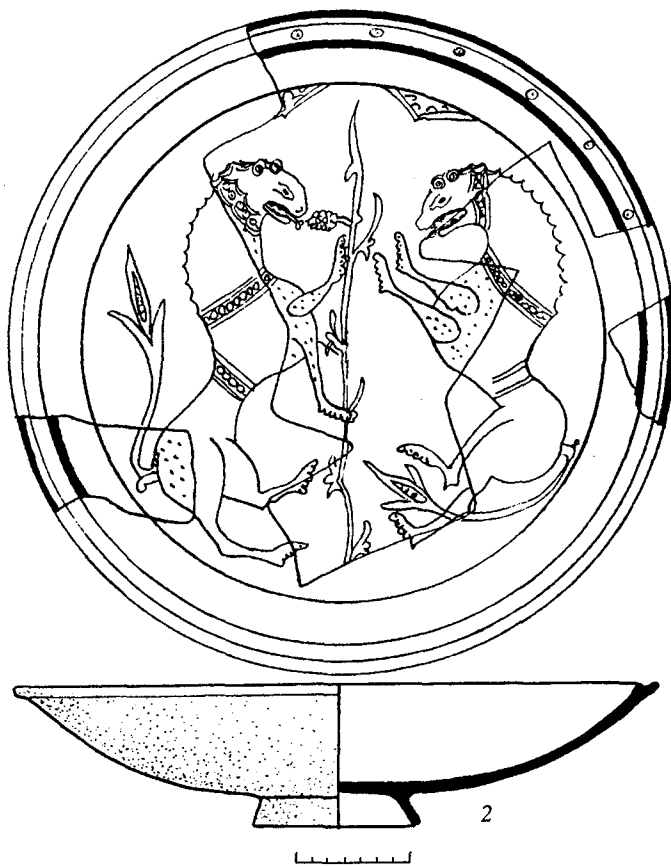
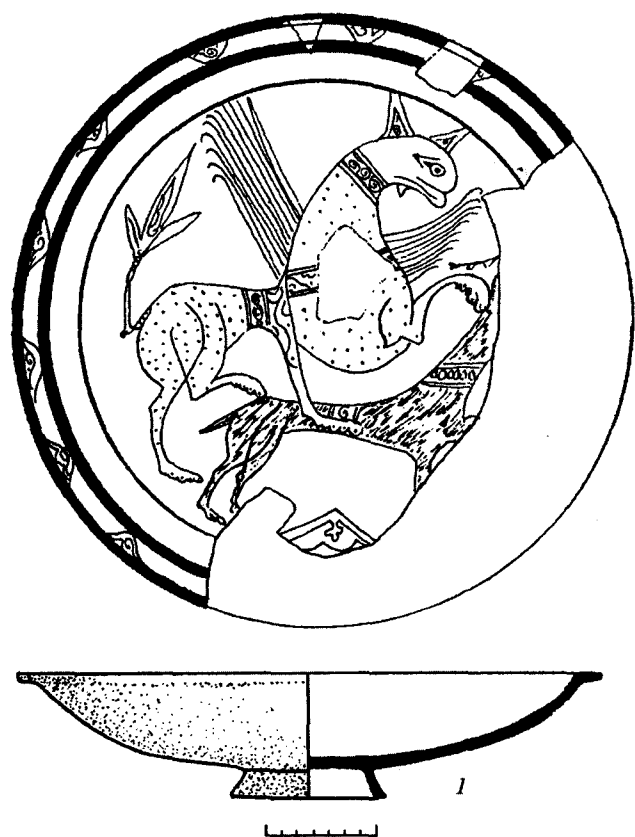

Таблица II. Блюда XIII в.

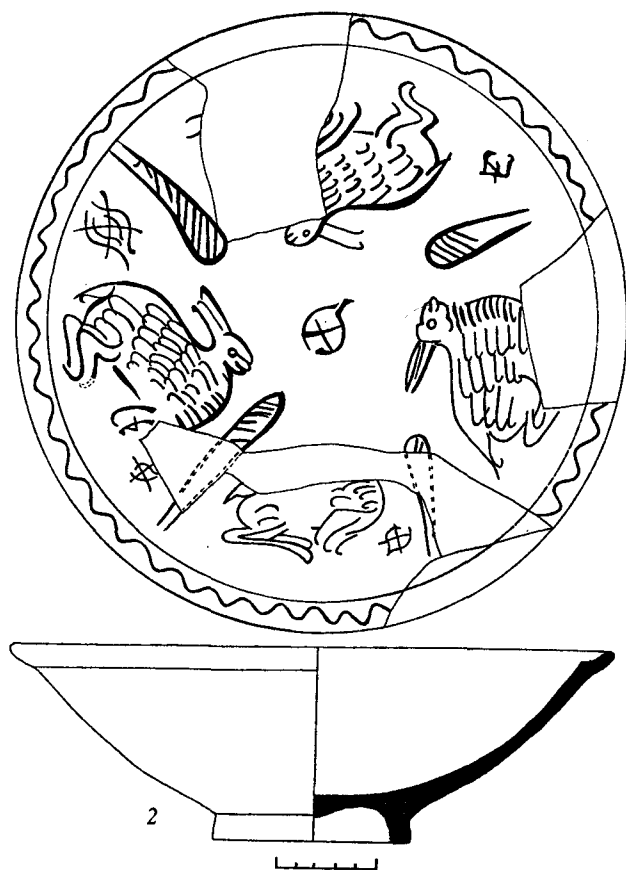
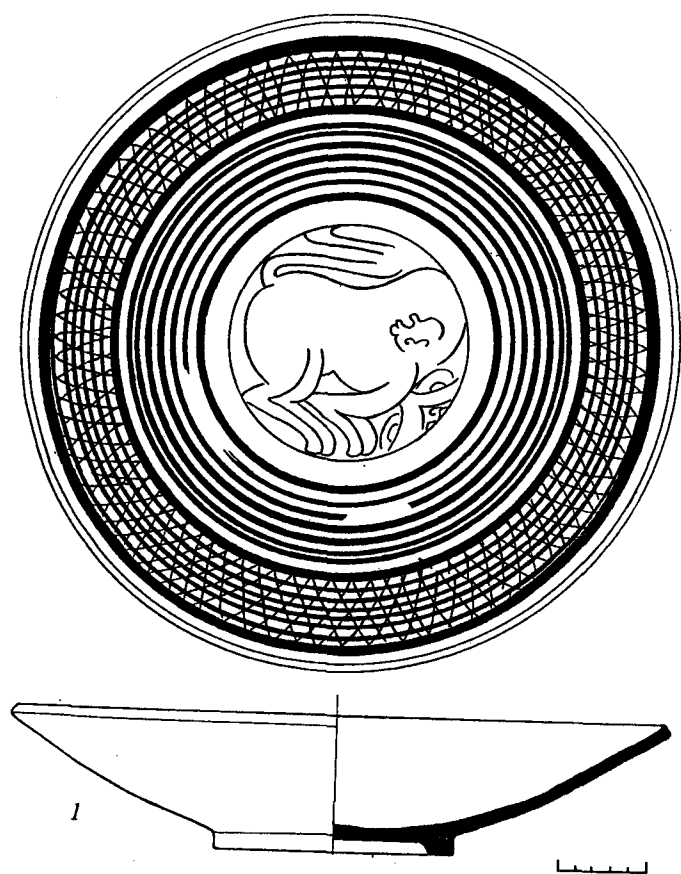

Таблица III. Блюда с изображением животных, XIII в.

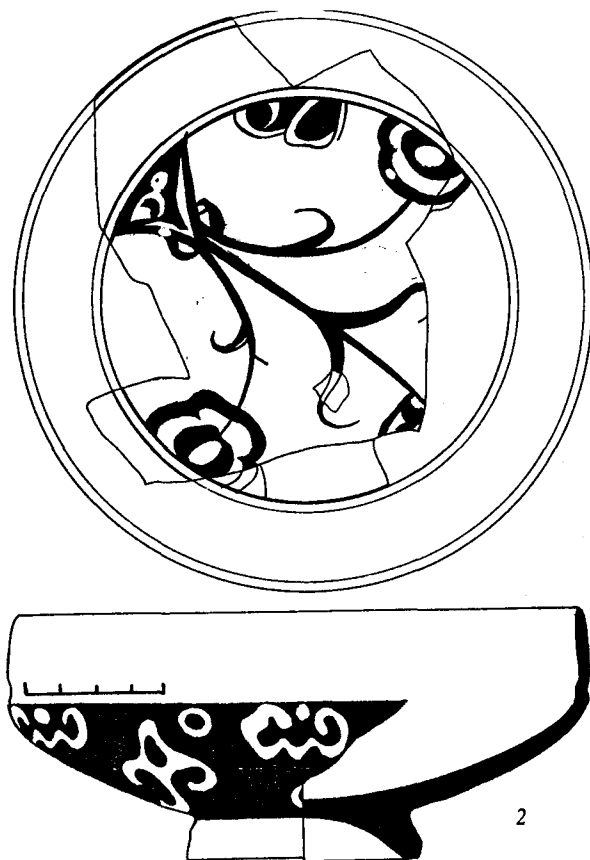
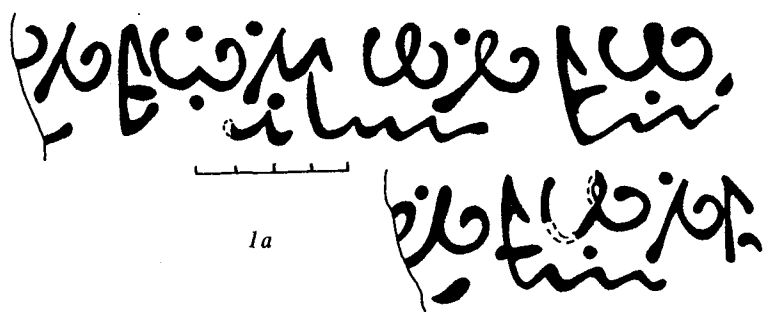
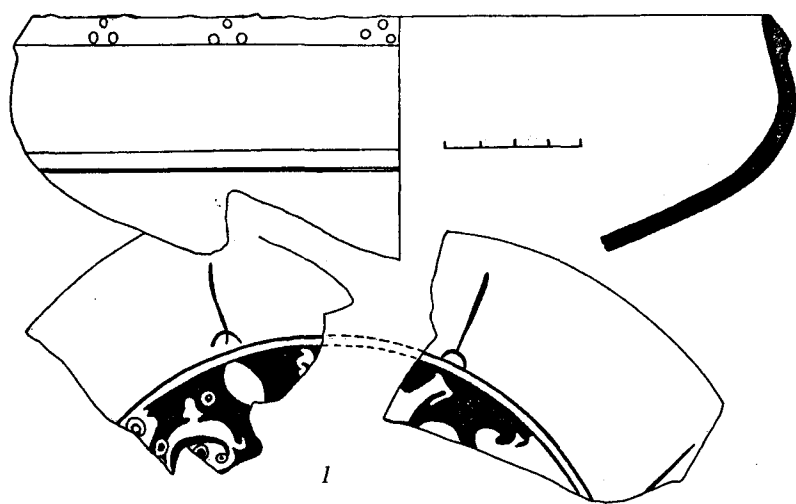

Таблица IV. Миски с восточным орнаментом (техника "шамплеве"), XIV в.

тить, что соотношение продукции местных мастерских и импортных изделий является близкой величиной.

Возможно, что в Херсон этого времени поступали также некоторые виды сельскохозяйственной продукции (например, оливкового масла) из центров, расположенных к югу от Константинополя. Судить об этом позволяют многочисленные находки амфор, которые, как считает турецкая исследовательница Н. Гюнзенин, происходят из мастерских, расположенных к юго-западу от Константинополя¹⁸. Вряд ли правомерно полагать, что тара для сельскохозяйственной продукции, характерная для домов херсонитов второй половины – конца XIII в., была изготовлена в начале столетия.

Итак, керамические находки предоставляют некоторые свидетельства об участии жителей Херсона XIII в. в черноморско-средиземноморской торговле. Вместе с тем в отличие от таких северопричерноморских центров, как Судак и Кафа, Херсон не упоминается в письменных источниках¹⁹, освещающих торговые связи. Возможно, это объясняется происхождением документов, относящихся к деятельности прежде всего итальянских купеческих домов.

Свидетельством региональных торговых связей в XIV в. являются как находки некоторых видов глазурованной посуды (табл. IV), так и монеты. Однако эти две группы археологических источников XIV столетия требуют специального изучения в свете раскопок в Старом Крыму и Азове²⁰, которые позволяют уточнить датировку находок из византийского Херсона и использовать эти материалы для реконструкции его истории, определения особенностей его развития как торгового и ремесленного центра в последний век существования города.

Л.Г. Хрушкова

ХРИСТИАНСКИЕ ПАМЯТНИКИ КРЫМА (СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ)

Исследование христианских памятников Крыма – самая старая область российской византийской археологии, ее начало относится к 20-м годам XIX в. Прежде всего это касается Херсонеса (Херсона). Один из первых исследователей города А.Л. Бертье-Делагард выразился ясно: “Наибольший интерес в Херсонесе представляют именно остатки церквей”¹. Особым вниманием Херсон (Корсунь) пользовался как предполагаемое место крещения Владимира. Во многих странах Средиземноморья христианской археологии пришлось отстаивать самостоятельный дисциплинарный статус в длительном соперничестве со старой, сильной и процветающей дисциплиной – классической археологией; нередко христианские памятники “приносились на алтари олимпийских богов”². Напротив, в Херсонесе большую часть крупных и важных базилик раскопали еще во второй половине XIX в. Правда, этот быстрый успех не радует современных археологов, часто сетующих на несовершенство методики раскопок того времени. В конце XIX – начале XX в. важные исследования были проведены и в другой части Крыма – на Боспоре. Если Херсонес прославлен своими базиликами с их мраморной и мозаичной декорацией, то Пантикапей (Керчь) более известен некрополями и катакомбами с росписями, среди которых есть и христианские.

По разным причинам, среди которых идеологические вряд ли были единственными, долгая и плодотворная история исследования христианских памятников Крыма пока не завершилась созданием синтеза, целостного обобщения. Но сделано уже очень многое. Случайно или нет, в последние годы, после долгого перерыва, появляются важные монографии: А.И. Романчук – о Херсонесе³, А.И. Айбабина – об этнической истории ранневизантийского Крыма, где особенно подробно изучены некрополи⁴, В.М. Зубаря и А.И. Хворостяного – о распространении христианства в Северном Причерноморье⁵. Серии статей С.А. Беляева, И.А. Завадской и других археологов посвящены отдельным проблемам или памятникам. Крым стал открытым, к изучению раннехристианских церквей Херсонеса обратились зарубежные археологи: А. Бернацки, А. Пилец, Э. Ястжебовска и др.⁶ Ины-

¹⁸ Данные о типологии и находках амфор см.: *Günzenin N.* Les amphores byzantines (X–XIII siècles): Typologie, production, circulation d’après les collections Turques. P., 1990.

¹⁹ *Matschke K.-P.* Zum Charakter des byzantinischen Schwarzmeerhandels in 13.-bis 15. Jahrhundert // *Wissenschaftliche Zeitschrift. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe.* Leipzig, 1970. Т. 19. Нф. 3. S. 447–458. О торговле в Черном море см. также: *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XIV вв.: Проблемы торговли. М., 1990; *Еманов А.Г.* Север и Юг в истории коммерции. Тюмень, 1995.

²⁰ О близости орнаментальных мотивов на глазурованных сосудах из Херсона и Азака (Азова) XIV в. см.: *Романчук А.И., Перевозчиков В.И.* Глазурованная керамика из Азова: Херсоно-Азакские параллели в орнаментике // *АДСВ.* 1990. Вып. 25. С. 94–135.

¹ *Бертье-Делагард А.Л.* Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // *Материалы по археологии России.* СПб., 1893. № 12. С. 22.

² *Testini P. L’* “archeologia cristiana”, quale disciplina oggi? // *Atti del V Congresso Nazionale di Archeologia cristiana.* Torino-Novara, 22–29 sett. 1979. Roma, 1982. P. 29.

³ *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.

⁴ *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

⁵ *Зубарь В.М., Хворостяной А.И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). Киев, 2000.

⁶ Недавний историографический обзор М. Казанского и В. Супо дает представление об активном изучении эпохи поздней античности и раннего средневековья в Крыму в первой половине 90-х годов XX в.: *Kazanski M., Soupault V.* Les sites archéologiques de l’époque romaine tardive et du Haut Moyen Age en Crimée (III–VIIe s.): Etat de recherches (1990–1995) // *Colloquia Pontica.* Leiden; Boston; Köln, 2000. 5. Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l’Antiquité tardive et le Haut Moyen Age. P. 253–294.

ми словами, трудами нескольких поколений исследователей почва для синтеза готова, остается только создать его. Цель моего обзора – дать читателю представление о состоянии изучения археологических свидетельств христианской (и особенно раннехристианской) культуры в Крыму и в Колхиде. Изучение раннехристианских памятников в Восточном Причерноморье⁷ показало значительное сходство ряда проблем в двух понтийских регионах.

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ОБОБЩЕНИЯ

Монография В.М. Зубаря и А.И. Хворостяного посвящена “проникновению и утверждению христианства на юге Украины”. В начале работы авторы дают очерк истории государств Северного Причерноморья в позднеантичный период (третья четверть III – середина VI в.). Таким образом, позднеантичный и раннехристианский периоды отождествляются, что обычно для западноевропейской историографии. Мы помним, как в отечественных работах предшествующей эпохи период IV–VI вв. признавался “раннесредневековым”, поскольку христианская идеология привычно связывалась с эпохой средних веков как надстройка над феодальным базисом; иногда этот термин используется крымскими исследователями и сейчас. Воздержимся от обсуждения вопроса, когда на Востоке кончается античность и начинаются средние века⁸. Далее В.М. Зубарь и А.И. Хворостяный дают очерк распространения в Крыму культов синкретического характера и представлений “языческого монотеизма”. В центре интереса авторов находятся некрополи, а христианские сооружения только кратко перечислены. По мнению авторов, первые общины в Херсонесе и на Боспоре появляются “не ранее IV в.”, в это время церквей не строят, христиане собираются для богослужений в кладбищенских постройках. Широкая христианизация Херсонеса наступит не ранее VI–VII вв., а Юго-Западной Таврики – только к концу VIII – началу IX в., после создания Готской епархии.

Читая эту книгу, мы замечаем неявный и, возможно, неосознанный дух гиперкритицизма, витающий на многих ее страницах. Это направление умов, во второй половине XIX в. процветавшее в Европе, а затем, в потоке множества других популярных идей, пришедшее в Россию, позже было естественно поддержано идеологией советского периода, когда иные идеологические руководители простоудушно смешивали критику источников с критикой религии. В книге В.М. Зубаря и А.И. Хворостяного общая картина раннего христианства в Крыму получилась обедненной, суженной, краски и нюансы в ней поглощены общим темным колоритом. Всякая неясность, неопределенность источников истолковывается в отрицательную сторону. Вот некоторые примеры. “Сообщения о пребывании апостола Андрея... не соответствуют исторической действительности”⁹. Действительно, византийская традиция апостолата Андрея являет-

ся поздней¹⁰. В то же время существуют ранние сведения о проповеди ап. Андрея в Скифии, которые попали в труды Арнобия и Тертуллиана¹¹, однако в книге о христианстве в Крыму они не упомянуты. Аналогичным образом полностью отрицается историческая основа “Житий святых епископов Херсонских”¹². Что касается первого Никейского собора, то в некоторых списках епископ боспорский Кадм все-таки представлен, в одном из них – под № 157 как Бадм¹³. Правда, Э. Хонигманн не включил Кадма в свой “первоначальный” список, на который все ссылаются¹⁴, но не забудем, что этот список является не аутентичным документом, а лишь реконструкцией.

Преимущественное обращение авторов к материалам некрополей, боюсь, создает одностороннюю картину. Вот наблюдение о погребальном обряде: вытеснение трупосожжения трупоположением, начиная с середины III в., не обязательно связывать с распространением христианства¹⁵. Это правда – не всякий усопший, похороненный на спине, хотя бы и головой на запад, был христианином. Но также справедливо и обратное: христиане отказались от сожжения усопших в пользу трупоположения, потому что верили в Воскресение во плоти. Или другой пример: авторы подчеркивают, что мотив павлина, клюющего виноград, не обязательно христианский. Действительно, павлин одинаково принадлежит символизму и языческому, и христианскому¹⁶, но именно первые христиане воспроизвели его бесчисленное множество раз, передав искусству средних веков. В.М. Зубарь и А.И. Хворостяный неоднократно отмечают, что в некрополе Херсонеса нет “ярко выраженных” христианских погребальных комплексов второй половины IV – первой половины V в., да и вообще христианские захоронения “ни спецификой погребального обряда, ни инвентарем” не отличаются от языческих¹⁷. И так было не только в Крыму. Во многих странах с давними традициями христианства – таких, как Северная Африка или Палестина, христианские погребения, в том числе около церквей и в самих церквах, нередко содержат инвентарь. При этом собственно христианские предметы всюду

¹⁰ Последний синтез о традиции ап. Андрея в “циркумпонтийском регионе”: *Виноградов А.Ю.* Апостол Андрей и Черное море: проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М., 1999. С. 348–368.

¹¹ *Harnack A.* Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. Bd. I–II Leipzig, 1924 (перепеч.: Leipzig, 1965). S. 539 sq.

¹² *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству... С. 90–92. Ср. мнение К. Цукермана, который попытался увидеть в источнике отражение событий не константиновской эпохи, а второй четверти IV в.: *Zuckerman C.* The Early Byzantine Stronghold in Eastern Pontus // ТМ. 1991. 11. Р. 544–552. Русская версия: *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. 1994. IV. С. 545–561.

¹³ *Honigmann E.* Recherches sur les listes des pères de Nicées et de Constantinople // Byz. 1936. XI. 2. Р. 433.

¹⁴ *Honigmann E.* La liste originale des Pères de Nicée // Byz. 1939. XIV. 1. Р. 41. *Idem.* The Original Lists of the Members of the Council of Nicaea, the Robber-Synod and the Council of Chalcedon // Byz. (1942–1943). 1944, XVI. 1 Р. 23. Читатель заметит, что работы Э. Хонигманна, как и многие другие западноевропейские публикации, в особенности новые, остались недоступны авторам книги: *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству... С. 92.

¹⁵ *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству... С. 52.

¹⁶ *Bisconti F.* Memorie classiche nelle decorazioni pittoriche delle catacombe romane. Continuità grafiche e variazioni semantiche // *Historiam Pictura Refert. Miscellanea del. Prof. Alejandro Recio Vaganzones.* Città del Vaticano, 1994. Р. 36–38.

¹⁷ *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству... С. 56. Ср. мнение А.И. Айбабина, который среди ранних свидетельств присутствия христиан в Херсонесе называет вещи конца III – первой половины IV в. – стеклянный сосуд в форме рыбы и светильник с изображением двух рыб: *Айбабин А.И.* Этническая история... С. 52.

⁷ *Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. IV–VII вв. М., 2002, историографический обзор на с. 12–33.

⁸ Вот мнение Э. Арвейлер: “Исторические события VII века и конкретно набеги персов и арабов на Востоке и славян на Западе отмечают конец поздней античности и зарождение средневекового и собственно византийского периода”; *Ahrweiler H.* Les problèmes de la géographie historique byzantine // The Proceedings of the XIII-th International Congress of Byzantine Studies. Oxford 5–10 sept. 1966. New York; Toronto, 1967. Р. 466. С другой стороны, Ж. Дагрон в одной из своих работ назвал проблему даты конца античности на Востоке “пустой”.

⁹ *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству... С. 55.

единичны, естественно, было бы опрометчиво их ничтожное количество отождествлять с числом похороненных христиан. Таким образом, одни некрополи вряд ли могут служить полным и доказательным источником по вопросу христианизации населения, быть то в Крыму или в других краях.

Приведу несколько примеров из соседнего региона – Восточного Причерноморья. Раскопки 300 могил позднеримского некрополя Питиуса (Питунда) дали лишь столбик с вложенным в него votivным крестом (причем во вторичном использовании и вряд ли ранее V в.), да еще один скромный нательный крестик. Между тем поблизости открыты остатки кафедрала, в котором служил епископ Стратофил, подписавший все документы первого Никейского собора. Другой пример. В нескольких сотнях погребений в могильниках Цебельды, верхняя дата которых доходит до VI в., а по другой версии – даже до VII в., едва наберется до пяти явно христианских находок. Но рядом находится церковь первой половины VI в., и в ее баптистерии определенно окрестилась какая-то часть людей, похороненных поблизости. Еще один факт. В Гиеносе (близ совр. Очамчыры) было найдено богатое женское захоронение с золотыми вещами: ажурные серьги, кольца и несколько десятков бляшек, украшавших златотканый погребальный покров. Покойница, любившая роскошь, была похоронена в церкви начала VI в., в особом помещении, и ее гробница была почитаема¹⁸.

Во всех этих и множестве подобных случаях речь идет не только о консерватизме погребального обряда, но в более общем смысле – о новой, христианской, антропологии, о новых представлениях о смерти. Можно было бы сказать, что человек раннехристианской эпохи в могиле выглядит “менее христианином”, нежели при жизни. И это понятно: христианские понятия о смерти и бессмертии существуют в мире идей и представлений, а не в телесных и материальных объектах, с которыми имеет дело археолог. Если в языческом контексте могильный инвентарь является полноценным, а нередко и главным источником для изучения верований населения и его этнического состава, с христианами дело обстоит иначе. Они не различали “ни эллина, ни иудея”, они не изобрели ни нового обряда захоронения, ни новых типов могильных конструкций, не было у них и предубеждения относительно языческих саркофагов. Вспомним хотя бы знаменитый порфиновый саркофаг с великолепными батальными сценами (сейчас в Музеях Ватикана) – в нем была похоронена св. Елена. Изменения в обряде происходили медленно, и как раз такие, которые мало что дают археологам. Инвентарь могил становится бедным, с медленной тенденцией исчезнуть (хотя не везде); уменьшается число эпиграфий, в них часто отсутствуют даты жизни и смерти, иногда даже имя. Вообще сознание первых христиан, жизнь души, личное благочестие – все это трудные вопросы для археологии. Приведу замечание П.-А. Феврье, знатока раннехристианского обряда захоронения: “Я не рискую объяснить этот переход к молчанию и анонимности могилы”¹⁹. Таким образом, позднеантичные некрополи Крыма или областей – источник особенный, требующий большой осторожности, тем более, когда хотят подсчитать количество христиан.

¹⁸ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники... С. 111–113 (Питиус), 327–330 (Цебельда), 280–281 (Гиенос).

¹⁹ Février P.-A. Une approche de la conversion des élites au IVe siècle: le décor et la mort // La Méditerranée de Paul-Albert Février. Vol. I. Rome-Aix-en-Provence, 1996 (Collection de l'Ecole Française de Rome. 225). P. 233 (перепеч. в: *Miscellanea ecclesiasticae*, VI. Congrès de Varsovie, 1978. Bruxelles, 1983. P. 22–46).

Заключение книги В.М. Зубаря и А.И. Хворостяного соответствует ее общему духу: в Херсонесе конца IV – начала V в. можно “все же говорить о наличии в городе христианской общины... Но в количественном отношении она была небольшой и еще не до конца организационно оформившейся”²⁰. Здесь читатель может спросить: до какого “конца”? О наличии христиан в Херсонесе в константиновскую эпоху пишут и сами авторы²¹. Но если в городе была хотя бы горстка христиан, они уже составляли общину, “организацию”, тем более, если о речь идет об эпохе после Миланского эдикта. К последней четверти IV в., когда общину херсонеситов возглавлял епископ²², можно ли сомневаться в существовании “оформленной” организации? По мнению В.М. Зубаря и А.И. Хворостяного, на Боспоре “правлящая верхушка” приняла христианство во второй половине VI в., а масса населения оставалась языческой²³. Но именно на Боспоре археологи чаще находят христианские предметы, которые датируют III и даже II в.²⁴ Конечно, в Крыму, как и повсюду в империи, в константиновскую эпоху христиане составляли незначительный процент населения.

Среди христианских склепов с росписями из херсонесского некрополя, общее число которых сейчас достигает десяти, интересны два новых склепа, открытые в 1998–1999 гг. совместной украинско-австрийской экспедицией²⁵. Это дало авторам повод обратиться к проблеме росписи крымских каткомб и напомнить нам о блестящей, но несколько забытой книге М.И. Ростовцева. Он датировал росписи с христианскими мотивами второй половиной IV – началом V в.²⁶ В.М. Зубарь и А.И. Хворостяный предлагают новую, более позднюю, дату некоторых склепов. Они исходят из убеждения, что на Востоке изображения человеческих фигур появляются не ранее VI в., поэтому ранняя группа росписей, которая содержит только символические мотивы, была создана не ранее второй половины или конца V–VI в., а живопись, где встречаются антропоморфы

²⁰ Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству... С. 92.

²¹ Ibid. С. 95. Примеч. 22. С. 136.

²² Об участии епископа Херсонеса Эферия в Константинопольском соборе 381 г.: *Honigmann E. Recherches...* P. 446. № 143. В публикации В. Руджери нового сирийского списка находим почти те же сведения: *Ruggieri V. The IV Century Greek Episcopal Lists in the Mardin Syriac. 7 (olim Mardin Orth. 309/9) // OCP. 1993. 59. II. P. 350. № 140*. В крымской археологии, кажется, существует тенденция отождествлять разные уровни церковной организации: наличие общины и существование епархии во главе с епископом: *Айбабин А.И. Этническая история...* С. 225.

²³ Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству... С. 121.

²⁴ Ряд мелких находок из погребений на территории Боспора, начиная с III в., приводит П.Д. Диатроптов: *Diatroptov P.D. The Spread of Christianity in the Bosphorus in the 3rd–6th Centuries // Ancient Civilisations from Scythia to Siberia. 5.3. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 215–244*. О предметах с изображением креста и рыб, происходящих из погребений III и даже II в. см.: *Юрочкин В.Ю. Древнейшие изображения Креста Господня // Православные древности Таврики. Сборник материалов по церковной археологии / Ред.-сост. В.Ю. Юрочкин. Киев, 2002. С. 24–25*. Редкое граффито с изображением креста из цистерны на горе Митридат в Пантикапее по археологическим данным датировано временем не позднее II в.: *Толстиков В.П., Журавлев В.Д. О древнейшем изображении символа христианства на Боспоре // Православные древности Таврики...* С. 51–55. Новые исследования некрополя Боспора позволяют предполагать распространение здесь христианства с середины II в. Открыт новый склеп (№ 16) с изображением шести крестов, вероятно, V в.: *Мыц В.Л., Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю. Некрополь Пантикапея-Боспора: проблемы и перспективы исследования // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы международной конференции. Ч. 1. СПб., 2001. С. 174–180*.

²⁵ Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству... С. 58–89.

²⁶ Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Пг., 1914.

ные и сюжетные изображения, – более поздняя, даже “не ранее VII в.”. В эту вторую группу включен и известный склеп с изображением людей и города²⁷.

Эта классификация (трудно принять) плохо согласуется с реальными фактами. Достаточно упомянуть знаменитые росписи христианского дома в Дуре-Европос со сценами на библейские и евангельские сюжеты, созданные не позже середины III в.; того же времени и ансамбль сюжетных росписей синагоги там же²⁸. Для подтверждения поздней даты склепа на участке Тура В.М. Зубарь и А.И. Хворостяный приводят даже изображения города в мозаике мечети в Дамаске 705–707 гг. Но изображения городов часты в настенных и напольных мозаиках церквей V–VI вв., от Иордании до Рима²⁹. В целом росписи херсонесских склепов хорошо вписываются в контекст позднеимперской погребальной живописи, достаточно единообразной на обширных пространствах Востока и Запада. Ю. Валева составила сводку погребальных росписей, которые содержат мотив хризмы и креста. Это список включает свыше 80 памятников, большинство которых относится к IV или IV–V вв. Среди них немало и антропоморфных изображений: ангелы и архангелы, апостолы, оранты, Добрый пастырь, ветхозаветные (чаще) и новозаветные сцены. Это стандартный раннехристианский репертуар, близкий к живописи римских катакомб. В частности, диагонально расположенные гирлянды на потолке крымских склепов имитируют прием маскировки этим мотивом нервюры крестовых сводов, что часто можно видеть в римских катакомбах. Подобный пример есть и на Востоке – роспись ипогея IV в. в Анкаре, где присутствуют мотивы креста, птиц, деревьев³⁰.

Один из вновь открытых склепов (№ 2), в некрополе у Карантинной бухты, украшен изображениями чаши, павлина, птицы, гирлянд и цветов. Здесь же – “загадочный предмет, по своим очертаниям напоминающий опрокинутую цилиндрическую вазу с большим букетом роз (?)”³¹. Эта лежащая стеклянная ваза, наполненная плодами, – мотив скорби, обычный в кладбищенском искусстве римского языческого мира. Он не характерен для первых христиан, в искусстве которых нет скорби, оно выражает идеи триумфа, победы над смертью. Манера изображать предметы, хорошо видимые через прозрачное стекло, – типичный прием античного иллюзионизма. Скорее всего, роспись этого склепа не позже IV в. Таким образом, ни один из склепов Херсонеса не содержит ясных

²⁷ Анализу живописи этого склепа В.М. Зубарь посвятил особую статью, где стремится обосновать датировку VII–VIII вв., “периодом становления собственно византийской христианской живописи”: Зубарь В.М. К интерпретации одного из сюжетов росписи склепа 1912 г. из Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь, 1999. С. 298–302.

²⁸ Основные публикации: Kraeling C.H. The Synagogue: the Excavations at Dura Europos. Final Report VIII, I. New Haven, 1956; *Idem*. The Christian Building. The Excavation at Dura Europos. Final Report VIII, II. New Haven, 1967. Чтобы не останавливаться на проблеме Востока и Запада, о которой несколько раз упоминает В.М. Зубарь, ограничусь ссылкой на работу У. Шуберта, которая провела ряд аналогий между росписями синагоги Дуре-Европос и фресками римской катакомбы середины или второй половины IV в. под Виа Латина: Schubert U. Spätantikes Judentum und frühchristliche Kunst. Wien, 1974 (Studia Judaica Austriaca, II).

²⁹ Обширную библиографию об архитектурных мотивах в раннехристианском искусстве см.: Duval N. Le rappresentazioni architettoniche // Piccirillo M., Alliata E. Umm al-Rasas Mayfa'ah. I. Gli scavi del complesso di Santo Stefano. Jerusalem, 1994 (Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Maior, 28). P. 165–207.

³⁰ Valeva J. Les tombeaux ornés de croix et chrismes peints // Acta XIII CIAC. Città del Vaticano-Split. 1998 (Studi di Antichità cristiana LIV. Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku, supl. vol. 87–89). III. P. 761–786.

³¹ Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству... С. 150.

признаков VI–VII вв.³² Датировки М.И. Ростовцева подтверждаются всем опытом изучения позднеантичной живописи, включая и работы самого исследователя, опубликованные много лет спустя после его крымских штудий³³.

Та история раннего христианства в Крыму, которую представили В.М. Зубарь и А.И. Хворостяный, выглядит более “поздней” и более бедной, чем ее можно реконструировать на основании известных источников. И все-таки, эта книга – храбрая и удавшаяся попытка обобщить большой и разнородный материал.

ДВА СПИСКА ЦЕРКВЕЙ ХЕРСОНЕСА

Самые надежные свидетельства о распространении христианства – это церковные сооружения. Корпус христианских церквей Крыма значителен, и главная роль принадлежит Херсонесу. Большое количество собранных сведений – это, можно сказать, насыщенный раствор, который должен превратиться в зримые кристаллы. И они уже появляются. Почти одновременно в разных концах Европы – в Екатеринбурге и в Париже, – увидели свет два Списка церквей Херсонеса, которые опубликовали А.И. Романчук и Э. Ястжебовска³⁴.

Список храмов помещен в качестве приложения к монографии А.И. Романчук³⁵, вместе с тем он является важной частью книги, удачно дополняя очерк “Культовые сооружения Херсона”. Список содержит краткое описание церквей, их местоположение, историю изучения, размеры и библиографию. Все памятники подразделены на две категории: базилики и часовни (небольшие однонефные подстройки, с погребениями или без них). В группу базилик включены также крестообразные и крестово-купольные сооружения³⁶. Особая ценность этой сводки – ее полнота, в ней приведены не только раннехристианские церкви, но также средневековые церкви и часовни. Не будем задавать вопрос педанта – по каким признакам автор отличает церковь от часовни? Если по размерам – то какие существуют “нормативы”? А если по литургическим функциям – то разве они всегда известны?

Важная черта публикаций А.И. Романчук – особое внимание к длительной исторической жизни церковных зданий, их перестройкам, ко времени прекращения их функционирования. (Чаще исследователи поглощены задачей определить

³² Новые исследования склепов Пантикапея уже приносят новые сведения и уточнения, но данных о их более позднем происхождении пока нет: Зинько Е.А. Боспорские склепы на северном склоне горы Митридат // МАИЭТ. 2000. VII. С. 69–76; Он же. Проблемы исследования позднеантичных расписных склепов // МАИЭТ. 2001. VIII. С. 67–73. О неубедительности поздних дат склепов Херсонеса см. также: Диатроптов П.Д. Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов // Церковная археология Южной Руси. Сборник материалов международной конференции “Церковная археология: проблемы, поиски, открытия” (Севастополь, 2001). Симферополь, 2002. С. 34–37.

³³ Rostovzeff M. Dura Europos and Its Art. Oxford, 1938.

³⁴ Jastrzebowska E. Chersonèse dans l'Antiquité tardive: état de recherches et bibliographie // AntTard. 2001. 9. P. 399–418.

³⁵ Романчук А.И. Очерки истории... С. 222–243.

³⁶ В типологическом смысле крестово-купольные сооружения не являются базиликами. С другой стороны, существует традиция понятием “базилика” обозначать вообще раннехристианское церковное здание, как это сделал Р. Краутхаймер: Krautheimer R. Corpus basilicarum christianarum Romae. IV–IX sec. T. 1–5. Città del Vaticano, 1933–1980 (Monumenta di Antichità Cristiana, 2).

дату сооружения.) Эта особенность метода дает возможность представить общую стратиграфическую картину города на разных этапах его существования; она позволяет увидеть памятник в контексте городской застройки, его роль в своем квартале (приходе), особенности локальной топографии и ее развития. Таким образом, общая картина культового строительства в городе значительно обогащается. В некоторых случаях А.И. Романчук дает краткие комментарии по поводу датировок. Например, “базилика на холме” (№ 14), судя по обнаруженной раскопками керамике, была построена не ранее середины VI в., а не в IV в., как считал С.А. Беляев. Для некоторых церквей даты не обозначены, в этом пункте исследователь проявляет большую осторожность: “До детального повторного изучения всех культовых построек вопросы датировки сохраняют свой дискуссионный характер. Темпы же археологических исследований в наши дни, в отличие от раскопок XIX в., значительно медленнее, поэтому вряд ли в ближайшее время станет возможным комплексное изучение всех сохранившихся руин храмов”³⁷. Легко предсказать, что и после будущих раскопок дискуссии не прекратятся.

Статья Э. Ястжебовской носит название “Позднеантичный Херсонес: состояние исследований и библиография”. Здесь стоит немного сказать о терминах. Привычного понятия “раннехристианский” в заглавии нет – статья опубликована в журнале “Поздняя античность”, редактор которого Н. Дюваль известен своей идеей заменить термин XIX в. “христианская археология” понятием “поздняя античность”, поскольку этот раздел археологии изучает не только церковные здания, но эпоху в целом³⁸. Списку церквей Э. Ястжебовска предпосылает краткую, но ясную и достаточно полную историю их изучения, далее следует характеристика библиографии сначала по проблемам, а затем по каждому памятнику, с необходимым комментарием. Список включает девять базилик, “подземную меморию” (пещерный храм) в центре города и четыре сооружения с центральным планом (тетраконх и три крестовидных церкви). Отдельно представлены некрополи, архитектурные детали из мрамора и мозаики. Документация содержит планы церквей, рисунки некоторых капителей и другие материалы, главным образом по старым работам Д.В. Айналова и А.Л. Бертье-Делагарда. Предмет интереса Ястжебовской – только раннехристианские сооружения. Это отражает приоритетный интерес западного читателя к позднеантичному (раннехристианскому) периоду. Э. Ястжебовска опубликовала также интересное сравнение топографии Херсонеса и Эфеса³⁹, об этом я скажу ниже.

Пожалуй к этим двум спискам можно присоединить также статью А. Пюльца⁴⁰, который в составе украинско-австрийской экспедиции принимал участие в раскопках базилики Крузе. В этой работе автор не только перечисляет памятники, но дает их описания, сопровождая многими интересными ремарками, с полной и корректной библиографией. Не стремясь детально обсуждать дискуссионные вопросы хронологии, венский археолог тем не менее в каждом случае ясно высказывается о датах памятников. Его интерес тоже сосредоточен только на раннехристианском Херсонесе, средневековые церкви в его обзор не входят. Отличительная черта этой неторопливо обстоятельной работы – особое внимание к мраморному декору и литургическим устройствам, т.е. к вопросам, которые до сих пор мало освещались в публикациях на русском языке.

³⁷ Романчук А.И. Очерки истории... С. 66. Примеч. 27.

³⁸ См. об этом: Хрушкова Л.Г. Раннехристианская и византийская археология: книги последних лет // ВВ. 2002. Т. 61 (86). С. 232–233.

³⁹ Jastrzebowska E. Ephesos und Chersonesos in Spätantike und frühbyzantinischer Zeit: Eine vergleichende topographische Studie // RAC. 1999. LXXV. S. 475–520.

⁴⁰ Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen des Taurischen Chersonesos/Krim // MICH. 1998. 4. S. 45–78.

Хронология церквей – предмет неутраченных дискуссий. Большинство современных авторов считает, что активное строительство церквей в Херсонесе начинается в юстиниановскую эпоху, если не еще позже, к концу VI – началу VII в. Но что же было раньше? После Миланского эдикта христианские общины Херсонеса и Боспора должны были иметь церкви, хотя бы скромных размеров, уже не говоря о кафедралах, когда появились епископы, в том же IV в. По-видимому, самые ранние постройки Херсонеса или не открыты (город раскопан примерно на 40%), или не опознаны среди уже известных памятников. В этом отношении Херсонес – обычный, средний город. Постройки константиновской эпохи всюду определяются с большим трудом, от них мало что сохранилось. Нередко они возводились наспех, к тому же преобладающий тогда тип стропильной базилики с легко горящими деревянными перекрытиями и тонкими стенами сам по себе не долговечен. Многие, даже крупные и хорошо известные по источникам сооружения археологически остаются не выявленными – в Константинополе, например. Культовые здания “первого поколения”, часто скромных размеров, изменялись до полной неузнаваемости последующей строительной деятельностью. Всеобщим был обычай чтить древние постройки, возобновлять их, включать их в состав церквей “второго поколения”. Идентифицировать древние строительные остатки в составе дошедших до нас сооружений – трудная задача для археологов. Доследование памятников и тщательные обмеры могли бы дать новые сведения.

Проблема хронологии церквей Херсонеса отличается одной чертой: разные группы признаков плохо согласуются между собой. Историк раннехристианской архитектуры склонен видеть здесь памятники V–VI вв., археологи же говорят о датирующих материалах конца VI, VII, а то и X–XI вв. И хотя уже собран целый арсенал средств для датировки культовых зданий Херсонеса, цель ускользает, не дается. А.Л. Якобсон рассматривал церкви Крыма прежде всего как произведения архитектуры, стремясь установить их хронологическую последовательность на основе существующих представлений об эволюции позднеантичной и ранне-средневековой архитектуры. Он датировал основную группу церквей Херсонеса V – началом VII в.⁴¹ Проблема заключается в том, что сама эволюция архитектуры в эпоху “между Константином и Юстинианом” не была быстрой, поэтому и представления о ней достаточно общи. Пластический декор, который часто служит точным, а иногда и единственным хронологическим указателем, в Крыму почти всегда лишен своего первоначального архитектурного контекста.

Археологи стремятся к хронологии более точной, они убеждены в решающей роли археологических материалов, мало внимания обращая на само церковное здание, его архитектуру, его назначение. На следующем этапе, “после Якобсона”, археологический подход возобладал. В этом отношении характерны очень полезные работы И.А. Завадской, которая пересмотрела известные ранее археологические данные⁴², считая, что “абсолютную хронологию возве-

⁴¹ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. М., 1959 (МИА. 63). С. 152–197; *Он же*. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. 1988. Т. 49. С. 162–172; Jakobson A. Krim // RBK. 1995. V. S. 375–439.

⁴² Завадская И.А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса “Базилика 1935 г.” в Херсонесе // МАИЭТ. 1996. V. С. 94–105; *Она же*. Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997. С. 304–311; *Она же*. Раннесредневековые храмы западной части Херсонеса // МАИЭТ. 1998. VI. С. 332–343; *Она же*. К дискуссии о

дения церковных сооружений Херсонеса при полном отсутствии письменных свидетельств можно установить лишь по массовым археологическим материалам, в частности керамическим и нумизматическим находкам⁴³. Хотя доступные материалы собраны тщательно, при этом удалось уточнить некоторые даты, вряд ли хронологию данных памятников можно считать установленной.

В некоторых случаях внимательное рассмотрение уже известных археологических находок действительно позволяет уточнить дату. Небольшой тетраконх в западной части Херсонеса был датирован VII в. (В.А. Кутайсов). Такая поздняя дата казалось мало согласованной с типом и функцией этого типичного коммеморативного сооружения. А. Грабар называл такие сооружения тесфаническими мартириями – они строились для почитания не мощей, а памятных событий, связанных с божественным вмешательством; в данном случае речь идет о чуде епископа Капитона. На основе нового анализа археологических материалов В.Ю. Юрочкин и А.В. Джанов датировали эту церковь второй половиной V – первой половиной VI в.⁴⁴ Возможно, она была построена в V в. и принадлежала к группе древних культовых построек города, посвященных местным святым.

“Базилика Крузе” (№ 7) тоже была связана с мемориальным культом. Повторные раскопки, начатые в 1997 г. совместной украинско-австрийской экспедицией, могли бы прояснить вопрос о ее функциях и роли в религиозной жизни города. Получены новые материалы, в том числе антропологические, что важно для этого города с его сложным составом населения, однако работы не были завершены⁴⁵.

Особая группа церквей – скальные, “пещерные”, с их специфическими трудностями изучения, в том числе и определения времени возникновения и функционирования. Последнее время, кажется, утвердилась точка зрения Ю.М. Могаричева, который датирует все пещерные церкви не ранее X в., в том числе и подземный храм на главной улице Херсонеса⁴⁶. Возможно, детальное рассмотрение археологических материалов позволит некоторые церкви отнести к VII–VIII вв., в частности Качи Кальен⁴⁷.

Вообще стратиграфический метод, как и всякий другой, имеет свои ограничения и затруднения. Все, кому приходилось раскапывать архитектурные памятники, которые на протяжении столетий перестраивались не раз, знает, что четкая стратиграфия бывает редко. Во время любых строительных работ неизбежны многократные перемещения грунта – все эти нивелировки, засыпки, подсыпки, так же, как и ремонты бетонных полов. Как раз во время ремонта поздняя монета легко может попасть под разрушенную древнюю вымостку, кото-

религиозной принадлежности раннего храма комплекса “Базилика 1935 г.” в Херсонесе // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Сб. научных трудов по материалам конференции (Симферополь, 4–5 окт. 1999 г.). Симферополь, 1999. С. 52–60.

⁴³ Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. 2000. VII. С. 77–90; Некоторые неточности трактовки А.И. Завадской истории церквей западного района Херсонеса отметила А.И. Романчук (Очерки истории... С. 63. Примеч. 15).

⁴⁴ Юрочкин В.Ю., Джанов А.В. Церковная история Херсонеса V в. // Церковная археология Южной Руси... С. 49–68.

⁴⁵ Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen... S. 69–70.

⁴⁶ Могаричев М.Ю. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.

⁴⁷ Шевченко Ю.Ю. Пещерные христианские комплексы Крыма: время возникновения по погребальному инвентарю // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб., 2002. С. 325–333.

рую перекрывают новой бетонной стяжкой. Как бы ни был внимателен археолог, всегда ли он может ясно дифференцировать все манипуляции древних строителей с нашими “культурными слоями”? Еще один вопрос: датируют ли наши находки весь большой и сложный комплекс или они говорят о действиях древних строителей только на том участке, где были обнаружены датирующие материалы. Кроме того, длительное бытование монет, иногда свыше 300 лет⁴⁸, ставит под сомнение решающее значение нумизматических находок, которые часто выглядят такими надежными. Поэтому одни археологические находки, взятые изолированно от анализа самого памятника архитектуры, не обязательно дадут убедительный ответ.

Характерный пример – базилика Мангупа, которую Н.И. Бармина тщательно исследовала не один десяток лет. Археологические материалы датировали весь комплекс, в том числе и крещальню, временем не ранее VIII в.⁴⁹ Однако эта дата оставляла сомнение, поскольку она не совсем согласовалась с другими данными: исторической обстановкой, особенностями архитектуры, эпиграфическими свидетельствами⁵⁰. Недавно, при исследовании базилики, Н.И. Бармина обнаружила остатки однефной церкви рубежа V–VI вв., которая позже вошла в состав большой базилики. Эта ранняя церковь и крещальня составляли единый комплекс⁵¹. Таким образом, все ранее добытые археологические материалы остались прежними, а выводы существенно изменились. Разные строительные периоды выявлены и у базилики конца VI – начала VII в. в Партенитах, которая ко второй половине VIII в. была перестроена в трехапсидную⁵².

Иногда повторные раскопки приносят новые интересные данные, но не приводят к бесспорным выводам. Доследование херсонесской “базилики 1935 г.”, проведенное М.И. Золотаревым и Д.Ю. Коробковым совместно с американскими археологами, по-новому обрисовало строительную историю сложного комплекса. Выяснилось, что синагога в конце IV в. была превращена в церковь, эта последняя была реконструирована, в результате чего и появилась “базилика 1935 г.”. Полученные материалы по-новому раскрывают проблему

⁴⁸ См. новые материалы: Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н. Клад боспорских медных монет (I – середина IV в. н.э.), найденный в Керчи в 1995 // ВДИ. 2001. № 3. С. 59–85.

⁴⁹ Бармина Н.И. Базилика Мангупа в свете некоторых проблем средневековья в Крыму // АДСВ. 1995. 27. Византия и средневековый Крым. С. 77–85. А.И. Айбабин принимает точку зрения М.А. Тихановой и А.Л. Якобсона о строительстве базилики в VI в.; по его мнению, крещальня относится к XI в., на основании надписи на обломках фриза, найденных на полу: Айбабин А.И. Этническая история... С. 123–124.

⁵⁰ Мангупская крепость начал возводиться в середине VI в.: Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. I. С. 137. Ее значение подтверждается недавними находками ранних (первой половины VII в.) печатей: Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. 2002. 33. С. 59–65. Новые данные о надписи юстиниановской эпохи, найденной во вторичном использовании в большой базилике: Виноградов А.Ю. К датировке надписи Юстиниана с Мангупа // ANAXAPCIC. Памяти Юрия Германовича Виноградова. Севастополь, 2001. С. 70–71.

⁵¹ Бармина Н.И. Контуры перемен: Мангупский памятник в контексте истории крымского средневековья // АДСВ. 2002. 33. С. 21–28; Она же. Население средневекового Мангупа: штрихи к портрету // Историческая роль Константинополя. Тезисы докладов XVI Всероссийской научной сессии (в память о 550-летию падения византийской столицы). Москва, 29–10 мая 2003 г. М., 2003. С. 8–12.

⁵² Завадская И.А. К вопросу о раннем периоде Партенитской базилики // Культурные памятники в мировой культуре. V Международная Крымская конференция по религиоведению. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2003. С. 19–20.

соотношения археологического факта и письменного источника⁵³. Интерпретация новых данных вызвала дискуссию⁵⁴.

Базилика Эски-Кермена – еще один трудный для датировки памятник. Ранняя дата (IV–VI вв.), в свое время предложенная Ф.И. Шмитом, кажется более убедительной. Е.А. Паршина открыла средневековые захоронения у стен базилики и в нартексе, однако они не датируют время возведения церкви. На основании некоторых архитектурных сопоставлений базилику датировали временем “не ранее VIII в.”⁵⁵; в новой версии той же работы Е.А. Паршиной и Ю.Г. Лосицкого названа иная дата, на основании тех же данных: “не ранее VII и не позднее VIII в.”⁵⁶ На примере Эски-Кермена видна хрупкость метода архитектурных аналогий, в особенности если для сравнения избирается лишь один какой-нибудь признак. Исследователи этой базилики выбрали наличие трех апсид и привели восемь церквей X–XI и XIII–XIX вв.⁵⁷ Все эти церкви – купольные, а не базилики. Что дает это сопоставление для уточнения даты Эски-Кермена? К X в., когда в византийском мире крестово-купольный тип церковного здания стал господствующим, столь же обычным стал и трехапсидный алтарь, наиболее удобный для литургии с “Двумя Входами”. Поэтому средневековых купольных церквей с тремя апсидами можно привести множество, но они ничего не скажут о дате Эски-Керменской базилики.

Важно и то, что при наличии трех апсид у купольных церквей существенно иное устройство алтарной части – с протесисом и диакоником, чего нет в Эски-Кермене. Если же искать аналогии в пределах архитектурного типа базилики, круг сузится: трехапсидные базилики единичны в V в., их немного в VI–VII в., но становится больше в последующие эпохи – там, где базилики еще продолжали строить (Балканы, Причерноморье, Кавказ). Но если указать аналогии точ-

⁵³ Оверман Э., Макленнан Р., Золотарев М.И. К изучению иудейских древностей Херсонеса // *Археология*. 1997. № 1. С. 57–63; Коробков Д.Ю. Об особенностях планировки здания позднеантичной синагоги в Херсонесе // *Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе*. Сб. научных трудов по материалам III Крымской международной конференции (Севастополь, 21–24 мая 2001). Севастополь, 2001. С. 25–31; Он же. От язычества к христианству, от синагоги – к церкви? // *Херсонес Таврический. У истоков мировых религий*. Материалы научной конференции посвященной 2000-летию юбилею христианства (29–31 июля 2000 г.). Симферополь, 2001. С. 72–75; Золотарев М.И. О епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV в. по Р.Х. // *Православные древности Таврики...* С. 68–73; Edwards D.R. Jews and Christians at Ancient Chersonesus: The Transformation of Jewish Public Space // *Херсонесский сборник*. Х. Севастополь, 1999. Р. 162–165.

⁵⁴ Завадская И.А. Проблемы стратиграфии... 1996. С. 94–105. Она же. К дискуссии о религиозной принадлежности раннего храма комплекса “Базилика 1935 года” в Херсонесе // *Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму...* С. 52–60. К этой дискуссии можно добавить ремарку о форме апсиды: случай, когда полигональная апсида сменяется полуциркулярной, как в комплексе “базилики 1935 г.” – исключительный. Обычно бывало наоборот: полуциркулярная апсида – старая античная форма – в христианском строительстве некоторых регионов сменялась полигональной. Считается, что граненая апсида не известна ранее V в.: Delvoye Ch. L’art paléochrétien de Chypre // *XVe Congrès International d’études byzantines. Rapports et co-rapports*. V. Chypre dans le monde byzantin. Athènes, 1976. Р. 14.

⁵⁵ Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев, 1988. С. 36–59.

⁵⁶ Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // *Православные древности Таврики...* С. 99–113.

⁵⁷ В их число попала и Драндская купольная церковь в Абхазии, которая разными исследователями датируется в рамках VI–VIII вв., но не X в.

ные, т.е. базилики трехапсидные и со стропильным перекрытием, какой была Эски-Керменская, мы увидим, что их единицы. Эта редкая переходная форма соединяет черты разных эпох: старый, идущий из античности, тип легкого деревянного перекрытия еще применялся, а новая, трехапсидная, форма алтаря только появилась и не успела распространиться. Краткий исторический момент, когда названные черты сосуществовали, приходится на VI в. Единственный образец второй половины V в. – это Калат-Семан в Сирии (восточная ветвь этого крестовидного комплекса). Территориально ближайший пример стропильной трехапсидной базилики – Цандрипшская церковь в Абхазии, которая хорошо датируется юстиниановской эпохой⁵⁸. Возможно, к тому же времени относится и Эски-Кермен.

Еще одна деталь: у Эски-Керменской базилики грани апсид обработаны пилястрами. И эта черта, взятая сама по себе, ничего не говорит о дате. Е.А. Паршина приводит две балканские церкви XI в. с похожей апсидой; действительно, их немало было в средневизантийское время. Но можно вспомнить ранневизантийские церкви Каппадокии, с подобной апсидой⁵⁹, и совсем близко – Св. Софию Константинопольскую, где пилястры на гранях апсиды имеют более сложный профиль. На мой взгляд, метод аналогий может быть полезным для датировки в том случае, когда сравниваются признаки не изолированные, единичные, а совокупность хотя бы двух (или более) характеристик, по возможности, в пределах одной типологической и хронологической группы.

С.А. Беляев стремится датировать памятники с помощью реконструкции событий религиозной жизни раннехристианского Херсонеса, используя данные письменных источников, в особенности “Жития святых епископов Херсонских”. Он отнес к IV в. “базилику на холме”, пещерный храм, Уваровскую базилику⁶⁰. Обосновать археологически эти ранние даты пока не удастся; кроме того, не все согласны с манерой буквального прочтения агиографических источников.

Особо стоит сказать об Уваровской базилике. С одной стороны, ее план полностью соответствует типу “эллинистической” базилики V в., что отметил еще А.Л. Якобсон⁶¹. С другой же стороны, К.К. Косцюшко-Валюжинич обнаружил в колодце под стеной нартекса монету Маврикия (582–602)⁶², которую большинство исследователей признают основанием для датировки всего комплекса концом VI – началом VII в. Выходом из этой коллизии может быть допущение разных строительных периодов. Давнее мнение А.Л. Якобсона о воз-

⁵⁸ Подробней о трехапсидных базиликах: Хрушкова Л.Г. Цандрипш. Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. Сухуми, 1985. С. 16–28. Она же. Раннехристианские памятники... С. 147–151, 400–404.

⁵⁹ Restle M. Studien zur frühbyzantinischen Architektur Kappadokiens. Bd. 2. Wien, 1979. Pl. 48, 49.

⁶⁰ Беляев С.А. Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса // *ВВ*. 1979. Т. 40. С. 114–125; Он же. “Базилика на холме” в Херсонесе и “церковь на горе” в Корсуні, построенная князем Владимиром // *Византиноведение* 1994, 1. С. 7–40; Он же. Пещерный храм на главной улице Херсонеса (опыт интерпретации и реконструкции) // *Византия и Русь*. М., 1989. С. 26–55; Он же. Христианская топография Херсонеса. Постановка вопроса, история изучения и современное положение // *Церковные древности. Сборник докладов секции VII Международные Рождественские образовательные чтения* (28–29 янв. 1999 г.). М., 1999. С. 3–49; Он же. О храме апостола Петра в Херсонесе // *Рождественские образовательные чтения. Церковные древности. Сборник докладов конференции* (27 января 2000 г.). М., 2001. С. 5–28; Ранние даты оспариваются другими археологами. См., например, о пещерном храме: Могаричев М.Ю. Пещерные церкви Таврики. С. 95–96.

⁶¹ Якобсон А.Л. Раннесредневековой Херсонес. С. 153–161.

⁶² Романчук А.И. Очерки истории... С. 225–226. А.И. Завадская немного уточняет дату на 70-е годы VI в.: Завадская, 1997.

возможности перестройки в западной части базилики в последнее время нашло поддержку. Идею о двух строительных фазах базилики: первая – в V в., вторая – в конце VI в., высказал А. Пюльц⁶³.

Со времен В.В. Латышева Уваровскую базилику отождествляют с храмом, посвященным апостолу Петру, о котором говорят “Жития святых епископов Херсонских”. По мнению С.А. Беляева, никаких остатков предшествующих сооружений под баптистерием и рядом с ним не было; храмом апостола Петра, построенном в IV в., нужно признать именно существующую Уваровскую базилику, а не то сооружение, которое могло быть на ее месте⁶⁴. На мой взгляд, существование епископской церкви IV в. (хотя бы кафедрал Эферия, если не более ранний) на этом месте возможно, пусть даже она не будет достоверно идентифицирована в дошедших до нас материальных остатках. Известно, что исключительное значение придавалось древности храма и самому месту, где он расположен⁶⁵. Есть и другое мнение о локализации храма ап. Петра. С.Б. Сорочан считает, что им могла быть Восточная базилика (№ 36)⁶⁶. Дискуссия обещает быть долгой. Идентификация епископских церквей, которые выделялись только своими размерами или декором, но не каким-то особым планом – всюду трудная задача. Например, в Северной Африке из общего числа 300 раннехристианских базилик, известных археологам, достоверно определено всего четыре кафедрала, и это при 600 епископских центрах, упомянутых в письменных источниках⁶⁷.

КРЕСТОВИДНЫЕ ЦЕРКВИ

Показательна история изучения крестовидного кладбищенского храма в Херсонесе. Свыше полувека назад О.И. Домбровский в процессе реставрации обнаружил под мозаичной вымосткой церкви несколько осколков поливной керамики X или XII в. и датировал церковь и ее мозаику этим временем⁶⁸. Правда, стиль и иконография мозаики, которые хорошо вписываются в круг ранневизантийских памятников, не согласовывались с такой поздней датой, так же, как и архаичный план церкви типа “croix libre” с прямоугольным завершением всех четырех рукавов. Но находка керамики казалась более убедительной, и позднюю дату приняли другие исследователи: Ю.Г. Лосицкий⁶⁹, А.И. Роман-

⁶³ Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen... S. 49.

⁶⁴ Беляев С.А. О храме апостола Петра... 2001. С. 25.

⁶⁵ «Церковь – это прежде всего история, и только оценив эту историю, можно сказать, что она “богаче” других благодатью и что “божественные знаки проявляются в ней чаще, чем в других местах”». Этот пассаж из Диатаксиса Михаила Атталиата приведен: Dagron G. Constantinople: les sanctuaires et l'organisation de la vie religieuse // Actes du XIe CIAC, Lyon-Aoste, 12–28 sept. 1986. Rome, 1989. II. P. 1084.

⁶⁶ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 578–579; Сорочан С.Б. Где находился херсонесский храм св. Петра? // Херсонес Таврический... С. 3–18.

⁶⁷ Duval N. L'évêque et la cathédrale en Afrique du Nord // Actes du XIe CIAC. Lyon-Aoste, 21–28 sept. 1986. Rome, 1989. I. P. 381.

⁶⁸ Подробный отчет был опубликован много лет спустя после раскопок: Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. 1993. III. С. 289–318. На с. 318 читаем, что мозаика могла быть даже позже XII в.

⁶⁹ Лосицкий Ю.Г. Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму, 1988. С. 27–36.

чук⁷⁰, Э. Ястжембска⁷¹. Один только А.Л. Якобсон считал, что поливная керамика могла попасть под мозаичную вымостку во время ее ремонта, и она не имеет отношения к строительству этого ранневизантийского храма⁷². Раннюю такую последовательность строительных периодов комплекса: первой появилась мемориальная постройка, в VI в. ее сменяет крестовидная церковь с мозаикой, и только в XII в. во время ремонта под мозаичным полом оказалась поливная керамика⁷⁴. Итак, церковь с мозаикой вновь датируется VI в., и это дает надежду уточнить хронологию других крестовидных церквей Херсонеса.

История кладбищенского комплекса, наверное, самая сложная. Первоначально крестовидная постройка существовала как мартирей, который в VI в. превратили в церковь обычного культа, перестроив восточную часть. В восточном рукаве креста раннего здания устроили синтрон и установили престол с киворием, от которого остались базы колонок. Прямоугольная форма синтрона – случай уникальный. Очевидно, что место было особо почитаемым, и строители хотели сохранить древний план. Кроме того, с юга пристроили пастофорий с апсидой, в которой помещена крещальная купель. Того же времени, возможно, и прямоугольное помещение с севера.

В результате этих изменений исчезла самая примечательная черта мартирей – дверные проемы в торцах всех рукавов креста. Они существовали тогда, когда фокусом культа был геометрический центр сооружения, где находились чтимые останки. После перестройки проходы в северном и южном рукавах креста были не обязательны, а в восточном рукаве сохранить дверь было невозможно. Их заложили, что хорошо видно на старом плане К. Косцюшко-Валюжинича. Четыре двери – очень редкая в крестовидных постройках особенность, она ставит мартирей Херсонеса в круг самых архаичных памятников. Один из них хорошо изучен и, по счастью, точно датирован. Это мартирей в Каусье, пригороде Антиохии, сооруженный в 381 г. в память свв. Вавилы и Мелетия, захоронения которых располагались в центре здания⁷⁵. Еще одно сооружение с четырьмя проходами во всех рукавах креста – палестинская мемория, возведенная на месте колодца Иакова и известная по рисунку паломника VII в. Аркульфа⁷⁶.

Раскопки О.И. Домбровского показали, что и крестовидный мартирей не был самым ранним сооружением; под ним существовала еще какая-то постройка, от которой остались лишь вымостки двух уровней. Со второй, мраморной, вымосткой связаны монеты Феодосия I (379–395) и Аркадия (396–408). Мы видим сложную историю раннего этапа религиозной жизни местной общины. Херсонеситы были настойчивы в своем желании почитать находившиеся здесь реликвии: сначала первая постройка (однефная?) с ее двумя строительными периодами, затем крестовидный мартирей и, наконец, крестовидная же церковь обычного культа с синтроном и крещальной. Самую первую постройку можно отнести к IV в.⁷⁷ В этом кладбищенском комплексе видим типичное развитие:

⁷⁰ Romančuk A.I. Zur Geschichte des Kultbaus im früh- und mittelbyzantinischen Cherson // АДСВ. 1998. 29. S. 283. Anm. 17.

⁷¹ Jastrzebowska E. Ephesos und Chersonesos... S. 517.

⁷² Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 200–204.

⁷³ Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen... S. 73. Anm. 157.

⁷⁴ Романчук А.И. Очерки истории... С. 229.

⁷⁵ Lassus J. Sanctuaire chrétiens de Syrie. P., 1947. P. 123–128. Fig. 51.

⁷⁶ Ibid. P. 126. Fig. 52.

⁷⁷ По мнению И.А. Завадской, в некрополе могло быть самое раннее культовое сооружение Херсонеса: Завадская И.А. Хронология памятников... С. 79. Я думаю, что оно в это время не было единственным, но раннюю церковь в городе найти трудней, чем на кладбище.

Этот очень краткий перечень разнородных построек вряд ли может подтвердить позднюю дату крестовидных церквей Херсонеса. Сентинский храм – действительно средневековый, он датируется X–XI вв.⁸⁰ В Болгарии Н. Чанева-Дечевска перечисляет четыре крестовидных мартирия, но все они относятся к V–VI вв.⁸¹ Но можно ли считать сербский храм в Нине с тремя апсидами типологической аналогией херсонесским церквям, а особенно загородному храму с его прямоугольной восточной ветвью? И подтверждает ли он позднюю дату? Две очень похожих крестовидных трехапсидных церкви из Пулы в Хорватии датируются VI–VII вв., временем византийского влияния в крае⁸². Число примеров крестовидных церквей можно значительно увеличить, и почти все они будут ранними, в рамках V–VII вв. В частности, они были популярны в Каппадокии⁸³ и на Кавказе, в том числе и церковь в Самцеврисе, которую упоминает Ю.Г. Ло-

⁷⁸ Лосицкий Ю.Г. Опыт реконструкции... С. 29.

⁷⁹ Романчук А.И. Очерки истории... С. 63.

⁸⁰ Последний, кто писал о нем, – И. Аржанцева, которая указывает некоторые кавказские аналогии крестовидных церквей, упоминает и загородный храм Херсонеса, отмечая, что этот тип был распространен в V–VIII вв.: *Arzhantseva I. The Christianization of North Caucasus (Religious Dualism among the Alans) // Die Christianisierung des Kaukasus. The Christianisation of Caucasus (Armenia, Georgia, Albania). Referate des Internationalen Symposions (Wien, 9.–12. Dezember 1999) / Hrsg. W. Seibt. Wien, 2002 (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik, IX). P. 21–22.*

⁸¹ Чанева-Дечева Н. Ранно-християнската архитектура в България IV–VI вв. София, 1999. С. 46–47, 200, 226, 240, 302–303. Фиг. 20, 27, 50, 57, 99.

⁸² Uješić P. *Polja paleocristiana alla luce del catasto austriaco dell'anno 1820* // *Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae christianae*. III. Città del Vaticano-Split. 1998. P. 744–745. T. II (c, d), IV (b), V.

⁸³ Свои очень осторожные выводы об относительной хронологии крестовидных церквей Каппадокии М. Рестле строит в значительной степени на типологическом, пропорциональном и формальном анализе. Но в Каппадокии и Херсонесе положение очень различно: в Каппадокии имеется значительная и однородная серия церквей этой типологии; кроме того, там удалось отыскать даты-реперы для создания абсолютной хронологии, они и играют решающую роль; многие памятники сохранили свой объем и, наконец, в Каппадокии есть, пусть и скромный, фасадный декор, он тоже помогает датировать: *Restle M. Studien zur frühbyzantinischen Architektur Kappadokiens. Bd. 1. Text. Wien, 1979 (TIB. Bd. 3). S. 49–73. 168–170.*

сицкий⁸⁴. Конечно, кое-где церкви типа "свободный крест" продолжали строиться и в средневизантийское время, например, на о-ве Наксос известна серия из 12 таких сооружений⁸⁵. В самом Херсонесе западный загородный храм, тоже в виде креста, был построен в VIII–IX вв.⁸⁶

Очевидно, что сами по себе типологические сопоставления не могут датировать, если иметь в виду один лишь формальный признак – контур крестообразного плана⁸⁷. Но если в понятие типологии включить такой важный и содержательный признак, как назначение памятника, тогда круг аналогий быстро сужается, и мы можем получить реальную картину. Например, если для кладбищенского южного храма указать крестовидные церкви с достоверно погребальными или поминальными функциями, мы определенно окажемся в раннехристианской эпохе. Если же подобрать точную аналогию для четырех прямоугольных рукавов креста, это будут упомянутый выше мартирий св. Вавилы 381 г. и мавзолей Галлы Плакидии в Равенне V в. Отмечу любопытную подробность: А.И. Романчук в описаниях крестовидных церквей везде говорит о “куполе на высоком барабане” (это черта средневековая), что соответствует расчетам Ю.Г. Лосицкого. Однако в той же книге она публикует иную реконструкцию храма на акрополе (№ 27), таким образом интуитивно выбирая более достоверный вариант. На чертеже, выполненном Л.Г. Колесниковой и Г.М. Манто, видим сооружение с куполом под четырехскатной крышей, на широком и низком граненом барабане, которое разительно похоже на мавзолей Галлы Плакидии. Для полного сходства со знаменитой равеннской постройкой к херсонесской церкви пририсованы даже аркады по фасадам, о наличии которых по имеющемуся плану нельзя судить⁸⁸. В таком виде храм № 27 – типичное раннехристианское сооружение.

Кладбищенский храм и две городских церкви – № 19 (с ковчегом) и № 27 (под поздним собором) – не только принадлежат к одному типу “свободного креста”, в однородную группу их объединяют и другие важные плановые и функциональные характеристики. Это пастофории – боковые помещения по

⁸⁴ Цит. по: Беридзе В.В. Грузинская архитектура “раннехристианского” времени (IV–VII вв.). Тбилиси, 1974. С. 16–18. Рис. 3. Ю.Г. Лосицкий приводит другой план храма в Самцевриси, у которого снаружи контур креста, в интерьере же это триконх, не похожий на херсонесские церкви.

⁸⁵ Δημητροκάλλη Γ. Βυζαντινή ναοδομία στην Νάξος. Αθήνα, 2000. Σ. 24–29. Εικ. 40–62. Некоторые детали плана отличают их от херсонесских, в частности апсидки-ниши в восточных стенах боковых рукавов креста.

⁸⁶ Романчук А.И. Западный загородный храм // ВВ. (1990). 1991. 51. С. 165–171.

87 Я остановилась подробно на статье Ю.Г. Лосицкого, потому что это типичный случай. Известно, что археологи и архитекторы, работающие вместе, испытывают взаимное чувство преувеличенного доверия к чужим аргументам. Архитектор хорошо знает, как трудно рассчитывать пропорции объема, если перед ним руина, у которой утрачены перекрытия. Датируя что-либо этими расчетами невозможно. Поэтому он с надеждой смотрит на археолога, в руках которого так много разных интересных находок. Археолог же, прекрасно зная, что даже очень большое количество битой посуды не обязательно даст точную дату, с доверием смотрит на расчеты модулей. Однако, чтобы цифра модуля помогла датировать наш памятник, нужно иметь серию памятников-реперов, с точно таким же модулем и главное с точной датой. Но где взять точные даты? А вычислять модуль по чертежам, опубликованным в мелком масштабе и в схематичном виде, едва ли возможно, ведь обмерной документации по всем интересующим нас памятникам, в масштабе хотя бы 1 : 50, у нас нет. Не случайно Ю.Г. Лосицкий, создавая свои тщательно выполненные графические реконструкции, основывал позднюю дату крестовидных храмов вовсе не на анализе модульного строения, а всего лишь на немногих аналогиях.

⁸⁸ Цит. по: Романчук А.И. Очерки истории... С. 228–229. Рис. 25, 2.

сторонам восточного рукава креста, а также синтрон. Пастофории всех трех церквей очень похожи друг на друга, только размещены они по-разному. Во всех трех случаях они сообщаются как с алтарной зоной, так и с боковыми рукавами креста; во всех случаях они асимметричны, одно помещение снабжено апсидкой, другое прямоугольное. Асимметрия ясно указывает на различие функций – это было хорошо изучено в Сирии, где один пастофорий нередко служил мемориальной часовней, а другой объединял назначение жертвенника и диакона⁸⁹. В двух херсонесских церквях один из пастофорий служил крещальней. В кладбищенском храме она располагалась с юга, а в церкви с ковчегом – с севера, при этом в обоих случаях купели размещались в апсидках. Судя по наличию угловых пилястр, крещальни имели сводчатое куполообразное перекрытие⁹⁰. Размещение купели в апсиде – характерная черта, обычно ее связывают с Сирией, но она встречается также в Причерноморье, Палестине, в Северной Африке⁹¹. О функциях помещений церкви под собором мы ничего не знаем. Церковь с ковчегом обладала и мемориальным назначением – в разных ее частях были обнаружены гробницы, их хорошо видно на плане Д.В. Айналлова.

Многоступенчатый синтрон в двух крестовидных церквях – черта не банальная. Церкви невелики: ширина восточного рукава креста в них едва ли превышает пять метров. Вспомним, что в даже в самых крупных церквях Херсонеса синтроны были скромными, одноступенчатыми. Участие в службе многочисленного клира можно объяснить особо торжественным характером богослужения по некоторым дням: во время крещения и мемориальных служб, например. Поэтому пастофории должны быть одновременны самим церквям. Обычные дилатационные швы между разными объемами указывают на последовательность выполнения элементов и их различную высоту: пониженные боковые помещения возводились после сооружения основного объема с куполом.

Серебряный ковчег, который найден под полом в алтаре церкви № 19, тоже вызывает споры. Он был создан в юстиниановское время и датирует церковь, как был убежден А.Л. Якобсон⁹². Другие археологи с этим не согласны. Здесь можно заметить следующее. Если многие археологи твердо верят в то, что одна монета, обнаруженная под стеной периферийной части большого сооружения, может датировать весь сложный ансамбль – это случай Уваровской базилики, почему не поверить в датирующую ценность реликвария, который был помещен под престол в момент строительства церкви и содержал мощи лица, во имя которого освятили престол? Ведь реликварий, хорошо датированный VI в., никак не противоречит характеристикам церкви, в том числе и декору плиты с типично раннехристианскими мотивами (“длинный” крест, кипарисы), которая ограждает северную апсиду. На плане О.И. Домбровского, который провел раскопки участка, видно, что храм построен на остатках театра (ступени амфитеатра в интерьере церкви можно видеть и сейчас)⁹³. Исторически это вполне реально. Аналогичный пример известен в античном театре Диррахия (Дуррес в Албании), где христианские строители остроумно приспособили под часовню

проход к арене. В обоих случаях видим демонстративное намерение утвердить христианскую постройку на остатках языческого театра.

Итак, крестовидные церкви Херсонеса все еще не имеют точно установленной хронологии, но принадлежность хотя бы некоторых из них к раннехристианской эпохе находит все большее подтверждение и признание.

ПРОБЛЕМА СВЯЗИ АРХИТЕКТУРЫ И ЛИТУРГИИ

На заре изучения церквей Херсонеса А.Л. Бертье-Делагард заметил: “Этот вопрос церковного устройства и обрядности заслуживает разработки, для которой, может быть, еще не настало время, по незначительности древне-христианских открытий на Востоке. Меж ними Херсонес будет иметь большое значение”⁹⁴. Не прошло и столетия, как это время настало. Археологи часто отмечают, что изучение церковного здания в связи с его функциями позволит лучше представить религиозную жизнь христианских общин, понять “самый смысл зданий”; литургические устройства “подтверждают, уточняют, дополняют” свидетельства текстов, но иногда и противоречат им⁹⁵. Эта последняя ремарка Ж. Лассюса многозначительна. Изучение литургических функций и устройств – особая сфера. Свидетельства текстов и археологические данные – две разных реальности, два различных языка, и перевод с одного языка на другой кажется легким только на первый взгляд. Очень часто сведения, почерпнутые из текстов, трудно увидеть в археологических остатках, и обратно – памятники не обязательно подтверждают фрагментарные, не всегда ясные и, как правило, очень общие свидетельства письменных источников. Среди исследователей церквей Крыма С.А. Беляев был едва ли не единственным, кто давно призывал изучать их литургическое назначение. В последнее время, благодаря новому развитию дисциплины, которая в России традиционно именуется “церковной археологией” (в отличие от западноевропейской “христианской археологии”), появляется все больше публикаций в этом круге проблем⁹⁶.

Общие сведения о литургических устройствах церквей Херсонеса можно найти в статье А. Пюльца, который излагает вопрос кратко, четко и осторожно (с оговорками наподобие “не точно, но возможно”), используя обычные приемы и аргументы западноевропейской христианской археологии⁹⁷. По его мнению, в Херсонесе можно проследить элементы константинопольской литургии, что выразилось в акцентировании процессионных осей. Речь идет в частности об Уваровской базилике – единственной, где известна солея, и о базилике на акрополе (№ 28), где известно положение амвона, располагавшегося точно по продольной оси. Он предполагает, что в комплексе Уваровской базилики остатки епископского дворца располагались к югу от атриума, а мемориальная церковь с апсидой в виде триконха играла роль и в обряде крещения. Таким образом, торжественный обряд инициации в Херсонесе можно сопоставить с церковью Св. Гроба в Иерусалиме, где крещальня тоже расположена с южной сторо-

⁸⁹ *Lassus J. Sanctuaire chrétiens...* P. 126, 163, 179. По мнению Ю.Г. Лосицкого, асимметрия боковых помещений крестовидных церквей Херсонеса указывает на “неграмотность мастеров” (*Лосицкий Ю.Г. Опыт реконструкции...* С. 30). Я так не думаю.

⁹⁰ *Ristow S. Frühchristliche Baptisterien. Münster, 1998 (Jahrbuch für Antike und Christentum. Ergänzungsband, 27).* S. 266.

⁹¹ *Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники...* С. 142.

⁹² *Романчук Л.И. Очерки истории...* С. 62.

⁹³ Цит. по: *Ibid.* С. 74. Рис. 31.

⁹⁴ *Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК. 1907. 21. С. 71. Примеч. 1.*

⁹⁵ *Lassus J. Sanctuaire chrétiens...* 1947. P. XI.

⁹⁶ Например, по мнению Н.Е. Гайдукова, изучение Уваровской базилики с точки зрения литургии поможет уточнить ее дату: *Гайдуков Н.Е. Уваровская базилика: Еще раз к вопросу датировки // Херсонес Таврический...* С. 7–11.

⁹⁷ *Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen...* S. 75–76.

ны, вблизи жилища епископа. Говоря об обряде крещения в Западной базилике (№ 13) и в загородном крестовидном храме (предположительно), А. Пюльц употребляет своеобразный термин “мемориальный баптистерий”, проводя аналогию между захоронениями “ad sanctos” и крещением “ad sanctos”. Действительно, крещальни и места отправления мемориального культа часто сближались, это характерная черта раннехристианской религиозной жизни⁹⁸. Хорошо известно и архитектурное сходство мартириев и баптистериев, обусловленное глубокой символической связью крещения и Воскресения. Соседство крещальни и мемориального сооружения в Херсонесе, как и в других местах, связывается с паломничествами и с дидактическими намерениями – катехумены и новоокрещенные обычно посещали места чтимых захоронений.

Баптистерии – тема, хорошо известная в христианской археологии, сейчас их известно свыше тысячи. И.А. Завадская относит к числу крещален Херсонеса четыре памятника: отдельно стоящее сооружение у Уваровской базилики, дополнительные помещения в комплексах Западной базилики, “базилики в базилике” и базилики 1935 г.⁹⁹ Интересно было бы более подробно проследить связь баптистериев с местами мемориального и мартирального культа – этой темы А. Пюльц коснулся только слегка¹⁰⁰. Боюсь, что здесь мы столкнемся с неполнотой чертежной документации, в частности, никогда не были опубликованы разрезы помещения с криптой, примыкающего с юга к Уваровской базилике, и отдельно стоящей часовни с криптой в комплексе Западной базилики. Речь идет о самых важных культовых центрах города. О деталях обряда крещения мы могли бы судить лучше, если были бы опубликованы разрезы купелей, а на планах показано точное расположение дверных проемов.

По моему мнению, к числу крещален в Херсонесе можно было бы прибавить боковые помещения в крестовидных церквях: загородной, “с ковчегом” (№ 19), где в обоих случаях есть купели, а также – по аналогии – помещение к югу от апсиды храма под поздним собором (№ 27). Мнение А. Бертье-Делагарда о том, что эти помещения служили диаконами с устройствами для мытья рук и литургических сосудов (хонефтерионы), устарело. Оно возникло в ту эпоху, когда исследователи искали в памятниках вещественные иллюстрации к текстам и верили, что крещение проводилось в глубоких бассейнах, где можно соблюсти предписание тройного погружения в проточную воду. Однако с тех пор открыто так много крещален с неглубокими купелями (0,35–0,4 м), что их уже перестали определять как устройства для мытья сосудов. Не превратились ли эти хонефтерионы в археологический фантом? Например, в храме “с ковчегом”, скорее всего, резервуар глубиной около 0,8 м, расположенный в уровне пола, для мытья посуды вряд ли пригоден.

Мемориальный культ и его роль в религиозной жизни Херсонеса, его отражение в структуре комплексов, влияние на плановые решения сооружений, расположение, формы и типы погребальных конструкций – здесь еще много неяс-

⁹⁸ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники... С. 146, 314, 347–348.

⁹⁹ Завадская А.И. Баптистерии ранневизантийского Херсона // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе... С. 32–38; Она же. Баптистерии Херсонеса (к истории крещального обряда в ранневизантийский период) // МАИЭТ. 2002. IX. С. 252–271.

¹⁰⁰ Продолжаются дискуссии о хронологии: по мнению Е.Ю. Клепиной, мавзоль был построен во второй половине IV – первой половины V в., т.е. раньше, чем помещение с купелью, а не позже, как обычно считается: Цит. по: Клепина Е.Ю. Хронология христианских памятников на участке Западной базилики // Культовые памятники в мировой культуре... С. 22–23.

ных вопросов. Захоронения в церквях, это “привилегированные захоронения” или “захоронения привилегированных лиц”? Этот огромный материал еще далек от обобщения, составляя контраст с изучением баптистериев¹⁰¹.

В последнее время исследователи проявляют интерес к проблеме организации литургического пространства церквей Херсонеса. Алтарная преграда по большей части выдвинута в центральный неф и имеет П-образную форму, ее основание во многих церквях можно наблюдать. Сохранились остатки алтарных плит из мрамора, в частности один хорошо сохранившийся экземпляр – в экспозиции музея. Остатки синтрона прослеживаются кое-где в базиликах и в двух крестовидных церквях. Остатки солей бесспорно зафиксированы только в Уваровской базилике. Амвон располагался на продольной оси центрального нефа базилик¹⁰² (во всех ли случаях?), он принадлежал к так называемому константинопольскому типу с двумя лестницами, по которым поднимались на повышенную площадку¹⁰³. Совместная работа Херсонесского музея-заповедника и археологов Познанского университета (А.Б. Бернацки) по созданию полной обмерной документации всех мраморных архитектурных деталей, найденных в Херсонесе, существенно продвинет исследование и литургических устройств, и архитектурной пластики¹⁰⁴. Любопытно, что из более чем 800 фрагментов проконнесского мрамора в Херсонесе к амвонам можно отнести только 26¹⁰⁵. Интересны новые наблюдения над формами литургических столов (mensae) и их функциями в Херсонесе¹⁰⁶. В изучении литургических устройств в Херсонесе, как и всюду, существует проблема точности употребления терминов. Единобразие не было у древних авторов (вспомним хотя бы многозначность таких понятий, как “бема” или “экседра”), нет его и у современных археологов¹⁰⁷. Ти-

¹⁰¹ L’inhumation privilégiée du IVe au VIIIe siècle en Occident: Actes du Colloque tenu à Creteil les 16–18 mars 1994 / Ed. Y. Duval, J.-Ch. Picard. P., 1986. О “привилегированных могилах” на Востоке: Sodini J.-P. Les “tombes privilégiées” dans l’Orient Chrétien (à l’exception du diocèse d’Egypte) // L’inhumation privilégiée... P. 233–239.

¹⁰² Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen... S. 63 (Anm. 104), 66 (Anm. 121), 67 (Anm. 122–123), 69.

¹⁰³ Почти целые амвоны такого типа открыты при раскопках базилики А в районе Бейязит в Стамбуле (сейчас – в лапидарии ок. Св. Софии) и в коллекции мраморов с корабля, затонувшего близ Сиракуз: Mathews T.F. The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. University Park; London, 1971. P. 70. Pl. 56, 57. Kapitan G. Elementi architettonici per una basilica dal relitto navale del VI secolo de Marmazeni (Siracusa) // XXVII Corsi di cultura sull’arte ravennate e bizantina. Ravenna, 1980. P. 71–136. Fig. 18.

¹⁰⁴ По сообщению д-ра Анджея Бернацкого, Познанский университет в сотрудничестве с Херсонесским музеем-заповедником подготовил трехтомное издание, посвященное мраморам и базиликам Херсонеса.

¹⁰⁵ Бернацки А.Б. Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья // Церковная археология Южной Руси... С. 69–82.

¹⁰⁶ Он же. Бема в раннехристианских базиликах Херсонеса Таврического и Новы (Болгарии) // Культовые памятники в мировой культуре... С. 8–9.

¹⁰⁷ Не случайно в последнее время все больше распространяется манера снабжать монографии глоссарием: Naissance des arts chrétiens. Atlas des monuments paléochrétiens de la France / Ed. N. Duval, J. Fontaine ed al. P., 1991 (Atlas archéologique de la France). P. 387–404, Glossaire; Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники. С. 432–438. В археологии Крыма принято называть солей алтарное возвышение (т.е. используется современное понятие) – то, что в раннехристианское время на Востоке называли бемой (возвышение, эстрада). Солея – это огражденный парапетом проход между алтарной преградой и амвоном, благодаря чему последний включается в целостное алтарное пространство. Миную специальные лексиконы, сошлюсь на широко известную книгу, где даны археологически-ясные описания солей и бем: Krauthimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth, 1975. P. 90, 107, там же Glossary.

пичный случай – свободное употребление слов “жертвенник” и “диаконик”, независимо от реальных функций соответствующих помещений – от этого не раз предостерегали разные авторы¹⁰⁸.

МРАМОР

Крым обладает большой и ценной коллекцией архитектурных деталей из проконнесского мрамора, особенно капителей, которые сосредоточены в основном в Херсонесе. По количеству и разнообразию капителей этот город можно сравнить с блистательной Равенной. Мраморам Херсонеса посвятил свою первую научную работу А.Л. Якобсон, тогда студент-“выдвиженец”, как говорили в 20-х годах XX в. Много лет спустя исследование о мраморах составило раздел его монографии “Раннесредневековый Херсонес”¹⁰⁹. А. Бортоли-Казански опубликовала статью о географии распространения мраморов в Крыму¹¹⁰. К. Барзанте включила крымские находки в широкую панораму экспорта проконнесской продукции в понтийские регионы¹¹¹.

Последние годы – время нового интереса к продукции проконнесских мастеров, к проблемам хронологической и типологической классификации капителей¹¹²; появились важные каталоги капителей Константинополя¹¹³ и большой коллекции мраморов из Ефрасианской базилики эпохи Юстиниана в Порече (Паренцо) в Хорватии¹¹⁴. Я хочу кратко сказать о двух хронологически различных группах мраморов Херсонеса. Хотя элементы декора могли перемещаться неоднократно, все-таки вопрос не безнадёжен, более тщательное изучение мраморов помогло бы уточнить время строительства ранних херсонесских церквей¹¹⁵. Мраморная декорация применялась в крупных базиликах, а не в маленьких мемориях. Торговля проконнесским мрамором не была делом “свободного рынка”, почти всегда это заказ – епископа, правителя, императора¹¹⁶. Иными словами, купец вез мрамор для конкретной постройки.

¹⁰⁸ *Lassus J.* Sanctuaire chrétiens... 1947. P. 162–163. *Mathews T.F.* The Early Churches... P. 179. А. Пюльц считает “невероятным” определение в качестве диаконика южного помещения в Западной базилике, так же, как и южной боковой комнаты в Северной базилике: *Pültz A.* Die frühchristlichen Kirchen... S. 51 (Anm. 38), 58 (Anm. 76). Боковые помещения (пастофории) рядом с алтарем в крестовидных церквях называет то диакоником, то капеллой, то приделом. Придел наименее вероятен, потому что придельная церковь обладает всей полнотой литургических функций, имея самостоятельно освященный престол: “Я их хранил в приделе Иоанна” (Ал. Блок).

¹⁰⁹ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 131–152.

¹¹⁰ *Bortoli-Kazanski A.* La repartition du marbre de Proconnesse en Crimée à l'époque paléochrétienne // *Geographica Byzantina*. P., 1981 (Byzantina Sorbonensia, 3). P. 55–65.

¹¹¹ *Barsanti C.* L'esportazione di marmi dal Proconneso nelle regione pontiche durante il IV–VI secolo // *Rivista dell'Istituto nazionale d'Archeologia e Storia dell'Arte*. Serie III, 1989. XII. P. 91–220.

¹¹² *Kramer J.* Bemerkungen zu den Methoden der Klassifizierung und Datierung frühchristlicher oströmischer Kapitele // *Spätantike und byzantinische Bauskulptur: Beiträge eines Symposiums in Mainz*, Febr. 1994 / Hrsg. U. Peschlow, S. Möller. Stuttgart, 1998. S. 43–58.

¹¹³ *Zollt T.* Kapitellplastik Konstantinopels vom 4. bis 6. Jahrhundert n. Chr. Bonn, 1994.

¹¹⁴ *Russo Eug.* Sculture del complesso eufhrasiano di Parenzo. Napoli, 1991.

¹¹⁵ *Беляев С.А.* Базилики Херсонеса (итоги, проблемы и задачи их изучения) // ВВ. 1989. Т. 50. С. 171–181.

¹¹⁶ *Sodini J.-P.* Le commerce des marbres à l'époque protobyzantine // *Hommes et richesses dans l'empire byzantin*. I. P., 1989 (Réalités byzantines). P. 163–186.

Мраморы Херсонеса явно подразделяются на две группы: V в. и VI в. Самые ранние экземпляры капителей относятся к типу ионических капителей-импостов. Одна из них, хранящаяся в Эрмитаже, сохраняет античные формы пластического ионического элемента, ее импост с шестиконечной хризмой в центре украшен мягкими листьями аканфа; этот тип датируется первой половиной V в.¹¹⁷ Другой экземпляр того же типа из Исторического музея в Москве украшен тонко зубчатым аканфом (“феодосиевым”, по старой терминологии Й. Стриговского – Р. Кауча) и ажурными растительными мотивами; эта капитель изготовлена около середины V в.¹¹⁸ Эти ранние капители Херсонеса – случайно или нет – найдены при раскопках Уваровской базилики.

Немного более поздний тип представлен изящной композитной капителью из Херсонесского музея с тонким и острым зубчатым аканфом, которым украшены даже волюты. Появившись во второй половине V в., этот тип аканфа сохранялся даже до юстиниановской эпохи¹¹⁹, но херсонесский экземпляр по легкости и ажурности листьев относится скорее к началу серии. Другую капитель из Херсонесского музея, тоже с тонким аканфом, но уже с геометризованными листьями, можно датировать началом VI в.¹²⁰ Тип “двузонных” капителей, у которых круглая нижняя часть покрыта листьями того же “феодосиева” аканфа, а в верхней части украшена протомы животных или птиц, датируется временем между второй половиной V в. и первой половиной VI в.¹²¹ Одна такая капитель хранится в экспозиции Херсонесского музея, другая – в Эрмитаже¹²². Стиль мелкого зубчатого аканфа позволяет датировать ее второй половиной V в.¹²³

Импост-капители с довольно крупными листьями аканфа и крестом в центре (одна из раскопок базилики 1935 г., другая – из Уваровской базилики), производились между серединой V и первой половиной VI в.¹²⁴ Более вероятна первая половина VI в., поскольку импост с подобным декором, но соединенный с обычной коринфской капителью, находится на колонне базилики на акрополе (рядом с поздним собором). Капитель из базилики 1935 г. с листьями аканфа, желобчатым мотивом на импосте и сильно упрощенным ионическим элементом датируется зрелым V в. или первой половиной VI в.¹²⁵ Самый стандартный и широко распространенный тип – коринфская капитель с двумя рядами плоских и схематичных листьев аканфа, которые, встречаясь, создают абстрактные геометрические фигуры. Если отвлечься от деталей, образующих подтипы (в частности, “лирная” капитель, по классификации Р. Кауча, каких немало в Херсонесе), эти капители

¹¹⁷ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 142. Рис. 51. *Barsanti C.* L'esportazione di marmi... P. 162–164. Fig. 96. Возможно, из Херсонеса происходит похожая капитель, которая находится во вторичном употреблении в церкви Св. Софии в Киеве.

¹¹⁸ *Искусство Византии в собраниях СССР. 1. Каталог выставки. Раннехристианское искусство II–IV веков* / Под ред. А.В. Банк, О.С. Попова. М., 1977. № 121. С. 91; *Barsanti C.* L'esportazione di marmi... P. 157. Fig. 83.

¹¹⁹ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 136. Рис. 47(1); *Barsanti C.* L'esportazione di marmi... P. 147–148. Fig. 70.

¹²⁰ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. Рис. 47(2); *Barsanti C.* L'esportazione di marmi... P. 147–148. Fig. 70.

¹²¹ *Barsanti C.* L'esportazione di marmi... P. 153.

¹²² *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 135. Рис. 46(2); *Искусство Византии... 1. № 116а.* С. 89. *Barsanti C.* L'esportazione di marmi... P. 151. Fig. 76.

¹²³ *Византийский Херсон.* Каталог выставки / Под ред. И.С. Чичуров. М., 1991. № 2. С. 18.

¹²⁴ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 138. Рис. (2–4). С. 144. Рис. 52; *Barsanti C.* L'esportazione di marmi... P. 159–160. Fig. 88.

¹²⁵ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 140, рис. 49(5); *Barsanti C.* L'esportazione di marmi... P. 163–165. Fig. 99.

отражают процесс упрощения и деградации классической коринфской капители. Они являются массовой продукцией конца V – первой половины VI в. В Херсонесе их больше всего; к тому же типу принадлежит и капитель из Тиритаки, еще одна находится в церкви св. Иоанна Предтечи в Керчи¹²⁶.

Таким образом, в первой половине V в. строительство церквей в Херсонесе имело место – об этом говорят композитные капители с мелкозубчатым аканфом. Поиски или идентификация сооружений, для которых привезли эти капители, – пока открытые вопросы. Большее число херсонесских капителей относится к концу V или скорее к первой половине VI в. Строительство церквей в Херсонесе было более интенсивным в юстиниановскую эпоху, тогда же и деятельность проконнесских мастерских достигла наивысшего расцвета.

Фрагменты амвонов отражают ту же хронологическую закономерность, что и капители. Например, плита парапета, высеченная из одного куска с профилированным столбиком, украшена характерным мотивом так называемого “длинного креста” с расширяющимися концами (“croix longue”, он же “византийский”), который утвердился на сфере¹²⁷. Этот фрагмент происходит из “базилики в базилике” (№ 15), которая датирована по монетам Юстиниана I²⁸. Плита амвона вполне соответствует стандартной продукции юстиниановской эпохи, в особенности тип креста на сфере¹²⁹. Другой фрагмент амвона (предположительно из базилики № 28) был частью приподнятой на колонках балюстрады¹³⁰. В центре его помещена шестиконечная хризма с удлинённой нижней ветвью, обрамлением служат множественные мултуры. К. Барзанти нашла очень близкую, если не идентичную, аналогию для балюстрады из Херсонеса – амвон из кипрской базилики 1 в Пейя, которую относят к IV или V в.¹³¹

Итак, эти части двух амвонов, как и капители, принадлежат двум хронологическим группам: одна юстиниановского времени, другая – V в. Подготовленная публикация каталога всех мраморных деталей поставит изучение этой группы памятников на прочную документальную базу.

ЦЕРКВИ ХЕРСОНЕСА В КОНТЕКСТЕ РАННЕХРИСТИАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

По мнению А.Л. Якобсона, архитектура Херсонеса была связана и с малоазийской традицией в целом, и с константинопольской школой. В обширной и многоликой Малой Азии имелись в виду прежде всего прибрежные районы¹³².

¹²⁶ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 136–138. Рис. 49 (2, 3); Barsanti C. L'esportazione di marmi... P. 126–135. Fig. 40, 44.

¹²⁷ Якобсон А.И. Раннесредневековый Херсонес. С. 136. Рис. 48–49; Barsanti C. L'esportazione di marmi... P. 128, 192. Fig. 40; Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen... S. 67. Anm. 123.

¹²⁸ Романчук А.И. Очерки истории... С. 224.

¹²⁹ Близкий пример в понтийском регионе: плиты из церкви в с. Хоби, в Мегрелии, во вторичном использовании: Хрушкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. V–X века. Тбилиси, 1980. С. 15. Табл. VIII, 4. Того же типа амвон из цандрипшской базилики: Она же. Раннехристианские памятники... С. 165–167.

¹³⁰ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 149–150. Рис. 55–56.

¹³¹ Barsanti C. L'esportazione di marmi... P. 192. Fig. 146.

¹³² Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 183–188, 211; Он же. Закономерности... С. 163–168; Jakobson A. Grim. S. 375–439. К выводу А.Л. Якобсона о роли Константинополя присоединился Ф.В. Дайхманн: Deichmann F.W. Einführung in die Christliche Archäologie. Darmstadt, 1983. S. 270.

После долгого перерыва к этой теме вновь обратилась И.А. Завадская. Сопоставляя разные признаки (план церквей, их строительную технику, декор, литургические устройства и другие, более частные, черты) и привлекая большое число аналогий, она приходит к следующим выводам: памятники Херсонеса принадлежат “к ранневизантийской христианской архитектуре”; “главным ориентиром в выборе архитектурных форм была прежде всего столичная архитектура”; “помимо столичных черт херсонесская архитектура впитала в себя также элементы других школ”¹³³. Первый вывод бесспорен, третий подтверждается некоторыми аналогиями. Что же касается Константинополя, вопрос не кажется простым. О сильном влиянии византийской столицы писал и А. Пюльц, отмечая в то же время в церквях Херсонеса черты, свойственные Греции и эгейскому ареалу: пропорции планов, трибелон, так называемая эллинистическая форма нартекса, архитектурная пластика из Проконнеса, элементы литургии, предположительно хоры над боковыми нефами (церкви № 14 и № 15). Как и А.И. Завадская, он тоже отметил сирийское влияние (размещение крещальной купели в апсиде)¹³⁴.

Все эти наблюдения обоснованы, и все-таки возникают вопросы. Реальная картина была, видимо, сложнее. Если речь идет о базовых элементах плана херсонесских базилик, которые большинство исследователей относит к VI в., действительно в византийской столице можно отыскать некоторые аналогии этого времени. Наряду с блестящими творениями купольной архитектуры при Юстиниане строились и “малые сооружения”, в том числе базилики. Правда, от них мало что осталось, среди них – руины “базилики А” в районе Бейязит, которая в основных элементах плана и устройства алтарной части близка к базиликам V в.: у нее развитая западная часть (атриум, нартекс) и одна апсида на восточном конце¹³⁵. Таким образом, в стандартных элементах плана общее сходство Херсонеса с Константинополем действительно можно отметить (впрочем, не только с ним). Но если говорить о более конкретных чертах, можно увидеть столько же и несходства. Например, в византийской столице предпочитали трехгранную апсиду, а в Херсонесе господствовала пятигранная, очень распространенная в Каппадокии¹³⁶. Что касается организации литургии, в двух хорошо известных константинопольских базиликах V в., Иоанна Студия и Халкопратийской, под алтарем находится глубокая крипта, так же, как и в купольной базилике св. Полиевкта первой четверти VI в. В Херсонесе под престолом могло быть крестовидное углубление для мощей (“confessio” – подобные примеры есть на Балканах), как в Западной базилике. Мемории с криптами располагались рядом, или примыкая к церкви (Уваровская базилика), или находясь вблизи (Западная базилика). В константинопольских церквях, и купольных, и базиликах, устройство алтарной части было достаточно единообразным: массивный многоступенчатый синтрон с тронem в середине верхней ступени, П-образная алтарная преграда, амвон и соединяющая их солея¹³⁷. П-образная конфигурация бемы в Херсонесе тоже была обычной (как и во многих церквях Греции), но солея здесь отмечена только в Уваровской базилике; многоступенчатые син-

¹³³ Завадская И.А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. VIII. С. 261–289.

¹³⁴ Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen... 1998. S. 74–75.

¹³⁵ Mathews M.F. The Early Churches... P. 73.

¹³⁶ Правда, есть предположение о наличии пятигранной апсиды в очень плохо сохранившейся Сарай-базиле V в.: Ibid. P. 34–37.

¹³⁷ Реконструкция алтарного пространства, выполненная на основании раскопок церкви св. Евфимии: Ibid. Fig. 32.

троны неожиданно находим не в крупных культовых центрах города, а в малых крестовидных церквах, и одна из них – кладбищенская. Константинопольский тип квадратного купольного сооружения с вписанным октогоном (С. София и, возможно, Халкопратийская) в Херсонесе неизвестен.

Нет особого сходства у Херсонеса со столицей и в строительной технике. В Константинополе в крупных церквах VI в. абсолютно преобладает кирпич. А для V в. можно привести любопытный пример: две очень похожих по плану – восточная и близкая к ней базилика выстроены по-разному: Халкопратийская – из чистого кирпича, а Студийская – в смешанной кирпично-каменной технике, как и феодосиевы стены¹³⁸. В Херсонесе мы не знаем ни одного примера кирпичной архитектуры.

Вывоз проконнесского мрамора обеспечил сходство пластической декорации и некоторых видов портативных литургических устройств Херсонеса с Константинополем (как и со многими другими местами). Однако стиль напольных мозаик, выполнявшихся на месте, в Херсонесе и в византийской столице не сопоставим. Итак, сравнивая Херсонес и Константинополь, мы видим, что сходство в основном касается общих черт плана и импортной декорации, но оно хорошо соседствует с несходством. На мой взгляд, облик церквей Херсонеса во многом определялся местными обстоятельствами. География и топография, особенности античной городской застройки и ее трансформация, почитание местных святых и внутренняя жизнь приходов, наличие и качество строительных материалов, вкусы епископов и деньги ктиторов, церковная политика и просто политика, рыбный промысел и коммуникации – все это и еще многое другое играло свою роль. Поэтому вряд ли в Малой Азии или еще где-либо отыщется город, с которым у Херсонеса было бы близкое сходство. И в этой сфере мы тоже видим Крым “двойственный”, двуликий, неуловимый¹³⁹.

ТОПОГРАФИЯ

Изучение топографии христианского города в последние десятилетия переживает настоящий расцвет. Главный центр внимания исследователей – глубокие трансформации, которые привели к превращению города позднеантичного в город христианский и средневековый: включение церковных зданий в городскую ткань, отказ от веками соблюдавшегося запрета хоронить в городах, организация жизни квартала вокруг приходской церкви, основание монастырей существенно изменили характер города. Этот пристальный интерес к топографии, увязанный со стремлением археологов к решению больших исторических проблем, иногда называют даже “революцией”¹⁴⁰.

Исследователи Херсонеса участвуют в этом общем движении. Топографию средневекового города изучала А.И. Романчук¹⁴¹; ей же принадлежит

¹³⁸ О строительной технике: *Mango C.* Byzantinische Architektur. Mailand, 1974. S. 11 sq.

¹³⁹ *Dagron G.* Двуликий Крым (IV–X вв.) // МАИЭТ. 2000. VII. С. 289–293, 295–301.

¹⁴⁰ *Pergola Ph.* Topografia cristiana e rinnovamento urbano in età tardoantica ed altomedievale: una rivoluzione degli ultimi trent'anni // XLII Corso di cultura sull'arte ravennate e bizantina. Ravenna, 14–19 maggio 1995. Ravenna, 1995. P. 747–760.

¹⁴¹ *Романчук А.И.* Херсонес XII–XIV вв.: историческая топография. Красноярск, 1986; *Она же.* Очерки истории... С. 65–73.

этиод, посвященный поискам на местности следов событий, которые описаны в “Слове о перенесении мощей святого Климента”¹⁴². Главным является вопрос о начале христианского Херсонеса, и топография вновь возвращает нас к ключевой проблеме хронологии первых культовых построек. Одновременное появление двух статей на одну тему – на этот раз в Москве и в Риме – еще раз указывает на актуальность проблемы. Их авторы, С.А. Беляев¹⁴³ и Э. Ястжебовска¹⁴⁴, рассматривают топографию Херсонеса с разных позиций. С.А. Беляев отмечает два аспекта топографии – общий, который стремится раскрыть специфику, сам дух христианского города, и другой – частный, который ставит целью “привязку к конкретной местности определенных зданий или событий, известных по письменным источникам”. Он стремится выяснить, какие сооружения Херсонеса можно связать с IV в., полагая, что в городе в это время должен был быть и кафедрал, и небольшие мемориальные постройки. По его мнению, к IV в. относится Уваровская базилика и две мемории: четырехапсидный храм, связанный с культом св. Капитона, и пещерный храм, посвященный св. Василевсу (Василию). Замечу, что построениям С.А. Беляева недостает археологической доказательности, датировки остаются предположительными и спорными. В то же время в них, кажется, есть дух исторической достоверности. Вообще подтверждение археологическими фактами сообщений житийных текстов – очень старая и трудная проблема христианской археологии.

Э. Ястжебовска сопоставляет топографию двух городов – Херсонеса и Эфеса. Речь идет об общих принципах оборонительной системы двух городов, расположении главных городских осей, размещении некоторых церковных зданий. Здесь еще раз перечислены все ранние базилики Херсонеса, с их примерной датировкой, обсуждаются разные доводы в пользу того или иного времени их строительства, основанные на стратиграфии, строительной технике, декоре, отмечается важное значение мрамора¹⁴⁵. В целом исследовательница приходит к выводу о различных исторических ролях этих двух городов: Херсонес был центром миссионерства для Северо-Восточной Европы, а Эфес – важным центром паломничества.

В этих двух очень разных работах можно усмотреть две различных концепции топографии. Для первой характерно понимание топографии христианского города как “сакральной” – термин, который в последнее время в отечественной литературе очень популярен. С.А. Беляев, как кажется, придерживается именно такого понимания¹⁴⁶. Рационалистическая позиция Э. Ястжебовской, напротив, не склонна подчеркивать особый, сакральный, характер топографии. Этот подход хорошо представлен в работах о Константинополе

¹⁴² *Она же.* Западный загородный храм. С. 165–171.

¹⁴³ *Беляев С.А.* Христианская топография Херсонеса...

¹⁴⁴ *Jastrzebowska E.* Ephesos und Chersonesos... Упомяну также неопубликованную работу М.Р. Волоска о топографии ранневизантийского Херсонеса, о которой мне сообщила проф. Э. Ястжебовска: *Wolosiak M.R.* Topografia chrześcijańskiego Chersonesu Taurydzkiego w okresie wczesnobizantyjskim (IV–VII wiek). Warszawa, 1998.

¹⁴⁵ *Jastrzebowska E.* Ephesos und Chersonesos... P. 507, 515.

¹⁴⁶ “Христианство... изменило всю жизнь. Применительно к Херсонесу, равно как и к любому другому городу той эпохи, это означает, что иными с появлением христианства стали и градостроительная структура города, и сама общественная архитектура, и городская планировка, и социальная стратификация населения, и правовые институты и многое, многое другое, и в жизни города в целом, и в жизни его населения”: *Беляев С.А.* Христианская топография Херсонеса... С. 4.

Жильбера Дагрона: “Нельзя выразиться лучше, что только случай руководит распределением святых мест в городе и его окрестностях, но случай – в этом стремятся верить, – который отвечает необходимости или предопределению”; “В Константинополе, как и во всякой городской среде, только история и время христианские, топография же – лишь их проекция”¹⁴⁷. Да и само христианизации в преобразовании античного города не приписывается определяющего значения: “Не то, чтобы христианство было причиной перехода от античного урбанизма к урбанизму средневековому... Но оно окрашивает эту трансформацию и позволяет нам таким образом проследить ее повороты и контуры”¹⁴⁸.

О.А. Барынина

**РУССКО-ВИЗАНТИЙСКАЯ
ИСТОРИКО-СЛОВАРНАЯ КОМИССИЯ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИИ
1920-х ГОДОВ**

Одной из последних крупных научных акций прославленной российской византистики, осуществлявшейся в почти что экстремальных условиях послереволюционного времени, оказалась работа созданной при Российской Академии наук “Русско-византийской историко-словарной комиссии” во главе с академиком Ф.И. Успенским. Первоначально Комиссия была основана под названием “Константин Порфирородный” (первое заседание Комиссии состоялось 1 июня/19 мая 1918 г.). Задачи, которые она себе ставила, были изложены на заседании Общего собрания Императорской Академии наук 10 апреля (28 марта) 1918 г. в докладе Ф.И. Успенского, являющемся программным документом. Целью Комиссии провозглашалось собирание материала для издания словаря византийских древностей времен императора Константина VII Порфирородного (X в.), создание своеобразной “Энциклопедии Константина Порфирородного”, а первоочередной задачей – составление просопографического указателя антропонимов, а также указателя этнонимов и терминов по византийской истории¹. Сформулированная еще в докладе Ф.И. Успенского задача дополнения и

¹ В Отчете о деятельности РАН за 1918 год о задачах Комиссии говорится следующее: “Прежде всего, необходимо внимательно изучить вопрос о самой основе, на которой зиждется работа Комиссии, т.е. вопрос о сочинениях, вышедших из кружка Константина. Для этого предпринята уже подготовительная черная работа, а именно: начато составление не существующего еще в науке подробного указателя личных и географических имен и терминов, что должно облегчить работу ученых и может дать совершенно неожиданные по новизне результаты для освещения различных вопросов истории, литературы и языка. Затем, принято составление полной библиографии по литературе о Константине, причем имеется в виду составить не только голый перечень книг и статей, относящихся к данному вопросу, но и дать краткое изложение их содержания и выяснить значение той или другой работы. Кроме того, если так называемые *Excerpta* Константина вышли недавно в критическом издании, то главные труды, *De thematibus*, *De administrando imperio* и *De Cerimoniis* (за исключением трактата Филофея), имеются лишь в старых изданиях. Насущною задачею Комиссии является, поэтому, изучение рукописей этих сочинений, хранящихся в книгохранилищах Западной Европы, и подготовкам их нового критического издания. После этих совершенно необходимых и в высшей степени ответственных работ Комиссия, исходя из сочинений Константина, предпримет уже с привлечением другого всего доступного материала: историко-литературного, археологического, нумизматического и т.д., ряд работ по различным сторонам внутренней истории Византии, международным отношениям, по изучению влияния на другие народы и страны, в частности на Россию. Отдельные работы должны быть посвящены первым страницам русской истории, крещению Руси, названиям днепровских порогов” (Отчет о деятельности Российской академии наук по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1918 год, составленный непременным секретарем академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1918 г., Петроград, 1919. С. 323–328: (Раздел) IV. Академические и приакадеми-

¹⁴⁷ Dagron G. Constantinople... P. 1072, 1085.

¹⁴⁸ Dagron G. Le christianisme dans la ville byzantine // DOP. 1977. Vol. 31. P. 3.

нового издания знаменитого словаря среднегреческого языка Дюканжа 1923 г. стала целью Комиссии по переизданию последнего². Тогда же эти две комиссии слились, образовав Русско-византийскую историко-словарную комиссию (РВК или РВИСК). С 1925 г. она именовалась "Византийской Комиссией". В том же году при Комиссии была образована Подкомиссия по изучению экономических и торговых связей Древней Руси с Византией и Востоком (под председательством В.Н. Бенешевича). РВК продолжала свою деятельность до 1930 г. В работе Комиссии приняли участие ведущие в то время византинисты: многие историки и филологи. После смерти Ф.И. Успенского в конце сентября 1928 г. Комиссию недолгое время возглавлял В.Н. Бенешевич (бывший до того времени ее бессменным ученым секретарем). После ареста В.Н. Бенешевича в ноябре того же года и до окончания ее существования "временно" исполняющим обязанности руководителя Комиссии значился С.А. Жебелёв.

Выбор Ф.И. Успенским темы исследования был закономерен: традиция изучения наследия Константина Порфирородного во многом определяет лицо отечественного византиноведения; она неразрывно связана с историей самих византиноведческих штудий в российской исторической науке³. Отнюдь не представлялась новой и идея переиздания среднегреческого глоссария Дюканжа. Так, еще в середине XIX в. академик А.А. Куник (1814–1899) в переписке с немецким эллинистом Ф.Г.А. Муллахом побуждает последнего заняться подготовкой переиздания "Греческого Дюканжа" с исправлениями и дополнениями, обсуждает с ним все детали проекта, надеясь привлечь к этому делу Академию наук, и т.д.⁴

Подкомиссия по изучению экономических и торговых связей Древней Руси с Византией и Востоком ставила себе следующие задачи: "1) изучение Русско-византийских отношений в X и смежных веках, 2) изучение экономических и торговых связей между Русью и греками, причем в центре внимания стоят договоры Руси с греками и 3) изучение направления морских и сухопутных путей

по которым направлялись торговые сношения между Китаем, Центральной Азией и юго-восточной Европой. Особенно интересует Комиссию изменение этих путей, происшедшее вследствие монгольского вторжения и стремления монголов направить торговые сношения через их владения. Сделанные в этой области РВК достижения – значительны. В настоящее время в распоряжении Комиссии имеются фотографические снимки с договоров с греками по десяти русским летописям, и составлен указатель слов и терминов по всем означенным спискам. Что касается большой военной дороги из Центральной Азии в Европу, то в этом смысле изучаются средневековые писатели, трактующие об этих путях, и изготовляется карта, дающая точное описание направления указанной дороги"⁵.

Комиссией была проделана большая работа, результаты которой остались почти полностью неопубликованными. Ф.И. Успенский мечтал о создании на этой основе Византийского института⁶, но даже Кабинет византиноведения, несмотря на встречающиеся в литературе упоминания о его существовании, не был создан. (Его функции долгое время выполняла квартира Ф.И. Успенского в академическом доме на Васильевском острове.) Что же касается участников научного проекта, то точный состав Комиссии определить невозможно. Число штатных сотрудников всегда было незначительным, так в мае 1928 г. в ее составе находился "только один штатный работник – ученый секретарь – и два нештатных, получающих ежемесячно небольшие суммы"⁷. Списки сотрудников тоже варьируются. К работе были привлечены не только представители петербургской школы византиноведения, но и ученые из других городов России; было образовано Одесское отделение Комиссии. Членами РВК (в большинстве случаев внештатными) в разное время числились (по алфавиту): А.Н. Акимов, А.Н. Андреев, А.И. Анисимов, В.В. Бартольд, П.В. Безобразов, М.Ф. Болтенко, А.И. Бриллиантов, В.А. Брим, В.П. Бузескул, В.М. Бузни, В.Е. Вальденберг, Б.В. Варнеке, А.А. Васильев, А.И. Виноградов, А.Ф. Вишнякова, А.Г. Готалов-Готлиб, С.С. Дложевский, А.А. Дмитриевский, О.А. Добиаш-Рожественская, А.П. Дьяконов, Д.Н. Егоров, П.В. Ернштедт, Е.А. Загоровский, Г.А. Иванов, В.М. Истрин, И.А. Ильинский, И.А. Карабинов, И.Ю. Крачковский, Н.П. Кондаков, В.В. Латышев, Н.П. Лихачев, Х.М. Лопарёв, А.А. Лященко, А.И. Малеин, Н.В. Малицкий, И.Ю. Маркон, Н.Я. Марр, Л.А. Мацулевич, А.Н. Насонов, Н.И. Новосадский, С.Ф. Ольденбург, Б.К. Ордин, Н.Н. Пальмов, Б.А. Панченко, А.А. Петров, И.А. Покровский, Н.П. Попов, П.О. Потапов, П.Г. Преображенский, М.Д. Присёлков, Н.Д. Протасов, В.Э. Регель, М.И. Ростовцев, Ф.М. Россейкин, Е.А. Рыдзевская, А.Ф. Семёнов,

ческие комиссии. 22. Комиссия "Константин Порфирородный". Ср. фрагмент черновика письма Ф.И. Успенского на имя Н.И. Новосадского (без даты): "(...) в связи с работой по Словарю выросла перед Комиссией другая цель: Указатель личных и местных имен и терминов по византийской истории, – работа давно уже намеченная на съездах византинистов" (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Далее: ПФА РАН. Ф. 126. Оп. 3. Д. 9/20. Л. 20).

² Имеется в виду изданный Шарлем Дюканжем (1610–1688) в двух томах in folio "Словарь средневекового греческого языка" ("Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis"), труд по словам русского византиниста В.Г. Васильевского, "беспримерный, над которым, казалось, должно было бы работать целое многочисленное общество ученых". Подробнее о Дюканже см.: Бенешевич В.Н. Лекции по истории византиноведения (см. публикацию: Медведев И.П. Неопубликованные материалы В.Н. Бенешевича по истории византиноведения // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999. С. 574–611).

³ См., например: Байер Т.-З. (Bayer Th.-S.). Geographia Russiae vinarumque regionum circiter. A. C. DCCCCXLVIII. Ex Constantino Porphyrogenneta // Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae. 1737 (1744). Т. IX. Р. 307–422. Об основных тенденциях в развитии отечественного византиноведения см.: Медведев И.П. Судьба петербургской школы византиноведения (в печати; цитируется по машинописному варианту); Он же. Некоторые размышления о судьбах русского византиноведения: Итоги столетия // Исторические записки. 2000. Т. 3 (121). С. 30–47.

⁴ Подробнее об этом см.: Medvedev I.P. Kunik and Mullach on the Necessity of a Reedition of Ducange's Glossary (from the Correspondence of the Two Scholars) // Chrysai Pylai – Zlataja Vrata: Essays presented to Ihor Sevcenko on his Eightieth Birthday. Cambridge, Mass., 2002 (= Palaeoslavica. Vol. X).

⁵ Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за десять лет 1917–1927 / Под ред. акад. А.Е. Ферсмана. Л., 1927. С. 93. В.Н. Бенешевич в своем очерке "Ф.И. Успенский как основатель и руководитель Русско-Византийской комиссии Академии наук" упоминает о том, что результатом работы Комиссии явилась, в том числе, и сводка данных из восточных писателей о путях на восток с картой самих путей (см.: Памяти академика Федора Ивановича Успенского. 1845–1928. Л., 1929. С. 71). Этот материал пока не обнаружен.

⁶ Идея создания (Международного) Института византиноведения обсуждалась в частности на первом Международном византиноведческом конгрессе, проходившем в Бухаресте в мае 1924 г. (ПФА РАН. Ф. 126. Оп. 3. Д. 18. Л. 4). Ф.И. Успенский же мечтал об отечественном центре изучения византийской истории (см., например: ПФА РАН. Ф. 126. Оп. 3. Д. 13. Л. 39об.).

⁷ Из обращения Ф.И. Успенского к Непременному секретарю АН СССР от 3 мая 1928 г. (ПФА РАН. Ф. 126. Оп. 3. Д. 3. Л. 93–93об. То же: ПФА РАН. Ф. 126. Оп. 3. Д. 3. Л. 96–96об.).

Е.Ч. Скрипская, А.П. Смирнов, С.И. Соболевский, И.И. Соколов, А.А. Степанов, Н.П. Сычёв, Е.В. Тарле, Н.Н. Томасов, Б.В. Фармаковский, Е.А. Чернусов, М.А. Шангин, Д.П. Шестаков, С.П. Шестаков, В.Б. Шкловский, Л.П. Якубинский, А.Ю. Якубовский.

Что касается архивного фонда Комиссии⁸, то представление о его структуре и содержании можно получить из первого выпуска Трудов Архива Академии наук СССР⁹. Материалы его разбирались в начале 1930-х годов “вчерне”, как указано в обзоре. Было выделено три описи: «Научный и научно-организационный материал Комиссии “Константин Порфирородный”», “Материалы Комиссии по переизданию словаря средне-греческого языка Дюканжа и материалы по словарю”, “Делопроизводственные и другие материалы”. Наибольший интерес из сохранившегося в фонде представляют материалы по исторической лексикографии на карточках (всего около 31 тысячи в шестнадцати делах¹⁰), являющиеся росписью текстов византийских авторов эпохи Константина Порфирородного или содержащих информацию об этом времени. Выбор источников, из которых производилась выборка, определялся прежде всего областью специализации исполнителя. В архиве РВК хранится словарный материал следующим текстам.

Прокопий Кессарийский (ок. 500–565 гг., описал правление Юстиниана до 522 г.), Агафий Миринейский (532–580, описал события 552–559 гг.), Меландр Протектор (VI в., 557/8–582 гг.), Феофан Исповедник (752–818, описал события 284–813 гг.), Продолжатель Феофана (XI в., описал события 813–963 гг.¹¹), Константин Порфирородный (905–959 гг.), Лев Диакон (XI в., описал события 959–976 гг.), “Книга епарха” (начало XI в.), Феодосий Диакон (XI в.), “Готский топарх” (в первой половине XX в. считался подлинным памятником X в.)¹², Михаил Пселл (1018–1080-е годы, описал события 976–1078 гг.), Анна Комнина (1083–1150 гг., описала события 1069–1118 гг.), Кекавмен (XI в.), Михаил Атталиат (XI в., описал события 1034–1079 гг.), Никифор Вриений (XI–XII в., описал события 1057–1080 гг.), Феодор Продром (ок. 1100 г. – ок. 1170 г.), Константин Манасси (ок. 1130–1187 гг., описал события от Адама до 1081 г.), Никита Хониат (1155–1215/16 гг., описал события 1118–1207 гг.), Иоанн Каматир (патриарх Константинопольский в 1198–1206 гг.), Георгий Акрополит (1217–1282 гг., описал события 1203–1261 гг.), Иоил (XIII в., описал события от Адама до 1204 г.), Георгий Пахимер (1242–1310 гг., описал события начала XIV в.), Иоанн Кантакузин (ок. 1293–1383 гг., описал события 1320–1356 гг.), Никифор Григора (ок. 1295 г. – ок. 1360 г., описал события 1320–1359 гг.), Георгий Сфрандзи (род. в 1401 г., описал события XV в.), Михаил

⁸ ПФА РАН. Ф. 126.

⁹ Архив Академии наук СССР: Обзор архивных материалов / Под общей ред. Г.А. Князева. Л., 1933. С. 48. (Труды Архива. Вып. I). Это практически единственный более или менее подробный источник информации о деятельности Комиссии и результатах ее работы. Но следует оговорить, что и эта публикация содержит ошибки: так, например, в ней говорится о якобы имеющихся в фонде переводах работ Симеона Логофета, Георгия Монаха, Льва Грамматика, Николая Мистика: в фонде нет не только переводов этих авторов, но даже карточного материала.

¹⁰ См. Приложение, в котором дан список участников, чей словарный материал сохранился в фонде (с указанием числа и характера сохранившихся карточек).

¹¹ Долгое время считалось, что книга пятая сочинения “Vita Basilii” написана Константином Порфирородным. Сейчас ученые стали сомневаться в этом (см.: Шевченко И.И. Перечитывая Константина Багрянородного // ВВ. 1993. Т. 54. С. 6–38).

¹² О проблемах, связанных с этим источником, см.: Medvedev I.P. Ιστορία ἐνός τῶν τοπάρχων: ο λεγόμενος “Toparcha Gothicus” // Byzantina. 2000. Т. 21. Р. 237–249.

Критовул (ок. 1410 г. – вторая половина XV в., описал события 1451–1467 гг.), Михаил Дука (XV в., описал события 1341–1462 гг.), Иоанн Канан (XV в., описал осаду Константинополя в 1422 г.), Иоанн Анагност (XV в., описал захват Фессалоник в 1430 г.), Лаоник Халкокондил (XV в., описал события от Адама до 1299 г.; события 1298–1463 гг. – подробно), Мануила Малакса (XVI в., описал современные ему события), Михаил Андреопул, Никифор Август, Акты Константинопольского патриархата (по изданию Миклошича–Мюллера). Хронологические рамки исследуемых источников, таким образом, охватили период с VI по вторую половину XV в. и были значительно шире первоначально намеченных. Членами Комиссии были расписаны также некоторые труды современных исследователей: В.В. Васильевского, А. Грегуара, Х.М. Лопарёва, В.И. Сергеевича, Д. Шлюмберже. Словарный материал на карточках неоднороден: в основном это индексы, но нередко сохранившиеся карточки фиксируют творческий подход исполнителя к, казалось бы, рутинной работе, освещая разные аспекты функционирования среднегреческой лексики. Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляют греческо-русские параллели. Тщательного анализа требует богатое лексикографическое наследие В.В. Латышева. Наибольшее же число из сохранившихся карточек выполнено Б.К. Ординым¹³.

Значительная часть материалов фонда Комиссии – труды участников проекта: переводы (всего 16; 15 из них, выполненные В.В. Латышевым, представляют особую ценность), статьи, доклады. Как уже отмечалось, почти все осталось неопубликованным. Особого внимания заслуживают: фотоснимки Лейпцигской рукописи трактата Константина Порфирородного “О фемах”; родословные таблицы князей сербских, правителей Таронских и Иверов, составленные В.В. Латышевым (на основании трактата Константина Порфирородного “De administrando imperio”); переводы таких трудов Константина Порфирородного как трактат “De administrando imperio” (с приложением в качестве предисловия послания Константина Порфирородного к сыну его Роману), “О фемах”; “О перенесении нерукотворного образа из Эдессы в Константинополь”; переводы статьи Дж. Б. Бьюри “Трактат De administrando imperio” (перевел П.В. Латышев, сын В.В. Латышева), труда Г. Майнополовича “Этюды о сочинении De administrando imperio имп. Константина VII Багрянородного”; текст и перевод с среднегреческого языка “Письменного отречения святейшего патриарха Николая Галакрикота, после которого он был снова восстановлен на патриаршем престоле” (работа В.В. Латышева); фотоснимки летописных текстов договоров русских с греками; список на среднегреческом языке с рукописи, содержащей сочинения Арефы Кесарийского; работа Ф.М. Россейкина “Хрисанф Мефодиевич Лопарёв (1862–1919)”; список трудов Х.М. Лопарёва; рукопись доклада А.А. Дмитриевского в РВК “Блюдо кн. Ольги в храме Св. Софии”; рукопись В.М. Бузни “В.И. Сергеевич о греко-русских договорах” с приложением библиографических и словарных карточек; работа Ф.И. Шмита “Заметки о поздневизантийских храмовых росписях”; рукопись Ф.И. Успенского о “Последних Комнинах”, работа Г.В. Вернадского “О византийском бюджете”, материалы по изданию “Византийский временник”, в том числе турецкие и арабские рукописи (подлинники), подготовительные материалы к публикации Вазелонских актов¹⁴.

Материалы архивного фонда Комиссии заслуживают того, чтобы быть включенными в научный оборот. Большая часть их (в первую очередь статьи и

¹³ См. Приложение.

¹⁴ Успенский Ф.И., Бенешевич В.Н. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII–XV вв. Л., 1927.

переводы) нуждается в опубликовании. Еще одна неотложная задача – выбрать из всего объема документов словарный материал, представляющий интерес (с точки зрения сегодняшнего уровня знаний). Требуют тщательного анализа протоколы заседаний Комиссии, содержащие интересный фактический материал по византийской лексикографии, освещающие разные аспекты функционирования среднегреческой лексики. Условия времени определяли и формы деятельности: экспедиционные исследования стали невозможны, заграничные командировки – малодоступны. Заседания Комиссии проводились не часто (обычно на них присутствовало два-три человека). Основной формой общения сотрудников и обмена мнениями была переписка. Так, В.Н. Бенешевич письменно отвечал на вопросы членов Комиссии, связанные с оформлением карточек правилами цитирования, системой выписок¹⁵. К сожалению, не были налажены и международные связи: действия РВК и Международного союза академий, занимающегося переизданием латинского словаря Дюканжа не были согласованы. Очень долго западный ученый мир и вовсе не знал ничего о деятельности тогда уже советских, ученых.

Грандиозным планам, увы, не суждено было сбыться. Большая часть из задуманного оказалась нереализованной. Результат краткого периода функционирования РВК – почти что полностью¹⁶ неопубликованный материал, не потерявший на сегодняшний день своей актуальности. Представляется, что материалы Комиссии могли бы послужить источником для некоторых исторических и лингвистических уточнений.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Словарный материал на карточках¹⁷

Бузни В.М.

47 библиографических и словарных карточек из работ В.И. Сергеевича о греко-русских договорах¹⁸.

Вальденберг В.Е.

146 + 15 карточек-индексов к изданию: Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris. De officiis regis libellus / Ed. V. Wassiliewsky, Y. Ernstedt // Записки историко-филологического факультета Имп. С.-Петербургского университета. 1890. Вып. 38¹⁹.

¹⁵ См., например: ПФА РАН. Ф. 126. Оп. 3. Д. 9/20. Л. 10–13. В частности, он оговаривает, что перевод терминов на латинский язык хоть и не предусмотрен правилами, “но в отдельных случаях для ясности и точности такой перевод желателен или даже необходим” (Там же. Л. 11). Другой часто возникающий у сотрудников вопрос: “Как быть с терминами обычными: βασιλεὺς, πόλις, πατὴρ, и т.п.?” В.Н. Бенешевич заключает, что “когда с ними связывается особое значение, тогда делать выписки. Например, когда βασιλεὺς прилагается не к византийскому императору, а к болгарскому царю или западному королю или императору”.

¹⁶ Из сохранившегося архива Комиссии была опубликована только часть перевода трактата Константина Порфирородного “De administrando imperio”, выполненная В.В. Латышевым (в 1934 г., через 15 лет после смерти Латышева, без ссылок на грандиозную работу, предложенную им и оставшуюся неиспользованной).

¹⁷ Список составлен в алфавитном порядке имен исполнителей.

¹⁸ ПФА РАН. Ф. 126. Оп. 3. Д. 39.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 34, 35.

50 карточек (греческие слова с русскими толкованиями) к изданию: Васильевский В.Г. Советы и рассказы византийского боярина XI в. (“Стратегия неизвестного”): По неизданной греческой рукописи XV в. // ЖМНП. 1881. Ч. 215–216 (июнь). С. 242–299²⁰.

175 карточек (русские слова: имена и географические названия) к изданию: Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе в XI и XII вв. // ЖМНП. 1874. Ч. 176 (ноябрь). С. 106–144; 1875. Ч. 177–178. С. 76–152²¹.

263 карточки (русские слова: имена и географические названия) к изданию: Васильевский В.Г. Византия и печенеги: 1048–1094 // ЖМНП. 1872. Ч. 164. С. 116–332²².

Гриневич К.

128 карточек-индексов к изданию: Schlumberger G. Un empereur byzantin au dixieme siècle. Nicephore Phocas. P., 1890. 723 p.²³

Жебелёв С.А.

100 карточек на греческом и русском языке к изданию: Gregoire N. Recneil des inscriptions Greogues chretiennes d’Asie Mineure. Fasc. I. P., 1922²⁴.

Латышев В.В.

1800 карточек-индексов в алфавитном порядке к изданию: Constantinus Porphyrogenitus Imperator. De thematibus et de administrando imperio. Accedit H. Synecdemus cum Bandurii et Wesselingii commentariis / Rec. Imm. Bekkerus. Bonnae, 1840. Vol. III. (CSHB²⁵ 11); к греческому тексту “De administrando imperio”; отдельно: страны и области, города и урочища, реки и горы, названия народов, имена собственные и греческие термины²⁶.

1120 карточек-толкований к русскому переводу В.В. Латышева “Об управлении империей”, выполненному по изданию: Constantinus Porphyrogenitus Imperator. De thematibus et de administrando imperio. Accedit H. Synecdemus cum Bandurii et Wesselingii commentariis / Rec. Imm. Bekkerus. Bonnae, 1840. Vol. I–II (CSHB, 11)²⁷; подробные, в порядке русского алфавита: имена, названия и термины вместе; “кроме статей о днепровских порогах”²⁸.

52 карточки-индекса к русскому переводу В.В. Латышева “О перенесении нерукотворного образа из Эдессы в Константинополь”, выполненному по изданию: Dobschütz, Ernest von. Chrisrusbilder. Untersuchungen zur christlichen Legende // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur / Herausg. von O. Gebhardt, Ad. Hamack. Leipzig, 1899. Neue Folge, dritter Band. S. 149–169²⁹; краткие толкования; иногда (редко) – греческая параллель; почти к каждому слову – библиографические отсылки³⁰.

²⁰ Там же. Д. 36.

²¹ Там же. Д. 37.

²² Там же. Д. 38.

²³ Там же. Д. 49.

²⁴ Там же. Д. 44.

²⁵ Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Editio emendatior et copiosior consilio B.G. Niebuhrii C.F. instituta, auctoritate Academiae litterarum regiae Borussicanae continuata. Vol. 1–50. Bonnae, 1828–1897.

²⁶ ПФО РАН. Ф. 126. Оп. 1. Д. 9.

²⁷ Там же. Д. 8.

²⁸ Там же. Д. 10.

²⁹ Там же. Д. 14.

³⁰ Там же. Д. 15.

418 карточек-индексов к русскому переводу В.В. Латышева "О фемах", выпущенному по изданию: Constantinus Porphyrogenitus Imperator. De thematibus et de administrando imperio. Accedit H. Synecdemus cum Bandurii et Wesselingii commentariis / Rec. Imm. Bekkerus. Bonnae, 1840. Vol. I–II (CSHB, 11); с толкованиями по-русски, иногда указана греческая параллель; часто по два-три слова на карточке; алфавитный порядок³¹.

268 карточек-индексов к изданию: Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata Symeon Magister, Georgius Monachus / Rec. Imm. Bekkeri. Bonnae, 1838 (CSHB, 33). P. 211–253 (Vita Basilii)³².

Новосадский Н.И.

398 карточек-индексов с толкованием на латинском языке к изданию: Procopius / Ex recensione Guil. Dindorfii. Vol. I–III. Bonnae, 1833–1838 (CSHB, 18, 19, 20)³³.

Ордин Б.К.

2882 карточки-индекса (иногда с латинскими толкованиями) к изданию: Georgii Acoropolitae Historia, по изданию: A. Heisenberg. 1903. Vol. I. P. 3–189³⁴.

3214 карточек-индексов (иногда с латинскими толкованиями) к изданию: Georgii Pachymeris de Michael et Andronico Palaeologis libri XIII / Rec. Imm. Bekkerus. Vol. I–II. Bonnae, 1835 (CSHB, 29). (De Andronico)³⁵.

1832 карточки-индекса; иногда с латинскими толкованиями к изданию: Georgii Pachymeris de Michael et Andronico Palaeologis libri XIII. Recognovit Imm. Bekkerus. Vol. I–II. Bonnae, 1835 (CSHB, 29). (De Michael)³⁶.

40 карточек-индексов (иногда с латинскими толкованиями) к изданию: Ioannis Anagnostae. De extremo Thessalonicensi excidio narratio // Georgius Phrantzes, Ioannes Cananus, Ioannes Anagnostes / Rec. Imm. Bekkeri. Bonnae, 1838 (CSHB, 36). P. 490–525³⁷.

76 карточек-индексов к изданию: Ioannis Cananus. De CP anni 1422 oppugnata narratio // Georgius Phrantzes, Ioannes Cananus, Ioannes Anagnostes / Rec. Imm. Bekkeri. Bonnae, 1838 (CSHB, 36). P. 458–478³⁸.

573 карточки-индекса к изданию: Ioannis Cantacuzeni Historiae / Cura Lud. Schopeni. Vol. I–III. Bonnae, 1828–1832 (CSHB, 2, 3, 4). Libre I, II, III et IV³⁹.

488 карточек-индексов к изданию: Michaelis Ducae Nepotis. Historia Byzantina / Rec. et interprete Italo addito suppl. Imm. Bekkerus. Bonnae, 1834 (CSHB, 21). P. 12–346⁴⁰.

2192 карточки-индекса (1659 карточек – "Nomina"; 533 – "Res") к изданию: Georgii Phrantzae. Annales libri I–IV // Georgius Phrantzes, Ioannes Cananus, Ioannes Anagnostes / Rec. Imm. Bekkeri. Bonnae, 1838 (CSHB, 36)⁴¹.

³¹ Там же. Д. 17: л. 2–159 – именной указатель; л. 160–378 – указатель географических и этнических названий (с учетом "пророческого дуба", "местечек" и т.п.); л. 379–419 – термины, понятия различные – на 2/3 карточек только индексы, без комментариев и перевода.

³² Там же. Д. 19: л. 3–111 – именной указатель; л. 112–225 – указатель этнических и географических названий; л. 226–268 – термины.

³³ Там же. Оп. 2. Д. 41.

³⁴ Там же. Д. 8.

³⁵ Там же. Д. 9.

³⁶ Там же. Д. 10.

³⁷ Там же. Д. 11.

³⁸ Там же. Д. 12.

³⁹ Там же. Д. 13.

⁴⁰ Там же. Д. 14.

⁴¹ Там же. Д. 15.

236 карточек-индексов к изданию: Laonici Chalcocondylae Atheniensis Historiarum libri X / Rec. Imm. Bekkeri. Bonnae, 1843 (CSHB, 45)⁴².

560 карточек-индексов к изданию: Nicephori Gregorae. Byzantina Historia / Graece et latine cum annotationibus H. Wolfii, C. Ducangii, Io. Boivini et C. Capperonnerii. Cura Lud. Schopeni. Bonnae, 1829–1830. Bd. I–II (CSHB, 6, 7); Bonnae, 1855. Bd. III (ed. I. Bekker) (CSHB, 8)⁴³.

750 карточек-индексов к изданию: Annae Comnenae Alexiadis libri XV. Graeca ad codd. fidem nunc primum recensuit, novam interpretationem latinam subiecit / C. Dugangii commentarios suasque annotationes addidit Lud. Schopenus. Bonnae, 1839 (CSHB, 38)⁴⁴.

217 карточек-индексов к изданию: Michael Kritovoulos (Critooulus). De rebus gestibus Mahumetis II // Fragmentum historicum graecorum / Ed. C. Müller. P., 1883. Libri Cuique. P. 52–164⁴⁵.

262 карточки-индекса к изданию: Nicephori Bryennii Commentarii // Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum. Nicephori Bryennii Commentarii / Rec. Aug. Meineke. Bonnae, 1836 (CSHB, 26); Nicephori Caesaris Bryennii. Commentarii de Rebus Byzantinis / Ed. P. Possinus. Parisiis, 1661 (CBH)⁴⁶. III. 4). P. 5–186⁴⁷.

461 карточка-индекс к изданию: Michaelis Attaliotae Historia / Rec. Imm. Bekkerus. Bonnae, 1853 (CSHB, 48). P. 3–317⁴⁸.

680 карточек-индексов Theophanes Continuatus // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Rec. Imm. Bekkeri. Bonnae, 1838 (CSHB, 33)⁴⁹.

Преображенский П.Г.

54 карточки-индекса к изданию: Theophanis Chronographia / Rec. Io. Classeni. Bonnae, 1839–1840. Vol. I–II (CSHB, 39, 40). P. 216. 17–302.13; Theophanis. Chronographia. Recensuit C. De Boor. Lipsiae, 1883–1885. Vol. I–II⁵⁰.

Семенов Н.А.

101 карточка-индекс (в большинстве случаев – латинские параллели) к изданию: Pselli Chronographia // The History of Psellus / Ed. with Critical Notes and Indices by C. Gathas. L., 1899. (Цифры, указанные на карточках в скобках относятся к изданию: Bibliotheca graeca medii aevi / Ed. N. Sathas Konstantinos. P., 1874. Vol. 4)⁵¹.

Смирнов А.П.

280 карточек-индексов к изданию: Delehaye H. Deux typica byzantine de l'époque des Paleologues. Brussels, 1921⁵².

Соколов И.И.

511 карточек-индексов к изданию: Historia Leonis Diaconi Lib. I–III // Leonis Diaconi Caloënsis. Historiae libri X et liber de velitatione bellica Nicephori Augusti /

⁴² Там же. Д. 16.

⁴³ Там же. Д. 17.

⁴⁴ Там же. Д. 18.

⁴⁵ Там же. Д. 19.

⁴⁶ Corpus Byzantinae Historiae. T. I–XXVII. Parisiis, 1648–1711.

⁴⁷ ПФА РАН. Ф. 126. Оп. 2. Д. 20.

⁴⁸ Там же. Д. 21.

⁴⁹ Там же. Д. 53.

⁵⁰ Там же. Д. 45.

⁵¹ Там же. Д. 48.

⁵² Там же. Д. 42.

Rec. Car. ben. Hasii. Addita ejusdem versione atque annotationibus ab ipso recognitis. Accedunt Theodosii Acroases de Creta capta e rec. Fr. Jacobsii et Luitprandi Legatio cum aliis libellis, qui Nicephori Phocae Io. Tzimischi historiam illustrant. Bonnae, 1828 (CSHB, 5). P. 1–178⁵³.

61 + 22 карточки-индекса к изданию: Leonis Diaconi Caloënsis. Historiae libri X et liber de velitatione bellica Nicephori Augusti / Rec. Car. Ben. Hasii. Addita ejusdem versione atque annotationibus ab ipso recognitis. Accedunt Theodosii Acroases de Creta capta e rec. Fr. Jacobsii et Luitprandi Legatio cum aliis libellis, qui Nicephori Phocae Io. Tzimischi historiam illustrant. Bonnae, 1828 (CSHB, 5). P. 496–504. Из “Записки Гоцкого топарха”. Отрывок I, II⁵⁴. Отрывок III⁵⁵.

655 карточек-индексов к изданию: Menandri Historia // Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri historiarum / Rec. Imm. Bekkeri. B.G. Niebuhr. Accedunt Eclogae Photii ex Olympiodoro, Candido, Nonnosio Theophane, et Procopii Sophistae Panegyricus, graece et latine, Prisciani Panegyrici annotationes H. Valesii, Labbei et Villosionis, et indices Classeni. Bonnae, 1828 (CSHB, 14). P. 279–443⁵⁶.

561 карточка-индекс к изданию: Μανουήλ Μαλαξός // Historia politica patriarchica. Constantinopoleos Epirotica / Rec. Imm. Bekkerus. Bonnae, 1849 (CSHB, 47). P. 1–771: Historia Politica; P. 78–117; 117–203: Historia Patriarchica⁵⁷.

Acta Patriarchatus Constantinopolitani / Ed. F. Miklosich, I. Müller. Vienna 1862. T. I.

1021 + 495 + 1412 карточек-индексов (иногда с латинскими толкованиями) к изданию: Acta Patriarchatus Constantinopolitani / Ed. F. Miklosich, I. Müller. T. Vienna, 1862. P. 1–52⁵⁸; P. 52–87⁵⁹; P. 87–490⁶⁰.

827 + 472 карточки-индекса к изданию: Theophanis. Chronographia / Rec. C. De Boor. Vol. I. Lipsiae, 1883⁶¹.

145 карточек-индексов к изданию: Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri X et liber de velitatione bellica Nicephori Augusti / Rec. Car. ben. Hasii. Bonnae, 1828 (CSHB, 5). P. 179–158⁶².

46 карточек-индексов к изданию: Theodosii Diaconi De Cretae expugnatione acroases quinque // Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri X et liber de velitatione bellica Nicephori Augusti / Rec. Car. ben. Hasii. Addita ejusdem versione atque annotationibus ab ipso recognitis. Accedunt Theodosii Acroases, de Creta capta e rec. Fr. Jacobsii et Luitprandi, Legatio cum aliis libellis, qui Nicephori Phocae Io. Tzimischi historiam illustrant. Bonnae, 1828 (CSHB, 5). P. 259–306⁶³.

107 карточек-индексов к изданию: Ioelis Chronographia compendiaria // Constantini Manassis, Breviarium historiae metricum. Ioelis Chronographia compendiaria. Georgii Acropolitae Annales / Rec. Imm. Bekkerus. Bonnae, 1837 (CSHB, 29)⁶⁴.

⁵³ Там же. Д. 22.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Д. 52.

⁵⁶ Там же. Д. 23.

⁵⁷ Там же. Д. 24.

⁵⁸ Там же. Д. 25.

⁵⁹ Там же. Д. 26.

⁶⁰ Там же. Д. 27.

⁶¹ Там же. Д. 28, 29.

⁶² Там же. Д. 30.

⁶³ Там же. Д. 31.

⁶⁴ Там же. Д. 32.

133 карточки-индекса к изданию: Constantini Manassis Compendium chronicum // Constantini Manassis, Breviarium historiae metricum. Ioelis Chronographia compendiaria. Georgii Acropolitae Annales / Rec. Imm. Bekkerus. Bonnae, 1837 (CSHB, 29)⁶⁵.

Сцепуро С.С.

1114 карточек на греческом и русском языке в алфавитном порядке к изданию: Constantinus Porphyrogenitus Imperator. De thematibus et de administrando imperio. Accedit Hieroclis Synecdemus cum Bandurii et Wesselingii commentariis / Rec. Imm. Bekkerus. Bonnae, 1840. Vol. III (CSHB, 11); в основном индексы; иногда к русскому слову греческий эквивалент; иногда (крайне редко) – наоборот; есть карточки без индекса⁶⁶.

Успенский Ф.И.

239 карточек-индексов (на греческом, латинском и русском языках) к изданию: Успенский Ф.И. Константинопольский эпарх // Известия Русского археологического института в Константинопол. 1899. Т. IV. Вып. 2. С. 79–104⁶⁷.

Шангин М.А.

113 + 183 карточки-индекса (переводы с толкованием, за редким исключением, на русском языке) к изданию: Ἰωάννης Καματηρός. Περὶ Ζωδιακοῦ κύκλου / Ed. Miller (Notices et Extraits. T. XXIII. 2). P. 8–39 из “Астрологической поэмы” Федора Продрома⁶⁸; P. 53–111 из “О круге зодиака” Иоанна Каматира⁶⁹.

136 карточек-индексов к изданию: Mich. Andreopoli. Liber sintipae / Ed. V. Jernstedt // Записки ИАН. Серия ИФ. 1912. VIII. Т. XI. № 1; иногда дана только цитата; чаще – перевод с греческого на русском, иногда латинском, иногда без перевода; алфавитный порядок⁷⁰.

Шестаков С.П.

419 карточек-индексов к изданию: Nicetae Choniatae Historia / Rec. Imm. Bekkeri. Bonnae, 1835 (CSHB, 23)⁷¹.

1740 карточек-индексов (на каждом листе по два слова – “карточки”) к изданию: Nicetae Choniatae Historia / Rec. Imm. Bekkeri. Bonnae, 1835 (CSHB, 23). P. 4–439; P. 440–853⁷².

421 карточка: русский алфавитный указатель с толкованиями (термины и имена; русские и греческие слова) к изданию: Лопарев Х.М. Греческие жития святых. Пг., 1914. С. 1–207.

Шкловский В.Б.

183 карточки-индекса к изданию: Agathiae Myrinaei Historiarum libri V, cum versione latina et annotationibus B. Vulcani / Graeca recensuit B.G. Niebuhr. Accedunt Agathiae Epigrammata. Bonnae, 1828 (CSHB, 1)⁷³.

⁶⁵ Там же. Д. 32.

⁶⁶ Там же. Д. 46.

⁶⁷ Там же. Д. 54.

⁶⁸ Там же. Д. 50.

⁶⁹ Там же. Д. 55.

⁷⁰ Там же. Д. 51.

⁷¹ Там же. Д. 39.

⁷² Там же. Д. 40.

⁷³ Там же. Д. 47.

Ю.Я. Вин, А.Ю. Гриднева

ПРАВОВОЕ НАСЛЕДИЕ ВИЗАНТИИ И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИНФОРМАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: БАЗА ДАННЫХ “ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВО”*

Однажды возникнув, право становится важнейшим инструментом социального регулирования и подлинным явлением цивилизации и культуры. Именно эта сторона права определяет его потенциал, равно и свойства всей правовой материи. Ее основу образует действующее позитивное право, выраженное в письменных текстах и закрепленное в нормах и обобщениях, которые выражают собой духовную ипостась культуры¹. В этом плане из всех уровней и частей права особое значение стяжала аналитическая юриспруденция – отрасль специальных знаний, изучающая законодательство и правовые нормы, обязанности и ответственность, как и другие аспекты правоотношений под углом зрения присущей им логики, систематики, связей. Достижения аналитического правоведения, поднявшегося на самую высокую ступень развития уже в античности, закрепились в юстиниановом законодательстве. Оно стало твердым фундаментом правотворчества многих поколений средневековых юристов, толкователей и глоссаторов. Результаты их обобщающих наблюдений претворены в заложенных ими крупнейших законодательных системах. Наибольшую известность среди них приобрело романо-германское право². Наряду с тем особую к себе внимания требует византийское право. Оно, согласно современной концепции истории юридической науки, составляло одно из трех крупнейших направлений средневековой юриспруденции³.

Научные проблемы, на решение которых нацелен проект создания базы данных “Византийское право”, неразрывно связаны с объективно существующей потребностью современных историков, правоведов, философов, культурологов, филологов и специалистов иных профилей изучать правовое наследие Византии как важнейший источник ее политической и общественной идеологии, правового и религиозного сознания членов имперского социума. Недаром византийская правовая мысль впервые в истории человеческой цивилиза-

* Данная статья печатается в порядке дискуссии (редакция ВВ).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 01-01-00261а и № 02-05-12023в). Сотрудникам настоящих проектов особо хотелось бы выразить искреннюю признательность за всемерное содействие в их реализации академику Г.Г. Литаврину. Авторы также выражают глубокую благодарность участникам указанных проектов О.В. Тихоновой и Д.Е. Кондратьеву за тесное сотрудничество и помощь в написании данной статьи с использованием предоставленных их коллегами материалов.

¹ Алексеев С.С. Теория права. М., 1995; *Он же*. Право: Азбука – Теория – Философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999; *Он же*. Теория права: поиск новых подходов. Екатеринбург, 2000; *Нерсисянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 2000; *Он же*. Философия права. М., 2000.

² Алексеев С.С. Теория права. С. 1 и сл.; *Он же*. Право... С. 153 и сл.

³ Азаркин Н.М. Всеобщая история юриспруденции. М., 2003. С. 167–168 и сл.

ции ясно выразила идею антропоцентризма, рассматриваемую под углом средневекового понимания христианской этики и морали. Постулаты византийской юриспруденции воплощали в себе зародыш доктрины естественного права и гуманистических начал, предвосхитив тем самым эпоху Возрождения и Нового времени⁴. Уже ранневизантийское законодательство провозгласило идеи универсального права и равенства граждан перед законом⁵. Важнейшими шагами общественного развития стала унификация права собственности, реформы наследственного и семейно-брачного права⁶. Юстинианово законодательство утверждало незыблемость права частной собственности, закрепляя имущественные интересы женщин и других членов семьи⁷. Оно, будучи важнейшим источником для построения различных моделей европейского права последующих веков, являло собой наилучший образчик законодательных способов защиты личности в сфере и публичного, и частного права⁸. С тех пор непрерывно эволюционируя, византийское право на протяжении столетий обеспечивало преемственность норм природопользования и регулирования соседских отношений, концепции семьи и социализации молодежи, как и многих других сторон общественной жизни. Олицетворением наблюдаемых социальных и культурных изменений выступают крупные законодательные своды, содержание которых отличали целостность и всесторонность выраженных в них юридических положений.

Надо сказать, что кодексы законов ученые относят к числу новых форм, которых античность не знала⁹. В своей преемственности памятники византийского светского права предстают перед современным исследователем в виде неразрывной чреды систематизирующих купно социальные нормы сборников. Однако это вовсе не означает полной идейной идентичности законодательных монументов друг другу. Напротив, правовые памятники различных периодов истории Византийской империи обнаруживают яркие проявления избирательности современной им юриспруденции и переплетения в нормах права традиций и новшеств. Поэтому для его последовательного изучения недостаточно простого знакомства с отдельными памятниками, даже столь фундаментальными, как Дигесты, Кодекс Юстиниана и “Василики”, или столь реформаторскими по своему характеру, как “Эклога” Льва III. Каждый из названных сводов и законодательных сборников объемлет собой сложнейшую правовую систему, освоить которую можно только с помощью детального анализа. В этом свете развитие византийского права рассматривается как постигаемая с большим трудом связность его кодифицированных установлений и живых правовых представлений, нередко весьма противоречивых и даже взаимоисключающих. Они находили прямое выражение в обильных и многословных толкованиях и дополнениях практически ко всем положениям законодательства, во множестве нормативных постановлений императоров, равно и в неисчислимых актах¹⁰.

Специфической чертой византийского права признана преобладающая роль в нем религиозного начала¹¹. Прежде всего это выразилось в широком

⁴ Подробнее см.: *Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. Там же основная литература.

⁵ История Византии. Т. 1. М., 1967. С. 253.

⁶ Там же. С. 254 и сл.

⁷ *Курбатов Г.Л.* История Византии (От античности к феодализму). М., 1984. С. 65–66.

⁸ См.: *Justice et législation / Sous la dir. de A. Padoa-Schioppa*. P., 2000. P. 401–403.

⁹ Культура Византии: IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 368.

¹⁰ См.: *Культура Византии: вторая половина VII – XII в. М., 1989. С. 216–240.*

¹¹ *Азаркин Н.М.* Всеобщая история... С. 168.

распространении и всеохватном значении канонического права. Светское право Византии постоянно испытывало прямое и опосредованное влияние религиозно-этических норм канонического права. Отсутствие принципиального, с точки зрения средневековой юриспруденции, отличия между светскими законами и церковными канонами является важнейшей посылкой их признания в качестве неотъемлемой части византийского права¹². С этих позиций каноны, в отличие от установлений светского законодательства, рассматривают как форму права, действующих на основе религиозной веры и убеждений. А собственно гражданское законодательство наряду с обычным правом причисляется к главным источникам церковного права¹³. В этой связи остается лишь подчеркнуть, что законодательство Юстиниана, как и древнеримское гражданское право, кодифицированное в Дигестах и Институциях, не утратили своего значения для церкви и потому многие церковно-канонические сборники включают различные извлечения из тех или иных частей корпуса законов названного императора¹⁴.

Правотворчество византийских юристов выражалось прежде всего в стремлении приводить действующее законодательство в соответствие с современными им представлениями о реальности. Во имя этой цели старые законы подлежали отмене, их заменяли новые постановления, которые поверялись не только друг с другом, но и канонами. Снятие противоречий сопоставляемых законодательных актов отвечало потребностям текущего момента¹⁵. При этом правотворцы создавали новые законодательные компендиумы главным образом путем производства выборок и эксцерпирования из старинных уложений. В ранней Византии в целях облегчения пользования громоздким и полным противоречивым латинским законодательством, зачастую сверх меры сложным и путанным для греческого большинства населения, формально разрешались подстрочные переводы терминов с латинского языка на греческий, составление индексов – собственно говоря, переводов текстов на греческий язык и составление так называемых паратитлов – сопоставление титулов Дигест с другими законами, касающимися тех же вопросов¹⁶. Несмотря на многочисленные интерполяции, сокращения, дополнения и подновления, вновь составляемые юридические тексты на греческом языке – суть главный результат аналитической юриспруденции в самом непосредственном смысле слова – изобиловали заимствованными из латинских прототипов разного рода понятиями и терминами. Они получали замену, как правило, не всегда и не сразу. Отнюдь не для всех остатков латинской терминологии удавалось найти адекватные греческие эквиваленты. Трудные для перевода латинские термины при этом нередко оставляли на языке оригинала или давали в греческой транскрипции¹⁷.

Нужно подчеркнуть, что задача изучения освещаемого явления признана не только чрезвычайно сложной, но и далекой от своего завершения¹⁸. Из-за компилятивного характера византийского права вплоть до последнего этапа его развития не могло быть и речи о подлинной унификации даже юридической терминологии, не говоря уже о классификации более широких понятийно-категориальных отношений и связей, в которых лишь угадывался прообраз право-

вой системы будущего¹⁹. Скажем, общее понимание собственности в средневековой Византии, восходившее к классическому римскому праву и законодательству Юстиниана, в исторических и культурных условиях существования византийского социума переосмыслено в прямой соотносительности с богословскими представлениями. Прямым подтверждением тому служит относящаяся к тому терминология²⁰. Таким образом, вопрос стоит не только о признании кардинальной роли в жизни и менталитете византийского общества обычая и обычного права, приравниваемых к законам²¹. Обобщение социального опыта, обусловленное господствующими политико-правовыми принципами и богословскими идеями, выливалось в возникновение самобытных терминов, которыми ознаменовано понимание складывающихся форм социальных отношений, процессов и групп²².

Констатируя новые тенденции в развитии терминологии византийского права, в их оценке даже ведущие ученые порой руководствуются исключительно собственной интуицией. И хорошо, если при этом она подкрепляется достаточным исследовательским опытом, который позволяет преобразовывать эмпирические наблюдения, сделанные на грани научного знания и ученой прозрачности, в концептуальные решения. В качестве примера того можно привести рассуждения К.В. Хвостовой о распространении среди византийцев представлений, касающихся идей общественных перемен²³. Между тем в одной из своих недавних статей она не просто демонстрирует, что византийцы хорошо понимали роль информации в изучении прошлого, а вполне убедительно доказывает существование у них специальных технологий передачи информации²⁴. Ввиду указанного обстоятельства на нынешнем этапе исследований византийской юриспруденции возникает еще одна серьезная проблема – потребность взвешанной оценки информационного потенциала правовой терминологии и понятийного аппарата, как отмечено, получавшего отображение и в латинской, и в греческой версиях в соответствии с общими закономерностями формирования византийского законодательства. Равным образом может обсуждаться также вопрос о терминологических заимствованиях в славянских версиях византийских памятников права.

Стремление ученых проникнуть в тайны правовой мысли исторического прошлого в течение долгих столетий опиралось главным образом на единственно доступный прием – сопоставления состава и содержания различных юридических сборников. Шествуя по исхоженной тропе компаративизма, представители сравнительного правоведения прежде всего прибегали к сопоставлению отдельных сторон законодательных нормативов древности и средневековья. Иного пути у науки предшествующего времени не было и быть не могло, ибо размеры унаследованного Византией правового багажа столь велики и его анализ требовал колоссальных усилий, которые были под стать только ученым эпохи эрудитов. В последней четверти прошлого века Е.Э. Липшиц, сформулировав многообещающую задачу изучения истории византийского права, предвидела “сплошное исследование” текста Дигест с привлечением как материалов Кодекса и новелл Юстиниана, так и законодательных памятников последующе-

¹² Павлов А.С. Курс церковного права. СПб., 2002. С. 12.

¹³ Там же. С. 35–37.

¹⁴ Там же. С. 47–48, 56 и сл.

¹⁵ Хвостова К.В. Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV–XV вв.). М., 1992. С. 5.

¹⁶ Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., 1976. С. 95.

¹⁷ Там же. С. 111.

¹⁸ Культура Византии: вторая половина VII–XII в. С. 228.

¹⁹ См.: Культура Византии: XIII – первая половина XV в. М., 1991. С. 307–308.

²⁰ Хвостова К.В. Социально-экономические процессы... С. 22 и сл.

²¹ Там же. С. 24–25.

²² Там же. С. 92–93.

²³ Там же. С. 125 и сл.

²⁴ Хвостова К.В. Проблемы социальной информации в средневековом обществе (на византийском материале) // Проблемы исторического познания. М., 2002. С. 89 и сл.

го времени, в том числе "Василик"²⁵. Систематическое текстологическое исследование законодательных сводов и их компиляций IX–XI вв. отечественная исследовательница относилась к важнейшим перспективам византиноведения, решение которых нельзя откладывать до будущих времен²⁶.

В настоящее время современная наука, в частности информатика, предполагает более совершенные, чем прежние, с точки зрения технических приемов анализа изучаемых материалов, способы разрешения поставленных научных проблем. Именно в таком плане следует рассматривать проект построения электронной базы данных "Византийское право" и банка данных понятий и терминологии, равно и о проектировании тезауруса понятийно-категориального аппарата, отражающего правовое и религиозное сознание византийцев. К сожалению, у авторов этих строк нет возможности сколько-нибудь подробного сопоставления разрабатываемого ими программного продукта с уже вполне зарекомендовавшим себя за тридцать лет банком данных "Thesaurus Linguae Graecae" и другими, более новыми по времени создания, информационно-поисковыми системами, презентующими материалы византийских источников²⁷. Речь пойдет прежде всего о принципиальной характеристике базы данных "Византийское право" и смежных с ним замыслов. Здесь уместно заявить, что их проблематика задана основным предметом, т.е. областью знания, на изучение которой они обращены, а также природой привлекаемых источников, ставших в первой части настоящего проекта ("Основы византийского законодательства") главными объектами исследования и соответственно прилагаемых к ним процедур информационного анализа. В указанном качестве выступают Дигесты, Кодекс, Новеллы и Институции Юстиниана как и "Василики" в совокупности со схолиями к ним. О научном – историческом, правовом и культурном – значении названных памятников византийского права, крупнейших по своим размерам и предметному охвату, вряд ли нужно рассказывать подробно в виду их общеизвестности. Пожалуй, единственное, о чем хотелось бы напомнить, касается схолий к "Василикам". Они, подразумеваются названные схолии, настолько обширны, насколько обладают сложной структурой и историей²⁸. И, может быть, потому доселе изучены в очень слабой мере. В то же время именно схолии к "Василикам" служат путеводными мостками к познанию общих закономерностей формирования правовых и религиозных представлений византийцев, которые становились ведущими установками их общественного сознания. Таковы суть важнейшие научные ориентиры настоящего проекта, способствующие воспроизведению во всей полноте взаимных связей системы византийского права. Именно это, в свою очередь, предопределяет научную актуальность и своевременность реализации предлагаемого замысла.

Итак, созданная в Центре "Проблемы исторического познания" Института всеобщей истории РАН при участии молодых специалистов названного института и МГТУ им. Н.Э. Баумана база данных "Византийское право" (БД) представляет собой универсальную систему хранения и представления текстов смешанного греческого диакритического и латинского алфавита (рис. 1). Спе-

²⁵ Липшиц Е.Э. Право и суд... С. 86–87.

²⁶ Он же. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Л., 1981. С. 5–6.

²⁷ Brunner T.F. The Thesaurus Linguae Graecae and Byzantine Literature // XVIII Международный конгресс византистов. Пленарные доклады. М., 1991. С. 337–346; Gastgeber C. Text – Bild – Datenbanken in den Forschungsprojekten der Wiener Byzantinistik: Zwischenstand und Ausblick // XXe Congrès international des études byzantines. Pré-actes: Séances Plénières. Vol. I. P., 2001. P. 378–379 etc.

²⁸ Культура Византии: вторая половина VII–XII в. С. 229.

Рис. 1. Главное окно базы данных

циально разработанная оригинальная система управления базой данных (СУБД) позволяет автоматически формировать базу данных, вводя в нее произвольное количество текстов и организуя их в виде электронной библиотеки. Созданная СУБД предоставляет возможность выполнять ряд процедур (формирование массива данных, поиск, редактирование, системный анализ), а также осуществлять их системную поддержку средствами вспомогательного аппарата, объектами которых станут полные электронные версии текстов законодательных сводов и других памятников византийского права. Важнейшей частью вспомогательного аппарата БД являются так называемые аннотации. Их предназначение – отображать структуру информационно-поискового массива данных и взаимосвязи отдельных его разделов, составленные сотрудниками Центра примечания к включенным в БД законодательным памятникам и их полные словники – перечни всех имеющихся словоформ с указанием частоты их употребления.

Основной БД выступает электронный текст крупнейшего законодательного свода средневековой Византии так называемых *Librogrum Basilicorum LX* или "Василик" (вторая половина IX – начало X в.). В форматированном и структурированном виде соответственно отдельным разделам этого названного памятника права массив данных БД включает 60 книг или более 620 титулов, что составляет в общей сложности 13 693 раздела. В целом иерархия БД охватывает 15 055 элементов, а созданный на основе "Василик" словник насчитывает 46 215 словоформ и служебных знаков. Вспомогательный аппарат БД отображает связи отдельных разделов "Василик" с Дигестами, Кодексом, Новеллами и Институциями Юстиниана, Новеллами Льва Мудрого, "Прохирином" и так на-

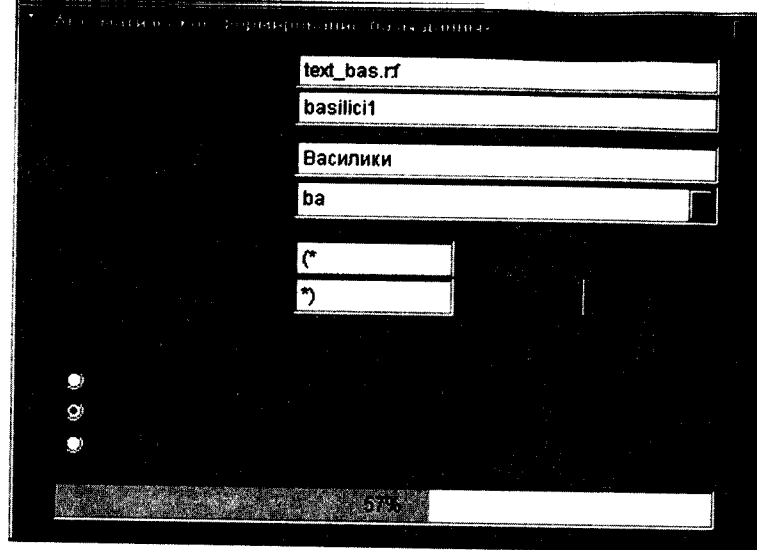

Рис. 2. Автоматизированное формирование базы данных

зывается Морским законом. Значительная часть разделов “Василик” снабжена краткими примечаниями, где указаны предполагаемые авторы прототипов разделов, заимствованных из Дигест. Их перечень достигает 30 имен:

Alfenus	Iavolenus	Papirius
Africanus	Iulianus	Paulus
Arcadius	Labeo	Pomponius
Callistratus	Licinnius	Proculus
Celsus	Macer	Scaevola
Claudius	Marcellus	Terentius
Florentinus	Marcianus	Tryphoninus
Furius	Modestinus	Ulpianus
Gaius	Neratius	Valens
Hermogenianus	Papinianus	Venuleius

Тексты примечаний также вносят уточнения в спорные атрибуции ряда разделов “Василик”.

Электронная версия “Василик” и некоторых других памятников византийского права, которые будут в ближайшее время введены в БД, созданы посредством сканирования и разработанной авторами настоящего проекта оригинальной методики оптического распознавания. Она сделала возможным перевод в машиночитаемую форму текстов смешанного греческого диакритического, латинского и старославянского алфавитов. Несомненным успехом разработчиков базы данных “Византийское право” является автоматизация процесса ее формирования (рис. 2). Текст каждого памятника, который хранится или будет введен в БД, представляет собой совокупность отдельных томов, тогда как аннотациям и словнику придается вид неделимых структур, взаимно и однозначно связанных с конкретным источником. Описание структуры хранящихся в БД текстов играет роль каталога электронной библиотеки. Он представляет собой древовидную иерархическую структуру. На ее верхнем уровне располагаются названия источников, включен-

ных в базу данных, а затем воспроизводится присущая каждому памятнику иерархия его разделов. Скажем, для “Василик” иерархия представлена цепочкой: сокращенное название источника – номер книги – номер титула – номер раздела. Эту иерархию отражает индекс раздела, например, “В.А.І.01.009”. Указанные в его начале буквы “В.А.” означают код источника, последующая римская цифра “І” соответствует номеру книги. Арабские цифры “01” являются кодом первого титула, а последние три – “009” – представляют номер раздела или статьи законодательного памятника. В определенных случаях подобный индекс включает также дополнительно цифры или сочетания букв, которые указывают на внутреннее деление раздела. Полный индекс раздела, построенный по такому правилу, служит одним из основных способов поиска требуемого фрагмента текста. На первом этапе построения базы данных ее составители из-за опасности неоправданного роста объема вспомогательных данных, к сожалению, пошли по пути принятия ряда ограничений, накладываемых на поле примечания. Сейчас они сняты, что делает возможным сопровождать тексты источников полноценными комментариями экспертов любого необходимого характера и формата. Специальный файл так называемого Словника формируется автоматически при дополнении базы данных и содержит информацию обо всех словоформах или, говоря иначе, лексемах, т.е. грамматических формах слов, содержащихся в тексте источника. Здесь также представлены сведения о служебных знаках, числах и обозначениях лакун. Каждая внесенная в Словник словоформа воспроизводится в оригинальном виде с помощью знаков соответствующего алфавита. Обозначение словоформы сопровождается указанием частоты ее употребления в тексте и специальный код, на основании которого проводится обработка словника.

Действующая СУБД поддерживает функции доступа к массиву данных, информационного поиска и вспомогательных операций, включая редактирование текстов и приложений, равно и автоматизированный ввод в БД новых источников. Названные процедуры осуществляются посредством обращения пользователя к командам главного меню СУБД “Структура и содержание”, “Аннотации”, “Словарь”. Режим “Структура и содержание” служит для последовательного просмотра текста отдельных книг и разделов искомого источников. Режим “Аннотации” делает возможным выборочное ознакомление с текстами того или иного источника путем представления информации о назначенных пользователем разделах, их заголовках и связях, подразумевает – системные связи отдельных фрагментов искомого источника с другими, именами античных юристов – авторах прототипов заимствованных текстов и примечаниях к отдельным разделам и статьям. Режим “Словарь” открывает пользователю доступ к Словнику, содержащему полный перечень лексических элементов текста.

Итак, содержащаяся в базе данных информация может быть представлена пользователю в одном из двух вариантов:

- 1) электронная книга, которая объемлет полный текст памятника;
- 2) аннотации.

В первую очередь пользователю предлагается востребовать полный текст памятника в форме электронной книги (рис. 3). Электронная книга состоит из совокупности индексированных разделов и описания их положения в общей иерархии базы данных. Так раздел с индексом “В.А.VII.06.010”, т.е. десятый раздел, относится к шестому титулу седьмой книги Василик (рис. 4). Для обработ-

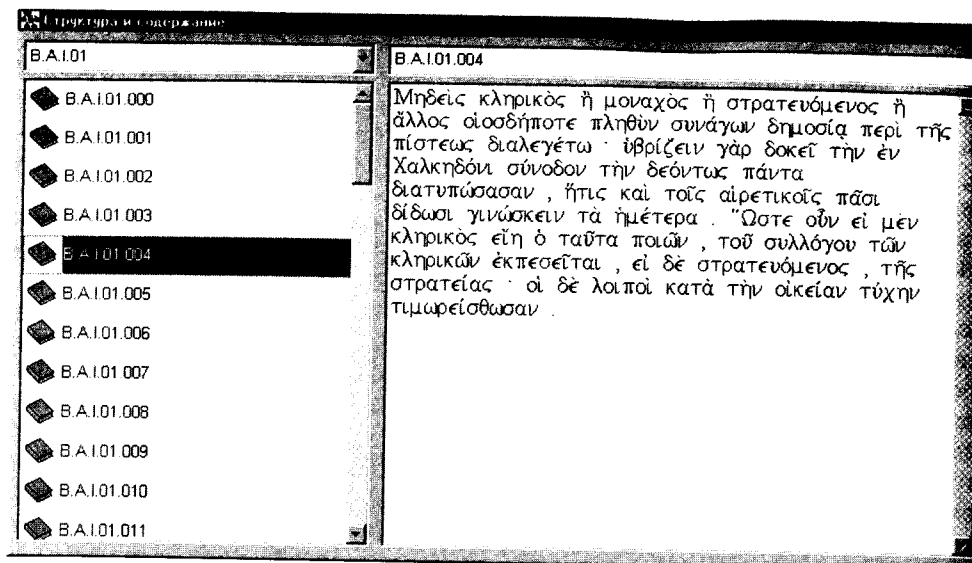

Рис. 3. Окно "Структура и содержание"

ки хранящейся в БД информации предусмотрены функции поиска, редактирования, печати и ряд навигационных функций.

Функция поиска служит для быстрого перехода к требуемому разделу источника. Она ищет каждое вхождение заданной подстроки в текст раздела. При этом поиск может производиться как в пределах одного источника, так и в содержании всех источников, включенных в БД. При поиске в конкретном источнике пользователю предоставляется возможность выбрать требуемое слово из словника и провести поиск по этому слову. Необходимо отметить, что система поддерживает поиск как греческих, так и латинских слов (рис. 5). Несомненным достоинством разработанного алгоритма является возможность поиска не только отдельных слов, но и словосочетаний. За счет специально разработанной структуры данных разработчикам удалось добиться высокой скорости поиска. Так, для полного просмотра текста "Василик" требуется 20–30 секунд.

Функции редактирования предоставляют пользователю средства для работы с греческими, латинскими и смешанными текстами. В основном окне редактирования изменения в текст вносятся на греческом языке. Для вставки латинского текста разработано специальное окно, в котором обеспечивается ввод латинских фрагментов текста (рис. 6). После завершения процедуры редактирования общий текст раздела оформляется как смешанный, что позволяет обеспечить общность алгоритмов обработки текстов, т.е. для обработки текста раздела применяется один и тот же алгоритм вне зависимости от того, на каком языке представлен текст – греческом или латинском с использованием соответствующего или сме-

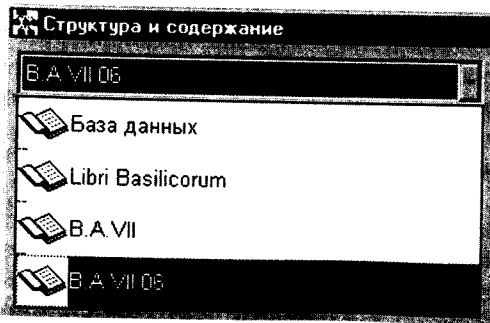

Рис. 4. Представление иерархии раздела

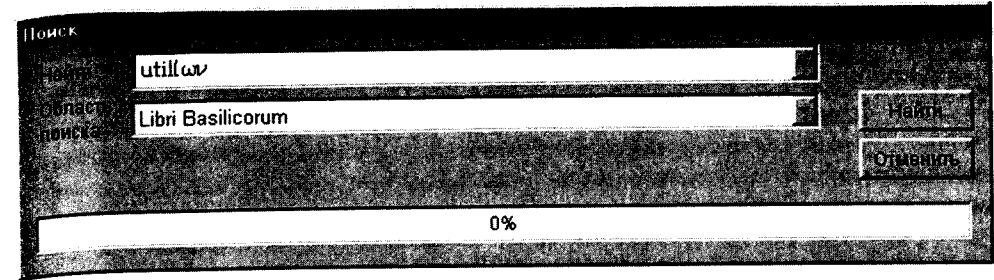

Рис. 5. Окно "Поиск" в содержании текста источника

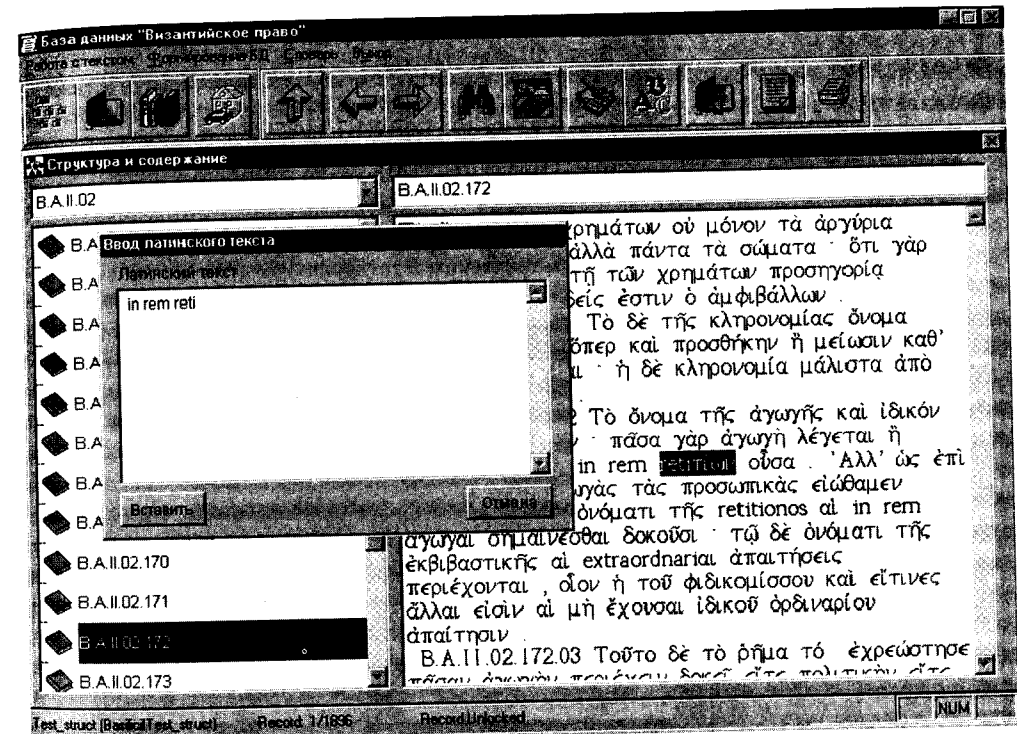

Рис. 6. Редактирование текста

шанного алфавита (рис. 7). К навигационным функциям относятся функции перехода к следующему и предыдущему разделам, переход на следующий уровень иерархии, переход к аннотациям, связанным с активным разделом.

Разработанная сотрудниками центра структура аннотаций является одним из инструментов поиска информации в базе данных. Аннотация составляется отдельно для каждого титула и включает в себя индекс титула; текст титула на языке оригинала; список разделов данного титула. Для каждого раздела из этого списка указывается его индекс, список связей данного раздела с разделами других источников и текст примечания. Таким образом, аннотации отражают структуру связей между различными источниками, хранящимися в базе данных. Организация информации позволяет использовать аннотации для поиска нужных разделов данного источника. При этом поиск идет не по содержанию раздела, а по структуре аннотаций, что позволяет отслеживать связи между разде-

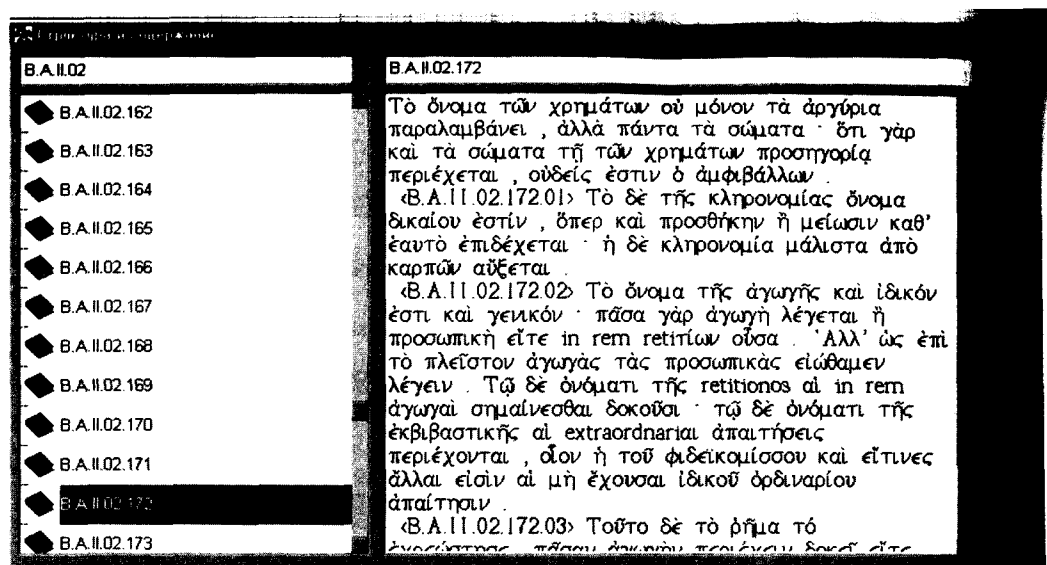

Рис. 7. Работа со смешанным греческим и латинским текстом

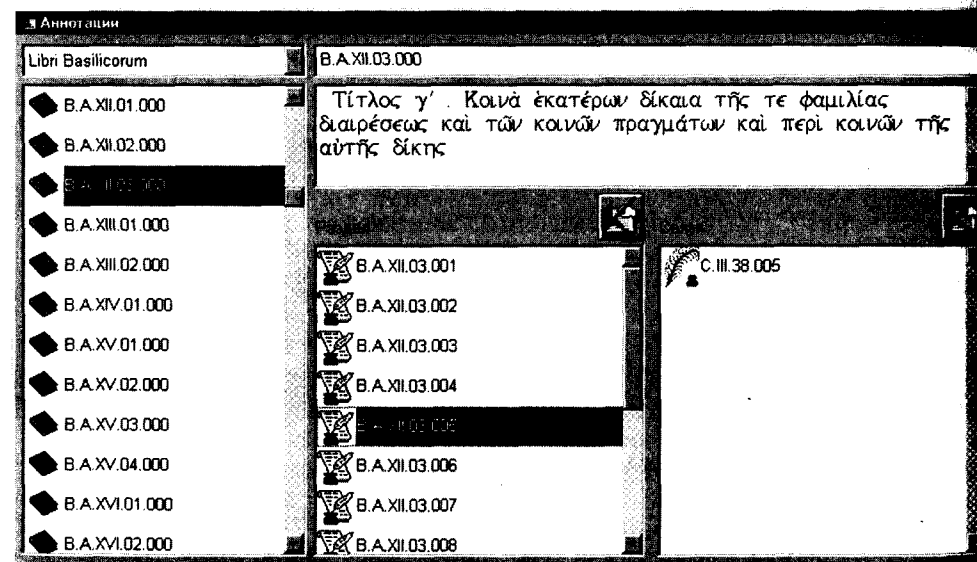

Рис. 8. Окно "Аннотации"

лами и осуществлять оперативный переход к соответствующим разделам других памятников. Для представления аннотаций служит специальное окно "Аннотации" (рис. 8).

Для работы с аннотациями в системе предусмотрены функции поиска, редактирования и печати. Функции редактирования позволяют вносить дополнения и изменения в массив аннотаций. Причем допускается редактирование как всей аннотации, так и отдельных ее компонент. Для каждого элемента предусмотрены операции дополнения, изменения и удаления (рис. 9 и 10).

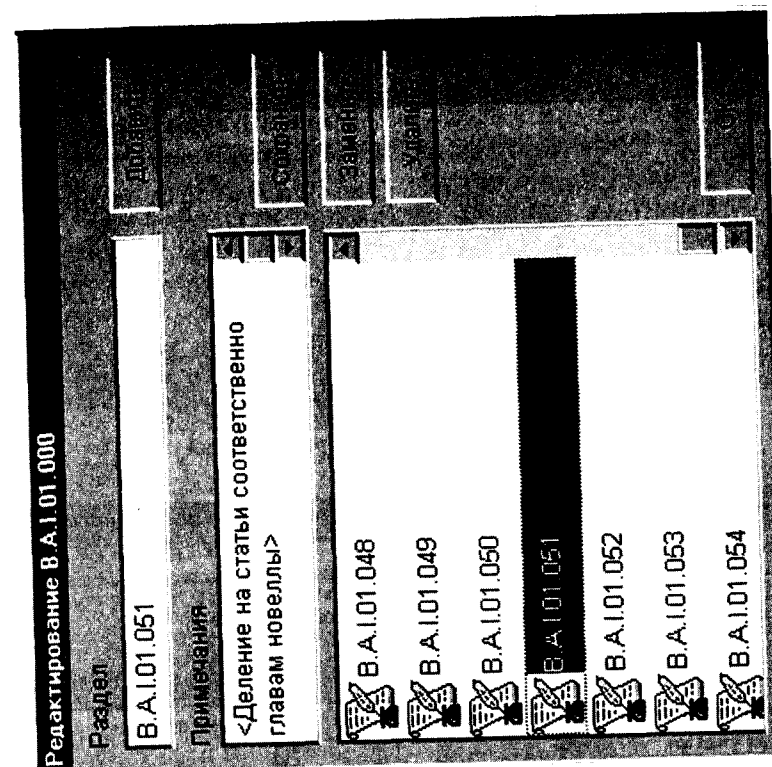

Рис. 10. Окно редактора списка разделов

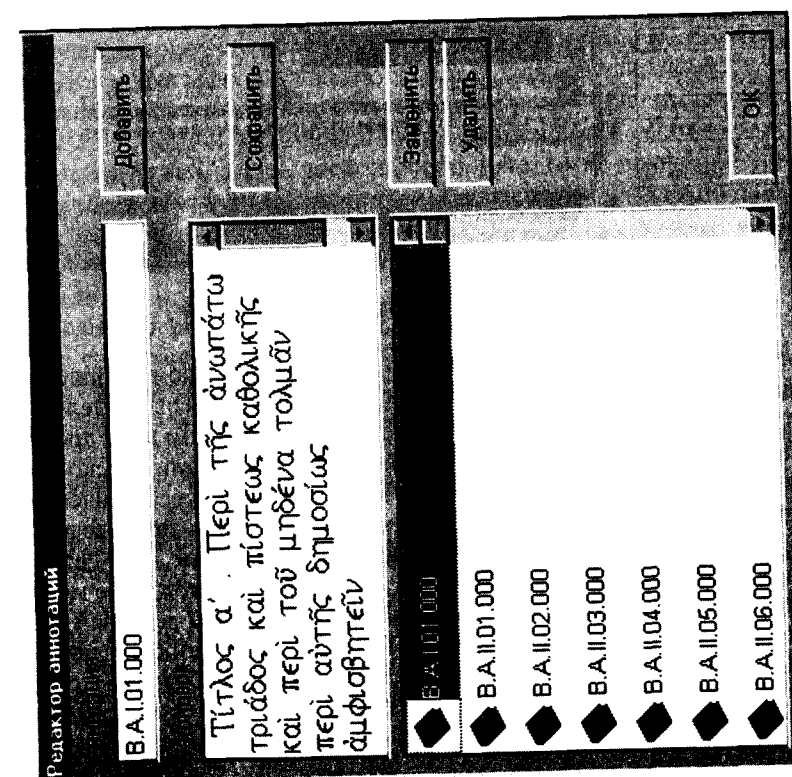

Рис. 9. Окно "Редактор аннотаций"

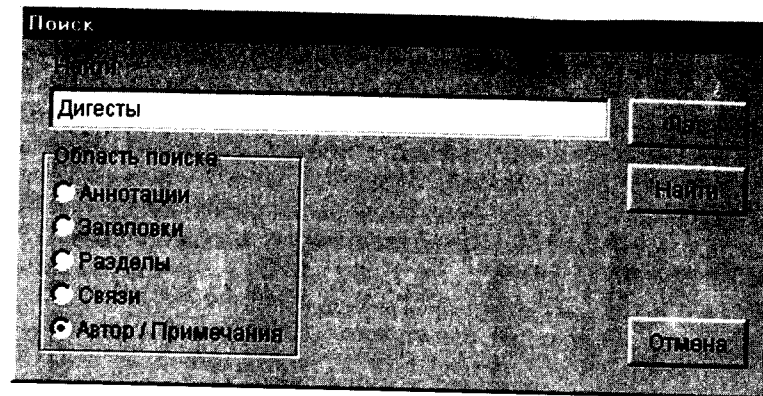

Рис. 11. Окно "Поиск" в структуре аннотаций

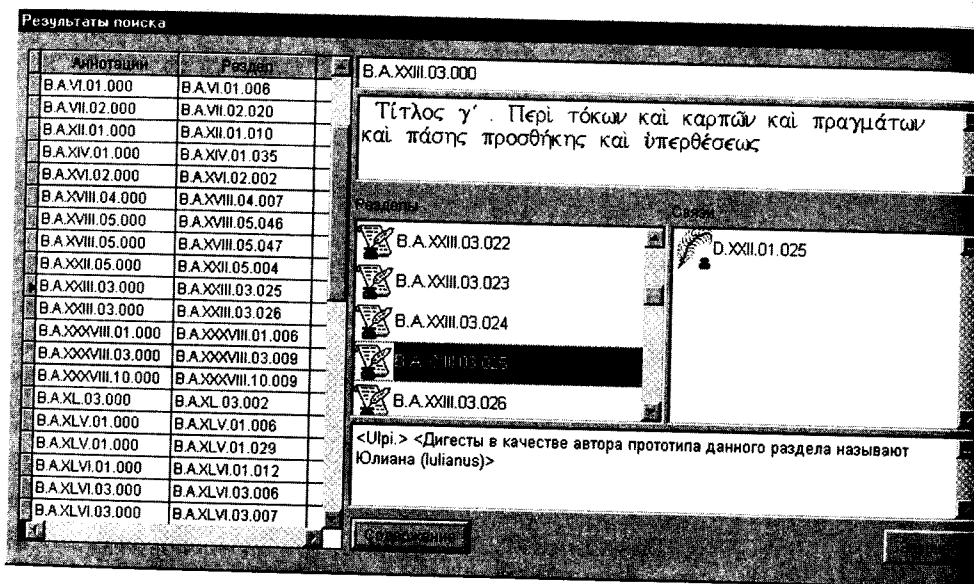

Рис. 12. Результаты поиска в структуре аннотаций

Поиск требуемой информации может производиться в каждом из полей структуры аннотации. Они указывают индекс титула, его текст, список разделов, связи раздела или примечания к разделу. В зависимости от того в каком поле происходит поиск, искомая подстрока задается на греческом, латинском или русском языке. Результатом поиска является список индексов аннотаций или список индексов разделов с указанием индекса аннотаций. Например, может быть произведен поиск разделов, в примечаниях к которым упоминаются Дигесты (рис. 11). Результаты поиска представляются в отдельном окне (рис. 12). Причем в этом окне можно одновременно просмотреть полный текст аннотации, содержащей искомый раздел.

Так как аннотации предназначены для альтернативного поиска разделов источника, то в разработанной системе предусмотрены возможности просмотра полного текста раздела источника из окна аннотаций и прямого перехода к соответствующему фрагменту основного источника, т.е. на определенную страницу электронной книги.

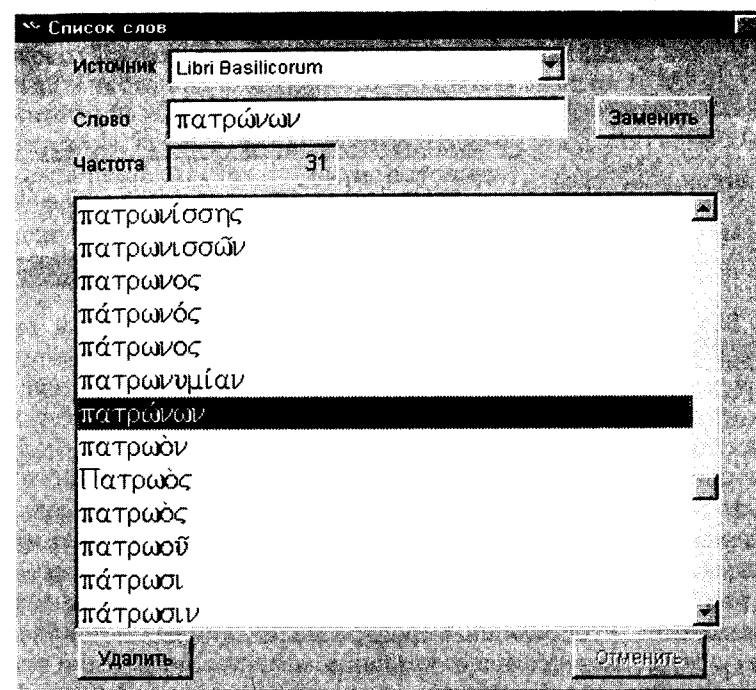

Рис. 13. Окно "Список слов"

В числе вспомогательных функций СУБД выделяются, как уже говорилось, представление содержания словника и печать подлежащих изучению его фрагментов. Для работы со словником используется окно "Список слов" (рис. 13). В его верхней части находится выпадающий список, предназначенный для выбора названия текущего источника. Ниже размещается текстовое поле ввода искомой словоформы. Далее расположено поле, отображающее число ее повторов в разделах источника. Затем представлен список всех словоформ, выявленных в тексте выбранного источника. Путем выделения текущего слова осуществляется его копирование, замена на заданную в поле ввода словоформу, а при необходимости и удаление.

Для выполнения, после предварительного просмотра, функции печати словника или сохранения его в виде файла служит специальное окно (рис. 14). Оно позволяет выбрать источника и режимы печати:

- 1) печать слов заданного диапазона;
- 2) печать всех слов, начинающихся с заданной буквы алфавита.

Также осуществляется сохранение словника в виде файла.

В заключение описания структуры и функций базы данных необходимо подчеркнуть, что решение задач утилитарного пользования ее материалами вовсе не является самоцелью участников проекта. Во главу угла они ставят проблемы научно-исследовательского характера и поэтому построение базы данных "Византийское право" рассматривается как начальный этап реализации излагаемого ниже в общих чертах более наукоемкого плана. В дальнейшем развитии базы данных "Византийское право" можно выделить основные направления, обусловленные не просто вводом в БД новых источников и рас-

няемое в законодательстве обобщенное наименование юридического понятия, которое обладает точно установленным содержанием и смысловой однозначностью, а также функциональной устойчивостью³³.

Материалы банка данных понятийно-терминологического аппарата прежде всего послужат формированию информационного образа лежащих в основе информационно-поискового массива контекстов. Благодаря тому формируется, отображается семантическое поле документа³⁴. Принципиальной стороной действия проектируемого банка данных следует признать предусмотренный режим операций со всем объемом словарного запаса полнотекстовых документов, положенных в основу его информационно-поискового массива данных. Не менее важным представляется и то обстоятельство, что только при этом семантическое поле документа, его понятийно-категориальная структура оказывается вовлеченной в научный оборот в полном объеме. Именно такой подход, когда истинное значение каждого понятия и термина устанавливается по совокупности сведений об его использовании в тексте источника, обеспечивает исчерпывающий информационный анализ содержания последнего, который предопределяет научный потенциал создаваемого банка данных. Но главная черта проектируемого банка данных, пожалуй, заключается в стремлении выделять, наподобие испробованной некогда во французской правовой информационно-поисковой системе "Иретив" концептуальной схеме, не просто синтаксические группы слов, а словосочетания, обладающие законченным логическим смыслом³⁵. Иначе говоря, речь идет о так называемых синтагмах – словосочетаниях, обладающих определенным смыслом и понятийно-терминологическими характеристиками³⁶, и о когнитивных репрезентациях³⁷. Тем самым проектируемая система позволит проводить первичную обработку историко-правовых источников, выделяя в анализируемых текстах подлежащие дальнейшему изучению понятия и термины на основании заданных требований и накопленного ранее опыта.

Решению обозначенных выше задач служит разработка блока специально-го информационного поиска (БСИП) и блока понятий и терминов (БПТ). БСИП явится одной из основных систем СУБД, предоставляя пользователю возможность находить нужный фрагмент или фрагменты исходного документа с использованием данных БПТ. При этом выделяемые фрагменты могут быть использованы для построения функционально ориентированных баз знания. БПТ безусловно сыграет важнейшую роль в качестве компонента БД, обеспечивающего функции специального (отраслевого) поиска и анализа текстов. Так, разработанный О.В. Тихоновой алгоритм сопоставления контекстов исторических источников с целью определения их информационной близости посредством сравнения образованного понятиями и терминами семантического поля лег в основу построенного при участии Д.Е. Кондратьева рабочего варианта аналитического модуля³⁸. Он позволяет пользователю, знакомясь с тек-

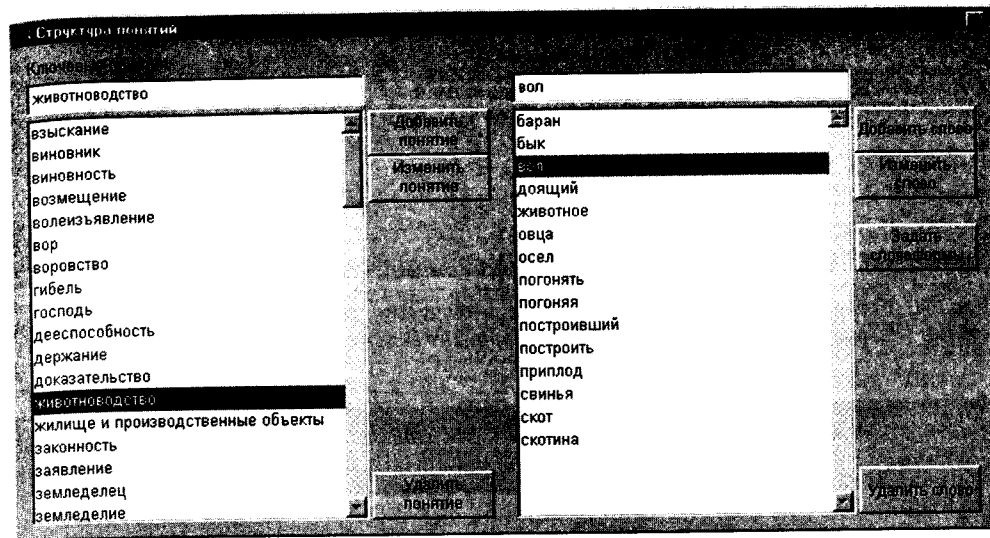

Рис. 15. Структура понятий и терминов "Земледельческого закона". Рабочий вариант аналитического модуля

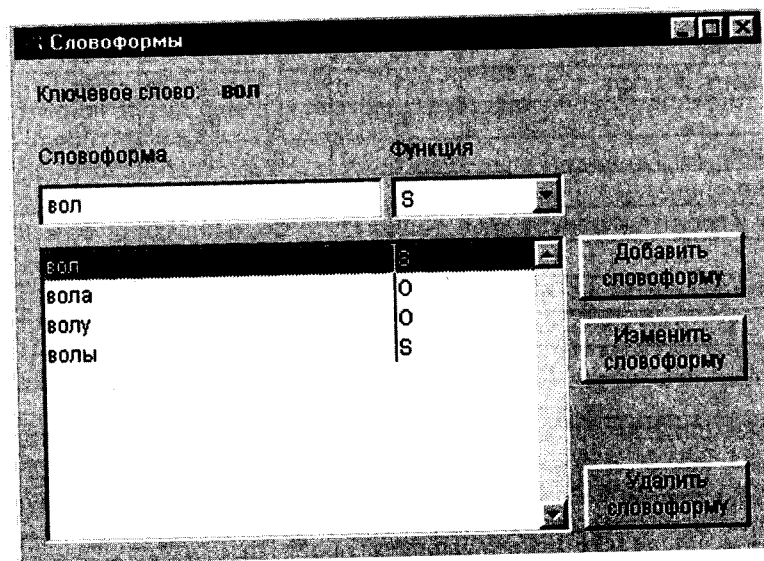

Рис. 16. Определение логико-грамматических функций словоформ ключевого слова. Рабочий вариант аналитического модуля

стом источника, не только вносить коррективы в общую структуру его понятий и терминов (рис. 15) и определять посредством индексации логико-грамматические функции отдельных словоформ ключевого слова (рис. 16). Данный модуль обеспечивает возможность установления логико-синтаксических отношений (субъект – предикат – объект) аутентичных понятий и терминов непосредственно в ходе изучения текста (рис. 17). Но главное предназначение модуля заключается в вычислении на этой основе так называемых мнимой близости (рис. 18) и подлинной близости анализируемых фрагментов текста, т.е. определение со-

³³ Там же. С. 65.

³⁴ Подробнее см.: Там же. С. 118 и сл.

³⁵ Подробнее см.: Правовая информатика и кибернетика / Под ред. Н.С. Полевого. М., 1993. С. 397–399.

³⁶ См.: Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиа текстов (Опыт изучения современной английской медиа речи). М., 2000.

³⁷ См.: Глинский Б.А., Баксанский О.Е. Моделирование и когнитивные репрезентации. М., 2000; Они же. Методология науки: Когнитивный анализ. М., 2001.

³⁸ Подробнее см.: Кондратьев Д.Е., Тихонова О.В. Алгоритм сравнения статей на основе семантической близости понятий // Новые информационные технологии. Материалы научной конференции. МГТУ им. Н.Э. Баумана. М., 2003.

Сравнение статей

Статья 1

NG.63

☒ Минимальная близость

Статья 2

NG.64

☒ Реальная близость

Сравнить

Печать

Понятие	Всего		Объект		Субъект		Предикат	
	1	2	1	2	1	2	1	2
возмещение	1	0	1	0	0	0	0	0
инструменты и утварь	1	0	1	0	0	0	0	0
кража	1	0	0	0	1	0	0	0
наказание	1	1	0	0	0	0	1	1
о пожаре	1	1	0	0	1	1	0	0
жилище и производственные объе	0	1	0	1	0	0	0	0
месть	0	1	0	1	0	0	0	0
о мельницах	0	1	0	1	0	0	0	0

	Всего	Объект	Субъект	Предикат
Критерий L1	0.600	1.000	0.333	0.000
Критерий L2	0.600	1.000	0.333	0.000

Наряду с тем изыскания авторов настоящего проекта нацелены на логико-грамматическую систематизацию ключевых слов источника, направленную на выявление в их совокупности собирательных понятий и терминов. Собранный материал титулов (лемм) “Василик” и отдельных частей Юстинианова законо-

Безусловно, разработка описываемой системы машинного анализа текста – актуальная проблема, ожидающая своего разрешения в ближайшие годы. Однако накопление предваряющих создание этой системы материалов, как было сказано, уже начато авторами настоящего проекта. Тем самым одновременно положено начало и делу построения так называемых семантических сетей, которые станут основой интеллектуальных систем, таких, как тезаурус и экспертная система. Они – и в этом создатели базы данных “Византийское право” несколько не сомневаются – приобретут неоспоримое научное и практическое значение для различных областей гуманитарного знания.

⁴⁰ Максимович К.А. Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). М., 1998. С. 471–557.

РОЛЬ ОБРАЗА СВЯТОЙ ПЕРВОМУЧЕНИЦЫ ФЕКЛЫ В РОСПИСИ “ЧАСОВНИ ИСХОДА” В ЭЛЬ-БАГАВАТЕ*

К числу памятников раннехристианской живописи первостепенной важности специалисты по праву относят росписи нескольких погребальных часовен некрополя эль-Багават в оазисе Харга (Верхний Египет). Некоторые из этих памятников ввел в научный оборот хранитель Эрмитажа Владимир Георгиевич Бок в своем посмертном издании “Материалы по археологии христианского Египта”.

В данной работе речь пойдет об одной из 263-х часовен некрополя. Эта постройка, названная Бок “гробницей с библейскими персонажами”¹, в современной литературе фигурирует под названием “часовня Исхода” (по основному сюжету росписи, украшающей ее купол) и значится под № 30 по общепринятой нумерации А. Фахри².

Размеры часовни, как и большинства построек погребального назначения, скромные: длина – 4 м, ширина – 3,7 м, высота – 3,2 м; общая площадь – около 15 кв. м; диаметр купола – 2,5 м. Купол, площадь которого чуть больше 5 кв. м, расписан; на светло-желтом фоне красками розовато-коричневых цветов изображены люди, архитектурные сооружения, корабли, лодки, скерб, животные, птицы, растения. Греческие пояснительные надписи рядом с некоторыми изображениями и иконографические реалии в ряде случаев помогают идентифицировать персонажей и определять сюжеты.

Эта роспись (пожалуй, как никакой другой памятник коптской монументальной живописи) привлекала и привлекает к себе внимание специалистов³. Датируют ее обычно периодом от IV до VI в. Я склонен отнести ее к V столетию.

Она интересна с технологической и художественной точек зрения, своеобразна в стилистическом отношении, в ряде случаев необычна по иконографии трактовке сцен и отдельных персонажей, а главное – очень емка в символическом осмыслении. Всех этих проблем я не касаюсь, а обращусь только к событийно-сюжетной стороне росписи и одной из представленных в ней героинь.

Памятнику более полутора тысяч лет. Время и людское невежество оставили на нем непоправимые следы: состояние его очень плачевно. И все же общеполное конкретное представление о нем создать можно⁴. Специалистами выяв-

лено в росписи 13 основных сюжетов и насчитано более полусотни персонажей. Подавляющее большинство изображений иллюстрируют события ветхозаветной истории и изображают ее героев⁵.

Остановлюсь на событиях и основных героях, запечатленных художником. Самое раннее по времени событие – изгнание прародителей Адама и Евы из рая. Затем – спасение в ковчеге праведного Ноя с семейством во время потопа. Два эпизода из истории “друга Божьего” и “отца веры” Авраама: жертвоприношение Исаака и встреча слуги Авраама Елиазара с Ревеккой – будущей женой Исаака и матерью его детей: Исава и Иакова-Израиля. Самый насыщенный людьми, животными, скербом эпизод – исход израильтян из Египта во главе с Моисеем. Он включает несколько событий: преследование евреев фараоном, блуждание евреев в течение сорока лет по Синайской пустыне, Моисей на подступах к земле обетованной, символизированной изображением храмовой постройки, три фронтона которой украшены анхами – древнеегипетскими знаками вечной жизни⁶. Наконец, образы представителей избранного Богом народа во время его вавилонского плена: пророки Иеремия и Даниил, три отрока в печи огненной, праведная Сусанна и др. В эти важные избранные моменты истории “вкраплены” изображения некоторых живших в разное время и в разных местах других героев: современник Моисея страдалец Иов из страны Уц, пророк Иона, связанный с Ниневией, пророк Исайя в Иерусалиме и др.

Из приведенного перечня ясно, что в этой компании избранных персонажей Священного Писания не нашлось места для изображения многих знаковых ветхозаветных героев, таких, как Иосиф, Давид, Соломон и др. Примечательно, что художник проигнорировал абсолютно всех героев Нового завета. И в то же время он считал возможным изобразить в росписи жившую в Малой Азии в I – начале II в. святую деву Феклу. Этот образ и будет предметом моего рассмотрения, в основе которого лежит вопрос: почему именно Фекла, а не какой-то другой святой удостоился чести быть представленным среди персонажей росписи (рис. 1)?

Первым, кто обратил внимание на изображение Феклы в данном памятнике, был В.Г. Бок. Сцену с нею он описал так: “Левее (сцены Жертвоприношения Авраама. – А.К.), отделенная от стада деревом, изображена св. Фекла (ΘΕΚΛΑ), стоящую в пылающем костре с распростертыми руками в известной позе “оранты”⁷. Столь же общо описывали этот образ и другие исследователи, не задаваясь вопросом; почему именно Фекла представлена в этом живописном ансамбле. В большинстве своем они ограничивались лишь замечанием, что это единственный в росписи персонаж, живший после Рождества Христова и что изображение Феклы встречается по меньшей мере еще в двух часовнях эль-Багавата⁸. А между тем образ св. Феклы, на мой взгляд, являет-

* Основой для статьи послужил доклад, зачитанный автором 19 декабря 2001 г. на научном заседании Отдела Востока Государственного Эрмитажа, посвященном 100-летию выхода в свет труда В.Г. Бока “Материалы по археологии христианского Египта” (СПб., 1901).

¹ Бок В.Г. Материалы по археологии христианского Египта. СПб., 1901. С. 21–25. Рис. 32–33. Табл. VIII–XV.

² Fakhry A. The Nekropolis of El-Bagawat in Kharga Oasis. Cairo, 1951.

³ Основную литературу об этом памятнике, появившуюся после выхода в свет монографии Ахмед Фахри, см. в ст.: Каковкин А.Я. Об одном изобразительном мотиве в росписи “часовня Исхода” в эль-Багавате // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 2001. М., 2002.

⁴ В этом отношении неосенимо велика роль фотографий росписи, выполненных В.Г. Бок во время его первой экспедиции в Египет в 1888–1889 гг. Большинство их было представлено на выставке привезенных Бок из второй поездки в долину Нила разнообразных

памятников. Выставка была устроена в Лоджиях Рафаэля Эрмитажа (см.: Каковкин А.Я. Первая коптская выставка в Эрмитаже // Cortica Hermitagiana. Сборник материалов. К 100-летию коптской коллекции Эрмитажа. СПб. 2000. С. 56–69). Часть этих фотографий была воспроизведена в “Материалах по археологии...”. Зафиксировавшие состояние памятников эль-Багавата на конец 80-х годов XIX в., они до сих пор широко используются исследователями.

⁵ Фигурирующие в литературе мнения о том, что в росписи представлен Добрый пастырь и праведные девы из евангельской притчи (Мф 25: 1–13), на мой взгляд, ошибочны. Я готовлю работу на эту тему.

⁶ Cramer M. Das altägyptische Lebenszeichen ♀ im christlichen (koptischen) Ägypten. Wien, 1943.

⁷ Бок В.Г. Указ. соч. С. 23.

⁸ “Часовня Мира” (Fakhry A. Op. cit. P. 71) и часовня № 25 (Ibid. P. 74).

ся, как никакой другой в росписи, не просто знаковым, а концептуальным. Попробуем это доказать.

О св. Фекле известно немного. Тертуллиан (ум. ок. 230 г.) упоминает о греческом апокрифе “Деяния Павла и Феклы” из 43-х глав, написанном в самом конце II в. неким малоазийским пресвитером “из любви к апостолу Павлу”⁹. Тогда же епископ Селевкии Исаврийской Василий сочинил “Житие Феклы”¹⁰. Из этих трудов известно, что родилась Фекла в первой половине I в. в богатой языческой семье в Иконии. Зажигательная проповедь слова Истинного в этом городе апостола Павла распалила в ее душе неугасимый огонь веры и Спасителя и пламенную любовь к Нему. Фекла стала верной ученицей и сподвижницей “апостола языков”. За это Феклу по настоянию ее матери и жениха подвергли страшным мучениям: обнаженную ее выставляли в цирке и на ристалище на растерзание диким зверям, пытались утопить, сжечь, разорвать быками, обесчестить. Но Господь, в которого безоговорочно уверовала Фекла, был всегда ее надежной защитой. Она была первой христианкой, претерпевшей ряд мученичеств за веру, поэтому ее прозвание – “первомученица”. В этом смысле Фекла полностью отвечает словам Господа, явившегося однажды во время смеренной молитвы учредителю иноческого общежития Пахомию: “...иные спасены через напасти и скорби и явятся равными всяким святым”¹¹, и призыву своего учителя: “Вам (христианам. – А.К.) дано не только веровать в Него (Христа. – А.К.), но и страдать за Него”. В зрелом возрасте Фекла сподобилась даром чудотворений и исцелений недужных, она крестила новообращенных и, выполняя завет апостола Павла: “Ступай и учи людей слову Божию!”, осуществляла основную задачу Церкви – несла в мир, как это делали ученики Христа, евангельскую весть, за что и была отнесена к немногочисленному сонму “равноапостольных” святых. Тем самым Фекла воплотила в себе образ совершенно нового, воцерковленного человека, цель жизни которого – беззаветное служение Творцу, непоколебимая вера в Него, безоговорочное упование на Него, всегдашняя готовность засвидетельствовать все это своей кровью. За это причислена вечной жизни, “глава женских побед и трофеев” (как называл ее Исидор Пелусиот, ум. ок. 440 г.), “победоносная Фекла” (выражение блаженного Феодорита, ум. 457 г.), по праву приравнена в достоинстве к праотцам, патриархам, пророкам и другим божьим угодникам, главный смысл жизни которых состоит в жертвенном служении Творцу. Недаром Амвросий Медиоланский (ум. 397 г.) в обращении к девственницам писал: “Пусть же святая Мария (Богородица. – А.К.) вам будет наставницею в науке жития. А жертвенности пусть научит вас Фекла”¹².

Но образ Феклы в росписи не только духовный аналог ветхозаветным пророкам, образы которых широко представлены в росписи. Отцы и учителя Церкви ставили Феклу в один ряд и с высокочтимыми божьими угодниками Нового завета. Так Григорий Назианзин (Богослов) (ум. ок. 390 г.) в своем Первом обличительном слове против Юлиана Отступника говорит, что нечестивый им-

ператор “не постыдился даже жертв, за Христа закланных, и не убоился даже великих подвижников; Иоанна онго (Предтечи. – А.К.), Петра, Павла, Иакова, Стефана, Луки, Андрея, Феклы и прочих прежде и после оных за истину пострадавших... Им же и великие чести и торжества праведно учреждена суть”¹³.

Остановлюсь еще на одном важном обстоятельстве, выделяющем образ Феклы из среды других персонажей росписи. Из Священного Писания известно, что Творец заключал с представителями рода человеческого четыре договора: обетования. Первое – с прародителями при изгнании их из рая; “семя жены соотрет главу змия” (Быт. 3, 15). Спасенному в водах потопа Ноем Бог обещал не истреблять больше род человеческий. Аврааму Господь предрек появление наследника, от которого произойдет бесчисленное потомство. Моисею Он обещал, что пророк увидит, а народ его обретет землю обетованную. Значительная часть персонажей росписи были “свидетелями” исполнения большинства обетований. Авраам и его наследники – это живущие на земле потомки Ноя. Современники Моисея – очевидцы многочисленности рода Авраама. Ну, а наследники Моисея, выведенные им из Египта, унаследовали землю обетованную. Выходит, что все представленные в росписи ветхозаветные персонажи были свидетелями или участниками исполнения того или иного обетования Бога, кроме первообетования – предсказания прихода на землю искупителя людских грехов и победителя смерти, т.е. воплощения Сына Божьего. Это обетование осуществилось только через шесть веков после смерти последних фигурирующих в росписи представителей избранного Богом народа (персонажи эпохи вавилонского пленения). И единственной (из всех героев росписи!) свидетельницей осуществления этого обетования о пришествии на землю Спасителя была Фекла.

Итак, говоря словами учителя Феклы апостола Павла, то, “что было предсказано Словом и написано в Священном Писании”, свершилось. Приход Христа на грешную землю стал исторической реальностью. Ожидаемое народом Завета искупление и спасение стали настоящим.

В росписи представлен как бы спрессованным отрезок времени в истории человечества, по богословским представлениям в 5508 лет – от грехопадения до становления христианства на земле. Абсолютное преобладание в росписи ветхозаветной тематики можно расценивать как стремление художника (а скорее заказчика) запечатлеть многогранный религиозный и моральный опыт Божьего народа, опыт, открывший возможность “миру сему” обрести спасение. Иначе говоря, здесь мы имеем художественное отражение эпизодов библейской истории как подготовительного акта к боговоплощению, т.е. к спасению. И главное в этом акте – то, что спасения удостоился не только богоизбранный народ, но – как и было предсказано – в смерти и воскресении Иисуса Христа совершилось спасение всего человечества. И человечество это олицетворяет именно и только Фекла – единственный персонаж росписи, родившаяся через несколько лет после Голгофской трагедии.

Отмечу еще один важный момент в осмыслении образа Феклы.

Назначение погребальных сооружений, их скульптурное и живописное убранство, их инвентарь призваны были воплощать идею спасения. И эта идея убедительно реализована в росписи часовни. Большинство зафиксированных в ней событий – спасительные (Ноев ковчег, Жертвоприношение Авраама, Исход, истории с Ионой, Даниилом, тремя отроками, Сусанной и др.), как и олицетворяющие само понятие спасения многие герои – верные служители Богу (Ной, Авраам, Исаак, Иов, пророки: Исайя, Иеремия и др.).

⁹ Schmidt C. Acta Pauli aus der Heidelberger koptischen Papyrushandschrift № 1. Leipzig. 1904.
¹⁰ Vouaux L. Les Actes de Paul et ses lettres apocryphes. P., 1913.

¹¹ Pantinus P. Basilii Seleucia de vita ac miraculis P. Theclae. Antverpiae, 1608; Lipsius R.A., Bonnet M. Acta apostolorum apocrypha. Bd. I. Lipsiae, 1891. S. 270–272; Carbol F. La légende de sainta Thècla. P., 1895.

¹² Vita Pach. N 43. Paralip. N 17.

¹³ Амвросий Медиоланский. О девственницах // Творения святителя Амвросия, епископа Медиоланского, по вопросу о девстве и браке. Изд. Казанской Духовной Академии. Казань, 1901. С. 74.

¹³ Митрополит Филарет. Пространный христианский катехизис. Варшава, 1930. С. 93.

Эту роспись вполне можно рассматривать как своеобразное, выполненное живописной форме "руководство к спасению". И помещение здесь изображенной св. Феклы убедительнейшим образом отвечает идее спасения.

Наверняка в начальные века нашей эры в памяти верующих еще свежи были воспоминания о подвижнической, полной суровых испытаний жизни святой Феклы. Свидетельств тому множество: отмечавшиеся уже сочинения конца II в. "Деяния Павла и Феклы" (кстати, уже в V в. появились его переводы с греческого на другие языки, в том числе и на коптский¹⁴) и "Житие Феклы" епископа Селевкии Василия, упоминания в разных контекстах имени первомученицы в творениях Григория Богослова, Амвросия Медиоланского, Исидора Пелусиота, блаженного Феодорита. "Мать отшельниц" преподобная Синклитика Александрийская (ум. ок. 350 г.) избрала св. Феклу себе в образец. На V–VI вв. (время создания большинства росписей в эль-Багавате) приходится самое большое количество коптских памятников с изображениями Феклы (росписи, каменные рельефы, металлические изделия, ткани, глиняные ампулы¹⁵).

По местной, малоазийской легенде, изложенной епископом Селевкии Василием (см. примеч. 10), жизнь св. Феклы, всецело посвященная Богу, закончилась чудесным образом: девятиностлетняя девственница жила близ Селевкии, на закате земной жизни, по наущению завистливых лекарей-язычников (которые чудесные исцеления святой отнимали выгодную практику) шайка молодых негодяев вознамерилась обесчестить деву. Фекла стала убегать от своих преследователей. Но годы давали о себе знать: гонители настигали ее, и тогда, теряя силы, изнемогая, она обратилась с мольбой о помощи к Творцу. Господь и на этот раз не оставил свою верную служанку; на ее пути, в горе образовалась расщелина, Фекла вступила в нее и за ее спиной камни сомкнулись. В руках ее преследователей остался лишь клочок ее одежды.

Вскоре на месте чудесного восхищения праведной девы образовалось святилище, ставшее одним из самых почитаемых паломнических центров в Малой Азии. Здесь многие паломники от источника во дворе церкви исцелялись от слепоты. По свидетельству блаженного Феодорита, тут побывали праведные Марина и Кира. Сюда, отойдя от дел "пошел беглецом" архиепископ Константинопольский Григорий Богослов, "предаваясь здесь богомыслию и созерцанию"¹⁶.

А.Н. Грабар полагал, что заключительный эпизод земной жизни св. Феклы, изложенный епископом Василием, запечатлен в северо-восточной части росписи часовни¹⁷. Здесь, левее фигуры Исаака из сцены "Жертвоприношение Авраама", представлена фигура с поднятыми вверх руками. Отсутствие пояснительной надписи затрудняло идентифицировать ее. Бок назвал ее "орантой". Вульф – "Саррой, женой Авраама", Фахри – "Саррой, оплакивающей участь своего сына" Исаака. Айналов, не конкретизируя фигуру, писал: "За спиной ее растет высокое красивое дерево. Вокруг фигуры – темный фон пятном. Еще дальше стоит предмет квадратной формы, перевязанный (?) накрест, т.е. связка дров. За ним растет куст"¹⁸. Шварц принял этот предмет за двухстворчатую

дверь. Грабар полагал, что здесь представлена стоящая перед скалой Фекла, обращенная к Господу с мольбой о помощи, а квадрат, разделенный крестообразной фигурой на четыре равные части, – святилище, вскоре возникшее на этом месте¹⁹. Если предположения Грабара верны (а их никто не оспаривает, хотя, похоже, и не разделяет²⁰), то мы имеем уникальную в христианском искусстве иллюстрацию важного эпизода жития первомученицы. И это, несомненно, еще больше повышает значение образа Феклы в росписи. При этом она становится главным смысловым действующим лицом всего живописного ансамбля.

Долгая жизнь первомученицы, оставшейся, по словам Исидора Пелусиота, "вечным столпом девства", жестокие физические и моральные испытания, выпавшие на ее долю, наконец, чудесное завершение ее жизненного пути – факты, наверняка оставившие неизгладимый след в памяти верующих и воспринимавшиеся как убедительные свидетельства безусловности и реальности защиты Господом своих чад.

Вышеизложенное, на мой взгляд, позволяет считать образ святой первомученицы, равноапостольной Феклы ключевым в росписи купола "часовни Исхода".

¹⁴ Vouaux L. Op. cit. P. 15–17 (описаны коптские рукописи, содержащие "Историю Феклы").

¹⁵ Каковкин А.Я. Образ святой Феклы в коптском искусстве // Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. Краткое содержание докладов. СПб., 1999. С. 48–51.

¹⁶ Прот. Георгий Фроловский. Восточные отцы IV-го в. 2-е изд. Париж, 1990. С. 94.

¹⁷ Grabar A. La fresque des saintes femmes au tombeau à Doura // Cahiers archéologiques. 1956. VIII. P. 27–36.

¹⁸ Айналов Д.В. [Рец.]: Бок В.Г. Материалы по археологии христианского Египта. СПб., 1901 // ВВ. 1902. Т. 9. С. 170.

¹⁹ Христианские святилища и мартриумы обычно отмечались крестами, см., например, ткань V в. с изображением Даниила из берлинского Музея позднеантичного и византийского искусства – Ägypten Schätze aus dem Wüstensand. Kunst und Kultur der Christen am Nil. Katalog zur Ausstellung. Wiesbaden, 1996. S. 366–368. N 420 b – и изображение св. Коллуфа рядом со своим святилищем в росписи "зала празднеств" в Карнаке.

²⁰ Г. Стерн (Stern H. Les peintures du musolée de l'Exode à el-Bagawat // Cahiers archeologiques. 1960. XI. P. 93–119) только упоминает об этом предположении Грабара.

ОБРАЗЫ МОНАХОВ И ГИМНОГРАФОВ ВО ФРЕСКАХ ЦЕРКВИ СВ. ПАНТЕЛЕИМОНА В НЕРЕЗИ (1164)*

Церковь св. Пантелеимона в Нерези находится на территории славянской Македонии, недалеко от ее столицы города Скопье. Надпись на мраморном хитраве над входом из нартекса в наос сообщает, что храм этот “святого и славно великомученика Пантелеимона” был возведен на средства Алексея Комнина, сына порфирородной Феодоры, в сентябре 1164 г., при игумене монахи Иоанникии¹. Упоминание игумена свидетельствует, что храм был монастырским. Ктитор его, как это выяснил профессор Острогорский, приходился внуком Алексею I Комнину. Он был сыном младшей дочери этого императора Феодоры и Константина Ангела².

Живописная декорация церкви св. Пантелеимона является выдающимся памятником комниновского искусства, создание которого большинство исследователей приписывают столичным мастерам³. Программа фресок отражает тематику богословских споров комниновского времени⁴. Памятник значительным тем, что в Константинополе ни один ансамбль монументальных росписей той поры до наших дней не сохранился. Насущная необходимость публикации церкви в Нерези была удовлетворена в недавно увидевшей свет монографии И. Синкевич, которая сделала этот памятник доступным для дальнейших исследований⁵. Темой настоящей статьи являются некоторые особенности составных святынь, изображенных в храме св. Пантелеимона.

В отличие от традиционного способа располагать образы святых так, чтобы “наос наполняли мученики, поделенные на несколько разрядов”, а “монахи находились в западной части церкви, охраняя вход в нартекс и наос”⁶, в Нерези монахи представлены в центральном пространстве. Опережая даже таких попу-

* В основе настоящей работы лежат доклады, представленные на Международном конгрессе медиевистов (университет города Лидс, Великобритания, июль 2001 г.) и на Лазаревских чтениях (МГУ, февраль 2003 г.).

¹ Кондаков Н.П. Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909. С. 174.

² Острогорский Г.А. Возвышение рода Ангелов // Юбилейный сборник Русского археологического общества в королевстве Югославии. Белград, 1936. С. 116–119.

³ См., например: Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 95–96; Джурич В. Византийские фрески. Средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония. М., 2000. С. 36–41.

⁴ Babić G. Les discussions christologiques et le décor des églises byzantines au XIIe siècle. Les Éveques officiants devant l'Hetoimasie et devant l'Amnos // Frühmittelalterliche Studien. B., 1968. Bd. 2. S. 368–386; Сарабянов Д.В. Программные основы древнерусской храмовой декорации второй половины XII века // Вопросы искусствознания. М., 1994. Вып. 4. С. 270–273; Sinkevič I. The Church of St. Panteleimon at Nerezi. Architecture, Programme, Patronage. Wiesbaden, 2000. (Spätantike – Frühes Christentum – Byzanz. Kunst im Ersten Jahrtausend. Reihe B: Studien und Perspektiven, 6). P. 37–43.

⁵ Sinkevič I. The Church of St. Panteleimon...

⁶ Демус О. Мозаики византийских храмов. М., 2001. С. 49.

лярных святых, как Димитрий и Георгий, или время как изображения воинов и других мучеников отодвинуты в западный рукав креста. Обращает на себя внимание многочисленность преподобных. Из двадцати шести святых, представленных в основном пространстве храма, шестнадцать – монахи. Все они (кроме одного) изображены со свитками. Надписи именами не сохранились, однако характерные иконографические признаки позволяют идентифицировать святых. Так, среди монахов, изображенных в южном рукаве креста, легко опознаются свв. Антоний Великий, Павел Фивейский, Евфимий Великий, Савва Освященный, Арсений Великий, Ефрем Сирийский (рис. 1)⁷. В противоположном рукаве креста, на северной его стене представлена группа монахов-гимнографов: Козьма Маюмский, Иоанн Дамаскин, Феодор Студит, Феофан Начертанный, Иосиф Сицилийский (рис. 2)⁸. Все они держат свитки, надписанные поэтическими строками, которые им действительно принадлежат или по крайней мере приписываются традицией⁹. У Козьмы Маюмского – начало первого тропаря пятой песни канона на Великий Четверг¹⁰:

‘H tò áσχeton κρατοῦσα, καὶ ὑπερῶν ἐν αἰθέρι ὕδωρ, ἡ ἀβύσσος χαλινοῦσα καὶ θαλάσσης...¹¹ (рис. 3).

Неодержимую держащая и превыспреннюю на воздухе воду, бездны обуздающая и моря...¹²

В триоди этот канон стоит на утрени, однако пятая его песнь исполнялась также при ритуале Омовения ног¹³. Кроме того, в модифицированном виде канон Великого Четверга исполняется на повечерии 4 января и 22 декабря¹⁴.

⁷ Sinkevič I. The Church of St. Panteleimon... Fig. LI, LII. В исследовании Синкевич не был идентифицирован Ефрем Сирийский, представленный по левую руку от Арсения Великого (fig. LII).

⁸ Ibid. Fig. LVII; Babić G. Les moines-poètes dans l'église de la Mère de Dieu à Studenica // Студеница и византийска уметност око 1200 године [Међународни научни скуп поводом 800 година манастира Студенице и стогодишнице САНУ, септембар 1986]. Београд, 1988. P. 205–207.

⁹ Эти святые жили в эпоху иконоборчества: Козьма (ок. 675–752) и Иоанн (ок. 675–749) – на ранней его стадии, Феодор (759–826), Феофан (778–845) и Иосиф (812–886) – в более поздний период. Козьма и Иоанн являются ярчайшими представителями палестинской гимнографической школы с центром в монастыре св. Саввы близ Иерусалима; Феодор, Феофан и Иосиф творили в Константинополе. Об их жизни и творчестве см.: Каждан А.П. История Византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002. С. 106–131, 146–170, 305–336, 349–351.

¹⁰ Τριώδιον κατανυκτικόν περιέχον ἅλασαν τὴν ἀνήκουσαν αὐτῷ ἀκολουθίαν τῆς Ἁγίας καὶ Μεγάλης Θεοσσαροοστής. Αθήνα, 1960. Σ. 382.

¹¹ Надпись была опубликована в кн.: Барииш Фр. Грчки натписи на монументалном живопису // ЗРВИ. 1967. Т. 10. С. 55; см. также: Babić G. Les moines-poètes... P. 207; Sinkevič I. The Church of St. Panteleimon... P. 63.

¹² Триодъ Постная / Изд. Московской Патриархии. М., 1992. Служба Утрени на Великий Четверг.

¹³ См.: Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1. Киев, 1895. С. 548; Arranz M. Le Typicon du Monastère du Saint-Sauveur à Messine. Codex Messinensis gr. 115. AD 1131 (Orientalia Christiana Analecta, 185). Roma, 1969. P. 235; Лисицын М. Первоначальный славяно-русский типикон. СПб., 1911. С. 226.

¹⁴ Μηναῖον τοῦ Ἰανουαρίου περιέχον ἅλασαν τὴν ἀνήκουσαν αὐτῷ ἀκολουθίαν, μετὰ καὶ τῆς προσθήκης τοῦ τυπικοῦ. Βενετία, 1843. Σ. 34; Μηναῖον τοῦ Δεκεμβρίου περιέχον τὴν πρέπουσαν αὐτῷ ἅλασαν ἀκολουθίαν μετὰ καὶ τοῦ τυπικοῦ. Κωνσταντινούπολη, 1843. Σ. 196. По непонятной причине И. Синкевич и Г. Бабич не упоминают, что слова на свитке Козьмы принадлежат канону на Великий Четверг и ссылаются только на каноны в Минее.

Слова на свитке Иоанна Дамаскина принадлежат второму канону на Рождество Христово, а точнее – ирмосу девятой его песни:

Στέργειν μὲν ἡμᾶς ὡς ἀκύνδυνον φόβῳ, ῥῶον σωτηρίῃ τῇ πόθῳ δὲ παρθένε... (рис. 4).

Любити убо нам яко безбедное страхом удобя молчание, любовию же Даво [песни ткати, спротивленно сложенные, неудобно есть]...¹⁶

Свиток Феодора Студита содержит отрывок из второго антифона на воскресной утрени восьмого гласа, в том числе в Неделю Всех Святых:

Ἦ καρδία μου τῇ φόβῳ σου σκελέσθω, ταπεινοφρονοῦσα· μὴ ὑψωθείς ἐκλέση, ἐκ σοῦ Πανουκτεῖρμον!¹⁷ (рис. 5).

Сердце мое страхом твоим да покроется, смиренномудрствующи, да не вознесшееся отпадет от тебя всещедре!¹⁸

На свитке Феофана Начертанного написано:

Θεοφάνους ὁ πρῶτος Ἀγγέλων ὕμνος (рис. 6).

Феофана первое ангелам пенье¹⁹.

Это не что иное, как акростих канона Ангелам первого гласа. Он исполняется на утрени в понедельник²⁰.

Свиток Иосифа Сицилийского гласит:

Δέχοιο, Χριστέ, τοῦοδε τοὺς ἔμοὺς ὕμνους (рис. 7).

Прими, Христе, все мои песни²¹.

Следует полагать, что здесь мы имеем дело со слегка видоизмененным акростихом Покаянного канона Иосифа для вторичной утрени первого гласа, который в оригинале звучит: “Δέχοις τοὺς δέ, τοὺς ἔμοὺς λόγους, Λόγε. Ἰωσήφ”²².

Очевидно, что содержательно тексты гимнографов не связаны между собой, так же как не связаны они с какой-либо композицией или образом, представленным в храме²³. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что все цитируемые песнопения были предназначены для утрени. Причем отрывки подобраны так, чтобы представить эту службу как можно шире, в различные периоды литургического года. Канон Козьмы взят из Постной Триоди, т.е. соот-

ветствует периоду Великого поста, антифон Феодора Студита – из Цветной Триоди послепасхального периода, канон Иоанна Дамаскина – из Минеи, а строки на свитках Феофана и Иосифа – из повседневного цикла Октоиха.

Напомним, что утрени с канонам становится характерной чертой константинопольского монастырского богослужения после иконоборческого кризиса. Реформа, произошедшая в тот период, связана с именем Феодора Студита²⁴. Под его руководством более раннее богослужение константинопольских монахов-акимитов было оставлено в пользу нового устава, соединившего в себе существенные элементы обряда Великой церкви и Палестины. Предполагается, что синтез этот произошел в Малой Азии, где обе традиции были сильны и где подвизался сам преподобный Феодор до того, как обосноваться в Студийском монастыре²⁵. Начиная с IX в. Студийский устав находится в постоянном развитии, принимает в себя новые элементы из Великой Церкви, и сам в свою очередь воздействует на соборное и на палестинское богослужение. Полные ктиторские типиконы студийского типа появляются в XI в. В том же столетии происходит вторая важнейшая реформа византийского обряда.

В 1009 г. халиф аль-Хаким разрушил христианские храмы Иерусалима, после чего палестинские монахи, вынужденные восстанавливать свое богослужение, обращаются к Студийскому уставу и перерабатывают его²⁶. Так же, как и студийский, новосавваитский синтез, должен быть, произошел в Малой Азии²⁷. Результат его в своих главных чертах приближается к современному Иерусалимскому обряду. В Константинополе по нему начинают служить уже во второй половине XI в., о чем позволяет судить типикон монастыря Богоматери Еввергетиды (основан в 1048–1049 гг.)²⁸.

Согласно Р. Тафту, одной из важнейших черт новосавваитского синтеза было исполнение девятипесенного канона на будничной утрени²⁹ (акростихи таких канонов демонстрируют Феофан и Иосиф в Нерези). По мнению автора, полный поэтический канон первоначально предназначался лишь для утрени воскресенья и некоторых праздников. В период ранних студийских гимнографов, т.е. в IX в., на каждый день полагались каноны из трех песен, так называемые трипеснцы, а в субботу – из четырех. Полный же канон по будням появляется лишь в период новосавваитского синтеза. Данную гипотезу Р. Тафта принимают не все литургисты. Привожу ее как одно из возможных объяснений того, почему именно в комниновскую эпоху появляется образ гимнографа в византийском искусстве. Понятно, что значительное увеличение привлекаемых на службе песнопений должно было вызвать интерес к песнотворцам.

В тот же комниновский период завершается формирование основных гимнографических антологий. Первоначально церковные песнопения группировались согласно жанру. Позже их стали распределять по циклам литургического года. Так возникли Октоих, Триодь, Минея. В XII в. оформляется Большой ок-

¹⁵ Μηναῖον του Δεκεμβρίου... 1843. Σ. 249. Надпись была опубликована: *Babić G. Les moines-poètes...* P. 207; *Sinkević I. The Church of St. Panteleimon...* P. 63.

¹⁶ Минея на декабрь / Изд. Московской Патриархии. М., 1980. Канон на утрени 25 декабря.

¹⁷ Πεντηκοστήριον χαρμοσυρόν. Αθήνα, 1959. Σ. 232. Надпись опубликована: *Mouriki D. The Portraits of Theodore Studites in Byzantine Art // JÖB. 1971. Bd. 20. P. 261; Babić G. Les moines-poètes...* P. 207; *Sinkević I. The Church of St. Panteleimon...* P. 62.

¹⁸ Триодь Цветная / Издание Московской Патриархии. М., 1992. Служба Утрени на Воскресенье Всех Святых.

¹⁹ Г. Бабич, которая не идентифицировала надпись на свитке Феофана, читает ее следующим образом: “Ο πρῶτος Ἀγγέλων ὕμνος”. *Babić G. Les moines-poètes...* P. 207. И. Синкевич предложила иное чтение: “Θεοφάνης ὁ Γραπτός ὁ πρῶτος Ἀγγέλων ὕμνος”. *Sinkević I. The Church of St. Panteleimon...* P. 64. Иначе говоря, первая исследовательница опускает имя гимнографа, а вторая игнорирует его родительный падеж.

²⁰ Παρακλητική σὺν Θεῷ Ἀγίῳ περιέχουσα τὴν πρέπουσαν αὐτῇ ἄλασαν ἀκολουθίαν. Ἐνέστιν, 1819. Σ. 17. Перевод канона на старославянский см. в кн.: Октоих / Издательство Московской Патриархии. М., 1994. Второй канон первого гласа на недельничной утрени.

²¹ Надпись опубликована: *Babić G. Les moines-poètes...* P. 207; *Sinkević I. The Church of St. Panteleimon...* P. 65.

²² Παρακλητική ... Σ. 24. Перевод канона на старо-славянский см.: Октоих. Первый канон первого гласа на вторичной утрени. И. Синкевич никак не идентифицирует слова на свитке Иосифа. Г. Бабич ссылается на: Παρακλητική σὺν Θεῷ Ἀγίῳ / Curante Ph. Vitali. Roma, 1738. P. 26. Я не имела возможности работать с этим изданием, но предполагаю, что Г. Бабич ссылается на акростих Покаянного канона первого гласа.

²³ Иного мнения придерживается И. Синкевич (*Sinkević I. The Church of St. Panteleimon...* P. 65).

²⁴ *Taft R.F. Mount Athos: A Late Chapter in the History of the Byzantine Rite // DOP. 1988. Vol. 42. P. 182; Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд. СПб., 2000. С. 62–63.*

²⁵ *Пентковский А. Студийский устав и уставы студийской традиции // Журнал Московской Патриархии. 2001. Вып. 5. С. 73.*

²⁶ *Taft R.F. Mount Athos...* P. 187; *Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд...* С. 96.

²⁷ *Пентковский А. Студийский устав...* С. 75–78.

²⁸ *Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей...* Т. 1. С. 256–656; *Byzantine Monastic Foundation Documents / Ed. J.Ph. Thomas and A. Constantinides-Hero. Vol. 1–4. Washington, 2000. (Dumbarton Oaks Studies, 35). Vol. 2. P. 454–506.*

²⁹ *Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд. С. 96–99; Тафт Р.Ф. Mount Athos...* P. 189.

тоих, или Параклитики³⁰. Напомню, что все эти книги представлены на свитке гимнографов в Нерези.

Наиболее почитаемыми византийскими песнотворцами были и до сих пор остаются Иоанн Дамаскин и Козьма Маюмский. Пик их популярности, по мнению исследователей, приходится на XII в. – время, когда произведения палестинских гимнографов активно изучаются и толкуются³¹. Комментарии на их каноны писали Григорий Парда³², Феодор Продром³³, Евстафий Солунский³⁴, Иоанн Зонара³⁵.

Первое дошедшее до наших дней изображение гимнографа – это портрет Иоанна Дамаскина в Омилиях Григория Назианзина, код. Taphou 14 Греческого Патриархата в Иерусалиме второй половины XI в. (f. 93)³⁶. Известно и более раннее его изображение в рукописи IX в. *Sacra Paralella* (f. 146 r)³⁷. Однако там, как и в “Догматическом всеоружии” Зигавина начала XII в. (Vatic. gr. 666, f. 1 v)³⁸, Иоанн Дамаскин представлен скорее как систематизатор церковной мысли и борец за чистоту православного вероучения, нежели как песнотворец. Напротив, в рукописи Греческого Патриархата, где его образ помещен рядом с Рождеством в заставке к соответствующему слову, Иоанн Дамаскин фигурирует в первую очередь как автор известного канона на Рождество Христово, т.е. гимнограф³⁹. Происхождение рукописи, а следовательно, и самой иконографии песнотворца – константинопольское. С этого момента отличительной чертой гимнографа в византийском искусстве становится чалма. Примечательно, что и в Священных параллелях и в Догматической паноплии этот головной убор отсутствует.

Если принять датировку бачковских фресок концом XI или началом XII в., как это предлагают Л. Мавродинова⁴⁰, Д. Мурики⁴¹ и О.С. Попова⁴², то портрет

реты Иоанна Дамаскина и Козьмы Маюмского в этой церкви оказывается вторым по времени изображением гимнографов в византийском искусстве. В данном случае они фланкируют сцену Успения на западной стене храма. На свитке Козьмы – строки из стихир, исполняемой на утрени этого праздника. Свиток Дамаскина также посвящен Богоматери⁴³. Далее их образы были включены в программу росписей XII в. в церкви св. Пантелеимона и Николая в Бояне. На этот раз – по сторонам от композиции Распятие. Содержание сцены как бы комментируется словами на свитке Дамаскина, взятыми из канона воскресной утрени⁴⁴.

Около 1164 г. во фресках Нерези впервые рядом с Козьмой Маюмским и Иоанном Дамаскиным были представлены Иосиф Сицилийский и Феофан Начертанный. Затем аналогичная группа вводится в декор Лагудера (1192)⁴⁵. Образы песнотворцев там соотнесены с Богоматерью в конхе и с Мандилионом. Те же гимнографы представлены в миниатюрах мессинского октоиха (*San Salvatore*, 51) конца XII в.⁴⁶ Эта книга содержит песнопения субботнего вечера и воскресенья. Несмотря на то что составление ее приписывается Дамаскину, художник счел необходимым изобразить рядом с ним трех других прославленных поэтов.

В начале XIII в. Иоанн Дамаскин и Козьма Маюмский фланкируют Распятие в Трапезной на Патмосе. В сцене Оплакивания в том же ансамбле изображен гимнограф Марк Идрунтский⁴⁷. Сделать такой вывод позволяет содержание его свитка. На нем – строки второго тропаря из Канона Великой Субботы. В Панагии Амасгу в Монагри на Кипре на восточном склоне арки, обрамляющей сильно утраченную композицию Введение во храм, представлены Иоанн Дамаскин и Козьма Маюмский, напротив – Иосиф и неизвестный монах, быть может, тоже гимнограф⁴⁸. В южном притворе Богородичной церкви в Студенице (1208) были изображены Иоанн Дамаскин, Феофан и Феодор Начертанные, Иосиф Сицилийский. Вероятно, и Андрей Критский, представленные на слое фресок XVI в., фигурировали также в первоначальной росписи притвора⁴⁹. Более поздние памятники, в которых есть образы поэтов, перечислять здесь нет надобности.

Несмотря на то что перу Феодора Студита приписывается немалое количество поэтических произведений, в обществе других песнотворцев он изображается нечасто. Слава студийского игумена как составителя правил монашеской жизни и апологета иконопочитания, по-видимому, затмевала значение его поэтического наследия. Тем не менее центральное место Феодора Студита в группе гимнографов в Нерези вряд ли может удивить. Известно, что преп. Феодор высоко ценил

³⁰ Arranz M. История типикона. Опыт. Л., 1978. С. 67.

³¹ Demetarakopoulos A. The Exegeses of the Canons in the Twelfth Century as a School Texts // Δίπτυχα. 1979. Vol. 1. P. 143–158; Ronchey S. An Introduction to Eustathios' Exegesis in canonem iambicum // DOP. 1991. Vol. 45. P. 155.

³² Κορίνθ. Γρηγορίου του Κορινθίου Εξηγήσεις εις τους ιερούς λειτουργικούς κανόνες Ιωάννου του Δαμασκηνού και Κοσμά του Μελωδού // Akten des XI. Internationalen Byzantinisten Kongress. München, 1958. S. 248–253; Montana F. I canonii giambici di Giovanni Damasceno nelle feste di Natale, Teofania e Pentecoste nelle esegesi di Gregorio di Corinto // Koinonia. 1989. Vol. 13. P. 31–49.

³³ Theodore Prodromos. Commentarii in carmina sacra melodorum Cosmae Hierusolymitani et Ioannis Damasceni / Ed. H.M. Stevenson. Roma, 1888.

³⁴ Ronchey S. An Introduction... P. 149–158; Idem. L'Exegesis in canonem iambicum di Eustazio di Tessalonica // Aevum. 1985. Vol. 59. P. 241–266.

³⁵ Κορίνθ. Γρηγορίου του Κορινθίου Εξηγήσεις... Σ. 252. Σημ. 27.

³⁶ Βοκοτόπουλος Π. Μικρογραφίες των βυζαντινών χειρογράφων του Πατριαρχείου Ιεροσολύμων. Αθήνα, 2002. Σ. 124–174.

³⁷ Weitzmann K. The Miniatures of the Sacra Paralella, Parisinus graecus 923. Princeton, 1974. Pl. CLIII. Fig. 713.

³⁸ Spatharakis J. Corpus of Dated Illuminated Greek Manuscripts. Leiden, 1981. Vol. 2. N 126. Pl. 240–241. Копия этого манускрипта хранится в московском ГИМе, код. син. греч. 387. См.: Лазарев В.Н. История византийской живописи. С. 223 (примеч. 44); Искусство Византии в собраниях СССР. Искусство IX–XII вв. М., 1977. № 513. С. 58–59.

³⁹ Babić G. Les moines-poètes... P. 208.

⁴⁰ Датирует бачковские фрески второй четвертью XII в. См.: Mavrodinova L. Sur la datation des peintures murales de l'église-ossuaire de Backovo // Αρμός. Τιμητικός τόμος στον καθηγητή Ν.Κ. Μουτοόπουλο. Θεσσαλονίκη, 1991. Σ. 1121–1140.

⁴¹ Предлагает датировать эти фрески 80-ми годами XI в. См.: Mouriki D. The Formative Role of Byzantine Art on the Artistic Style of the Cultural Neighbours of Byzantium // XVI Internationaler Byzantinisten Kongress. Akten. 1/2. Wien, 1981. (JÖB, 31/2). S. 733–736.

⁴² Попова О.С. Фрески Дмитриевского собора во Владимире и византийская живопись XII в. // Дмитриевский собор во Владимире. К 800-летию создания. М., 1997. С. 95, 115–116 (примеч. 33).

⁴³ Бакалова Е. Бачковската костница. София, 1977. С. 83–84.

⁴⁴ Она же. Литургия и искусство в XII в. (по материалам памятников живописи на территории Болгарии) // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 58–62; Пенкова Б. О системе декорации фресок в Боянской церкви // Там же. С. 50–51.

⁴⁵ Nicolaidès A. L'église de la Panagia Arakiotissa à Lagoudéra, Chypre: étude iconographique des fresques de 1192 // DOP. 1996. Vol. 50. P. 30–32.

⁴⁶ Weyl Carr A. Illuminated Musical Manuscripts in Byzantium: A Note on the Late Twelfth Century // Gesta. 1981. Vol. 28/1. P. 41–52.

⁴⁷ Ορλάνδος. Η αρχιτεκτονική και αι βυζαντιναι τοιχογραφίαι της Μονής Θεολόγου Πάτμου. Αθήνα, 1970. Σ. 226, 233–236. Plv. 90, 94.

⁴⁸ Boyd S. The Church of the Panagia Amasgou, Monagri, Cyprus, and its Wall Paintings // DOP. 1974. Vol. 28. P. 314–315. Fig. 46–48.

⁴⁹ Babić G. Les moines-poètes... P. 205–216.

палестинскую гимнографию и поощрял развитие ее традиций в Константинопольском Студийском монастыре при нем становится важным центром гимнографического творчества. В этот период были созданы степенные антифоны и аллилурии самого Феодора Студита, седмичные песнопения Октоиха и Триоди⁵⁰. Расположен преп. Феодора в Нерези между Козьмой Маюмским и Иоанном Дамаскином, с одной стороны, и Феофаном и Иосифом Гимнографами, с другой, соответствует роли как связующего звена между поэтами Савваитской и Студийской школ.

Не менее значительна связь Феодора Студита с монахами, изображенными на противоположной стене. Лидер константинопольских монахов был помещен напротив Евфимия Великого и Саввы Освященного, основателя палестинского монашества и создателя его устава соответственно⁵¹. Тем самым в пространстве храма создана ситуация диалога, которая отражает процесс формирования византийского церковного обряда в ходе постоянного взаимообмена между палестинскими и константинопольскими монахами.

Образы преподобных в Нерези, как уже отмечалось, приближены к самому алтарю. Подобное решение нельзя объяснить только тем, что церковь монастырская. Ни в одном другом монастырском храме до Нерези монахи не изображались в центральном пространстве. Даже в Осиос Лукас с его многочисленными образами преподобных ни один монах не оказывается в подкупольной части. Представляется, что их возвышенное положение в росписях Нерези отражает растущую роль монашеского богослужения, которое на протяжении XIII в. уже практически полностью вытеснит обряд Великой Церкви⁵². С другой стороны, исключено, что воздействие на составителя программы оказало возрождение идеи сильного независимого монастыря⁵³. Центром монастырского возрождения, по определению Джона Томаса, монастырской реформы⁵⁴ была обитель Богоматери Евергетиды, та самая, типикон которой одним из первых демонстрирует приближение к Иерусалимскому чину. Целью реформы было прекратить передачу монастырей для управления и надзора светским лицам-харистикариям, пресечь расхищение монастырского имущества. С момента своего основания Евергетидский монастырь был провозглашен независимым и самоуправляющимся. Отчуждение монастырского имущества характеризуется в его типиконе как святотатство⁵⁵. В конце XI в. идеи реформы были восприняты патриархом Николаем Грамматиком и самим Алексеем I Комнином⁵⁶. В XII в. Евергетиды играют роль своего рода эталона. Многие члены императорской семьи берут ее типикон за образец при составлении уставов своих монастырей. Таковы типикон императрицы Ирины Дукены-Комнины для монастыря Богоматери Кехаритомены (ок.

1110–1116 гг.)⁵⁸, типикон севастократора Исаака Комнина для монастыря Богоматери Космосотиры (1152)⁵⁹. По собственному признанию Исаака, он знал многих “мудрых людей”, которые позаимствовали Евергетидский устав для своих монастырей. “Следуя их примеру”, он также отдает предпочтение именно Евергетидскому, а не какому либо иному известному в то время типикону⁶⁰. “Как принятым уже и вошедшим в обычай” Евергетидским уставом предписывает руководствоваться в богослужении типикон константинопольского монастыря св. Маманта (1158)⁶¹. Автор его, Афанасий, до того как стать настоятелем в св. Маманте, был управляющим в императорском монастыре Христа Филантропоса⁶², где, следует полагать, также руководствовались Евергетидским типиконном. Поскольку ктитор церкви в Нерези был членом той самой императорской фамилии (Ирина Дукена приходилась ему бабушкой, Исаак – дядей), можно с большой долей вероятности предположить, что, создавая около 1164 г. правила для своего монастыря, он также ориентировался на типикон Евергетиды. В конце XII в. Савва Сербский делает перевод Евергетидского типикона для монастыря Хиландар на Афоне⁶³, а затем его принимают в Студенице, где была церковь, посвященная Богоматери Евергетиде⁶⁴.

Такая влияние Евергетидского монастыря, по-видимому, объясняется его высоким духовным авторитетом. Отчасти это связано с тем, что основатель обители, Павел, был автором популярного в Византии четырехтомного монашеского флорилегия, так называемого *Ἐβεργέτινός*⁶⁵. Кроме того, Комнинов должно было привлекать закрепленное в Евергетидском типиконе требование киновиного устройства⁶⁶. Монахи-одиночки были дестабилизирующим элементом для империи. Общежительные монастыри легче поддавались контролю. Возрожденный в Евергетиде идеал общинной жизни сохранял свое значение на протяжении всего XII в. Причем к 60-м годам, судя по сохранившимся типиконам, нетерпимость по отношению к альтернативным формам монашеской жизни нарастает⁶⁷. В этой связи можно еще раз отметить выдающееся место Феодора Студита в нерезской церкви. Его личность была близка реформаторам XII в. В свое время преп. Феодор являлся сторонником общежития. Подобно деятелям комниновской эпохи, он возрождал киновию в период, когда во многих монастырях от этой формы жизни отказались⁶⁸.

⁵⁸ Брат Ирины, Иоанн Дука, был монахом в Евергетиде. *Thomas J. Ph. Documentary Evidence From the Byzantine Monastic Typica...* P. 258–260; *Byzantine Monastic Foundation Documents*. Vol. 2. P. 649–724.

⁵⁹ *Thomas J. Ph. Documentary Evidence From the Byzantine Monastic Typica...* P. 260–261; *Byzantine Monastic Foundation Documents*. Vol. 2. P. 782–858.

⁶⁰ *Ibid.* P. 801.

⁶¹ *Ibid.* P. 1002. Цит. по: Скабалланович М. Толковый типикон. М., 1995. С. 403. Примеч. 1.

⁶² *Thomas J. Ph. Documentary Evidence From the Byzantine Monastic Typica...* P. 263.

⁶³ Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд. С. 99.

⁶⁴ Радојчић Ђ. Зашто је Студеница посвећена св. Богородици Благодетелици (Евергетиды) // Богословље. 1936. XI. С. 294–300, 405–411; Джурич В. Византийские фрески... С. 88.

⁶⁵ Richard M. *Florilèges spirituels // Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique / Ed. M. Viller*. Vol. 5. P., 1962. Col. 499–510.

⁶⁶ Angold M. *Church and Society in Byzantium...* P. 285, 294–295, 347; *Byzantine Monastic Foundation Documents*. Vol. 2. P. 459.

⁶⁷ *Byzantine Monastic Foundation Documents*. Vol. 3. P. 863.

⁶⁸ Leroy J. *La réforme studite // Orientalia Christiana Analecta*. 1958. Vol. 153. P. 181–214. В другой своей работе Леруа отмечает: “Un monastère comme celui de la Théotocos Evergétis, qui semble avoir été à l'origine d'un mouvement de renouveau cénobitique dans la seconde moitié du XIe s., est manifestement dans le sillage de la spiritualité studite”, см.: Leroy J. *La vie quotidienne du moine studite // Irénikon*. 1954. Vol. 27. P. 26.

⁵⁰ Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд. С. 74; Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 152.

⁵¹ О Евфимии и Савве см.: ODB. Vol. 2. P. 756–757; Vol. 3. P. 1823; Μουρίκι Ντ. Τα ψηφιδωτά της Νέας Μονής Χίου. Αθήνα, 1985. Σ. 182–183.

⁵² Chatzidakis N. *Hosios Loukas. Byzantine Art in Greece. Mosaics and Wall Paintings*. Athens, 1997.

⁵³ Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд. С. 94; Арранц М. История типикона... С. 10.

⁵⁴ См.: Angold M. *Church and Society in Byzantium Under the Comneni, 1081–1261*. Cambridge, 1995. P. 294–295; *Thomas J. Ph. Private Religious Foundations in the Byzantine Empire*. Washington, 1987. (Dumbarton Oaks Studies, 24). P. 186–213; *Idem. Documentary Evidence From the Byzantine Monastic Typica for the History of the Evergetine Reform Movement // The Theotokos Evergetis and Eleventh-century Monasticism / Ed. Mullett M., Kirby A. Belfast, 1994. (Papers of the Third Belfast Byzantine International Colloquium, 1–4 May 1992). P. 257–261; Byzantine Monastic Foundation Documents*. Vol. 2. P. 441–453.

⁵⁵ *Thomas J. Ph. Documentary Evidence From the Byzantine Monastic Typica...*

⁵⁶ *Byzantine Monastic Foundation Documents*. Vol. 2. P. 460, 462.

⁵⁷ *Ibid.* Vol. 2. P. 618–619.

Возвышение монашеских образов в церкви св. Пантелеимона в Нерези — единственный случай в византийском искусстве XII в. Ему можно найти аналогии среди фресковых ансамблей позднекомниновского времени. Нужно иметь в виду, что не все из них принадлежат монастырским храмам⁶⁹. Наиболее яркий, единственный в своем роде пример — это росписи Энклистры Неофита близ Пфоса на Кипре (1183 и 1200 гг.)⁷⁰. Образы преподобных в них абсолютно преобладают, а сам Неофит уже при жизни занял место среди ангелов⁷¹. Обращают на себя внимание многочисленность и укрупненный масштаб монашеских образов в церкви Панагия Крина на Хиосе (конец XII в.)⁷². Расположенные в центральной зоне росписей они идут по всему периметру этого октагонального храма, включая лишь алтарную его часть. Вблизи алтаря изображены монахи в церкви св. Пантелеимона в Бизарьяно (район Ираклиона) на Крите (ок. 1200 г.)⁷³. Наконец, в самом алтаре помещены образы Евфимия Великого и Иоанна Каливита Евангелистрии в Гераки (конец XII в.)⁷⁴ и образ Луки Стирита в Епископи в Мани (ок. 1200 г.)⁷⁵. В той же церкви Епископи в конхе жертвенника представлен Антоний Великий, а в конхе дьяконника — Феодосий Киновиарх⁷⁶. В церкви того же времени Агиос Стратигос в Мани Феодосий Киновиарх занимает конху жертвенника⁷⁷. Можно предположить, что образы монахов в алтарном пространстве связаны с местной традицией, характерной именно для Южной Греции (Гераки, Мани). Но ведь и в Лагудера на Кипре монахи-гимнографы изображены в алтаре. По крайней мере с XI в. алтарь — это пространство для изображений епископов⁷⁸. Тот факт, что в конце XII столетия туда “пробираются” монахи, весьма красноречив и свидетельствует о росте их авторитета⁷⁹.

⁶⁹ Например, Панагия Крина на Хиосе. Ктирор этого храма, Евстафий Кодратос, был святым человеком. Тем не менее в декорации своей фамильной церкви он отводит значительное место образам монахов. (Литература, посвященная этому памятнику, приведена ниже в примеч. 72.)

⁷⁰ Mango C., Hawkins E.J.W. The Hermitage of St. Neophitos and its Wall Paintings // DOP. 1966. Vol. 20. P. 119–207; Stylianou A., Stylianou J.A. The Painted Churches of Cyprus. Treasures of byzantine Art. Nicosia, 1997. P. 351–369.

⁷¹ Stylianou A., Stylianou J.A. The Painted Churches... Pl. 217.

⁷² Памятник не опубликован. См. о нем: Pennas Ch. An Unusual “Deesis” in the Narthex of Panagia Krena, Chios // Δελτίον της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας Пер. Т. IZ. Αθήνα, 1994. Σ. 193–198; Πέννας Χ. Οι κτίτορες της Παναγίας Κρήνας στη Χίο // Δέκατο πέμπτο συνέδριο βυζαντινής και μεταβυζαντινής αρχαιολογίας και τέχνης. Αθήνα, 1995. Σ. 62–63.

⁷³ Skawran K.M. The Development of Middle Byzantine Fresco Painting in Greece. Pretoria, 1988. P. 182; Gallas Kl., Wessel Kl., Borboudakis M. Byzantinisches Kreta. Munich, 1983. S. 402–403; Ανδριανάκης Μ. Νέα στοιχεία και απόψεις για την μνημειακή τέχνη της Κρήτης κατά τη βυζαντινή περίοδο // Acts of the 6th International Cretological Congress. Athens, 1991. P. 1; Παπαδάκη-Οέκλαντ S. Patrons and Artistic Production in Crete During the Twelfth Century. Preliminary Approach // Древнерусское искусство... С. 40, 42.

⁷⁴ Μουτσόπουλος Ν.Κ., Δημητροκάλλης Γ. Γεράκι. Οι εκκλησίες του οικισμού. Θεσσαλονίκη, 1981. Σ. 85–136.

⁷⁵ Δρανδάκης Ν.Β. Βυζαντινές τοιχογραφίες της Μέσα Μάνης. Αθήνα, 1995. Σ. 151–212. Εικ. 15.

⁷⁶ Ibid. Εικ. 16, 17.

⁷⁷ Ibid. Σ. 408–458. Εικ. 25.

⁷⁸ Walter Chr. Art and Ritual of the Byzantine Church. L., 1982. P. 161–177, 241.

⁷⁹ Μοναхи в этот период усваивают папскую роль, в их руки все больше переходит исповедь, ранее бывшая прерогативой епископа. См.: Angold M. Church and Society in Byzantium... P. 379–380. Отмечу, что выдающееся место монахов в декорации храмов характерно также для русского искусства XII в. Многочисленные образы преподобных фигурируют в росписях купола северо-западной башни Георгиевского собора новгородского Юрьева монастыря (1128–1132) (Сарабянов В.Д. Росписи северо-западной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря // Древнерусское искусство... С. 380–387, 394–395).

Интересные параллели особенностям состава святых в церкви св. Пантелеимона в Нерези можно обнаружить в области иллюстрированных рукописей. В ватиканском и парижском манускриптах Омелий Иакова Коккиновафского (Vat. gr. 1162 (рис. 8) и Paris. gr. 1208)⁸⁰ второй четверти XII в. одна из миниатюр в слове на Зачатие Богоматери изображает Всех Святых, созданных на празднование этого события (f. 6r). Следует отметить, что образы на миниатюре очень близки святым, представленным в Нерези. Хотя имена их не подписаны, портретное сходство изображенных на фресках и в манускрипте епископов, воинов и монахов позволяет сделать вывод, что выбор святых практически совпадает в двух памятниках. Подобно нерезским монахи в Омелиях занимают выдающееся место. Возвышенные до уровня епископов, они стоят у трона Богоматери в верхнем регистре миниатюры. Все же остальные чины святых размещаются в нижней части сцены. В центре группы преподобных стоит лидер палестинского монашества Савва Освященный, рядом с ним — Феодор Студит, Евфимий, Арсений, Ефрем Сирин, Антоний Великий. Как и в Нерези, в состав монашеского ряда включены гимнографы.

Росписи Нерези и миниатюры Омелий Иакова Коккиновафского были связаны с ведущими столичными мастерскими. Иконографические программы обоих памятников отличаются продуманностью, интеллектуализмом. Выделение в них монашеских образов свидетельствует о повышенном интересе к монашеству и к монахам в византийском обществе той поры. Этот интерес был обусловлен, с одной стороны, реформой в области функционирования монастырей, с другой стороны, растущим влиянием монастырского богослужения. Состав монахов и их группировка во фресках Нерези раскрывают соответствующие роли палестинских и константинопольских монахов в развитии богослужения.

P.S. Вышедшее недавно в свет исследование Н. Паттерсон-Шевченко о гимнографах в Нерези (Patterson-Ševčenko N. The Five Hymnographers at Nerezi // Palaeoslavica. 2002. Vol. 10. N 2. P. 55–68) предлагает то же чтение и ту же интерпретацию текстов на свитках нерезских гимнографов, что и настоящее исследование.

В центральном пространстве представлены монахи в соборе Мирожского монастыря во Пскове (конец 1130-х — начало 1140-х годов) (Он же. Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. М., 2002. С. 68–69. Табл. VII–VIII). В церкви Спаса на Нередице подобные размещены не только в центральном пространстве храма, но и в алтарной его части (Пивоварова Н.В. К истокам идейного замысла росписи церкви Спаса на Нередице в Новгороде (1199 г.) // Древнерусское искусство... С. 466. Илл. 465, 472). Возвышение монашеских образов в русских храмах может быть связано с авторитетом Киево-Печерского монастыря. О его роли в духовной жизни Древней Руси см.: Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) СПб., 1996. С. 84–93.

⁸⁰ Hutter I., Canart P. Das Marienhomiliar des Mönches Jakobos von Kokkinobathos: Codex Vaticanus graecus 1162. Zürich, 1991; Stornajolo C. Miniature delle Omelie di Giacomo Monaco (cod. Vat. gr. 1162) e dell'Evangelario Greco Urbinate (cod. Vat. Urb. gr. 2). Roma, 1910; Omont H. Miniatures des homélies sur la Vierge du moine Jacques (Ms. grec. 1208 de Paris). P., 1927. (Bulletin de la Société française de reproduction de manuscrits à peinture, 11).

ВИЗАНТИЙСКИЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРАЗДНИЧНЫЕ ЛЕКЦИОНАРИИ (ТИП *Isel*)

Евангелие-апракос, или лекционарий, – одна из важнейших богослужебных книг Византийской Церкви. Это сборник отрывков из всех четырех Евангелий, расположенных в том порядке, в котором они читаются на богослужениях в течение всего года.

Многое остается неясным относительно начального этапа истории византийского лекционария; во всяком случае, древнейшие сохранившиеся рукописи свидетельствуют о том, что в VIII–IX вв. состав и характерная структура этих книги в общих чертах уже сформировались¹.

Выделяют два основных типа византийского лекционария: краткий (*Isesk*) и полный (*Iel*)². В рукописях первого типа на большую часть года предусмотрены чтения только по выходным дням и праздникам. Полный апракос имеет расширенный состав и содержит евангельские чтения почти на каждый день года.

В этой статье речь пойдет о более редком типе лекционария – так называемом праздничном, или сокращенном (*Isel*)³. Рукописи этого типа имеют несбалансированный состав и содержат лишь избранные чтения на самые важные праздники и некоторые особые дни. Как правило, это рукописи древние, роскошные и сделанные по каким-то специальным заказам. Для того, чтобы понять, в чем заключается их специфика, опишем вкратце структуру текста и способы иллюстрации более распространенных типов лекционариев – кратких и полных⁴.

Византийские лекционарии состоят из двух частей, называемых “синаксарий” и “менологий”. Первая часть включает в себя чтения на праздники подвижного цикла, которые отсчитываются от Пасхи и каждый год приходятся на разное время. Вторая часть содержит чтения на праздники неподвижного цикла, т.е. имеющие определенную дату. Эти чтения расположены в календарном порядке, с начала сентября и до конца августа. Оба цикла охватывают весь год и как бы накладываются друг на друга.

Первая часть, синаксарий, делится на четыре секции, причем в каждой из них преобладают чтения из одного из четырех Евангелий. В период от Пасхи до Пятидесятницы читается Евангелие от Иоанна. И в полных, и в кратких лекционариях в этой части предусмотрены чтения на каждый день. После Пятидесятницы в течение синаксария читается Евангелие от Матфея, а затем в течение

еще пятнадцати недель – Евангелие от Луки⁵. В полных лекционариях в этих двух частях тоже содержатся чтения на каждый день⁶, а в кратких лекционариях в секциях Матфея и Луки имеются чтения только на выходные дни. Наконец, в последней части синаксария, совпадающей с периодом Великого Поста, преобладают чтения из Евангелия от Марка. Как в кратких, так и в полных лекционариях в этой части есть чтения только на субботы и воскресенья. Исключение составляют первая и последняя недели Поста. Во многих рукописях есть чтения на каждый день первой недели Поста, и почти все лекционарии, даже праздничные, содержат чтения по крайней мере на некоторые будние дни Страстной седмицы.

После этого начинается менологий, который открывается чтением из Евангелия от Луки на первое сентября. В разных рукописях состав и количество чтений в этой части могут быть различны: в одних рассмотрены чтения на каждый день, в других есть всего по несколько чтений в месяц. После менологии часто помещаются чтения на разные случаи жизни: на освящение церкви, в случае землетрясения, нападения врагов, болезни и т.п. В конце синаксария или менологии также помещаются так называемые “одиннадцать утренних воскресных Евангелий”, которые по очереди читаются на утрене в течение большей части года.

Византийские Евангелия-апракос обычно украшали четырьмя портретами евангелистов, которые помещались перед началом соответствующих секций синаксария: Иоанн – перед чтением на Пасху, Матфей – на понедельник или субботу⁷ после Пятидесятницы, Лука – на понедельник или субботу после семнадцати недель Матфея, Марк – на субботу первой недели Великого Поста. Вторая часть лекционария, менологий, часто украшалась только орнаментальными заставками и инициалами. Обычно в начале менологии перед чтением на первое сентября помещали более крупную и красивую заставку. Самые ранние иллюстрированные византийские Евангелия-апракос были созданы в IX–X вв., однако большинство из них относятся к XI–XII вв. В наиболее роскошных рукописях некоторые чтения из обеих частей могли также украшаться изображениями соответствующих праздников, событий или святых, которые занимали целую страницу или помещались на полях, в заставках, в инициалах. Древнейший из сохранившихся лекционариев с обширным иллюстративным циклом – Трапезундское Евангелие (гр. 21 и 21a) из Российской национальной библиотеки в С.-Петербурге⁸, созданное, вероятно, в третьей четверти X в. Большая часть подробно иллюстрированных Евангелий-апракос относится к концу XI – началу XII в.; недавно эти рукописи стали предметом специального исследования М.-Л. Дозеал⁹.

⁵ После этого следуют четыре недели, предвещающие Великий Пост.

⁶ При такой системе каждое Евангелие оказывается прочитано целиком быстрее, чем за семнадцать или пятнадцать недель; поэтому в некоторые будние дни читается Евангелие от Марка.

⁷ В кратких апракосах миниатюра обычно помещалась перед чтением на субботу, а в полных – на понедельник.

⁸ Schwarz E.M. Das Lektionar von St. Petersburg. Vollständige Faksimile-Ausgabe im Originalformat der Handschrift Cod. gr. 21, gr. 21a der Russischen Nationalbibliothek in St. Petersburg. Bd. 1, 2. Graz; Moskau, 1994. Трапезундское Евангелие сохранилось фрагментарно; судя по всему, оно относится к типу краткого апракоса.

⁹ Dolezal M.-L. The Middle Byzantine Lectionary: Textual and Pictorial Expression of Liturgical Ritual. Vol. 1, 2. University of Chicago, 1991 (диссертация, на правах рукописи). Несколько раз появлялись сведения о том, что исследовательница готовит к печати монографию по этой теме; насколько мне известно, ее книга еще не вышла. Об иллюстрировании Евангелия-апракос в Византии см. также: Weitzmann K. The Narrative and Liturgical Gospel Illustrations / Weitzmann K. Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination / Ed. H.L. Kessler. Chicago; London, 1971. P. 247–270; Anderson J.C. The New York Cruciform Lectionary. University Park; Pennsylvania, 1992. P. 1–12; Dolezal M.-L. Illuminating the Liturgical Word. Text and Image in a Decorated Lectionary (Mount Athos, Dionysiou Monastery cod. 587) // Word and Image. 1996. Vol. 12/1. P. 23–25.

¹ Обзор обширной научной литературы по этому вопросу см. в статье: Velkovska E. Lo studio dei lezionari bizantini // Ecclesia Orans. 1996. Vol. 13. P. 253–271; см. также: Пентковский А.М. Лекционарии и четвероевангелия в византийской и славянской литургических традициях // Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб., 1998. Приложение 1. С. 3–14.

² Aland K. Kurzgefasste Liste der Griechischen Handschriften des Neuen Testaments. B.; N.Y., 1994. S. XV.

³ Ibid.

⁴ Подробнее о структуре и составе византийского лекционария см.: Gregory C.R. Textkritik des Neuen Testamentes. Bd. I. Leipzig, 1900. S. 327–386; Prolegomena to the Study of the Lectionary Text of the Gospels // Studies in the Lectionary Text of the Greek New Testament / Ed. E.C. Colwell, D.W. Riddle. Vol. 1. Chicago, 1933. P. 1–5, 81–156.

Как следует из списка К. Аланда, всего сохранилось около 2400 византийских рукописных лекционариев; из них к типу праздничных принадлежит лишь около 50 (считая фрагменты)¹⁰. Тип *Isel* объединяет очень разнородные памятники. Некоторые из этих рукописей имеют совсем необычный состав чтений, продиктованный какими-то особенными нуждами заказчиков. Другие, очевидно, были созданы для наиболее торжественных богослужений. Например, унциальное Евангелие-апракос *cod. Chigi R VII 52* из Ватиканской библиотеки (*l* 53) содержит чтения только на период Великого Поста¹¹. Лекционарий *cod. Ottob. Gr. 175* из той же библиотеки (*l* 131) содержит чтения только на семь дней, в которые, согласно Типикону Великой Церкви, Евангелие читалось самим патриархом (Пасха, 11/V, 5/VI, 1/IX, 25/IX, Великий четверг и Страстная Пятница).

Некоторые праздничные лекционарии имеют особую структуру: в них подвижные и неподвижные праздники не разделены на два цикла¹³. Например, унциальный лекционарий X в. *cod. gr. 351* из Ватиканской библиотеки (*l* 35) содержит чтения на следующие дни: Пасха, Вознесение, Пятидесятница, Преображение 6/VIII, Успение 15/VIII, Начало индиктиона 1/IX, Рождество Богородицы 8/IX, Крестовоздвижение 14/IX, Рождество 25/XII, Крещение 6/I, Благовещение 25/III, Вербное Воскресенье, вся Страстная седмица и 11 утренних воскресных Евангелий¹⁴. Примерно такую же структуру имеют лекционарии *cod. sup. gr. 12** (ex Vind. 2) IX в. из Национальной библиотеки в Неаполе (*l* 46)¹⁵, *cod. IV. 34* из Университетской библиотеки в Яссах X в. (*l* 1044)¹⁶ и др.

Однако большая часть византийских лекционариев праздничного типа все же имеет традиционную двухчастную структуру. Их главное отличие от краткого апракоса заключается в очень малом количестве или полном отсутствии чтений в секциях Матфея, Луки и Марка в части синаксария. Например, Евангелие-апракос второй половины XI в. *cod. D. XXVII. 4* из Библиотеки Малавристиана в Чезене (*l* 1911)¹⁷ содержит чтения на следующие дни: Пасха, все дни Светлой седмицы, Воскресенье о Фоме, Преполовление, Вознесение, шестое воскресенье после Пасхи, суббота перед Пятидесятницей, Пятидесятница, повне-

дельник и воскресенье после Пятидесятницы, два воскресенья перед Великим Постом, первые суббота и воскресенье Поста, Лазарева суббота, Вербное Воскресенье, Великий Четверг, Пятница и Суббота. Далее следует менологий, содержащий несколько десятков чтений.

Большинство праздничных лекционариев (в том числе все упомянутые выше) украшены только орнаментальными заставками и инициалами. Нам известно всего восемь рукописей такого типа, содержащих миниатюры: *cod. gr. 278* из Национальной библиотеки в Париже (*l* 1), *cod. Vat. gr. 1522* из Ватиканской библиотеки (*l* 123), *cod. gr. 204* из библиотеки монастыря св. Екатерины на Синае (*l* 300), Син. гр. 511 из Государственного Исторического музея в Москве (*l* 1390), *cod. Med. Palat. 244* из Библиотеки Лауренциана во Флоренции (*l* 117), *cod. 4* из скевофилакиона монастыря Ватопед, *cod. gr. 6* из Иверского монастыря (*l* 675), *cod. 587* из монастыря Дионисиу на Афоне (*l* 1692). Из них только одна имеет обширный иллюстративный цикл. Это знаменитое Евангелие-апракос *cod. 587* второй половины XI в. из монастыря Дионисиу на Афоне¹⁸. М.-Л. Дозеал¹⁹ сближает эту рукопись с роскошными иллюстрированными лекционариями других типов: *cod. Vat. gr. 1156* из Ватиканской библиотеки (*Isel*), *cod. M. 639* из Библиотеки Моргана в Нью-Йорке (*Isel*) и *cod. 2* из Института византийских и новогреческих исследований в Венеции (*Isel*). По мнению М.-Л. Дозеала, эти четыре рукописи были созданы в конце XI в. в одной мастерской, связанной с константинопольским патриархатом. Все четыре украшены миниатюрами с изображениями евангельских событий, праздников и святых; сцены и фигуры Христа, апостолов и святых размещаются в заставках, на полях и в инициалах. Существенной особенностью декоративного оформления Евангелия из монастыря Дионисиу является отсутствие миниатюр с изображениями евангелистов Матфея, Луки и Марка. Эта особенность вытекает из своеобразной структуры текста рукописи, в которой секции Матфея и Марка сильно сокращены, а секция Луки вообще отсутствует²⁰.

В других известных нам иллюстрированных праздничных лекционариях чтения из Евангелий от Матфея, Луки и Марка тоже сильно ограничены в количестве или вообще отсутствуют, однако миниатюры с изображениями этих евангелистов в них есть или были. Как они могли размещаться?

В роскошном унциальном Евангелии-апракос *cod. 204* из монастыря св. Екатерины на Синае²¹ (конец X – начало XI в.), которое целиком написано золотом, проблема соотношения текста и изображений была решена простым, хотя и необычным для Византии способом. Здесь миниатюры с образами четырех евангелистов, а также Христа, Богородицы и преп. Петра Моноатского помещены подряд друг за другом в самом начале рукописи.

¹⁸ Pelekanidis S.M., Christou P.C., Tsioumis Ch., Kadas S.N. The Treasures of the Mount Athos. Illuminated Manuscripts. Vol. 1. Athens, 1973. P. 434–446. Fig. 189–277; Dolezal M.-L. Illuminating... P. 23–60.

¹⁹ Dolezal M.-L. Illuminating... P. 25, 59, 60; Eadem. The Middle Byzantine Lectionary... P. 285–303.

²⁰ Состав чтений синаксарной части Евангелия из монастыря Дионисиу почти такой же, как в рассмотренном выше Евангелии из Чезены, но в нем есть чтения на все воскресенья от Пасхи до Пятидесятницы и нет чтений на субботу перед Пятидесятницей и два воскресенья перед Постом. В рукописи имеется одна большая миниатюра с изображением евангелиста Иоанна с Прохором (л. 106.), а также множество инициалов с фигурками других евангелистов. См.: Dolezal M.-L. Illuminating... P. 25–27.

²¹ Weitzmann K., Galavaris G. The Monastery of St. Catherine at Mount Sinai. The Illuminated Greek Manuscripts. Vol. 1. Princeton, 1990. N 18. P. 42–47. Fig. 92–108. Colour plates III–VIII.

¹⁰ Aland K. Kurzgefasste Liste... S. 219–370. Далее в тексте указываются в скобках номера лекционариев типа *Isel* в соответствии с этим списком.

¹¹ Ibid. S. 251.

¹² Burns Y. The Lectionary of the Patriarch of Constantinople // Ed. E.A. Livingstone. Studia Patristica. B., 1984. Vol. 15. P. 515–520.

¹³ И. Бернс высказывала предположение, что рукописи такого типа отражают начальный этап формирования текста византийского лекционария (Burns Y. The Numbering of the Johannine Saturdays and Sundays in Early Greek and Slavonic Gospel Lectionaries // Paleobulgarica. 1977. Vol. 1. P. 49–50; Eadem. The Historical Events that Occasioned the Inception of the Byzantine Gospel Lectionaries // Jahrbuch der Österreichische Byzantinistik. 1982. Bd. 32. S. 119–127). Однако в дальнейшем ее теория была подвергнута жесткой критике. См. Dolezal M.-L. The Middle Byzantine Lectionary... P. 87–90; Velkovska E. Lo studio dei lezionari bizantini. P. 258–264.

¹⁴ Devreesse R. Codices Vaticani Graeci, II: Codices 330–603. Vaticano, 1937. P. 32–33.

¹⁵ Gregory C.R. Textkritik... S. 391; Weitzmann K. Ein kaiserliches Lektionar einer byzantinischen Hofschule // Idem. Byzantine Liturgical Psalters and Gospels. L., 1980. VIII. S. 309–320.

¹⁶ Gheorghiu V. Lecionarul evanghelic grecesc din Iași (Ms. 194). București, 1940; Barbu D. Manuscrise bizantine în colecții din România. București, 1984. P. 39–42.

¹⁷ Muccioli J.M. Catalogus codicum manuscriptorum Malatestianae Caesenatis Bibliothecae. T. 1. Cesena, 1780. P. 98–99; Aland K. Kurzgefasste Liste... S. 336. У меня была возможность просмотреть микрофильм этой рукописи в Национальной библиотеке в Риме. Большие орнаментальные заставки в этой рукописи обрамляют заголовки чтений на Пасху (л. 1), на повнедельник после Пятидесятницы (л. 37), на первую субботу Поста (л. 46) и на 1/IX (л. 114), что почти соответствует оформлению краткого или полного апракоса.

Флорентийскому Евангелию совершенно аналогично Евангелие Син. Гр. 511 из Государственного Исторического музея в Москве²³. Московская рукопись сохранилась хуже. В ней нарушено первоначальное расположение листов, некоторые из них утрачены. Реконструировав состав текста и структуру декоративного оформления московского Евангелия, мне удалось установить, что оно было во всем идентично флорентийскому²⁴. Эти рукописи имеют одинаковый состав чтений. В обеих текст целиком написан золотом, крупным литургическим минускулом; их почерки очень похожи и возможно принадлежат одной руке²⁵. По орнаментике и другим параметрам обе рукописи можно причислить

²⁵ Таково мнение Б.Л. Фонкича и Ф. Д'Аюто, высказанное устно. Сердечно благодарю их за консультации.

Еще одно праздничное Евангелие-апракос имеет подобную структуру. Это cod. 4 из скевофилакиона монастыря Ватопед – рукопись, которая лишь недавно стала известна исследователям²⁷. И. Хуттер располагала фотографиями и некоторой информацией об этой рукописи, и на этом основании смогла атрибутировать ее мастерской Переписчика Метафраста. По мнению исследователей, текст ватопедского Евангелия мог быть написан тем же писцом, который переписал Евангелие cod. 105 из Хиландара²⁸; почерк последнего еще ранее был отождествлен Н.Ф. Каврус с почерком Евангелия Син. гр. 511 из ГИМа²⁹. Обе афонские рукописи так же целиком написаны золотом. Ватопедское Евангелие украшено пятью большими заставками (л. 2, 19, 33, 46 и 62) и миниатюрами: евангелист Иоанн (л. 1об.) к чтению на Пасху; Христос, благословляющий Петра и Павла (л. 18об.), к чтению на 1/IX; евангелист Матфей (л. 32об.) к чтению на воскресенье перед Рождеством; евангелист Марк (л. 45об.) к чтению на воскресенье перед Крещением; евангелист Лука (л. 54об.) к чтению на Благовещенье.

Hoffmann N. A Byzantine Scriptorium of the Second Half of the 11th Century // 19th Annual

ице³⁰. Как видим, только расположение последней миниатюры не совпадает с описанной выше схемой.

Такое же размещение миниатюр, как в трех "золотых" лекционариях из Метерской Переписчика Метафраста, встречается в некоторых других рукописях. Аналогичным образом оформлены два великолепных праздничных апрака первой половины X в.: cod. gr. 278 из Национальной библиотеки в Париже и Vat. gr. 1522 из Ватиканской библиотеки. Эти две рукописи очень близки друг другу по кодикологическому и декоративному оформлению; обе написаны унциалом, возможно, одним писцом³¹. Они относятся к типу праздничных лекционариев, но содержат намного больше чтений, чем Син. гр. 511 и Med. Palat. 244.

Парижское Евангелие³² имеет структуру, более близкую к нормальному. В части синаксария оно имеет чтения на Пасху, все дни Светлой седмицы, Воскресенье о Фоме и все воскресенья до Пятидесятницы включительно, Преполовление, Вознесение, понедельник и воскресенье после Пятидесятницы, воскресенье перед Великим Постом, Лазареву субботу, Вербное Воскресенье и Страстную субботу. После этого начинается менологий, содержащий несколько десятков чтений на наиболее важные праздники, а затем следуют 11 утренних воскресных Евангелий и чтения на разные случаи. Декоративное оформление рукописи ограничивается орнаментальными инициалами и большими заставками в форме буквы П. Первая из них, почти целиком вырезанная, располагалась перед чтением на Пасху (л. 5). Вторая орнаментальная заставка находилась перед началом менологии (л. 136), третья украшает чтение на Воскресенье перед Крещением (л. 180), четвертая – чтение на Рождество Иоанна Предтечи (л. 220). В верхней части последней заставки помещается медальон с изображением ангела; такой же медальон был вырезан из заставки на л. 180. Начало чтений на воскресенье перед Рождеством, очевидно, тоже было украшено такой заставкой с медальоном, однако любители древностей вырезали этот лист целиком (между л. 157 и 158). Вероятно, в четырех заставках перед начальными строками четырех Евангелий располагались символы евангелистов³³.

³⁰ Hutter I. Le copiste du Métaphraste... P. 565. N 141. Информацию о соотношении миниатюр текста ватопедского Евангелия мне любезно предоставил Э. Ламберц, за что искренне благодарен.

³¹ Giannelli C. Codices Vaticani Graeci. Codices 1485–1683. Città del Vaticano, 1950. P. 68–69; Cavallo G. Funzione e strutture della maiuscola greca tra i secoli VII–XI // La paléographie grecque et byzantine. P., 1977. P. 109; Nelson R.S. The Iconography of Preface and Miniature in the Byzantine Gospel Book. N.Y., 1980. P. 28–29; Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts. Wien, 1996. Bd. 1. S. 6, 7. Bd. 2. S. 21, 22; I Vangeli dei popoli: la parola e l'immagine del Cristo nelle culture e nella storia. Mostra, Città del Vaticano, Palazzo della Cancelleria, 21 giugno–10 dicembre 2000 / Ed. F. D'Aiuto, G. Morello, A.M. Piazzoni. Città del Vaticano, 2000. P. 199–202.

³² Bordier H. Description des peintures et autres ornements contenus dans les manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale. P., 1885. P. 94; Omont H. Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale. P., 1886. Vol. 1. P. 30; Idem. Fac-similes des plus anciens manuscrits grecs en onciale et en minuscule de la Bibliothèque Nationale du IVe au XIIe siècle. P., 1892. P. 10. Pl. XXI; Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei... Bd. 1. S. 6, 7. Abb. 28, 29. Bd. 2. S. 21, 22.

³³ В искусстве средневизантийского периода встречаются различные варианты распределения символов между четырьмя евангелистами. Такой порядок, когда св. Луке соответствует ангел, св. Матфею – лев, св. Марку – телец, а св. Иоанну – орел, основан на тексте пророка св. Иеремии Лионского. Подобное распределение символов евангелистов встречается в миниатюрах нескольких рукописей XI–XII вв., в том числе в четвероевангелии последней трети XI в. ГИМ Син. гр. 518 (см.: Попова О.С. Византийский кодекс второй половины XI в. в Государственном Историческом музее // Музей. Художественные собрания СССР. М., 1987. Т. 7. С. 130–145) и в четвероевангелии второй четверти XII в. ГИМ Син. гр. 519 (Искусство Византии в собраниях СССР. М., 1977. Т. 2. С. 55–56). См.: Nelson R.S. The Iconography... P. 15–53, особенно 21–24 и 111.

Ватиканский лекционарий³⁴, украшенный четырьмя портретами евангелистов и изображением Моисея, получающего скрижали, более необычен по своей структуре: циклы подвижных и неподвижных праздников в нем совмещены в один. В начале идут чтения на период от Пасхи до Пятидесятницы и на воскресенье после Пятидесятницы. Затем вклинивается менологий, который начинается с чтения на 24/VI (Рождество Иоанна Предтечи) и заканчивается чтением на 25/III (Благовещение). После этого следуют чтения на Страстную седмицу. Миниатюры с изображениями евангелистов размещены следующим образом: св. Иоанн (л. 4об.) перед чтением на Пасху, св. Лука (л. 93об.) перед чтением на 1/IX (начало индиктиона), св. Матфей (л. 108об.) на воскресенье перед Рождеством и св. Марк (л. 127об.) на воскресенье перед Крещением. Перед чтением на 24/VI (Рождество Иоанна Предтечи), которое фактически является началом менологии в этой рукописи, помещена большая красочная заставка (л. 74); такие же заставки размещены напротив портретов четырех евангелистов (л. 5, 94, 109 и 128). Таким образом, единственное отклонение от описанной выше декоративной системы состоит в том, что миниатюра с евангелистом Лукой помещена здесь не на 24/VI, а на 1/IX, когда тоже читается Евангелие от Луки, хотя и не с начала.

Последний из известных нам иллюстрированных лекционариев праздничного типа в несколько искаженном виде отражает структуру текста и декоративного оформления, подобную Vat. gr. 1522. Это Cod. 6 из Иверского монастыря на Афоне (XIII в.)³⁵. В нем имеются чтения на Пасху, все дни Светлой седмицы, все воскресенья до Духова дня, Преполовление и Вознесение. Затем следует менологий, включающий чтения на 24/VI, 29/VI, 6/VIII, 15/VIII, 14/IX, 8/XI, 6/XII, Канун Рождества, 25/XII, 1/I, Канун Крещения, 6/I, 2/II, 25/III, Вербное Воскресенье и Страстную субботу. После этого идут одиннадцать воскресных Евангелий и еще несколько чтений на разные дни, в том числе чтения на 9/III, на воскресенье мясопустной и сырной недель, на первую субботу и воскресенье Поста и др. Четыре миниатюры с изображениями евангелистов размещены следующим образом: св. Иоанн (л. 6об.) перед чтением на Пасху, св. Лука (л. 110об.) перед чтением на 24/VI, св. Марк (л. 205об.) перед одиннадцатью воскресными Евангелиями и св. Матфей (л. 234об.) к воскресенью мясопустной недели. Как видим, размещение двух последних миниатюр уже не отражает никакого принципа; впрочем, и набор чтений в конце рукописи приобретает хаотический характер.

Влияние описанной здесь системы размещения портретов евангелистов можно также видеть в миниатюрах полного лекционария cod. 2 из Института византийских и новогреческих исследований в Венеции³⁶. Несмотря на то что состав чтений в этой богато иллюстрированной рукописи имеет нормальную структуру, изображения евангелистов в синаксарной части отведено более чем скромное место: свв. Иоанн и Матфей помещены в инициалах, маленькая

³⁴ Giannelli C. Codices Vaticani Graeci... P. 67–70; Bonicatti M. L'Evangelario Vaticano graeco 1522: problemi di scrittura onciale liturgica // La bibliofilia. 1959. Vol. 61. P. 129–156; Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei... Bd. 1. S. 6. Abb. 21–27. Bd. 2. S. 21; см. также примеч. 31.

³⁵ Σωτηρούδης Π. Ἱερὰ Μονὴ Ἰβήρων. Κατάλογος ἑλληνικῶν χειρογράφων. Ἱεροσόλυμοι 1998. Τόμος Α'. Σ. 11–12.

³⁶ См.: Ευγάργουλος Α. Τὸ ἱστορημένο εὐαγγέλιον τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἰστιτοῦτου Βενετίας // Θησαυρίσματα. 1962. Τ. 1. Σ. 63–88; Κακούλιδης Ε.Δ. Κατάλογος τῶν ἑλληνικῶν χειρογράφων τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἰστιτοῦτου Βενετίας // Θησαυρίσματα. 1971. Τ. 8. Σ. 251; Forkūch B.L. Notes paléographiques sur les manuscrits grecs des bibliothèques italiennes // Thesaurismata. 1979. Τ. 16. P. 158–159.

фигурка св. Луки – на полях, а св. Марк вообще отсутствует. Тем не менее изображение св. Марка и второй портрет св. Луки есть в части менологии: их фигуры помещены на полях рядом с чтением на воскресенье перед Крещением на Рождество Иоанна Предтечи³⁷.

Вряд ли подлежит сомнению, что в рассмотренных нами праздничных лекционариях идея поместить портреты евангелистов рядом с первыми строками Евангелий происходит из традиции иллюстрации четвероевангелия, которая свою очередь, восходит к античной традиции изображения автора в начале произведения (рис. 1, 2). В нашей группе рукописей такое решение подсказывает структура текста праздничного лекционария. С другой стороны, во многих византийских четвероевангелиях конца XI–XII вв. рядом с портретами евангелистов, помещенных в начале каждого Евангелия, находятся изображения праздников, причем св. Матфею соответствует Рождество, св. Марку – Крещение, св. Луке – Рождество Иоанна Предтечи или Благовещение, а св. Иоанну – Сошествие во ад (рис. 2). Наиболее ранняя из таких рукописей относится к первой половине X в.³⁸, однако остальные созданы во второй половине XI или в XII в.³⁹ Исследователи уже давно отмечали связь таких пар миниатюр с литургией и традицией иллюстрирования лекционариев⁴⁰, но до сих пор никто не обращал внимание на существование симметричной практики в иллюстрировании лекционариев.

Итак, в пяти праздничных лекционариях прослеживается один и тот же способ размещения миниатюр, когда изображения евангелистов Матфея, Марка, Луки находятся в разделе менологии и предваряют отрывки из первых глав Евангелий, читающиеся на воскресенье перед Рождеством, воскресенье перед Крещением и Рождество Иоанна Предтечи. Это два унциальных лекционария первой половины X в. (cod. gr. 278 из Парижской национальной библиотеки и cod. Vat. gr. 1522 из Ватиканской библиотеки) и три “золотых” лекционария второй половины XI в. (cod. Med. Palat. 244 из Библиотеки Лауренциана во Флоренции, Син. гр. 511 из ГИМа и cod. 4 из скевофилакиона монастыря Ватопед). Особо следует подчеркнуть, что все это – драгоценные, роскошно оформленные рукописи самого высокого уровня. Еще один иллюстрированный лекционарий типа *Isel* – более скромная рукопись XIII в. из Иверского монастыря на Афоне, очевидно, воспроизводит подобное драгоценное Евангелие.

Поскольку этот способ украшения праздничных лекционариев представлен несколькими рукописями самого высокого уровня, он кажется мне не случайным отклонением от нормы, а отражением некой особой традиции. Как бы то ни было, вопрос о происхождении, предназначении и структуре декоративного оформления праздничных лекционариев нуждается в дальнейших исследованиях.

³⁷ Dolezal M.-L. The Middle Byzantine Lectionary... P. 173, 175.

³⁸ Weitzmann K. An Illustrated Greek New Testament of the 10th Century in the Walters Art Gallery // Weitzmann K. Byzantine Liturgical Psalters and Gospels. IX. L., 1980. P. 19–38.

³⁹ Meredith C. The Illustration of Codex Eberhardianus. A Study in the Comnenian Period // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1966. Vol. 29. P. 419–424.

⁴⁰ С. Мереди (The Illustration... P. 422–423) полагала, что источником ассоциации каждого из евангелистов с определенным праздником были раннехристианские тексты комментариев и прологов к Евангелиям, которые сначала повлияли на саму литургическую практику (т.е. на выбор определенного отрывка евангельского текста для чтения на литургии в определенный день), а затем уже и тексты, и практика отразились в иллюстрации четвероевангелий. По мнению К. Вайцмана (Weitzmann K. An Illustrated Greek New Testament... P. 35), на появление изображений праздников рядом с портретами евангелистов в четвероевангелиях повлияла также традиция иллюстрирования роскошных лекционариев, украшенных полностраничными миниатюрами с изображениями евангелистов, евангельских событий и праздников, таких, как Трапезундское Евангелие.

Hamarneh B. Topografia cristiana ed insediamenti rurali nel territorio dell'odierna Giordania nelle epoche bizantina ed islamica V–IX sec. Città del Vaticano, 2003. 348 p.

Проблемы формирования топографической карты сельской местности на византийском Ближнем Востоке до арабских завоеваний не раз затрагивались в современной историографии. За последние сто лет был собран богатый археологический материал для 250–630 гг. н.э., позволивший выявить многие отличительные особенности сельских поселений, проследить организацию пространства, составить типологию жилых помещений, ремесленных мастерских, церковных построек и т.д. Однако эти исследования, как правило, ограничивались территориями, входящими в границы антиохийского и иерусалимского патриархатов, как-то “мертвые города” в Северной Сирии и в современном Израиле¹. До последнего времени такого рода исследования проводились и на территории Иордании, однако археологов интересовали по большей части культовые сооружения, эпиграфика и мозаики, задачи же комплексного изучения топографической структуры малых поселений никто из археологов не ставил.

Автор монографии Басема Хамарнех имеет богатый опыт участия в археологических раскопках на территории Иордании в 1997–1999 гг. в экспедициях М. Пиччирилло и Ж. Бужара². В настоящем исследовании Б. Хамарнех предпринимает попытку комплексной реконструкции топографии сельских поселений с привлечением опубликованных данных по всем раскопанным к настоящему времени деревням на территории четырех провинций: Палестина Первая, Вторая, Третья и Аравия. Исследование охватывает 55 поселений, к которым добавлены еще 12 местечек, известных только благодаря эпиграфическим находкам 1930-х годов в Палестине Третьей, а также 6 монастырей и 3 хозяйств-ферм. Богатый сравнительный материал по этим поселениям позволяет поставить вопрос о типологии топографических структур сельской местности.

На основе материала, полученного в ходе систематического обследования территории Иордании, в сочетании с использованием результатов раскопок, проведенных с начала XX в., а также эпиграфических данных и мозаик Б. Хамарнех подразделяет сельские поселения на следующие типы: поселения, возникшие вблизи римских военных лагерей, большие села, средние деревни и малые деревни, а также монастыри, где занимались сельским хозяйством. Выделенные типы поселений анализируются с точки зрения их топографической карты, схемы расположения отдельных их частей, их развитие на протяжении периода V–VIII вв.

Из поселений у римских лагерей Б. Хамарнех рассматривает пункты, лучше всего обеспеченные археологическим материалом: Умм эль-Джималь, Хирбет эс-Самру, Рихаб, Хирбет эдх-Дхарих, Умм эр-Расас и Хумайму. Наиболее часто встречаемый тип ук-

¹ См., например: Tchalenko G. Villages antiques de la Syrie du nord, le massif du Bélus à l'époque romaine Ie–IIIe siècles. P., 1953–1958; Tchalenko G., Baccache E. Eglises de la Syrie du nord. P., 1979; Castellana, Peña, Fernandez. Inventaire du Jabal el-A'la: recherches archéologiques dans la région des villes mortes de la Syrie du nord. Jérusalem, 1990; Castellana, Peña, Fernandez. Inventaire du Jabal Seis: recherches archéologiques dans la région des villes mortes de la Syrie du nord. Jérusalem, 1999.

² Предварительные итоги исследований автора см.: Evergetismo ecclesiastico e laico nella Giordania bizantina ed ommayade nel V–VIII secolo. Testimonianze epigrafiche // Vetera Christianorum. 1996. Vol. 33. Ritratti e immagini di donatori neu mosaici della Giordania // Acta XIII CIAC. T. II. 1998.

реплений – это форт с четырьмя угловыми выступающими башнями, который в V стал основным типом поселения для переходивших к оседлости племенных групп.

Большинство сельских поселений концентрируется в районах высокоразвитого мледелия, в агрикультуре которых доминировали злаковые культуры, оливки и виноград. Как показывает Б. Хамарнех, значительный расцвет этих районов в V–VIII обеспечивался, в частности, наличием в них сети дорог, созданной в римское время и утратившей важности в византийский и омейядский периоды, а также и функционированием развитой оросительной системы, связанной с главными реками Иордании – Зка и Ярмук.

К сожалению, слабая сохранность топографической структуры многих сельских селений-агломератов вызвана частичностью археологических раскопок прежних, которые из-за стремления во что бы то ни стало найти надписи и мозаики нарушили раскопанных объектах связи между комплексами культовых сооружений и топографической структурой объекта в целом. Это обстоятельство часто не позволяет применить к Иордании критерий, используемый для разделения поселений на группы в Сирии – количество жилых помещений. Для иорданского материала Б. Хамарнех в основу классификации кладет обнаруженное в поселении число церквей: большие селения с 3–4 церквями (эта группа представлена 12 объектами), средние – с двумя (за пример взяты 7 маленькие – с одной (рассмотрено 33)).

Рассматривая развитие этих групп поселений, Б. Хамарнех берет за отправную точку конец V в. н.э. К этому времени наблюдается упадок традиционной системы римских военных лагерей, что было связано с привлечением при Диоклетиане (и позже в конце IV – начале V в.) групп номадов-федератов на службу империи, которые переходили к оседлому образу жизни и расселялись на территории лагерей. Процесс перехода к оседлости был сопряжен также с христианизацией союзных племен, завершившейся в большей части в V в., что отразилось в выраженном христианском характере формирующейся топографической структуры поселений. При этом отмечается, что некоторые деревни формировались рядом с более древними поселениями, которые возникли в эпоху бронзы (ок. 2200 до н.э.), железа (VIII–VII вв. до н.э.) или относятся к набатейскому римскому времени, что часто предопределяло частные особенности их планировки.

В VI в. происходит постепенное упорядочивание структуры поселений: уплотнение застройки внутри огороженного стенами пространства и расширение их общей площади за счет кварталов за пределами фортификационных сооружений, что несомненно указывает на демографический рост и стабильность политической ситуации. Для этого периода характерно возведение многочисленных церквей и баптистериев (часто благодаря ктиторским пожертвованиям светских лиц).

После арабского завоевания большая часть этих населенных пунктов сохранила свое благосостояние, мусульмане расселяются в отдельных кварталах, не затрагивая традиционные территории более многочисленных христианских общин. Б. Хамарнех выступает против гипотезы о постепенном регрессе деревень этой провинции уже в VIII в., который никак не подтверждается археологическим материалом. Керамика, многочисленные винодельческие инструменты согласуются с данными арабских историков о высоком объеме товарного производства вина в этой местности. Упадок в этом регионе, как демонстрирует исследовательница, начался только в IX–X вв. и был связан с общеэкономическими и экологическими причинами: изменение торговых путей, засуха, сейсмическая активность.

Особое внимание уделено социальному составу населения деревень, для анализа которого использованы надписи на мозаиках и папирусы из Петры, что в целом подтверждает картину континуитета римских традиций.

Монотипность насыщена весьма информативным и мастерски выполненным иллюстративным материалом: множество карт, фотографий, планов и прорисовок делают построения и выводы Хамарнех наглядными и убедительными.

В приложении дано краткое описание всех 66 исследованных поселений по типам, основу которого положены топографический и хронологический критерии. Для каждого топонима названа провинция, где он находится, и диоцез, к которому он относился. Далее приводятся краткие сведения об этом пункте в письменных источниках; демонст-

рируется расположение этого поселения относительно сети дорог, а также объем и состав производства, характерного для этой местности (по данным археологии и палеоботаники). Помимо этого описание включает в себя детальный топографический анализ поселения и эволюцию его во времени, библиографию, касающуюся данного поселения, и примечания о состоянии археологических исследований этого пункта на данный момент (ведутся ли там раскопки). Книга снабжена обширной библиографией и топографическим указателем.

Работа Б. Хамарнех представляет собой весьма полезную сводку материала по истории византийской деревни на Ближнем Востоке, вводит в научный оборот значительный пласт новых данных, который во многом корректирует общепринятые представления о судьбах сельских поселений в исследуемом регионе.

А.В. Громова

Thierry N. La Cappadoce de l'Antiquité au Moyen Age. Turnhout: Brepols Publishers, 2002 (Bibliothèque de l'Antiquité Tardive, publiée par l'Association pour l'Antiquité tardive. 4). 316 p.

Почти 80 лет назад о. Г. Жерфаньон, первый исследователь подземных церквей Каппадокии, назвал ее “новой провинцией византийского искусства”, отсылая тем самым читателя к известной книге И. Стжиговского о “новой стране истории искусства” – Малой Азии (1902). С тех пор Каппадокия перестала быть “новой”, и это в немалой степени благодаря интенсивной исследовательской работе Николь Тьерри, которую она ведет в течение почти полувека. Среди ее множества публикаций – пять монографий (первая из них – в соавторстве с Жан-Мишелем Тьерри, совместно с которым были осуществлены почти все экспедиции), которые составили целую эпоху в изучении Каппадокии. Важная черта этих работ – их скорее публикационный, нежели интерпретационный характер, связанный с открытием большого количества ранее неизвестных памятников и созданием обширной базы документов. Последнее важно еще и потому, что немало фресок с тех пор или утрачены, или их состояние заметно ухудшилось, так что опубликованная Н. Тьерри документация приобрела значение ценного источника. Последняя книга Н. Тьерри – особая: на этот раз читатель находит именно интерпретацию, синтез, подведение итогов. Византийская Каппадокия представлена как результат длительного развития предшествующих цивилизаций. Данная книга – редкий случай, когда автор-византинист устремляется вглубь веков, через римскую эпоху и эллинизм, вплоть до времени империи хеттов. Этим древним периодам посвящены первые главы, которые предваряются заметками об исторической географии, геологии и природных условиях региона. Главное в исследовании Н. Тьерри – исторический подход, стремление показать последовательную и связную картину преемственности эпох на одной и той же территории, подчеркнуть римскую основу византийской культуры региона. Длительное сохранение мотивов хеттских мифов (некоторые из них дожили до средних веков), эллинизация и романизация местной элиты, широкие связи с соседними районами Месопотамии и Закавказья – все эти и другие факторы сформировали особый облик византийской цивилизации в Каппадокии. Уже ставший классическим пример – почитание св. Евстафия, которое имело своим предшественником широко распространенный (от хеттской эпохи до римской) культ оленя в Анатолии. Исследовательской манере автора присущи аргументы конкретные и предметные; из массы материала она выбирает сопоставления близкие, ясные, четкие. В частности, на протяжении всей книги Н. Тьерри умело пользуется данными нумизматики, оценив и точность хронологии, и изобразительные достоинства, присущие этому богатому материалу. Превосходные (с увеличением) фотографии дают представление и о мелких реалиях (одежда, головные уборы, атрибуты), и о пластических достоинствах этих произведений малых форм. Описание широко распространенных в регионе монументальных подземных гробниц римского времени (гл. IV) готовит читателя к последующему рассмотрению подземных церквей. Некото-

ые гробницы были открыты самими Н. и Ж.-М. Тьерри. Здесь автор выступает как археолог-античник.

В главе V ("Язычество в Каппадокии") показано разнообразие местных культов и их отражение в прикладном искусстве и скульптуре, в нумизматике и эпиграфике. В ряде случаев важные свидетельства дают расписные гробницы. Глава VI ("Христианизация Каппадокии") служит переходом к средневековой части книги. В ней рассматриваются распространение христианства, основание церквей в Армении и Кесарии, арийская ересь в регионе, христологические споры (несторианство, монофиситство), культ солдат-мучеников, язычество в уже христианской Каппадокии (на примере Юлиана Ступника) и другие вопросы. Используются здесь и различные письменные источники в том числе сочинения отцов Церкви, жития местных святых.

Основной раздел книги ("Средние века") открывается обширным очерком "История византийской Каппадокии", начиная с доарабской эпохи и заканчивая периодом упадка провинциальной власти. Следующие две главы посвящены церковной архитектуре и скульптурному декору. Как и всюду, в ранневизантийское время основными типами здесь были базилика и сооружение с центральным планом, а в средневековую эпоху преобладают типы "свободного креста" и "вписанного креста"; встречаются также некоторые специфические разновидности, обусловленные скальным характером построек. Система архитектурного декора включает здесь арки, аркады, фронтоны, капители; среди сюжетных мотивов важнейшее место занимает крест, встречаются также ветхозаветные сцены (Даниил во рву львином, Вознесение Илии), изображения отшельников и др.; здесь же рассмотрены реликварии и другие литургические устройства. Собранные воедино, все эти материалы, обычно рассеянные в разных публикациях, рисуют впечатляющую картину своеобразия строительных традиций региона.

Основные разделы книги посвящены живописи. Автор начинает с трудной проблемы — установления хронологии, поскольку богатейший корпус каппадокийской живописи содержит мало точных хронологических показателей, особенно для самого раннего периода. Давно начатые споры о датах продолжают поныне. М. Рестле в свое время предложил более поздние датировки, чем другие исследователи; в некоторых случаях уточнения в хронологию внесла К. Жоливе-Леви. Основная идея Н. Тьерри, которую она отстаивает и в других своих работах, — существование в Каппадокии значительного и явственно опознаваемого пласта доиконоборческой живописи. В главе X ею дана общая классификация. К первому большому периоду Н. Тьерри относит ранневизантийские, доиконоборческие и иконоборческие памятники (VI — первая половина IX в.). Вторым периодом доведен ею до "века, который следует за иконоборчеством" (вторая половина IX — первая половина X в.). Третий период она датирует второй половиной X в. и первыми десятилетиями XI в. (эпоха Никифора II Фоки, Иоанна I Цимисхия и Василия II). Затем количество памятников возрастает вплоть до конца XI в., когда в регион приходят турки-сельджуки. После "мертвой эпохи" XII в. "греческие общины приняли участие в экономическом обновлении турецкого общества XIII в.", но относящиеся к этой группе памятники немногочисленны. Интересны цифровые оценки автора: к доиконоборческому периоду можно отнести 15% сохранившихся памятников, к ним добавляются редкие примеры иконоборческой эпохи; послеиконоборческая живопись представлена 35%; ко второй половине X в. относится от 10 до 15%, к XI в. — от 25 до 30%, а "времена обновления" (XIII в.), т.е. уже при сельджуках, насчитывает от 10 до 15% общего количества известных памятников. Конечно, эти оценки приблизительны и различны в разных районах. Особую трудность представляет классификация живописи до X в.: росписи не содержат точно датированных посвященных надписей, мало и близкого сравнительного материала. В некоторых случаях ранние датировки памятников живописи можно обосновать, сравнивая их с декором римских гробниц и ранневизантийских церквей, находящихся на той же территории (с. 110–111).

Доиконоборческой живописи посвящена глава XI. Изложение подчинено здесь иконографическому принципу. Среди типичных композиций этого периода — "теофанические видения", чаще всего в апсидах, но иногда в куполе или на потолке. Еще о. Жерфаньон классифицировал изображения Христа на троне, в окружении апокалиптических символов, в качестве основного признака "архаической" группы. Позже их подроб-

но изучила К. Жоливе-Леви (1991). Общие число таких композиций — около 30, их более ранняя группа, по мнению Н. Тьерри, была выполнена в VI–VII вв. Далее рассматриваются христологические и мариологические сцены, серия различных вотивных изображений, в том числе крестов, которые играли исключительную роль как в живописи, так и в скульптуре Каппадокии. Как особый случай представлена иконографическая программа церкви столпника св. Никиты, отличительной чертой которой является триумфальное Распятие. И в этой главе автор опять возвращается к сложной проблеме хронологии, выделяя две группы памятников: ранневизантийскую (VI–VII вв.) и особо — так называемую "раннесредневековую" (VII–VIII вв.). Наряду с иконографическими признаками автор рассматривает и стилистические: схематизацию, упрощение трактовки чело-веческих фигур в сравнении с развитыми орнаментальными композициями, в чем, по мнению Н. Тьерри, проявляется "нарастающая ориентализация византийского искусства" (с. 133).

Глава XII посвящена живописи иконоборческой эпохи — вопросу, издавна дискуссионному. Особо рассмотрены здесь изображения креста, культ которого существовал и в доиконоборческую эпоху, но настоящий его расцвет был связан с иконоборчеством. В этой главе исследуются несколько ключевых памятников. Автор обращает внимание на "расхождение между традиционным религиозным мышлением и официальным выражением", показывая это расхождение на примере церкви Япрахисар (Давулу Килисеси).

Дальнейшее изложение также построено по хронологическому принципу. Из почти сотни церквей послеиконоборческого периода около сорока сохранили росписи, которым посвящена глава XIII. Здесь подробно рассмотрены различные иконографические циклы. Среди стилистических особенностей выделены те, которые связаны с македонским Ренессансом. Выражением "время свободы" (с. 152) Н. Тьерри характеризует свободу художника и заказчика по отношению к традиционной системе религиозных образов и связанное с этим обновление иконографического репертуара. Особо рассмотрена при этом композиция Страшного Суда в его "сложном варианте". В самостоятельную группу выделены важные церкви середины X в. (гл. XIV): Токалы II и церковь Никифора Фоки ("Голубятня") в Чавушин. Живопись конца X–XI вв. служит сюжетом следующих двух глав. Одно из важных изменений этого периода — появление среди заказчиков анонимных представителей "среднего класса" (торговцев, ремесленников). Отдельная глава посвящена монастырским комплексам и жилищам отшельников; здесь обсуждается дискуссионный вопрос об определении некоторых комплексов в качестве жилых (Р. Остерхут) или монастырских, как считает Н. Тьерри. Глубоким изменениям XII–XIII вв., которые были вызваны утверждением в Каппадокии сельджуков, посвящена глава XVIII.

В Заклучении автор формулирует те характерные черты, которые создают феномен искусства Каппадокии: особый характер местной религиозности; преемственность традиций от одной исторической эпохи к другой; отличительные черты погребальных обычаев; исключительная популярность некоторых святых в регионе, в особенности святых воинов-всадников (Георгия и Феодора, а также Евстафия); характерные элементы культа Христа и Богоматери, Иоанна Крестителя, ангелов. Осуществленный Н. Тьерри анализ позволил ей сделать вывод, что Каппадокия внесла значительный творческий вклад в формирование византийской иконографии.

Монография имеет ряд полезных приложений: библиографию, указатели (географический, именной и иконографический), общий указатель памятников с их датами и целую коллекцию карт. Интересная деталь книги — наличие в ней серии особых "досье" наиболее важных памятников, каждое из которых включает описания, чертежную и фото-документацию. Книгу завершает краткое английское резюме.

Работа Н. Тьерри была задумана как широкий синтез, и это вполне удалось. Можно сказать, что это краткая энциклопедия культуры и искусства не только Каппадокии, но и Византии в целом и соседних стран Закавказья. Особо следует сказать об иллюстрациях. Они многочисленны (в целом около 700), разнообразны и не просто "иллюстрируют" книгу, а являются важнейшей частью ее содержания. Качество фотографий исключительно, некоторые являются не только документами, но и произведениями фото-искусства, например, панорамные виды памятников на фоне ни с чем не сравнимых

пейзажей Каппадокии. Заслужой бельгийского издательства “Бреполь” является прекрасное полиграфическое качество. Редко можно видеть такую точную цветопередачу мягких и деликатных оттенков каппадокийской живописи (вспомним для сравнения книгу-альбом К. Жолливе-Леви, тоже о живописи Каппадокии, одновременно вышедшую в издательстве “Зодиак”, с ее или чрезмерно темными, или интенсивными красно-оранжевыми и резкими красками). В книге Н. Тьерри найдено удачное соотношение между текстом и изобилием иллюстраций, так что неуклюжее выражение “оригинал-макет” (кстати, выполнен самим автором) как-то плохо подходит к этому красивому изданному отмеченному печатью вкуса и изящества.

Несколько слов о “Библиотеке поздней античности”, в которой опубликована книга. Эта новая серия является приложением к журналу “Поздняя античность”, который выходит с 1993 г. под руководством проф. Н. Дюваля. Журнал известен и византинистам некоторыми своими выпусками, например, о Прокопии Кесарийском и его сочинении “О постройках”. Что касается приложений к журналу, то оба уже вышедших тома посвящены христианскому Востоку: один – раскопкам в Хирбет эс-Самра в Палестине, другой – церквям Иордании византийской и омейядской эпох. С выходом в свет книги Н. Тьерри хронологические рамки этой позднеантичной коллекции значительно расширены, и сделано это ради того, чтобы нарисовать широкую и целостную историческую картину многовековой культуры одной из византийских провинций.

Л.Г. Хрущев

Два византийских военных трактата конца X века / Издание подготовил В.В. Кучма. СПб.: “Алетейя”, 2002. 412 с.

В.В. Кучма опубликовал давно ожидаемую книгу. В самом деле, вряд ли кто-либо сомневался, что крупнейший знаток военного искусства Византии хранит в столе свои переводы трактатов из сокровищницы полемологической мысли империи. Тем более что исследователь уже показывал некоторые плоды переводческих усилий – “Νόμος στρατιωτικός”¹ и “Стратегикон” Маврикия (во фрагментах)². Настоящее издание вмещает два трактата, датируемых концом X в., – “О боевом сопровождении” и “Об устройстве лагеря”. Каждому тексту предпосланы обширные введения, созданные на основе ранее опубликованных статей. Важное место занимают подробные комментарии, в которых автор продемонстрировал эрудицию, выходящую далеко за пределы военной проблематики.

Во вступительном разделе к трактату “О боевом сопровождении” В.В. Кучма уделял пристальное внимание правильному пониманию смысла названия, кроющегося в названии *λασραδροίη*. Подвергнув критике предложенные многими исследователями варианты интерпретации, автор предлагает тот, который, по его мнению, максимально адекватно соответствует замыслу автора трактата: “О боевом сопровождении”, а в узко специальном смысле даже “Трактат о конвоях” или “регламент о конвоях” (с. 14).

Сложнейший вопрос об авторстве трактата рассмотрен исследователем с максимальной полнотой и объективностью. Критический обзор мнений ученых, пытавшихся связать текст с именами конкретных исторических персонажей, – императора Никифора II Фоки, полководца Никифора Урана, Льва Фоки – привел В.В. Кучму к убеждению, с одной стороны, в несомненной полезности предпринятых усилий, углубивших анализ всего комплекса проблем “De velitatione bellica”, но, с другой стороны, и одновременно в их полной бесплодности. В самом деле, ни в одном случае выдвинутые аргументы, при всей их оригинальности, не могут быть сочтены убедительными. В связи с этим вполне

логичной и обоснованной выглядит позиция автора рецензируемой работы, предлагающего считать трактат произведением анонимного военного специалиста достаточно высокого ранга (с. 29). В этой формулировке выделяется объективная оценка аналитических возможностей, предоставляемых источником.

Время создания трактата “De velitatione bellica” исследователь относит ко второй половине 70-х годов X в. (с. 30–31) и дальнейший обзор его содержания производит с учетом этой хронологической локализации. Так, в реконструкции облика автора трактата выявлены черты военного специалиста, который мыслит себя в положении фемного стратига, ведущего борьбу с арабами – главными противниками империи в X в. В связи с исламской агрессией особую роль приобретает аспект религиозного противостояния. Конфессиональные установки анализируемого сочинения выражены в идее “христологического воинства”, призванного защищать христиан от “исмаилитов” (с. 38–39). Анализируя религиозную концепцию автора “De velitatione bellica”, В.В. Кучма прослеживает изменения в глобальных доктринальных воззрениях ромеев, вызванных появлением фанатичного противника.

Во введении к тексту трактата представлены многие аспекты, касающиеся его конкретно-исторического содержания, а также развития военно-теоретической мысли Византии. Особое внимание уделено методу *λασραδροίη*, настойчиво предлагаемому составителем сочинения в качестве наиболее продуктивного средства борьбы с внезапно напавшим неприятелем. Главный смысл метода состоял в том, чтобы сковать и нейтрализовать численно превосходящего противника малыми силами уже на начальном этапе боевых действий. Исследователь с исчерпывающей полнотой характеризует все компоненты метода, суть которого он усматривает в дистанционном боевом сопровождении (с. 90). По мнению ученого, тактический репертуар трактата не является сугубо оборонительным. Решительные, энергичные действия в каждом боевом эпизоде были нацелены на постепенный захват инициативы и достижение цели по вытеснению или разгрому противника. Подчеркивая довольно узкую тематическую направленность трактата, его практицизм и локальную специфику, исследователь значительно объективнее оценивает содержание, чем его многочисленные предшественники, искавшие в источнике тот уровень военно-теоретической мысли, который не был востребован ситуацией и потребностями эпохи. Кризис фемного строя в Византийской империи, по мысли автора введения, стимулировал поиск простых, эффективных и опробованных на практике способов борьбы с противником. Руководство для стратигов “De velitatione bellica” стало одним из результатов этого поиска.

Второй публикуемый трактат известен под названием “De castrametatione”. В.В. Кучма полагает, что в русском переводе содержание было бы наиболее точно передано наименованием “О размещении армии лагерем” (с. 243). Проблема атрибуции источника чрезвычайно сложна, и по этой причине ей уделено большое внимание. Исследователь не нашел убедительных аргументов ни в гипотезе, приписывающей сочинение перу Никифора Урана, ни в той точке зрения, которая признает общее авторство с трактатом “De velitatione bellica” (с. 277, 279). Кроме прочего, на это указывает несомненный хронологический разрыв между трактатами.

Рассматривая общую военно-стратегическую концепцию “De castrametatione”, автор введения последовательно представляет все ее компоненты от подготовительных мероприятий и разведки до обеспечения безопасности армии в условиях заграничного похода. Исследователь стремится найти элементы новизны, которые позволили бы определить место сочинения в византийской полемологической традиции. Таковые отыскиваются уже в описании устройства лагеря, однако серьезным вкладом в развитие военной науки является разработка принципов и правил ведения войны в условиях горной местности. Будучи не связан в этом с книжной традицией, составитель трактата в изложении рекомендаций опирается на собственный боевой опыт, создав в итоге, как отмечает В.В. Кучма, первоклассное военно-научное наставление (с. 317).

Переводческие принципы, которыми руководствовался автор рецензируемого издания, являются классическими и прекрасно воплощены в работе. Некоторые сомнения составляет лишь понятие “контактное наблюдение”, встречающееся в первом из текстов (с. 182). Разумеется, представить “неконтактное” наблюдение можно лишь теперь, когда для слежения за противником могут быть использованы сложные технические сред-

¹ Кучма В.В. ΝΟΜΟΣ ΣΤΡΑΤΙΩΤΙΚΟΣ (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права) // ВВ. 1971. Т. 32. С. 276–284. Переиздано: Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 243–258.

² “Стратегикон” Маврикия // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М., 1991. С. 364–393.

ства. В трактате же речь идет о людях, обязанных пребывать рядом с лагерем врагом там, где он располагается (οἱ ὀφειλόντες παραμένειν τῷ τῶν πολεμίων φρουρῇ τῷ τόπῳ αὐλιζόντων)³. Именно они, судя по контексту, должны осуществлять наблюдение.

Оба текста источников, как уже было отмечено, сопровождаются подробными комментариями, которые касаются военных реалий, топографии, этнонимии и многих других терминологических аспектов. Значение приведенной информации выходит далеко за рамки обычных пояснений. Комментарии превращены в основательный обзор всей полемиологической традиции Византии, как с точки зрения теории, так и практики.

Разумеется, не все представленные автором рецензируемой публикации выводы наблюдения можно принять в качестве абсолютно бесспорных. Так, к примеру, рассуждение об основном содержании трактата "De velitatione bellica", связанное с поиском более адекватного наименования, не учитывает тех реалий, на которые обратил внимание Ж. Дагрон. Нет сомнения в том, что элемент сопровождения, как один из способов боевых действий, исключительно важен для раскрытия смысла сочинения и, по сути, является ключевым. Однако, исходя из всего контекста источника, представляется неслучайным оснований и вариант французского историка: "Le traité sur la guérilla". Действительно, это наименование страдает описательностью, но все же указывает на сердцевину метода борьбы, который рекомендован сочинителем трактата полководцам. Речь идет о засадах, внезапных дневных и ночных нападениях на небольшие подразделения противника, о захвате обоза, т.е. по существу о партизанских действиях. Полагая, лучшим было бы более подробное рассмотрение сюжета о понятии "христолюбивое воинство" и его связи с теорией "священной войны". Насколько сложными и различными были в этом отношении позиции политиков, военных мыслителей и православных богословов, явствует из исследования А. Колыя-Дермицаки⁴.

Завершая обзор рецензируемой работы, считаю необходимым отметить, что гармоничное сочетание текстов трактатов с необходимой источниковедческой и военно-исторической информацией и с детально отшлифованными комментариями делает труд В.В. Кукулы образцом публикации переводов. Не сомневаюсь, что книга значительно оживит только научный, но и общественный интерес к изучению военной истории Византии.

Н.Д. Барабан

Карпов С. П. Средневековый Понт. [Российские исследования по мировой истории и культуре / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. Т. 15]. Lewiston, Queenston; Lampeter: "The Edwin Mellen Press", 2001. 461 с.

Новая книга С.П. Карпова посвящена историческим судьбам Черноморского региона и по преимуществу истории Трапезундской империи, разработке которой автор посвятил в общей сложности более сотни статей и несколько монографий¹. Книга состоит из 17 глав-очерков. Одни из глав публикуются впервые – среди прочих, новые разрабо-

³ Three Byzantine Military Treatises / Ed. G.T. Dennis. Washington, 1985. P. 198.

⁴ Κόλμια-Δερμιτζάκη Α. Βυζαντινὸς ἐπὶ πόλεμος. Η ἐννοία καὶ ἡ προβολὴ τοῦ θρησκευτικοῦ πολέμου στο Βυζάντιο. Αθήνα, 1991.

¹ Например: "Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв." М. 1981, существенно пересмотренная и дополненная в итальянском ее переводе: L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204–1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. Roma, 1986. Для истории Трапезундской империи важны и другие монографии автора, посвященные смежным или более общим темам: Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990; Он же. Пути средневековых мореходов. М., 1994 (итальянский перевод: La Navigazione Veneziana nel Mar Nero XIII–XV sec. Ravenna, 2000); Он же. Латинская Романья. СПб., 2000. Полного опубликованного списка статей С.П. Карпова по истории Трапезундской империи не существует. Часть работ, изданных до 1987 г., см.: Savvides A.G.K., Lampakes S. Γενική βιβλιογραφία περὶ τοῦ Βυζαντινοῦ Πόντου καὶ τοῦ κράτους τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν τῆς Τραπεζοῦντας. Athena, 1992.

ки по истории Понта в древности и по византийско-трапезундским источникам (уже); другие являются значительно обновленными и расширенными вариантами уже данных работ (некоторые вышли на иностранных языках в труднодоступных изданиях и представлены в авторизованном русском переводе).

В центре внимания автора находятся те территории, которые входили в состав Трапезундской империи в XIII–XV вв. – сам город Трапезунд и прибрежный регион от Ираклии и до реки Акампсис. Понтийский регион, однако, включается в широкий историко-географический контекст, охватывающий Северное Причерноморье, Кавказ, Малую Азию, а временами распространяющийся и на Балканы, Русь, Западную Европу, Ближний и Средний Восток. Это концентрическое расширение горизонтов исследования знаменует характерную черту исследовательского подхода автора, хорошо известного по его прежним работам.

Глава 1 содержит первое в отечественной историографии систематическое описание истории Южного Причерноморья со времен греческой колонизации и до начала XIII в. и начинается с географического и климатического описания Понтийского региона (с. 5–10). Этот казался бы традиционный сюжет автор развивает в оригинальной и чрезвычайно увлекательной манере, насыщая текст многочисленными примерами из античных и средневековых источников. Опираясь на источниковый материал и научную географическую литературу, автор мастерски демонстрирует историческую значимость климата, рельефа, стихийных бедствий, системы речных и сухопутных дорог, господствующих течений и ветров на море.

Вторая и большая часть главы посвящена истории региона до 1204 г. Начиная с греческой колонизации и основания греческими переселенцами главных городских центров в Южном Причерноморье (с. 11–14), автор излагает историю региона в классическую и эллинистическую эпохи (с. 16–20), синтезируя те отрывочные и неполные данные, которые дошли до нас. Много больше известно о судьбах региона в римское время, в первую очередь в силу того, что Понт оказался центром Понтийской державы, основанной Митридатом Ктисмом, эллинизированным персом. Как указывает автор, именно в рамках Понтийского государства в эту эпоху естественное экономическое и географическое единство южного и северного берегов Черного моря впервые получает политическое оформление. Эти естественные географические, экономические, культурные связи будут играть все возрастающую роль в дальнейших судьбах региона (с. 18–19). Причины поражения Митридата VI в борьбе с Римом в I в. до н.э. автор усматривает, в частности, в его "отказе от идеи создания собственной Ахеменидской империи (с. 23, 33–34). Планы восстановления универсальной империи

Во II–III вв. н.э. города Южного Причерноморья под римским владычеством испытывают хозяйственный подъем (с. 28–30). В последующие столетия Понт оказывается объектом вражеских нашествий: с севера – варваров из Северного Причерноморья (готов, боранов – племени скорее всего сарматского происхождения), с юга – иранских Сасанидов, что значительно повышает военно-стратегическое значение региона (с. 30–32).

В византийскую эпоху, в особенности в эпоху Юстиниана I, роль Понта как ключевого военно-стратегического оплота только усиливается. С одной стороны, регион играл роль оборонительной твердыни на пути иранцев в Армению, Лазию и Северную и Центральную Анатолию, с другой стороны, нередко выполнял функцию основной базы для завоевательных походов византийцев на Кавказе и в Армении. Дается детальный очерк эволюции административного устройства региона в связи с военной и социальной историей империи в IV–XII вв., роли региона в экономической и церковной жизни (с. 34–46).

В конце XI в. в Трапезунде наблюдается упадок, связанный с тюркскими завоеваниями и общей экономической и политической дезорганизацией византийской власти в Анатолии. Как показывает автор, именно с этого времени, а в особенности в XII в., впервые формируется региональный понтийский сепаратизм, признаки которого не являются в предшествующие эпохи. Автор связывает рост сепаратистских тенденций со следующими четырьмя факторами: 1) неспособностью центрального правительства защитить регион; 2) усилением влияния местной знати, 3) ростом экономической мощи портовых городов; 4) наличием развитой оборонительной системы, опиравшейся на местные отряды (с. 48).

Это наблюдение представляется весьма важным, и я склонен его даже несколько обострить, ограничиваясь лишь кратким замечанием, которое можно было бы развить и верифицировать на конкретных данных источников, но не в ограниченных рамках рецензии. Дело в том, что в историографии понтийский сепаратизм зачастую рассматривается как некая субстанциональная черта в социальной жизни региона, определявшая всю его историю начиная с эпохи Понтийского царства; для византийского времени сепаратизм часто связывали с “феодализирующими” и “центробежными” тенденциями, якобы издавна нараставшими на этой территории, как и повсюду в Византии². Вместе с тем, как ясно видно из скрупулезно собранного С.П. Карповым материала, сепаратистские тенденции на Понте в XII в. носили скорее ситуативный характер, в полной мере обусловленный особенностью внутривизантийской ситуации империи в период тюркского нашествия – сепаратизм был естественной реакцией бессилия власти защитить регион от внешней угрозы. Другие факторы – экономическая мощь портовых городов (она наличествовала и в прежние эпохи), рост влияния местной знати (о ее особом, отличном от предыдущих эпох усилении к XI в. вряд ли можно говорить), наличие развитой оборонительной системы (она и прежде не была слабой) – играют второстепенную роль, ибо принадлежат как раз к тем факторам, которые действовали большую часть истории региона, но сами по себе не порождают децентрализаторских тенденций. Как представляется, расцвет сепаратизма на Понте в XII в. не являлся следствием каких-то социо-культурных особенностей этого региона или же итогом неких “центробежных” “феодализирующих” процессов, но лишь закономерной реакцией на сложившуюся военно-политическую конъюнктуру, которая была катализирована перечисленными факторами.

Далее С.П. Карпов дает оригинальную картину военно-политической борьбы в регионе между различными византийско-тюркскими группировками (полунезависимые правители Трапезунда, византийские императоры, сельджуки, тюрки Данишманды (с. 48–56).

Глава 2 посвящена образованию Трапезундской империи³. Автор дает наиболее полный на данный момент разбор точек зрения в историографии по проблемам, связанным с образованием Трапезундской империи (с. 85–94). История Понтийского региона с 1204 и по начало 1215 г. излагается с исчерпывающей полнотой и учетом новых данных, собранных наукой за последние годы. Автор подробно обсуждает роль Грузии в образовании империи, детально прослеживает ход войн понтийцев против никейцев и сельджуков, роль латинян Константинополя в трапезундско-никейском соперничестве. Впервые в историографии делается попытка уточнить дату вступления Алексея I, основателя Трапезундской империи, в Трапезунд в 1204 г. По убедительному предположению автора, опирающегося на анализ до сих пор малоизвестной печати Алексея I, это могло произойти либо 23, либо 25 апреля (с. 110).

Глава 3 “Трапезундская империя и Византия” представляет собой наиболее полный в современной историографии очерк взаимоотношений между двумя греческими государствами. Впервые дается подробный разбор синодальной грамоты о привилегиях Трапезундской митрополии (1 января 1260 г.). Как показывает автор, синодальная грамота, отступая от общепринятой в ту эпоху практики, даровала трапезундскому митрополиту право избираться на соборе местных архиереев и не являться в Константинополь лично для хиротонии патриархом; патриарх отказывался от обычной процедуры выбора одного из трех кандидатов, выдвинутых местным епархиальным собором. Вместе с тем никейский патриарх Никифор II хоть значительно и расширял права Трапезундской митрополии, но, однако, решительно противостоял всякой возможности превращения Трапезунда в центр автокефальной церкви по примеру Болгарии и Сербии (с. 129–131). Автор

убедительно демонстрирует, что упомянутая синодальная грамота являлась лишь одним, хотя и немаловажным, элементом предпринятых Михаилом VIII Палеологом усилий по восстановлению престижа сначала Никейской, а после 1261 г. и восстановленной Византийской империи (с. 129–131). Несмотря на охлаждение византийско-трапезундских отношений в период действия Лионской унии (1274 г. и до начала 1280-х годов), усилия Михаила VIII, в конце концов, увенчались успехом, когда трапезундский император Иоанн II отказался от византийского императорского титула в 1282 г. (с. 135–137). С урегулированием отношений между обоими государствами у Византии появились реальные рычаги влияния на внутреннюю политику Трапезундского государства, однако попытки Византии манипулировать трапезундскими василевсами в конце XIII – начале XIV в. терпели неудачу (с. 137–138). Далее автор подробно анализирует роль Константинополя в разразившейся в 1340 г. в Трапезундской империи гражданской войне: Константинополь не единожды пытался вмешаться во внутреннюю борьбу в империи, находя общий язык с теми или иными политическими группировками, которые сами нередко обращались за помощью к Византии (с. 139–146). С середины XIV в., несмотря на редкие и незначительные конфликты в политической и церковной сфере, отношения между обеими греческими империями можно характеризовать как дружественные. Общая османская угроза еще более сближает Константинополь и Трапезунд (с. 145–157), однако в целом малозначительные трения помешали оформиться антиосманскому союзу между Палеологами и Великими Комнинами в середине XV в. Автор дает наиболее полное и убедительное в историографии описание взаимоотношений Константинопольского патриархата и Трапезундской митрополии, отмечая рост престижа и влияния последней в церковной жизни с конца XIV в. (с. 151–152). Глава завершается исследованием связей между Трапезундом и Афоном в XIII–XV вв., в котором автор привлекает чрезвычайно широкий круг источников от письменных до изобразительного искусства и материальных памятников. Трапезунд поддерживал весьма тесные отношения со Святой горой – сам Афанасий Афонский, основатель первого общежительного монастыря лавры на Афоне, происходил из Трапезунда, а в 1374 г. на Афоне был основан трапезундский монастырь Дионисиат (с. 157–163).

Глава 4 “Трапезундская империя и русские земли” представляет собою в некотором смысле развитие темы церковной истории Трапезунда, завершавшей предыдущий раздел. И это не случайно – центральное место в сообщениях источников о трапезундско-русских связях занимали церковные дела: посещения трапезундскими митрополитами Феогностом (1388) и Феодулом (1407), реакция на Ферраро-Флорентийский собор. С.П. Карпов впервые в историографии дает систематический анализ торговых и культурных связей между Понтом и Русью, исследует обнаруженные им сообщения о Трапезунде в русской средневековой литературе (с. 179–194).

Глава 5 тематически и фактически представляет собой обновленный и расширенный очерк культуры Трапезундской империи, публиковавшийся ранее в коллективной монографии “Культура Византии” (1991)⁴ и являющийся единственным в мировой историографии систематическим анализом культурной истории Понта в XIII–XV вв. В новую версию добавлены разделы по энкомиям и экфрасисам Трапезунду (с. 195–196), прикладному искусству Трапезунда (в частности атрибуция креста-реликвария из Notre Dame de Paris, который по осторожному предположению автора, мог принадлежать Мануилу I Великому Комнину, с. 205–206), естественно-научной школе в Трапезунде (с. 230), яркий сюжет по понтийским церковным и народным празднествам (с. 234–236) и др.

Главы с 6 по 10 посвящены трапезундско-итальянским политическим и торговым взаимоотношениям в XIII–XV вв. Как показывает С.П. Карпов, активность итальянских торговцев на Черном море не привела к “деградации” торгово-ремесленного слоя Трапезундского государства” и «в трапезундском варианте трудно говорить о “засилии” чужеземцев и “пагубном воздействии” итальянской колонизации» (с. 259–260 в гл. 6). Напротив, коммерции, взимавшиеся императорской казной с торговцев, в частности с генуэз-

² См., например: Успенский Ф. Выделение Трапезунда из состава Византийской империи // SK. Т. I. 1927. С. 21–34; Bryer A.A.M. Greeks and Turkmens: the Pontic Exception // DOP. 1975. Vol. 29. (= *Idem*. The Empire of Trebizond and the Pontos // Collected Studies Series. L., 1980. V. P. 115–116.

³ Отдельное издание: Карпов С.П. Основание Трапезундской империи (1204–1215 гг.) // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 5–29.

⁴ Карпов С.П. Культура Трапезундской империи // Культура Византии. Т. 3. М., 1991. С. 86–119.

цев и венецианцев, вероятно, составляли заметную долю доходной части трапезундского бюджета (с. 263–273, гл. 7). Идею скорее позитивного, чем негативного, влияния на трапезундскую экономику итальянского присутствия автор развивает и в вопросе о привилегиях Генуи и Венеции, дарованных трапезундскими императорами: торговые привилегии лишь гарантировали прибыльность и безопасность торговли, но никак не обеспечивали установление итальянской торговой монополии в регионе; в отличие от Константинополя Трапезунд жестко контролировал деятельность итальянцев на собственной территории (с. 275–288, гл. 8). Следующие главы посвящены венецианско-трапезундскому конфликту в 1374–1376 гг., где С.П. Карпов анализирует открытые им сведения о венецианско-трапезундском договоре 1376 г. (гл. 9, с. 289–302), деятельность Гирардо ди Салоники – самого раннего из известных генуэзских нотариусов в Трапезунде (с. 303–308).

Особое место занимает глава 11, в которой делается попытка провести типологическое сравнение локальных кризисов середины XIV в. в Италии, Византии, Причерноморье, на Востоке. По мнению автора, эпицентр социально-политического и экономического кризиса приходился на Причерноморье, Латинскую Романию и Византию, что возможно, и предопределило скорое падение греческих империй и коренную переструктуризацию там традиционных социальных, политических и экономических форм (с. 309–326). Одним из общепризнанных итогов кризиса середины XIV в. стало нарушение торговых связей между Европой и Китаем. Вместе с тем ниже в главе 14 (с. 363–371) С.П. Карпов приводит данные о продолжении торговых сношений между Таной и Средней Азией во второй половине XIV в., что заставляет корректировать представления о полном “закрытии” торговли со Средней Азией в эту эпоху.

Главы 12–17 (с. 327–426) посвящены истории Северного Причерноморья, присутствию там итальянцев, основанию и истории Таны, этническому и конфессиональному составу населения итальянских факторий. Они насыщены публикациями и переводами уникальных источников из итальянских архивов. Особую важность и новаторский характер можно отметить по исследованию по истории Таны в главах 13–17, которые в совокупности представляют собой солидную основу для отдельной монографии по истории города.

Рецензируемая книга дает яркое представление о научных интересах и достижениях С.П. Карпова за последние годы, демонстрирует широкий тематический и методологический горизонт его исследований, бережное до скрупулезности отношение к историческому факту, и вместе с тем – стремление к концептуальным обобщениям в области социальной, экономической и культурной истории. Автор мастерски оперирует интерпретационными техниками вспомогательных исторических дисциплин (эпиграфика, нумизматика, сфрагистика, кодикология, текстология и т.д.). Несомненным достоинством исследования как раз и является его методическая широта, приверженность высокому профессионализму даже в решении побочных вопросов, нацеленность на исчерпывающее привлечение источникового и историографического материала по затрагиваемым темам. Автор всегда осторожен с обобщающим выводом, верифицируя его в разных плоскостях восстанавливаемой им исторической реальности. Именно это делает исследовательский стиль С.П. Карпова образцом комплексного анализа, в котором не бывает “чужих” источников – любое свидетельство об эпохе, на каком бы языке и в какой бы форме оно ни было высказано, подвергается взвешенной и компетентной оценке.

Книга весьма объемна, интересы автора чрезвычайно разнообразны и охватывают более чем 2000-летнюю историю региона, затрагивая широкий круг антиковедческой, византинистской, медиевистической и востоковедческой проблематики. Наличие столь сложной по структуре исследования дискуссионных мест и формулировок вполне естественно и даже закономерно. Ниже приводится ряд замечаний, призванных уточнить некоторые из них.

Казнь Феодора Гавры ок. 1098 г. вряд ли могла быть совершена основателем Салдукидского эмирата с центром в Эрзеруме, которого предположительно звали “Али” (с. 49–50), поскольку последний овладел Эрзерумом не ранее 1103 г., а возможно, и позже – в 1116 г.⁵

⁵ *Album S. A Checklist of Islamic Coins, Second Edition. Santa Rosa, 1998. P. 94.*

Топоним Цаниха (см. указатель) и название клана Цанихиты, происходящее от того же корня, предпочтительнее было бы передавать как Чаниха и Чанихиты соответственно; *амицантаранты* лучше передавать как *амирджандари* (с. 169, причем *амирджандари* вряд ли было названием рода, согласно автору, а скорее наименованием особых подразделений дворцовой гвардии). Имеет смысл пользоваться условной транскрипцией греческого “τζ” (передававшего в понтийском греческом звуки “дж” и “ч”) как “ц” только для тех слов, относительно которых мы не знаем, как их произносили сами понтийские греки. В приведенных примерах исконная фонетическая форма слова вполне реконструируема – греч. *Tzanicha* от картвельского корня *chan*, греч. *amirtzantarantai* от арабopersидского *amirjandar*. Эти слова понтийские греки, скорее всего, произносили через “ч” и “дж” соответственно; этой формой предпочтительнее пользоваться и при передаче на русский язык.

Топоним Герце (с. 14) следует исправить на Герзе, Карахиссар на Карахисар (с. 35, 304).

На с. 30 Ахурамазда назван “военным божеством”, в то время как Ахурамазда, являясь верховным богом зороастризма, творцом мира и человека с явственными монотеистическими чертами, вряд ли может рассматриваться как божество специфически “военное”⁶.

Рецензируемая книга – серьезная заявка на скорое появление общей истории Трапезундской империи. А именно такую стратегическую цель ставит перед собою автор, отмечая, что публикуемая книга является “введением” в “полную историю Трапезундской империи” (с. 2). Написание такого обобщающего исследования давно назрело в мировой науке. За последние почти 35 лет, прошедших со времени издания Эмилем Жансаном его истории Трапезундской империи⁷, в науке накоплен безбрежный новый материал во всех без исключения разделах средневековой истории Понтийского региона – от политической истории до искусствознания. Ныне появление нового компетентного обобщения, которое бы учло последние достижения мировой науки, более чем желательно, и рецензируемый труд несомненно – существенный шаг в этом направлении.

Р.М. Шукуров

Demetrius Kydones. Briefe / Übers. und erläut. von Franz Tinnefeld. IV Teil (108 Briefe, Register). Stuttgart: Anton Hiersemann, 2003. 326 S. (Bibliothek der griechischen Literatur. Bd. 60).

Издание четвертого тома завершено колоссальный труд, предпринятый немецким исследователем Францем Тиннефельдом четверть века назад: издано в переводе на немецкий язык эпистолярное наследие видного деятеля византийской политики и культуры XIV в. Димитрия Кидониса. Сам издатель начинает свое предисловие к IV тому с некой ностальгической нотки: “Ровно через 25 лет после начала работы этим четвертым томом завершился комментированный немецкий перевод 449 писем Кидониса”.

Все четыре тома писем Димитрия Кидониса изданы в серии “Библиотека греческой литературы” (I. 1, 2 – т. 12, 16, 1981–1982; II – т. 33, 1991; III – т. 50, 1999; IV – т. 60, 2003) и напечатаны в Штуттгарте в издательстве Антона Хирсеманна.

В IV том издания вошли 108 писем, относящихся ко времени с 1387 по 1394 г., т.е. к последнему периоду жизни эпистолога. Весомым блоком в эпистолярном контексте IV тома являются письма к императору, одному из любимых учеников Кидониса Мануилу II Палеологу (40 писем). В томе представлены написанные в указанные годы письма эпистолога и другим представителям дома Палеологов – императору Иоанну V (4 письма), деспоту Феодору I (2 письма), протовестиарию Феодору (2 письма), а также императрице Елене, супруге Иоанна V и матери Мануила II, тоже бывшей ученице Кидониса (1 письмо). Среди других адресатов мы встречаем знакомых по прежним томам

⁶ См., например: *Boйc M. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1994. С. 20, 31–33.*

⁷ *Janssens E. Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969.*

издания адресатов – Максима Хрисоверга (6 писем), Мануила (?) Тарханиота, Иоанн Ласкариса Калофера, представителей дома Асанов, Иоанна и Константина, сына Георгия Синадина Астры, а также последнего, погибшего молодым, ученика Кидониса, Редена (6 писем). Помимо других названных по имени лиц в том включено примерно десятка писем с условно указанными адресатами: друг, монах в Константинополе, новник Мануила II Палеолога, чиновник патриархата, адепт математики и др.

Все помещенные в IV том письма расположены (с большей или меньшей вероятностью) во временном пространстве, которое комментатор ограничивает двумя веками: первым захватом Фессалоники турками (май 1387 г.) и временем незадолго до второй поездки Дмитрия Кидониса в Венецию (сентябрь 1396 г.).

Сохраняя введенный Р. Ленертцем (на основании автографов) принцип деления писем на хронологические группы¹, Ф. Тиннефельд, однако, склонен уточнять, где это необходимо, датировку эпistolы в зависимости от содержания отдельного письма или общего контекста писем. Проблеме датировки переводчиком придается большое значение: введение к изданию полностью посвящено этому вопросу. Для датированных писем Ф. Тиннефельд придерживается предложенного Р. Ленертцем порядка (Chronotaxis). Недатированные письма (обозначены в издании Ф. Тиннефельда через первую цифру "0" составляют предмет особого отношения со стороны ученого.

Все письма в IV томе распределены по шести группам. Первые две группы объединяют датированные письма (с небольшим уточнением датировок по сравнению с изданием Р. Ленертца либо с введением или выводением из группы отдельных писем). Так, в группе I, состоящей из эпistol от февраля 1387 г. частично по 1383 г. (поездка императора Мануила II Палеолога на Лемнос), нарушен порядок в отношении письма 390 (по нумерации Р. Ленертца) и исключено из этой группы письмо 239, которое введено в группу II.

В VI группе, куда включены самые поздние письма Дмитрия Кидониса (более или менее датированные), издатель перевода в значительной степени отступает от порядка писем, предложенного Р. Ленертцем, допуская при этом возможность дальнейшего уточнения даты.

Не датированные письма составляют IV и V группы; порядок их в значительной степени отличается от последовательности писем в книге Р. Ленертца. Критику в своем адрес по поводу расположения писем в ином хронологическом порядке, нежели у Р. Ленертца³, Ф. Тиннефельд в ряде случаев не принимает, и его аргументация по этому поводу, надо признать, представляется обоснованной. Он прежде всего исходит из того, что его цель – объединение усилий переводчика и комментатора писем. С факт детального комментирования предполагает не только лексическое осмысление текста, но и расположение его в определенном времени в зависимости от его содержания. Так, письмо, адресованное Елене Палеологине (L 222/T 442), представляющее собой некоторое подведение итогов жизни почти достигшим 70-летия Кидонисом, могло быть помещено, по убедительному мнению Ф. Тиннефельда, в более раннее время, как у Р. Ленертца.

Заслуга Ф. Тиннефельда как комментатора заключается в том, что он видит в письме не только литературный опус эпistolографа, но и ценный исторический источник (с. 2). Его утонченная интерпретация привычного для образованных византийцев стилистических намеков позволяет погрузиться в воспроизводимый Дмитрием Кидонисом мир византийского общества, внешнеполитической ситуации, перспектив империи в этой сфере, коллизий придворной жизни, а также в мир самого эпistolографа как представителя поздневизантийской образованности.

Ф. Тиннефельду как переводчику присущ особый дар сделать письма XIV в. со звучными восприятию читателя начала XXI в., не лишая их одновременно авторской стилистики. Письмо Дмитрия Кидониса в комментированном переводе Ф. Тинне-

фельда не производит впечатления "музейного экспоната", способного удивить несхожестью с нашим временем. Напротив, за строками писем Кидониса в переводе Ф. Тиннефельда мы ощущаем настроения эпistolографа как личности с ее восприятием жизни и мира в целом.

Проникновение переводчиком в глубинную суть письма начинается с регеста, содержащего, помимо установления адресата, места и времени написания письма, краткое изложение (w1) его содержания. Сопровождающий каждое письмо комментарий выявляет параллельные места с другими источниками, дает лексические объяснения, уточняет собственную интерпретацию того или иного фрагмента письма.

Комментирование переводчиком писем дополняется подробным регистром, делящимся на 6 частей: исторический регистр (личные имена, географические названия, вещи), регистр писем (адресаты, письма других персон – упомянутые или процитированные), регистр греческих ключевых слов, литературный регистр, а также грамматический индекс и перечень имен современных авторов.

Поскольку рецензируемый том является завершающим в издании писем Дмитрия Кидониса, издателем приведены исправления и дополнения к I–III томам, а также общий перечень всех писем эпistolографа как по изданию Р. Ленертца, так и по рассматриваемому изданию.

Итак, завершена достойная самого высокого признания работа по презентации современному читателю эпistolярного наследия византийского политика и ученого XIV в. Комментированный перевод писем Кидониса, выполненный Ф. Тиннефельдом можно счесть образцом, на который следовало бы ориентироваться при осмыслении духовного наследия византийского мира. Параллельно с изданием перевода писем Дмитрия Кидониса Ф. Тиннефельд выступает и как исследователь. Им написан ряд статей и докладов, в основу которых положены письма византийского ученого⁴. Самая детальная биография Дмитрия Кидониса принадлежит перу Ф. Тиннефельда. Надо полагать, что впереди нас ждет принадлежащее его перу монографическое исследование творчества Дмитрия Кидониса.

М.А. Поляковская

Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст / Основной список подготовлен О.В. Твороговым и С.А. Давыдовой. Вступ. ст., археографический обзор и критический аппарат издания подготовлены О.В. Твороговым. СПб., 1999. 511 с. Т. 2. Комментарий и исследование О.В. Творогова. СПб., 2001. 269 с.

В истории отечественной науки произошло выдающееся событие. Наконец-то ученый мир может познакомиться с изданием уникального и загадочного памятника древнерусской хронографической традиции – Летописцем Еллинским и Римским, замечательным произведением, представляющим собой обширное и разностороннее собрание сведений по всемирной истории, начиная с библейских времен и до последних лет существования Византийской империи и падения Константинополя. Особенностью этого сложного по композиции и источникам сочинения является то, что оно представлено только в древнерусской рукописной традиции, в рукописях, датированных не ранее XV в. Впервые об этом памятнике стало известно во второй половине XIX в. благодаря трудам А.Н. Попова, который ввел в научный оборот наименование Летописец Еллинский и Римский. Название памятника достаточно условно, оно известно лишь по одному спи-

⁴ Tinnfeld F. Kriterien und Varianten des Stils im Briefcorpus des Demetrios Kydones // XVI Internat. Byzantinisten Kongr. Wien, 1982. S. 257–266; *Idem*. Freundschaft und PAIDEIA: Die Korrespondenz des Demetrios Kydones mit Rhadenos (1375–1387/88) // Byzantion. 1985. T. 55. P. 210–244; *Idem*. Zur Entstehung von Briefsammlungen in der Palaiologenzeit // Πολυπλεuroς voῦς. Miscellanea für Peter Schreiner zu seinem 60. Geburtstag / Ed. C. Scholz, G. Makris. München; Leipzig, 2000. S. 365–381.

¹ *Démétrius Cydonès. Correspondance* / Ed. R.-J. Loenertz // Studi e Testi. 186, 208. Città del Vaticano. 1956. T. I; 1960. T. II.

² *Ibid.* T. II. P. 484–496.

³ BZ. 2000. Bd. 93. S. 653–655.

ску. А.Н. Поповым были установлены две редакции памятника. К первой редакции отнес списки текста, датируемые XVI в. (Син. № 280, собр. Погод. № 1437) – это Ел-2. Вторая редакция была известна А.Н. Попову также по 2 спискам (Кирилло-Белозерского собр. К.-Б. № 1/6; Син. № 86 и собр. Толстого F.IV.91). Затем он нашел еще один список Ел-2 – Чудовский (Чуд. собр. № 51/353), относящийся к XV в. А.Н. Попов высказал также предположение, что вторая редакция Еллинского Летописца (Ел-2) восходит к первой редакции (Ел-1). В дальнейшем к изучению этого текста обращались многие видные ученые: А.А. Шахматов, В.М. Истрин, С.Г. Вилинский, К.К. Истомин, Д.С. Лихачев, Б.М. Клосс и др. Особенно важным было открытие Д.С. Лихачева (1948), который изучал список БАН, 33.8.13, датируемый последней третью XV в. и указал на то, что он и еще один список (П – РГБ, собр. Пискарева № 162) противостоят Чудовскому. Так возник вопрос о двух видах Ел-2.

Перед учеными встала неимоверно сложная задача – провести текстологический анализ многочисленных списков разных редакций двух видов памятника и попытаться восстановить максимально достоверный архетип сочинения.

Вопрос о публикации памятника был сформулирован еще в начале XX в., когда Археографическая комиссия АН приняла решение напечатать текст этого сочинения. Подготовка такого издания была поручена К.К. Истомину, который собирался опубликовать текст второй редакции Летописца по наиболее древнему Чудовскому списку XV в. с вариантами по двум другим рукописям. Издание было доведено до стадии корректуры, но листы сохранили набор половины текста, но затем работа была прервана трагическими событиями в истории нашего государства. Исследования этого памятника возобновились лишь после перерыва в несколько десятилетий. К этому времени были обнаружены другие списки произведения, которые заставили по-новому рассмотреть текстологическую историю Еллинского Летописца; вышли из печати критические издания памятников славяно-русской письменности (например, История Иудейской войны), также входивших в состав Летописца.

О.В. Творогов включился в работу по исследованию Летописца более 30 лет назад, поставив перед собой задачу изучить не только конкретные редакции Летописца, но и проанализировать его на широком фоне древнерусской хронографической литературы как переводной, так и оригинальной. Первым этапом его исследования стало текстологическое изучение Летописца по всем известным к тому времени рукописям. Эти разыскания позволили ему предложить новую текстологическую схему, отличающуюся от той, которой следовал К.К. Истомин.

В противовес мнению предшественников О.В. Творогов пришел к выводу, что Ел-2 не восходит непосредственно к Ел-1. И Ел-1, и Ел-2 имеют общий источник – текст, который он условно назвал Архетипной редакцией – Ел-АР. Проведенное им доскональное исследование списков Еллинского Летописца, ранее только упоминавшихся, но не изучавшихся, позволило сделать окончательный вывод, что Ел-2 существует в двух видах – Академическом (4 списка) и Чудовском (3 списка).

Детальный текстологический анализ всех известных на сегодняшний день рукописей стал надежным фундаментом для подготовки текста Летописца к публикации. Впервые в развернутом виде, с приведением многих источниковедческих и текстологических доказательств итоги этого многолетнего труда увидели свет в книге “Древнерусские хронографы” (Л., 1975), которая была успешно защищена О.В. Твороговым в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Уже в этой книге были намечены основные принципы нового издания Летописца, которые и воплотились в фундаментальном 2-х томном труде. О.В. Творогов пересмотрел точки зрения на историю происхождения Летописца, на взаимоотношения между двумя редакциями и видами второй редакции, иначе поставил вопрос о датировке памятника, полагая, что подобный хронографический свод мог быть создан не ранее середины XV в. в отличие от существующей точки зрения о раннем (в Киевский период) бытовании памятника. Поэтому предпринятое им издание отражает новый подход к изданию большого по объему и сложного по взаимосвязи источников компилятивного исторического произведения. Сам О.В. Творогов настаивает на том, что подобного рода сочинения могут издаваться с использованием элементов реконструкции текста: это позволяет исследовате-

лю более убедительно раскрыть историю возникновения и развития памятника. Издание состоит из двух томов. В 1999 г. вышел первый том, который включает публикацию текста Еллинского Летописца с кратким предисловием и археографическим обзором использованных списков. Второй том, увидевший свет немного позднее, содержит подробные текстологические и историко-литературные комментарии к изданному тексту, источниковедческое исследование памятника. В этот же том вошли и несколько важных для текста указателей. Позднее, в 2002 г., появилась статья О.В. Творогова, в которой еще раз более четко и обоснованно представлены основные положения исследования Еллинского Летописца (Творогов О.В. Летописец Еллинский и Римский: текстологические проблемы // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 47–78). На наш взгляд, при обращении к изданию памятника читатели должны иметь эту статью перед глазами, так как именно в ней четко объясняется, почему в издании использован принцип реконструкции, когда из-за утраты отдельных листов в разных списках двух редакций в публикации “чередуются списки, принятые за основной”. О.В. Творогов четко описал различия двух редакций Еллинского Летописца (Ел-1 и Ел-2), которые восходят к общему источнику (Ел-АР), до сих пор не известному по какому-либо списку. Ел-1 представляет собой компиляцию трех больших памятников: Хроники Георгия Амартола, Хроники Иоанна Малалы и Александрии с небольшими вставками из библейских книг. Ел-2 содержит не только пассажи из перечисленных выше сочинений, но и текст книги пророка Даниила с толкованиями Ипполита, фрагменты текстов Жития Богородицы, рассказа о взятии Иерусалима Титом из особой редакции Иосиппона, Жития Константина и Елены, Сказания о построении Софии Царьградской, рассказа о взятии Константинополя крестоносцами, заимствованного из русской летописи, и множество отрывков из других памятников. Ел-2 отличается и рядом особенностей в подаче текста – киноварными заголовками к главам и статьям и попытками ввести в текст хронологическую канву.

Издание О.В. Творогова посвящено публикации текста Ел-2, и оно не стремится восстановить не дошедший до нас архетип, поскольку такая задача трудно осуществима из-за очень сложной истории памятника. О.В. Творогов предложил компромиссный вариант публикации текста Ел-2, который издается им по лучшему списку Академического вида, но разночтения к нему (основные) подведены по всем спискам Ел-2 обоих видов. Следует особо отметить и принципы передачи основного текста. Так, О.В. Творогов является сторонником тех принципов передачи древнерусского текста, которые были сформулированы в 50-е – 60-е годы XX в. в секторе Древнерусской литературы Пушкинского Дома, возглавляемого тогда Д.С. Лихачевым. Д.С. Лихачев придерживался точки зрения, согласно которой могут существовать два типа изданий: один – для историков и литературоведов, другой – для лингвистов. Первый тип издания, как известно, позволяет воспроизводить древнерусский текст с упрощениями орфографии. В критический (подстрочный) аппарат при этом не включаются разночтения, отражающие орфографическую вариативность. Именно этот принцип, отличающийся еще рядом других особенностей воспроизведения текста, использован О.В. Твороговым при издании Еллинского Летописца. В разночтениях предлагаются 2 типа конъектур к тексту: чтения, которые восходят к архетипу Ел-2, и чтения, реконструирующие вероятные чтения источников Ел-2. Таким образом, напрямую не ставя перед собой задачу реконструировать архетип Еллинского Летописца, О.В. Творогов по существу стремится максимально приблизить текст Ел-2 к его оригиналу. К сожалению, принципы публикации памятника не были детально изложены и обоснованы автором во вступительной статье первого тома: в развернутом виде они были сформулированы лишь в названной выше статье. Самостоятельную ценность представляет второй том работы О.В. Творогова, включающий подробный текстологический и историко-литературный комментарий к Еллинскому Летописцу. Сюда же вошло источниковедческое исследование памятника. Завершается второй том двумя приложениями: фрагментом “Прибавления к Палее”, сопоставимым с Летописцем Еллинским и Римским, и дополнением к археографическому обзору списков Летописца Еллинского и Римского.

По праву рецензентов позволим себе сделать некоторые дополнения к разделу об источниках Ел-2 (5.12. Другие источники Ел-2). О.В. Творогов обращает внимание на то, что ему не удалось установить происхождение фрагмента о смерти Захарии. В древне-

христианской литературе сложился цикл легенд, посвященных этому персонажу – первосвященнику Захарии, отцу Иоанна Предтечи. Наибольшую популярность приобрел сюжет о его мученической кончине, который, вероятно, во второй половине III в. был объединен с рассказами о рождении Девы Марии в сочинении, написанном в оригинале на греческом языке и ставшем известным под названием Протоэвангелие Иакова. Произведение было переведено на многие языки христианского мира, и хотя история его перевода на древнеславянской почве еще досконально не изучена, существуют публикации некоторых его версий по различным славянским рукописям. О.В. Творогов ссылается на три такие версии (по изданиям А.Н. Пыпина, И.Я. Порфирьева и на текст из ВЧМ от 5 сентября), однако он отмечает, что все они близкие, но не тождественные варианты. Ел-2: «Во всех говорится, что Захария был убит “пред дверми алтаря” или “пред дверми церкви”, а не “между церковью и алтарем” (что само по себе бессмысленно, так как алтарь находится внутри церкви), как в Ел-2» (Т. 2. С. 190). Мы можем указать на непосредственный источник этих слов. Фраза “между церковью и алтарем” восходит не к апокрифическим версиям легенды о Захарии, а к каноническому тексту древнеславянского перевода Евангелия от Матфея (Мф. 23: 35). Эти слова содержатся в обличительной речи Иисуса Христа, направленной против фарисеев, преследующих и убивающих пророков и праведников, один из которых, Захария сын Варахиин, был убит в храмовом дворе. В греческом оригинале церковнославянскому выражению “между церковью и алтарем” соответствуют слова μεταῦ τοῦ ναοῦ καὶ τοῦ θυσιαστηρίου – “между храмом и жертвенником”, которые вполне определенно указывают на место убийства Захарии, упомянутого в речи Иисуса Христа. Греческий текст не содержит никакой бессмыслицы и четко фиксирует реальную картину устройства Иерусалимского храма, поскольку жертвенник, в котором сжигались приносимые в дар Богу животные и плоды, находился на открытом воздухе, во дворе, перед храмом. В самом же помещении храма заместителем жертвенника служил так называемый “алтарь кадильный”, на котором ставились или подвешивались (из библейских контекстов это не совсем ясно) кадила с благовониями. Таким образом, фраза, вырванная из оригинального евангельского контекста, да еще переведенная на церковнославянский язык словами, приобретенными для христианского чтения, лишается терминологического значения, действительно становится не вполне ясной.

Пока остается открытым вопрос, интерполировано ли евангельское выражение текст рассказа о смерти Захарии самим редактором Ел-2, или он заимствовал его вместе с текстом всего фрагмента из какой-либо славянской версии Протоэвангелия Иакова. В любом случае такая интерполяция представляет интерес для текстолога-библота. Дело в том, что отождествить Захарию, сына Варахиина, с Захарией, отцом Иоанна Предтечи, и перенести на первого обстоятельства смерти последнего можно было в двух случаях. Первый предполагает для интерполятора плохое знание библейского текста, поскольку Захария, сын Варахиин, – это известный персонаж Ветхого Завета. Он был сподвижником пророка Исайи (ср. Ис. 8: 2) и жил, таким образом, гораздо ранее Захарии, отца Иоанна Предтечи. Второй вариант является более вероятным. Он предполагает, что интерpolator имел дело с таким евангельским текстом, в котором отсутствовали слова “сын Варахиин”. Действительно, некоторые греческие рукописи Евангелия от Матфея дают примеры подобного текста (знаменитый Синайский кодекс). В критическом издании Нового Завета (Novum Testamentum Graece / Ed. by E. Nestle, E. Nestle, K. Aland. L., 1973, P. 64) пропуск данных слов отмечен пометой “отвергнутое чтение, заслуживающее внимания”.

Особо следует остановиться на проблеме датировки Ел-2. Нам представляется вполне убедительной привязка времени создания Ел-2 к упоминанию царствования византийского императора Мануила II Палеолога, заимствованному из текста так называемой малой византийской хроники типа “Царие, царствующие в Константинограде, православнии же и еретици”. Исходя из известной рукописной традиции подобных перечней, О.В. Творогов высказывает предположение, что Ел-2 был составлен после 1391 г. (год восшествия Мануила II Палеолога на престол). При этом исследователь опирается на свидетельства только одного из известных списков хроники, которая и оканчивается именно этим временем (1391). Остальные списки завершаются более поздней датой. Когда мы исследовали дошедшую древнерусскую традицию подобных малых хроник, то

обратили внимание на особенность именно этого списка в связи с вопросом о греческом источнике этих хроник-перечней и о времени проникновения их в древнерусскую книжность. Мы также указывали, что благодаря усилиям и работам З.Г. Самодуровой и П. Шрайнера тщательно разрабатывались и публиковались (и продолжают изучаться ныне) многие другие списки перечней императоров, которые также относятся к типу анонимных хроник, но содержат не только имена и годы царствования государей, но и краткие сведения об их правлении. Не исключено, что древнерусский книжник мог использовать и другие греческие малые хроники аналогичных типов. Нам кажется, что особое внимание необходимо обратить на то, что список правления византийских императоров “разорван” вставленными в него текстами “О взятии Константинополя в 1204 г. награда от фрягъ” (т.е. древнерусской Повестью о взятии Константинополя в 1204 г. крестоносцами), “О иконе Богородици”, “О ризе”. Разрыв перечня византийских императоров отмечается при упоминании времени правления Алексея V Мурчуфла. Сообщается, что именно при нем и был разрушен крестоносцами Константинополь. Следует указать также, что в древнерусских перечнях имеются некоторые подробности царствований, которые не приводятся в тексте Ел-2, несмотря на почти дословное совпадение текстов в большинстве случаев. Так, в Ел-2 отсутствуют характеристика Романа III Аргира (1028–1034) как “сребропродавца”, нет свидетельства о том, что Михаил VII Дука (1071–1078) после потери им престола стал митрополитом Эфесским, нет указания точного дня недели (понедельник), в который пал Константинополь.

Поэтому, на наш взгляд, при определении времени создания памятника должны сыграть важную роль анализ и исследование “стыков” (соединений) изложения всемирной истории по переводным источникам с предполагаемыми древнерусскими источниками. Мы имеем в виду следующее отмеченное издателями и обращающее на себя внимание текстологическое явление: после упоминания в перечне византийских императоров времени правления Алексея V Мурчуфла под 1204 г. следует текст Повести о взятии Константинополя крестоносцами, тексты “Об иконе Богородицы” и “О ризе”. Нам представляется, что предложенное О.В. Твороговым объяснение источниковедческих связей между основным текстом хронографического повествования Ел-2 и этими вставками, восходящими к древнерусским летописным текстам (Новгородской первой летописи и Софийской первой летописи), основано во многом на гипотетических заключениях отечественных ученых второй половины XX в. и не вполне корректно. Видимо, следует установить более точные источники заимствований в Ел-2 после 1204 г. Именно этот год может считаться отправной точкой в истории создания архетипа текста Ел-2. Указание имен византийских императоров на Мануилинском Летописце, а указание в перечне имен византийских императоров на Мануила II Палеолога (1391) может быть связано с датой написания конкретного списка. Как мы уже неоднократно указывали, сама форма изложения хроник-перечней способствовала завершению текста датировочной формулой, соотносимой со временем переписки произведения. Таким образом, предположение Д.С. Лихачева, что автор хронографического свода использовал текст, близкий к протографу нескольких списков Ел-2 (П, К, Б – по классификации О.В. Творогова), и дополнил его в 1392 г., остается важным звеном в истории развития памятника.

События 1204 г. сохранила историческая память разных народов. Но с особой силой они запечатлелись в сознании древнерусских книжников. Именно в Древней Руси захват Константинополя крестоносцами, разрушение и гибель многих христианских святынь восприняли как серьезную угрозу Второму Риму и Византийской империи. Возможно, именно тогда возникло представление о преемственности Русью традиций православия, и в пытливых умах создателей будущих хронографических и будущих летописных сводов зародилась идея древнерусского Третьего Рима. Древнерусские писатели стали задумываться над тем, как Древняя Русь связана с историей христианства и как вписать ее историю в контекст всемирно-исторического развития. Постепенно (окончательно в XV в.) слияние элементов хронографического жанра, привнесенного из византийской традиции, с летописным становится характерной чертой древнерусского исторического повествования.

Мы не касаемся здесь вопроса о новгородском происхождении Ел-2. Нам представляется, что проблема места и времени создания этого памятника не может быть реше-

на окончательно без детального текстологического исследования и издания Ел-1, которое поможет прояснить этапы истории его архетипа.

Несмотря на сделанные выше замечания, следует еще раз подчеркнуть особую научную ценность труда, выполненного О.В. Твороговым и его помощниками (С.А. Давыдовой и В.И. Смирновым). Этот труд важен для широкого круга исследователей средневековой письменности: историков, литературоведов, лингвистов. Это издание, несомненно, побудит новые поколения ученых обратиться к рассмотрению нерешенных проблем древнерусской хронографии, которые были сформулированы отечественными учеными еще на рубеже XIX–XX вв.

Е.Н. Мещерский
Е.К. Пиотровский

ВИЗАНТИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В КРЫМУ: НОВЫЕ КНИГИ

Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсонеса. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 266 с. 120 рис. Нем. рез.

Книга А.И. Романчук представляет читателю картину истории средневекового Херсонеса на основе многолетних археологических исследований, в том числе и тех, которые осуществляла экспедиция Уральского университета под руководством автора. Широко использованы также данные письменных источников. Особое внимание сосредоточено на дискуссионных вопросах – истории “темных веков” (переход от античного города к средневековому) и последней фазы существования Херсонеса в XIII–XIV вв. На примере Херсонеса А.И. Романчук рассматривает как общие проблемы развития византийского города, так и специально-археологические вопросы, например, “об интерпретационных возможностях свидетельств археологии”. Работа состоит из краткого введения, очерков, построенных по тематическому принципу, заключения, двух приложений, списка литературы (с. 248–264). Идеи автора иллюстрируются большим количеством рисунков. Очерк 1 содержит историю изучения города, приводятся биографические сведения о некоторых исследователях. В очерке 2 рассматривается оборонительная система Херсона, в очерке 3 – культовые сооружения, очерк 4 посвящен промыслам, в особенности цистернам по засолке рыбы, очерк 5 – производственным комплексам Херсонеса, в частности гончарному ремеслу на материале строительной керамики. Планировка Херсона, ее изменения, жилое строительство, типичные находки в усадьбах – содержание очерка 6, в котором анализ стратиграфии связан с историей возведения крупных сооружений, в том числе церквей. Очерк 7 содержит описание портового района с особым вниманием к “закрытым комплексам” разных периодов, слоям разрушения позднего византийского времени и наиболее выразительным материалам, среди которых богатая коллекция глазурованной керамики. В заключении излагаются выводы о двух периодах интенсивного строительства в городе: конца VI – VII и XI–XII вв., о торговых связях Херсонеса с Малой Азией и славянскими землями. Автор справедливо отмечает, что обычно периоды процветания и стабильной жизни слабо представлены в культурных слоях, тогда как разрушения, пожары, потрясения наблюдаются очень отчетливо. Книга завершается двумя полезными Приложениями. В первом дана хронологическая таблица основных событий истории города, с указанием письменных и эпиграфических источников. Второе содержит список храмов Херсона, с кратким описанием и библиографией. Ожидается издание немецкой версии этой важной монографии в серии *Colloquia Pontica* (*Tsetschladze G.R. New Publications // Ancient West and East. 2002. Vol. 1, 1. P. 218*); в дальнейшем автор предполагает публиковать археологические материалы из раскопок Херсона по отдельным группам находок (поливная керамика, монеты и др.), и таким образом дать в руки исследователей необходимый инструмент для работы.

Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VII. Сб. / Ред.-сост. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения Национальной академии наук Украины, 2000. 416 с.
Вып. VIII. Сб. / Ред.-сост. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения Национальной академии наук Украины, 2001. 536 с.
Вып. IX. Сб. / Ред.-сост. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения Национальной академии наук Украины, 2002. 640 с.

Десятилетнее существование Крымского отделения Института востоковедения Национальной академии наук Украины, которым руководит А.И. Айбабин, отмечено активной издательской деятельностью. Девять объемистых сборников Материалов по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ) уже хорошо известны исследователям, в особенности археологам. Охарактеризуем кратко три последних выпуска. Вып. VII – особый, он включает тексты докладов, зачитанных на международной конференции “Византия и Крым”, прошедшей в Севастополе в июне 1977 г. Статьи известных европейских специалистов – Ж. Дагрона, В. Зайбта, Ж.-К. Шене, Н. Икономидиса (†), М.-Ф. Озели, Дж. Ховард-Джонстона, К. Тотева – делают этот том особенно интересным. Жильбер Дагрон, рассматривая Крым в широкой византийской перспективе, зорко подметил его “двуликость”, своеобразие исторической судьбы этого полу- или почти острова, которая проходила “под знаком двойственности”, обусловленной его “полупринадлежностью к византийскому миру” (*Dagron G. Crimée ambiguë (IVe–Xe siècles)* – Дагрон Ж. Двуликий Крым. IV–X вв. // МАИЭТ. 2000. VII. С. 289–301). Действительно, публикации в сборниках МАИЭТ дают хорошее представление о сложности исторических процессов в Крыму.

Статьи сгруппированы вокруг нескольких больших тем. Прежде всего это этническая ситуация в Крыму, важный материал для изучения которой дают позднеантичные и средневековые некрополи (И.Н. Храпунов, В.П. Власов, Е.А. Зинько – VII вып., А.Е. Пузровский, Ю.П. Зайцев и И.И. Неневоля, С.А. Мульд, А.И. Айбабин и Э.А. Хайрединова – VIII вып.); реконструкции костюма погребенных выполнены Э.А. Хайрединовой (VII, IX вып.). Особые темы: история и археология авар (Ф. Дайм – IX вып.), хазары (А.И. Айбабин – VII, К. Цукерман – VIII, IX вып., А.А. Тортика – IX вып.), взаимоотношения славян и тюркского мира (О.М. Приходнюк – VII вып.), “руническая надпись”, принадлежавшая готам-христианам (Д.А. Шалыга – VII вып.), аланы-ясы в Саркеле-Белой Веже (О.Б. Бубенок – VIII вып.). Этнические сюжеты дополняются публикациями о еврейских общинах в Мангупе (А.Г. Герцен – VII вып.) и о крымчаках (Я.С. Янбай – VIII вып., И.В. Ачкинази – VIII, IX вып., Е.И. Пейсах – IX вып.). История Крыма по данным турецких источников – тема статей Ф.Х. Хайбуллаевой, А.Г. Герцена, Д.А. Прохорова (VIII вып.).

Активно изучаются города Боспора, в частности Нимфей (В.Н. Зинько – VIII вып.), поселения салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи (В.Н. Зинько и Л.Ю. Пономарев – VII вып.), оборонительные сооружения близ Феодосии (А.В. Гаврилов – VIII вып.), римские крепости и гарнизоны (И.А. Антонова и Д.А. Костромичев – VII вып., В.И. Новиченков и Н.Г. Новиченкова – IX вып.), жилые кварталы Херсонеса (С.Г. Рыжов – VIII вып.), а также отдельные типы памятников, такие, как раннехристианские церкви (А.И. Завадская – VII, VIII, IX вып.), стекло и керамика (В.П. Власов – VIII вып., Л.А. Голофаст – VIII, IX вып.), фибулы (И.О. Гавритухин – IX вып.). Многочисленны публикации по нумизматике (О.Н. Мельников, В.Н. Зинько, А.Н. Корщенко, В.А. Сидоренко – VII вып., В.И. Павленков, О.Н. Мельников, В.А. Сидоренко, Н.Н. Иванов – VIII вып., В.А. Кутайсов, В.Н. Зинько, А.В. Куликов, В.А. Сидоренко – IX вып.) и сфрагистике (В.С. Шандровская – VII вып., Н.А. Алексеенко – VII, IX вып.). Находкам из разных пунктов Болгарии посвящены публикации В. Йотова и Р. Рашева (VIII вып.). Антропологические материалы из могильника у с. Лучистое рассмотрены в статье В.Ю. Радочина (IX вып.).

Во всех выпусках МАИЭТ публикуются историографические обзоры (Д.А. Прохоров – VII вып., А.А. Непомнящий – IX вып.), материалы дискуссий (А.Г. Герасимов – IX вып.), рецензии, персоналии и т.д. Статьи снабжены большим количеством иллюстраций.

В целом тома МАИЭТ дают широкую панораму истории и этнографии Крыма. Интенсивность публикаций позволяет ожидать появления монографий по отдельным проблемам, тем более что некоторые обширные статьи являются завершёнными исследованиями (Л.А. Голофаст, Ф. Дайм и др.). Проблемы этнической истории, приоритетные для симферопольского научного центра, уже получили свое обобщение.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: “Дар”, 1999. 350 с., 87 рис. в тексте, XXXII табл. Нем. рез.

Монография А.И. Айбабина посвящена сложной проблеме – этнической истории Крыма с необычайной пестротой ее населения, частыми сменами этносов, трудностями идентификации археологических культур с конкретными этническими группами и постоянными дискуссиями вокруг хронологии материалов некрополей. Работа выполнена в рамках сотрудничества Национальной академии наук Украины с французским Центром истории и культуры Византии (Национальный центр научных исследований, Коллеж де Франс). Книга состоит из предисловия, введения, четырех глав, заключения, резюме, приложения, 32 таблиц и библиографии. Во введении описаны географические и климатические особенности полуострова, далее изложение построено в хронологическом порядке. В гл. I рассмотрен вопрос о населении Крыма в позднеантичный период; гл. II посвящена Крыму в эпоху Великого переселения народов; в гл. III описывается эпоха “От Юстиниана I до хазарской экспансии”; гл. IV содержит анализ населения Крыма под властью Хазарского каганата. Автор делает вывод об особом динамизме этнических процессов. Они начались в середине III в. миграциями, вызванными военной активностью германцев. В результате к концу III–IV в. на европейском Боспоре появились греки, сарматы и аланы, в Юго-Западном Крыму – аланы, бораны и готы. В Херсонесе – греки. На рубеже IV–V вв. гунны завладели значительной частью полуострова, отмечаются новые миграции алан в горный Крым, а части германцев – за пределы полуострова. Юстиниан I присоединил к империи Боспорское царство и область Дарданеллы, Херсон стал военно-административным центром империи. Хазарская экспансия последней четверти VII в. вновь изменила этнополитическую ситуацию в Крыму, в некоторых районах Крыма осели булгары. В третьей четверти VIII в. венгры изгнали хазар из Крыма, к концу IX в. мадьяры сменили печенег. К этому времени Византия вернула крепости горного Крыма под свое правление, восстановила Готскую епархию. По мнению автора, к концу X в. завершается многовековой ассимиляционный процесс формирования горно-крымской народности, которая впитала в себя разнообразные компоненты.

Хронология инвентаря могильников Крыма в период между 240 и 900 гг. представлена в приложении (с. 249–284). Автор выделяет 12 групп комплексов, которые представлены на таблицах; для установления относительной хронологии особенно важны захоронения Эски-Кермена и большого могильника у с. Лучистое (вторая половина III – вторая половина IX в.). По-видимому, перед автором стояла трудная проблема: как отделить этническую историю Крыма, которой посвящена книга, от “просто истории”. Поэтому на многих страницах видим экскурсы в вопросы распространения христианства, церковной организации, культового и крепостного строительства, топографии Херсонеса, этнографии и др. Можно заключить, что содержание книги существенно шире ее названия. Специалисты еще не раз выскажут свое мнение о конкретных вопросах, в особенности о датировках, – как известно, не все археологи согласны с хронологией А.К. Амброза, которой придерживается А.И. Айбабин. Но важнее отметить другое. Главная идея, смысл и дух этого исследования глубоко верны, потому что автору удалось создать широкую историческую картину. Здесь археология существует не для самой себя, а служит истории, и это осуществляется на наших глазах, а не в воображаемом будущем. На мой

взгляд, при возможном переиздании книги желательным было бы включить в состав иллюстраций фото-документацию; кое-где можно бы пополнить библиографию (например, на с. 123–124 обсуждается вопрос о дате Мангупского культового комплекса, однако не упомянуты ни датировки, ни работы Н.И. Барминой, которая занималась изучением памятника не одно десятилетие). Труд А.И. Айбабина – значительное явление, без него уже не обходится ни один историк и археолог, интересующийся Крымом. Как и монография А.И. Романчук, это новое поколение исследований, характерное для нынешней эпохи “сбора урожая”, обобщения работы предшествующих десятилетий.

Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le Haut Moyen Age / Textes réunis et présentés par Michel Kazanski et Vanessa Soupault. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000 (Colloquia Pontica. Vol. 5). 302 p.

Сборник статей, посвященный археологии Крыма и Кавказа в период поздней античности и раннего средневековья, можно включить в настоящий обзор потому, что в нем идет речь о “пonto-кавказском пространстве” – термин, который прижился в литературе последних лет и подразумевает те территории Северного Кавказа, которые непосредственно связаны с Причерноморьем. Из 16 статей этого сборника кавказским аланам посвящено три. Статьи специалистов из Франции, Великобритании, Венгрии, России, Украины освещают период III–VII вв., многие содержат публикации новых материалов. Сборник открывается введением Г.Р. Цецхладзе, редактора серии Colloquia Pontica, и введением редакторов настоящего издания М. Казански и В. Супо. Статьи объединяются в три раздела: “Связи восток – запад и север – юг”, “Варварский Крым, Херсонес римский и византийский”, “Аланский Кавказ”. Проблемы, связанные с ираноязычными народами (сарматы и аланы), отражены во многих статьях, представлены также материалы о тюркско-булгарских и германских племенах.

В первом разделе в статье В. Кузнецова рассматривается вопрос об аланах и сарматах в Западной Европе (Галлия, Паннония, Испания, Африка) в эпоху Великого переселения народов, где автор стремится дополнить сведения письменных источников археологическими свидетельствами. В статье М. Казански и П. Перена показано, что так называемые “мухообразные” фибулы, место производства которых остается неясным, были распространены в Европе в зонах контактов между римским и варварским миром. В. Кулаков отметил важность торговли между южным побережьем Балтийского моря и дунайскими провинциями империи (“янтарная дорога”) в эпоху Нерона.

Статьи второго раздела очень разнообразны. А. Лагутин публикует бронзовые наконечники с греко-скифского поселения Кара-Тобе как первое археологическое свидетельство скифско-боспорской войны в 20-х годах I в. Латинские эпиграфические свидетельства II в. рассмотрены в статьях С. Сапрыкина и С. Дьякова. Три публикации (А. Айбабин, К. Пиле, М. Казански, Э. Хайрединова, М. Трейстер) посвящены новым материалам IV–VII вв. из большого некрополя у с. Лучистое близ Алушты (византийский Алустон). Одна из них (М. Казански, М. Трейстер) вызвала дискуссию (см. МАИЭТ. 2001. VIII. С. 518–524). Ю. Андраши нашла новые сведения о коллекции ювелирных изделий А.Л. Бертье-Делагарда в Британском музее. В статье А. Гаврилова опубликован инвентарь богатого захоронения кочевника VI – начала VII в. из с. Новопокровка в Восточном Крыму. А. Сазанов предпринимает попытку уточнить хронологию амфор и краснолаковой керамики, происходящей из закрытых комплексов Херсонеса конца VI – третьей четверти VII вв.

В третьем разделе две статьи посвящены аланским некрополям: в Хасауте и Клинь-Яре близ Кисловодска (В. Кузнецов, по старым раскопкам В.Р. Алухтина) и в том же Клинь-Яре (Х. Херке и А. Белинский), где недавние раскопки открыли “привилегированный сектор”, принадлежавший сармато-аланской элите. И. Аржанцева, Д. Деопик, В. Малашев рассматривают раннеаланский “протогород” Цигли. Эта работа интересна тем, что аланские поселения, в сравнении с некрополями, изучены значительно меньше.

В качестве заключения М. Казански и В. Суно опубликовали развернутый и очень полезный историографический обзор о состоянии изучения археологических памятников позднеантичного и раннесредневекового в Крыму (III–VII вв.), в течение 1990–1995 гг. Эта обширная и внимательно составленная библиография показывает активную работу археологов, которая в последние годы приобрела новое измерение благодаря международному сотрудничеству украинских и российских археологов с зарубежными коллегами. Она предназначена для западного читателя, но, по моему, была бы полезна всем заинтересованным специалистам. Однако исчерпывающих библиографий, как известно, не существует. Добавим и к этой несколько публикаций:

Buschhausen H., Marcenario M. Crimea // *Enciclopedia dell'arte medievale*. 1994. V. P. 467–472; *Jakobson A.L.* Krim // *Reallexikon zur Byzantinische Kunst*. 1995. V. S. 375–43; *Romančuk A.I.* Cherson im Mittelalter: Stadtische Funktionen und ihre Widerspiegelung in den Quellen // *Byzantinoslavica*. 1992. 53. S. 202–212. *Šandrowskaja V.S.* Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // *Studien zur Byzantinische Sigillographie*. 1993. 3. S. 85–89; *Eaden* Neuen Funde an byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim // *Studien zur Byzantinische Sigillographie*. 1994. 4. S. 153–161.

Статьи сборника дают представление о состоянии изучения многих важных проблем позднеантичной археологии Крыма и Северного Кавказа. Его редакторы справедливо сетуют на то, что многие публикации украинских и российских авторов остаются почти неизвестными западному читателю. Настоящее издание поможет уменьшить эту информационную дисгармонию.

Л.Г. Хрушкова

К 70-ЛЕТИЮ МАРГАРИТЫ АДОЛЬФОВНЫ ПОЛЯКОВСКОЙ

24 января 2003 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Маргариты Адольфовны Поляковской, известного византиниста, профессора Уральского государственного университета, члена редколлегии “Византийского временника”.

Окончив исторический факультет Уральского университета по кафедре истории древнего мира и средних веков, М.А. Поляковская прошла византиноведческую “выучку” у одного из крупнейших российских византинистов Михаила Яковлевича Сюзюмова и преподавателя греческого языка Александра Лавровича Вознесенского. Учителя принесли в эту “школу” некий европейский стандарт: Сюзюмов был выпускником Юрьевского университета, а Вознесенский – Нежинского института древних языков. Профессор М.Я. Сюзюмов, осознавая оторванность Урала от крупных научных центров, стремился ввести свою ученицу в круг общения московских и ленинградских ученых – А.П. Каждана, Г.Г. Литаврина, Б.Т. Горянова, Г.Л. Курбатова и их учеников. М.Я. Сюзюмовым было испрошено согласие Е.Э. Гранстрем на проведение интенсивного двухмесячного курса древнегреческой палеографии. Занятия с молодой подопечной Евгения Эдуардовна проводила в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (ныне Государственной национальной библиотеки).

В июне 1966 г. М.А. Поляковская защитила кандидатскую диссертацию на тему “Рост монастырских владений в Фессалонике и Серрах в XIV в. как проявление своеобразия поздневизантийского города”. Главным оппонентом на защите была доктор наук, зав. сектором византиноведения Института всеобщей истории АН СССР З.В. Удальцова. Основная идея диссертации заключалась в установлении обратного, “перевернутого” по сравнению со средневековой Западной Европой, пути развития византийского города.

Уже во время обучения в заочной аспирантуре М.А. Поляковская сочетала подготовку и защиту кандидатской диссертации с преподавательской работой в университете. Как истинно университетский преподаватель, она всегда, начиная с далекого 1960 г., успешно соединяла научную и педагогическую деятельность, внося черты созидательности и творчества в любое свое начинание. Многие годы читает она общий курс по истории средних веков, проблемные специальные курсы по истории культуры средневековой Европы, по византийской дипломатике, византийской книжной культуре.

После защиты кандидатской диссертации в центре научных интересов М.А. Поляковской находится поздневизантийская риторика, специфика отражения общественно-жизни и мироощущения византийца в таких источниках, как письма и речи – энкомии, монодии, треносы. В октябре 1981 г. она защитила в Совете Ленинградского университета докторскую диссертацию “Проблемы общественной жизни Византии в понимании современников (40-е – 60-е годы XIV в.)”. Ведущим учреждением, представившим предварительный отзыв о диссертации, был сектор византиноведения Института всеобщей истории АН СССР, оппонентами на защите были известные византилисты Г.Л. Курбатов, Г.Г. Литаврин, И.П. Медведев.

Объектом исследований М.А. Поляковской на многие годы стала личность в сложных взаимоотношениях со временем и обществом. Представления человека, живущего в византийском мире, как об этом мире, так и о предназначении человека, о прошлом и будущем, о дружбе на ниве интеллектуальных штудий, о врагах и войнах – во поле ее исследований. Судьбе образованного, творческого, пишущего человека посвящено не одно сочинение М.А. Поляковской. Книга “Портреты византийских интеллектуалов” в ее втором издании (“Алетейя”. СПб., 1998) была отмечена первой премией в конкурсе научных работ Уральского университета.

Особое место в исследованиях М.А. Поляковской занимает проблема политической мысли Византии – государственная идеология, политические воззрения, нормы политического поведения и ориентации в непростом мире постоянных межгосударственных, этнических, религиозных, социальных, идеологических противоречий. В исследованиях М.А. Поляковской отмечалось, что поздневизантийская политическая мысль на ее различных уровнях – политической теории, идеологии, политического поведения, – отражая реальные импульсы общественной жизни, далеко не всегда была адекватна процессам общественного развития империи, хотя именно в этой сфере она быстрее и гибче реагировала на события эпохи, нежели в сфере философии, морали, социальных воззрений. Этим проблемам посвящено ее сочинение “Общественно-политическая мысль Византии” (Свердловск, 1981), а также написанная ей в соавторстве с И.П. Медведевым глава “Развитие политических идей в поздней Византии” в третьем томе “Культуры Византии” (М., 1991).

К своему 70-летию М.А. Поляковская подготовила книгу “Византия, византийцы, византийцы”, первая часть которой построена по принципу *variagum*, где статьи разных лет объединены идеей “человек – власть – общество”. К привычным для исследовательницы риторическим источникам прибавились церемониальные книги на основании анализа которых сделаны выводы о самодостаточности такой структуры, как высшая чиновная корпорация, чья жизнь была оторвана от жизни остального общества. Обладатели высших титулов и чинов, участники традиционных ритуалов самовыражения власти, полагали, что именно их деятельность несет стране стабильность.

Несколько неожиданным, если учитывать научные склонности М.А. Поляковской, было появление ее книги “Византия: быт и нравы” (Свердловск, 1989), написанной в соавторстве с Александрой Алексеевной Чекаловой. Книга, фундированная разнообразным материалом источников, родилась из тех глав, которые создавались авторами трехтомной “Культуры Византии” (М., 1991).

Многое было сделано М.А. Поляковской для сохранения памяти об ушедшем поколении византистов. Ею написано много статей о ее учителе профессоре М.Я. Сюзюмове; при деятельной помощи его ученицы профессора А.И. Романчук был издан том трудов учителя. Во второй части своей книги “Византия, византийцы, византийцы” М.А. Поляковская стремится реконструировать “мир византистов”, обратиться к запечатленным в письмах их образам: это портреты М.Я. Сюзюмова, А.П. Каждана, С.В. Поляковой, Е.Э. Гранстрем, Б.Т. Горянова.

Несомненной заслугой М.А. Поляковской как заведующего кафедрой истории древнего мира и средних веков (с 1979 г.) является сохранение той научной школы, которую создал ее учитель. Вышли в свет уже 33 выпуска основанного М.Я. Сюзюмовым сборника “Античная древность и средние века”, широко известного в византиноведческих кругах далеко за пределами России. Продолжает существовать Херсо-

несская экспедиция, которой уже более сорока лет (хотя ситуация в стране не благоприятствует ее работе). Проведено 11 Сюзюмовских чтений, собирающих известных ученых из Москвы, Петербурга, Волгограда, Барнаула, Тюмени. По проблемам истории Византии на кафедре защищено 4 докторских диссертации. Разумеется, это заслуга всего кафедрального коллектива, который и называют за его творческий потенциал научной школой. Именно за сохранение научной школы М.А. Поляковская была удостоена в 1997 г. почетного звания “Заслуженного деятеля науки РФ”. Требовательность и корректность, академизм и интерес к современности, широта мышления и образность, готовность к саморазвитию и к передаче научного и социального опыта – вот составляющая успеха этой школы, которая на протяжении десятилетий олицетворяет собой одно из важнейших направлений гуманитарной мысли в старейшем университете уральского региона.

Коллектив Центра по изучению византийской цивилизации и редакция “Византийского временника” сердечно поздравляет М.А. Поляковскую (члена редколлегии ВВ) с юбилеем и желает ей многих лет здоровья и творческих успехов!

1964

Городские владения провинциальных монастырей в поздней Византии // ВВ. Т. 24. С. 202–208.

Студенческие работы по истории Византии в Уральском государственном университете в 1962–1963 учебном году // ВВ. Т. 25. С. 283–284.

1965

Монастырские владения в Фессалонике и ее пригородном районе в XIV – начале XV в. // АДСВ. Вып. 3. С. 17–36.

Тенденция роста пригородных монастырских владений в XIV в. (на примере пригородов Фессалоники и Серр) // Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции византистов. Тбилиси, 1965. С. 30–31.

1966

К вопросу о характере городской и пригородной монастырской собственности в поздней Византии // АДСВ. Вып. 4. С. 75–93.

Рост монастырских владений в Фессалонике и Серрах в XIV в. как проявление своеобразия поздневизантийского города. Автореф. дис. на соискание учен. ст. канд. ист. наук. Свердловск, 1966.

1967

Монастырские владения в городе Серры и пригородном районе в XIV в. // ВВ. Т. 27. С. 310–318.

1968

Некоторые проблемы античности и средневековья в работах аспирантов Уральского университета // Историческая наука на Урале за 50 лет 1917–1967. Материалы 3-й научной сессии ВУЗов Уральского экономического района (исторические науки). Вып. 2. Всеобщая история. Свердловск. С. 59–67.

1969

Участие византийских монастырей в политической жизни империи середины XIV в. // АДСВ. Вып. 6. С. 55–78.

Своеобразие развития городского сословия в Византии // Вопросы истории. Материалы научной конференции. Уфа. С. 237–239.

1971

О памфлете Николая Кавасилы // АДСВ. Вып. 7. С. 149–158.

1972

Алексей Макремволит. Разговор богатых и бедных. Что сказали бы бедные богатым и что богатые ответили бы им / Перевод и комментарии М.А. Поляковской // ВВ. Т. 33. С. 278–285.

К вопросу о социальных противоречиях в поздневизантийском городе (по Алексею Макремволиту) // АДСВ. Вып. 8. С. 95–107.

1973

Толкование повести “Лукий, или осел” Алексеем Макремволитом // ВВ. Т. 34. С. 134–140.

Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник // АДСВ. Вып. 9. С. 77–88.

Понятие нравственной нормы в византийской литературе XIV в. (Алексей Макремволит) // АДСВ. Вып. 10. С. 251–254.

Михаил Яковлевич Сюзюмов (К восьмидесятилетию со дня рождения) // ВВ. Т. 35. С. 300–303.

Рец. на: История Византии. Т. 1–3 // Вестник Академии наук СССР. М. С. 122–124.

Рец. на: *Αγγελόπουλος Α. Α. Νικόλαος Καβάσιλας Χαμαετός. Η ζωή και το έργο του. Θεσσαλονίκη*, 1970 // ВВ. Т. 35. С. 268–270.

1975

Эсхатологические представления Алексея Макремволита // АДСВ. Вып. 11. С. 87–99.

Политические идеалы византийской интеллигенции середины XIV в. (Николай Кавасила) // АДСВ. Вып. 12. С. 104–116.

1976

Взгляды Николая Кавасилы на ростовщичество // АДСВ. Вып. 13. С. 83–96.

1977

Этические проблемы “Слова против ростовщиков” Николая Кавасилы // АДСВ. Вып. 14. С. 77–84.

1979

Понимание социальных проблем византийскими авторами середины XIV в. // ВВ. Т. 40. С. 9–21.

Димитрий Кидонис и Запад (60-е годы XIV в.) // АДСВ. Вып. 16. Социальное развитие Византии. С. 46–57.

Нестор русских византинистов // Вечерний Свердловск. 26 января. С. 3.

1980

Димитрий Кидонис и Иоанн Кантакузин (к вопросу о политической концепции середины XIV в.) // ВВ. Т. 41. С. 173–182.

Понимание патриотизма Димитрием Кидонисом // АДСВ. Вып. 17. Античные традиции и византийские реалии. С. 45–52.

1981

Общественно-политическая мысль Византии (40–60-е годы XIV в.). Свердловск. 80 с.

Алексей Макремволит о внешнеполитическом положении Византии // АДСВ. Вып. 18. Античный и средневековый город. С. 135–140.

Проблемы общественной жизни Византии в понимании современников (40–60-е годы XIV в.). Автореф. дис. на соискание учен. ст. докт. ист. наук. Л. 32 с.

1982

“Апология I” Димитрия Кидониса как памятник византийской общественной мысли XIV в. // Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин. С. 20–37.

1983

К характеристике средневекового ученого (значение научной дискуссии в понимании Димитрия Кидониса) // АДСВ. Вып. 20. Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. С. 40–51.

1984

Жизнь и смерть в понимании Димитрия Кидониса // АДСВ. Вып. 21. Античная и средневековая идеология. С. 109–119.

1986

Освещение фессалоникийского восстания 1345 г. в памятнике риторической литературы // ВВ. Т. 48. С. 73–83.

Рец. на: *Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und. erläut. von F. Tinnefeld. I Teil. 1. Hbd. (Einleitung und 47 Briefe); 2 Hbd. (91 Briefe, Register). Stuttgart: Anton Hiersmann, 1981, 1982* // ВВ. Т. 46. С. 230–234.

Рец. на: Культура Византии. IV – первая половина VII в. М., 1984. // ВВ. Т. 46. С. 244–248.

Научные чтения памяти М.Я. Сюзюмова // ВВ. Т. 46. С. 277–280.

Рец. на: *Vier Proömien zu Kaiserurkunden, verfasst von Demetrios Kydones/ Edition Textparaphrase und Kommentar F. Tinnefeld // BS. 1983. XLIV, 1. P. 13–30; 2. P. 178–195* // ВВ. Т. 47. С. 251–254.

1987

К характеристике византийской образованности: учителя и ученики // АДСВ. Вып. 23. Проблемы идеологии и культуры. С. 111–120.

1988

Оценка периода генезиса византийского феодализма в трудах М.Я. Сюзюмова (к 95-летию со дня рождения) // АДСВ. Вып. 24. С. 7–19.

Исследовательские принципы в творчестве М.Я. Сюзюмова // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. Свердловск. С. 102–109.

1989

Византия: быт и нравы. Свердловск. 189 с. (в соавторстве с А.А. Чекаловой).

Социальный регресс и авторитарность власти (поздняя Византия) // Научно-технический прогресс: исторический опыт и современность. Взаимодействие технического и социального прогресса в эпоху феодализма. Информационные материалы. Свердловск. С. 64–66.

1991

Быт и нравы поздневизантийского общества // Культура Византии XIII – первая половина XV в. М. Т. 3. С. 224–241.

Развитие политических идей в поздней Византии // Культура Византии XIII – первая половина XV в. М. Т. 3. С. 255–279 (в соавторстве с И.П. Медведевым).

Рец. на: *Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт)* Л., 1988 // ВВ. Т. 52. С. 275–279.

Как мудр был учитель... // Уральский следопыт. Свердловск. № 6. С. 60–62.

Образ человека в византийском письме // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. Т. II. М. С. 909–910.

История Византии в Уральском университете // Византиноведение в СССР: Состояние и перспективы исследований. К XVIII Международному конгрессу византистов. М. С. 110–150.

1992

Портреты византийских интеллектуалов. Екатеринбург. 257 с.

Эмоциональный мир византийца // АДСВ. Вып. 26. Византия и средневековый Крым. Барнаул. С. 134–141.

280

1993

Абсолютизм и проблема “социальных качелей” // Научные доклады, посвященные столетию со дня рождения профессора М.Я. Сюзюмова. Тезисы докладов. Екатеринбург. С. 29–31.

Ученый и время: К 100-летию со дня рождения М.Я. Сюзюмова // ВВ. Т. 54. С. 170–182.

Первый европейский университет // Клио. Исторический вестник. Екатеринбург. Вып. 1–3. С. 42–44.

Рец. на: *Demetrios Kydones. Briefe (Bibliothek der griechischen Literatur. Bd. 33). Stuttgart. T. 2* // ВВ. Т. 54. С. 192–194.

1994

Место города в исторической судьбе Византии // Античный и средневековый город. Тезисы докладов VII Сюзюмовских чтений. Екатеринбург; Севастополь. С. 3–7.

Научный опыт новой серии “Византийского временника” (1947–1994) // Российское византиноведение: итоги и перспективы. Тезисы докладов и сообщений на Международной конференции, посвященной 100-летию ВВ и 100-летию РАИК (СПб., 24–26 мая 1994 г.). М. С. 114–115.

Первый европейский университет // Уральский университет. Июль, № 7 (2334). С. 3.

1995

К спорам о скаранике // АДСВ. Вып. 27. Византия и средневековый Крым. Симферополь. С. 41–45.

Проблема городской культуры в контексте средневековья // Византия и Крым: Проблемы городской культуры. Тезисы докладов VIII научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург. С. 42–45.

М.Я. Сюзюмов: парадоксы жизни и творчества // Известия УрГУ. Екатеринбург. № 4. С. 51–54.

1996

Интеллектуалы и власть в Византии // Византийские очерки. Труды российских ученых к XIX Международному конгрессу византистов. М. С. 5–24.

Freisinn oder Angst? Die moralischen Dominanten zweier Korporationsgruppen der byzantinischen Gesellschaft // Byzantium: Identity, Image, Influence. Abstracts. XIX International Congress of Byzantine Studies. Copenhagen. P. 7621.

1997

Плен как экстремальная ситуация столкновения представлений о “своих” и “чужих” // Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего отечества. Тезисы докладов конференции. Москва, 23–25 июня 1997 г. М. С. 37–38.

Интерпретация понятия “византизм” в русской научной литературе конца XIX – начала XX в. // Византия: кумуляция и трансляция культур. Тезисы докладов IX научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург. С. 43–45.

Рец. на: Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995. 462 с. // ВВ. Т. 57. С. 273–276.

1998

Диканикий как атрибут власти византийских архонтов // Византийское государство в IV–XV вв.: Центр и периферия. Тезисы докладов XV Всероссийской научной сессии византистов. Барнаул. С. 63–65.

Фракийский дневник молодого интеллектуала (август–сентябрь 1346 г.) // ВВ. Т. 55, ч. 2 (80). С. 206–211.

281

Портреты византийских интеллектуалов: Три очерка. СПб.: Изд-во "Алетейя". Издание второе, исправленное и дополненное. 351 с.

Херсонес в письмах М.Я. Сюзюмова // История Византии и византийская археология. Тезисы докладов X научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург. С. 5–8.

Место семейного клана в структуре поздневизантийского общества: Тарханиоты АДСВ. Вып. 29. С. 153–164.

Вопреки времени: к 75-летию Александра Петровича Каждана // Одиссей. С. 366–368 (в соавторстве с А.А. Чекаловой).

1999

К социальной характеристике поздневизантийского общества: Кавасилы // ВВ. Т. 58. С. 26–37.

Византия в контексте европейской средневековой государственности: проблема лидера и темпов развития // АДСВ. Вып. 30. С. 37–46.

Византия: феномен некорпорированности общества // Екатеринбургский гуманитарий: Научный альманах. Екатеринбург. № 1. С. 17–23.

Понимание социальных проблем византийскими авторами середины XIV в. // Византийская цивилизация в освещении российских ученых 1947–1991. М. С. 557–569.

Александр Петрович Каждан // ВВ. Т. 58. С. 304–306.

2000

Эволюция парадного обеда византийских императоров (X–XIV вв.) // АДСВ. Вып. 31. С. 157–172.

Общество, власть, интеллектуальная элита: Поздняя Византия // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург. С. 87–93.

2001

Византийская чиновная лестница в эпоху Палеологов // АДСВ. Вып. 32. С. 193–212.

Рец. на: Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 631 с. // ВВ. Т. 60 (85). С. 222–225.

2002

Михаил Яковлевич Сюзюмов: ученый и время // Сюзюмов М.Я. Византийские этюды. Екатеринбург. С. 5–22.

Рец. на: *Demetrios Kydones. Briefe* (Bibliothek der griechischen Literatur, Bd. 50) / Übers. und erläutert. von F. Tinnefeld. Teil 3. (112 Briefe, Register). Stuttgart, 1999 // ВВ. Т. 61(86). С. 211–212.

Рец. на: *Norwich J.J. Byzanz*. Bd. I – 520 S.; Bd. II – 519 S.; Bd. III – 560 S. // ВВ. Т. 61(86). С. 203–205.

2003

Византия, византийцы, византийцы. Екатеринбург. 432 с.

Народ и власть в поздней Византии // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург. С. 82–84.

Турецкая тема в поздневизантийской риторике // Историческая роль Константинополя (в память о 550-летию падения Византийской столицы). Тезисы докладов XVI Всероссийской научной сессии византистов. М., 2003. С. 94.

Рец. на: *Matschke K.-P., Tinnefeld F. Die Gesellschaft im späten Byzanz: Gruppen, Strukturen, Lebensformen*. Köln; Weimer; Wien: Böhlau, 2001. 444 S. // ВВ. Т. 62. С. 178–182.

Из истории отечественной византистики: М.Я. Сюзюмов и А.П. Каждан (по материалам эпистолярия) // Мир Александра Каждана. СПб., С. 69–83.

Император и народ в Византии XIV в. в рамках церемониального пространства // АДСВ. Вып. 34. С. 314–321.

Турецкая интервенция в поздневизантийской риторике // Власть, политика, право в античности и средневековье. Барнаул. С. 210–216.

КОЛЛОКВИУМ В АФИНАХ ОБ ИСТОРИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ VII–XII ВВ.

Коллоквиум, посвященный византийской скульптуре, проходил в Афинах с 6 по 8 сентября 2000 г. Его организаторами были Французская школа в Афинах и Вторая инспекция византийских древностей Греции. Хронологические рамки коллоквиума – VII–XII вв. – исключили необозримое множество ранневизантийского мрамора, который, однако, следует признать принадлежащим в сущности еще поздней античности. Таким образом, речь шла в основном о скульптуре средневизантийского времени, поскольку памятников периода “темных веков” вообще немного, к тому же их трудно датировать. Выбор темы отнюдь не случаен. В последние годы скульптура перестала быть не приметной Золушкой византийской археологии и истории искусства. Если еще каких-нибудь 25 лет назад известная двухтомная монография А. Грабара (*Grabar A. Sculptures byzantines de Constantinople. IV-X s. P.*, 1963; *Idem. Sculptures byzantines du Moyen Âge. T. 2. XI–XIV s. P.*, 1976), посвященная этой теме, была основной, да едва ли и не единственной, то сейчас положение заметно изменилось: регулярно издаются своды и корпусы, в которых исследуются или отдельные группы памятников, или музейные коллекции, или территории и города. Изучение мраморов в Константинополе и вне его существенно продвинулось благодаря штудиям немецких и итальянских специалистов: У. Пешлова, И. Крамера, Т. Цолльта, К. Барзанти, Л. Паскуини Векии и др. Активно публикуются мало известные памятники, раскопки приносят новые материалы, создают общающиеся работы по регионам, среди последних, например, монография И. Етикен: *Ötügen Y. Forschungen im Nord-Westlichen Kleinasien. Antike und byzantinische Denkmäler in der Provinz Bursa. Tübingen, 1996 (Istanbuler Mitteilungen, 41)*. Готовится издание каталогов ряда важных коллекций, в частности мраморного декора Св. Софии (К. Барзанти, А. Гилья-Гуидобальди), скульптуры, хранящейся в музеях Никеи/Изник (А. Ялчин), Анталыи, в лапидарии церкви св. Николая в Мире/Демре (С. Алпаслан) и др.

На открытии коллоквиума проф. Ж.-П. Содини говорил о проблемах, задачах и перспективах изучения византийской скульптуры. Важным результатом предшествующей работы считается отделение ранневизантийской скульптуры от средневековой в целом. Следующая, пока еще нерешенная задача: дифференцировать “темные века” (VII–IX) от значительно более ясных X–XII вв. В первой хронологической группе мало точно датированных произведений, и пока “нет ясного видения архитектурной скульптуры” этого периода. Многие предстоит сделать для реконструкции реальных форм литургических устройств (темплон, эпистилиев, амвонов) средневизантийского времени; еще одна проблема – особенности местных мастерских, включая Преслав, Киев и другие центры; много неясного остается в характере и формах связей с исламским миром; пока не удалось объяснить, почему в архитектурном декоре мало антропоморфных мотивов.

В работе коллоквиума приняли участие представители Албании, Бельгии, Болгарии, Германии, Италии, Македонии, США, России, Турции, Франции и больше всего – самой Греции. Было заслушано около 40 докладов, последовательность которых соответствовала регионально-тематическому принципу. Первый день начался с темы Константинополя. Р. Фламинио (Италия) рассказала о скульптурном декоре церкви Христа Пантеоптес (Эски Имарет Джами), сопоставив его с декором церкви Богоматери Липса и некоторыми другими постройками столицы. М. Деннерт (Германия) рассмотрел средневизантийские капители столицы, отметив, что их не так много, всего около 45. Как обычно, они изолированы от своего архитектурного контекста, некоторые сохраняют связь с ранневизантийскими типами. Турецкие археологи представили несколько докладов о Малой Азии. И. Етикен подчеркнула актуальность проблемы датировок произведений пластики VII–XII вв. Другие темы носили более частный характер. М. Буйюкколанчи рассказал о плитах алтарного ограждения церкви св. Иоанна в Эфесе, в том числе и “темного времени” (VIII в.); З. Меркангоес, которая работает над каталогом византийской скульптуры в Западной Анатолии, отметила константинопольские влияния в памятниках этого региона, а также много близких аналогий на Балканах и в Греции. С. Алпаслан особое внимание обратила на хронологию и черты регионального стиля в архитектурном декоре Ликии. А. Ялчин продемонстрировала фрагменты сред-

невизантийской скульптуры из Ялвача, города в окрестностях Антиохии, которые происходят из старых раскопок, многие не опубликованы.

Балканские доклады не были многочисленными; два из них касались Болгарии. М. Ваклинова рассказала о скульптуре IX–X вв. из Великого Преслава, которую она разделила на три хронологические группы. А. Миланова рассмотрела продукцию одной провинциальной мастерской XI в. в Северо-Восточной Фракии, близ совр. города Ст. Загора. Скульптура XI–XII вв. на территории Македонии – сюжет доклада С. Филипповой (Македония), в котором автор сгруппировала памятники по стилистическому и хронологическому принципу. С. Мучай (Албания) рассмотрел декор IX–XI вв. из церкви Богоматери в Балши (Главаница).

Второй день коллоквиума был посвящен Греции. Большое количество элементов интерьера церквей, преимущественно X–XII вв., составляли довольно однородную группу. Больше всего речь шла об алтарных преградах. Доклады А. Менцоса, Г. Веленца, М. Камбури-Бамбуку и П. Драндакиса, Ф. Пазараса, П. Андрудеса и М. Контояннопулоса были посвящены скульптуре IX–XII вв. из церквей Фессалоники и других пунктов центральной Греции. М. Склаву-Мавроиди рассмотрела семантику и символику декора алтарных преград X в., Е. Манолессу – скульптуру церкви Хосиос Лукас, Г. Палис – архитектурные детали-спойли в некоторых церквях Аттики. Серия докладов была посвящена Пелопоннесу, и здесь говорилось преимущественно о темплонах X–XII вв. Г. Варалис, Г. Цекес исследовали декор церквей Арголитиды, К. Вандерхейде – Коринфа; тема коллоквиума обобщающего доклада В. Пенна, А. Лабропулу, И. Анагностакиса – производство и распространение архитектурных деталей в Пелопоннесе в VII–X вв. П. Етцеопулос рассказала об открытых раскопках фрагментов мраморного темплона из анонимной церкви в Монемиасии. Н. Драндакис еще раз обратил внимание на проблему хронологии скульптуры Пелопоннеса XI и XII вв.; А. Каввадиа изучила декорацию церквей X–XII вв. в Мистрах. Особое заседание было посвящено островам. Здесь были заслушаны следующие доклады: Е. Милици – о нескольких эпископиях и саркофагах с о-ва Кос, А. Калоти и Е. Папавасилиу – о скульптуре из Нисираса, Х. Пеннас – о темплоне с Хиоса, Х.М. Коррес – о темплоне с Наксоса. Доклады Х. Цигонаки о скульптуре церкви св. Тита в Гортине и А. Пралонг о декоре базилики Амантоты на Кипре отличались тем, что в них говорилось о ранних памятниках (VII в.).

Два заседания были тематическими. На одном из них обсуждались проблемы декора и иконографии, на другом – техники скульптуры. С. Мингуцци (Италия) проанализировала декорацию Сан Марко в Венеции: плиты, карнизы, капители, принадлежащие разным эпохам. А. Парибени (Италия) посвятил свой доклад редкому на этом коллоквиуме сюжету: рельефам с изображением Богоматери и их роли в литургии. Тема доклада П. Велисариу – так называемые “малоазийские” черты в декорации эпископий. Э. Айвисон (США) рассказал о фрагментах декорации стен и пола из недавних раскопок купольной базилики IX в. в Амории (Анатолия). Х. Бурас исследовал применение техники сверла в средневизантийской скульптуре Греции. К. Барзанти сделала развернутый доклад о технике инкрустации (“en champlevé”) на примере памятников Апулии XI–XII вв., проследив ее эволюцию и распространение в Византии, в странах мусульманского Востока и латинского Запада.

Из России в работе коллоквиума приняли участие А.М. Лидов и автор этих строк. В докладе “Видение Иезекииля и русская скульптурная декорация XII в.” А.М. Лидов развив свою гипотезу о символическом замысле скульптуры владимиро-суздальских храмов. Возможно, некоторые из них были построены архитекторами, присланными Андреем Боголюбскому Фридрихом Барабароссой. По мнению автора, программа владимиро-суздальской скульптуры является воплощением идеи Небесного Иерусалима, а ее вероятным литературным источником было видение Иезекииля Небесного храма (Ез. 40:17–19) – текст, который дает ключ для понимания главных иконографических тем. Важную роль в распространении тем романской иконографии в России могли сыграть литургические сосуды (“иерусалимы”), привезенные западными мастерами. Темой моего доклада была иконографическая программа и хронология плиталтарной преграды в Цebelды в Абхазии, которые были созданы не ранее второй половины VIII в., если не в еще более позднее время.

Коллоквиум показал, что исследование византийской скульптуры в последние годы стало значительно более активным: это и накопление нового материала, и подготовка обобщающих изданий, и стремление создать убедительную реконструкцию литургических устройств, и более глубокий анализ символики фасадных плит, в частности с зооморфными мотивами, и изучение региональных школ и мастерских, и исследование технических особенностей. Отмечу одну черту: при всем разнообразии и обилии нового материала, исследовательские подходы в целом не выходят за рамки тех идей, которые в свое время были предложены А. Грабаром.

Исключительно интересной частью работы коллоквиума была двухдневная поездка на о-в Наксос, где мы осмотрели многочисленные памятники архитектуры, живописи, скульптуры. Археологический музей Наксоса богат произведениями скульптуры разных периодов. Интересна раннехристианская базилика, переделанная из античного храма Деметры, археологическое хранилище при ней содержит остатки древней алтарной преграды, коллекцию рельефных плит и капителей. Многие церкви острова были расписаны. Одна из древнейших (конца VII в.) – церковь Панагии в Дросиани, в ее куполе помещены два изображения Христа, один – в типе священника, другой – Пантократора; ряд композиций относится к более позднему времени. Епископская церковь св. Георгия Диасорита второй четверти XI в. сохранила роспись с развитой иконографической программой. Многослойная живопись, с VII в. по вторую половину XIII в., сохранилась в большой купольной церкви Прототрон. Фресками была украшена и маленькая двойная церковь св. Георгия поздневизантийского времени в дер. Френо. В купольной зальной церкви св. Артемия можно видеть редкую живопись иконоборческой эпохи, состоящей из геометрических мотивов. На Наксосу представлено все разнообразие архитектурных типов: здесь и типичные для средневизантийского времени церкви “вписанного креста”, и зальные купольные постройки, и однонефные сводчатые, и, наконец, любопытные двойные купольные церкви камерных размеров. Во многих церквях в качестве спойл использованы скульптурные детали разного времени, в том числе раннехристианского.

Коллоквиум был хорошо организован, заседания проходили в удобном помещении Французской школы в Афинах, доклады сопровождались синхронным переводом. Интересен Каталог скульптуры Византийского музея Афин, который издала М. Склаву-Мавроиди: *Σχάβρου Μανροειδη Μ. Γλυπτά του Βυζαντινού Μουσείου Αθηνών. Κατάλογος. Αθήνα, 1999*. Издание с прекрасными фотографиями включает 338 произведений обширной коллекции, которая наряду с иконами является основой экспозиции музея.

Первый коллоквиум по византийской скульптуре прошел интересно и плодотворно. Его акты будут опубликованы в одном из ближайших томов “Bulletin de Correspondances Helléniques”.

Л.Г. Хрушкова

V МЕЖДУНАРОДНАЯ КРЫМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО РЕЛИГИОВЕДЕНИЮ. ХЕРСОНЕС, 20–24 МАЯ 2003 Г.

Конференции по религиоведению проводятся в Херсонесе регулярно, их организует Национальный заповедник “Херсонес Таврический”, Севастопольский государственный технический университет совместно с Краковским Ягеллонским университетом. Главная тема этой конференции – Культовые памятники в мировой культуре. (Археологический, исторический и философский аспекты.) Среди участников были историки и археологи, этнографы из Севастополя, Симферополя, Чернигова, Харькова, Москвы, Екатеринбургa, Кракова, Познани, Варшавы, Люблина и других городов. Место проведения конференции предопределило значительное количество докладов по истории и археологии Крыма византийского периода. А.И. Романчук сделала доклад о причинах субъективизма негативной оценки экономического состояния Херсонеса, которую дал папа Мартин. Несколько докладов было посвящено базиликам Херсонеса: А. Бернацки (Познань) – об устройстве алтарной части и литургических устройствах базилик, выпол-

ненных из проконнесского мрамора, Е.Ю. Кленина – о культовом комплексе “Западной базилика”, о дискуссионных вопросах ее хронологии и о литургическом назначении дополнительных помещений. Эта новая тема для крымской археологии вызвала вопрос. Доклад И.А. Завадской был посвящен раннему периоду базилики в Партенитах, который датируется VI в. по сходству с базиликами Херсонеса. Ю.М. Могаричев рассказал о начальном периоде истории Сугдейской епархии, используя Житие св. Стефана Сурожского, печати и другие источники. С.В. Ушаков обратил внимание на крайне недостаточную изученность огромного некрополя Херсонеса по сравнению с городищем А.А. Филиппенко продемонстрировал интересную находку из некрополя Баклы – раннехристианское каменное надгробие с изображением символической композиции Распятия в виде крестом в форме Тау. Н.А. Алексеенко рассказал о редкой печати иконобогослужительского периода, принадлежавшей херсонскому епископу, Т.Ю. Яшаева – о форме дощатых отливки наперсных крестов VII в. Доклад В.В. Майко был посвящен зороастризму на территории крымской Хазарии в VIII–X вв. Несколько докладов касалось памятников Киевского домонгольского периода. В частности, Н.И. Никитенко рассмотрела триумфальный цикл в росписях башен Софии Киевской, И.Е. Марголина показала, что роспись XII в. жертвенника Кирилловского храма была посвящена св. Клименту Римскому. Автор этих строк сделала доклад о епископских церквях Абхазии.

Конференция прошла в обстановке оживленных дружеских дискуссий, были организованы интересные экскурсии по городищу, музею, некрополю, городу и его окрестностям. Гостеприимные хозяева конференции (секретарь оргкомитета – Т.Ю. Яшаева) сделали все, чтобы эта встреча была плодотворной и приятной. Изданы тезисы, предполагается публикация сборника. Конференция еще раз показала, что византийская археология в Крыму успешно развивается благодаря открытости современной эпохи.

Л.Г. Хрушков

XVI ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ВИЗАНТИНИСТОВ

29 мая 2003 г. по юлианскому календарю исполнилось ровно 550 лет со дня падения столицы Византийской империи. Этой памятной дате была посвящена XVI Всероссийская научная сессия византинистов, проходившая в Москве 29–30 мая. В сессии приняли участие специалисты ведущих византиноведческих центров Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Волгоград, Барнаула. Была представлена как академическая (Институт всеобщей истории РАН, Институт востоковедения РАН, Институт славяноведения РАН, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Институт искусствознания), так и университетская наука (Московский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Уральский государственный университет, Волгоградский государственный университет, Алтайский государственный университет, Колумбийский государственный университет). В сессии также принимали участие сотрудники Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург), Русского музея (Санкт-Петербург), Музея Востока (Москва), Церковно-научного центра Православная энциклопедия. Девственную помощь в организации сессии оказал РФФИ, а также представители Московской Патриархии и Императорского Православного Палестинского общества.

На сессии были представлены все поколения отечественных византинистов. Было заслушано и обсуждено 65 докладов, объединенных общей темой “Историческая роль Константинополя: к 550-летию со дня падения византийской столицы”. Собственно исторической проблематике на сессии сопутствовала проблематика искусствоведческая, рассмотренная на специальной секции. Кроме того, отдельную секцию образовали санкт-петербургские византинисты. Проблематика византиноведческих исследований, отраженная в докладах, хронологически охватывала всю эпоху исторического существования Византии с IV по XV столетие. В исторической части материалов сессии присутствовали практически все темы, связанные с исторической ролью Константинополя. Социально-политическая история ранней Византии была представлена в докладах

А.А. Чекаловой (Москва) о римской и константинопольской сенаторской аристократии IV–VI столетий, Е.П. Глушанина (Барнаул) о константинопольском цезарате в V в. Е.В. Сильвестрова (Москва) в докладе “Субъекты церковно-имущественного права в Константинополе VI в.” пришла к заключению, что 3-я новелла Юстиниана фиксирует этап перехода от одного типа юридического лица к другому, т.е. от “корпорации” к “учреждению”. Законодательному регулированию городского домостроительства в Константинополе и его пригородах на более позднем этапе (XI в.) был посвящен доклад Г.Г. Литаврина (Москва).

Внешнеполитическая история империи раскрывалась в ряде докладов, касавшихся как непосредственных контактов Византии с окружающим миром, так и представлений об империи и Константинополе в сопредельных с империей странах. Эти темы поднимались в докладе Е.А. Мельниковой (Москва) о скандинавских паломниках в Константинополе. Сообщение А.С. Козлова (Екатеринбург) было посвящено анализу понятия “варвар” в “Хрониконе” комита Марцеллина. Докладчик отметил, что в “Хрониконе” подчеркивается прежде всего конфессиональная чуждость “варваров”, что, в свою очередь, связано с “константинополеццентристскими” взглядами самого комита Марцеллина. О географической науке в Поздней Римской империи шла речь в выступлении А.В. Подосинова (Москва) “Константинополь на Певтингеровой карте (к вопросу о картографии в Византии)”.

Не была оставлена без внимания и история взаимоотношений Константинополя, Киева и Нижнего Подунавья (доклад И.О. Князького – Коломна). Ю.И. Пахомов (Коломна) попытался реконструировать взгляды незаслуженно забытого историка И.Н. Смирнова (1856–1904) относительно славяно-византийских политико-культурных связей. По мнению докладчика, И.Н. Смирнов полагал, что славянские государства на Балканах (хорваты, сербы, болгары) – это прямая трансляция византийской государственности. Докладчик особо отметил, что, по мнению И.Н. Смирнова, культурные отношения славянского мира с Византией, в отличие от его отношений с Западной Европой, были традиционно позитивными. Вопросы и обсуждения касались особенностей календарной системы в Константинополе, феминого устройства в Византии и его отражения в источниках, критериев оценки “варваров” в византийской историографии, а также проблемы автономии Херсона (Херсонеса). Проблематика проникновения иностранцев в социальную элиту империи была представлена докладом П.И. Жаворонкова (Москва) о тюркской аристократии в раннепалеологовском Константинополе.

В ряде докладов говорилось о представлениях иностранцев о Константинополе и империи. Эта тематика отражала географическое и этнокультурное многообразие взглядов на империю и ее столицу. Доклад В.А. Арутюновой-Фиданян (Москва) был посвящен образу Константинополя и Византии в целом в армянской историографии V–XI вв. Докладчица отметила, что создание позитивного образа Византии в армянской историографии логично сочеталось со стремлением ввести армянские земли в орбиту византийского политического влияния и включением византийских идеологических ценностей в общественно-политическую теорию армян. Иной пласт представлений о Константинополе присутствовал в докладах по арабским источникам: Т.М. Калининой (Москва) “Ал-Масуди о Константинополе” и И.Г. Коноваловой (Москва) о месте Константинополя в картине мира арабских географов X столетия. Всеобщее оживление вызвал доклад Д.Е. Мишина (Москва) “Малоизвестный восточный фрагмент IX в.: образованный араб в византийской столице”, сообщавший о похождениях испаномусульманского поэта ал-Газала, посланного в Константинополь с дипломатической миссией. Северный ареал средневековой ойкумены в его связях с Византией также получил освещение на сессии: о месте Константинополя в картине мира средневековых скандинавов идет речь в докладе Т.Н. Джаксон (Москва).

Естественно, что немало докладов было посвящено Константинополю как одному из крупнейших церковных центров во всем многообразии историко-церковной, социальной и правовой тематики. Эта проблематика была открыта на сессии обобщающим докладом К.В. Хвостовой (Москва), проследившей особые формы правового и религиозного синтеза в Византии, включая и перспективы его существования после падения Константинополя. О раннем и малоизученном этапе становления церковной идеологии го-

приносил в доклад А.Ю. Виноградова (Москва), выявившего в топографии Константинополя следы древнего предания об апостоле Андрее. Сложная история взаимоотношения константинопольской церковной кафедры с периферийными была раскрыта в докладе С.А. Беляева (Москва) "Константинополь и Херсонес". Для более позднего этапа эта проблематика была освещена в докладе А.М. Крюкова (Москва) о Константинополе и провинциальном духовенстве в конфликте вокруг епископской кафедры Эврипа 1183–1185 гг. Докладчик сделал попытку определить причины различия позиций, занятых в этом деле двумя выходцами из одного круга и близкими друзьями: митрополитом Афинским Михаилом Хониатом и митрополитом Новых Патр Евфимием Малаком.

А.В. Бармин (Москва) на основании ряда источников по антилатинской полемике XI в. пришел к выводу, что они были созданы по поводу двух разных, хотя и близких во времени, встреч в Константинополе с представителями латинской церкви, а не одной (май 1112 г.) встречи, как предполагалось ранее. Живое обсуждение вызвал доклад М.С. Желтова (Москва), посвященный праздникам освящения храмов в столице империи. Как считает автор доклада, постепенное исчезновение этих "дней рождения" храмов из приходского обихода и смена их престольными праздниками были связаны с распространением иерусалимского устава. Более позднего периода (XIV–XVI вв.) касалось выступление Н.Д. Барабанова (Волгоград) о религиозной жизни Константинополя на уровне церковных приходов. Продолжение византийских традиций в позднейшую эпоху стало темой доклада С.А. Иванова (Москва), в котором были рассмотрены константинопольские предания, сложившиеся уже при османском владычестве.

Роль константинопольской традиции в становлении древнерусского богослужения была освещена в докладе О.В. Лосевой (Москва) "Местные константинопольские праздники и их влияние на древнерусские календари". На частном примере тот же вопрос был рассмотрен в вызвавшем интерес сообщении П.В. Кузенкова (Москва) "Осады Константинополя и их отражение в византийском церковном календаре". Как удалось установить автору, из восьми осад столицы Византии, имевших место в VI–XI вв., в константинопольской церковной традиции отражены только четыре. Сопоставляя эти данные с древнерусскими Прологами, П.В. Кузенков сделал важный текстологический вывод: том, что основой славянского перевода является не пространная редакция Минолога Василия II, а Синаксарь Константинопольской церкви.

Разумеется, участники сессии, посвященной 550-летию со дня падения византийской столицы, не могли не коснуться тематики, относящейся непосредственно к этому событию. В выступлении С.Ф. Орешковой была сделана попытка взглянуть на превращение византийского Константинополя в турецкий Стамбул со стороны самих завоевателей, начиная с пророчеств о переходе города под власть турок и кончая его судьбой после падения Османской империи. Докладчица рассмотрела такие аспекты этого процесса, как изменение этнического и конфессионального состава населения столицы, ее архитектурного облика, роль города как средоточия азиатских торговых путей. С.П. Карпов (Москва) в своем докладе "Неизвестные отклики на османскую экспансию и падение Константинополя" сделал вывод о том, что события 1453 г. не поставили точки в борьбе за византийское наследство, ибо именно тогда были заложены основы новых антиосманских коалиций. Доклад Н.Е. Гайдукова (Москва) "Константинополь и Феодоро: жизнь после смерти", основанный на археологических данных, был посвящен сравнению судьбы двух христианских столиц, в разное время оказавшихся под турецким владычеством. Докладчик показал, что у завоевателей не было единого стереотипа поведения в отношении к покоренному христианскому населению и его святыням.

Ряд докладов был посвящен рассмотрению реакции образованных византийских авторов на турецкую экспансию и сокращение рубежей их отечества. Вопросы о том, как освещалась турецкая тема в поздневизантийской риторике, касался доклад М.А. Поляковской (Екатеринбург). Она пришла к выводу, что появление антитурецких филиппик было связано прежде всего с периодами активизации турецкого интервенционного давления на империю и ее соседей. С.В. Красиков (Екатеринбург) обратил внимание на литературную антитезу Константинополь – Афон, сформулированную в сочинениях Никифора Григоры. Обращение к афонской тематике дает образованному автору повод для критики столичных нравов; при этом извечная тема бегства от мира и его соблазнов

приобретает и некоторые гуманистические черты. Сообщение Т.В. Куш (Екатеринбург) было посвящено образу отечества в письмах Мануила II Палеолога. Наиболее пространственным мотивом в переписке венценосного автора являются размышления о судьбах родины, в которых явственно звучат пессимизм и ностальгия. Наконец, в выступлении К.И. Лобовиковой (Екатеринбург) был рассмотрен трактат Георгия Трапезундского "Об истинности христианской веры", автор которого стремился устранить противоречие между победителями и побежденными, склонив Мехмеда II выступить в роли объединителя двух религий.

Отрадно, что Константинопольская и связанная с Константинополем тематика раскрывалась на сессии на материалах специальных исторических дисциплин и с использованием характерных для них методик. Константинополь и местные центры получили свое освещение в докладе В.Н. Залесской (Санкт-Петербург) на материале золотых перстней-инсигний палеологовского времени. Взаимоотношения центра и периферии были представлены на материалах сфрагистики и дипломатики. В докладе М.А. Курышевой (Москва) "Константинопольский формуляр и греческие акты Южной Италии" анализировались греческие акты южноитальянского происхождения XI–XII вв. Изучение их формуляра и его эволюции приводит автора к выводу о сохранении традиции составления греческих частноправовых актов по византийскому образцу вплоть до конца XII в. В дальнейшем в связи с упадком греческого языка и культуры в Южной Италии и Сицилии происходило постепенное приближение к форме составления западных латинских документов. Доклад Е. В. Степановой (Санкт-Петербург) был посвящен исследованию имен и титулатуры византийских стратигос Сицилии по данным сфрагистики. Как отметила докладчица, материал печатей позволяет уточнить имена стратигос, даты их управления фемой, а также особенность их службы – совмещение в одних руках функций двух военных должностей разных рангов в рамках одного региона.

В сообщении В.В. Гурулевой (Санкт-Петербург) была сделана попытка использовать нумизматический материал для ответа на вопрос, можно ли считать изображение креста с четырьмя буквами "В" официальной эмблемой Византийской империи. Докладчица приходит к выводу, что такое восприятие данной эмблемы было свойственно скорее западным географам, нежели самим византийцам. Т.И. Слепова (Санкт-Петербург) представила в своем докладе серию редких монет, связанных с эпохой Крестовых походов и хранящихся в собрании Государственного Эрмитажа.

Проникновение в византинистику новых технологий научного исследования нашло отражение в вызвавшем большой интерес докладе Ю.Я. Вина, где была представлена попытка организации доступа к памятникам византийского правового наследия в форме компьютерной базы данных.

Социально-экономическое развитие Константинополя и периферийных центров Византии раскрывалось на материале археологических данных. В докладе А.И. Романчук (Екатеринбург) "Находки из слоев пожара XIII в. в Херсонесе" была поставлена под вопрос правильность распределения по времени находок монет, обнаруженных в "закрытых комплексах". Методика датировок, основанных только на так называемых статистико-синхронистических таблицах (где учитывается лишь время выпуска монеты), ущербна, поскольку не дает адекватной картины денежного обращения в экономике. Автор убедительно проиллюстрировала свои доводы на примере недавних находок в Херсонесе. Было также отмечено, что в XIV в. Херсонес сохранял свое значение регионального центра. Особое внимание было уделено дискуссии о "континуитете–дисконтинуитете" византийской цивилизации. По замечанию А.И. Романчук, в последнее время заметно некоторое изменение позиций в американской историографии: если ранее имела широкое распространение точка зрения об однозначном "дисконтинуитете", то сейчас, в первую очередь под влиянием последних археологических раскопок в Малой Азии, американские византилисты придерживаются более сдержанной позиции.

В двенадцати докладах искусствоведческой секции сессии было полномащштабно представлено современное состояние отечественного византиноведческого искусствознания во всех его тематических, хронологических и географических направлениях. Постановка и освещение общих проблем органично сочетались с конкретными сюжетами, вводящими в научный оборот новые материалы или дающими новые интерпретации

ный доклад О.С. Поповой (Москва), проанализировавшей соотношение аскетического и классического в византийской живописи XI–XII вв. Значение этой темы, если трактовать ее как соотношение традиционного и новаторского в жизни империи, выходит далеко за рамки собственно искусствоведческой проблематики. Константинопольская тематика в искусстве была представлена рядом следующих докладов: А.М. Лодова (Москва) о церкви Богоматери Фаросской, имевшей как образ-архетип Гроб Господень; А.В. Захаровой о константинопольских “золотых” Евангелиях второй половины XI в. Связи Константинополя с другими странами византийского круга были продемонстрированы докладом Н.В. Квливидзе (Москва) о константинопольских святынях московской иконографии XVI в.

Искусствоведческий и кодикологический анализ иллюминированного списка “Христианской топографии” Космы Индикоплова подвел И.А. Орецуку (Москва) к аргументированному выводу о том, что список Vat. gr. 699 не мог происходить из константинопольского императорского скриптория. Отражение константинопольских традиций в древнерусском искусстве рассмотрела И.А. Шалина (Санкт-Петербург) в иконографии древнерусской иконы “Спас Оплечный”, которую она возводит к знаменитой иконе Пантократора в Халке над бронзовыми воротами Большого императорского дворца в Константинополе. Декорации алтарной части кафолика монастыря Осио Лукас в Фокиде был посвящен доклад Н.В. Герасименко (Москва). Взаимосвязь монастырского богослужения и декорирования церквей в комниновский период отмечалось в докладе О.В. Овчаровой. Существование в искусстве Руси отголосков как византийской, так и западной иконографии было прослежено в докладе Э.С. Смирновой (Москва). Глиняный медальон с изображением св. Фоки (собрание Государственного Эрмитажа) был истолкован О.В. Ошариной (Санкт-Петербург) как своего рода “оберег”, предохранявший людей от превратностей на жизненном пути вообще и от опасностей морского пути (для херсонитов) в частности. Сохранение древних традиций христианства на территории Абхазии после падения Константинополя проследила на примере церковных центров (Питиунт, Севастополь, Москва, Бедиа, Лыхны, Илори) в своем докладе Л.Г. Хрушкова (Москва).

Кроме того, на Санкт-Петербургской секции сессии было заслушано семь докладов сочетавших собственно историческую проблематику с искусствоведческой и с проблематикой специальных исторических дисциплин. Анализируя мнение Георгия Трапезундского (XV в.), И.П. Медведев говорил о так называемом византийском “диссидентстве” как о возможном виновнике ослабления империи. Тематика поствизантийского Константинополя (вселенская патриархия) была представлена докладом Л.А. Герд. Значение исторических центров православия (Константинополь, Палестина и Русская Церковь) в ситуации первой мировой войны (1915 г.) было раскрыто в докладе Г.Е. Лебедевой на материале известного лишь в узких кругах конфиденциального доклада русского византиста старой школы И.И. Соколова. Тема падения Константинополя получила на секции и искусствоведческое освещение в докладе Ю.А. Пятницкого о ксилографической доске с изображением осады Константинополя (собрание Государственного Эрмитажа), созданной во второй половине XV в. – как полагает автор, под влиянием западноевропейских, а не византийских традиций. На материалах сфрагистической коллекции Государственного Эрмитажа был построен доклад В.С. Шандровской, посвященный толкованию легенды одной из свинцовых печатей. Коптские ткани со “знаком вечности” из того же собрания стали предметом анализа в докладе А.Я. Каковкина. Связи Византии со славянским миром прослеживались в докладе Е.К. Пиотровской на материале сербской версии “Земледельческого закона”.

XVI Всероссийская сессия византистов продемонстрировала соответствие проводимых в России исследований актуальной в международном византиноведении проблематике и богатство тематики отечественных византиноведческих разысканий. Византиноведение в России сохранило свои позиции в изучении социально-политической и внешнеполитической истории Византии. Продолжается плодотворное исследование контактов империи с окружающим цивилизованным миром (по всем географическим направлениям), укрепились свои, признанные международным византиноведением пози-

ции российской науки в изучении византийского искусства и его влияния на становление искусства в странах византийского круга. Современным тенденциям в международном византиноведении отвечает усиление внимания в российском византиноведении к историко-правовой проблематике. В соответствии с местом специальных исторических дисциплин в развитии современной науки в российском византиноведении, как это показали представленные на сессии доклады, уделяется большое внимание дипломатике, сфрагистике, нумизматике, кодикологии и другим специальным дисциплинам. При этом в научный оборот вводятся новые, неизвестные ранее материалы (в том числе и из отечественных музейных и архивных собраний).

Несомненным шагом вперед по сравнению с предшествовавшими десятилетиями явилось обращение российских византистов к историко-церковной проблематике, в которой на протяжении двадцатого столетия решительно преобладали работы западноевропейских византистов. Сессия показала, что традиционная для дореволюционного российского византиноведения историко-церковная проблематика во всем ее тематическом и хронологическом разнообразии ныне успешно разрабатывается всеми поколениями российских византистов. Тем самым более заметным стало и влияние отечественных византистов на формирование исследовательского ландшафта в международном византиноведении.

Отрадно отметить, что более трети докладчиков, выступивших на сессии, принадлежат к молодому поколению исследователей, что открывает хорошие перспективы для дальнейшего развития византиноведения в России. Следует также отметить, что молодое поколение византистов проявило на сессии профессиональное знание международной историографии и умение работать с архивными и археологическими материалами не только отечественных, но и зарубежных собраний.

А.А. Войтенко, А.М. Крюков, М.А. Курышева, И.С. Чичуров

И.П. Медведев, А.К. Гаврилов

РЕЧЬ ВИССАРИОНА НИКЕЙСКОГО
НА МАНТУАНСКОМ СОБОРЕ
О ПАДЕНИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

550-летие падения Константинополя – повод, безусловно, вполне уместный для того, чтобы собраться с духом и попытаться, наконец, оформить давнишние приготовления к критическому изданию речи Виссариона Никейского, произнесенной им на Мантуанском соборе 6 сентября 1459 г.¹, замечательного памятника публицистики, пронизанного страстными чувствами в связи со всем тем, что творили завоеватели-османы в Константинополе; в то же время речь изобилует трезвыми предупреждениями о росте турецкой опасности для Италии, призывами к князьям объединяться и принести жертвы на алтарь общего дела, с предложением плана крестового похода, методов и путей его организации, и т.д.

Покинув родину в годину ее тяжких испытаний и обосновавшись в Италии Виссарион (1399/1400 Трапезунд – 1472 Равенна) – этот “греко-латинянин” (по выражению Марка Евгеника) или (по оценке Лоренцо Валлы) *Latinorum graecissimus et Graecorum latinissimus* – познал головокружительную карьеру, занимавшая самые высокие посты в иерархии Римской католической церкви (чуть было не стал папой Римским!), и обретя громкую славу ученого, гуманистическая деятельность которого наложила ощутимый отпечаток на все Кватроченто², в том не менее всю жизнь, как кажется, терзался угрызениями совести по поводу своего бегства с родины. Острое чувство вины перед покинутыми соотечественниками он пытался компенсировать энергичной деятельностью по организации действительной помощи им и отпора наседавшим на Византию туркам. Особенно заметно Виссарион активизировал усилия на этом поприще именно после падения Константинополя, весть о котором дошла до него в начале июля 1453 г., когда он находился в Болонье. Отныне идея сопротивления туркам и изгнания их

из Константинополя становится, по выражению Манцелли, *una linea costante*; – она проходит красной нитью через все, что говорит и делает Виссарион. Он посвящает всего себя заботе о прибывавших на Запад беглецах-соотечественниках, оказывает им значительную моральную и материальную помощь, выкупает из турецкого плена, шлет во все концы христианского мира множество частных писем и официальных посланий итальянским и вообще европейским князьям и королям, в которых выражает скорбь по поводу гибели греческой нации и горечь при виде безразличия и близорукости Запада в отношении событий на Босфоре; в то же время он развивает идею объединения Европы перед лицом турецкой угрозы, призывая к крестовому походу против османов⁴.

Одним из эпизодов этой энергической деятельности и стало выступление Виссариона на открывшемся в августе 1458 г. Мантуанском соборе, в “повестке дня” которого главным вопросом были вести об угрожающем продвижении турок, а главным оратором – сам папа Римский Пий II (он же один из самых крупных писателей-гуманистов XV в. Энеа Сильвио Пикколомини)⁵. Поскольку следующая за этим речь Виссариона являлась как бы откликом на речь понтифика, представляется уместным сопоставить здесь те любопытные и весьма остроумные характеристики, которые дал той и другой речи Анри Васт в своей книге о Виссарионе. “Пий II говорил три часа без перерыва⁶, с торжественной пышностью, но с достаточно бесполезной эрудицией вспоминая древние войны европейцев с азиатами, предавался ученым экскурсам о магометанстве, о доказательствах существования Бога, об истине и превосходстве христианской религии и евангельской морали; цитировал Вергилия и Оригена, Исайю и св. Павла; демонстрировал аудитории, очарованной его ученостью, длинную вереницу завоевателей, опираясь на историков, пророков и отцов Церкви. Истоцившись столь непомерными усилиями воображения и памяти, он уделил лишь несколько строк падению Константинополя, победам венгров и албанцев, Яношу Хуняди и Скандербегу. Вся его речь – это блестящий экскурс, при котором лишь слегка затронут основной сюжет. А он еще осмелился удивиться, чтобы заключить ее словами “Такова воля Божия!”. Зато обещанное им вознаграждение крестоносцам было способно тронуть самых невосприимчивых: “Те, кому предстоит умереть в крестовом походе, – восклицает он, – не вернут себе знания всех дел (*ne resouventront pas la science de toutes choses*), как это утверждает Платон, но они его приобретут (*mais ils l'acquerront*), согласно мнению Аристотеля”⁷.

Что касается речи Виссариона, которую Васт (ошибочно считая ее “никогда не издававшейся”⁸) цитирует по парижской рукописи № 4154, то она получает с его стороны гораздо более благожелательную оценку. “Воздав

¹ Еще в далеком 1982 г. один из соавторов этой статьи (И.П. Медведев), находившийся в командировке в Италии, предпринял свои первые разыскания в области рукописной традиции памятника, причем, знакомясь с ватиканскими списками текста речи, он “столкнулся” с занятным этим же делом известным теперь специалистом по “латинскому Виссариону” Джаном Монфасани. Последний, расспросив о проделанной нами работе, великодушно решил (и, может быть, напрасно!) отказаться от намерения издать памятник, ограничившись лишь изложением некоторых своих наблюдений в опубликованной уже (в 1981 г.) статье “Bessarion Latinus” (используется нами в перепечатке Variorum, 1995 г., см. ниже).

² О Виссарионе см. обстоятельную биобиблиографическую справку в: Prosopographische Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1976. Fasz. I. N 52. См. также: Медведев И.П. Уникальный архивный документ за подписью Виссариона Никейского // ВВ. 1986. Т. 46. С. 157–163; Ойе. Болонская грамота Виссариона Никейского в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР // ВВ. 1986. Т. 47. С. 134–144; Monfasani J. Byzantine Scholars in Renaissance Italy: Cardinal Bessarion and Other Emigrés. Variorum, 1995.

³ Mancelli R. Il cardinale Bessarione contro il pericolo turco e l'Italia // Miscellanea Francescana. 1973. Vol. 73.

⁴ Ср.: Медведев И.П. Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в. // Византия между Западом и Востоком. СПб., 2001. С. 299–301.

⁵ О том, что “крестоносная публицистика” стала делом жизни и для этого выдающегося деятеля-гуманиста, см. вышеуказанную статью И.П. Медведева “Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике”. С. 300, 306–307, 312–320 (здесь же опубликованы в переводе с латинского три письма Энеа Сильвио Пикколомини на эту тему).

⁶ Речь издана: Pii Opera. Basileae, 1570. P. 905–914. В своих “Комментариях” Пий II излагает обстоятельства произнесения речи, см.: Pii Commentarii. Basileae, 1525. Liv. III. P. 82.

⁷ Vast H. Le cardinal Bessarion (1403–1472). P., 1878. P. 238.

⁸ Ibid. P. 238. Not. 2. Речь была издана в: Anecdota Veneta, nunc primum collecta ac notis illustrata studio fr. Joannis Baptistae Mariae Contarini. Venetiis: Typis Petri Valvasensis, 1757. Tomus primus. P. 276–283 (Reverendissimi Patris Cardinalis Niceni Oratio).

должное красноречию понтифика и расхвалив его усилия в пользу круасады, пишет Васт, – Виссарион рисует живую и захватывающую картину последовательных утрат, понесенных христианами Востока вследствие осады и падения Константинополя, святотатств турок (...) Демонстрируя эрудицию, способную вызвать зависть у самого Пия II, и используя знание светской и священной истории, Св. Писания, греческих и римских историков для отыскания примеров сопротивления чужеземному захватчику и преданности родине, он во второй части речи, все ближе подходя к основному сюжету, излагает пути и средства подготовки к войне (...) Эта речь Виссариона замечательна и по содержанием и по форме. Конечно, можно было бы упрекнуть его за настоящий потоп (un véritable déluge) эрудиции. Но эта неумеренность в цитировании, это излишнее прибегание к античности – все это является общим недостатком писателей XV–XVI вв. Разве у наших великих авторов – Рабле и даже Монтеня – не было страниц в том же духе, иногда необъяснимых и всегда неуместных? (...) Разве он не обязан был платить свою дань вкусам времени? Разве после Филельфо и Пия II он не был вынужден, рискуя в ином случае сойти за невежду, показать, что умеет черпать из тех же самых источников? Во всяком случае, он меньше, чем все прочие ораторы, задерживается на этих блестящих добавках. У Виссариона всегда чувствуется человек дела, хорошо информированный, который рассуждает с цифрами в руках, ищет серьезные документы и избегает напрасного сотрясения воздуха. И затем – сколько пассажей одновременно и красноречивых и серьезных! (...) Виссарион говорит как историк и как государственный деятель, – Пий II же скорее как литератор и ритор; один излагает дело своим сердцем, другой – умом. У Виссариона ощущается совершенная чистосердечность (une bonne foi absolue), глубокая убежденность, живой и искренний энтузиазм в отношении к круасаде. Его язык чист и отточен, стиль периодичен и подобен Цицеронову, фраза насыщена и ритмична, заметно подражание Титу Ливию в искусстве группировать факты (...) Речь Виссариона проще, внушительней, более насыщена аргументами, более способна внушить убеждение, нежели речь Пия II. На Мантуанском соборе кардинал одержал верх над папой благодаря своему сердцу не менее, чем своему таланту⁹.

Надеемся, что настоящим изданием речи Виссариона мы даем возможность потенциальному читателю самому оценить достоинства (или недостатки) произведения.

Теперь о рукописной традиции памятника. Всего выявлено¹⁰ и нами учтено и изучено (частично de visu, как, например, итальянские и ватиканские списки, частично по фотографиям и микрофильмам, как списки парижские¹¹) 11 рукописей с латинским текстом речи Виссариона, причем шесть из них содержат так называемую “первоначальную” или “оригинальную” версию (редакцию) памятника, а пять – уже частично пересмотренную и переработанную редакцию, которая, в свою очередь, представлена двумя “изводами”. Почти все рукописи (за исключением двух) датируются XV веком (при этом автограф Виссариона как

будто не сохранился)¹², а их состав – при всем их разнообразии, позволяет заключить (и в этом мы согласны с мнением Дж. Монфазани), – что, во-первых, мантуанская речь Виссариона (вкупе с другой его речью, произнесенной в Риме в 1462 г. – о главе св. Андрея) циркулировала отдельно от других его сочинений и чаще всего вместе с речью и другими сочинениями Пия II (скорее всего, считает Монфазани, именно Пий II и заказывал различным писцам копирование речей Виссариона, запуская тем самым их в обращение)¹³. Во-вторых, появление переработанной редакции речи Виссариона – это результат пересмотра оригинального и первоначального текста речи, осуществленного, по поручению самого Виссариона, его бывшим секретарем и постоянным сотрудником, известным гуманистом Никколо Перотти (ум. в 1480 г.), в рамках затеянного последним, но по ряду причин не состоявшегося в полном объеме корпуса трудов Виссариона на латинском языке¹⁴.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ (“ОРИГИНАЛЬНАЯ”) РЕДАКЦИЯ

V = Cod. Vat. lat. 5109, f. 27–33 v: Oratio r(everendissi)mi in Xp(ist)o patris et domini d(omini) Bisarionis ep(iscop)is cardinalis Tusculani Niceni vulgariter habita post Summum Pontificem in conventu Mantuano in concione publica pro bello suscipiendo in Turchum.

Бум., без филиграней, в восьмерку, листы I–III + 200 + 5 чистых нумерованных в конце. XV в., три писца, содержит Николая Секундина сочинение de familia Otumanorum, Виссариона письмо к венецианскому дожу Франческо Фоскари, Пия II речь о главе св. Андрея, его же (собственно, Энея епископа Сиенского) письмо к Леонардо Бентивольо, его же письмо к Людовику, его же речь на Мантуанском соборе, речи Ксенофонта и Василия Великого, выписки из Аристотеля, Пия II письмо к турецкому султану Мехмету (вставка из другой рукописи), астрономический трактат Iohannis de Saccobosco.

P1 = Cod. Paris. lat. 4154, f. 116 v–123 v: Oratio r(everendissi)mi in Cristo p(atris) et d(omini) d(omini) Bissarionis episcopi cardinalis Tusculani, Niceni vulgariter nuncupati, habita post Summum Pontificem in conventu Mantuano in concione publica pro bello suscipiendo in turcum Maumetem (рис. 1).

Рукопись XV в. Данных о составе не имеем.

P2 = Cod. Paris. lat. 12532, f. 187–192: Oratio r(everendissimi) Bissarionis tituli sanctorum aptorum cardinalis Nicenus vulgariter nuncupatus ad d(omin)um nostrum S(umm)um Pium papam n(ost)rum et ceteros principes ac oratores in publico consistorio h(ab)ita Mantue (рис. 2).

Рукопись XV в., бум., несколько почерков, содержит анонимный трактат super materia hereticorum, речь Пия II на Мантуанском соборе, речь сампанус’а к Пию II, письмо Пия, речь Виссариона и т.д.¹⁵

¹² Запись в флорентийской рукописи Laurent. lat. Plut. 54, cod. 2. f. 331, содержащей тексты латинских речей Виссариона (включая его речь на Мантуанском соборе), о том, что ее писал “Romae 5 augusti 1470 B. Card(in)alis Nicaenus manu propria”, является типичной “мнимой датировкой”, ибо рукопись писана не им.

¹³ Ср.: Monfasani J. Bessarion Latinus. P. 166. N 6.

¹⁴ Ibid. P. 167–168, 174–175, 178–180. Известно немало автографов Перотти с текстами латинских сочинений Виссариона, в том числе его “собственноручный перевод” самого крупного сочинения Виссариона – In calumniatorem Platonis. Переработка латинских речей Виссариона ограничивалась главным образом их стилистической правкой.

¹⁵ Краткое описание рукописи см.: Kristeller P.O. Iter Italicum. Vol. III. London; Leiden, 1983. P. 253.

⁹ Vast H. Le cardinal Bessarion... P. 238–241.

¹⁰ Список рукописей был опубликован еще Молером (Mohler L. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. Paderborn, 1923. Bd. I. S. 289. Anm. 1) и дополнен Монфазани (Monfasani J. Bessarion Latinus // Idem. Byzantine Scholars in Renaissance Italy: Cardinal Bessarion and Other Emigrés. Variorum, 1995. Art. II. P. 166. N 6).

¹¹ Выражаю сердечную благодарность за присылку нужных для настоящего издания фотографий и микрофильмов французскому Институту истории текстов и особенно его научному сотруднику и нашему другу Жану-Мари Оливье (И.П. Медведев).

F = Cod. Flor. Bibl. Naz., II, 1, 201, f. 34 v–42: Oratio r(everendissi)mi in Xp(ist) p(at)ris et d(omi)ni d(omini) Bissarionis cardinalis Tusculani, Niceni vulgariter, po Summum Pontificem in concione publica pro bello suscipiendo (in) Tu(r)cu(m).

Рукопись бум., датирована 1492 г., см. запись писца на л. 131об.: Hunc librum scripsi ego Andreas quondam Philippi Deguazalotis (de Guazalotti?) de Prato canonicus plebis [нрзб.] Sancti Stephani de Prato per evitare otium et pro exercitio meo qu exoro eos qui eum legerit deum ejus quoque Matrem Virginem Mariam pro me ore Laus deo 1492. Содержит собрание текстов речей, произносившихся на Мантуанском соборе (среди них Пия II, Виссариона, Бартоломео Скале) и по другим поводам (среди них Бернардо Джустиниани, Амброджо Корани и др.), а также подборки адресованных Пию II писем с побуждением объявления войны туркам, и т.д. (богатая содержанием рукопись).

T = Cod. Torino, Biblioteca ex-Reale, Varia 269, f. 30 v–35 v: Reverendissimi d(omi)ni Bissarionis cardinalis graeci oratio habita coram S(ummo) d(omino) nostro d(omi)no P(apa) secundo in concilio [нрзб.] Mantuae convocato pro provisionibus contra Teucum faciendis in quo omnes p(ri)ncipes et coram legati Christianorum intererant (рис. 3).

Рукопись бум., XV в., 119 листов, представляет собою собрание текстов преимущественно итальянских гуманистов, списанных одним и тем же писцом, который оставил свой колофон после каждого списанного им текста с датировкой от 1464 до 1466 г., в форме: Regii téλος per me Geroldum Franchini de Bonzagui Regensem + датировка (например, речь Виссариона: decimo secundo Kalenda Decembris 1464) (рис. 4). Среди списанных текстов фигурируют тексты писем разнообразных сочинений таких известных деятелей как Леонардо Бруни, Франческо Филельфо, Косьма Раймонди, Мафео Веджо, Антонио Лоски, Понджо Браччолини, Гварино, Джорджо Валагусса, Тимотео Маффеи, Петрарка, Валла¹⁶. Зато полностью отсутствуют тексты сочинений Пия II и в частности его речь на Мантуанском соборе.

D = Cod. Dijon, Bibl. mun. 835, f. 28 v–40: Oratio reverendissimi domini cardinalis Niceni nomine Sacri Collegii cardinalium habita Mantue ad conventum principum subsequitiva eorum que S(ummus) d(ominus) n(oster) Pius immediate oraverat.

Рукопись бум., XV в., сведениями о составе не располагаем.

E = неизвестная рукопись, послужившая образцом для издания текста речи Reverendissimi patris cardinalis Niceni oratio nomine Sacri Romanorum Cardinalium Collegii Pont. Max. subsequitiva pro defendenda fide.

Обращают на себя внимание некоторые черты сходства заглавия в E и D: отсутствие имени Виссариона, наличие слов nomine Sacri collegii. Тем не менее особенности текста более сближают D с T, чем с E. Тесная связь наблюдается, с одной стороны, между списками P2F, с другой – P1V, хотя все эти списки, включая ET, отражают именно первоначальную редакцию памятника, текст которой ниже предлагается к опубликованию (заглавие воспроизводим по списку P1).

ПЕРЕРАБОТАННАЯ РЕДАКЦИЯ

Как отмечалось выше, “переработанная” или “пересмотренная” редакция (причем лишь частично и почти исключительно с точки зрения стилистики) – это, скорее всего, результат правки оригинального виссарионовского текста

¹⁶ Подробное описание рукописи см.: Kristeller P.O. *Iter Italicum*. Vol. II. London; Leiden, 1967. P. 186.

его постоянным сотрудником Никколо Перотти. По крайней мере это можно утверждать в отношении первого “извода” данной редакции, представленного четырьмя списками, но также и, может быть, с еще большим основанием в отношении второго “извода”, представленного одной рукописью.

Извод первый:

L = Cod. Flor. Laurent. lat. Plut. 54, 2, f. 222–244 (к сожалению, нами не зафиксировано заглавие речи Виссариона; тождественно списку V1?)¹⁷.

Бум., XV в. (та часть рукописи, в которой содержится речь Виссариона, датирована 1467 г., см. колофон писца на л. 290об.: Rome, pridie Nonas Quintiles, anno salutis MCCCCLXVII, pontificis vero maximi Pauli Veneti tertio huc usque liber ex(s)criptus)¹⁸. Рукопись писана, по утверждению Дж. Монфазани, пятью писцами (наш – второй), объемом в 331 лист, содержит исключительно латинские тексты речей, писем и других сочинений Виссариона (см. указанные описания).

V1 = Cod. Vat. lat. 4037, P. I, fol. 77–81: Bessarionis Patriarchae Constantinopolitani, episcopi Tusculani S. R. E. Cardinalis Niceni Oratio habita in conventu Mantuano Pii secundi Pontifici Maximi iussu congregato, publica concione habita prius oratione ab eodem Pio eadem concione.

Бум., начало XVI в., конволют двух рукописей, писанных одним и тем же писцом, руке которого, как указывает Монфазани, принадлежит и датированная 1525 годом рукопись Vat. lat. 3920, f. 43–49. По составу V1 почти полностью воспроизводит L, хотя (опять же по мнению Монфазани) не является ее копией (ученый считает, что обе рукописи были списаны в Риме и восходят к одному и тому же архетипу, причем, V1 была скопирована гораздо позднее, чем L)¹⁹.

O = Cod. Ottob. lat. 1754, f. 279–280: заглавие речи идентично списку V1.

Рук. бум., в четверку, 391 л., минускул начала XVI в., содержит вначале (л. 1–235) тексты античных авторов (Филострата, Плутарха, Юлиана, причем переводчик текстов Плутарха называет себя всякий раз Ioannes Laurentius), за которыми следует подборка тех же текстов Виссариона, что и содержащиеся в LV1, но также восходящих к общему с LV1 прототипу. Что касается текста речи Виссариона на Мантуанском соборе, то он в O передает лишь самое начало переработанной версии первого извода. Соотнося его с издаваемым нами текстом первоначальной редакции, укажем, что писец O, дойдя до слов aggrīamus honestam mortem в главе 5 воспроизвел слово aggrīamus, но не захотел, видимо, дальше переписывать и поставил точку.

V2 = Cod. Vat. lat. 3526, f. 26–27 v: заглавие речи Виссариона идентично спискам V1O.

Бум., в половину листа, 102 л., XVII в., на листе 1 (чистом) сверху владельческая помета: Antonii Card. Carafae Bibliothecarii munus ex Testamento. Содержит тот же набор текстов Виссариона, что и O (тексты античных авторов опущены) и тот же укороченный вид переработанной редакции его мантуанской речи, оборвавшейся на слове aggrīamus, что и в O. Думаю, что V2 – всего лишь копия с O.

¹⁷ Подлинное заглавие не приводится и в существующих описаниях рукописи, см.: Bandini A.M. *Catalogus codicum latinorum Bibliothecae Mediceae Laurentianae*. Vol. II. Florentiae, 1775. Col. 633–636 (в описании Бандини, по-видимому, указано сокращенное название: Bessarionis oratio de bello in Turcas inserendo, habita in conventu Mantuano); Monfasani J. Bessarion Latinus. P. 193–194 (у Монфазани данный список обозначен сиглом F).

¹⁸ Этот колофон, не замеченный в свое время Бандини, впервые опубликован в указанном нами (см. примеч. 17) описании Монфазани (P. 170, 193).

¹⁹ Monfasani J. Bessarion Latinus. P. 173–174, 196.

N = Cod. Neapolitanus. Biblioteca Nazionale, Fondo Principale, V F 12, f. 106–11. Oratio in conventu Mantuano (на поле добавлено: Domini Cardinalis Niceni), в конце помечено: Τέλος.

Бум., 134 л., XV в. (л. 1–129) и XVI/XVII вв. (л. 130–134), “наша” часть писана четырьмя писцами, курсив XV в.²⁰ Рукопись содержит весьма своеобразный набор текстов сочинений самого Виссариона, Георгия Трапезундского (его письмо Виссариону от 28 августа 1469 г.) и Никколо Перотти (его переводы на латинский язык монодий Аристида, Либания и Виссариона, а также его письмо папе Павлу II).

Немало своеобразия и в стилистической правке текста мантуанской речи Виссариона, даже по отношению к “первому изводу” переработанной редакции и мы бы, пожалуй, не удивились, если бы встал вопрос о выделении этого текста в отдельную редакцию памятника. Тем не менее, хотя тексты первого и второго изводов переработанной редакции в общем-то списаны нами (особенно тщательно – в конце речи, где правка виссарионовского текста наиболее интенсивна), мы не считаем целесообразным публиковать их в настоящем издании. Возможно, нам еще придется вернуться к этому вопросу в отдельной публикации. А пока что ограничимся представлением текста первоначальной (оригинальной) редакции памятника. Интерпункция приспособлена для более легкого восприятия со стороны современного читателя; орфография кое-где также приближена к более привычному виду, но некоторые написания (i вместо u, ae вместо oе и т.п.), преобладающие в рукописной традиции речи Виссариона, сохранены; критический аппарат дает еще больше в этом отношении.

ORATIO REVERENDISSIMI IN CHRISTO PATRIS ET DOMINI DOMINI
BISSARIONIS EPISCOPI CARDINALIS TUSCULANI NICENI VULGARITER
NUNCUPATI HABITA POST SUMMUM PONTIFICEM IN CONVENTU
MANTUANO IN CONCIONE PUBLICA PRO BELLO SUSCIPIENDO
IN TURCUM MAUMETEM

[1] Quae dominus noster sanctissimus^a Pontifex maximus, Christi Salvatoris nostri vicarius, pro sua tum sapientia singulari, tum erga Dominicum suumque gregem universum^b summa pietate^c, gravissime eloquentissimeque^d disseruit, intenti audivimus omnes. Ita certe locutus est, ut dictis eius^e nil^f addi, nil^f detrahi possit: tanta cum elegantia tantoque^g artificio omnia complexus est. Nec id sane mirum^h, cum omnis scientiaⁱ omnisqueⁱ eloquentiae principatum teneat. Quae vero ego in praesentia longe impar ingenio ac stiloi non modo humili, verum etiam^k jejuno, Sacri Collegii nomine, impetrata prius a sanctissimo domino nostro venia dicturus sum, ideo dicam, ut omnes intelligent, quemadmodum consiliorum, laborum ac omnium, quae in tanto periculo pro defensione Christianae fidei necessaria sunt, hi praestantissimi patres^l participes fuerint ita nunc ejusdem^l voluntatis ejusdemque^m plane animiⁿ esse ac pro virili sua, huic rei, unicuique^o sanctissimo^o Domino nostro^o, miro flagrantique desiderio incumbere.

[2] Omnis namque Christiana fides, omnis nostra religio in periculo est. Repetatur memoria quam latum atque^b amplum fuerit Romanum Imperium, cujus fines^c, ut Appianus^d inquit, clauderat ortus solis atque occasus; quam arctum quamque angustum factum^e sit, consideretur. Non satis fuit^f totam Libiam maximamque^g majoris Asiae

partem^h priscis temporibus a Peris et Numidis Populo Romano et Christianis avemptam fuisse; non suffecit deinde minoremⁱ Asiam, Liciam, Paphlagoniam, Phrigiam, Galatiam, Ciliciam, Cappadociam, Pontum et Bithiniam vilissimae ac spurcissimae Turcorum^k gentis Imperio cecidisse. Novissimis quoque temporibus magnam Europae partem, Thraciam, Macedoniam, Achaia^l, Misiam superiorem, Misiam^m inferiorem occuparunt. Quin etiamⁿ tandem unicam illam urbium reginam, sedem Imperatoriam, novam Romam, Civitatem Constantini – heu rem miseram atque afflictam! – nostris temporibus captam, vexatam dilaniatamque perspeximus^o, omnibus rebus, omni^p ornatu faedissime ac crudelissime spoliata, viros partim caesos, partim acerbissimo^r servitutis jugo subactos, matronas stupratas, virgines raptas^s, sanctimoniales faedatas, adolescentes immaniter^t trucidatos, pueros partim gladio transfixos, partim ad turpitudinem raptos, infantes^u a gremio et complexu matrum ad caedem et cruorem abstractos^u, senes tum hominum, tum equorum calcibus dilaceratos, matronas praegnantem gladio – o crudelitas inaudita! – divisas, et fetus^x ac semiviva corpuscula pari ictu morti traditos.

[3] Quid templa illa, illa inquam sacratissima atque^a ornatissima templa commemorem? ea omnia^b Turcorum^c faedissimae gentes polluerunt, sanctorum statuas in frusta diviserunt, imagines vero parietibus depictas, partim luto, partim stercore deturparunt. Vestibus sacris caeterisque templorum ornamentis, quibus sacra tegebantur misteria – heu quibus verbis hoc^d proloquar! – equos et canes, in obprobrium^f fidei nostrae, tegebunt^g. Dicamne an sileam nefandissimum^h facinus? Dicam, etsi timidus tremensque: supra sacratissimam ac venerandissimamⁱ Beatae Virginis imaginem, quam totus ille populus, prae caeteris^j omnibus summa^k cum religione venerabatur, evulso prius argento et auro lapidibusque pretiosis, quibus refertissima^l erat^m, aliquandiu sceleratiⁿ illi ac vere carnifices inciderunt, deinde pedibus eam conculcantes – sed non sinit animus, ut hoc exprimamus – ad extremum securi in particulas divisam flammae tradiderunt. Ipsas autem Christi Salvatoris nostri imagines, in^o testudinibus templorum musaico^p depictas, sagittis^q et telis, ut quondam Judei lancea latus Domini^r, petebant et quemadmodum illi olim, ita nunc isti: “Sinite, inquebant, videamus si seipsum, quasi Deus, juvare possit”.

[4] O quis dabit capiti meo aquam et oculis meis fontem lacrymarum, et plorabo cum Hieremia^a die ac nocte interfectos^b populi^c. Sedet enim sola civitas plena populo, facta est quasi vidua domina gentium, princeps provinciarum facta est sub tributo, nec est, qui consoletur eam ex omnibus caris ejus; omnes amici ejus spreverunt eam, et facti sunt ei inimici. Tanta est autem infidelium rabies^d, tanta dominandi^e libido, tantus extinguendae fidei Christianae ardor, ut nil^f aliud Tyrannus ille cogitet, nil dies noctesque molitur^g, nisi ut Pannonia superata, Italiam ipsam^h caeterasque Christianorumⁱ provincias spurcissimae sectae suae subiiciat. Et jam in Pannoniae finibus, ei duobus munitissimis oppidis, quae in ipsis Danubii ripis^k, sola transitum hostis prohibere poterant, altero^l potitus^m, alterum mirum in modumⁿ occupare desiderat. Nos vero – pro dolor! – cunctando, et praestolando negligimus.

[5] Hem Christianissimi reges et principes^a! hem sacro baptismatis fonte renati et Christi Salvatoris nomine insigniti^b, per quem reges regnatis et Domini dominamini, et universi populi salvamini; Vos, vos inquam, appellamus, pro quorum salute pretiosum sanguinem suum Salvator noster effudit. Insurgamus contra^c inimicos ejus, contra fidei hostes arma sumamus^d, non dubitemus pro eo etiam vitam exponere, arripiamus honestam mortem, ut ille Philosophus inquit^e, dum licet, ne paulo post mors quidem eveniat, non tamen cum pari decore. Quamquam enim magna et ardua videatur^f, volentibus tamen nobis, facilis res est^h eos aggredi et superare. Neque enim sua vel industria, vel virtute Infideles aucti sunt, sed inertiaⁱ, desidia, negligentia, discordia^j nostrorum; ita ut paulatim vicinis devictis^k, eorum tolerantia, qui ob privatas inimicitias eos perire sinebant, eo usque pestis ista^l serpuerit, ut et caeteros omnes^m sociis nudatos subiugarit et ad usque Pannoniae fines accesserit, jamqueⁿ de ingenti^o occiduarum partium^p periculo agatur.

²⁰ См. подробное описание: Ibid. P. 178–179, 194–195.

Resistamus igitur illis et furibundum^a eorum impetum comprimamus, imo^a vero et quae Graecis arrepta^s sunt, Latino nomine, gloria, virtute rei^que militaris scientia recuperemus.

[6] Vestra illa erant, quae amissa sunt, vester principatus fuit; siquidem principatus Romanus vester est, vobis iniuria facta est, imo^a vero Salvatori et Domino nostro, contra^a cuius^b religionem Barbari omni conatu nituntur. Nomen Graecorum extinctum est, perit, nusquam est. De re Latina nunc agitur. Pannonia tota in periculo est, contra eam omnes suas^c vires exercet hostis; scit enim, quia^d illa (quod Deus avertat) adepta^d, magnus latusque ei^e ad totam Europam invadendam campus patebit^f. Magna^g concipit animo magna desiderat. Ne igitur, illis^d succumbentibus, de nobis postea agatur, occurramus. Satis^j tamen de nobis agitur, cum de fratribus nostris^k, de nostra fide ac religione agatur. Reprimamus, resistamus, iniurias^m Christi nomini et nobis illatas, ipsa natura, divina humanaque lege monitiⁿ ulciscamur, ne ultra ea Pestis serpat, provideamus.

[7] Per Samuelem Dominus praecepit Saul, ut Agag Amalechitem cum^a caperet, et quod multas intulerat^b Israeli iniurias et ipsum ac ipsius omnia, a viro usque ad mulierem, parvulum atque lactentem^c, bovem et ovem, camelum et asinum interficeret^d. Quod mandatum cum Saul transgressus fuisset, Samuel ipse, missus a Deo, ut Agag propriis manibus in frusta concideret^e, et Saul regnum jam sibi ablatum^f iri minatus est: "Scidit enim, inquit, Dominus regnum^g Israel a te hodie, et tradidit illud proximo tuo meliori^h te^h". Virum vero Dei, qui venit de Juda in sermone Domini in Bethel ad Hieroboamⁱ, quod^j contra praeceptum Domini manducaverat panem et biberat aquam^k, in illo loco quamquam ab alio sene propheta^m seductus fuerat, revertentem, pro paena transgressionis divini mandati, leo devoravitⁿ.

[8] In Gabaa Levita quidam, quod concubina sua viri civitatis illius, filii Belial, ita abusi fuissent, ut e vita discessisset^a, cadaver ejus^b gladio^c in duodecim frusta divisum, duodecim tribubus^c Israel^d transmisit et ita illos per hunc modum ad ultionem inflammavit, ut quamquam^e his^f pejores in bello partes^g habuerint^h, eo usque tamen perseveraverintⁱ, quoad et multa hominum milia interfecerunt^j et ipsam civitatem Gabaa cunctasque urbes et vicos Benjamin^k voraci flamma consumpsere omnesque reliquias civitatis, a viris usque ad jumenta, gladio percusserunt^l. Romani, quod legatos suos Tarentini injuriis affecissent, ita eos punierunt^m, ut finesⁿ fruendarum opum, quibus ad invidiam (h)abundaverant^o, imponerent^p. Nos vero, non contempti mandati, non legatorum, non concubinae injurias, sed matronarum, sed virginum, sed sanctimonialium stupra, fornicationes, incestus, omne denique genus libidinis, cuius etiam meminisse turpe est, non execrabimur^q, non ulciscemur, non puniemus?

[9] Theodosius Christianissimus Princeps, cum^a Antiocheni, ob novi vectigalis impositionem indignati, statuas Placidiae^b depositas per civitatem^c traxissent, praeter caedes civium in ipsa seditione a regiis hominibus patratas, gravissimis eos puniendos censuit paenis effecissetque^d, nisi religiosissima illa lex Ambrosiana obstisset^e, ob aliam ejusdem^f contra Thessalonicenses saevissimam ultionem lata, quorum septem milia, nullo inter nocentes innocentesque discrimine habito, interfici jussit. Nos vero ita segnes et ignavi et vecordes erimus, ut imaginibus Sanctorum, Beatissimae Dei Genitricis et ipsius Salvatoris nostri conculcatis, caesis, derisis, faedatis, pollutis nullam paenam, nullam ultionem de hostibus sumemus?

[10] Omitto Xerxem regem Persarum^a, qui quod Graeci^b noluissent, eum terrarumque principem profiteri ac drachmam^c terrae et cyathum aquae, tributis gratia solvere, coactis quinquagesies centenis milibus hominum (teste Herodoto)^d acriter eos, quamquam infelicitate, invasit. Praetereo Tamerlanum^e illum Scythem^f, qui, quod hujus impii Turchi proavus verbis eum lacessiverat^g, aetate nostra ingenti coacto milite Asiano, illum turpissime captum trucidavit. Ad ea, quae in dies fieri videmus, venio^h. Nemo est adeoⁱ humilis atque abiecti animi, qui contemptum suum aequo animo ferat. Subditus

principis sui jussu^j transgressus est: gravissime punitur. Vicinae vires ultra fines suos quicquam sibi de alieno^k ascivere: non modo aerarium publicum, sed privatorum quoque omnium^l res exauritur^m, dispergitur, consumitur, utⁿ ultio de hostibus sumatur^o. Quin etiam verbo^p lacessitus princeps si^q a subdito, usque ad exitium eum persequitur; si a tyranno, vel populo libero: omnes fortunas suas, omnem statum, se denique ipsum in discrimine ponit, ut illatam sibi injuriolam ulciscatur.

[11] Nos pro Christo proque injuriis ei ab infidelibus et verbo, et re multifariam illatis, non movebimur, non flagrabimus ardore, non nostras subditorumque nostrorum fortunas exponemus? Non omnia potius quam hostes caede malisque nostris debacchantes, patiemur? At majores nostri pro parentibus^a, pro patria^b non modo pecuniis et^c fortunas suas omnes, sed sanguinem, sed ipsam vitam exposuerunt. Meminisse libeat fratrum illorum, qui patrem et matrem humeris^d suis per medios Aetneos^e ignes portaverunt^f. Non praetereat nos Aoth^g, qui suo manifesto periculo, ut servitum a filiis Israel auferret, Eglon regem Moab, solus in Laribus ejus, omnibus suis stipatum, occidere ausus fuit^h. Non Jepthei filia, quae patre dolenteⁱ, quod prima^k ei occurrerat post partem^l ab hostibus victoriam redeunti: quandoquidem voverat^m primum, qui e foribus domus suae egressus ei obviam procederet, holocaustum se Domino oblaturum; minime quidem expavit, neque mortemⁿ deprecata est, sed^o magno animo et patrem, ut pietatem Deo servaret, hortata est, et seipsam patri ultro^p obtulit^q. Quid vero Judith alia mulier contra Holophernem, quid elegantissimus juvenis Mucius Scaevola contra Porsennam^r fecerit^s, nemo est qui ignoret^t.

[12] Quae ideo legimus, ideo meminimus, ideo admiramur, ut imitemur, et^a eadem, cum opus sit, faciamus. Si Codrus^b, si Curtius, hic ne vasto hiatu urbs Roma subsideret, praecipitem se in illud profundum egit, ille ne Athenae hostili bello^c succumberent, hostibus se objecit ac unum ex his^d falce percussus in caedem suam compulit^e; si Brutus, Cassius, Postumius^f, Mamilius^g filios pro Reipublicae libertate occiderunt; Camillus mala patriae in se transferri precatus est^h; Horatiusⁱ sororem suam, quod maritum hostem Reipublicae ab eo superatum, plangeret, occidit^k; sed Zopyrus^l vir praestantissimus et e regia^m stirpe Persarum, ut Babilonemⁿ in Darii potestatem redigeret, tot^o atrocissimis acerbissimisque vulneribus sese laceravit, ut Darius, quamquam propterea Babylone potitus fuisset, dixerit^p tamen maluisse se Zopyrum illaesum, quam Babylonem expugnatam^q. Quid est quod nos homines Christiani, quibus major^r, certior veriorque spes futurorum, quam gentilibus^s reposita est, haud^t levibus ex causis, sed pro libertate, pro salute totius^u populi Christiani, pro Dei honore, pro fidei ampliatione, non dicam filios neque^v nos ipsos, ut illi^x fecerunt (nec^y enim tantae sunt hostium vires, ut haec omnia sint ad eorum interitum necessaria), sed fortunarum, sed rerum nostrarum vel aliquam partem non conferamus? non concedamus, ut per nos ipsos, serenissimi principes, communi consensu et ductu Pontificis Maximi, milite vel proprio cujusque, vel alieno atque inimicis vicino, sub vexillis et ducibus propriis, prout magis Rei christianae^z utile fore videbitis, conducto, amissa recuperemus, servitum discutiamus, libertatem vindicemus et his, qui eam amiserunt, restituamus?

[13] Nec enim hoc insolens, neque novum est^a, non a nobis inchoandum^b neque in nobis finiendum, pecuniam^d ac fortunas ad tale bellum peragendum suppeditare; cum non modo bellorum adeo^c necessariorum gratia, sed etiam ad ornatum templorum et sacrarum rerum, et ad sustentationem^f pauperum multi saepe liberalissime contulerint, vosque in dies magnifice conferatis. Non enim pilos^g caprarum et pelles arietum caeteraque viliora tantum, sed argentum etiam et aurum et quae^h preciosiora sunt offerri ad ornatum sacerdotalem et templi, ac sibi primitias tolli, in Libro Exodiⁱ, mandavit Dominus^j. Hierusalem a C(h)aldeis^k capta igneque^l incensa, reliqua Judaeorum multitudine, ut apud Baruch legitur, pecuniam, secundum quod potuit uniuscujusque manus, collegerunt, eamque in Hierusalem ad Joachim^m filium Helciaeⁿ miserunt^o Judasque^p vir

fortissimam collatione facta ad duodecim milia drachmarum^a argenti Hierosolimam misit. Paulus vero apostolus de collectis, ut apud Galatiae ecclesias ordinaverat, in Hierusalem perferendis, ita et Corinthios, ut facerent, admonet^a.

[14] Sed quid nostros commemoro^a? Nonne exteri quoque idem fecere^b? Quid publicanis avarius? hi tamen cum secundo bello Punico Romanae urbis aerarium exhaustum foret, censores hortati sunt, ut omnia sic locarent tanquam Respublica pecunia^c abundaret, seque praestatueros^d cuncta, nec ullum assem^e, nisi bello confecto, petitueros^f polliciti sunt^g. Qui^h magis ornatui incumbunt quam mulieres et pueri? Illae tamen, quicquid auri et argenti habebant, pueri etiam insignia ingenuitatis ad sustentandamⁱ temporis difficultatem contulerunt^j. Nec Punicis similis feminarum defuit virtus, quae praeter haec cum obsidione Carthago^k premeretur nec haberetur^l, unde funes ad machinas necessarii^m componerentur, abscisos capillos huic necessitati contuleruntⁿ; verum enim ornatum ac^o verum decorem, non argentum et aurum, non capillos et crines ac fucum, sed libertatem existimabant^p. Fabiumque Maximum scimus pro captivis redimendis fundum suum vendidisse^q.

[15] Haec si nunquam ab aliis ante nos acta fuissent, nos exemplo caeteris esse deberemus; nunc vero tot exempla ante oculos habentes, non imitabimur? Imitabimur profecto! Virtus enim^a et religio in nobis certe major est, pericula majora^b imminent. Tam ecclesiastici, quam saeculares Christianissimi piissimique principes, de vestri pauca offeretis^c, sequetur^d populus Christianus omnis aetatis, dignitatis, conditionis. Magna a Salvatore nostro simul omnes adepti sumus beneficia, magna ei debemus omnia sua sunt, partem ei aliquam, et quidem minimam, de suo si praestabimus, im(m)mo vero^f pro salute propria^g conferemus^h, satis superque huic nostrae necessitati faciemus. Tantum enim, ex minima tanti populi Christiani collatione, conducetis militem, piissimos principes, utⁱ facile victoriam de inimicis, cum magna vestri nominis gloria, reportari possitis.

[16] Pudet dumtaxat^a cogitare, quae qualisve gens, quam vilis, quam faeda, quam sordida contra Christianum populum sapientissimum, nobilissimum, potentissimum debacchatur. Etsi^b enim multas civitates atque provincias earum desidia atque discordia occuparunt, tantum^c tamen adhuc, Christi^d gratia, vires sunt tot potentissimorum regum Occidentis, tot principum ac populorum Christianorum, ut non modo omnes simul verum etiam una pars major illis sit fortior, populosior, ditior. Omnis profecto hostium exercitus septuaginta^e milium bellatorum numerum non excedit, et eorum quidem partim levis, partim nullius armaturae. Caeteri si qui sunt – sunt autem, quando maiorem^f exercitum cogere possunt, vix totidem^g – omnes pedites, nudi, inermes, sine stipendio publico absque ullis^h opibus propriis, praeda dumtaxatⁱ et incursionibus viventes, nullum ordinem astricti^j servare, non coacti principis incumbere custodiae, nullis denique legibus subacti^k, quorum in arbitrio^l est et manere et fugere et quorum neque mors, neque vita duci curae est.

[17] Hos igitur metuemus? hos fugiemus? hos imperare nobis permittemus? Memiserum! Italia sola^a, nec illa tota^b, non^c jam priscis temporibus et^d a memoria nostra remotis, sed heri, ut ita dixerim, aut nudius tertius, magnis sumptibus et gravissimis stipendiis, non quidem brevi tempore, sed triennio et^e quadriennio^f, supra sexaginta milium milia et armis, et scientia rei^g militaris et fortitudine ac^h robore praestantissimorum, omniqueⁱ machinarum genere refertissimorum^j contra se invicem sustentabat^k, qui non modo Europa, sed tota Asia hanc immanissimam beluam^l repulissent et ad^m Dominicum usque sepulchrumⁿ libere penetrasset. Si res fieri non posset, si vires Christianorum excederet, non esset cur dolendum, cur aegre ferendum videretur. Verum cum facilis, cum volentibus Christianis nullius fere momenti sit^o, hoc profecto indigne ferendum, hoc vitiotribuendum est. Et animus et voluntas, non vires non facultas deest^p. O utinam Deus vel aliquis vehemens^q orator vel gloriae cupiditas^r alicui Christianorum regum aut prin-

cipum persuasisset, ut hanc^a gerendi belli hujus praestantissimam Christianorum foret. Si numerum^b militum nostrorum, quos cogere poterunt^c fideles, si volunt^d, exercitui hostium comparemus, ille profecto minor est; si virtutem, industriad, rei militaris scientiam, quidni^e nostri antecellunt; si fortunas fortunis, felicitatem miseriae comparabimus. Praeter enim tyrannum illum, qui^f omnes depraedatur, omnes^g spoliatur et suos etiam, confictis criminibus, ut pecuniam contra nos conflaret, persequitur, et praeter alios quam paucissimos, caeteri omnes pauperes, egeni, inopes vix degunt.

[18] Cur ergo cunctamur^a? cur differimus^b talem hominem aggredi vel potius talem beluam^c invadere? Equidem facilius sperarem quicquid ille Europae^d occupat recuperare, quam minimam alicujus Christiani principis provinciam vel^e munitam urbem vel^f subigere. Tantum interest inter potentiam et strenuitatem vestram, serenissimi et Christianissimi principes (vos enim saepius partim absentes, partim praesentes alloquor) atque illorum ignaviam inermem et effeminatam multitudinem. “Sed quid est, quod quasi^g semper vincunt?” inquires. Perseverantia, audacia, temeritas illorum hoc facit, nostra vero negligentia et – nescio^h quo honestius hoc dicere possim – tol(l)erantiaⁱ. Praeterea illi quidem fugientes persequuntur^j. Nullum praelium quinquaginta jam annis comminus^k gessere, nullus eis restitit^l.

[19] Quid igitur mirum si fugientes insequuntur^a? Quod si qui^b aliquando eis restiterunt, aut vicerunt, aut non fuerunt victi, aut minime incruentam victoriam illis reliquerunt. Magnanimus juvenis Ladislaus^c Hungarorum^d rex piissimus, cum quattuordecim^e milibus militum^f (nam qui plus asserunt, non excedunt decem et^g octo milia) et aperto bello universae Turcorum^h potentiae se opposuit et atroci praelio commisso superavit, vicit, profligavit, immanissimum illum tyrannum in fugam vertit. Et nisi gloriae cupiditate supra modum accensus, praetermisso ducis officio, militisⁱ exercuisset et in medios hostes prolapsus occidisset, profecto Europae^j jam multos ante annos Christianorum esset, nec in praesentia sermo de Turcis haberetur. Quid strenuissimum illum ac sapientissimum ducem commemorem^k Johannem^l Vaivodam, cujus^m memoria nobis quoqueⁿ suavissima est? quotiens cum parva manu, magnum Turcarum numerum contrivit, prostravit, fugavit. Quot^o ab eis reportavit triumphos? Quid proximis annis? Nonne exiguius cruesignatorum numerus, miles tumultuarius ac p(a)ene inermis, omnes^p Turci copias, eo praesente, in munitissimo Belgrad^q oppido, diruptis^r atque prostratis vi machinarum maenibus, Turcisque jam intra oppidum strictis gladiis discurrentibus, vicerunt, profligarunt, fugarunt, magna hominum multitudine caesa et ipso imperatore graviter vulnerato, tandemque^s oppidum receperunt et^t omnibus simul impeditis hostium sunt potiti?

[20] Haec virtus nostrorum; haec est fortitudo hostium^a. Dum resistimus, superantur, dum tol(l)eramus, facile persequuntur^b fugientes. Quod^c si hac negligentia et tol(l)erantia deposita, animum sumpserimus, si vires Christianas contra hostes exercere voluerimus, omnes eorum profecto, Deo propitio^d, conteremus^e vires. Si cum ardore fidei et religionis nostrae induerimus, quo Summus Pontifex, Princeps noster^f, nostrorum omnium caput, fidei Doctor, Magister et Defensor, tenetur et flagrat; qui divinitus nobis in verum, unicum^g, universalem et summum^h pastorem datus, moxⁱ in sublime fastigium hujus dignitatis evectus, contemptis otio et deliciis, omissis omnibus, quae novi principes pro tuitione et confirmatione status sui cogitare et agere consueverunt, adversa valitudine^k superata, huc se, hujus rei gratia, multis maximisque cum^l incommodis contulit. Si ejus salutaribus monitis^m paruerimus; si jejuniis, fletu et emendatione vitae, gratiam Dei meruerimus impetrare et preces effuderimus; non instar Persei, qui e praelio fugiens sacrificabat, sed Pauli Emilii, qui hastam vibrans et manum cum hoste conferens victoriam precabatur et Deum invocabatⁿ, hisque rebus muniti, hostes nostros aggrediemur, sentietis profecto quam turpe et indecorum fuerit tanto tempore, ignavos ac vilissimos homines malis nostris ac nostra caede debacchari^o permisisse^p; quam facile sit eos, non

e finibus nostris, non Europa tantum, sed tota Asia fugare, exterminare, prolicere. Nulla me dubitatio tenet, quod si antequam ad hanc calamitatem illae Christianorum provinciae pervenissent, hoc omnino futurum intellexissetis, omnem conatum, ne eveniret omnem operam, omne^s denique studium impendissetis.

[21] Quae ergo ne evenirent, prohibuissetis, haec facta tol(l)erabitis, cum reparare possitis, vel ut similia fiant patiemiⁿi? Im(m)o vero^b non potius omnia tol(l)erabitis omnia patiemiⁿi, quam ut rursus cogamini^d miseriarum ac malorum vestrorum^e paenitere? Eja igitur, serenissimif reges, potentissimi principes, Christianissimif populi aggrediamur, aggrediamur^h hanc rem adeo sanctam ac necessariam magno ac fortissimo animo, non rebus, non opibus, non personis, non vitae parcentes, spe in Deum, fiducia in Salvatorem nostrum muniti, quod ipse nobisⁱ victoriam praestabit, ipse hostes nostros conflicet, qui Goliath spurium Phylisteum, inauditae magnitudinis, fortitudinis et roboris hominem, armis undique, ut Scriptura refert^k, communitum, per David adolescentem^l, nullis munitum armis, baculo tantum, lapidibus et funda oppressit, confregit. Intereunt, qui per Gedeon^m cum trecentis tantummodo militibus, multa mil(l)ia hominum et castra Madianⁿ fugavit, fudit, profligavit^o. Qui per Deborah^p mulierem decem milibus hominum universam Sisarrae multitudinem gladio interficiendam^q tradidit^r; qui centum octoginta^s quinque milia hominum^t Assyriorum, Ezechiae precibus per angelum suum una nocte percussit^u; qui Ma(c)chabeos, fortissimos viros, pro lege Dei parva manu, se ingenti animo contra potentissimos Alexandri Magni successores, post multa ac varia praelia tandem victores effecit^v; ille^x, inquam vobis, christianissimi principes, hanc ultionem, hanc gloriam ille, hanc victoriam vobis de faedissimis hostibus reservavit; ille procul dubio concedet, pro cuius sacratissimo numine^y haec aguntur.

Dixi et quidem prolixius quam debueram, sed quaeso affectui meo id tribuendum putet Tua clementia et vestra humanitas veniamque pr(a)estet^z Amen^{z1}.

[1] a. Summus DP₂; b. *deest* DT; c. *postea habetur* Sapientissimus pastor FP₁; d. eloquentissime E; e. suis E; f. nihil E; g. tanto cum E, tanto omnis scientie D; h. *Verba* Nec mirum *uncinis includuntur* in P₁; i. omnis D; j. stillo P₁, studio E; k. *deest* in E; l. *Verba* patres – eiusdem in D *omissa et ab eadem manu ad marginem ascripta sunt*; m. *deest* in E; n. *deest* in E; o. sanctitate P₂; p. In D vitiose cum sanctissimi domini nostri.

[2] a. reputatur D; b. quam E; c. fratres P₁, *sed supra lineam vocabulo fines ascripto*; d. Appinianus T, Appiniamus D; e. *deest* in DT; f. *deest* in E; g. *deest* in E; h. *deest* in E; i. maiorem FP₁; j. *deest* in E, *desunt* in DFP₁P₂V Ciliciam, Cappadociam; k. Turcharum E; l. *Postea legitur* Epirum in E; m. om. E, *sed addidit* atque; n. codd. bis *pro his E habet*; o. prospeximus D; p. *deest* in D; r. acerbissimae E; s. captas P₂; t. humaniter P₂; u. *Verba* infantes (in E. liberos) – abstractos *habentur post verba pueros* – raptos; v. *deest* in E; x. *deest* et fetus in T.

[3] a. et E; b. nomina D; c. Turcharum E, Turchorum F; d. haec E; e. perloquar E; f. opprobrium E; g. texerunt E; h. nephandissimam DT; i. super venerandissimam ac sacratissimam E; j. pro preteritis T; k. *deest* in E; l. perfectissima D; m. *Postea in codd.* FP₁P₂V *sequitur* carnes, *quod E sequentes delevimus*; n. sterilitati D, vitiose; o. *deest* in E; p. mosaico T; q. sagiptis F; r. Joh. 19: 34; cf. 20: 20–29. s. cf. Mc. 15: 29–32; Mt. 27: 40–42.

[4] a. Hyeremia P₂, Jeremia E; cf. Jerem. 1: 16 etc. b. *sequitur* filie in P₂F; c. *sequitur* mei in DFP₁ infidelium E; d. rabies infidelium E; e. demoniandi D; f. nihil E; g. molliatur P₁P₂; h. *deest* in E; i. *deest* in E; j. *deest* in P₁; k. rippis V, *sequitur* sita in FV; l. *sequitur* jam in E; m. *sequitur* est in E; n. *deest* mirum in modum in DFP₂T.

[5] a. Christiani principes et reges E, *deest* in F; b. signiti T; c. *deest* in P₁, *sequitur* et in P₁V; d. summamus P₁P₂; e. Marcus Anton. 9, 27; f. videtur E; g. vobis F; h. erit E; i. inertia P₁; j. *deest* in T; k. devictis vicinis P₁; l. ipsa P₁; m. *deest* in T; n. Itaque P₁; o. *deest* in E; p. pertium D, vitiose; q. furibundis P₁; r. immo DT; s. erepta T.

[6] a; immo T; b. ejus E; c. *deest* in T; d. quod illa (...) posita E, (...) adepta DT, (...) adepto FP₂V; e. *deest* in E; f. campus patebit *post vocem* latusque E; g. Magno T; h. *deest* in T; h. *deest* in T; i. succurramus DF, occurriramus T; j. *deest* in P₁; k. *deest* in E; l. agitur E; m. iniuriam P₁; n. muniti E.

[7] a; *deest* in E; b. intulit E, intulerit DT; c. lactantem DP₁; d. 1 Reg. 15, 2–8; e. *Verba* in frusta concidit *desunt* in E; f. sublatum DT; g. *Verba* jam sibi – Dominus regnum *desunt* in F, *sed a secunda manu ad marginem ascripta sunt*; h. 1 Reg. 15: 28; i. Jeroboam E, Hiroboam P₁; j. *deest* in D; k. *deest* in FP₂V, panem (sic!) P₁; l. in loco illo P₁T; m. profecta P₁; n. 3 Reg. 13, 1–30.

[8] a; discessisset E; b. illius T; c. om. E; c. tribus T; d. Israhel T; e. quid-quam D; f. his E, bis codd. omnes. g. om. P₁; h. habuerunt E; i. perseveraverunt E; j. interfecerent P₁; k. Beniamini F; l. cf. Jud. 19–20 :20; m. puniverunt P₁; n. finem FP₂V; o. abundaverant E, abundarent T; p. Val. Max. II, 2, 5 (= p. 65, 9–24 Halm); q. execrabimus E (et alii).

[9] a. qui DP₁P₂TV, vitiose. b. Placide DP₂T; c. civitates P₁; d. affecissetque E; e. *deest* in T; f. *post Thess. inscribitur* E; g. summamus P₁P₂.

[10] a. Persarum regem E; b. legati E; c. *Verba* terrae – drachmam *desunt* FT, *sed in F a secunda manu ad marginem ascripta sunt* (ultima vox sic: dragmam); d. cf. Herod. VII, 60; 184–186; e. *Emendavimus*, cf. codd.: Tamurlam P₂V, Thamurlam FP₁, Tamulebam D, Tamarlanum E, Tamuilanum T; f. Scithem DT, Scythem E; g. lacessuerat D, lacessierat E; h. om. D; i. tam E; j. jussis T; k. om. E; l. hominum E, errarium (in loco vocis aerarium) V; m. exauritur P₁; n. ex P₁; o. summatur P₁P₂; p. om. E; q. quis E.

[11] a. pro parietibus P₁; b. om. E; c. pecuniam et om. E; d. habueris FP₂, *sed a secunda manu supra linea in F atque in P₂ ascripta est*: humeris; e. ethneos P₂, et neos P₁ plane absurde!; f. cf. Val. Max. V, 4, 4 sqq. = p. 248, 30–249, 5; g. Aod E, Oath FP₂; h. Jud. 3, 14–30; i. Jepthe T, Jetphe T, Jetphar D; j. patri dolenti E; k. vocis prima loco pater in F legitur; l. paratam F; m. noverat FT, venerat P₂; n. mortem: hominem E; o. *Verba* sed magno animo – hortata est *desunt* in FP₁; p. *post hanc vocem obtulit exhibetur* in E; q. cf. Jud. 11.30–39; r. codd.: Porsenam; s. fecerint E; t. cf. Val. Max. III, 3, 1 = p. 132, 11 sqq. Halm.

[12] a. *Verba* imitemur, et om. FP₁; b. Corus D; c. impetu E; d. iis E; e. cf. Val. Max. V, 6, 2 = p. 253 < 24 sqq. Halm >; f. Posturnius F; g. Molius D, Malius F, Manlius P₁, Manillus P₂, Manilius T; h. Val. Max. I, 5, 2 = p. 21, 3 sqq. Halm; i. Sic restituimus ex E, Oratio DFP₁P₂TV; j. ab eo: a se E; k. cf. Val. Max. VI, 3, 6 = p. 290, 5 sqq. Halm; l. Zopirus DT, Zopirus E; m. a regia E; n. Babylonem E o. totus P₁; p. dixisset se FP₁P₂T; q. cf. Herod. III, 150–160; r. *sequitur* spes in FP₁, non post vocem veriorque; s. gentibus P₁; t. aut D; u. *deest* in D; v. non D; x. ipsi DT; y. nec enim tantae sunt: Non enim sunt tantae T, ne pro nec exhibet D; z. Reipublicae E.

[13] a. *deest* in T; b. incohandum P₁T; c. nec a E, neque a D; d. pecunias FP₁T; e. tam E; f. substantationem E; g. pillos *scribitur in codd*; h. *deest* in P₂; i. in Exodi Libro D; j. Exod. 23: 19; 34; 26; 25: 1–7; 35: 5–9; 21–29; k. chaldeis FP₂; l. Sic restituimus ex E, alii codd. habent ignique; m. Sic restituimus ex E, alii codd. habent Hyoachim vel Hioachim; n. Elchiaie codd.; o. Baruch. 1: 2–7; p. Judas quoque DP₂, Quoque E (Judas post vocem fortissimus); q. drachmas E; r. II Macc. 12: 43; s. admonuit E. cf. I Cor. 16, 1–4.

[14] a. commemoremus E; b. fecerunt E, facerent T; c. om. E; d. praestitueros E; e. essem D, asset T; f. petitori V; g. Val. Max. V, 6, 8 = p. 256, 7–14 Halm; h. Quid P₁; i. substantandam E; j. cf. Val. Max. V, 6, 8 = p. 256, 19–24 Halm; k. Cartago in codd. FP₂V; l. habent P₁; m. ad m. necessarias P₁; n. cf. Veget. Renat., Epitom. rei milit. IV, 9; Plut. De vitando aere alieno 828 C; Polyae. VIII, 67 etc.; o. et E, ad P₂V; p. extimabant E; q. cf. Val. Max. III, 8, 2 = p. 155, 6–9; IV, 8, 1 = p. 210, 24–28 Halm.

[15] a. vero pro enim D; b. majora pericula E; c. offeratis P₂; d. sequitur D; e. conditionis F; f. si post vero E; g. nostra E; h. conferremus E; i. et T; j. nostri F.

[16] a. duntaxat E; b. Si P₁; c. tanto D, tantae E; d. om. T; e. sexaginta D, octoginta E; f. minorem T; g. centum millium E; h. omnibus E; i. duntaxat E; j. adstricti E; k. subiecti E; l. arbitrio E.

[17] a. om. T; b. om. FP₁; c. om. T; d. om. P₁; e. om. E; f. sic E, alii codd. habent quadriennio; g. om. FV; h. et E; i. omniumque D, omnisque E; j. refectissimorum FP₂, refectissimorum D, refortissimorum T, fortissimorum E; k. sustentabat E; l. belluam E; m. om. E; n. sepulcrum F; o. sint P₁; p. Verba Et animus – deest desunt in E; q. om. E; r. cupidus P₁V; s. summeret FP₂T; t. numero D; u. potuerunt P₁, possunt DE; v. volent P₁; x. quid DP₁, quidem T; y. om. P₂; z. omnia T.

[18] a. Sic restituimus ex E, alii habent: percunctamur DFP₂, percontamur T, percunctabimur P₁; b. deferimus P₂; c. belluam ET; d. in Europa P₁; e. postea sequitur bellae DFP₁P₂, velle T; f. om. DFP₂; g. om. DT; h. in E postea sic: quo modo hoc honestius possim dicere; i. tollerantia DET; j. prosecuntur D, persecuntur P₁; k. cominus E, communis D; l. resistit DT.

[19] a. insequantur DFP₂T, insecuntur P₁; b. om. E; c. Wlasdilaus (sic!) T; d. Ungarorum FP₁T; e. sic in T, alii codd. habent quatuor; f. equitum E; g. sic in E, alii codd. habent decem octo; h. turcarum E; i. militem E; j. in E sic: Europae pars occupata; k. commemorent D; l. Joannem ET; m. Verba cujus memoria – cum parva manu desunt in P₂; n. om. F, ante vocem nobis T; n. Quod D; o. om. E. p. Belgardi D; q. dirutis E; r. tandem sibi P₂; s. ac T.

[20] a. om. T; b. persecuntur P₁; c. Quid D; d. Verba Deo propitio desunt in P₁; e. conterremus P₁; f. deest in T, ubi postea omnium nostrorum legitur; g. om. FP₂TV; h. om. E; i. nox F, nos P₁; j. pro confirmatione habent defensione DT; k. multitudine FP₁; l. om. T; m. moneribus (sic!) D; n. cf. Plut. Aem. Paul. XIX; o. ex E restitutum, alii codd. habent debachari; p. potuisse E; q. neglexistis D; r. ne evenirent DT; s. omnem P₁.

[21] a. recuperare DET; b. Verba immo vero – omnia patiemi omissa sunt in D, sunt autem ab eadem manu ad marginem ascripta; c. Verba omnia tolerabitis desunt in T; d. cogitami T; e. nostrorum FP₁, numerorum (sic!) P₂; f. sanctissimi D; g. potentissimi T; h. om. D; i. vobis F; j. confringet E; k. ait P₂, cf. 1 Sam. (Sept. = 1 Reg.) 17; l. postea E addit: rufum et pulchrum aspectu; m. legem (sic pro Gedeon!) P₂; n. Madiam F; o. Jud. 7, 1–22; p. Devoram F, Delboram P₂TV; q. interimendam E; r. Jud. 4: 3 eqs.; s. octuaginta FT; t. deest in T; u. cf. Is. 37, 14–20; v. cf. 3 Maccab. 6, 2 sqq.; x. bis P₁T; y. nomine E; z. sequimur lectioni in cod. D, alii aliter; z¹. Amen tantum in D.

**РЕЧЬ ДОСТОСЛАВНОГО ВО ХРИСТЕ ОТЦА НАШЕГО
И ГОСПОДИНА, ГОСПОДИНА ВИССАРИОНА ЕПИСКОПА,
КАРДИНАЛА ТУСКУЛАНСКОГО,
НАРИЦАЕМОГО ЧАЩЕ НИКЕЙСКИМ,
КАКУЮ ДЕРЖАЛ ОН НА ОБЩЕМ СЪЕЗДЕ
В МАНТУЕ ВСЛЕД ЗА ВЕРХОВНЫМ ПОНТИФИКОМ,
ПРИЗЫВАЯ НАЧАТЬ ВОЙНУ
С ТУРКОМ МУХАММЕДОМ²¹**

[1] Мы со вниманием выслушали все, что с великолепным красноречием произнес наш владыка, его святейшество великий Понтифик и Спасителя нашего Христа наместник, с присущей ему мудростью и благочестием пред Господнею и своею паствою. Говорил он так, что к сказанному ни добавить, ни что бы то ни было от него отнять невозможно – с таким изяществом, с таким искусством охватил он дело. Оно и не удивительно, раз уж он первенствует среди всех и в учености, и в красноречии²². И если я, с малым моим умом и ученостью, теперь, от лица Священного Совета²³, испросив на то дозволения у Святейшего Владыки, произнесу речь скромную и даже невзрачную, то скажу я это, дабы всем было ясно: высоко стоящие отцы и ранее участвовали в советах, трудах и во всем, что необходимо для защиты христианской веры в часы строгих испытаний, и ныне не изменяют своему обыкновению, но остаются нашему Святейшему Отцу помощники и ко единой цели верные споспешники.

[2] Ибо христианское благочестие, ибо вера наша в великой опасности. Вспомним, сколь мощна, сколь обширна была империя Римская, коей пределы, говорит Аппиан, замыкались востоком солнца и заходом его²⁴ – а взгляни ныне, сколь узки и тесны стали ее пределы. Не довольно того, что вся Ливия²⁵ и великой Азии большая часть исстари отобраны были персами и нумидийцами у народа римского и у христиан, – мало этого, еще и Малую Азию, Ликий, Пафлагонию, Фригию, Галатию, Киликию, Каппадокию, Понт и Вифинию – шаг за шагом подчинило своей власти сверх меры подлое и порочное племя турецкое! А в новейшее время захватили они же немалую часть Европы: Фракию, Македонию, Ахею²⁶, Мизию верхнюю и нижнюю. Наконец, увидели мы и то, как несравненный царь городов, стол кесарей, град Константинов – о позорнейшее, о прискорбнейшее из дел! – уже в наши дни был ими взят, разорен, разрушен, от всяческого украшения жестоко и подло разграблен, а жители его умерщвлены или поработены, опозорены жены, пленены девы, монахини осквернены, юноши истреблены свирепы; они пронзали юнцов мечом и похищали их на позор, от материнского лона и объятий отрывали младенцев на убийство и на кровь, старцев попирали конскими ногами и копытами, а беременных женщин – о неслы-

²¹ Подразумевается султан Мехмед II (годы жизни: 1432–1481).

²² Пий II (Энеа Сильвио де Пикколомини, 1405–1464) бывший папой Римским в 1458–1464, известен как ритор, публицист, поэт и ученый, в частности историк, географ и педагог.

²³ Имеется в виду Sacrum Romanorum Cardinalium Collegium.

²⁴ Виссарион намекает, скорее всего, на пассаж из начала “Римской истории” Аппиана: Appiani Alex. Hist. Rom., Prooem. 9 = vol. I, p. 7, 29–8–13, в особ. 8, 6–7 Bekker.

²⁵ Древние называли африканский материк Ливией, а Африкой – земли Карфагена (ныне Тунис). Виссарион подражает древним и, конечно, гиперболизировал.

²⁶ Под “Ахеей” Виссарион понимает в духе римского словоупотребления почти всю материковую Грецию и часть островов (римская провинция с 27 г. до н.э.).

ханная жестокость! – поражали так, чтобы единым ударом и плод их – тельца еще не явившиеся на свет, – предавались бы смерти.

[3] Помяну ли храмы, – храмы, святости и красоты исполненные? Все гнусно разорены турецкой сворой, в куски раздроблены статуи святых, а образа, что украшали стены, опозорены где прахом, а где и грязью. Священными одеждами и прочими украшениями храмов, коими покрываются святые тайны, они в поношение нашей веры – о как принудить себя выговорить эти слова! – покрывали коней и псов. Сказать ли или умолчать о преступлении несказуемом? Скажу, пусть робей и трепеща: с честного образа Пречистой Девы²⁷, всем народом нашим выше прочих свято чтимого, они сорвали сперва серебро, золото и драгоценные камни, которыми усеян был образ; затем злодеи и палачи набросились на него и топтали ногами, а под конец – собираюсь с духом, произношу это – топором дробили его в куски, чтобы после бросить в огонь. В самый образ Спасителя нашего, что был выложен мозаикой на потолке Храма²⁸, они метали стрелами и дротами, как некогда иудеи прободали копием ребро Господне²⁹, и словно некогда те, “Теперь посмотрим, – говорили эти – ежели он Бог, сможет ли себя-то спасти”³⁰.

[4] О, кто даст главе моей влагу, а очам – источник слез, дабы плакать днем и ночью со Иеремиею об убиенных из народа!³¹ Ибо обезлюдела прежде полная народу мать городов, одета словно вдова; владычица народов приведена под дань, и нет у нее утешителя среди близких ее; друзья – и те презрели ее и стали враги ее³². А ведь таково бешенство неправедных, такова жажда преобладания, таково алканье изничтожить веру христианскую, что разбойник этот³³ ни о чем ином не мыслит, ни о чем столь неотступно не помышляет, кроме того, чтобы, Паннонию одолев, покорить мерзкой своей ереси самое Италию и все страны окрест. И вот уже из двух укрепленных паннонских городов, которые, на бреге Дуная располагаясь, только и могли преградить путь врагу, одним он уже овладел, а другим предерзостно ищет овладеть³⁴. А мы – не прискорбно ли? – мы медлим и выжидаем, таковою опасностью пренебрегая.

[5] Увы вам, вожди и короли христианские! увывам, возрожденные к жизни от источника Святого крещения и именем Христа Спасителя осеняемые, Чьим именем вы, цари, правите, Чьей властью властвуете, Кем все спасены народы. К вам, к вам, говорю, взываю я, ради кого Господь наш излил драгоценную свою

²⁷ У Виссариона здесь и ниже Богоматерь называется “блаженной” (Beata Virgo), что не привычно для языка восточного христианства.

²⁸ Айя-София (освящена в 538 г., с 1453 г. превращена в мечеть) была украшена мозаичным Спасом на кессоне потолка; впоследствии Пантократор исчез с главного купола. Поэма Павла Силенциария “Экфрасис храма Св. Софии” (VI в.) упоминает в частности (ст. 691–694) и эту мозаику.

²⁹ Joh. 19: 34; cf. 20: 20–29.

³⁰ Вольная вариация на тему: Mc. 15: 29–32; Mt. 27: 40–42.

³¹ Jerem. 1: 16; 9: 9; 16: 20 etc.

³² По мотивам “Плача Иеремии” (Thren. 1: 12; 9).

³³ В средневековой латыни “tyrannus” употреблялось приблизительно как “узурпатор, самозванец” (с подчеркиванием элемента нелегитимности и жестокости, а уж потом – прочих смысловых элементов). Речь, конечно, о султанах Мехмеде II, правившем в 1451–1481 гг.

³⁴ По-видимому, Виссарион говорит (1) о Никополе, где крестоносцы потерпели поражение в 1396 г., выступив под началом императора Священной Римской империи Сигизмунда I Люксембурга (1410–1437; годы его правления как венгерского короля Жигмонда I: 1387–1437; как чешского короля Сигизмунда I: 1436–1437); второй город (2) – Белград (у венгров – Нандорфехервар), который был взят султаном Мурадом II в 1440 г., хотя и ненадолго. Об осаде Белграда османами и его героической обороне в 1456 г. см. речь и комментарий к ней (примеч. 75 ниже).

кровь. Встанем же против врагов Его, против врагов веры, не усумнимся и самую жизнь нашу принести в жертву; предварим честную смерть, покуда можно, и да не выйдет, как сказал славный философ, что смерть придет-таки в скорости, но уж не с тою честью³⁵. Пусть многотрудным и опасным мнится это дело, но стоит только возжелать, и будет нетрудно, напав на них, снискать победу. Ибо не тщанием и не доблестью, а нашею вялостью, да леностью, да небрежением и несогласием те сильны; одолевая одного соседа за другим поочередно и пользуясь терпимостью тех, кто из-за усобицы позволяет гибнуть другому, распространилась эта чума и, подчиняя себе всякого, кто лишен сподобников, дошла даже до пределов Паннонии, а ныне угрожает уже и западным. Ополчимся же напроотиву, оборвем бешеный их порыв и то, что отнято у греков, воскресим воинским умением и доблестью ради латинского имени и славы!

[6] Ведь ваше было то, что теперь утрачено, ваше владение: коли Римское государство – ваше, так это вам причинена обида, а еще Спасителю и Господу нашему; это против веры в Него всею силою борются варвары. Угасло самое имя греческое, сгубло, – почитай, что нет его боле; ныне о латинском имени пошла речь. Паннония вся в опасности, все свои силы на нее направляет враг, ибо знает, что захвати он ее (чего не приведи, Господи), и в руках его окажется проход, по широте своей удобнейший для нападения на целую Европу. Дальние у него замыслы, далеко простираются! Так выйдем же на помощь, чтобы после новых поражений не наступил бы и наш черед. Ведь и о нас идет речь, когда о братьях наших, когда о вере нашей и благочестии! Ополчимся же, воспротивимся и, крепкие законом Божеским и человеческим, за обиды, нанесенные равно как и нам, самому имени Христову, сотворим отмщение; единственно тем озаботимся, чтобы не расползалась далее эта чума.

[7] Господь чрез Самуила научил Саула: за то, что тот когда-то много обид доставил Израилю, взять Агага, царя амаликитян³⁶, и самого его и все, что принадлежит ему, и предать смерти мужа ли или жену, ребенка или грудного младенца от вола до овцы, от верблюда до осла. А когда нарушил Саул это повеление, сам Самуил Богом был послан, чтобы своими руками Агага в куски изрубить, а Саулу поведать, что отнято у него царство его: “Ныне отторг Господь – сказал – царство Израильское от тебя и отдал его ближнему твоему, лучшему тебя”³⁷. Человека Божьего, что по слову Господню пришел из Иудеи в Вифиль к Иеровоаму, за то, что противно заповеданному Господом ел хлеб и напился воды, воротившись на то место, откуда шел (пускай соблазнил его на то пророк-старец), в наказание за прегрешение против Бога умертвил лев³⁸.

[8] В Гиве некий левит³⁹, за то что мужи того города, дети Велиаловы, свирепо обошлись с его наложницей, когда умерла она, труп ее расчленив на двенадцать частей, разослал двенадцати коленам Израилевым⁴⁰, тем самым возбу-

³⁵ Нечто похожее можно встретить в “Размышлениях” Марка Аврелия (Marc. Anton. 9, 2); вполне, однако, возможно, что Виссарион обнаружил ту же мысль у какого-нибудь другого философа, например, у кого-то из римских стоиков.

³⁶ 1 Reg. 15: 2–8: снисхождение, проявленное народом и Саулом по отношению к Агагу и лучшей части его стада, не было прощено даже по исполнению кары.

³⁷ 1 Reg. 15: 28.

³⁸ 3 Reg. 13: 1–30.

³⁹ Рассуждение опирается на рассказ из книги Судей (Jud. 19–20: 20): жестокий поступок людей из Гивы, населенной племенем Вениамина, привел к созыву общего совета 12 колен Израилевых, к войне и наказанию всего племени, к которому принадлежали виновные.

⁴⁰ По библейскому рассказу, расчленение трупа произошло тогда, когда левит вернулся в свой дом “у горы Ефремовой”.

ждай их к мести; а те, хоть и были в войне немощней, однако дрались упорно до тех пор, доколе не перебили тысячи мужей, и самый город Гиву и прочие города и села Вениаминовы не пожгли огнем, да и самые остатки города, от мужей даже и до скота, не избili мечом. Так и римляне, за то что тарентинцы оскорбили послов римских, обидчиков наказали, воспрещая им пользоваться собственными их богатствами, коих в Таренте было на зависть много⁴¹. А ведь тутки не поручением нашим пренебрегли, не послов и не наложницу оскорбили, неужели после позора, надругательства, не предадим их проклятию, не отомстим, не замыслим им казни?

[9] Феодосий, христианнейший властелин⁴², когда жители Антиохии, разгнанные новым налогом, стали таскать по стогнам низверженные статуи Платона⁴³, постановил помимо смертоубийств, что были уже учинены людьми императора во время самого мятежа, наказать тех мятежных тяжелейшими еще наказаниями, каковые и он применил бы, если б не мешало Амвросиево прещение, объявленное тому же властителю после свирепого наказания фессалоникийцам, когда император повелел перебить семь тысяч их, не делая ни малоразличия между правыми и виноватыми⁴⁴. Мы ли будем столь немощны, унылы и убоги, чтобы никак не отомстить врагу после того как он попрал, побил, подверг глумлению и посрамлению образа святых, Пресвятой Богоматери и самого Спасителя нашего?

[10] Опускаю царя персидского Ксеркса, который по свидетельству Геродота, согнав вместе пятьсот мириад человек⁴⁵, напал хоть и несчастливо, но дерзко на тех, чьи послы отказались принести ему в виде дани щепоть земли и наперсток воды⁴⁶ и тем признать его владыкой земли и моря. Обхожу молча и пресловутого скифа Тамерлана, который собрал огромное азиатское войско и мстя за оскорбление от пращура нынешнего Турка позорнейшим образом

⁴¹ Val. Max. II, 2, 5 (= p. 65. 9–24 Halm). Поскольку отождествление непосредственного источника тех или иных сведений об античности, часто гадательно (те же сведения то и дело встречаются у различных авторов), отметим, что многое из приводимого Виссарионом здесь и ниже собрано вместе у Валерия Максима. Поэтому естественно предположить, что этот популярный в гуманистической среде сборник, содержавший “днев античных анекдоты”, был одним из основных непосредственных источников кардинала по римской истории.

⁴² Автор подразумевает Феодосия (Великого), правившего с 379 по 395 г.

⁴³ Имеются в виду события, связанные с восстанием жителей Антиохии в 387 г., что было вызвано непомерными налогами Феодосия I. См. об этом: Курбатов Г.Л. Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке). Л., 1962. С. 219; Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. I. СПб., 1996. С. 130.

⁴⁴ Речь идет о мятеже фессалоникийцев в 390 г. против готских наемников, об убийстве императорского военачальника Вутериха и об ответных репрессиях со стороны императора (об этом см.: *Vacalopoulos A.P. A History of Thessaloniki. Θεσσαλονίκη*, 1972. P. 24–26). Феодосий смирился перед авторитетом духовной власти в лице бл. (на Западе св.) Амвросия, воспреотившего императору причащение Св. Тайн (это, как будто бы, и названо здесь *lex Ambrosiana*) в наказание за действия, которые были признаны неправомерными князем Церкви. Этот эпизод, впрочем, некоторые считают легендарным.

⁴⁵ О числе персов, приведенных Ксерксом в Элладу, см.: Геродот. VII. 60; 184–186 (5 283 220 человек). Цифру в 5 000 000 Виссарион получил, то ли округлив это число, то ли сделав подсчет на основании VII. 103.

⁴⁶ Herod. VII. 32 рассказывает о требовании земли и воды, которое разослал Ксеркс всем эллинам кроме афинян и спартанцев (ср. похожую историю о Дарии у того же Геродота VI. 48). Меры “земли и воды”, приведенные Виссарионом (*drachme, cyathus*) встречаются у Плиния Старшего, при том вместе (Nat. Hist. 21. 185 – с объяснением веса каждой из этих единиц; cf. Ibid. 20. 145 и 21).

схватил его и умертвил⁴⁷. Перейду к тому, что мы изо дня в день наблюдаем. Никто не бывает столь смирен и низок духом, чтобы выносить презрение к себе с равнодушием. Стоит подданному преступить веления своего господина, как уж готово ему строгое наказание. Соседи добыли себе силой что-нибудь вне своих пределов – и вот уже не только государственная, но и частных людей казна расходится, расточается, потребляется на то, чтоб отомстить противникам. Или, скажем, напал на властелина подданный, так ведь его не медля преследуют даже до гибели его; если же на это осмелится разбойник или народная вольница, так ведь они готовы все, что имеют, и себя же самих потерять, – только бы отомстить за малейшую обиду.

[11] Так неужели мы за Христа и за обиды, многократно и делом, и словом Ему нанесенные, не тронемся с места, не восплаем, не готовы будем свое и подданных наших имущество принести, коль потребуется, в жертву? Мы ли не потерпим лучше что угодно, чем беснование убийства и бед, ворогом нашим учиняемых? Предки наши за родителей не только всем своим имуществом, но и кровью, и самою жизнью готовы были жертвовать. Довольно здесь о тех братьях вспомнить, которые на собственных плечах отца и мать пронесли сквозь огонь Этны⁴⁸. И Аода не забудем, который, ради того, чтобы отвести рабство от Израиля, не убоился, презрев явною опасностью (он был один в царском доме), убить царя моавитского Эглона, множеством подручных своих окруженного⁴⁹. Так же и дочь Иевфая, которая отцу, скорбящему, что она первая после победы его над врагом явилась ему по возвращении домой (а он обет давал принести Богу на всесожжение того, кто первым выйдет ему навстречу у порога его дома), не предалась боязни и не начала о жизни молить, но великодушно стала отца убеждать, чтобы сохранил пред Богом благочестие, сама же себя доброй волею в руки отца предавая⁵⁰. Что Юдифь учинила с Олоферном⁵¹ или редкостный юноша Муций Сцевола, выступивший против Порсенны⁵², это, пожалуй, известно всякому.

[12] А ведь для того читаем такое, для того храним в памяти, для того сим восторгаемся, чтобы так же самим поступать, коль пришел час. Когда Кодр, когда Курций (второй ринулся в зияющую пустоту, дабы не был поглощен ею город Рим⁵³, а первый, чтобы не погибли Афины, бросился в гущу врагов и одно-

⁴⁷ Баязид I (правил 1389–1402 гг.) был разбит Тамерланом у Ангоры (античная Ансуга, нынешняя Анкара) и умер в монгольском плену в 1403 г.; Мехмеду II Баязид I действительно приходился прадедом (proavus).

⁴⁸ Братья, пронесшие своих родителей сквозь пламя извергающейся Этны, воспеты в замечательном эпизоде анонимной (иногда приписываемой Вергилию) поэмы Этна (*Aetna* 602–644). Возможно, что Виссарион читал этот текст, однако отметим, что этот пример (exemplum), ставший хрестоматийным, попал и к Валерию Максиму (*Val. Max. V. 4, 4 sqq.* = p. 248. 30–249. 5), о котором см. примеч. 41.

⁴⁹ Аод поразил царя моавитянина Эглона, досаждавшего Израиллю поборами в течение 18 лет, после чего “земля покоилась” 80 лет (*Jud. 3: 14–30*).

⁵⁰ В рассказе о дочери Иевфая в Библии используется фольклорный мотив первого встречного (*Jud. 11: 30–39*).

⁵¹ История об убийстве Олоферна еврейской девушкой: *Judith. 12–13*.

⁵² Виссарион имеет в виду легендарного Гая Муция Корда (Сцеволу), собиравшегося убить Порсенну в 508 г. до н. э.; потерпев неудачу, юноша, чтобы показать врагу римскую стойкость, сжигает свою правую руку в огне (*Liv. 2. 12; Val. Max. III. 3. 1* = p. 132, 11 sqq. Halm).

⁵³ Марк Курций – легендарный герой, будто бы прыгнувший на коне, в полном вооружении, в образовавшуюся на Римском форуме расселину после того, как прорицатели сказали, что она сама закроется, когда туда бросят самое дорогое, что есть в Риме (*Val. Max. V. 6. 2* = p. 253. 24 sqq. Halm).

го из них, серпом поразив, увлек за собою на погибель)⁵⁴; когда Брут и Кассий⁵⁵, Постумий и Мамий⁵⁶ детей своих убили ради свободы государства; когда о том была молитва Камиллова, чтобы на него перешли беды отечества⁵⁷; когда Гораций умертвил сестру за то, что она пролила слезы о павшем от руки брата муже своем, который выступил как враг Римского народа⁵⁸; когда Зопир, муж выдающийся и происходящий из персидского царского рода, чтобы покорить Вавилон, сам себя так ужасно и жестоко обезобразил, что Дарий, хоть и обрел Вавилон благодаря сему, изрек, что предпочел бы покоренному Вавилону Зопира неизуродованного⁵⁹; когда они так, неужто мы, христиане, у кого на будущее надежда крепче, надежнее и вернее, чем у язычников, и не из вздорных каких причин, а ради свободы, ради спасения целого мира христианского, для чести Господней и для возвеличения веры не сыновей и не самих себя, как те жертвовали (не такова сила нынешних врагов, чтобы такое было необходимо ради истребления их), а некую толику нашего имени и достояния в жертву не принесем? Не поступим ли мы ради того, чтобы светлейшие князья по общему согласию и под водительством верховного Понтифика, со своими ли войнами или наняв чужих, ближе соседствуют с врагом, выступают под знаменами и под началом собственных вождей (если так увидится государственная выгода), чтобы вновь обрести утраченное, сокрушить рабство и отвоевать свободу, вернув ее тем, кто потерял ее?

[13] А ведь это не столь ново и необычно, не от нас пошло и не с нами кончится, чтобы изыскивать достояние и средства для ведения подобной войны, ведь не единственно ради столько же необходимых войн, но и для украшения храмов и святынь или поддержки бедных многие – иной раз с немалой щедростью – собирают пожертвования, да и сами вы изо дня в день в том великодушно участвуете. Велел же Он в книге “Исход” не только козий волос и овечью шкуру и прочее столь же подлое, но и золото, и серебро, и то, что еще их дороже, подносить на украшение одеяний ли священников, или храмов, отдавая Ему словно первинки по завету Господню⁶⁰. Когда Иерусалим был взят халдеями, которые сожгли его огнем, прочее множество иудеев, как можно о том прочесть у Варуха, собрали деньги, сколько было по силам всякому, и отправили их в Иерусалим Иоакиму, сыну Хелкии⁶¹. Также и могучий муж Иуда учинил сбор

денег и отправил в Иерусалим двенадцать тысяч драхм⁶². А апостол Павел, записав в церквях Галатских коллекту для отправления ее в Иерусалим, просил и коринфян, чтобы те учинили то же⁶³.

[14] Но что нам вспоминать наших? Разве не так поступают и пребывающие во тьме внешней⁶⁴? Кто откупщика алчнее? А ведь не иной кто, как откупщики, во время II Пунической войны, когда уже опустошена была казна, уговорили цензоров вести дела так, словно государство пользуется изобилием, обещая при том, что ни единого асса не востребуют иначе, как по окончании войны⁶⁵. Кто сильнее лнет к украшениям, чем женщины да дети? Тем не менее первые все, что только было у них из золота и серебра, а вторые – даже знаки благородного своего происхождения, принесли ради того, чтобы помочь преодолеть трудное время⁶⁶. У жен пунических, и у тех не было недостатка в доблести: когда Карфаген терпел осаду и неоткуда было взять, из чего корабельные соделывать канаты, они обрезали собственные волосы, чтобы этой нужде пособить⁶⁷. Истинным украшением и изяществом они, видно, считали не злато-серебро, не прическу, не волосы с побрякушками, а вольность. Вот и о Фабии Максиме мы знаем, что он имение свое продал, лишь бы пленных выкупить римлян⁶⁸.

[15] Когда бы этого не сделали ранее другие, следовало бы нам теперь стать для всех примером; ныне ж, когда столько примеров пред нами, неужто тем не последуем? О нет, последуем, и непременно! Ведь и доблесть, и вера наша несравненно выше, а опасности нам предстоят величайшие тех. Принесите только что-нибудь от себя: вы, церковники, вы, мирские христиане, и вы, властители благочестивые, и последует за вами народ христианский всякого возраста, достоинства и звания. Великие от Спасителя нашего получили мы благодеяния, велик и долг наш Ему, раз уж все от Него, и ежели мы хотя какую-нибудь, хотя самую малую часть от себя Ему уделим или, вернее сказать, в собственном нашем поучаствуем спасении, то уже это и будет достаточная в наших обстоятельствах помощь. Ведь вы, благочестивейшие вожди, из толикого христианского народа кого-нибудь отрядив, такое войско наймете, с помощью коего легко победу над врагами одержите, а имени своему великую стяжаете славу.

[16] Ведь помыслить постыдно, какой и что за народ – сколь подлый и отвратительный – глумится над людьми умственными, знатными, могущественными. Пусть те овладели многими государствами по бездействию этих и по несогласию их меж собою, а все, слава Богу, такова до сих пор сила могучих королей и властителей, и христианских народов Запада, что не только все вместе, но и всякая добрая часть их многочисленнее, мощнее и добротнее врага. Целое

⁵⁴ Кодр – баснословный аттический царь, спасший свою землю от вторжения дорийцев (*Val. Max.* V. 6, ext. 1 = p. 257. 3 sqq. Halm).

⁵⁵ Виссарион смешал различные истории; Брут и Кассий действовали, конечно, заодно друг с другом в Гражданских войнах, но про детей их источники ничего подобного не рассказывают.

⁵⁶ A. Postumius Albus Regillensis – диктатор (V в. до н.э.), разбивший у озера Регилл соединившихся с Тарквиниями латинян. Ни он, ни его противник Октавий Мамий – вождь тускуланов и зять Тарквиния Гордого, – поднявший латинян против римлян, своих детей ради спасения отечества, кажется, не убивали.

⁵⁷ Марк Фурий Камилл – герой древней римской республики; о его самоотрешенной молитве: *Val. Max.* I. 5. 2 = p. 21. 3 sqq. Halm.

⁵⁸ Трое отпрысков патрицианского рода Горациев (во времена Туллы Гостилия) вступили в бой с тремя Куриациями; из всех лишь один из Горациев остался в живых; когда сестра его принялась плакать о том из погибших Куриациев, который был ее женихом, Гораций убил ее, после чего был оправдан народом (*Liv.* I. 24 sqq.; *Val. Max.* VI. 3. 6 = p. 290. 5 sqq. Halm). Отметим, что в обоих названных повествованиях речь идет о женихе, а не о муже, как получилось у Виссариона.

⁵⁹ История взятия Вавилона полководцем Дария Зопиром изложена у Геродота (III. 150–160).

⁶⁰ *Exod.* 23 : 19; 34 : 26 (начатки плодов); 25 : 1–7; 35 : 5–9; 21–29 (золото, серебро, драгоценности).

⁶¹ *Baruch.* I : 2–7.

⁶² Примечательно, что Иуда Маккавей посылает в Иерусалим 12 000 драхм, следуя латинской Вульгате (II Масс. 12 : 43: *duodecim milia dragmas argenti*), между тем как в Септуагинте речь идет только о двух тысячах драхм.

⁶³ О коллекте у галатов Павел упоминает в I. Кор. 16: 1–4.

⁶⁴ Выражение “тьма внешняя (она же кромешная)” обозначает у новозаветных писателей всех, кто не охвачен христианскими представлениями (*Mat.* 8 : 12; 22 : 13; 25 : 30).

⁶⁵ Патриотическую отсрочку со стороны откупщиков регистрирует все тот же Валерий Максим (*Val. Max.* V. 6. 8 = p. 256. 7–14 Halm).

⁶⁶ *Liv.* 26. 36 (решение о том, что магистраты первыми должны показать жертвенность); великодушные женщины с их украшениями и мальчиков с их буллами (*Val. Max.* V. 6. 8 = p. 256. 19–24 Halm, причем это – продолжение текста, только что использованного Виссарионом; ср. предыдущее примеч.).

⁶⁷ Женские волосы для корабельных снастей: *Veget. Renat. Epitom. rei milit.* IV. 9; *Plut. De vitando aere alieno* 828 C; *Polyaen.* VIII. 67 etc.

⁶⁸ Известный анекдот о Фабии Максиме Веррукозе (Кунктаторе): *Plut. Fab. Max.* VII. 5 sqq.; *Val. Max.* III. 8.2 = p. 155. 6–9; IV. 8. 1 = p. 210. 24–28 Halm etc.

войско вражеское не превышает числом восьмидесяти тысяч воинов, а вооружение их частью легкое, частью вообще никакое. А если еще кто при них – так кое случается, когда удастся им собрать войско побольше, – так и тогда едва тысяч сто наберется, притом все пешие, нагие, невооруженные, без государственного жалования и без собственных каких-либо средств, иначе говоря, все люди, живущие грабежом и военной добычей, не обязанные соблюдать какой-либо порядок, не подвластные в конечном счете никакому закону; те, кто сам решает, бежать ли ему или стоять, и о чьей жизни и смерти нет дела и самому вожаку их.

[17] Их ли станем бояться? От таких побегим? Таким позволим повелевать нами? Что же это за напасть такая! Раз уж Италия одна, да и не вся, да и не в славные свои времена, от нынешних далекие, но та, какою она стала, еще недавно⁶⁹ была способна с большими затратами и немалыми потерями – и не на малое время, а на три, а то и четыре года, – сдерживать более шестидесяти тысяч неприятельского войска (притом неприятеля сильного и оружием, и военным опытом, и духом, и мощью воинской, а сверх прочего – еще и укрепленного разными ухищрениями и приспособлениями военными)⁷⁰, так ведь могло бы это войско прогнать того дикого зверя, о котором говорим, не только из Европы, но и Азии целой, и без помехи дойти даже до гроба Господня! Когда бы это было невозможно, когда бы вражеские силы превосходили бы христианские, тогда, пожалуй, не о чем было бы тужить, не на что досадовать. Но когда это возможно, когда при желании христиан почти ничего не стоила бы победа, тогда приходится негодовать, тогда не обвинять невозможно. Нет мужества и воли, силы и способность есть! О, когда бы Бог, когда бы вития какой-нибудь и жажда славы внушила бы одному из королей или властителей христианских взять на себя бремя ведения такой войны, тогда непреложно в руках христиан оказалась бы победа. Сравним число воинов наших, коих при желании способны набрать те, кто Христа исповедует, с войском врагов, так ведь последнее меньше; сравним доблесть, усердие, знание военного дела – неужто не превосходят наши? Сравним имущество тех и других, так это же достаток и нужда. Ибо помимо этого разбойника, который всех грабит и раздает, не исключая и своих, чтобы с помощью измышлений умножить силу противу нас: помимо со всем немногих богачей, у него все нищие, нищие, все лишены средств к существованию и вообще едва дышать могут.

[18] Что же мы медлим? Для чего откладываем восстать на эдакого человека, а вернее сказать, затравить зверя этого? Да я бы скорее надеялся вернуть

⁶⁹ Выражение “вчера или третьего дня” характерно для языка Библии в значении “недавно, давеча” (Deut. 4: 42; 1 Reg. 4: 8; 10: 11 etc.). В историческом контексте выражение “недавнее время” (подобно *пире* у античных писателей), оставаясь довольно неопределенным, часто указывает на событие, которое по меркам человеческой жизни произошло достаточно давно. Это делает возможным, нам кажется, предположение о том, что Виссарион имеет в виду событие более чем столетней давности (см. следующее примеч.).

⁷⁰ Мы полагаем, что Виссарион имеет в виду походы Сигизмунда I Люксембургского (1431–1433). Правдоподобней, однако, идея, высказанная нам О.В. Хавановой: Лайош (Людовик) I Великий, король венгерский и польский, ходил походом в Италию в 1347 г. и короновался в Неаполе; во время второго похода (1350) Лайош встретил отчаянное сопротивление и вынужден был отступить от своих притязаний. См. об этом: *Хаванова О.В. Лайош Великий (1326–1382) // Исторический лексикон. Т. 5. XIV–XVI вв. М., 2001. Кн. 1. С. 721 сл.* Тот факт, что это событие имело место за более чем столетие до описываемых событий, на наш взгляд, не помеха этому толкованию: как отмечено выше (примеч. 69), для автора, который живет римской и библейской стариной, одно-два столетия – безделица. Есть и другие толкования этого трудного пассажа.

все, что он захватил в Европе, чем помыслил бы воевать самую малую область любого владетеля христианского и самую малую христианскую крепость. Ибо велико различие, о светлейшие и христианнейшие князья (иной раз я обращаюсь не к присутствующим единственно, но и к отсутствующим), между вашей мощью и доблестью пред вальстою тех, пред их безоружной и расслабленной толпой. Но отчего, ты возразишь, столь часто они побеждают? Это упрямством их достигается, их наглостью и продерзостью, а с нашей стороны – небрежением, да еще – как бы это выразиться пристойнее? – попустительством нашим. И правда: что же не преследовать того, кто сам обращается в бегство? Вот уж пятьдесят лет, как не доводилось им вести бой лицом к лицу – никто же не противостоит им!

[19] Что ж удивляться, когда они преследуют избравших бегство? А противостали бы им, так либо их побеждали бы, либо уходили бы от поражения, либо победа досталась бы врагу только большою кровью. Великодушный юноша Ладислав, король венгерский⁷¹, со своими четырнадцатью тысячами всадников (даже и те, кто называют большее число, не называют более восемнадцати тысяч) в открытом бою ратовал против всей турецкой державы и в жестоком сражении превозмогая, одолевал и низвергал, обратив свирепого разбойника в бегство. И когда бы, побуждаемый сверх меры алканием славы он, пренебрегши своим долгом полководца, не превратился бы в воина⁷² и, бросившись в гущу врагов, не пал бы в бою, захваченная часть Европы уже много лет полностью вернулась бы к христианам, а о турках не было бы теперь и помину. Умолчу ли о доблестном и разумнейшем вожде – воеводе Иоанне, память которого дорога и нам⁷³? Сколько раз с небольшим отрядом он несметное число турок разбивал, повергал, в бегство обращал? Сколько триумфов снискал он над ними прежде? А в последние годы? Не было разве так, что малое число несущих на себе знамение креста⁷⁴ – воинство сплошь случайное и почти безоружное, но предводимое Иоанном, полчища Турка в сильно укрепленной крепости Белградской рассеяли и низвергли, не взирая на мощь орудий, на укрепления; и хоть турки уже гонялись по городу с обнаженными мечами, их таки победили, сокрушили, обратили в бегство, а в конце концов, перебив множество врагов и тяжело ранив самого предводителя их, вновь овладели городом вкупе со всяческими укреплениями противника⁷⁵.

⁷¹ Имеется в виду польский король Владислав III Ягеллон (1424–1444; как король венгерский – Уласло I, 1440–1444), получивший кроме польской и венгерскую корону. Владислав пал при Варне в 1444 г., откуда его прозвище “Варненчик”.

⁷² Вариант толкования этого пассажа в оригинале: “Не стал бы еще и далее испытывать свое войско”.

⁷³ Под воеводой Иоанном имеется в виду выдающийся венгерский полководец и государственный деятель валахского происхождения Янош Хуняди (также именуемый Ян Гуниади: ок. 1400–1456 гг.), отвовавший у османов часть потерянных было христианских территорий; в Европе он был особенно известен как “воевода Янош”; так и Н. Макиавелли именуется его “Giovanni VAIVODA” (*Макиавелли Н. История Флоренции. М. 1987 С. 262, 414 [коммент.]*). После гибели Владислава Варненчика (см. примеч. 71) был назначен правителем Венгрии на все время малолетства короля Уласло (иначе: Ладислава) V. Отец будущего короля Матвея Корвина (в венгерской традиции Матяша I Хуняди, 1458–1490). Умер вскоре после прослаившей его Белградской битвы (примеч. 75).

⁷⁴ Расхожее обозначение “крестоносца” *crucifer*; здесь крестоносцы названы *cruce signati*.

⁷⁵ Оборона Белграда от османов 1456 г. занимает особое место в истории борьбы с османской экспансией в Юго-Восточной Европе и сравнима по своему значению с победой на море в битве при Лепанто. Папа Каллист или Каликст (Борджиа) III (IV) велел отмечать это событие ежедневно колокольным звоном в полдень. Действительно, только в 1521 г., при Сулеймане II, Белград станет османским – и уж надолго. Ср. примеч. 34.

[20] Такова доблесть наших – и таковы силы врага: начать только ему сопротивляться, и он побежден; будешь “терпим” – бегущих все непременно будут преследовать. А потому отложим небрежение и терпимость эту, воспрянем духом, взыдем с христианскою силою на супостатов и с Божией помощью во брани сокрушим вражье племя. Но облечемся прежде тем жаром веры, каким полон и горит Верховный наш иерей и владыка, глава всех наших, наставник веры, учитель ее и защитник; он, кто дан нам Богом как пастырь истинный, единственный, всеобщий и наивысший! Вознесенный на предельную высоту своего служения, он презрел досуг и улады; отринув все, что обыкновенно думают о чем помышляют добившиеся первенства ради своего сохранения и утверждения; преодолев угрозы своему здравью, он, не взирая на множество величайших неудобств, ради названной цели обращен всецело к этому. Доверимся спасительным его наставлениям; постом, слезами и совершенствованием жизни нашей заслужим того, чтобы удостоиться Божией милости; сотворим наше моление не так как Персей, приносивший жертвы, когда бежал с поля брани, но как Эмилий Павел, моливший о победе, когда потрясал копьем, на противника идущего⁷⁶ – если так укрепленные пойдем на супостата, вы и сами убедитесь неопровержимо, какой это жалкий позор в сие время, чтобы подлые и ничтожные враги торжествовали, причиняя нам зло и убивая нас, и как это легко – прогнать, искоренить, извергнуть их не только из пределов наших, не только из Европы, но даже из целой Азии. У меня нет и капли сомнения: стоило вам до утраты многих христианских владений понять, что произойдет это несчастье, и вы не пощадили бы каких угодно усилий и усерднейших трудов, дабы того не случилось.

[21] Что же? Те вещи, которым вы тогда противились бы, ныне станете терпеть, хотя способны поправить дело? Или еще потерпите, чтобы то же самое происходило и вновь? Да нет же! Вы скорее потерпите все, что угодно, что угодно перенесете, чем вновь обреченно сожалеть о несчастьях своих да бедах. Ей же, светлейшие цари, властители могущественные, христианнейшие народы, возьмемся за это столь же святое, сколь и неотложное дело, возьмемся великодушно и мощно, не падая ни имения своего, ни благ, ни имения, ни жизни, облачась надеждою на Бога и веруя Спасителю нашему, что он Сам дарует нам победу и Сам же сокрушит наших врагов. Он, Кто Голиафа, нечистого филистимлянина неслыханного роста, силы и мощи и при том, как повествует Писание⁷⁷, с ног до головы вооруженного, чрез белокурого и миловидного отрока Давида одною палкою, камнем да пращою разбил и сломил; чьею волей погиб от Гидеона с тремястами всего лишь воинами те многие тысячи, и был разбит, рассеян и сметен лагерь мадианский⁷⁸; кто чрез жену по имени Девора десятитысячное мужей скопление предал на уничтожение мечом⁷⁹; кто по молитве Езекии сто восемьдесят пять тысяч ассирийцев чрез ангела Своего в одну ночь поразил⁸⁰; кто Маккавеям, сей горстке мужей, истово и крепко стоявших за веру Божию, после многих, по-разному выпадавших сражений с наслед-

никами Великого Александра, в конце концов даровал победу⁸¹, он же, говоря вам, христианнейшие властители, Он это отмщение, Он эту славу и одоление гнусных врагов вам подарит; все непереткновенно устроит Тот, Чьим пресвятым именем да свершится и наше дело.

Сказал я пространнее, чем следовало бы, и прошу, чтобы твое великодушие и ваша снисходительность поняв мои чувства, мне бы их простили. Аминь.

А.В. Занемонец

ДЕЛО ХИОНИЯ: К ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКИХ “ЖИДОВСТВУЮЩИХ”

Религиозные синкретические движения почти всегда возникают в поликультурных регионах. В обществах, по своему принципу замкнутых и нерасположенных к диалогу, соприкосновение и общение различных культур обыкновенно приводит не только к возрастанию знаний друг о друге, но нередко и к созданию синкретических религий или религиозных движений. Малая Азия с начала XI столетия становится именно такой контактной зоной. В преобладающее грекоязычное население начинает проникать тюркский элемент. Однако турки останутся здесь этническим меньшинством даже в XIV–XV вв., когда вся Малая Азия уйдет из рук византийцев и станет ядром разрастающегося Османского государства. Византийская Малая Азия превращается в Турцию в результате завоевания и постепенной, латентной тюркизации¹.

В пестрой этнической картине Византии евреям принадлежала достаточно заметная роль. При этом даже тогда, когда Византия оставалась подлинно империей и еще не превратилась в мононациональное государство, численность еврейского населения не составляла и нескольких процентов подданных. Евреи концентрировались по преимуществу в крупных городах². Именно ранний и классический период интересует большинство исследователей византийского еврейства (Дж. Старр, А. Шарф, А. Кюцлер и др.). После отпадения от империи восточных провинций значительная часть еврейского населения оказалась в утерянных областях. Источники по истории собственно византийских евреев часто бывает не так-то просто выделить из-за распространенности в еврейской общине греческого языка и большого количества обычных греческих имен (при одновременной популярности имен библейских у византийских греков!).

В XIV в. как на европейских, так и на малоазийских, бывших византийских землях, появляются синкретические иудейско-христианские группы. В середине этого века в Болгарии достаточно известны были такие общины³, которые поз-

⁸¹ По-видимому, Виссарион опирается здесь на мотивы из моления Елеазара: 3 Massab. 6. 2 sqq.

¹ Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkley, 1971. Самым недавним серьезным исследованием на сходную тему является книга: Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток, 1204–1461. СПб., 2001.

² Jacoby D. Les quartiers juifs de Constantinople à l'époque Byzantine // Byz. 1967. Т. XXXVII. P. 167–227.

³ Об этом см. старую, но все еще не утратившую своего значения статью: Мелиоранский Б. К истории противощерковных движений в Македонии в XIV в. // Stephanos (сборник статей в честь Ф.Ф. Соколова). СПб., 1895.

⁷⁶ Персей – царь македонский, сын Филиппа V (род. в 213/212 г.); поведение обоих полководцев, о котором говорит Виссарион, изображено у Плутарха (Plut. Aem. Paul. XIX).

⁷⁷ Парадоксально неравный бой Давида и Голиафа представлен в 1 Sam. (в Sept. = 1 Reg.) 17.

⁷⁸ Всего триста воинов из большого ополчения выбраны были, чтобы явственной стала помощь, которую оказывал Бог Израиля в неравной борьбе (Jud. 7: 1–22).

⁷⁹ Jud. 4: 3 eqs. Впрочем, упомянутые в Библии десять тысяч мужей были не у Хананеев – про них сказано (Jud. 4: 3; 13), что у них кроме многолюдного войска было девятьсот колесниц, – а у израильтян (4: 6; 10).

⁸⁰ Молитва царя Езекии приведена у Is. 37. 14–20; cf. eadem sede, 33–37.

же стали называться на Руси “жидовствующими”. О присутствии подобных общин в утерянной Византией Малой Азии говорят два текста св. Григория Паламы – “Послание к своей церкви” и “Собеседование с хионами”⁴. Палама называет их χιόνες, χιόνιοι. Об учении сектантов из этих текстов можно узнать немного, кроме того, что оно являлось смешением иудейских, христианских и мусульманских элементов. По поводу этимологии самого названия мнения расходятся кардинально. Одни ученые производят его от сообщества моряков (Al-Akhiyan), другие – от учителей ислама (Akhond, khoja)⁵. Возможно также произвести его от арабского слова hadja – “ходивший в Мекку” или от персидского значения того же слова – “господин”⁷. И. Мейендорф предлагает этимологию, связанную названием еврейского квартала и синагоги в Бруссе – Эц-Хайим⁸. Г.М. Прохоров, также занимавшийся этими текстами, считает данное название тюркизированной формой греческого χιόν, т. е. хионии – это “сиониты”⁹.

При более чем скромном объеме источников (два паламитских текста являются фактически единственными) точное определение этимологии этого термина весьма затруднительно. Но если судить по дошедшему до нас греческому названию секты, то все указанные варианты его происхождения кажутся весьма натянутыми. Менее усложненной (а значит, и более верной!) нам представляется идея В.М. Лурье о происхождении наименования членов секты от греческого χιόν – снег. “Их название, – пишет В.М. Лурье, – естественнее всего читать по-гречески – “снежные”, хотя смысл этого наименования, как нередко в ересиологии, остается от нас скрытым”¹⁰. Однако мне кажется, что право на существование имеет и другая этимология слова и гипотеза об истоках секты, которую я постараюсь изложить ниже.

В первом томе издания актов Константинопольского патриархата имеется интересный документ под № 77 за 1337 г., который в контексте данной темы остался незамеченным. Между тем он явно стоит упоминания¹¹. Издатели не снабдили текст почти никакими комментариями. В центре внимания авторов текста находится церковный конфликт в Фессалонике, который не смогли уладить на месте, хотя его там и разбирали. Главный возбудитель спокойствия – фессалоникиец по имени Хионий – χιόνιος. Позже его дело дважды разбиралось в Константинополе, во второй раз – в синоде, на который было решено пригласить самого императора. Император прислал своих представителей, однако лично присутствовал сам патриарх Иоанн Калека и множество архиереев. Хионий обвинялся в том, что он “принял суждения тамошних иудеев”. “Причина же та, что когда некоторые священнослужители и монахи донесли на этого самого Хиония, будто он вместе со своими братьями отпал от благочестия и по-иудейски мудрствует, то распорядились эти церковнослужители в

данное дело вмешаться, предали собранное против него тщательному церковному исследованию и, уличив его в иудействовании, арестовали его, задержав, и предали... автократору, как он с тех пор и содержится”¹². Однако в центре разбирательства оказались не мнения Хиония, а то, что он повернул дело так, что подсудимыми оказались те, кто судил его в Фессалонике. А это были ближайшие к Фессалоникийскому митрополиту люди. Поскольку дело не смогли закончить в Фессалонике, уже само по себе говорит о значимости фигуры Хиония. В Константинополе процесс превратился из обвинения еретика в самозащиту его фессалоникийских судей от выдвинутых Хионием против них обвинений в неправомыслии¹³.

Итак, перед нами влиятельный житель Фессалоники, еретические мысли которого возникли от контактов с представителями еврейской общины его города. Этот текст датируется 1337 г., т.е. он на несколько лет старше, чем свидетельство Паламы о византийских “жидовствующих”. “Просопографический лексикон”¹⁴ рассматривает имя “Хионий” как обозначение его принадлежности к известной секте, однако про секту еще ничего неизвестно, а имя нашего персонажа, как кажется, вполне может быть личным именем или прозвищем. К тому же известны такие греческие имена, как χιόνας, χιόνης, χιονίδης и др., действительно происходящие от χιόν – снег. Учитывая влиятельное положение Хиония в Фессалонике, вполне можно предположить, что он сам был основателем секты. В таком случае было бы неудивительно, что в будущем секта оказалась названной по имени своего основателя. Такая этимология кажется вполне правдоподобной. Различия учения основателя, Хиония, и взглядов членов секты впоследствии могли стать весьма существенными. Сам Хионий был обычным греком, принявшим иудаизм или скорее некоторые элементы иудейского вероучения. Секта, вероятно, приобрела впоследствии некоторые мусульманские черты, тогда как сам Хионий был действительно “жидовствующим”.

Привлеченный нами текст синодального разбирательства стоит совершенно особняком, поэтому нашу гипотезу происхождения секты от еретичества Хиония пока что невозможно подтвердить другими источниками. Однако здесь важно учесть, что этот текст предшествует другим упоминаниям о еретиках с таким же названием, где они именуются так уже в качестве последователей одноименной секты. Если мое предположение верно, то вопрос об этимологии названия членов секты решается гораздо проще, чем полагали до сих пор: синкретическое иудео-христианское (позже и мусульманское) религиозное движение просто носит имя своего основателя.

ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ ХИОНИЯ

Вот уже в течение некоторого времени говорилось, что в самом деле со стороны Хиония было наговорено на почтеннейшего дикеофилака¹ и управляющего² святейшей митрополией Фессалоники диакона Кавасилу³, а также и на уважаемых хартофилака диакона Стримвакона⁴ и сакеллия⁵ диакона Вриенния⁶. Причина же в том, что когда некоторые священнослужители и монахи донесли на этого самого Хиония, будто он вместе со своими братьями отпал от благоче-

⁴ Ἀγίου Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Συγγράμματα. Τ. 4. Θεσσαλονίκη, 1978.

⁵ Arnakis. Gregory Palamas among the Turks and Documents of His Captivity as Historical Sources // Speculum. 1951. 26.

⁶ Толкование восходит к: Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. 1–2. Graz, 1958. S. V. на χιονίδης.

⁷ За указание на это мы приносим благодарность Р.М. Шукурову.

⁸ Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение. СПб., 1997. С. 152.

⁹ Прохоров Г.М. Прение Григория Паламы с “хионы и турки” и проблема “жидовская мудрствующих” // ТОДРЛ. 17. С. 329–369.

¹⁰ См. комментарии В. Лурье к книге: Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Жизнь и труды... С. 398.

¹¹ Miklosich F. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Bd. 1. Wien, 1865. P. 174–178.

¹² Ibid. P. 174.

¹³ Ibid. P. 175.

¹⁴ Prosopografisches Lexicon der Palaiologenzeit / Hrsg. von E. Trapp. Bd. 1–12. Wien, 1976–1994.

ствия и по-иудейски мудрствует, то распорядились эти церковнослужители (что было справедливо и естественно) в данное дело вмешаться, предали собранно против него тщательному церковному исследованию и, уличив его в иудействе, арестовали его, задержав, и передали могущественнейшему от Бога святому моему автократуру. Так он с тех пор и содержится. Поэтому и вражда этот Хионий и злобу против них имеет.

Когда он, согласно царскому предписанию, был спрошен архонтами синклита о его учителях и учениках, то, сообщив о них и указав некоторых, он обратился также и против тех церковнослужителей, оговорил тогда некоторых рассказал о слухах против них. Против управляющего, будто слышал о нем это Хионий от Стахицы^{vii}, что еще в детстве управляющий сделал некое чародейское и дьявольское дело. Против хартофилака, что уже когда принял Хионий суждения тамошних иудеев и находящиеся среди них мнения, то случилось встречаться жителям города с этими иудеями, и они обижали их, насмехались над их благочестием и законом, тогда он, вознегодовав на таковых, особенно то, что они оскорбляли Моисеев закон, данный через Моисея Богом, пошел жалобой к хартофилаку на таковых жителей города, сказав, что вовсе ничего хорошего не делают эти жители, что раба почитают более, чем господина, что собираются всю толпою в храм святого великомученика и митроточца Димитрия^{viii}, мимо же храма Господина – Спасителя Христа – пробегают. Тогда, дескать, сказал ему хартофилак, что действительно фессалоникийцы более чтут мученика, нежели Христа. Против же сакеллия сказал, что не знает ничего против него, но слышал от близкого к могущественнейшему и святому моему автократуру кира Георгия Ангела^{ix}, будто тот не прославляет воскресения мертвых.

Об этих слухах против названных церковнослужителей было упомянуто тогда то, что сказал Хионий. Это разбирательство о них было тем временем отложено из-за того, что святейший митрополичий город Фессалоника был лишен своего законного архиерея. Так как то же самое было сказано вновь пред нашей мерностью и святым и божественным нашим синодом, когда он расследовал дело Хиония в присутствии могущественнейшего и святого моего автократора, то было решено, что подобающе и справедливо было бы явиться на синод и им или же представить послания. Тогда немошь вместе со старостью воспрепятствовали управляющему и хартофилаку достигнуть нас. Смог прибыть сакеллий вместе с Памфилом^x, мужем дочери хартофилака, пользующимся доверием своего тестя. Он принес с собой оправдательные письма, а также и честную проставку могущественнейшего и святого моего автократора, определяющую расследовать имеющиеся против них и уладить дело.

Когда же синод был созван, были на него приглашены и прибыли несомненно любимый двоюродный брат могущественнейшего и святого моего автократора кир Андроник Палеолог^{xi}, сотрапезник могущественнейшего и святого моего автократора кир Георгий Хумн^{xii}, дядя могущественнейшего и святого моего автократора великий друнгарий^{xiii} кир Димитрий Палеолог Торник^{xiv}, близкий к могущественнейшему и святому моему автократуру протоаллагатор... (?) и другие. С ними вместе архимандриты тамошних честных монастырей и из лучших граждан немало. Был выведен и Хионий на середину. Когда были зачитаны вслух оправдательные послания, то вместе с прочим было заявлено в послании управляющего и то, что Хионий никогда не имел с ним ни общения, ни связи, но всегда был во вражде к нему. В послании хартофилака [сообщалось], что ни по какой иной причине наговорил на них Хионий, кроме той, о которой было сказано выше – вражды против них. Хионий выслушал эти послания и сам согласился со сказанным. “Это и есть, – сказал он, – единственная при-

чина, по которой он на меня нападал, так как они заметили за ним худое и, сначала осудив, признали виновным на церковном суде, а потом он их самих подвел под обвинения, не зная чего-либо против них”. Однако мы много у него домогались, чтобы он сказал и объявил всем, если был очевидцем того, как они рассуждали или делали что-либо неподобающее. Он же, не уступая и избегая обвинения, ручался, что ничего более не имеет сказать об упомянутых людях, ни против управляющего, ни против хартофилака, особенно не знает ничего против сакеллия, свидетельствуя, что тот к тому же боголюбив и достоин похвалы.

Сакеллий, отвечая на высказанное против него обвинение, удостоверил, что он прославляет воскресение мертвых, а также и другие догматы Церкви. Затем он представил послание упоминавшегося Ангела, близкого к могущественнейшему и святому моему автократуру, которое было зачитано вслух и содержало буквально следующее: “Я, раб могущественнейшего и святого нашего самодержца и василевса, Георгий Ангел, пишу данное послание, ниже намереваясь подписать его. Посему свидетельствую пред лицом Бога и святых ангелов, что буду говорить правду. Вот уже немало времени как Хионий, уличенный в нечестии, в каковое впал, сделался обвинителем некоторых лиц, среди которых и сакеллий Вриенний, обвинение против коего было произнесено в присутствии синклита. Хионий говорит, будто он слышал от меня, что таковой сакеллий не прославляет воскресения. Затем я был спрошен синклитом и сказал то же, что намереваюсь и сейчас сказать, спрошенный ныне святейшим моим господином, преосвященнейшим митрополитом Фессалоники, ипертимом и экзархом всей Фессалии, под угрозой отлучения и в присутствии любезного зятя могущественнейшего и святого нашего самодержца и василевса, близких к нашему могущественнейшему и святому самодержцу и василевсу многопочтенного экзарха великих адномиастов Валея кира Алексия^{xv} и Кокала кира Георгия^{xvi}, судии богохранимого фосата Сенахиримова, этериарха Глав^{xvii}, в присутствии вселенского судии^{xviii} ромеев великого диикита^{xix} Глав^y. Насколько знаю, несомненно и бесспорно, что я сказал то, что говорю и сейчас со всякой истиной, помня и Страшный суд Господень, предвидя и грозящее мне отлучение. Так как должен был произойти церковный развод меня с женой, которая у меня была, то исполнителем таковой грамоты должен был быть указанный сакеллий. Эта разводная грамота принесла мне оскорбления, был опечалован я как некоторыми главами приговора, содержащимися в разводной грамоте, из чего решил я, что несправедливо поступили со мной, так и суровостью и невыносимостью оскорблений, которые я перенес. Я, признаюсь, сказал: “Господи помилуй! И верит пишущий это в воскресение и суд и пишет таковое против меня? Это, как кажется, нечестиво. Клеветает он на меня, будто я хаживаю в харчевни, а также [говорит] о безнравственности и распутстве”. Вот с такой целью и в таком духе сказал я это и поведал Хионию. Как сказал я пред лицом Бога, ни сам я, ни через кого другого не слышал и не знал, будто сакеллий вынашивает что-либо противное кафолической Церкви, но наипаче знаю его благочестивым и согласным с кафолическою церковью церковнослужителем. Для объявления этого я предоставил настоящее послание в месяце октябре, 24, пятого индикта”.

Все это, рассказанное вслух на нашем святом и божественном синоде, было тщательно рассмотрено архонтами синклита и всей полнотой собравшихся. Так как Хионий сам был, можно сказать, ускользнувшим от обвинения, то он вовсе неприемлем не только для [дела] осуждения людей, носящих духовное звание, но даже для свидетельствования о вине, которую только один Хионий и утверждает. И, как сказано, из-за вражды и злобы против них наговорил на них Хионий. Оказалось необоснованным, совершенно недока-

занным и недостоверным то, что Хионий (по его словам) слышал от Стахицы против управляющего о его нечестии и говорившего о нем подобные тому утверждения, так как сам этот беглец, отлученный от церкви Божией, исчез. И в том, что говорилось против хартофилака, не было ничего, что вызвало бы возражение против здравого и православного образа его мыслей. Навет против сакеллия и его ложное содержание стало очевидным, посему этот сакеллий оправдался при помощи письменного свидетельства Ангела показавшего этим и тяжесть отлучения. Это письменное свидетельство подписи его, еще и другие достаточные и достоверные вещи оказались несомненными и убедительными.

В результате этого общего убеждения и расследования определила и показала наша мерность вместе с находящимися с нею священноархидиаконами Эфеса Кизика, Сард, Писидии, Диррахия, Амастриды и Мефимны, что невиновны упоминавшиеся церковнослужители и суть выше такового обвинения, которое без основания и клеветнически им предъявлено, как это и доказано после большего и тщательного расследования. И, конечно же, должны они продолжать служить в их церковном сане...

(Finis deest).

- i δικαιοφύλαξ – младший судейский чин. С середины XI в. даровался императором мирянам и церковнослужителям как в столице, так и в провинции. Со времени Михаила VIII сохраняется лишь в провинции. В его ведении находились церковные вопросы, но знать ему полагалось как каноническое, так и светское право. После 1261 г. значение этой должности возрастает.
- ii οἰκονόμος – клирик, обычно священник, ответственный за собственность, доходы и расходы кафедр или других церковных организаций. Халкидонский собор предписал каждому епископу иметь управляющего, а не заниматься самому имущественными вопросами. Второй Никейский собор подтвердил это правило, распространив его и на монастыри. С IX в. появляется патриарший эконо. По-прежнему существуют экононы и обычных епископских кафедр.
- iii Καβάσιλας Δημήτριος Κανίσκης – писец в Фессалонике (1327–1344), диакон, гимнограф. Дикеофилак Фессалоники с 1327 г. Эконом – ок. 1337 г.
- iv Στρυμβαχὼν Ἰωάννης – хартофилак Фессалоникийского митрополита (1327–1397), писец – 1296 г., диакон митрополита – 1320–1397 гг., табулярный – 1320–1394 гг., протонотарий – 1324 г.
- v Σακέλλιος (Σακελλάριος) – административный и церковный чин, известный со времен императора Зинона. Поначалу это постельничий императора, облеченный финансовыми полномочиями. С VIII в. получает фискальные функции. С середины IX в. он – генеральный контролер государства. В таком виде должность существовала до 1146 г. Церковный сакелларий был связан с сокровищницей храма. Роль патриаршего сакеллария возрастает к концу XI в. Ко времени Николая III Грамматика сакелларий теряет финансовые функции, однако теперь он является надзирателем над церквями и монастырями Константинополя. К XIII в. подобная должность возникает и в провинциях.
- vi Βρυέννιος Γρηγόριος – сакеллий Фессалоники (1328–1346), диакон – 1328–1338 гг., архидиакон – 1344–1346 гг., дикеофилак Фессалоники – 1346–1351(?) гг. Друг и адресат Григория Акиндина, антипаламит. Известен по многим письмам Акиндина.
- vii Σταχύτης – известен только по нашему тексту.

- viii Димитрий Фессалоникский – великомученик. С VI в. почитался в Фессалонике как чудотворец, где он, возможно, принял мученическую смерть. Ему посвящен кафедральный собор Фессалоники.
- ix Ἀγγέλос Γεώργιος – известен лишь по нашему тексту.
- x Πάμφιλος – наше свидетельство – единственное.
- xi Παλαιολόγος Ἀνδρόνικος – двоюродный брат императора Андроника III, синклитик.
- xii Χοῦμνος Γεώργιος – великий стратопедарх (1341–1342), ἐπὶ τῆς τραπέζης в Константинополе – 1337–1342 гг., друг Феодора Метохита. Противник Иоанна VI Кантакузина.
- xiii Друнгарий виглы – с VIII в. должность в охране императорского дворца. В X–XI в. превращается в судейскую должность.
- xiv Τορνίκης Δημήτριος Παλαιολόγος – великий друнгарий виглы (1324–1341).
- xv Ὑαλέας Ἀλέξιος – великий адномиаст Фессалоники (1333–1336)
- xvi Κόκαλας Γεώργιος – архонт в 1345 г. (?), участник событий, связанных с восстанием зилотов.
- xvii Γλαβᾶς – известен лишь из нашего текста.
- xviii Κριταὶ καθολικοὶ – члены верховной судебной комиссии четырех, учрежденной Андроником III в 1329 г. Ниже упоминаемый Глава – один из первых ее членов. Все они в 1336–1337 гг. были обвинены в коррупции.
- xix Термин восходит к античности. У Феофана он обозначает просто администратора. В VI новелле Льва VI диикит – сборщик налогов. В VII–VIII вв. – высокий чин в провинциальной администрации. Функции его после 1109 г. переданы практору, хотя титул упоминается вплоть до XIV в.

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ МИХАЙЛОВИЧА ВЫСОЦКОГО

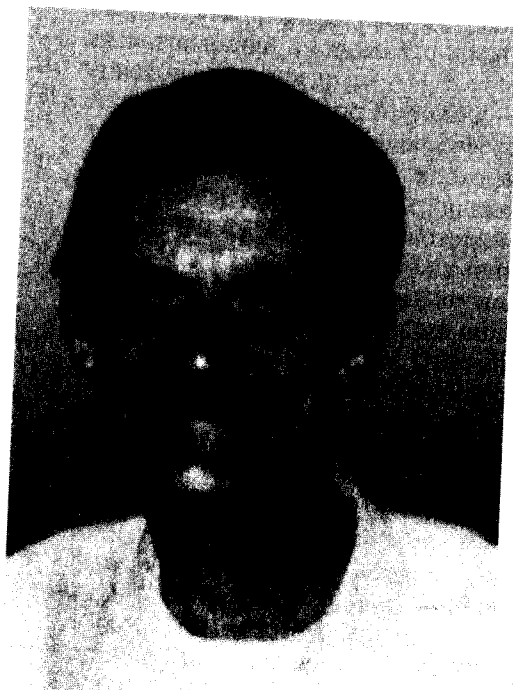
В ноябре 2002 г. российская наука понесла тяжелую утрату. Безвременно, в расцвете сил и таланта ушел из жизни наш коллега, яркий исследователь средневековой архитектуры Анатолий Михайлович Высоцкий (1944, Нью-Йорк – 2002, Москва).

Высшее образование он получил на кафедре истории и теории искусства исторического факультета МГУ в годы, когда во главе плеяды ее преподавателей стоял В.Н. Лазарев. Лучшим своим учителем А.М. Высоцкий считал В.Н. Гращенкова, методика исследований которого оказала наибольшее влияние на становление ученого. Работа в ВЦНИЛКР и Государственном музее искусства народов Востока способствовала дальнейшему формированию интересов и навыков А.М. Высоцкого.

Диапазон исследований А.М. Высоцкого был весьма широк, как по хронологическому охвату материала (от античности и раннего христианства до эпохи развитого средневековья), так и по географическому признаку (от Руси до Северной Африки, от Пиреней до Индии). В сфере интересов исследователя оказалась обширная и разнообразная проблематика – от методологических основ изучения средневековой архитектуры до вопросов датировки и реконструкции конкретных построек. Неразрывная связь между разработкой теоретической базы исследований и практическими разысканиями характерна для многочисленных работ ученого. Главному делу изучения истории восточнохристианского зодчества были подчинены интересы А.М. Высоцкого и в смежных областях средневековья – истории, источниковедении, археологии.

Предметом особого пристрастия и длительного внимания ученого являлась

архитектура стран Закавказья. Доклады и статьи А.М. Высоцкого в этой области расширили наши знания по истории зодчества Армении и Грузии, но еще более способствовали эволюции методологии его изучения. В 70–80-х годах прошлого века ученый являлся одним из немногих новаторов в этой сфере науки. Возможно, именно в выбранном им ключе строгого анализа типологии, часто лишённого художественно-стилистического освещения архитектуры, ещё одно-два десятилетия назад следовало развивать такие направления изучения армянского и грузинского зодчества, как, например, иконографию архитектуры средневекового храма. Колоссальные знания в области зодчества древнего Востока и восточнохристианского мира позволили исследователю проводить широкий поиск истоков и параллелей архитектурных типов стран Закавказья. Все это уче-

ный стремился обобщить в монографии о раннесредневековой архитектуре этих стран. Кроме того, именно в памятниках средневекового Закавказья, особенно Армении, А.М. Высоцкий нашел богатейший материал для других своих теоретических разработок. Анализ многочисленных упоминаний и описаний архитектурных памятников в средневековых источниках и их сопоставление с сохранившимися и реконструируемыми постройками легли в основу оригинального лекционного курса Анатолия Михайловича – «Средневековая архитектура в зеркале средневековой письменности: действительность и отражение (на материале стран Закавказья)», основные положения которого в виде статьи в сборнике «Древнерусское искусство» были изданы вскоре после смерти автора. Тем не менее публикация всего курса, о которой мечтал А.М. Высоцкий, представляется исключительно необходимой. Закономерности формирования раннесредневековой христианской архитектуры и их соотношение с процессами формирования архитектуры стран Закавказья явились темой другого спецкурса А.М. Высоцкого, читавшегося им также в Московском государственном университете.

Результатом многолетних исследований ученого стала фундаментальная (пока остающаяся в рукописи) статья о классификации и генезисе крестово-купольных построек, в которой памятникам Армении и Грузии уделено достойное место. Однако в этом, как и в других последних исследованиях А.М. Высоцкого, в центре особого внимания оказываются проблемы эволюции христианского зодчества в целом и пути развития архитектурных типов. Поиск истоков некоторых из них приводит автора к пристальному изучению важнейших из исчезнувших ранневизантийских храмов, что, в свою очередь, способствует уточнению их реконструкции. Таковы, в частности, исследования, посвященные церкви Апостолов и церкви Богородицы Влахернской в Константинополе и рассмотрению их отражения в дальнейшем развитии храмостроения. Влахернский храм был исследован А.М. Высоцким и в контексте влияния архитектуры Византии на домонгольскую Русь. Интерес к истокам древнерусской архитектуры все более овладевал ученым в последние годы. Согласно его смелой концепции, образцом Десятинной церкви и отчасти Софийского собора в Киеве могла оказаться вторая церковь Апостолов в Константинополе (536–550) – постройка, восходящая к первой церкви Апостолов (до 337 г.) и оказавшая, по мнению ученого, исключительное влияние на развитие крестообразных купольных храмов.

А.М. Высоцкий неуклонно следовал установившимся в науке и выдвигаемым им теоретическим основам исследований. В связи с изучением отдельных памятников он подвергал глубоко критическому осмыслению информацию о них, содержащуюся в средневековых текстах. Сознвая ответственность такой методики, он обращался за помощью к коллегам-лингвистам, хотя и собственные знания ученого в работе с источниками были исключительно глубокими. Достаточно отметить, что Анатолий Михайлович являлся, пожалуй, единственным исследователем средневековой архитектуры, владевшим не только несколькими европейскими языками, но и рядом восточных и древневосточных языков. Отдельным направлением деятельности А.М. Высоцкого было освещение вопросов архитектурной терминологии, которую он рассматривал в развитии, устанавливая соответствия между архитектурными формами и их древними обозначениями.

В содержательных исследованиях А.М. Высоцкого очевидна высокая степень ответственности за каждое высказанное им суждение. Глубокая честность ученого играла при этом не меньшую роль, чем обладание колоссальным арсеналом накопленных знаний. Подробнейший вспомогательный аппа-

рат его статей, подчас превышающий объем основного текста, — яркое свидетельство этого. Все сказанное позволяет определить Анатолия Михайловича как продолжателя лучших традиций медиевистики первой половины и середины прошлого века.

А.М. Высоцкий помогал, советовался, дискутировал с видными российскими учеными; достаточно отметить, что круг его общения и сотрудничества составляла элита отечественного искусствоведения и исторической науки. Ученый поддерживал связи с Музеем искусства народов Востока, сектором Древнерусского искусства Государственного института искусствознания, Институтом этнологии и археологии РАН, издательскими коллективами “Византийского временника”, “Православной энциклопедии”. Тесные научные и дружественные связи сложились у него с ереванскими коллегами.

Анатолий Михайлович обладал и преподавательским даром, благодаря которому завоевал любовь и признательность студентов Московского университета. Аспиранты и коллеги разных поколений глубоко благодарны ему за оказанную им исключительно ценную и бескорыстную помощь. Можно было только поражаться степени быстрого и глубокого проникновения Анатолия Михайловича в проблематику занятий друзей и его готовности помочь советом, поделиться своими знаниями и специальной литературой. Живое участие и активная дискуссия были для него неотъемлемой частью научной деятельности. При этом он не считался с затратами собственного неумолимо убегающего времени, проявляя и в этом случае качество, присущее представителям старой школы отечественных ученых. Показательна приверженность ученого следующему принципу: после прослушивания семинарских докладов своих учеников и коллег он неизменно выражал свое авторитетное мнение не только устно, но и в виде письменного отзыва. В таких эпизодах проявлялась глубина ответственности ученого за общее развитие своей области исследований. Вспоминая об этой черте характера ученого и высоко ценя ее, его коллеги, искусствоведы и историки, тем острее ощущают понесенную ими утрату.

Теплая память об Анатолии Михайловиче Высоцком будет сохранена в кругу его коллег и близких людей. Многочисленные опубликованные и пока рукописные труды ученого еще долго будут служить делу изучения истории средневековой архитектуры и медиевистики в целом.

А. Казарян

СПИСОК ТРУДОВ А.М. ВЫСОЦКОГО

1972

Памятники архитектуры Армении. Набор открыток. Вступительная статья и 16 аннотаций. М.: “Планета”.

1973

Страны Закавказья и Иран: параллели в архитектуре в эпоху Сасанидов // Тезисы докладов II Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана. М.: “Советский художник”. С. 11–13.

1974

Архитектурные памятники Армении. Набор диапозитивов. Вступительная статья и аннотации к 24 диапозитивам. М.: Агентство печати “Новости”. 48 с.

Раннесредневековая архитектура стран Закавказья и античная традиция. III Всесоюзная конференция по проблемам искусства народов Закавказья, Средней Азии, Казахстана и восточных республик РСФСР. Тезисы докладов. М.: “Советский художник”. С. 10–12.

Отв. ред.: III Всесоюзная конференция по проблемам искусства народов Закавказья, Средней Азии, Казахстана и восточных республик РСФСР. Тезисы докладов. М.: “Советский художник”. 48 с. (в соавторстве с С.М. Ерлашовой).

1975

Страны Закавказья и Малая Азия: параллели в архитектуре в византийскую эпоху // Краткие тезисы докладов научной конференции “Культура и искусство Византии”. Л. С. 10–11.

1976

Проблемы образца и копии в раннесредневековой архитектуре стран Закавказья. II Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тезисы докладов. Ереван. С. 83–84 и 116–117 (на арм. и рус. яз.). Страны Закавказья и Иран: параллели в архитектуре в византийскую эпоху // Искусство и археология Ирана. II Всесоюзная конференция. М.: “Наука”. С. 33–36.

1977

Научные сессия “Мозаики Северной Африки и Античного мира” // Советское искусствознание. 76. Вып. 2. М.: “Советский художник”. С. 388–391. Локальные особенности раннехристианской архитектуры стран Закавказья // Тбилиси, 1977 (II Международный симпозиум по грузинскому искусству). 12 с. Проблемы датировки в раннесредневековой архитектуре стран Закавказья // II Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тезисы докладов. Ереван. С. 74–76 и 112–114 (на арм. и рус. яз.).

1978

Проблемы образца и копии в раннесредневековой архитектуре стран Закавказья // Научные сообщения Государственного музея искусства народов Востока. Вып. 10. М.: “Наука”. С. 138–147. Раннесредневековая архитектура стран Закавказья и античная традиция // Античность и античная традиция в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.: “Наука”. С. 157–166. Церковь в Текоре и ее строительная история // Ереван, издательство АН Армянской ССР, 1978. (II Международный симпозиум по армянскому искусству). 12 с.

1979

Античные и средневековые мозаики Закавказья (О месте мозаики в системе искусств) // Научные сообщения Государственного музея искусства народов Востока. Вып. 11. М.: “Наука”. С. 5–17. Региональные особенности раннесредневековой христианской архитектуры негреческого Востока и восточный архитектурный койне // III Всесоюзная научная конференция “Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен”. Тезисы докладов. М.: “Советский художник”. С. 26–27. Две группы купольных построек в раннесредневековой архитектуре стран Закавказья и их место в средневековой христианской архитектуре // IV Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тезисы докладов. Ереван. С. 129–131 и 176–178 (на арм. и рус. яз.).

1981

Церковь в Текоре и ее строительная история // II Международный симпозиум по армянскому искусству. Сборник докладов. Ереван: Издательство АН Армянской ССР. С. 43–50. Илл.

1983

Христианский памятник на городище Ак-Бешим: интерпретация, датировка, реконструкция // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов конференции. М.: "Наука", ГРВЛ. С. 25–26.

1984

Раннесредневековая архитектура Армении и раннесредневековая христианская архитектура Ирана // Проблемы архитектуры Армении. Республиканская научная конференция, посвященная 120-летию Торога Ториманяна. Ереван. С. 47–49, 73–75 (на арм. и рус. яз.).

1985

Церковь в Самшвилде и ее дата в связи с некоторыми вопросами истории раннесредневековой архитектуры стран Закавказья // Четвертый международный симпозиум по армянскому искусству. Тезисы докладов. Ереван: Издательство АН Армянской ССР. С. 70–72.

1987

Мартирий в Нисе по описанию Григория Нисского и его значение для изучения раннесредневековой архитектуры стран Закавказья // Кавказ и Византия. Вып. 5. Ереван: Издательство АН Армянской ССР. С. 82–114. 3 илл. (в соавторстве с Ф.В. Шеловым-Коведяевым).

Первая церковь Апостолов в Константинополе по описаниям современников и ее место в раннесредневековой архитектурной иконографии Византии и стран Закавказья // VI Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тезисы докладов. Ереван: Издательство АН Армянской ССР. С. 102–105. Илл. (в соавторстве с Ф.В. Шеловым-Коведяевым).

1990

Христианский памятник на поселении Дуге-Чакын около Мерва: интерпретация, датировка, реконструкция // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и Средневековье. М.: "Наука", ГРВЛ. С. 90–100. Илл.

1991

К вопросу о реконструкции первой церкви Апостолов в Константинополе по описаниям современников. Тезисы доклада на XVIII Международном конгрессе византинистов // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. Т. II. М. 1991. С. 1242–1243. (в соавторстве с Ф.В. Шеловым-Коведяевым).

1998

Архитекторы и заказчики в Византии и странах Закавказья раннего Средневековья в зеркале памятников письменности. К проблеме авторства // Искусствознание. М. 1/98. С. 70–82. (в соавторстве с Ф.В. Шеловым-Коведяевым).
Купольный балдахин в средневековой письменности и архитектуре стран Закавказья и Византии // International Conference "Armenia and Christian Orient". Yerevan, 15–18 September. Thesis of Reports. Yerevan. С. 50–51.

К вопросу об истории и реконструкции первой церкви Апостолов в Константинополе по описаниям современников // ВВ. Т. 59(84). С. 198–221 (в соавторстве с Н.А. Осминской, Ф.В. Шеловым-Коведяевым).

2000

Два памятника раннесредневековой христианской архитектуры из Средней Азии // Armenia and Christian Orient / Ed. by P.M. Mouradyan. Yerevan. P. 226–238.

2002

Об одной группе памятников в архитектуре Руси конца XI – начала XIII в. (Еще раз о первой церкви Апостолов в Константинополе и ее наследии в средневековом мире) // Древнерусское искусство: Русь и страны византийского мира. М. С. 179–205.

Храм Иезекииля как источник наружного скульптурного декора владимиросудальских храмов XII–XIII вв.: SIC ET NON // Древнерусское искусство: Русь и страны византийского мира. М. С. 255–269.

Средневековая архитектура в зеркале средневековой письменности: действительность и отражение (на материале стран Закавказья) // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура. Посвящается 100-летию со дня рождения в.Н. Лазарева (1897–1976). М. С. 41–52 (с англ. резюме на с. 52).

Составил А. Казарян

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ ЛЬВОВИЧА КУРБАТОВА

6 февраля 2003 г. не стало Георгия Львовича Курбатова (16.05.1929, г. Ленинград – 6.02.2003, г. Санкт-Петербург), профессора, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки, почти двадцать лет возглавлявшего кафедру истории средних веков Ленинградского университета (1970–1989).

Профессиональное становление Георгия Львовича как историка происходило в стенах Ленинградского университета у мэтров российской исторической науки того времени: византиниста М.В. Левченко, русиста Б.А. Романова, востоковеда Н.В. Пигулевской, антиковеда М.Е. Сергеевко. Под руководством М.В. Левченко Г.Л. Курбатов писал курсовые и дипломную работы, а потом и кандидатскую диссертацию. Под его влиянием сформировались и приоритетные исследовательские интересы Георгия Львовича в области византиноведения – социальные отношения и урбанизация в ранней Византии. Судьбе было угодно, чтобы начинающий ученый продолжил дело своего безвременно ушедшего учителя на кафедре истории средних веков Ленинградского университета. Со смертью М.В. Левченко занятия в аспирантуре Георгию Львовичу пришлось прервать. Он был зачислен в штат кафедры, на него возложили ведение практических занятий, а вскоре и чтение ряда лекционных курсов. В 1955 г. началась продолжавшаяся без малого полвека преподавательская и научная деятельность Г.Л. Курбатова. Она неразрывно связана с историческим факультетом Ленинградского университета, где он прошел путь от ассистента до руководителя кафедры. В 1962 г. ему было присвоено ученое звание доцента, в 1968 г. – профессора. С 1970 по 1989 г. Георгий Львович возглавлял кафедру истории средних веков.

Центр тяжести в педагогической работе Г.Л. Курбатова, естественно, лежал в области византиноведения. Сохранив сложившийся уже к тому времени учебный план специализации и поддерживая традиционные связи с кафедрами отечественной истории, античности и археологии, он расширил тематику специальных дисциплин. Им были разработаны курсы истории Византии, византийского источниковедения, историографии и др. Их подготовка – дело само по себе сложное, требующее обширных знаний и исследовательских навыков – осложнялась состоянием наших книгохранилищ, где отсутствовали многие из вышедших в межвоенные и особенно в послевоенные годы исследований и публикаций источников. Георгий Львович всеми силами старался расширить круг доступной литературы, в частности целыми днями просиживая в библиотеках во время

заграничных командировок и туристических поездок. Они, эти поездки, дали ему также возможность познакомиться с результатами новейших археологических работ в Югославии, Болгарии, Венгрии. Не случайно в вышедшем в 1967 г. первом томе академической “Истории Византии” ему принадлежат основные главы по аграрному строю, городу, ремеслу и торговле, социально-политическому строю и административной организации ранней Византии. Высокий научный авторитет, широта его воззрений, свойственные ему научная требовательность и доброжелательность делали Георгия Львовича участником многих коллективных работ.

Не замыкаясь в кругу специально-византиноведческих дисциплин, Г.Л. Курбатов разрабатывал и общемедиевистические курсы по истории средневекового города и истории культуры. Многие поколения студентов-историков слушали его общий курс истории средних веков. На филологическом факультете он читал курсы по истории средневековой Албании, Болгарии, Югославии, Венгрии. Много труда было им вложено в подготовку лекционного курса для студентов восточного факультета “Запад и Восток в эпоху средневековья”. Столь широкий диапазон отчасти обуславливался производственной необходимостью – тем, что нужно было обеспечивать учебный процесс. Но одновременно это отвечало и стремлению самого Георгия Львовича к широкому историко-сравнительному подходу к явлениям и процессам, наблюдаемым в странах Европы и Ближнего Востока.

Огромный вклад Георгия Львовича в организацию учебно-методической работы на факультете. В течение многих лет он был членом Головного совета по истории при Минвузе России, председателем секции средних веков и по мере сил способствовал поддержанию должного уровня средневековедения в старших университетских центрах и ее становлению во вновь создаваемых университетах. Он являлся членом редколлегий ежегодника “Византийский временник”, издательства “Алетейя” и др., был постоянным ответственным редактором выпускаемого кафедрой научного сборника “Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества”.

Как ученый Г.Л. Курбатов явно выделялся среди коллег своего поколения, столь богатого неординарными личностями. В 27 лет он блестяще защитил кандидатскую диссертацию, созданная на ее основе монография “Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.) (Изд-во ЛГУ, 1962) получила высокую оценку в отечественной и зарубежной историографии. В последующих работах Георгия Львовича особенно ярко проявили себя исследовательское мастерство и широта научных интересов. В 36 лет Г.Л. Курбатов защитил докторскую диссертацию. Старожилы петербургской науки до сих пор помнят интереснейшую дискуссию, сопровождавшую данную защиту (см.: Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Изд-во ЛГУ, 1971).

Он был непревзойденным мастером научного стиля, способного в предельно сжатой, ясной форме выразить смысл сложнейших исторических феноменов. Подлинными эталонами научной мысли стали его “История Византии: Историография” (Л., 1975), занявшая место обязательного историографического справочника в любой византиноведческой библиотеке европейского уровня, и “История Византии. От античности к феодализму” (М., 1984), без которой сегодня немыслимо усвоение византийской проблематики в университетском курсе “Истории средних веков”.

Г.Л. Курбатов, как никто другой, тонко понимал своеобразие византийской ментальности, проникал в трудно постижимую ткань византийской риторики и до известной степени сам владел ее искусством. Образцом анализа византий-

ской социальной психологии стали принадлежащие его перу главы трехтомной "Культуры Византии" (М., 1984–1991), посвященные политической теории, идеологии и общественному сознанию Византии. И в том, что этот фундаментальный труд большого авторского коллектива был удостоен Государственной премии, есть и вклад профессора Г.Л. Курбатова.

Заслуженную популярность у читателей приобрели мастерки написанные им "Ранневизантийские портреты" (Л., 1991). В последние годы жизни Г.Л. Курбатов много работал над подготовкой нового расширенного издания книги. Пожалуй, нет ни одной работы ученого, которая осталась бы незамеченной и не привлекла бы внимания его коллег.

Его всегда отличали незаурядный полемический дар, выдающаяся способность к глубоким концептуальным обобщениям, редкостный талант лектора, слово которого навсегда запечатлевалось в сознании слушателя. Выступления профессора Курбатова, будь то зал международного конгресса, какого-нибудь элитарного симпозиума или простая университетская аудитория, всегда вызывали повышенное внимание, собирали максимальное число слушателей. Ученый был неизменным участником международных, всесоюзных конгрессов, конференций, симпозиумов.

Он много сделал, чтобы привить студентам вкус и интерес к исследовательской работе. Интеллектуальная и душевная щедрость при неприменном сочетании с высокой требовательностью и ответственностью привлекали к Георгию Львовичу самых разных людей. За прошедшие десятилетия Г.Л. Курбатовым в рамках специализации на дневном и вечернем отделениях исторического факультета Санкт-Петербургского университета было подготовлено немало специалистов-византиноведов, ныне успешно работающих в высших учебных заведениях и академических институтах, а также в библиотечках, музеях, архивах. Его ученики способствовали развертыванию византиноведческих студий в целом ряде университетов России. Под руководством Георгия Львовича было защищено 16 кандидатских и 5 докторских диссертаций. Значительный вклад внесен им и в подготовку зарубежных византинистов. Под его руководством писали дипломные работы, готовили диссертации, проходили стажировку исследователи из Польши, Франции, Кубы, Сирии, США. Его кончина – большая утрата для отечественной науки и высшей школы нашей страны.

Светлая память о Георгии Львовиче навсегда останется в сердцах всех знавших его, учившихся у него, испытывавших радость общения с ним.

Коллеги и ученики

СПИСОК ТРУДОВ Г.Л. КУРБАТОВА*

1956

Городские курии и сословия куриалов в ранней Византии (IV–VI вв.). Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата ист. наук. Л. 18 с.
Положение народных масс в Антиохии в IV в. // ВВ. Т. VIII. С. 42–60.

* Список не полон. В него включены далеко не все опубликованные тезисы докладов и сообщений на Международных конгрессах, византиноведческих конференциях, проблемных симпозиумах и статьи в энциклопедиях.

1957

Византиноведение в Ленинграде в 1950–1956 гг. // ВВ. Т. XII. С. 348–353.
Рец. на кн.: Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956 // ВВ. Т. XII. С. 270–284 (в соавторстве с А.А. Зиминим).
Юбилей Л.А. Мацулевича // ВВ. Т. XII. С. 353–354.

1958

Восстание Прокопия (363–366) // ВВ. Т. XIV. С. 3–26.
Классовая сущность учения Иоанна Златоуста // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.; Л. Вып. 11. С. 80–106.

1959

Византия в VI столетии. Л. (рец.: Фрейденберг М.М. // ВВ. Т. XXII. 1963. С. 319–321).

1960

Некоторые проблемы разложения античного полисного строя в восточных провинциях Римской империи IV в. // Вестник ЛГУ. Сер. 2. Вып. 1. С. 47–61.

1961

Скандербег – народный герой Албании. Л. 116 с.
К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия // Византийские очерки. М. С. 64–91.
О работе секции византиноведения и смежных дисциплин на Международном конгрессе востоковедов // ВВ. Т. XX. С. 315–335 (в соавторстве с И.Ф. Фихманом).

1962

Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л. 285 с. (рец.: Сюзюмов М.Я. // ВВ. Т. XXV. 1964. С. 243–249).
Рец. на: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М., 1960 // Вопросы истории. № 3. С. 130–137 (в соавторстве с В.И. Легким, С.Л. Пештичем, Э.Д. Фроловым, А.Л. Шапиро, В.В. Штокмар).
К вопросу о "хулящих Бога" (Βλασφημοῦντες) и восстание 387 г. в Антиохии // Древний мир. Сб. в честь академика В.В. Струве. М. С. 572–578.
Либаний о Фракии // Известия на Института за история БАН. Т. XI. София. С. 151–164.
М.В. Левченко и византиноведение в Ленинградском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 1. Л. С. 72–80.
Термин "δῆμος" у Либания и вопрос о происхождении византийских димов // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М. С. 504–511.

1964

Рабы и проблема рабства в произведениях Либания // ВДИ. № 2. С. 92–106.

1965

К вопросу о корпорации хлебопеков в Антиохии IV в. // ВДИ. № 1. С. 141–154.
Разложение рабовладельческих отношений и проблемы внутреннего развития византийского города // Вестник ЛГУ. Вып. 2. С. 62–72.

1966

Ранневизантийский город IV–VI вв. (Антиохия и основные проблемы внутреннего развития города). Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора наук. Л. 39 с.

1967

- Образование Византии. Территория, природные условия и население // История Византии: Т. I–III. М. Т. I. С. 66–75.
- Аграрный строй Византии в IV–V вв. // История Византии: Т. I–III. М. Т. I. С. 76–100 (в соавторстве с И.Ф. Фихманом).
- Города, ремесло и торговля в Византии IV–V вв. Константинополь и провинции // История Византии: Т. I–III. М. Т. I. С. 101–128.
- Социально-политический строй и административная организация империи в IV–V вв. // История Византии: Т. I–III. М. Т. I. С. 129–143.
- Ἀραβία и ἀραβιοί в произведениях антиохийского ритора IV в. // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М. С. 67–73.

1969

- Византиноведение в Петербургском-Ленинградском университете // Вестник ЛГУ. Сер. 2. Вып. 4. С. 130–136.
- В.Г. Васильевский и начало византиноведения в Петербургском университете // Проблемы отечественной и всеобщей истории. М. С. 133–152.
- Зилоты и чомпи // ВВ. Т. 30. С. 3–37 (в соавторстве с В.И. Рутенбургом).
- Рец. на: Античная древность и средние века. Сборники статей по истории Древнего мира и средних веков кафедры всеобщей истории Уральского гос. университета им. А.М. Горького. Вып. 1–5. Свердловск, 1960–1966 // ВВ. Т. 30. С. 243–247 (в соавторстве с В.И. Рутенбургом).

1971

- Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. (Конец античного города в Византии). Л. 220 с.
- Из истории возникновения отечественной школы научного византиноведения. Г.С. Дестунис (1818–1895) // ПС. Вып. 23. С. 179–191.
- Из истории научных связей русской византистики (В.Г. Васильевский в Германии) // ВВ. Т. 31. С. 79–83.
- Из истории зарождения научных связей русской и румынской византистики // Actes du XIVème Congrès International des Etudes Byzantines (Bucureşti, 6–12 Sept. 1971). Bucureşti, Vol. III. P. 633–637.

1973

- Разложение античной городской собственности в Византии IV–VII вв. // ВВ. Т. 35. С. 19–32.
- Рец. на: Кекавмен. Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. / Подготовка текста и перевод Г.Г. Литаврина. М., 1972 // ВИ. № 11. С. 158–161.
- Либаний об Иране // Античная древность и средние века. Свердловск. Вып. 10. С. 88–89.

1974

- К проблеме типологии городских движений в Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л. Вып. 1. С. 44–61.
- К вопросу о характере балканского города IV–V вв. // Средневековый город. Саратов. Вып. 2. С. 46–52 (в соавторстве с Г.Е. Лебедевой).
- Замечательный ученый и педагог. 100-летие со дня рождения О.А. Добиаш-Рождественской // Ленинградский университет. 11 окт.
- Отв. ред.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Межвуз. сб. ЛГУ. Вып. 1. 147 с.

1975

- История Византии. Библиография. Л. 256 с. (рец: Литаврин Г.Г. // ВИ. 1977. № 2. С. 174–177; рец.: Карпов С.П. // ВВ. Т. 39. С. 232–236; рец.: Наумов Е.П. Развитие историографии славянских стран и история византиноведения // Советское славяноведение. 1978. № 4. С. 105–107.
- Межвузовские сборники университетов РСФСР // ВИ. № 4. С. 139–141 (в соавторстве с В.В. Мавродиным и В.А. Петровой).
- Традиции университетской школы медиевистики // Ленинградский университет. 26 сент.
- Отв. ред. кн.: Якубский В.А. Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши. Л. 118 с.
- Еще раз о византийских димах и новой теории А. Кэмирон // Средневековый город. Саратов. Вып. 3. С. 3–21.

1976

- 100 лет византиноведения в ЛГУ // Очерки истории Ленинградского университета. Л. Вып. III. С. 26–54 (в соавторстве с Г.Е. Лебедевой и Л.В. Исаковой).
- Нина Викторовна Пигулевская // Пигулевская Н.В. Ближний Восток, Византия, славяне. Л. С. 10–50 (в соавторстве с А.Г. Лундиным, А.В. Пайковой, К.Б. Старковой).
- Διμοκρατία в политической жизни византийского общества и города // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 3. С. 173–178.
- Рец. на: Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974. 351 с. // ВВ. Т. 37. С. 258–262.

1978

- Межвузовская конференция по проблемам античного и раннесредневекового города // Средневековый город. Саратов. Вып. 5. С. 181–188.
- К проблеме рабства в ранней Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Межвуз. сб. Л. Вып. 2. С. 3–11.
- Отв. ред.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Межвуз. сб. Л. Вып. 2. 143 с.
- Рец. на: Dagron G. Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974. 578 p. // Byzantinoslavica. Prague. T. XXXIX. N 1. P. 44–49.

1980

- К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Межвуз. сб. Л. Вып. 3. С. 3–21.
- Отв. ред.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Межвуз. сб. Л. Вып. 3. 140 с.
- Отв. ред.: Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л. 166 с.

1981

- К проблеме типологии византийского общества // Средневековый город. Саратов. Вып. 6. С. 19–31.
- К 70-летию члена-корреспондента АН СССР В.И. Рутенбурга // Средние века. М. Вып. 44. С. 28–36 (в соавторстве с А.Д. Роловой).
- Рец. на: Социальная природа средневекового бюргерства XIII–XVII вв. М., 1979. 239 с. // Средние века. М. Вып. 44. С. 273–276 (в соавторстве с В.В. Штокмар).

1982

Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Город и государство в древних обществах. Л. С. 56–77 (в соавторстве с Г.Е. Лебедевой).

1983

Рец. на: Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XII–XV вв. М., 1981. 229 с. // Средние века. М. Вып. 46. С. 352–356.

1984

История Византии. От античности к феодализму. М. 207 с.
Византия: Проблемы перехода от античности к феодализму. Л. 97 с. (в соавторстве с Г.Е. Лебедевой).

Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии. IV – первая половина VII в. М. С. 98–118.

Риторика // Культура Византии. IV – первая половина VII в. М. С. 331–357.

Византийский город в раннефеодальную эпоху и некоторые вопросы своеобразия социальной структуры и идеологии средневекового общества // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л. Вып. 4. С. 37–56.

Кафедра истории средних веков // Вопросы исторической науки. Л. (в соавторстве с В.И. Рутенбургом).

Рец. на: Алексидзе А.Д. Мир греческого рыцарского романа (VIII–XIV вв.). Тбилиси, 1979 // Литературная Грузия. № 4. С. 187–192.

Отв. ред.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Межвуз. сб. Л. Вып. 4. 163 с.

1985

Проблемы византийского города и некоторые основные вопросы развития Византии в современной историографии // Изучение и преподавание историографии в высшей школе. Петрозаводск. С. 53–58.

1986

Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л. С. 100–176 (в соавторстве с Г.Е. Лебедевой).

Памяти В.В. Штокмар // Средние века. М. Вып. 49. С. 330–331.

Рец. на: Проблемы византийской истории на страницах сборника “Античная древность и средние века”. Свердловск. 1960–1984. Вып. 1–20 // ВВ. Т. 47. С. 222–234 (в соавторстве с Е.П. Глушаниным).

Отв. ред.: Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Межвуз. сб. Л. 190 с.

Отв. ред.: Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство. Л. 335 с.

1987

О некоторых современных зарубежных концепциях истории Византии // Критика концепции современной буржуазной историографии. Л. С. 10–23 (в соавторстве с Л.Н. Заливаловой).

От позднеантичного к раннесредневековому городу в Византии (некоторые сопоставления) // Средневековый город. Саратов. Вып. 8. С. 27–37.

Отв. ред.: Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Межвуз. сб. Л. 187 с.

1988

Византийская церковь IV–XII вв. // Христианство: античность, Византия, Древняя Русь. Л. С. 107–188 (в соавторстве с И.Я. Фрояновым и Э.Д. Фроловым).

Византия и Русь в IX–X вв. (Некоторые аспекты социально-экономических отношений) // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л. С. 215–231.

К вопросу о социальной структуре византийского общества VIII–IX вв. // Классы и сословия средневекового общества. М. С. 5–12.

1989

Рец. на: Чекалова А.А. Константинополь в VI в. Восстание Ника. М., 1986. 174 с. // ВВ. Т. 50. С. 192–194.

1991

Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли в Византии. Л. 272 с. (рец.: Чекалова А.А. // ВВ. 1998. Т. 55. Ч. 2. С. 240–244).

Византия во второй половине XIII – середине XV в. // Культура Византии XIII – середина XV в. М. С. 202–223.

Отв. ред.: Из истории Византии и византиноведения. Межвуз. сб. Л. 160 с.

Отв. ред.: Европа на этапе от классического средневековья к новому времени. Сб. науч. трудов. Тюменский гос. университет. Тюмень. 94 с.

1993

Судьбы ранневизантийского города и кризис VII в. в Византии. Ч. 1 // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 4. С. 3–11.

1994

Судьбы ранневизантийского города и кризис VII в. в Византии. Ч. 2 // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 1. С. 25–36.

К вопросу о судьбах византийского города в VII в.: Некоторые замечания // ВВ. Т. 55 (80). Ч. 1. С. 69–74.

К проблеме византийского города в отечественной византистике конца XIX – начала XX в. // Российское византиноведение. Итоги и перспективы. Тезисы докладов и сообщений на Международной конференции, посвященной 100-летию Византийского временника и 100-летию Русского археологического института в Константинополе (Санкт-Петербург, 24–26 мая 1994). М. С. 70–72.

1996

Традиции и новации в истории Византии в русской и зарубежной современной византистике // Средневековая и новая Россия. Сб. науч. статей. К 60-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб. С. 76–86.

Некоторые вопросы истории византийской церкви в освещении современной историографии // Феномен истории. К 70-летию В.Л. Керова. М. С. 46–59 (в соавторстве с Г.Е. Лебедевой).

Н.В. Пигулевская: Штрихи к портрету и научной биографии // Россия и арабский мир. Научные и культурные связи. СПб. Вып. 2. С. 87–92.

1997

Предисловие // Рудаков Д.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб. С. 5–22 (в соавторстве с Г.Е. Лебедевой).

1999

Христианская церковь в Византии // Очерки истории христианской церкви в Европе (античность, средние века, Реформация) / Под ред. Ю.Е. Ивонина. Смоленск. С. 45–67.

2001

Ранняя Византия IV–VII вв. – позднеантичное общество? // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 2. С. 3–20.

ПАМЯТИ ЯКОВА НИКОЛАЕВИЧА ЛЮБАРСКОГО

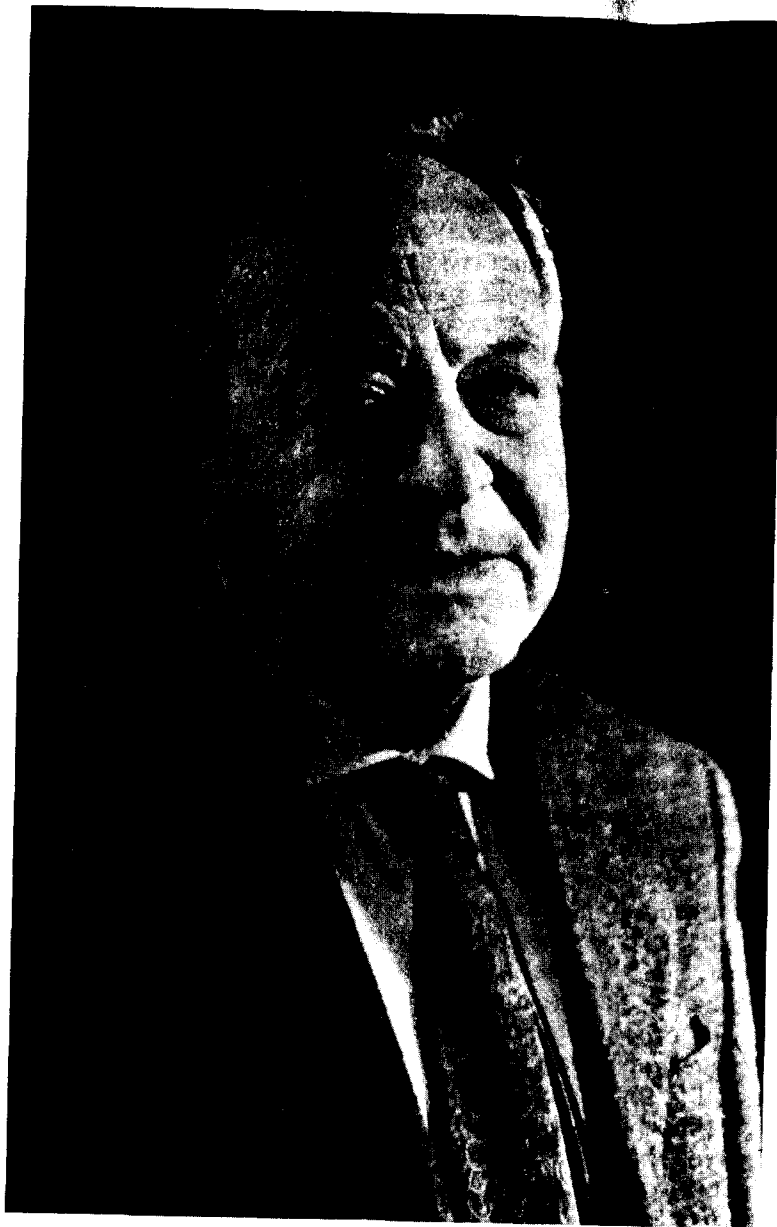
30 ноября 2001 г. ушел из жизни один из крупнейших отечественных византистов Яков Николаевич Любарский.

Яков Николаевич родился 7 июля 1929 г. в Киеве. Закончив классическое отделение ЛГУ, он на десять лет, с 1955 по 1965 г., очутился в Великих Луках. В тамошнем педагогическом институте трудилось тогда немало ученых, изгнанных из столиц по причине государственного антисемитизма. В Великих Луках познакомился Любарский и с Александром Петровичем Кажданом, заброшенным туда из Москвы. Так началась дружба, сохранившаяся на всю жизнь. Именно Каждан, по словам Якова Николаевича, “почти силком, во время велосипедных прогулок, затащил” его в византиноведение. Идея заняться “Алексиадой” также была подсказана Кажданом.

После защиты кандидатской диссертации и опубликования в 1965 г. перевода Анны Комнины с фундированным, до сих пор не утратившим научной ценности комментарием (книга была переиздана в 1996 г.), Яков Николаевич сумел, наконец, перебраться в Ленинград. Он был принят на работу сначала в Морское училище, а потом в Сельскохозяйственный институт, где и прослужил потом почти двадцать лет, до самой пенсии. Таким образом, научная работа всегда оставалась для Любарского занятием в свободное время. Сегодня, когда мы любим сетовать, что при новых условиях жизни необходимость зарабатывать деньги отвлекает от науки, нам почаще следует вспоминать пример Любарского. Именно “на досуге”, для собственного удовольствия, не обязанный никому ни листажом, ни отчетностью, он опубликовал за свои “сельскохозяйственные” годы шестьдесят научных работ высочайшего качества, в том числе замечательную монографию “Михаил Пселл. Личность и творчество” (1978, переиздана в 2001 г.; уже закончен ее греческий перевод) и защитил докторскую диссертацию.

Лишь в 1980-х годах в связи с политическими переменами Любарский начал на “почасовой” основе преподавать в ЛГУ и только на пороге своего 60-летия сделался, наконец, “выездным”, а в последнее десятилетие стал профессором Петербургского университета и получил возможность читать византиноведческие курсы на филологическом факультете. Однако в мировую науку он вошел давно и прочно. Работы Якова Николаевича про византийскую историографию, в которых он последовательно проводит идею о художественной природе средневековой греческой литературы, снискали ему заслуженную известность. В этой связи особенно показательна та международная дискуссия о “нарративных структурах”, которую на базе теории Любарского организовал в 1998 г. норвежский журнал *Symbolae Osloenses*. Яков Николаевич обладал удивительным чувством слова и был великолепным переводчиком; под его пером Анна Комнина, Михаил Пселл и Продолжатель Феофана заговорили по-русски так, будто никогда никакого другого языка и не знали.

Яков Николаевич продолжал активно работать до конца своих дней – об этом наглядно свидетельствует помещаемый ниже список его публикаций за последние пять лет (библиография трудов Любарского до 1998 г., общим числом 128, напечатана в сборнике его статей “Византийские историки и писатели”, вышедшем в 1999 г.). Он был человеком беспримерного мужества и

жизнелюбия: никому не жалуясь, никогда не вставая на котурны, он сохранял, вопреки тяжелым болезням и наступающей слепоте, изумительное чувство юмора, ненасытную любознательность и поистине юношескую открытость миру. Именно таким Яков Николаевич и запомнится своим друзьям и коллегам.

С.А. Иванов

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ Я.Н. ЛЮБАРСКОГО (1999–2003 гг.)

- Рец.: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси. СПб., 1996 // ВВ. 1999. 92. 2.
- Рец.: *Genesios...* Translation and Commentary by A. Kaldellis. Canberra, 1998 // BZ. 2000. 93. 1.
- John Kinnamos as a Writer* // Festschrift für Peter Schreiner. Byzantisches Archiv. 2000. 19.
- Der byzantinische Roman in der Sicht der russischen Byzantinistik* // Meletemata. 2000. 8.
- El relato con argumento en las crónicas bizantinas (presentación del problema)* // Erytheia. 2000. 21.
- Рец.: *La Vie d'Étien le Jeune par Étien le Diacre.* Introduction, édition et traduction M.-F. Auzepy // ВВ. 2001. Т. 60.
- Житие Андрея Юродивого* / Под ред. Я.Н. Любарского. СПб., 2001.
- Михаил Пселл. Личность и творчество. К истории византийского предгуманизма.* Издание второе, исправленное и дополненное // Две книги о Михаиле Пселле. СПб., 2001.
- Безобразов П.В.* Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл / Под ред. Я.Н. Любарского // Две книги о Михаиле Пселле. СПб., 2001.
- О П.В. Безобразове и его книге о Михаиле Пселле* // Две книги о Михаиле Пселле. СПб., 2001.
- Михаил Пселл в византийской литературе последнего двадцатилетия* // Московия. 2001. 1.
- Michael Psellos in the History of Byzantine Literature: Some Modern Approaches* // Pour une "nouvelle" histoire de la littérature byzantine. P., 2002.
- Каждан А.П.* История византийской литературы (650–850 гг.) / Под ред. Я.Н. Любарского. СПб., 2002.
- Об авторе и истории создания этой книги* // *Каждан А.П.* История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002.
- Вместо предисловия* // *Каждан А.П.* Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002.
- И вновь о Хониате и Киннаме* // АДСВ. 2002. 23.
- Александр Каждан – историк византийской литературы* // Мир Александра Каждана. М., 2003.
- Михаил Пселл. Хронография. Краткая история* / Перевод, вступит. статья и комментарий Я.Н. Любарского. СПб., 2003.
- The Byzantine Irony: The Case of Michael Psellos* // Byzantium. State and Society. In Memory of N. Oikonomides. Athens, 2003.
- How Should the Byzantine Text Be Read?* // Rhetoric in Byzantium. Oxford, 2003.
- "Мой" Александр Зайцев* // Античный мир и мы. 2003.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века
 БАН – Библиотека Академии наук
 ВИ – Вопросы истории
 ВО – Византийское обозрение
 ВИД – Вестник древней истории
 ЗНОИРАО – Записки Нумизматического отделения Императорского русского археологического общества
 ЗРВИ – Сборник Радова Византологического института. Београд
 ИАК – Известия Императорской археологической комиссии
 ИИМК АН УССР – Институт истории материальной культуры АН УССР
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН (С.-Петербург)
 ИПБ – Императорская публичная библиотека
 ИРАИК – Известия Русского археологического института в Константинополе
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 НЗСК – Национальный заповедник "София Киевская"
 ОР – Отдел рукописей
 ПС – Палестинский сборник
 РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
 РНБ – Российская национальная библиотека
 СА – Советская археология
 СВ – Средние века
 СОЛЯС – Сборник Отдела русского языка и словесности АН
 СЭ – Советская этнография
 ТКДА – Труды Императорской киевской духовной академии
 ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
 AntTard – Antiquité tardive
 АП – Ἀρχαῖον Πόντου. Ἀθήναι
 Byz. – Byzantion
 BZ – Byzantinische Zeitschrift
 CIAC – Congrès international d'Archéologie Chrétienne // Congressus internationalis archaeologiae christianae
 CJ – The Classical Journal. Classical Association of the Middle West and South-Charlottesville
 Corso – Corso di cultura sull'arte ravennate e bizantina
 DOP – Dumbarton Oaks Papers
 DSAM – Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique. P.
 ЕЕВЗ – Ἑλληνικὴ Ἐταιρεία Βυζαντινῶν Σπουδῶν. Ἀθήναι
 ΕΟ – Échos d'Orient
 GRBS – Greek, Roman and Byzantine Studies
 JAOS – Journal of the American Oriental Society. New York – New Haven
 JJP – Journal of Juristic Papyrology
 JÖB – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien
 LThK I-X – Lexikon für Theologie und Kirche. Bd. I-X. Freiburg i Br., 1957–1967
 MChA – Mitteilungen zur Christlichen Archäologie
 OCP – Orientalia Christiana Periodica
 ODB I-III – The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. I-III. Now York. – Oxford, 1991
 PG – Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J.-P. Migne. P.
 PL – Patrologiae cursus completus. Series. Latina / Ed. J.-P. Migne. P.

PLP

RAC
 RBK
 RÉB
 REC
 RESEEE
 RhM
 SB BAW
 SBS
 TIB
 TLG
 TM

Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1976–1995.

- *Revue de Archeologia Christiana*
 – *Reallexikon zur Byzantinische Kunst*
 – *Revue des Études Byzantines*. P.
 – *Revue des Études Grecques*
 – *Revue des Études sud-est européennes*
 – *Rheinisches Museum für Philologie*. Frankfurt a. M.
 – *Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften*
 – *Studies in Byzantine Sigillography*
 – *Tabula Imperii Byzantini*
 – *Thesaurus Linguae Graecae*
 – *Travaux et Mémoires*. P.

Научное издание

Византийский временник

BYZANTINA XRONIKA

Том 63(88)

Утверждено к печати
Ученым советом Института всеобщей истории
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Н.В. Барина*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *М.К. Зарайская*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая, Т.И. Шеновалова*

Подписано к печати 21.06.2004. Формат 70 × 100¹/₁₆
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 28,0 + 1,3 вкл. Усл.кр.-отт. 29,6. Уч.-изд.л. 33,4
Тираж 650 экз. Тип. зак. 360.

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12